ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ УЧЕБНАГО ОТДѢЛА

О. Р. Т. З.

Редакція А. К. ДЖИВЕЛЕГОВА, С. П. МЕЛЬГУНОВА, В. И. ПИЧЕТА.

1812 - 1912

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

Рис. Курдюмов. 911.

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНІЕ.

Томъ VII.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

В. П. Алексѣевъ, ген. А. Н. Апухтинъ, П. А. Берлинъ, В. Я. Богучарскій, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, прив.-доц. В. А. Бутенко, прив.-доц. Н. П. Василенко, А. М. Васютинскій, полк. Н. П. Вишняковъ, К. А. Военскій, В. П. Волгинъ, Л. И. Гальберштадтъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, А. К. Дживелеговъ, проф. М. В. Довнаръ - Запольскій, Д. А. Жариновъ, проф. И. И. Замотинъ, И. Н. Игнатовъ, А. К. Кабановъ, В. В. Каллашъ, проф. Н. И. Карѣевъ, И. М. Катаевъ, прив.-доц. М. В. Клочковъ, С. А. Князьковъ, подполк. А. А. Кожевниковъ, Л. С. Козловскій, П. Н. Колокольниковъ, проф. ген. Б. М. Колюбакинъ, проф. бар. С. А. Корфъ, К. С. Кузьминскій, прив.-доц. І. М. Кулишеръ, С. Г. Лозинскій, проф. И. В. Лучицкій, проф. полк. А. С. Лыкошинъ, проф. М. К. Любавскій, С. П. Мельгуновъ, Н. М. Мендельсонъ, проф. ген. Н. П. Михневичъ, В. Н. Перцовъ, В. И. Пичета, проф. А. Л. Погодинъ, проф. М. А. Рейснеръ, проф. М. Н. Розановъ, кап. А. А. Рябининъ, И. С. Рябининъ, В. И. Семевскій, К. В. Сивковъ, Н. П. Сидоровъ, проф. Е. В. Тарле, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, В. Я. Улановъ, В. В. Филатовъ, И. М. Херасковъ, проф. Е. Н. Щепкинъ, подполк. В. П. Ѳедоровъ и др.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1912.

Оглавленіе VII тома.

Ликвидація революціи.

Россія послѣ 1812 года.

Наполеонъ и 1812 г. въ исторической наукѣ.

Перечень рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ въ VII т.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ виду желательности, чтобы иллюстрація болѣе или менѣе непосредственно соотвѣтствовала тексту(насколько это возможно по техническимъ условіямъ), редакція считаетъ необходимымъ указать на нѣкоторое несоотвѣтствіе въ рисункахъ, вкравшееся по ошибкѣ въ статью „Правительство и общество послѣ войны“: рис. на стр. 181, 183, 185, 187 предположены были для отдѣла „Начало либерализма“ (стр. 195—198); рис. на стр. 197 долженъ быть отнесенъ къ отдѣлу „Мистицизмъ“; рис. на стр. 203, 205, 207, 208—къ отдѣлу „Военныя поселенія“; рис. на стр. 211, 213, 215, 117, 219, 223—къ отдѣлу „Реакція“.

Въ отдѣлѣ исторіографическомъ помѣщены портреты лицъ, часто не упоминаемыхъ въ текстѣ,—это нѣсколько французскихъ мемуаристовъ, писавшихъ о 1812 г., и русскихъ современниковъ, оставившихъ свои воспоминанія.

„Гордыхъ поражаетъ, а смиренныхъ осѣняетъ". (Альб. Львова).

ЛИКВИДАЦІЯ РЕВОЛЮЦІИ.

I. Вѣнскій конгрессъ.

Прив.-доц. В. А. Бутенко.

Европейская коалиція 1813—1814 гг., добиваясь полной побѣды надъ Франціей и низверженія Наполеона съ престола, все время старалась поддерживать фикцію, что она ведетъ борьбу не съ Франціей, къ которой она, наоборотъ, относится вполнѣ дружественно, а съ однимъ Наполеономъ.

Причина этого заключалась въ томъ, что союзники далеко не были увѣрены въ своей побѣдѣ. Зная, насколько утомлено французское общество и истощена вся страна безпрерывными войнами, сильныя державы хотѣли такимъ образомъ отдѣлить дѣло Наполеона отъ дѣла Франціи,

показать французамъ, въ какую пропасть ихъ ведетъ честолюбіе ихъ императора, усилить внутреннюю оппозицію противъ Наполеона и облегчить себѣ побѣду. Вотъ почему въ совмѣстной деклараціи изъ Франкфурта 4 декабря 1813 г. они прямо заявляли, что «ведутъ войну не съ Франціей, а съ тѣмъ преобладаніемъ, которымъ императоръ Наполеонъ на несчастье Европы и Франціи такъ долго пользовался за предѣлами своей имперіи», и что «желаютъ, чтобы Франція была велика, сильна и счастлива».

Ту же мысль выражала ихъ прокламація, опубликованная послѣ капитуляціи Парижа 31 марта 1814 г., говоря, что если требованія, которыя державы ставили Наполеону, были направлены къ обузданію его честолюбія, то при новомъ правительствѣ Франція получитъ болѣе благопріятныя условія мира.

Если бы заявленія союзныхъ монарховъ были вполнѣ искренни, и если бы побѣдоносная коалиція послѣ побѣды надъ Наполеономъ думала только о томъ, чтобы возстановить нарушенную имъ справедливость и удовлетворить законныя желанія народовъ Европы, то положеніе, въ которомъ они находились, какъ нельзя болѣе могло благопріятствовать такому плану.

Послѣ безпрерывныхъ перемѣнъ, которымъ подвергалъ Наполеонъ карту Европы за время своего владычества, не осталось ни одного государства, не измѣнившаго своихъ границъ. Карту Европы какъ бы приходилось создавать заново, и представлялся случай произвести эту работу въ интересахъ всѣхъ народовъ Европы. Французское владычество возбудило въ порабощенныхъ народахъ стремленіе къ свободѣ и національной независимости, и только благодаря союзу народовъ и государей удалось побѣдить Францію.

Казалось, послѣ торжества коалиціи надъ Наполеономъ, когда, какъ любили выражаться представители этой коалиціи, палъ «всемірный угнетатель» и въ Европѣ больше не было ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, монархамъ особенно легко было организовать Европу на началахъ справедливости и равновѣсія, разумной свободы и національнаго самоопредѣленія, и общеевропейскій конгрессъ въ Вѣнѣ, который монархи обѣщали созвать въ ближайшемъ будущемъ для окончательнаго умиротворенія Европы, могъ прекрасно выполнить эту задачу.

Но союзныя правительства, къ сожалѣнію, были очень далеки отъ такого пониманія своей задачи. Ихъ союзъ былъ направленъ на самомъ дѣлѣ не противъ одного Наполеона, а противъ Франціи вообще, и преслѣдовалъ цѣль замѣнить французскую диктатуру въ Европѣ диктатурой четырехъ союзныхъ державъ. Ихъ задача была отобрать у Франціи все то, что было завоевано ею со времени революціи, подѣлить между собой наиболѣе выгоднымъ способомъ богатую добычу въ 32 милліона подданныхъ и создать на границѣ Франціи, возвращенной къ своимъ старымъ предѣламъ, своего рода военный кордонъ изъ достаточно сильныхъ государствъ. Они громко заявляли, что ведутъ борьбу съ Наполеономъ во имя попранной имъ національной независимости, но на дѣлѣ обнаруживали къ принципу національностей ничуть не болѣе уваженія, чѣмъ самъ Наполеонъ. Они руководствовались въ своей работѣ только соображеніями о размѣрахъ той или другой территоріи и о числѣ душъ, ее населяющихъ, и совер-

шенно игнорировали вопросъ объ историческихъ правахъ и національныхъ стремленіяхъ населенія.

Раздѣлъ добычи, отнятой отъ Наполеона, начался даже раньше окончательной побѣды надъ нимъ. Когда обнаружилась невозможность соглашенія съ Наполеономъ, котораго, впрочемъ, союзники никогда искренно не желали, 1 марта 1814 г. представители Россіи, Австріи, Пруссіи и Англіи подписали въ Шомонѣ союзный договоръ, опредѣлившій въ основныхъ чертахъ ихъ политику на ближайшіе годы и бывшій прообразомъ будущаго Священнаго союза. Державы объявляли своей цѣлью «укрѣпить существующую между ними связь... обезпечить спокойствіе Европы возстановленіемъ справедливаго равновѣсія и поддерживать затѣмъ противъ всякихъ покушеній порядокъ вещей, который явится результатами ихъ усилій». Они соглашались выставить противъ Франціи каждая 150-тысячную армію и не вступать съ ней въ переговоры иначе, какъ всѣ вмѣстѣ.

Вѣсти изъ-подъ Ватерлоо (Вильки).

По окончаніи войны Франція возвращается къ границамъ 1792 г. Изъ Бельгіи и Голландіи образуется новое королевство, — Нидерланды подъ властью бывшаго штатгальтера Голландіи Вильгельма Оранскаго. Германія превращается въ независимую конфедерацію. Италія дѣлится на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ, при чемъ сѣверовосточная ея часть отходитъ къ Австріи. Англія сохраняетъ Іоническіе острова, о. Мальту и захваченныя ею во время войны колоніи. Испанія возвращается подъ власть Фердинанда VII.

Когда взятіе Парижа рѣшило судьбу Наполеона, и во Франціи произошла реставрація Бурбоновъ, наступилъ моментъ осуществить планъ, составленный въ Шомонѣ. 23 апрѣля братъ Людовика XVIII графъ д'Артуа (будущій Карлъ X), управлявшій временно Франціей до его пріѣзда въ качествѣ намѣстника, подписалъ предварительныя условія мира, согла-

сившись на всѣ требованія союзниковъ. Несмотря на присутствіе во Франціи союзныхъ армій, въ рукахъ французовъ за предѣлами собственной Франціи оставалось еще 53 крѣпости, занятыя французскими гарнизонами. Нѣкоторыя изъ нихъ (напр., Гамбургъ, Антверпенъ, Мантуя) представляли собой важныя стратегическія позиціи. Они снабжены были большой артиллеріей, прекрасно укрѣплены и имѣли громадные запасы. Приморскія крѣпости имѣли, кромѣ того, въ своемъ распоряженіи флотъ.

Графъ д'Артуа, торопившійся во что бы то ни стало заключить миръ и не понимавшій послѣднихъ выгодъ положенія Франціи, однимъ почеркомъ пера рѣшилъ судьбу этихъ крѣпостей и согласился на немедленное освобожденіе ихъ французскими гарнизонами безъ всякаго вознагражденія. Франція потеряла такимъ образомъ свои послѣдніе козыри и не могла сопротивляться требованіямъ союзниковъ. Поэтому окончательный мирный трактатъ, подписанный въ Парижѣ 30 мая, былъ точнымъ осуществленіемъ условій шомонскаго договора.

Трактатъ 30 мая былъ подписанъ кромѣ Франціи и 4 великихъ державъ, находившихся противъ нея въ союзѣ, Швеціей, Испаніей и Португаліей (въ Испаніи и Португаліи къ этому времени уже произошло возстановленіе старыхъ династій). Всѣ державы, участвовавшія въ договорѣ, обѣщали черезъ 2 мѣсяца прислать своихъ уполномоченныхъ на конгрессъ въ Вѣну для того, чтобы рѣшить судьбу территорій, отъ притязаній на которыя отказывалась Франція, «на основаніяхъ, выработанныхъ державами, находящимися другъ съ другомъ въ союзѣ». Не допустить прямо на будущій конгрессъ представителей Франціи союзники не могли вслѣдствіе принятой ими фикціи, что они ведутъ войну не съ Франціей, а съ Наполеономъ. Но зато они принимали мѣры, чтобы обезвредить французское вліяніе и рѣшить судьбу Европы безъ французскаго вмѣшательства.

Настоящій смыслъ международнаго положенія еще болѣе опредѣлился, когда императоры Александръ I, и Францъ I, и король Фридрихъ-Вильгельмъ III по заключеніи мира совершили поѣздку въ Англію и возобновили въ Лондонѣ съ англійскимъ принцемъ-регентомъ (будущимъ Георгомъ IV, управлявшимъ вмѣсто своего больного отца Георга III) 29 іюня союзный договоръ, заключенный въ Шомонѣ противъ Франціи.

Вслѣдъ за тѣмъ Англія взяла съ Испаніи обязательство не вступать въ союзъ съ Франціей. Одновременно 4 державы передали окончательно въ руки принца Оранскаго вновь образованное Нидерландское королевство и въ благодарность за помощь, которую имъ оказала Швеція въ борьбѣ съ Франціей, согласились на отобраніе отъ Даніи и передачу Швеціи Норвегіи, только что занятой шведскими войсками.

Къ моменту открытія Вѣнскаго конгресса судьба Европы всецѣло находилась въ рукахъ четверного союза, и четыре великія державы могли бы произвести раздачи добычи, полученной отъ побѣжденной Франціи, по своему усмотрѣнію, если бы онѣ сохранили между собой ту же солидарность, съ какой онѣ дѣйствовали во время войны. Но когда дѣло дошло до раздѣла, скоро обнаружилась полная невозможность примирить между собой ихъ противорѣчивые интересы. Главнымъ вопросомъ, изъ-за котораго разошлись союзники, былъ вопросъ о будущей судьбѣ Польши и Саксоніи.

Русскій императоръ Александръ I считалъ себя въ правѣ получить вознагражденіе за принесенныя имъ жертвы. Единственная награда, которой онъ требовалъ, должна была состоять въ исправленіи ошибки, сдѣланной, по его мнѣнію, его бабкой Екатериной II по отношенію къ Польшѣ. Онъ хотѣлъ соединить подъ своей властью всѣ польскія земли, образовать изъ нихъ слабое государство, соединенное съ Россіей только личной уніей, и ввести въ немъ конституціонное устройство. Такое рѣшеніе польскаго вопроса казалось ему тѣмъ болѣе легкимъ, что его войска занимали великое герцогство Варшавское, обнимавшее собой почти всю польскую территорію, не вошедшую въ составъ Россіи по польскимъ раздѣламъ конца XVIII в. Но для того, чтобы осуществить свой планъ, Александръ I долженъ былъ позаботиться о соотвѣтственномъ вознагражденіи своего вѣрнаго союзника Фридриха-Вильгельма III, которому раньше принадлежала большая часть земель, образовавшихъ собой великое герцогство Варшавское. Сильно разсерженный противъ Фридриха-Августа I, короля саксонскаго и великаго герцога варшавскаго, за то, что онъ до послѣдняго момента остался вѣренъ Наполеону, Александръ I считалъ вполнѣ справедливымъ вовсе лишить его престола и передать его саксонскія владѣнія Пруссіи въ вознагражденіе за польскія земли, которыя отойдутъ къ Россіи. Фридрихъ-Вильгельмъ III, разсчитывая, кромѣ того, получить значительную территорію на Рейнѣ, пограничную съ Франціей, ничего не имѣлъ противъ комбинаціи, предложенной Александромъ I, такъ какъ благодаря ей Пруссія, какъ держава на $^2/_3$ славянская, становилась державой чисто нѣмецкой въ противоположность своей постоянной соперницѣ къ Германіи — Австріи, и могла надѣяться на объединеніе Германіи подъ своей властью.

Таллейранъ. (Scheffer).

Поэтому Пруссія была не прочь поддерживать планы Александра I. Что касается Австріи, то Александръ I готовъ былъ согласиться на расширеніе ея власти въ Италіи въ вознагражденіе за уступку въ его пользу Галиціи.

Но если такимъ образомъ Россія и Пруссія попрежнему оставались объединенными не только личной дружбой своихъ монарховъ, но и солидарностью своихъ интересовъ, то совсѣмъ не таково было отношеніе къ этимъ вопросамъ Англіи и Австріи. Традиціонной политикой Англіи было соперничество съ Франціей и Россіей. Поэтому англійское правительство ничего не имѣло противъ значительнаго усиленія Пруссіи и присоединенія къ ней всей Саксоніи, такъ какъ это создало бы новый противовѣсъ Франціи. Но оно ни за что не хотѣло допустить усиленія Россіи и при-

соединенія къ ней Польши, такъ какъ боялась активной политики Александра I въ восточномъ вопросѣ.

На этомъ же основаніи не желала усиленія Россіи и Австрія. Но еще менѣе она могла допустить присоединеніе Саксоніи къ Пруссіи: это сдѣлало бы Пруссію ея непосредственной сосѣдкой и преобладающей державой въ Германіи.

Въ то же время Меттернихъ носился съ планами захвата въ пользу Австріи большей части Италіи. Онъ не поколебался даже вступить въ союзъ съ королемъ Неаполя Мюратомъ и гарантировать за нимъ за его измѣну Наполеону его престолъ, чтобы согласиться съ нимъ о раздѣлѣ между Австріей и Неаполемъ бо̀льшей части бывшей Папской области. Раздѣливъ остальныя итальянскія земли между нѣсколькими мелкими государями, онъ проектировалъ устроить изъ Италіи федерацію подъ протекторатомъ Австріи. А добыть согласіе на это со стороны Россіи и Пруссіи онъ могъ только подъ условіемъ представленія имъ полной свободы дѣйствій въ Польшѣ и Саксоніи.

Такимъ образомъ между союзниками существовали серьезныя разногласія. Будущій конгрессъ былъ поэтому отложенъ сначала до 1 сентября, потомъ до 1 октября 1814 г. въ надеждѣ, что за это время державы достигнутъ между собою соглашенія.

Союзъ 4 державъ изолировалъ и обезсилилъ Францію. Ихъ разногласія открывали предъ ней брешь, черезъ которую она снова могла вернуться въ европейскій концертъ и занять въ немъ соотвѣтственное мѣсто. Это прекрасно поняли и король Людовикъ XVIII и въ особенности его министръ иностранныхъ дѣлъ знаменитый Таллейранъ, ѣхавшій уполномоченнымъ Франціи на конгрессъ. На его совѣсти лежали условія парижскаго мира, и онъ торопился использовать разногласія союзниковъ для того, чтобы хоть отчасти вернуть Франціи ея положеніе. По предложенію короля онъ выработалъ самъ свои извѣстныя «инструкціи», которыя служили затѣмъ основой французской внѣшней политики вплоть до Наполеона III.

Таллейранъ прекрасно понималъ, что первымъ условіемъ успѣха должно быть полное безкорыстіе со стороны Франціи. Малѣйшія притязанія на тотъ или другой клочокъ территоріи немедленно возстановили бы противъ Франціи прежнее единеніе всей Европы. Но въ то же время совершенно ясно было, что многія второстепенныя государства Европы крайне недовольны были направленіемъ политики великихъ державъ, игнорировавшихъ ихъ интересы. Поддержать эти второстепенныя державы, взять ихъ подъ покровительство Франціи и, разъ нельзя было усилить Францію, по крайней мѣрѣ ослабить ея противниковъ и было ближайшей задачей Таллейрана. Съ этой точки зрѣнія нужно было противодѣйствовать планамъ Меттерниха въ Италіи, и требовать изгнанія Мюрата изъ Неаполя, и возвращенія туда прежняго государя Фердинанда IV.

Кромѣ того, надо было противиться всѣми силами переходу Саксоніи къ Пруссіи и Польши къ Россіи. По отношенію къ Англіи, наоборотъ, ничего не требовавшей себѣ въ Европѣ, Таллейранъ собирался держаться дружественно, чтобы впослѣдствіи, когда Австрія откажется отъ захвата всей Италіи, использовать недовѣріе Австріи и Англіи къ Россіи и Прус-

сіи для полнаго разъединенія союзниковъ и для образованія тройственнаго союза изъ Франціи, Англіи и Австріи.

Такіе планы Таллейрана подходили какъ нельзя лучше и къ традиціонной политикѣ Франціи, и къ семейнымъ связямъ Людовика XVIII, такъ какъ саксонскій король былъ его двоюроднымъ братомъ, а Фердинандъ IV принадлежалъ къ династіи Бурбоновъ. Соотвѣтствовали они и тому принципу реставраціи стараго «законнаго» порядка, который естественно выдвигался всѣми сторонниками реакціи послѣ возстановленія во Франціи старой династіи, и которому самъ Таллейранъ далъ имя «легитимизма». Положеніе Франціи лишало ее возможности проводить политику интересовъ и позволяло только говорить о политикѣ принциповъ. Таллейранъ сумѣлъ провозгласить принципъ, свидѣтельствовавшій о безкорыстіи французской политики и въ то же время могшій въ его рукахъ служить превосходнымъ орудіемъ для возвращенія Франціи вліянія на дѣла Европы.

Лордъ Кэстльри. (Совр. грав.).

Конечно, положеніе Таллейрана, бывшаго конституціоннаго епископа, отказавшагося отъ своего духовнаго званія для дипломатической карьеры, съ одинаковымъ усердіемъ и безпринципностью служившаго Дантону, директоріи, а затѣмъ бывшаго правой рукой Наполеона до самой своей опалы въ 1808 г., было очень затруднительно въ новой роли защитника реставраціи и рыцаря легитимизма. Но онъ могъ себя утѣшать мыслью, что и у тѣхъ дипломатовъ, съ которыми онъ долженъ былъ встрѣтиться въ Вѣнѣ, совѣсть была далеко не чиста, и что онъ не встрѣтитъ среди нихъ ни одного человѣка, который бы раньше не скомпрометировалъ себя заигрываніемъ съ принципами революціи или подслуживаніемъ только что падшему властелину Европы. Слѣдовательно, всѣ они должны будутъ съ полнымъ вниманіемъ выслушивать дифирамбы принципу легитимизма со стороны того, кого они про себя не называли иначе, какъ «хромымъ дьяволомъ» (diable boiteux).

Съѣздъ государей и министровъ въ Вѣну начался съ половины сентября. Никогда еще ни раньше, ни позже Европа не видѣла такого блестящаго собранія, какое представлялъ собою Вѣнскій конгрессъ. На немъ присутствовали императоры русскій и австрійскій, короли прусскій, датскій, баварскій и вюртембергскій и большая часть мелкихъ германскихъ государей. Каждое государство, какъ бы ни было оно незначительно, считало долгомъ послать въ Вѣну своихъ представителей, и въ совокупности число пріѣхавшихъ дипломатическихъ миссій доходило до 216. Австрію представляли Меттернихъ и Генцъ, Англію—Кэстльри (замѣщенный позже

Веллингтономъ) и Стюартъ, Пруссію — Гарденбергъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ, Россію—Разумовскій и Несельроде, Францію—Таллейранъ и Дальбергъ. Кромѣ того, были представители отъ Испаніи, Португаліи, Швеціи, всѣхъ нѣмецкихъ и итальянскихъ государствъ и даже отъ отдѣльныхъ кантоновъ Швейцаріи. Съѣздъ всевозможнаго рода посѣтителей въ Вѣну былъ такъ великъ, что современники опредѣляли его въ 100.000 человѣкъ. И австрійскій дворъ, обыкновенно отличавшійся большой бережливостью въ придворныхъ расходахъ, на этотъ разъ не щадилъ никакихъ средствъ, чтобы удивить собравшихся въ Вѣну представителей всей Европы роскошью своихъ празднествъ.

Время, которое провели въ Вѣнѣ государи и ихъ представители, должно имъ было казаться какой-то непрерывной фееріей, гдѣ смѣняли другъ друга балы, маскарады, банкеты, театральныя представленія, увеселительныя прогулки, чередовавшіяся съ парадами и маневрами.

Вихрь развлеченій, который предоставила въ распоряженіе своихъ гостей Вѣна, заставилъ принца де-Линя сказать про конгрессъ, что онъ «не двигается, а танцуетъ». «Никогда, безъ сомнѣнія,—пишетъ одинъ изъ очевидцевъ,—болѣе важные и сложные интересы не обсуждались среди такого количества праздниковъ. Во время бала дробилось на части или увеличивалось королевство, во время обѣда получалось согласіе на вознагражденіе, планъ конституціи намѣчался во время охоты; иной разъ острота или удачное выраженіе скрѣпляли договоръ, заключенія котораго только съ большимъ трудомъ можно было достигнуть путемъ многочисленныхъ совѣщаній и дѣятельной переписки... Конгрессъ носилъ характеръ большого празднества, даваемаго въ честь всеобщаго умиротворенія». Но одновременно съ этими безпрерывными празднествами, на которыя, по приблизительному подсчету, было израсходовано до 40 милліоновъ, въ тиши кабинетовъ шла совсѣмъ другая жизнь, скрытая отъ глазъ публики внѣшнимъ блескомъ развлеченій. Снаружи полное умиротвореніе Европы казалось достигнутымъ, внутри возникали крупныя столкновенія изъ-за дѣлежа добычи, грозившія разрѣшиться новыми войнами. Союзныя державы въ своихъ манифестахъ къ Европѣ провозглашали высокіе принципы—неотъемлемыя права, возстановленіе законныхъ правительствъ, охрану публичнаго права, независимость народовъ. Они противополагали эти принципы правонарушеніямъ, насиліямъ и «недостойному игу» французской республики и имперіи. Но когда имперія была разрушена, представители державъ перестали говорить о принципахъ, или, вѣрнѣе говоря, признавали только одинъ принципъ—право сильнаго. Вотъ какъ отзывался о сущности вѣнскихъ переговоровъ австрійскій дипломатъ Генцъ, исполнявшій роль секретаря конгресса и бывшій правой рукой Меттерниха: «Громкія фразы» о «реконструкціи общественнаго порядка», о «возрожденіи общеевропейской политической системы», о «продолжительномъ мирѣ, основанномъ на справедливомъ распредѣленіи силы» и т. д. фигурировали только для того, чтобы успокоить народы и придать этому торжественному собранію виды достоинства и величія; настоящей же цѣлью конгресса былъ раздѣлъ между побѣдителями добычи, отнятой у побѣжденнаго». Противъ этихъ стремленій и собирался бороться Таллейранъ во имя провозглашеннаго принципа «легитимности». Конечно, выработанная имъ программа очень

далека была отъ признанія единственно справедливаго въ данный моментъ принципа національнаго самоопредѣленія. Но нельзя не сказать, что его программа все же хоть до нѣкоторой степени руководствовалась идеей справедливости въ противоположность грубому праву силы, которымъ собирались руководствоваться 4 союзныя державы.

Между союзными державами было условлено, что ихъ уполномоченные соберутся въ Вѣнѣ въ началѣ сентября для предварительныхъ переговоровъ. Задачей этихъ переговоровъ должна была быть выработка программы будущаго конгресса.

Прежде всего было предложено вопросъ о судьбѣ Польши, Италіи и Германіи предоставить рѣшенію однѣхъ только 4 союзныхъ державъ. Но когда вслѣдъ за тѣмъ на очереди былъ поставленъ вопросъ о судьбѣ Польши, между союзниками немедленно возникли разногласія. Нессельроде заявилъ о притязаніяхъ Россіи на всю Польшу, Гарденбергъ, въ своихъ взглядахъ на отношеніе къ Россіи расходившійся съ своимъ монархомъ, находилъ невозможнымъ уступить Россіи Познань, необходимую для защиты Пруссіи, Меттернихъ повторялъ то же самое относительно Галиціи. Наконецъ Кэстльри заявилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ возстановленія Польши, какъ совершенно независимаго государства, но не можетъ допустить перехода ея къ Россіи, хотя бы и въ формѣ личной уніи. Парижскій миръ былъ подписанъ 8 державами, но допустить къ обсужденію важнѣйшихъ вопросовъ Францію значило обнаружить несогласія между союзниками, а если исключать Францію, то на ряду съ ней надо было исключать Испанію, Португалію и Швецію, которыя тоже подписали парижскій трактатъ. Окончательное рѣшеніе состоялось въ этомъ смыслѣ не безъ робкаго протеста со стороны Кэстльри, вспомнившаго о правахъ Франціи и Испаніи. Протоколомъ 23 сентября было постановлено, что 4 союзныя державы обсудятъ между собой польскій, итальянскій и германскій вопросы и, когда придутъ къ соглашенію, сообщатъ свое рѣшеніе Франціи и Испаніи. Одновременно выработка проекта будущаго устройства германскаго союза поручалась комиссіи изъ представителей Австріи, Пруссіи, Баваріи, Вюртемберга и Ганновера. Что касается конгресса, то союзники ограничивались неопредѣленнымъ обѣщаніемъ, что его работами будутъ руководить всѣ 8 державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Таллейранъ вмѣстѣ съ другими уполномоченными Франціи пріѣхалъ въ Вѣну всего за 2 дня до торжественнаго въѣзда Александра I и Фридриха-Вильгельма III и до начала ряда всевозможныхъ празднествъ. Сначала его положеніе было почти невыносимымъ. На него никто не обращалъ вниманія и, если онъ получалъ приглашенія на всякія торжества, то повсюду онъ оставался одинъ, игнорируемый всѣмъ свѣтомъ. Нуженъ былъ весь его апломбъ, чтобы продолжать себя держать съ вызывающимъ достоинствомъ и подготовлять задуманную имъ интригу. Если представители великихъ державъ вели себя по отношенію къ нему высокомѣрно и не удостаивали его вниманія, то онъ скоро разобралъ, что представители второстепенныхъ державъ полны недовѣрія къ замысламъ союзниковъ и страха за свою судьбу. Онъ очень ловко этимъ воспользовался и въ короткое время сгруппировалъ ихъ около себя, особенно сблизившись съ представителемъ Испаніи

Лабрадоромъ, обиженнымъ отношеніемъ къ нему представителей великихъ державъ, и уполномоченнымъ Сардиніи Сенъ-Марсаномъ, боявшимся замысловъ Австріи. 28 сентября онъ уже осмѣлился составить ноту, въ которой энергично протестовалъ противъ присоединенія Польши къ Россіи. Но въ тотъ же день Александръ I, крайне недовольный поведеніемъ прусскихъ уполномоченныхъ на предыдущихъ засѣданіяхъ, склонилъ окончательно на свою сторону Фридриха-Вильгельма III и заставилъ его подписать договоръ, которымъ Россія и Пруссія гарантировали другъ другу обладаніе Польшей и Саксоніей.

Такъ какъ соглашеніе между союзниками все еще не могло состояться, то представлялось невозможнымъ открыть конгрессъ въ назначенный срокъ 1 октября. Рѣшено было отложить его открытіе еще на 1 мѣсяцъ. Но причину новой отсрочки необходимо было офиціально объяснить, и съ этой цѣлью Меттернихъ созвалъ 30 сентября совѣщаніе изъ представителей Австріи, Пруссіи, Россіи, Англіи, Франціи и Испаніи. Для Таллейрана наступилъ моментъ дѣйствовать. Когда Меттернихъ показалъ ему протоколъ 13 сентября, то Таллейранъ, найдя тамъ выраженіе «союзныя державы» воскликнулъ: «Союзныя! противъ кого же? Не противъ Наполеона, такъ какъ онъ на о. Эльба. Конечно, и не противъ короля Франціи, такъ какъ онъ—гарантія продолжительности мира. Господа, будемъ говорить откровенно: если еще есть союзныя державы, то я здѣсь лишній!»

И замѣтивъ, что заявленіе произвело впечатлѣніе, онъ сталъ развивать принципъ легитимизма и требовать, чтобы конгрессъ былъ открытъ какъ можно скорѣе и чтобы руководство его дѣлами было поручено не 4, а всѣмъ 8 державамъ, подписывавшимъ парижскій миръ. Когда кто-то упомянулъ при этомъ короля неаполитанскаго, т.-е. Мюрата, Таллейранъ вдругъ сказалъ: «О какомъ это королѣ Неаполя говорятъ? Мы не знаемъ человѣка, о которомъ идетъ рѣчь!» Это была безпримѣрная наглость со стороны бывшаго министра Наполеона, еще недавно фигурировавшаго при его дворѣ вмѣстѣ съ Мюратомъ, но тѣмъ не менѣе никто изъ присутствовавшихъ не рѣшился взять Мюрата подъ свою защиту. Александръ I былъ въ сношеніяхъ съ Таллейраномъ съ 1808 г. Они вмѣстѣ подготовили паденіе Наполеона и реставрацію Бурбоновъ. Теперь онъ считалъ себя въ правѣ разсчитывать на поддержку со стороны Таллейрана и былъ сильно раздраженъ его неожиданной оппозиціей. Поэтому онъ вызвалъ его къ себѣ на слѣдующій день и послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ сказалъ: «Нужно, чтобы каждый получилъ свои выгоды».—«И каждый свои права», отвѣчалъ Таллейранъ. — «Я сохраню за собой все, что я занимаю».—«Ваше величество можетъ сохранить только то, что ему законно принадлежитъ».—«Я въ соглашеніи съ великими державами».—«Я не знаю, причисляетъ ли ваше величество къ нимъ Францію». — «Конечно. Но если вы не хотите, чтобы каждый получилъ свои выгоды, на что же вы претендуете?» — «Я ставлю сначала право, а потомъ силу».—«Выгоды Европы и есть право».—«Эти слова, государь, вамъ не свойственны; они вамъ чужды, и ваше сердце само ихъ осуждаетъ». Тогда Александръ, окончательно разгнѣванный, воскликнулъ: «Скорѣе война, чѣмъ отказъ отъ того, что я занимаю!» Разговоръ кончился ничѣмъ.

Меттернихъ былъ очень доволенъ этой неудачей Александра I. Онъ самъ всѣми силами противился его планамъ на счетъ Польши и Саксоніи и, если допускалъ ихъ, то только подъ условіемъ значительнаго расширенія австрійскихъ владѣній въ Италіи. Убѣдившись, что его замыселъ относительно захвата Папской области не встрѣчаетъ ни въ комъ сочувствія, онъ пересталъ дорожить Мюратомъ, который ему нуженъ былъ только для этой цѣли, и отношенія къ которому его компрометировали въ глазахъ остальныхъ дипломатовъ. Поэтому онъ попытался теперь склонить на свою сторону Францію, намекая Таллейрану, что онъ готовъ допустить реставрацію въ Неаполѣ Фердинанда IV, если Франція поможетъ противодѣйствовать видамъ Россіи и Пруссіи. Но Таллейранъ прекрасно понималъ, что противъ Мюрата работаетъ сама сила обстоятельствъ, что и реставрація Фердинанда IV все равно неизбѣжна въ ближайшемъ будущемъ. Поэтому онъ отклонилъ заискиванія Меттерниха съ такой же рѣшительностью, съ какой противился угрозамъ Александра I.

8 октября состоялось подъ предсѣдательствомъ Меттерниха новое совѣщаніе представителей Австріи, Пруссіи, Россіи, Англіи, Франціи и Италіи для выработки декларацiи, объясняющей отсрочку въ открытiи конгресса. Опираясь на достигнутые успѣхи, Таллейранъ добился того, что открытіе конгресса окончательно было назначено на 1 ноября, что выработка программы его дѣятельности была поручена комитету изъ представителей всѣхъ 8 державъ, подписавшихъ парижскій миръ, и что роль комитета ограничивалась одними предложеніями, а конгрессу была предоставлена полная свобода въ обсужденіи и рѣшеніи вопросовъ. Кромѣ того, Таллейранъ предложилъ въ началѣ декларацiи помѣстить заявленіе, что державы будутъ руководиться въ своихъ поступкахъ публичными правами. Эта фраза вызвала бурную сцену. Гарденбергъ вскочилъ, ударяя кулакомъ по столу и крича: «Нѣтъ! публичное право? Это безполезно... Это подразумѣвается самой собой!» Таллейранъ ему хладнокровно отвѣтилъ: «Если оно подразумѣвается само собой, то будетъ еще яснѣе, когда о немъ упомянутъ».— «Что дѣлаетъ здѣсь публичное право?» продолжалъ восклицать Гарденбергъ.—«Оно дѣлаетъ то, что вы здѣсь присутствуете», сказалъ Таллейранъ, намекая на недавній разгромъ Пруссіи Наполеономъ. Фраза была принята. Такимъ образомъ декларація 8 октября была несомнѣннымъ тріумфомъ Таллейрана, и Александръ I съ неудовольствіемъ говорилъ, что Таллейранъ разыгрываетъ изъ себя «посланника Людовика XIV». Но тріумфъ Франціи былъ пока чисто моральный, и Таллейрану надо было продолжать энергично дѣйствовать, чтобъ достигнуть болѣе крупныхъ успѣховъ.

В. Гумбольдъ.

Новая отсрочка ничуть не облегчала возможности соглашенія между союзниками, и разногласія ихъ становились все серьезнѣе. Александръ I

сдѣлалъ еще разъ попытку склонить на свою сторону Таллейрана и 22 октября имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду. Отстаивая свой задушевный планъ, императоръ прямо сказалъ: «Наконецъ у меня въ герцогствѣ Варшавскомъ 200.000 человѣкъ. Пусть попробуютъ меня выгнать! Я отдалъ Саксонію Пруссіи, и Австрія на это согласна».—«Я не знаю,— отвѣчалъ Таллейранъ,—согласна ли Австрія... Но развѣ согласіе Австріи можетъ сдѣлать Пруссію собственницей того, что принадлежитъ королю Саксоніи?»—«Если саксонскій король самъ не отречется отъ престола, онъ будетъ отвезенъ въ Россію и умретъ тамъ. Другой король [1]) уже тамъ умеръ... Я полагалъ, что Франція мнѣ кое-чѣмъ обязана. Вы мнѣ говорите все время о принципахъ, но ваше публичное право для меня ничто! Что я стану дѣлать со всѣми вашими программами и трактатами? Выше всего для меня мое слово. Я его далъ и его сдержу».—«Ваше величество обѣщало прусскому королю 9—10 милліоновъ душъ. Это можно сдѣлать, не уничтожая Саксоніи».—«Саксонскій король—измѣнникъ!»—«Государь, слово «измѣнникъ» никогда не можетъ быть приложимо къ королю». Разговоръ въ такомъ духѣ продолжался около $1^1/_2$ часовъ, но Таллейранъ оставался непоколебимымъ.

Между тѣмъ въ головѣ Меттерниха созрѣлъ планъ новой интриги, которая ему позволяла, повидимому, обойтись безъ неудобнаго для него содѣйствія Франціи. Видя, что прусскіе уполномоченные далеко не проникнуты такими симпатіями къ Россіи, какъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III лично къ Александру I, онъ согласился на уступку Пруссіи Саксоніи и на раздѣлъ руководства будущимъ германскимъ союзомъ между Австріей и Пруссіей подъ условіемъ, что Пруссія сохранитъ свои польскія провинціи и не допуститъ присоединенія герцогства Варшавскаго къ Россіи. Онъ былъ убѣжденъ, что немедленнымъ результатомъ такого соглашенія будетъ полный разрывъ между Пруссіей и Россіей, а когда этотъ разрывъ сдѣлается совершившимся фактомъ, то Австріи будетъ очень легко отказать Пруссіи въ исполненіи своихъ обѣщаній, опираясь на несомнѣнную оппозицію со стороны Баваріи и другихъ второстепенныхъ государствъ Германіи. Но когда Гарденбергъ показалъ Фридриху-Вильгельму III соотвѣтственную ноту Меттерниха, то король, не подозрѣвая, что первый толчокъ интриги Меттерниха дали сами его уполномоченные, счелъ своимъ долгомъ разсказать дѣло Александру I. Негодованію Александра не было предѣловъ. Онъ вызвалъ къ себѣ Меттерниха, осыпалъ его градомъ самыхъ рѣзкихъ упрековъ и серьезно говорилъ о своемъ намѣреніи вызвать его на дуэль. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ немедленно потребовалъ отъ Пруссіи исполненія секретнаго договора, заключеннаго 28 сентября, и русскія войска въ началѣ ноября очистили Саксонію, въ которую затѣмъ вступила прусская армія.

Среди этихъ интригъ и переговоровъ наступило 1 ноября, и откладывать дальше открытіе конгресса было невозможно. Поэтому было рѣшено приступить къ провѣркѣ полномочій всѣхъ представителей, пріѣхавшихъ на конгрессъ, и конгрессъ былъ офиціально объявленъ открытымъ. Но соединить всѣхъ съѣхавшихся въ Вѣну уполномоченныхъ въ общее пле-

[1]) Станиславъ Понятовскій.

нарное собраніе и образовать такимъ образомъ своего рода дипломатическій парламентъ было и невыгодно для 8 державъ - руководительницъ и не удобно практически. Взамѣнъ этого былъ образованъ рядъ особыхъ комитетовъ: сверхъ работавшаго уже комитета по германскимъ дѣламъ были учреждены комитеты по дѣламъ Швейцаріи и Италіи, нѣсколько менѣе важныхъ комиссій по другимъ вопросамъ. Руководство всей работой осталось въ рукахъ совѣщанія представителей 8 державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ, которое выступало въ качествѣ посредника въ случаѣ столкновеній между отдѣльными уполномоченными.

Извѣстіе о вступленіи прусскихъ войскъ въ Саксонію и о прокламаціи, съ которою великій князь Константинъ Павловичъ обратился въ Варшавѣ къ полякамъ, приглашая ихъ сплотиться вокругъ своего стараго національнаго знамени, было получено въ Вѣнѣ въ срединѣ ноября и вызвало сильное волненіе. Представители мелкихъ нѣмецкихъ государствъ громко выражали свое негодованіе. Повсюду говорили о неизбѣжности войны. Англія и Австрія вычисляли, сколько они могутъ выставить солдатъ на случай войны съ Россіей и Пруссіей и строили планы соглашенія съ Франціей. Въ свою очередь Александръ I громко жаловался на Бурбоновъ, въ обществѣ показывался съ пасынкомъ Наполеона Евгеніемъ Богарнэ и ронялъ многозначительныя фразы: «Если они меня принудятъ, то противъ нихъ можно выпустить чудовище!» Союзъ 4 державъ былъ наканунѣ полнаго разложенія. Таллейранъ былъ въ восторгѣ и чувствовалъ, что намѣченная имъ цѣль близка къ осуществленію.

На самомъ дѣлѣ до войны дѣло дойти не могло, каждый изъ монарховъ понималъ, что война въ данный моментъ была бы полнымъ политическимъ банкротствомъ соединенной Европы и серьезной опасностью для его монархіи. Угрозы произносились больше для того, чтобы сдѣлать противниковъ сговорчивѣе. Послѣ новыхъ переговоровъ державы начали приходить къ компромиссу. Александръ I соглашался отказаться отъ нѣкоторой части Польши въ пользу Пруссіи и Австріи, а Фридрихъ-Вильгельмъ III удовольствовался частью Саксоніи, при чемъ остальная часть должна была быть возвращена ея «легитимному» государю. Австрія и Англія въ свою очередь проявили наклонность къ нѣкоторымъ уступкамъ, и рѣшено было образовать особую статистическую комиссію для исчисленія количества жителей и пространства спорныхъ территорій и опредѣленія границъ изъ представителей 4 державъ. Но вліяніе Таллейрана сдѣлалось къ этому времени уже настолько значительнымъ, что когда онъ предъявилъ со стороны Франціи категорическое требованіе на участіе въ этой комиссіи, ему не рѣшились отказать, и французскій уполномоченный былъ допущенъ въ ея составъ.

1 января 1815 г. Кэстльри получилъ извѣстіе, которое окончательно измѣнило положеніе дѣлъ: былъ подписанъ наконецъ мирный договоръ между Англіей и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, и Англія получила такимъ образомъ полную свободу дѣйствій. Претензіи, которыя въ послѣднее время заявляла Пруссія, и тѣсный союзъ ея съ Россіей на преобладаніе въ Германіи, сильно охладила симпатіи Кэстльри къ пруссакамъ, и онъ склоненъ былъ теперь противодѣйствовать болѣе активно планамъ обѣихъ державъ. Въ свою очередь Меттернихъ убѣдился, что

безъ содѣйствія Франціи онъ не сумѣетъ достигнуть своихъ цѣлей. Поэтому оба дипломата съ полнымъ вниманіемъ отнеслись теперь къ предложеніямъ, которыя имъ давно дѣлалъ Таллейранъ, и 3 января былъ подписанъ тайный союзъ между Франціей, Австріей и Англіей. Три державы обязывались дѣйствовать въ полномъ согласіи для выполненія парижскаго трактата и въ случаѣ неудачи мирныхъ переговоровъ выставить каждая 150-тысячную армію. Къ ихъ союзу приглашались присоединиться Баварія, Нидерланды, Ганноверъ и Сардинія. Торжество Таллейрана было полнымъ, и онъ писалъ Людовику XVIII 4 января: «Коалиція разрушена... Франція перестала быть изолированной въ Европѣ... Ваше величество находится въ согласіи съ двумя великими державами и тремя государствами второстепенными. Ваше величество несомнѣнно будетъ вождемъ и душой этого союза, образованнаго для защиты принциповъ, которые Франція провозгласила первая»...

Поццо ди Борго (Изабе).

Результатъ этого союза немедленно почувствовался. Единодушіе Австріи, Англіи и Франціи заставило Россію и Пруссію сдѣлаться сговорчивѣе и устранило возможность общеевропейской войны. 11 февраля состоялось, наконецъ, слѣдующее соглашеніе. Король саксонскій, содержавшійся до сихъ поръ въ заключеніи, получалъ свободу и возстановлялся на своемъ престолѣ подъ условіемъ уступки въ пользу Пруссіи приблизительно $^2/_5$ своего государства. Изъ бывшихъ польскихъ земель Австрія сохраняла за собой большую часть Галиціи, Пруссія — Познань. Остальныя области переходили къ Александру I, а Краковъ превращался въ нейтральную республику. Кромѣ части Саксоніи и Познани Пруссія получала обратно свои земли между Эльбой и Рейномъ, входившія въ составъ королевства Вестфаліи, и присоединяла большую территорію на лѣвомъ берегу Рейна, образованную изъ владѣній бывшихъ духовныхъ курфюрстовъ Священной Римской имперіи.

Послѣ рѣшенія самаго труднаго вопроса — польско-саксонскаго — остальныя дѣла конгресса пошли быстрѣе. Италія, по мысли Меттерниха, должна была остаться простымъ «географическимъ выраженіемъ», быть раздѣленной на отдѣльныя мелкія государства и фактически находиться подъ властью Австріи. Согласно парижскому миру Австрія уже захватила Ломбардію и Венецію. Затѣмъ въ Тосканѣ былъ водворенъ братъ императора Франца эрцгерцогъ Фердинандъ, въ Моденѣ—другой его родственникъ эрцгерцогъ Францъ д'Эсте. Парма была обѣщана дочери Франца I эксъ-императрицѣ французской Маріи-Луизѣ. Что касается Сардиніи, то, если Меттернихъ согласился на присоединеніе къ ней Генуэзской республики, то только потому, что надѣялся въ недалекомъ будущемъ подчи-

нить Сардинію своему вліянію. Дѣло въ томъ, что ни король сардинскій Викторъ-Эммануилъ I, ни его братъ Карлъ-Феликсъ не имѣли сыновей, и наслѣдникомъ престола считался представитель младшей линіи Савойскаго дома принцъ Кариньянскій. Меттернихъ составилъ планъ измѣнить порядокъ престолонаслѣдія въ пользу дочери Виктора-Эммануила, бывшей замужемъ за Францемъ Моденскимъ. При такой комбинаціи Сардинія сдѣлалась бы въ сущности австрійской провинціей. Наконецъ Мюратъ, обязанный сохраненіемъ своего престола одной Австріи и не признаваемый другими державами, могъ существовать тоже только какъ вассалъ Австріи.

Осуществить этотъ планъ во всей полнотѣ оказалось, однако, невозможнымъ. Для Австріи становилась необходима поддержка Франціи, и Меттернихъ принужденъ былъ сдѣлать ей уступку. Онъ согласился на признаніе въ Сардиніи правъ принца Кариньянскаго и далъ понять Таллейрану, что ничего не будетъ имѣть противъ низверженія Мюрата и реставраціи въ Неаполѣ Фердинанда IV. Задача состояла въ томъ, чтобы провоцировать самого Мюрата на нарушеніе условій договора, заключеннаго имъ съ Австріей въ началѣ 1814 г. Дѣло не заставило себя долго ждать. Послѣ заключенія тройственнаго союза 3 января Таллейранъ особенно настоятельно сталъ требовать изгнанія Мюрата и предлагалъ Меттерниху сдѣлать это соединенными силами Франціи и Испаніи. Мюратъ, напуганный вооруженіями Франціи и поворотомъ австрійской политики и знавшій, благодаря тайнымъ сношеніямъ съ Наполеономъ, о его намѣреніи вернуться во Францію, рѣшилъ предупредить событія. Онъ двинулся съ своей арміей въ Папскую область и сталъ призывать итальянцевъ къ возстанію во имя національной независимости. Это сразу рѣшило его судьбу. Австрія немедленно объявила ему войну, а конгрессъ рѣшилъ реставрацію Фердинанда IV въ Неаполѣ.

А. К. Разумовскій.

Таллейранъ добился такимъ образомъ крупныхъ результатовъ для французской политики въ Саксоніи, Сардиніи и Неаполѣ. Франція, которую 6 мѣсяцевъ тому назадъ хотѣли устранить отъ участія въ конгрессѣ, занимала теперь въ немъ мѣсто равноправное съ другими державами, и Таллейранъ по праву могъ гордиться итогами своей политики. Но все зданіе, имъ построенное, покоилось на реставраціи во Франціи Бурбоновъ и на принципѣ легитимизма, который лежалъ въ основаніи реставраціи и котораго не могли не признавать другія державы, такъ какъ они раньше сами воевали съ Франціей во имя него. Возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы сразу все опрокинуло вверхъ дномъ.

5 марта вечеромъ, во время театральнаго представленія, было получено въ Вѣнѣ первое извѣстіе о томъ, что Наполеонъ покинулъ Эльбу. Новость всѣхъ ошеломила, и негодованію не было предѣловъ. Александръ I, который еще такъ недавно грозилъ Таллейрану выпустить «чудовище», восклицалъ, что дѣло касается, прежде всего, его лично, что онъ никогда себѣ не проститъ своего предложенія помѣстить Наполеона на Эльбѣ и что для того, чтобы сокрушить его, онъ не пожалѣетъ послѣдняго солдата и послѣдняго ружья. Неменьшую воинственность проявляли и другіе союзники. Возвращеніе Наполеона заставило ихъ сразу забыть всѣ старые счеты и возобновить союзъ противъ Франціи.

Въ деклараціи 13 марта, подписанной всѣми участниками парижскаго мира, державы заявляли, что Бонапартъ нарушилъ договоръ, который былъ съ нимъ заключенъ, объявляли его «внѣ гражданскихъ и общественныхъ отношеній», какъ врага и нарушителя спокойствія всего міра и призывали на его голову «общественное мщеніе». Когда фантастическое предпріятіе Наполеона увѣнчалось успѣхомъ, Людовикъ XVIII 19 марта долженъ былъ бѣжать изъ Франціи, а Наполеонъ 20 вступилъ въ Парижъ, встрѣченный энтузіазмомъ населенія, четыре великія державы торжественно возобновили шомонскій договоръ противъ Франціи и начали дѣятельныя приготовленія къ войнѣ. Напрасно Наполеонъ попытался разстроить коалицію. Онъ нашелъ въ Тюильрійскомъ дворцѣ забытый впопыхахъ Людовикомъ XVIII текстъ тайнаго союзнаго договора 3 января между Франціей, Англіей и Австріей и немедленно послалъ его Александру I, надѣясь возстановить его противъ союзниковъ и привлечь на свою сторону. Двуличность Меттерниха возмутила Александра I, но не поколебала его рѣшимости по отношенію къ Наполеону.

Таллейранъ видѣлъ, что съ возвращеніемъ Наполеона и бѣгствомъ Людовика XVIII онъ потерялъ всякую почву подъ ногами; онъ присоединился къ деклараціи союзныхъ державъ отъ имени Людовика XVIII и старался убѣдить по крайней мѣрѣ союзниковъ поставить задачей новой борьбы съ Наполеономъ возвращеніе Бурбоновъ и сохраненіе въ неприкосновенности парижскаго трактата 30 мая. Но ему не удалось добиться даже этого. Изъ «посланника Людовика XIV» онъ превратился теперь въ «уполномоченнаго Іакова II». Кромѣ Англіи, никто не хотѣлъ хлопотать о Бурбонахъ. Австрійцы снова стали обсуждать шансы сына Наполеона и регентства Маріи-Луизы. Пруссаки выказывали полное равнодушіе къ тому, кто будетъ управлять Франціей и требовали только отнятія у нея Эльзаса и Лотарингіи. Александръ I, страшно недовольный недостаточно предупредительнымъ по отношенію къ нему поведеніемъ Бурбоновъ и политикой Таллейрана во время конгресса, предлагалъ возвести на французскій престолъ дальняго родственника Людовика XVIII, герцога Орлеанскаго (будущаго короля Людовика-Филиппа). Поэтому, объявляя Франціи войну своей деклараціей 12 мая, союзники заявили, что они никогда не заключали мира съ Бонапартомъ, но что въ то же время «они будутъ уважать свободу Франціи всюду, гдѣ она не будетъ несовмѣстима съ ихъ собственной безопасностью и съ общимъ спокойствіемъ Европы».

Возвращеніе Наполеона и неизбѣжность новой войны съ Франціей заставили дипломатовъ торопиться съ окончаніемъ конгресса. Всему тому,

что до сихъ поръ намѣчалось, спѣшили придать окончательную форму. Неосторожность Мюрата облегчила реставрацію Бурбоновъ въ Неаполѣ и тѣмъ самымъ окончательно опредѣлила будущую карту Италіи. Относительно Голландіи и Бельгіи конгрессъ подтвердилъ уже состоявшееся раньше рѣшеніе о преобразованіи ихъ въ королевство Нидерландское. Швейцаріи были гарантированы независимость и вѣчный нейтралитетъ, при чемъ въ составъ Швейцарскаго союза включены три новыхъ кантона Валлисъ, Женева и Невшатель.

Труднѣе было рѣшить судьбу Германіи.

Изъ всѣхъ странъ Европы Германія въ эпоху Наполеона подверглась наибольшимъ переворотамъ. Онъ нѣсколько разъ перекраивалъ ея карту, секуляризируя духовныя владѣнія, медіатизируя вольные города и мелкія княжества. Вмѣсто 350 независимыхъ государствъ, которыя составляли Священную Римскую имперію наканунѣ ея паденія, въ Германіи осталось только 22 государства. Когда послѣ паденія Наполеона повсюду повѣяло реставраціей прежнихъ порядковъ, каждый изъ мелкихъ князей, лишенныхъ суверенитета Наполеономъ, претендовалъ теперь на возвращеніе своихъ владѣній. Съ другой стороны южныя и западныя государства Германіи (Баварія, Вюртембергъ, Баденъ) значительно расширенныя и усиленныя Наполеономъ, ни за что не хотѣли поступиться хотя бы маленькимъ клочкомъ пріобрѣтенныхъ территорій. Наконецъ самымъ важнымъ было то, что французское владычество пробудило въ нѣмцахъ національное чувство. По всей Германіи замѣчалось сильное политическое броженіе, вдохновлявшееся стремленіемъ къ политической свободѣ и національному объединенію.

Громадное большинство нѣмецкихъ дипломатовъ, пріѣхавшихъ на конгрессъ, вовсѣ не считалось съ этими стремленіями и заботились только объ удовлетвореніи партикуляристическихъ интересовъ своихъ государей. Одинъ только Штейнъ, бывшій первый министръ въ Пруссіи, а теперь одинъ изъ близкихъ совѣтниковъ Александра I, смѣло поднималъ свой голосъ въ защиту національной идеи и требовалъ объединенія Германіи. Но его пропаганда не имѣла успѣха. Изъ двухъ первенствующихъ нѣмецкихъ державъ Австріи и Пруссіи ни одна не была настолько сильна, чтобы осуществить объединеніе, но у каждой хватало силы, чтобы помѣшать другой сдѣлать это. Къ тому же, къ проекту объединенія, кромѣ нѣмецкихъ государей, боявшихся потери своихъ суверенныхъ правъ, враждебно относились и остальныя великія державы: Россія, Англія и Франція, не желавшія созданія въ центрѣ Европы новаго сильнаго государства. Поэтому отъ идеи полнаго единства пришлось скоро отказаться. Путемъ компромисса между принципомъ легитимизма и сохраненіемъ status quo нѣкоторая часть государей, лишенная Наполеономъ престоловъ, получила обратно свои владѣнія, и въ 1815 году въ Германіи оказывалось 38 суверенныхъ государствъ. 8 іюня былъ подписанъ между ними союзный договоръ.

34 нѣмецкихъ государя и 4 вольныхъ города образовывали «постоянный союзъ» для охраны внѣшней и внутренней безопасности Германіи. Руководство общими дѣлами поручалось союзному сейму. Но этотъ сеймъ былъ собраніемъ не народныхъ представителей, а уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ государствъ и представлялъ, слѣдовательно, собой своего рода постоянный дипломатическій конгрессъ. Предсѣдательство въ союзѣ поручалось Австріи. Союзъ не имѣлъ ни своихъ финансовъ, ни своей

арміи, и права отдѣльныхъ государствъ въ области внѣшней политики были ограничены только запрещеніемъ вступать въ союзы противъ всей германской федераціи. Такимъ образомъ, вмѣсто союзнаго государства Германія превращалась въ союзъ государствъ, не имѣвшій помимо Австріи и Пруссіи никакой реальной силы.

На слѣдующій день 9 іюня 1815 г. 8 державъ, участвовавшихъ въ заключеніи парижскаго мира, подписали такъ называемый «заключительный актъ» (Acte final), и Вѣнскій конгрессъ былъ объявленъ распущеннымъ. Текстъ «заключительнаго акта» былъ выработанъ, главнымъ образомъ, Генцемъ и воспроизводилъ въ остальныхъ чертахъ соглашенія, состоявшіяся во время конгресса между отдѣльными государствами. «Заключительный актъ» былъ самымъ обширнымъ трактатомъ, который когда-нибудь заключался между государствами Европы (въ немъ 121 статья), и представлялъ собой попытку путемъ соглашенія между державами создать во всей Европѣ прочный порядокъ и постоянный миръ, взаимно гарантируемый всѣми державами другъ другу. (Второй парижскій миръ 20 ноября 1815 г. внесъ въ заключенные раньше договоры лишь незначительныя измѣненія.) Всякій международный трактатъ бываетъ обыкновенно выраженіемъ реальнаго соотношенія силъ, и вѣнскіе трактаты, обезпечившіе надолго Европѣ миръ, были результатомъ ослабленія Франціи и общаго утомленія Европы. Но раздѣлъ Европы, произведенный въ Вѣнѣ, носилъ въ себѣ самые зародыши будущихъ потрясеній. Причина этого заключалась въ томъ, что дипломаты не считались абсолютно со стремленіями народовъ, интересы которыхъ они яко бы представляли. «Они вычисляли,—говоритъ Сорель,—количество жителей въ территоріяхъ, которыя надо было дѣлить; согласно формулѣ «Статистической комиссіи» они сумѣли опредѣлить даже экономическую, военную, земледѣльческую и промышленную цѣнность жителей, ихъ производительную силу, ихъ способность къ службѣ; но они не обратили никакого вниманія на состояніе ихъ душъ, ихъ сознаніе, ихъ традиціи, ихъ стремленіе,—словомъ, на все то, что дѣлало каждаго изъ нихъ человѣкомъ, а группы этихъ людей—націями. Матеріальныя силы были измѣрены, моральныя—оставлены въ пренебреженіи или вовсе игнорированы». Между тѣмъ «французская революція повсюду провозглашала, распространяла, возбуждала, какъ своими принципами и примѣрами, такъ и своими завоеваніями, духъ національности, идею, что народы одни имѣютъ право располагать сами собою, что люди, сознающіе себя принадлежащими къ одной національности, имѣютъ право на національное объединеніе, и что для всякой націи принципъ жизненности, принципъ достоинства, это—независимость».

Дипломаты отказались признать этотъ принципъ и этимъ самымъ приготовили крушеніе выстроеннаго ими зданія. Во вновь образованномъ Нидерландскомъ королевствѣ интересы бельгійцевъ были принесены въ жертву интересамъ голландцевъ. Польша подвергалась какъ бы новому раздѣлу между тремя государствами. Италія была раздроблена на нѣсколько государствъ, дѣлалась только «географическимъ выраженіемъ» и ставилась подъ полное господство Австріи. Германія вмѣсто единаго національнаго государства обращена была въ уродливый союзъ 38 государствъ разнаго размѣра, находившійся тоже подъ австрійской опекой. Когда Александръ I попробовалъ заговорить о необходимости защитить

отъ имени Европы права христіанскихъ народностей на Балканскомъ полуостровѣ и прежде всего уже начавшихъ волноваться грековъ, то онъ встрѣтилъ сопротивленіе всѣхъ остальныхъ державъ. И если ему удалось предотвратить противоположное предложеніе Меттерниха — взять подъ охрану соединенной Европы неприкосновенность Турецкой имперіи, то все же національные интересы балканскихъ народовъ остались принесенными въ жертву туркамъ. Наконецъ, глубоко обижена была трактатами 1815 г. Франція. Несмотря на нѣкоторые успѣхи политики Таллейрана, она одна была возвращена къ границамъ 1792 г., а по второму парижскому миру даже къ границамъ 1790 г., тогда какъ всѣ остальныя державы усилились и увеличили свои владѣнія. «Естественныя границы», стремленіе къ которымъ было давно французской національной традиціей, и которыя, наконецъ, были достигнуты въ эпоху революціи и имперіи, были у нея отняты. Ненависть «къ позорнымъ» трактатамъ 1815 г. должна была поэтому сдѣлаться типичной чертой всего французскаго общества и приготовить изъ Франціи естественную союзницу для всѣхъ тѣхъ народовъ, которые пожелаютъ свергнуть съ себя иго порядковъ, установленныхъ въ Вѣнѣ. И въ отрицаніи принципа національнаго самоопредѣленія коренится причина потрясеній, которыя переживала Европа въ теченіе всего XIX вѣка, а отчасти продолжаетъ переживать и до сихъ поръ. «Дипломаты 1815 г.,—говоритъ Дебидуръ, заканчивая описаніе великаго конгресса,—потратили годъ, чтобы дать Европѣ дурные законы. Ей понадобится болѣе столѣтія, чтобы исправить зло, которое они ей причинили».

В. А. Бутенко.

Вѣнскій конгрессъ. (Изабе).

Освободители Европы. (Совр. грав.).

II. Священный союзъ.

С. Г. Лозинскаго.

ышедшій изъ нѣдръ революціи Наполеонъ былъ въ глазахъ благочестивыхъ людей того времени тѣмъ же врагомъ религіи, тѣмъ же исчадіемъ ада, что и революціонные дѣятели конвента, такъ какъ и онъ, несмотря на измѣну дѣлу свободы, продолжалъ политику угнетеній духовенства, требовалъ отъ него полнаго подчиненія интересамъ свѣтской власти. Побѣды Наполеона, сопровождавшіяся секуляризаціей завоеванныхъ областей, отмѣной въ нихъ различныхъ привилегій духовенства, провозглашеніемъ принциповъ религіозной свободы и равенства, низверженіемъ престоловъ, Божьей милостью установленныхъ, еще болѣе усиливали то антирелигіозное впечатлѣніе, какое получалось отъ его внутренней политики, отъ суроваго обращенія съ папой и превращенія духовенства въ слѣпое орудіе государственнаго управленія. Являясь представителемъ антирелигіознаго духа,

своего рода антихристомъ, Наполеонъ нерѣдко считался побѣжденными имъ народами не столько искуснымъ полководцемъ и счастливымъ побѣдителемъ, сколько бичомъ Божіимъ, наказаніемъ, ниспосланнымъ свыше на грѣховное человѣчество.

Само собою понятно, что при такомъ отношеніи къ Наполеону избавленіе отъ него должно было служить знакомъ особаго благоволенія Божества, и побѣдитель Наполеона, естественно, являлся избранникомъ Божіимъ, которому предопредѣлена высокая миссія возстановленія нарушеннаго антирелигіознымъ духомъ революціи порядка и внесенія гармоніи въ разстроенное Наполеономъ міровое равновѣсіе силъ. И чѣмъ неожиданнѣе была побѣда, тѣмъ больше должна она была свидѣтельствовать о Божественномъ характерѣ борьбы и тѣмъ увѣреннѣе выдвигала она въ роли исполнителя предначертаній Божіихъ побѣдоноснаго руководителя этой борьбы. Такъ Александръ становился въ глазахъ многихъ изъ его современниковъ не только спасителемъ Россіи и Европы отъ Наполеона, но и посланцемъ Божіимъ, изгоняющимъ нечестивца и возстановляющимъ угодный Богу порядокъ.

Вѣрилъ ли самъ Александръ въ Божественную миссію своего дѣла? Сравнивая себя съ гигантомъ Наполеономъ, думалъ ли онъ, дѣйствительно, что заслуга сверженія Наполеона ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приписана ему, а должна быть истолкована въ смыслѣ слѣпого выполненія Божественной воли, внушенной ему? Полагалъ ли онъ въ глубинѣ души своей, что этимъ дѣло его жизни не должно ограничиться, и что онъ призванъ свершить нѣчто болѣе великое — повсемѣстно возстановить нарушенный антихристомъ порядокъ вещей и вернуть человѣчество къ счастливой и справедливой жизни? Словомъ, считалъ ли себя Александръ, дѣйствительно, коронованнымъ и земнымъ представителемъ воли Бога?

Какой бы мы ни дали отвѣтъ на этотъ вопросъ, въ одномъ мы можемъ быть твердо увѣрены: Александръ сознательно поддерживалъ какъ въ себѣ, такъ въ особенности въ другихъ мысль о божественномъ характерѣ своего дѣла, своего призванія,—и поддерживалъ онъ это потому, что подобная мысль, какъ нельзя болѣе, была на руку его политическимъ — крайне реакціоннымъ—планамъ. Одна лишь религіозная метафизика могла скрыть отъ міра, пережившаго дни великой революціи и эпоху Наполеона, истинный характеръ той политической системы, теоретическимъ фундаментомъ которой былъ Священный союзъ, а практически неизбѣжными слѣдствіями конгрессы въ Ахенѣ, Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ.

Постановленія Вѣнскаго конгресса, старыми заржавѣвшими ножницами выкроившаго карту Европы на новый манеръ, могли опираться лишь на силу тѣхъ самыхъ штыковъ, на которыхъ держался старый режимъ, оказавшійся столь шаткимъ при первомъ же столкновеніи съ новой силой—съ революціей и съ ея великимъ сыномъ, Наполеономъ Бонапартомъ. Для борьбы съ послѣднимъ потребовалось божественное вмѣшательство, — для лучшей гарантіи конгрессныхъ постановленій необходима была, по мнѣнію Александра, съ самаго начала божественная санкція. Такой санкціей и явился Священный союзъ, подписанный сперва, 26 (14) сентября 1815 г., государями Россіи, Австріи и Пруссіи.

Священный союзъ не ограничился благоговѣйной благодарностью Провидѣнію, отъ имени трехъ монарховъ, за ниспосланную имъ милость, выразившуюся въ освобожденіи какъ ихъ странъ, такъ и всей Европы отъ нечестиваго деспота, но рѣшилъ создать новыя отношенія не только между государями и ихъ подданными, но и между различными государствами Европы. Отношенія эти должны быть основаны «на высшихъ истинахъ, которымъ научаетъ насъ вѣчная религія Бога-Спасителя». Но разъ государи Европы постановляютъ, что въ основу ихъ взаимныхъ отношеній и ихъ внутренней политики должны быть положены «заповѣди сея святыя вѣры», то изъ этого естественно вытекаетъ, что они должны считать «любовь, правду и миръ за неизмѣнное правило своего поведенія какъ въ управленіи государствами, такъ и въ политическихъ сношеніяхъ со всякими другими правительствами», не ограничиваясь при этомъ «приложеніемъ названныхъ заповѣдей къ одной лишь частной жизни», но и повинуясь имъ въ государственныхъ вопросахъ: «онѣ (заповѣди) долженствуютъ непосредственно управлять волею государей и водительствовать ихъ дѣяніями, яко единое средство упрочить человѣческія учрежденія и помочь ихъ несовершенствамъ».

За этимъ введеніемъ, разъясняющимъ цѣль союза и духъ, которымъ онъ проникнутъ, слѣдуютъ три параграфа, имѣющихъ характеръ обязательствъ: 1) Монархи должны считать себя связанными «узами дѣйствительнаго и неразрывнаго братства» и должны давать другъ другу «во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ поддержку, защиту и помощь»; по отношенію къ своимъ подданнымъ и арміямъ они разсматриваютъ себя какъ «отцовъ семейства», почему и будутъ управлять ими «въ духѣ братства». 2) Монархи и ихъ подданные должны считать себя членами «одной и той же христіанской націи», а государи-союзники «уполномоченными Провидѣніемъ для управленія единаго семейства отраслями»... «Христіанская нація» въ дѣйствительности имѣетъ верховнымъ владыкою того, кому «собственно принадлежитъ держава, поелику въ немъ единомъ обрѣтаются сокровища любви, вѣдѣнія и премудрости безконечныя». 3) Всѣ эти принципы названы монархами Россіи, Австріи и Пруссіи священными, и эти три державы приглашаются присоединить къ своему союзу всѣ тѣ государства, которыя пожелаютъ признать его начала.

При чтеніи этого своеобразнаго дипломатическаго акта, въ которомъ религіознымъ нравственнымъ принципамъ отводится, по крайней мѣрѣ, столько же мѣста, сколько политическимъ и правовымъ нормамъ, невольно возникаетъ вопросъ: претендовалъ ли онъ, дѣйствительно, на характеръ настоящаго международнаго договора, обязательнаго для подписавшихъ его сторонъ, или представлялъ собою лишь торжественное изложеніе profession de foi трехъ монарховъ, пожелавшихъ возблагодарить Всевышняго за милостивое спасеніе и «предъ лицомъ вселенныя» излить свое «внутреннее убѣжденіе»? Неопредѣленность и неясность нѣкоторыхъ его выраженій — подать помощь во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ, — растяжимость многихъ его понятій — отеческая заботливость, три отрасли единаго христіанскаго народа, казалось, говорятъ въ пользу второго предположенія, тѣмъ болѣе, что Александръ, главный виновникъ и иниціаторъ Священнаго союза, говоритъ вначалѣ лишь о «моральной манифестаціи», а другой

виднѣйшій дѣятель той эпохи, князь Меттернихъ, иронически относился къ этому пустому и трескучему памятнику (monument vide et sonore) и говорилъ, что европейскіе кабинеты въ повседневной своей политикѣ никогда иначе и не толковали дипломатическаго акта 26 сентября 1815 года, и только «враждебныя самодержавію партіи старались извлечь изъ него выгоду, пользуясь имъ какъ оружіемъ, для того, чтобы оклеветать самыя чистыя намѣренія своихъ противниковъ». Подобнаго же мнѣнія были и нѣкоторые современники, Генцъ, Флассанъ и другіе. Для нихъ актъ 26 сентября, не имѣвшій опредѣленнаго объекта соглашенія, не составлялъ обязательнаго договора и носилъ характеръ лишь деклараціи, пріобрѣвшій большое политическое и историческое значеніе исключительно въ виду того лишь, что подъ ней находились подписи главнѣйшихъ руководителей общеевропейской политики, давшихъ въ этой деклараціи общую характеристику того направленія, котораго они намѣрены держаться въ будущемъ. Заключительный актъ Священнаго союза является, по ихъ мнѣнію, яркой и въ то же время вѣрной религіозно - политической характеристикой трехъ могущественныхъ монарховъ, изъ которой, разумѣется, вытекаютъ опредѣленныя политическія дѣйствія, но не въ силу какого-либо обязательнаго договора, а въ силу тѣхъ же законовъ, по которымъ нравственный человѣкъ поступаетъ хорошо, а безнравственный — худо.

Союзъ государей для спасенія Европы. (Совр. грав.).

Несмотря на видимую правильность этого мнѣнія, опирающагося, главнымъ образомъ, на дѣйствительно необычную форму заключеннаго «во имя Пресвятой и Нераздѣльной Троицы» дипломатическаго акта, оно, тѣмъ не менѣе, съ исторической точки зрѣнія должно быть признано совершенно неправильнымъ. Въ метафизическихъ, туманныхъ и растяжимыхъ формахъ пресловутаго документа заключалось вполнѣ точное, конкретное и опредѣленное содержаніе. По мысли Александра и при-

мкнувшихъ къ союзу главъ государствъ, монархи Божьей милостью, — а согласно постановленіямъ Вѣнскаго конгресса другихъ въ то время уже не было, — диктуютъ своимъ подданнымъ, которые должны строго во всемъ имъ повиноваться, опредѣленный образъ жизни, основы котораго выработаны тѣми же Божьей милостью монархами на только что закрывшемся Вѣнскомъ конгрессѣ. Отеческая заботливость монарховъ объ ихъ подданныхъ сводилась къ суровой охранѣ началъ легитимизма внутри каждаго государства, а единство христіанской націи должно было служить взаимной гарантіей защиты тѣхъ же началъ и въ томъ случаѣ, если бы они нарушались хотя бы въ какой-либо союзнической странѣ. Другими словами, Священный союзъ являлся международной гарантіей цѣлости троновъ главнѣйшихъ государствъ Европы, торжественнымъ обязательствомъ охраны европейскаго мира и карты, выкроенной въ Вѣнѣ, взаимнымъ обѣщаніемъ помощи противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ.

Что именно такъ Священный союзъ былъ истолкованъ тогда же правительствами европейскихъ государствъ, свидѣтельствуетъ фактъ присоединенія къ нему впослѣдствіи другихъ, помимо Россіи, Австріи и Пруссіи, государствъ, и если Англія, въ концѣ концовъ, отказалась примкнуть къ нему, то это опять-таки лишь доказываетъ, что этотъ дипломатическій актъ считался англійскимъ принцемъ-регентомъ обыкновеннымъ международнымъ договоромъ, имѣющимъ обязательную силу и нуждающимся, въ виду этого, согласно англійской конституціи въ контрасигнованіи министровъ. Какъ мало въ немъ «христіанскаго» и какъ много «политическаго», видно изъ того, что Александръ не только не думалъ поддерживать возставшихъ противъ мусульманскаго притѣснителя, султана Махмуда II, христіанъ-грековъ, но категорически и рѣзко заявилъ, что «покидаетъ дѣло Греціи, въ которомъ видитъ революціонный признакъ времени». Мало того, по словамъ Александра, правильное толкованіе акта Священнаго союза требовало вмѣшательства европейскихъ державъ въ пользу турецкаго султана, и тѣ, которые стремились выразить свое сочувствіе повстанцамъ, нарушали истинный духъ союза, долженствующаго защищать монарховъ противъ тайныхъ обществъ и стоять на стражѣ религіи, морали и справедливости. Если турецкій султанъ, какъ нехристіанскій государь, и не могъ быть принятъ въ число членовъ Священнаго союза, тѣмъ не менѣе и на него распространялись «заповѣди любви, правды и мира» — очевидно, потому, что онъ былъ легитимнымъ монархомъ и, слѣдовательно, монархомъ Божьей милостью.

Итакъ, подъ маской высоконравственныхъ и религіозныхъ фразъ о христіанской любви, правдѣ и мирѣ скрывалась опредѣленная политическая цѣль, можно даже сказать, опредѣленная программа, отражавшая въ себѣ нужды и требованія даннаго историческаго момента. Священный союзъ есть продуктъ реакціи, вызванной предшествовавшей грозной, революціонной волной, отъ которой въ Европѣ зашатались алтари и троны. Страхъ за существованіе обуялъ представителей стараго порядка, сблизилъ ихъ между собою, сомкнулъ ихъ ряды и воодушевилъ ихъ общей ненавистью къ нечестивому сокрушителю священной старины. Отнынѣ такая напасть должна быть невозможна; съ нею обязанъ бороться не одинъ какой-либо монархъ, а всѣ государи сообща, а для этого необхо-

димъ, по возможности, всеобщій союзъ, взаимное страхованіе другъ друга отъ заразы новаго духа, коллективная гарантія европейскаго status quo. Сила Священнаго союза, по мысли его иниціаторовъ, лежала во взаимныхъ обязательствахъ, умѣло использовавшихъ туманное и мистическое настроеніе той эпохи и въ немъ черпавшихъ для себя особую силу. Неопредѣленность, неясность заключительнаго акта Священнаго союза — неопредѣленность вполнѣ сознательная—вытекала не изъ неяснаго представленія союзниковъ о цѣли ихъ дѣтища, а изъ желанія скрыть отъ однихъ истинный смыслъ «пустого и трескучаго памятника», а другимъ внушить къ нему особую привязанность и уваженіе тѣми религіозными фразами, которыя являлись словно бальзамомъ для истерзанныхъ сердецъ религіозныхъ людей, пережившихъ страшные святотатственные дни великой революціи и наполеоновской эпохи.

„Коканская мачта или Людовикъ XVIII, поддерживаемый союзниками!"

Коканская мачта—длинный столбъ, хорошо намыленный, на верхъ котораго вѣшаютъ при публичныхъ собраніяхъ различные призы, которые получаетъ тотъ, кто влѣзетъ. Тотъ, кто терпитъ разъ неудачу и пробуетъ снова, вызываетъ величайшую насмѣшку.

Наполеонъ (на о. св. Елены): „я влѣзалъ дважды безъ всякой помощи".

Однако въ коллективномъ характерѣ Священнаго союза на самомъ дѣлѣ заключалась наиболѣе слабая сторона его. Пока призракъ страха рѣялъ надъ коронованными головами сильныхъ міра сего, пока воспоми-

панія о корсиканскомъ «разбойникѣ» были еще свѣжи въ памяти правителей Европы, можно было не только говорить объ общей политикѣ, но и предпринимать опредѣленные совмѣстные шаги, свидѣтельствовавшие о единой цѣли въ политикѣ, о гармоніи интересовъ главнѣйшихъ государствъ Европы. Но какъ только — отъ времени — разомкнулось кольцо страха, сковывавшее отдѣльныя «отрасли единаго христіанскаго народа», среди самихъ же монарховъ начались разногласія, неизбѣжно вытекавшія изъ разнородности и противоположности интересовъ примкнувшихъ къ союзу государствъ. И въ то время, какъ монархи Россіи, Австріи и Пруссіи, старѣйшие члены союза, попрежнему оставались вѣрны его духу и традиціямъ, другіе, въ свое время присоединившіеся къ союзу, стали ему измѣнять, такъ что при закрытіи, напримѣръ, Лайбахскаго конгресса по адресу нѣкоторыхъ мелкихъ германскихъ государей раздались грозныя предупрежденія: «Монархи хотятъ вѣрить,—говорилось въ циркулярѣ отъ 14 декабря 1821 г., — что среди лицъ, облеченныхъ, въ какой бы то ни было формѣ, верховной властью, они всюду встрѣтятъ вѣрныхъ союзниковъ, уважающихъ не только букву, но и духъ всѣхъ тѣхъ трактатовъ, которые составляютъ въ настоящее время основу европейской политической системы».

Однако, пока отъ истинныхъ задачъ союза уклонялись лишь тайкомъ мелкія государства, дѣло борьбы съ «лживыми, мрачными агитаторскими шайками, возмущавшими Европу и Америку», могло считаться все-таки успѣшнымъ, и руководители союза, съ Александромъ и Меттернихомъ во главѣ, продолжали утверждать, что имъ удастся вырвать изъ рукъ мятежниковъ то оружіе, которымъ они «посягаютъ на вѣчные законы морали». Но когда къ маленькимъ государствамъ присоединила свой голосъ и Англія, то для всѣхъ уже стало ясно, что рушится цитадель Священнаго союза и что, во всякомъ случаѣ, поставленная имъ цѣль не получитъ своего дальнѣйшаго осуществленія.

Хотя Англія формально не была членомъ Священнаго союза и не подписала, какъ мы уже упомянули, заключительнаго акта его, однако въ теченіе первыхъ нѣсколькихъ лѣтъ существованія союза она фактически во всемъ его поддерживала, слѣдовала общей политикѣ его и считалась, наравнѣ съ другими великими державами, защитницей троновъ и алтаря. Ея разрывъ съ Священнымъ союзомъ, если не говорить о дѣлахъ въ Америкѣ, какъ о событіяхъ, имѣющихъ все-таки лишь косвенное значеніе для Европы, произошелъ изъ-за греческаго возстанія, когда англійскій министръ Каннингъ въ особой нотѣ далъ понять греческимъ повстанцамъ, что если онъ и не можетъ нарушить немедленно благожелательнаго по отношенію къ Турціи нейтралитета, во всякомъ случаѣ не позволитъ ни одной державѣ навязать грекамъ противорѣчащее ихъ интересамъ рѣшеніе. Это была уже открытая измѣна союзу, который принципіально долженъ былъ поддерживать лишь законное, легитимистическое правительство, — въ данномъ случаѣ турецкаго султана; всякіе переговоры съ «мятежниками» по существу были недопускаемы съ точки зрѣнія союза. Къ несчастью для послѣдняго, за англійской измѣной вскорѣ послѣдовалъ рядъ другихъ, притомъ — какъ это ни странно — въ числѣ государей, измѣнившихъ дѣлу союза оказался

русскій царь Николай I, который, естественно, боялся чрезмѣрнаго вліянія Англіи на Грецію и, желая парализовать это вліяніе, рѣшилъ итти въ греческомъ вопросѣ «по англійскому пути».

Грекофильская политика Англіи и Россіи, вызванная, разумѣется, эгоистическими интересами этихъ странъ, побудила и Францію измѣнить свое отношеніе къ греческому возстанію и взять на себя роль посредницы между воюющими сторонами, — другими словами, Франція рѣшила, съ своей стороны, присоединиться къ предпринятымъ уже шагамъ англійскаго и русскаго правительства. Такъ возникла въ пользу возставшихъ грековъ коалиція изъ трехъ великихъ державъ, которыя 6 іюля 1827 г. заключили въ Лондонѣ тройственное соглашеніе, имѣвшее цѣлью немедленно положить конецъ войнѣ между Портой и греками и, такъ или иначе, гарантировать грекамъ опредѣленную помощь. Лондонское соглашеніе не ограничилось дипломатическими переговорами, — 20 октября 1827 г. эскадры трехъ великихъ державъ, Россіи, Англіи и Франціи, совершенно уничтожили при Наваринѣ турецко-египетскій флотъ. Попадая въ суда турецкой эскадры, шедшей подъ флагомъ хотя и не союзнаго, но легитимистскаго монарха, наваринскія пушки пробивали брешь въ цитадели Священнаго союза, — отнынѣ фактически его уже не было: разъ русскій государь, основа и сила союза, открыто ему измѣняетъ, что могъ сдѣлать одинъ Меттернихъ? Въ теченіе еще трехъ лѣтъ союзъ велъ жалкое прозябаніе, пока его окончательно не доконалъ революціонный 1830 годъ, когда во Франціи на престолъ былъ возведенъ баррикадный король, когда Бельгія провозгласила свою независимость, самостоятельно избрала себѣ короля, который присягнулъ на вѣрность конституціи, когда отдѣльныя германскія государства получили сравнительно либеральныя конституціи, и когда вообще всѣ сильные міра сего, боясь революціи въ собственной странѣ, забыли, что они члены «единой христіанской націи».

С. Лозинскій.

Короли и владѣтельные князья, входившіе въ составъ Священнаго союза, везутъ въ дѣтской качалкѣ Людовика XVIII въ воинскихъ доспѣхахъ и съ завязанными ногами. На козлахъ—Александръ и Францъ, на запяткахъ—Фридрихъ. (Грав. Marks'a. Лондонъ, 1823 г.).

Слава Александра [1]).

III. Меттернихъ.

А. К. Дживелегова.

Je suis l'homme de ce qui etait..
Metternich.

Въ эпохи крупныхъ международныхъ потрясеній, слѣдомъ за великими полководцами всегда появляются замѣчательные дипломаты. Ибо звонъ мечей и громъ орудій имѣютъ свой неизбѣжный эпилогъ за зеленымъ столомъ: когда пустѣютъ поля сраженій, наполняются гостиныя; когда уцѣлѣвшіе храбрецы уходятъ лѣчить раны, выступаютъ искусники другого сорта, оружіе которыхъ—политическая интрига.

Ни одинъ европейскій катаклизмъ не создалъ столько даровитыхъ дипломатовъ, сколько породила французская революція. Таллейранъ, Кэстльри, Каннингъ, Меттернихъ, Гарденбергъ, Александръ I,—каждый изъ нихъ былъ типиченъ въ своемъ родѣ. И въ исторія дипломатіи у каждаго изъ нихъ свое мѣсто. Но въ то время, какъ, напр., Таллейранъ, быть-можетъ, самый геніальный изъ этой плеяды, интересенъ только какъ дипломатъ, интересъ такихъ людей, какъ Александръ и Меттернихъ,—гораздо шире. Гарденбергъ и Каннингъ тоже были первыми министрами, но надъ первымъ стояла воля его короля, надъ вторымъ—воля парламента. Меттернихъ дѣйствовалъ такъ же самостоятельно, какъ Александръ, хотя очень любилъ говорить отъ имени своего императора.

[1]) Александръ въ порфирѣ ѣдетъ въ римской колесницѣ славы. Кутузовъ указываетъ на льва, поражаемаго геркулесомъ; справа исторія держитъ жизнеописаніе императора. Въ облакахъ Петръ Великій и Екатерина II. Вдали храмъ славы.

Поэтому дипломатическая въ основѣ дѣятельность Меттерниха пріобрѣла такой широкій общеполитическій размахъ.

Почвой, подготовившей ее, было то слѣдствіе революціи, которое продолжало существовать и тогда, когда «исчадіе» и олицетвореніе революціи,—Наполеонъ, былъ водворенъ на Св. Елену. Вѣдь революція, прежде всего соціальная во Франціи, въ Европѣ стала главнымъ образомъ національной. А всякія національныя движенія имѣютъ ту особенность, что если имъ дать толчокъ, они продолжаются и тогда, когда причина устранена. Поэтому и послѣ Вѣнскаго конгресса въ Европѣ, въ разныхъ странахъ, оставалось еще много революціонныхъ элементовъ.

Тріумфъ Священнаго союза (1814).

Александръ, который всегда судилъ о событіяхъ съ точки зрѣнія своихъ личныхъ симпатій и антипатій, склоненъ былъ думать, что съ устраненіемъ Наполеона кончились всѣ европейскія осложненія. А такъ какъ Людовикъ XVIII, котораго онъ же привезъ въ Парижъ на лафетахъ своей артиллеріи, не обнаружилъ, по отношенію къ нему, подобающей признательности и не выказывалъ тѣхъ знаковъ почитанія, которыхъ Александръ считалъ себя въ правѣ ожидать отъ него,—то русскій монархъ настроился относительно Франціи на либеральный ладъ. Послѣ возвращенія Наполеона онъ очень сдержанно относился къ идеѣ возстановленія Людовика XVIII и склонялся къ кандидатурѣ герцога Орлеанскаго. Онъ объяснялъ эту свою перемѣну тѣмъ, что Франція желаетъ династіи болѣе либеральной и что онъ не считаетъ себя въ правѣ итти противъ опредѣленно выраженной воли страны. Тутъ, кромѣ одного, чисто личнаго, ощущенія: недовольства противъ Бурбоновъ, сказывалось другое, то́же чисто личное чувство: успокоеніе отъ пережитыхъ страховъ. Онъ думалъ, что Россія сожгла въ пламени патріотическаго одушевленія все свое вольнодумство и считалъ себя съ этой стороны спокойнымъ. Аплодисменты европейскихъ либераловъ доставались ему такимъ образомъ безъ всякаго риска и пріятно ласкали его больное самолюбіе. Въ результатѣ въ сужденія о европейскихъ дѣлахъ приносился тотъ удобный и безопасный либера-

лизмъ, который со стороны казался такъ трудно объяснимымъ практически, романтичнымъ.

Меттернихъ былъ другого мнѣнія. Австрія ближе стояла къ центру европейскихъ осложненій, и руководителю ея политики отнюдь не приходилось проявлять романтизма. Онъ абсолютно не понималъ ни послѣдовательной смѣны фазъ революціи ни характера того возбужденія, которое таилось въ нѣмецкомъ, итальянскомъ, испанскомъ обществѣ. Но онъ инстинктомъ чуялъ, что подъ пепломъ тлѣетъ огонь какой-то крамолы, что этотъ огонь очень опасенъ для царствующей въ Австріи династіи и для классовъ, на которые она опирается. Имъ руководила опредѣленная боязнь, рожденная инстинктивно-вѣрной оцѣнкой положенія. Эта боязнь опредѣляла его ошибки. Еще въ 1814 г., при первой встрѣчѣ съ Меттернихомъ въ главной квартирѣ союзниковъ, Кэстльри далъ ему такую характеристику: «Австрія и на войнѣ и въ правительственныхъ дѣлахъ— держава трусливая. Ея министръ по необходимости долженъ приноравливаться къ обстоятельствамъ. На него взваливается больше ошибокъ, чѣмъ онъ дѣлалъ бы отъ себя. Но и у самого у него ихъ достаточно, хотя онъ обладаетъ зато болѣе значительными способностями для подталкиванія машины впередъ, чѣмъ кто-либо другой въ главной квартирѣ» (письмо къ Ливерпулю, 26 февр. 1814). Эта необыкновенно хорошо подмѣченная особенность Австріи, какъ державы, давящая на всю дѣятельность Меттерниха, была главнымъ факторомъ европейской политики эпохи конгрессовъ. Австрія боялась революціи, и Меттернихъ велъ съ ней борьбу. Какъ онъ велъ эту борьбу?

Дипломатія и дипломатическое искусство бываютъ разныя. Лучшая дипломатія та, которая исходитъ въ своихъ выкладкахъ и въ своихъ дѣйствіяхъ изъ оцѣнки внутренняго политическаго состоянія каждаго государства, ищетъ въ нихъ равнодѣйствующую національныхъ силъ, опредѣляетъ ея направленіе, расчитываетъ потомъ, какъ національныя равнодѣйствующія будутъ сталкиваться на международной аренѣ и по этимъ даннымъ составляетъ свою линію поведенія. Такъ дѣйствовали англичане: Каннингъ, за нимъ Пальмерстонъ, отчасти Гарденбергъ. Мастеромъ этой, если можно такъ выразиться, научной дипломатіи былъ Бисмаркъ. Если бы у Наполеона была хорошая политическая подготовка, онъ не имѣлъ бы соперниковъ въ этой области. Меттернихъ абсолютно не понималъ такой дипломатіи. У него недоставало для этого теоретическихъ идей, твердыхъ принциповъ и умѣнія разгадывать національныя настроенія. Его дипломатія была другая. Она у него неразрывно связывалась съ единичными людьми. Въ мысляхъ отдѣльныхъ людей онъ умѣлъ читать, ихъ настроенія онъ умѣлъ разгадывать. И, что самое существенное, онъ умѣлъ находить тѣхъ людей или того человѣка, на которыхъ нужно было дѣйствовать, чтобы добиться своихъ цѣлей, въ каждое данное время, во всѣ моменты крупныхъ осложненій.

Онъ наблюдалъ революцію во Франціи, грандіознѣйшее событіе цѣлаго періода. Онъ не понималъ ея. Въ ней онъ видѣлъ одно разрушеніе, одну анархію и не разглядѣлъ напряженнѣйшаго соціальнаго и политическаго творчества. И разумѣется, сдѣлался ея врагомъ. Когда революція перешагнула черезъ Рейнъ, и чуткіе люди среди нѣмецкихъ

политиковъ: Форстеръ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Гарденбергъ, Гнейзенау Шарнгорстъ, поняли ея творческую роль; когда Штейнъ, обращенный фактами, положилъ революціонный методъ въ основу своихъ реформъ, чтобы оплодотворить вызванный революціей національный подъемъ,—Меттернихъ продолжалъ смотрѣть на нее, какъ на длительную анархію и не воспользовался ни однимъ зерномъ ея. У него была своя вѣра: во всемогущество и незыблемость бюрократическаго абсолютизма. Онъ никогда не пришелъ къ пониманію того, что конституціонный принципъ представляетъ политическую цѣнность. Притворно или серьезно онъ увѣрялъ, что не существуетъ различія между англійской конституціей и французской 1793 года. Политику французскихъ доктринеровъ онъ считалъ опаснѣе радикализма, про Карла X, только что вступившаго на престолъ, говорилъ, что онъ... «склоняется влѣво». И, наконецъ, однажды объявилъ, что «Франція и Англія могутъ быть разсматриваемы, какъ страны, лишенныя правительства». Это было особенно остроумно сказать про Англію, правительство которой взорвало на воздухъ—и безъ всякаго труда—зданіе Священнаго союза, охраняемое коалиціей четырехъ реакціонныхъ державъ. Австрія потомъ, при Сольферино и при Садовой, была жестоко наказана за этотъ самоувѣренный дипломатическій догматизмъ своего министра. Но Меттерниха нельзя винить въ этомъ. Онъ не былъ виноватъ, что онъ былъ слѣпъ и не умѣлъ видѣть народныхъ движеній. Онъ былъ только дипломатъ. И какъ дипломатъ со своей особой методой, онъ дождался момента, когда можно было начать борьбу съ революціей при хорошихъ шансахъ на успѣхъ.

Ф. Генцъ.

Онъ не могъ разгадать ее, пока въ ней за націей не было видно людей. Онъ чувствовалъ къ ней отвращеніе, какъ человѣкъ извѣстнаго классоваго настроенія, но онъ не видѣлъ никакихъ политическихъ средствъ борьбы съ нею. Но когда революцію проглотилъ одинъ человѣкъ и самъ сдѣлался олицетвореніемъ революціи, Меттернихъ почувствовалъ, что онъ можетъ найти линію поведенія. Онъ попросилъ назначить его посломъ въ Парижъ спеціально для того, чтобъ изучить и разгадать Наполеона. Изучилъ и разгадалъ. Теперь онъ зналъ, какъ бороться съ принципами революціи. И нужно признать, что его политика въ 1812 и 1813 годахъ была шедевромъ дипломатическаго искусства.

Въ 1812 году, до похода Наполеона въ Россію, Австрія была страной, уничтоженной на войнѣ, потерпѣвшей банкротство, обезсиленной. Война Франціи съ Россіей дала Меттерниху возможность поставить ее снова на

прежнее мѣсто. Онъ держался политики «вооруженнаго нейтралитета», а чтобы усыпить недовѣріе Наполеона далъ ему 30.000 вспомогательный корпусъ Шварценберга, получившаго предписаніе не очень серьезно воевать съ русскими. Когда Наполеонъ ушелъ изъ Россіи, а Александръ заключилъ союзъ съ Пруссіей, игра Меттерниха сдѣлалась безпроигрышной. Австрія занимала фланговое положеніе и могла выступить вершительницей судьбы. Но Шварценбергъ не былъ готовъ, и, чтобы выиграть время, Меттернихъ выступилъ съ «вооруженнымъ посредничествомъ». Онъ предложилъ Наполеону послѣ Люцена и Бауцена перемиріе, для того якобы, чтобы воюющія стороны, при посредствѣ Австріи, могли столковаться объ условіяхъ мира. На самомъ дѣлѣ ему нужно было дать Шварценбергу время закончить вооруженія. Наполеонъ разгадалъ игру Меттерниха, но у него не было выхода: онъ долженъ былъ принять посредничество. Если бы онъ его не принялъ, онъ показалъ бы, что не хочетъ мира, а это противорѣчило его прежнимъ заявленіямъ и было бы встрѣчено съ неудовольствіемъ во Франціи. Принимая его, онъ зналъ, что даетъ время Австріи подготовиться. Что касается существа переговоровъ, то Меттернихъ былъ увѣренъ, что для Наполеона въ его политическомъ положеніи условія мира окажутся непріемлемы, и тогда передъ лицомъ Европы Наполеонъ окажется виновникомъ вступленія Австріи въ союзъ. Пражскій конгрессъ, на которомъ шли переговоры о мирѣ, былъ настоящимъ тупикомъ для Наполеона. Онъ рвался, но сѣти, которыя онъ самъ сплелъ для себя, кинувшись очертя голову въ русскую авантюру, и которыми теперь такъ ловко пользовался Меттернихъ, были крѣпкія. Наполеонъ запутался въ первый разъ въ жизни. А когда насталъ срокъ, указанный Шварценбергомъ, Меттернихъ оборвалъ переговоры и примкнулъ къ Россіи и Пруссіи.

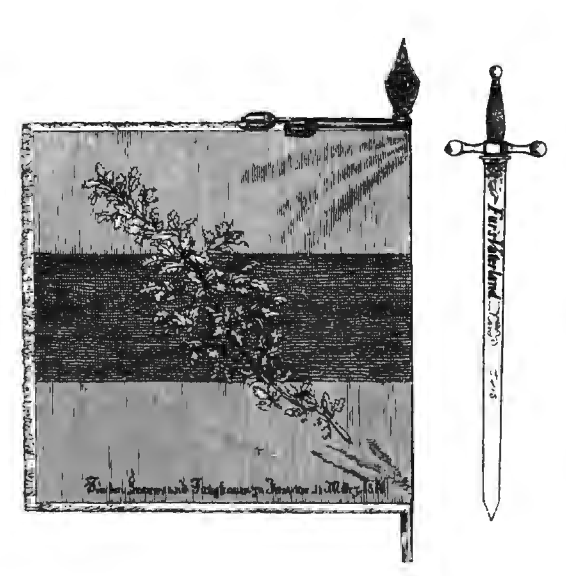
Этимъ не кончился дипломатическій поединокъ съ Наполеономъ. Во Франкфуртѣ онъ еще разъ предложилъ Наполеону начать переговоры, исходя изъ основы оставленія Франціи въ естественныхъ границахъ. Ни онъ, ни союзные монархи не собирались уступить Франціи эти естественныя границы, но Меттернихъ зналъ, что Франція встрѣтитъ это предложеніе съ восторгомъ, а Наполеонъ его отвергнетъ и такимъ образомъ передъ лицомъ страны окажется виновникомъ вторженія союзниковъ во Францію. Такъ и вышло. Для Меттерниха лучшимъ торжествомъ была фраза Наполеона, сказанная по поводу франкфуртскаго манифеста,—если только она не изобрѣтена самимъ побѣдителемъ императора французовъ. Наполеонъ сказалъ будто бы: «Только Меттернихъ могъ написать это. Чтобы говорить о Рейнѣ, Альпахъ и Пиринеяхъ, нужно было быть мастеромъ на части хитростей. Такая мысль могла прійти лишь человѣку, который знаетъ Францію такъ хорошо, какъ онъ». Во всякомъ случаѣ, фраза, подлинная или вымышленная, вѣрно оцѣнивала факты. Манифестъ союзниковъ положилъ начало отчужденія между Франціей и Наполеономъ, которое, въ концѣ-концовъ, погубило его. Побѣда досталась Меттерниху потому, что онъ зналъ человѣка. Побѣждать по-другому онъ не умѣлъ [1]).

---

[1]) См. блестящую статью Альбера Сореля „Metternich" въ „Essais d'histoir et de critique". Сорелю вообще принадлежитъ лучшее, что написано о Меттернихѣ: въ „Europe et Révolution" и въ отдѣльныхъ очеркахъ.

На Вѣнскомъ конгрессѣ задача Меттерниха облегчалась тѣмъ, что онъ былъ окруженъ дипломатами. Изъ нихъ только одинъ оказался искуснѣе его — Таллейранъ. Остальными, въ томъ числѣ и Александромъ и Кэстльри онъ игралъ, какъ хотѣлъ. А возвращеніе съ Эльбы, раздавившее Галлейрана, сдѣлало его снова господиномъ положенія и онъ началъ подготовлять свой второй дипломатическій шедевръ.

Въ эпоху успокоенія, чтобы получить свободу въ дѣлѣ борьбы съ революціей, онъ тоже искалъ человѣка, дѣйствуя на котораго онъ могъ надѣяться осуществить свою политическую задачу. И опять нашелъ, хотя на этотъ разъ съ бо́льшимъ трудомъ. То былъ Александръ, который увлекаясь личными побужденіями, пытался одновременно вести двѣ противоположныя линіи, ни одна изъ которыхъ не была искренней: линію Священнаго союза и линію либерализма. Методика Священнаго союза всегда претила Меттерниху, ибо онъ былъ практикъ и не любилъ безсодержательныхъ, невѣсомыхъ настроеній. Но идеологія Священнаго союза ему по крайней мѣрѣ не мѣшала. Наоборотъ, либерализмъ Александра, которому сами либералы вѣрили или дѣлали видъ, что вѣрятъ, и о которомъ во всякомъ случаѣ сильно кричали,—стоялъ Меттерниху поперекъ дороги. И вообще противорѣчіе, въ которыхъ путался Александръ, портили Меттерниху всю его игру.



Символы Буршеншафта.

Меттернихъ всегда относился къ Александру немного сверху внизъ, и отлично умѣлъ пользоваться своимъ главнымъ преимуществомъ передъ нимъ. Александръ всегда былъ заряженъ неожиданностями. Всѣ нити его политическаго поведенія расходились изъ одного узла: изъ его собственнаго я. Свои удовольствія, свои обиды, свои страданія, свое торжество онъ дѣлалъ исходнымъ пунктомъ своей политики, и такъ какъ ощущенія его бывали часто очень перемѣнчивы, то и политика не отличалась и не могла отличаться постоянствомъ. Если какое-нибудь личное ощущеніе держало его долго въ своей власти, какъ ненависть къ Наполеону, онъ могъ обнаруживать послѣдовательность; тогда его крупный дипломатическій талантъ раскрывался весь, и ему на долю выпадали большіе дипломатическіе тріумфы: таково было осуществленіе союза съ Пруссіей въ 1813 году. Но вообще Александръ былъ само непостоянство. Поэтому положиться на него можно было только въ одномъ случаѣ: вызвавъ въ немъ какое-нибудь сильное и длительное личное ощущеніе. Меттернихъ этимъ и занялся.

Самъ онъ въ противоположность Александру умѣлъ отдѣлять свои личныя чувства отъ политическихъ расчетовъ. Умъ его былъ холодный.

Интересы его политической системы у него были на первомъ планѣ, онъ не упускалъ ихъ изъ вида и послѣдовательно велъ свою линію. Въ этомъ и было его преимущество передъ Александромъ. Когда ему понадобилось подчинить своей волѣ русскаго царя, нетвердые принципы Александра склонились передъ твердой безпринципностью Меттерниха. Уже на Ахенскомъ конгрессѣ 1818 г. онъ началъ оплетать впечатлительнаго Александра. Во Франціи очередные выборы дали большинство либераламъ. Въ Германіи передъ этимъ студенты устроили вартбургскую демонстрацію, на которой сожгли нѣсколько реакціонно-полицейскихъ сочиненій и символы жандармскаго режима: косичку, офицерскій корсетъ и капральскую палку. Едва пріѣхавъ въ Ахенъ Александръ получилъ «записку» валаха Стурдзы «Sur l'etat actuel de l'Allemagne», гонораръ за которую выплатила, вѣроятно, вѣнская полиція. Тамъ говорилось, что Германія пропадаетъ отъ чрезмѣрнаго либерализма, и что университеты—очаги матежнаго духа, атеизма и сердечной испорченности. А такъ какъ и въ Россіи въ это время уже появились темные еще слухи о сообществахъ въ офицерской средѣ, то Меттерниху было что комбинировать. Либерально-конституціонныя увлеченія царя сразу пошли на убыль. «Идеи» ловкаго бессарабскаго проходимца онъ рѣшилъ использовать въ Россіи и уже не очень спорилъ съ Меттернихомъ насчетъ нѣмецкой крамолы. Во всякомъ случаѣ, Меттернихъ и Генцъ были очень довольны его поведеніемъ. Но онъ еще не совсѣмъ сдался. Около него стоялъ его министръ графъ Каподистрія, который понималъ невыгоды для Россіи близости съ Австріей, толкалъ Александра къ сближенію съ Франціей и старался поколебать въ нестойкой душѣ своего государя привязанность къ идеямъ Священнаго союза. Меттерниха Каподистрія понялъ хорошо и предостерегалъ противъ него Александра. Меттернихъ платилъ своему русскому коллегѣ ненавистью, подкапывался подъ него, но долженъ былъ мириться съ тѣмъ, что Александръ поддавался туго. Нужно было работать дальше. Тутъ подоспѣло убійство Коцебу. Коцебу, какъ и Стурдза, былъ чиновникомъ на службѣ русскаго правительства. Онъ былъ талантливымъ драматургомъ, но, очевидно, литературныхъ гонораровъ ему было мало, и онъ получалъ еще жалованье отъ русской казны. Радикальная молодежь считала его просто полицейскимъ агентомъ. Іенскій студенческій кружокъ «непримиримыхъ» (Unbedingte), объявившій безпощадную войну реакціи, постановилъ умертвить Коцебу. Исполненіе приговора досталось на долю студента Занда, который и закололь его кинжаломъ въ Мангеймѣ 23 марта 1819 г.

Для Меттерниха и его друзей это была неожиданная удача. Она открывала возможность не только немедленно пустить въ ходъ машину репрессій въ Германіи, но и довершить обращеніе Александра. Генцъ писалъ Меттерниху 1 апрѣля 1819 г. «...Я внутренно убѣжденъ, что первой причиной покушенія является—въ особенности, всецѣло!—то неправильное мнѣніе, будто Коцебу возстанавливалъ императора Александра противъ популярныхъ писателей Германіи, противъ университетовъ, будто онъ поселилъ въ немъ вражду къ либеральнымъ идеямъ. Вѣдь извѣстно, насколько вся партія когда-то расчитывала на этого монарха. Она, впрочемъ, достаточно показала, какимъ страшнымъ ударомъ для нея было отступничество царя... Коцебу, слѣдовательно, былъ пораженъ потому,

что эти изступленные люди въ своемъ ослѣпленіи считали его виновникомъ лишенія ихъ покровителя, на котораго они возлагали самыя большія надежды. Такое объясненіе императоръ Александръ найдетъ, конечно, и самъ. Къ тому же онъ долженъ быть лично оскорбленъ покушеніемъ на одного изъ своихъ государственныхъ совѣтниковъ... Его поведеніе со времени вартбургскихъ эксцессовъ, языкъ, которымъ онъ говорилъ при всякихъ обстоятельствахъ, идеи и чувства, которыя онъ высказывалъ до, во время и послѣ ахенскихъ совѣщаній, — все заставляетъ надѣяться, что онъ будетъ въ этомъ вопросѣ дѣйствовать очень серьезно»... Въ этомъ письмѣ, какъ нетрудно видѣть, Генцъ очень ловко, почти незамѣтно, подсказываетъ своему патрону разные дипломатическіе мотивы, увѣренный, что онъ сумѣетъ найти имъ примѣненіе. Меттернихъ отвѣчалъ Генцу очень удовлетвореннымъ тономъ: «... Несчастіе имѣетъ свою полезную сторону. Печальный конецъ бѣднаго Коцебу даетъ намъ argumentum ad hominem, который герцогъ Веймарскій со всѣмъ своимъ либерализмомъ не будетъ въ состояніи опровергнуть. Всѣ мои усилія будутъ направлены къ тому, чтобы дать дѣлу наилучшее движеніе и извлечь изъ него наибольшія выгоды, какія возможны. Я буду дѣйствовать энергически въ этомъ смыслѣ... Мы не замедлимъ увидѣть, что скажетъ русскій императоръ насчетъ такого, любезнаго обращенія съ его государственными совѣтниками въ Германіи»... Но почему-то Александръ дразнилъ любознательность обоихъ друзей довольно долго. 3 іюня Генцъ писалъ Меттерниху: «Вещь въ высокой степени странная — то глубокое молчаніе, которое хранитъ императоръ Александръ по поводу покушеній противъ Стурдзы и Коцебу. Я не могу сказать, чтобы это меня мучило, ибо его вмѣшательство не принесло бы большой пользы, если бы даже онъ нашелъ настоящую линію поведенія (а у него было сто шансовъ противъ одного, что она отъ него ускользнетъ). Но мнѣ очень любопытно знать, какъ объяснится со временемъ это молчаніе». Меттернихъ тоже, очевидно, не зналъ ничего, ибо онъ не вывелъ Генца изъ неизвѣстности. Зато пока Александръ молчалъ, Меттернихъ обработалъ прусскаго короля и среднихъ монарховъ Германіи. Общими силами они скоро облагодѣтельствовали страну полицейской конституціей, носящей названіе карлсбадскихъ постановлееній

А. Коцебу.

Александръ ничего не возражалъ противъ карлсбадскихъ постановленій. Кинжалъ Занда, комментированный агентами Меттерниха, убѣдилъ его. Потомъ пошли революціи: въ Неаполѣ, въ Пьемонтѣ, въ Испаніи. На конгрессѣ въ Троппау, когда рѣшался въ принципѣ вопросъ о вмѣшательствѣ, Александръ получилъ извѣстіе о бунтѣ въ Семеновскомъ полку. Этого было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы подчинить Александра идеямъ Меттерниха. Онъ испугался, а ловкій сердцеведъ

стоялъ на сторожѣ, и окончательно овладѣлъ волею Александра, притворившись, что теперь онъ вполнѣ оцѣнилъ всю глубину идеи Священнаго союза. Меттернихъ обошелъ царя, затронувъ еще разъ его личныя двѣ струны: примкнувъ для виду къ излюбленной политической мечтѣ Александра и снова разбудивъ въ немъ его опасенія о крамолѣ въ Россіи. Въ этомъ отношеніи Троппау было поворотнымъ пунктомъ. Особенно встревожила Александра Семеновская исторія. «Царь думаетъ,—писалъ Меттернихъ 15 ноября 1820 г.,—что должны были быть причины тому, что 3000 русскихъ солдатъ рѣшились на актъ, столь мало отвѣчающій національному характеру. Онъ допускаетъ даже, что все подстроено радикалами, чтобы устрашить его и заставить вернуться въ Петербургъ». Генцъ, настроившійся по этому поводу чрезвычайно радостно, гордо говорилъ; «Теперь есть только двѣ державы: Россія и Австрія», и думалъ про себя, что у этихъ двухъ державъ одна воля: князя Меттерниха. Насколько полно было подчиненіе Александра австрійскому канцлеру, обнаружилось въ Лайбахѣ. Съ лайбахскаго конгресса 9 мая 1821 г. Меттернихъ писалъ слѣдующее: «Сегодня я имѣлъ долгое совѣщаніе съ императоромъ Александромъ... Если когда-нибудь кто сдѣлался изъ чернаго бѣлымъ,—это именно онъ». Вліяніе Каподистріи тутъ было сокрушено, а обращеніе Александра, повидимому, совершилось съ такой стремительностью, что Меттернихъ и самъ уже былъ не радъ. «Будетъ,—пишетъ онъ дальше, большой заслугой съ моей стороны, если я употреблю вліяніе, которымъ теперь пользуюсь, для того, чтобы помѣшать перейти за границы справедливаго и благого. Ибо зло начинается тамъ, гдѣ кончается благо»... И кажется, на веронскомъ конгрессѣ опасенія Меттерниха насчетъ импульсивнаго русскаго царя стали сбываться: Александръ уже шелъ впереди него въ проектахъ репрессій противъ революціонныхъ народовъ. Въ борьбѣ грековъ противъ турокъ русскій царь видѣлъ лишь «революціонный признакъ времени» и горячѣе всѣхъ стоялъ за вооруженное вмѣшательство въ испанскія дѣла. Меттерниху было нелегко удержать Александра на той линіи, которая была выгодна съ точки зрѣнія его австрійскихъ интересовъ. Ибо Александръ, увлекаемый опять личными соображеніями, путалъ планы и расчеты Меттерниха. «Императоръ Александръ,—писалъ Каннингу Веллингтонъ, который представлялъ Англію,—желаетъ вмѣшательства въ дѣла Испаніи, но не иначе, какъ посредствомъ русскаго войска или такой арміи, въ которой русскія войска составляли бы главную часть. Ибо у него на сердцѣ лежитъ забота не столько подавить революцію, сколько занять собственныя войска. Русская армія весьма недовольна его политикой въ восточномъ вопросѣ; она отказалась бы отъ своего желанія обнажить мечъ за грековъ лишь въ томъ случаѣ, если бы императоръ объявилъ, что ему необходимы всѣ его силы для подавленія революціонной партіи на западѣ и особенно въ Испаніи» Съ трудомъ настоялъ Меттернихъ на врученіи карательныхъ функцій Франціи. Новое появленіе русской арміи въ Европѣ вовсе не казалось Меттерниху заманчивой перспективой. Александръ же рвался впередъ все стремительнѣе и со своими новыми настроеніями опять начиналъ уходить изъ рукъ. Если бы онъ не умеръ, Меттерниху, быть-можетъ, пришлось бы думать о томъ, чтобы вновь направить его на другой путь.

Таковы были два крупнѣйшихъ дипломатическихъ шедевра Меттерниха, его побѣды надъ двумя очень искусными противниками, изъ которыхъ каждый въ моментъ начала борьбы былъ сильнѣе Австріи: Наполеономъ и Александромъ.

Онъ до конца жизни Александра такъ и оставался не вполнѣ имъ довольнымъ. Когда Александръ умеръ, Меттернихъ писалъ, восхваляя «монархическій» образъ мыслей В. К. Константина, котораго онъ считалъ уже воцарившимся: «Или я очень ошибаюсь, или начинается исторія Россіи на томъ мѣстѣ, гдѣ кончился романъ». Нѣсколько дней спустя онъ говоритъ въ письмѣ къ другому лицу. «Либеральныя газеты все время связываютъ меня съ императоромъ Александромъ. Онѣ не ошибаются, но они плохо блюдутъ свои собственные интересы. Этимъ либералы побуждаютъ его преемника не разставаться съ человѣкомъ, который умѣлъ вести съ ними борьбу. Ибо я сильно сомнѣваюсь, чтобы императоръ Россіи сталъ когда-нибудь хорошимъ республиканцемъ. Если бы бѣдный Александръ не надѣлалъ грѣховъ въ своей юности; если бы въ зрѣломъ возрастѣ ему не «нехватало чего-то», какъ говорилъ Наполеонъ,—гдѣ былъ бы теперешній либерализмъ?»..

К. Л. Заидъ.

Меттернихъ, конечно, имѣлъ всѣ основанія сомнѣваться, что русскій императоръ сдѣлается когда-нибудь «хорошимъ республиканцемъ», но послѣ всего того, что ему было извѣстно, послѣ лайбахской исповѣди и веронскихъ заявленій, называть романомъ царствованіе Александра было тоже рискованно. Романъ, герои котораго Аракчеевъ, Фотій, А. Н. Голицынъ; романъ, чрезъ который тянется голгоѳа военныхъ поселеній; романъ, который принесъ крестьянамъ новыя цѣпи, вмѣсто обѣщанной за борьбу съ супостатомъ вольности! Что же тогда нужно было назвать не романомъ, а «исторіей»?

Эта реакціонная ненасытность, эта неудовлетворенность никакими репрессивными мѣрами, цѣликомъ исходила изъ политическаго положенія Меттерниха. «Австрія—трусливая держава, а Меттернихъ министръ Австріи». Нѣтъ чувствъ, которое съ большей легкостью порождаетъ жестокости, чѣмъ страхъ. Ибо ему никакія—ни предупредительныя ни карательныя—мѣры не кажутся достаточными никогда. Меттернихъ ни за что не сказалъ бы ни себѣ ни другимъ, что главный двигатель его политики страхъ. Но онъ сознательно внушалъ страхъ сначала Фридриху-Вильгельму III, потомъ Александру, черезъ этотъ страхъ захватилъ власть надъ ними, т.-е. гегемонію, если не въ европейской, то въ средне-европейской политикѣ. Если въ эти годы (1818—1824) онъ такъ много занимался Россіей и всячески стращалъ Александра краснымъ пугаломъ, то только потому, что, имѣя противъ себя русскаго царя, онъ потерялъ бы вліяніе и надъ прусскимъ королемъ и въ концертѣ пяти великихъ державъ. Ибо для него поддерживаніе реакціи во всѣхъ странахъ на наиболѣе высокомъ уровнѣ, какой гдѣ былъ возможенъ, отнюдь не было, какъ для Александра, своего рода политической метафизикой, вытекавшей изъ идей Священнаго

союза, а представляла самую реальную практическую задачу. Упадокъ реакціи, гдѣ бы то ни было немедленно начиналъ грозить какой-нибудь реальной опасностью Австріи. Австрія, какъ сказалъ Таллейранъ, была верхней палатой между державами.

Фикція, которой Меттернихъ разукрашивалъ эгоистическій цинизмъ своей политики, заключалась въ томъ, что народы хотятъ мира, что революція есть война, что поэтому революцію необходимо всемѣрно искоренять. Онъ дѣлалъ видъ, что даже и не знаетъ о томъ, что «народы» еще больше, чѣмъ мира, хотятъ свободы, той самой политической свободы, которая была имъ обѣщана на Вѣнскомъ конгрессѣ. И онъ поэтому не любилъ говорить громко о свободѣ. Когда ему нужно было упомянуть о ней, онъ вмѣсто «свобода» говорилъ «республика». Послѣ этого монархамъ, даже наиболѣе либеральнымъ, сейчасъ же становилось страшно и свободы никакой не получалось.

Встаетъ вопросъ, сколько было искренности въ его политикѣ. Искренность рѣдко бываетъ добродѣтелью дипломатовъ, но неискренность бываетъ у нихъ разная. Все зависитъ отъ воли надъ собою. Александръ принципіально былъ неискреннымъ. Но онъ могъ быть неискреннымъ, т.-е. могъ не обнаруживать своихъ настоящихъ ощущеній только тогда, когда былъ спокоенъ. Когда онъ сердился, а особенно, когда онъ боялся, онъ выдавалъ себя. Наполеонъ становился тѣмъ непроницаемѣе, чѣмъ тяжелѣе ему приходилось. Меттернихъ могъ потерять власть надъ собою только въ моментъ тяжелаго личнаго несчастья,—несчастья, касающагося именно его собственной персоны: даже, когда оно касалось самыхъ близкихъ ему людей, онъ оставался спокоенъ. Въ маѣ 1820 года онъ потерялъ свою любимую дочь Клементину. Ея смерть вызвала лишь нѣсколько холодныхъ декламацій въ его письмахъ къ близкимъ. А въ одномъ изъ нихъ проскальзываетъ фраза, которая изображаетъ Меттерниха во весь ростъ: «Къ счастью, у меня есть способность не терять власти надъ собою даже тогда, когда сердце наполовину разбито. Я доказалъ это въ послѣдніе мѣсяцы. Тридцати членамъ конференціи, которые ежедневно собираются за зеленымъ столомъ, въ голову не могло прійти, что происходитъ внутри меня: я произносилъ рѣчи, длившіяся три-четыре часа, и диктовалъ сотни страницъ». Въ этихъ словахъ много и рисовки, какъ во всемъ, что пишетъ Меттернихъ, но въ нихъ все правда. Онъ былъ человѣкъ безъ сердца, занятый только собой и чувствующій только свои собственныя огорченія. Въ мартѣ 1848 года онъ не только вынужденъ былъ съ позоромъ уйти въ отставку, но и долженъ былъ бѣжать, спасая свою жизнь. Тутъ его «способность» измѣнила ему: вмѣсто великолѣпнаго, гордаго вельможи былъ жалкій старикъ, потерявшій голову, хныкавшій безпрестанно и затруднявшій этимъ женѣ нелегкое дѣло своего спасенія. Добравшись до замка, гдѣ онъ могъ считать себя на нѣкоторое время въ безопасности, онъ безпомощно повалился на диванъ, и дѣти, бѣжавшія изъ Вѣны вмѣстѣ съ нимъ, заботливо покрывали его своими плащами и своими шалями. Позднѣе онъ представлялъ свое бѣгство, какъ фактъ зрѣлаго политическаго размышленія: «Мнѣ больше нечего было дѣлать въ Вѣнѣ послѣ того, какъ я покинулъ свой постъ». Для того, чтобы быть вѣрнымъ правдѣ, онъ долженъ былъ прибавить: «ибо народъ былъ

настроенъ такъ, что при нѣкоторомъ промедленіи я могъ очутиться на фонарѣ». Но когда онъ писалъ «послѣднюю главу» своихъ мемуаровъ, онъ уже успѣлъ оправиться отъ потрясеній и старался по своему обыкновенію обмануть потомство. Такова была его привычка; она цѣликомъ вытекала изъ страсти къ рисовкѣ. Онъ обманывалъ не только своихъ современниковъ. Всѣ его мемуары, вся его переписка подобраны и редактированы такъ (въ этомъ ему помогалъ его сынъ, опубликовавшій много лѣтъ спустя послѣ смерти отца собранные тѣмъ автобіографическіе документы), чтобы у потомства не осталось никакого сомнѣнія въ необычайной геніальности Меттерниха. И не только геніальности, но и душевнаго величія, благородства, даже... либерализма. Когда судьба опрокидываетъ тирана, находящагося на вершинѣ своихъ дерзаній, онъ неизмѣнно исполняется желаніемъ доказать потомству, что онъ какъ разъ въ этотъ моментъ совсѣмъ уже готовъ былъ облагодѣтельствовать людей и что ему помѣшала катастрофа. Мемуары Меттерниха — то же, что бесѣды съ Ласказомъ и Dictées de Sainte Heléne Наполеона. Но если даже у Наполеона апологія выходила мало убѣдительной, то у Меттерниха она выходитъ просто комичной. «Созывъ депутатовъ областныхъ сеймовъ въ принципѣ былъ рѣшенъ, когда мартовскій ураганъ 1848 года опрокинулъ все политическое зданіе». «Я всегда считалъ деспотизмъ, каковъ бы онъ ни былъ, симптомомъ слабости. Тамъ, гдѣ онъ показываетъ себя, — это зло, которое въ самомъ себѣ находитъ свое возмездіе». «Во всѣ эпохи, во всѣхъ положеніяхъ я былъ человѣкомъ «порядка», и я всегда имѣлъ въ виду установленіе «свободы» истинной, а не ложной. Тиранія, какова бы она ни была, всегда была для меня синонимомъ чистаго безумія». Такихъ и подобныхъ сентенцій можно набрать множество въ «послѣдней главѣ» мемуаровъ и въ «завѣщаніи». Если бы вѣрный Генцъ былъ живъ, когда это писалось, если бы онъ могъ прочитать эти торжественныя заявленія своего патрона, они доставили бы ему немало веселыхъ минутъ.

Фальшивость Меттерниха сразу бросалась въ глаза сколько-нибудь внимательному наблюдателю. Наполеонъ по первымъ его шагамъ поставилъ ему безошибочный діагнозъ: «Онъ отлично лжетъ». Если бы Меттернихъ былъ лживъ только въ дипломатическихъ сношеніяхъ, это, вѣроятно, никого бы не удивляло. Но Меттернихъ лгалъ не только тогда, когда это было нужно для блага Австріи, онъ лгалъ всегда, ибо его лживость была слѣдствіемъ его личной безпринципности, его полнаго моральнаго скептицизма. Меттернихъ былъ эгоистъ, и всѣ его поступки имѣли одинъ источникъ—выгоду его собственной персоны. Связавъ свою судьбу съ судьбою европейской, и въ частности австрійской реакціи, онъ научился видѣть въ ней свое личное дѣло, близкое и дорогое. Этимъ объясняется его страстность и стремительность при искорененіи «революціи», его жестокость къ либераламъ, его абсолютная неспособность понять и оцѣнить безкорыстныя побужденія, высшее благородство долга, самопожертвованіе во имя идеи. Чуждый идейныхъ порывовъ, хорошо зная, сколько стоитъ совѣсть любого изъ его приближенныхъ, онъ вѣрилъ или старался вѣрить, что и революціонеры дѣлаютъ свое дѣло за деньги. Искать причинъ освободительнаго движенія въ Германіи и Италіи въ фактахъ соціальнаго роста ему не приходило въ голову. Онъ много

говорилъ о соціальной революціи, но это понятіе у него крайне смутное. Проще и удобнѣе казалась ему другая теорія. Источникъ смуты—вредныя идеи, главнымъ образомъ, иностраннаго происхожденія. Онъ не замѣчалъ, что событія съ каждымъ годомъ краснорѣчивѣе доказываютъ нелѣпость этой теоріи. Слѣпая, почти догматическая вѣра въ нее не покидала его до конца. Свергнутый въ мартѣ 1848 г., онъ бросилъ своимъ побѣдителямъ жалкое заявленіе о томъ, что революцію производятъ «жиды, итальянцы и швейцарцы». Въ «послѣдней главѣ» мемуаровъ, когда онъ имѣлъ возможность обдумать богатый опытъ 1848 года и услышать много вѣрныхъ разсужденій о причинахъ революціи, онъ уже дѣлаетъ нѣкоторыя уступки, но отъ своей теоріи не отказывается. Революцію въ Австріи онъ объясняетъ шестью причинами: 1) продолжительной эпохой мира, которая дала «умамъ, взвинченнымъ соціальной революціей 1789 года», свободное поле для подготовки, 2) недостаточно бдительнымъ надзоромъ со стороны правительства, 3) элементами соціальной революціи во Франціи, которые были обузданы Наполеономъ и получили свободу при Бурбонахъ, 4) поведеніемъ нѣмецкихъ князей, разрушившихъ принципы федеральной организаціи союза, 5) происками польскихъ, итальянскихъ и нѣмецкихъ эмигрантовъ, 6) вліяніемъ, которое пріобрѣли въ Австріи, вслѣдствіе попустительства администраціи, оппозиціонные элементы въ школѣ, въ печати, въ сеймахъ.

Эти строки писались въ 50 годахъ, когда не только были напечатаны журнальныя статьи и брошюры Маркса и его послѣдователей, но когда уже вышла въ свѣтъ знаменитая книга Лоренца Штейна. Вѣдь «шесть причинъ» Меттерниха—дѣтскій лепетъ. Они ничего не объясняютъ. Австрійскую революцію, выросшую, подготовлявшуюся на его глазахъ, онъ такъ же не понялъ, какъ въ свое время французскую. Народныя движенія, принципы, выкованные на огнѣ народныхъ страданій, ему были абсолютно непонятны. Мало того, онъ до конца не былъ знакомъ какъ слѣдуетъ съ той страною, которою онъ управлялъ, съ Австріей. Онъ не понималъ того патріотическаго броженія, которое шло въ Венгріи и особенно въ Итали, не понималъ славянскихъ національныхъ стремленій, чаяній нѣмецкихъ либераловъ. А, самое главное, онъ не представлялъ себѣ ясно, какую тяжесть могутъ и какую не могутъ вынести плохо сколоченные элементы габсбургскаго государства. На Вѣнскомъ конгрессѣ, упоенный побѣдой и опять-таки смущаемый страхомъ, онъ взвалилъ на Австрію ношу, для нея непосильную: онъ взялъ не только Далмацію и Истрію, но и всю сѣверную Италію. Вмѣстѣ съ землями чешской и венгерской короны и гегемоніей въ Германіи это было черезчуръ много. Австрія не могла удержать въ своихъ рукахъ всего сразу. И дѣйствительно, какъ только національное начало въ Европѣ получило свободу, Австрія лишилась Итали, была изгнана изъ Германіи и должна была сдѣлать равноправнымъ членомъ имперіи вчерашнюю рабу, Венгрію. Были люди, которые въ 1814 году понимали неизбѣжность всего этого. Меттернихъ былъ не изъ ихъ числа.

Тутъ сказывалось не только приложеніе собственной эгоистической мѣрки, собственнаго моральнаго скептицизма къ оцѣнкѣ чужихъ побужденій. Тутъ сказывалась поразительная бѣдность теоретическими идеями.

Тамъ, гдѣ дѣло не касалось людей, которыхъ можно наблюдать непосредственно, которыхъ разгадывать онъ умѣлъ очень легко, Меттернихъ обнаруживаетъ полную безпомощность. Зато, когда онъ усвоилъ себѣ какую-нибудь руководящую мысль, онъ держится за нее съ необычайнымъ упорствомъ. Міръ могъ перевернуться: онъ не измѣнялъ своей точкѣ зрѣнія. Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, онъ продолжалъ проводить ее, не боясь остаться совершенно одинокимъ. И вдобавокъ рисовался своимъ одиночествомъ, какъ и всѣмъ другимъ: «Я былъ одинокъ на моральной и политической почвѣ. Я это зналъ, я долженъ былъ это знать, потому что я могъ имѣть подтвержденія этому факту ежедневно и и со всѣхъ точекъ зрѣнія. Долженъ ли я былъ изъ-за этого мѣнять свой образъ мыслей и дѣйствій? Я не захотѣлъ этого, а если бы и захотѣлъ, это было бы мнѣ невозможно. Я никогда не могъ итти противъ совѣсти, не могъ порвать со своими взглядами на то, что справедливо и несправедливо, благоразумно и рискованно, и я всегда былъ гораздо строже къ своимъ собственнымъ поступкамъ, чѣмъ къ поступкамъ другихъ».

Зандъ на пути въ Мангеймъ.
(См. вкладной рисунокъ).

Утверждать съ такой наивной рѣшительностью, что онъ никогда не шелъ противъ совѣсти, могъ человѣкъ, или дѣйствительно чистый сердцемъ, или очень самоувѣренный въ своемъ цинизмѣ.

Меттернихъ былъ самоувѣренъ. Самоувѣренность его была безгранична. Ею онъ гипнотизировалъ нѣмецкихъ и иныхъ дипломатовъ и, зная, какой эффектъ производитъ она, часто старался обнаружить самоувѣренность тамъ, гдѣ ея уже не было. Послѣ побѣды надъ Наполеономъ, упоенный торжествомъ, онъ писалъ: «Я знаю, чего хочу, и что другіе могутъ сдѣлать. Я вооруженъ съ головы до ногъ. Мечъ мой обнаженъ, перо очинено, мои идеи ясны и свѣтлы, какъ кристалльная вода чистаго источника». Его языкъ мало мѣнялся и при пораженіяхъ. Въ 1825 году онъ испыталъ первую крупную неудачу. Вопреки его настояніямъ и проискамъ, Англія, Россія и Франція помогли Греціи завоевать самостоятельность. Меттернихъ въ августѣ 1825 г. писалъ австрійскому посланнику въ Лондонѣ, побуждая его противодѣйствовать планамъ Каннинга: «Ничто не можетъ быть измѣнено, ни въ принципахъ ни въ расчетахъ нашего кабинета, ибо принципы наши правильны, а направленіе нашей политики свободно отъ второстепенныхъ цѣлей. Политика его императорскаго величества имѣетъ всю цѣнность религіи, и расчеты наши никогда не имѣютъ въ виду потребностей дня и момента». По тому же греческому вопросу онъ писалъ въ другой разъ: «Если бы я могъ дѣйствовать самостоятельно, я обязался бы прійти къ быстрому и правильному рѣшенію, ибо въ спорѣ, насъ занимающемъ, весь міръ оши-

бается, за исключенiемъ меня». Даже полное крушенiе его системы въ 1848 году не вылѣчило его отъ самомнѣнiя. Въ мартѣ 1848 г., изгнанный изъ Австрiи, въ Брюсселѣ онъ встрѣтился съ другимъ такимъ же доктринеромъ, съ Гизо, министромъ французскаго короля Луи-Филиппа Двѣ «жертвы» революцiи разговорились, и Гизо услышалъ отъ Меттерниха: «Никогда заблужденiе не касалось моего разума». Эти слова были сказаны съ полуулыбкой, такимъ тономъ, какъ будто Меттернихъ разрѣшалъ своему собесѣднику не вѣрить ему, но просилъ у него разрѣшенiя самому быть въ этомъ убѣжденнымъ. Гизо, передавшiй этотъ любопытный разговоръ, такъ это и понялъ. Онъ оставилъ своему товарищу по несчастью его иллюзiи, которыя тоже не были искренними. Но самоувѣренность не покидала Меттерниха и послѣ катастрофы. «Завѣщанiе» кончается гордой фразою: «Я дѣлалъ исторiю. Поэтому мнѣ некогда было ее писать».

Въ безумномъ ослѣпленiи успѣхомъ Меттернихъ, дѣйствительно, вѣрилъ въ то, что ходъ исторiи предопредѣленъ его политикою разъ навсегда. Идея косности и неподвижности возводилась у него въ культъ: «Я думаю, — писалъ онъ однажды, — что моя душа имѣетъ цѣну потому, что она неподвижна». Неподвижность эта, впрочемъ, была особаго сорта.

Въ житейскихъ дѣлахъ онъ былъ очень подвиженъ душой и умѣлъ пользоваться благами жизни. Больше того, маленькiя сердечныя радости и огорченiя заботили его гораздо больше, чѣмъ вопросы государственные. Какъ настоящiй эпикуреецъ, онъ цѣнилъ свое высокое положенiе больше всего ради утѣхъ, которыя оно ему доставляло. Бесѣдуя съ потомствомъ въ мемуарахъ, онъ пишетъ: «Я ни одного часа не жилъ для себя». Въ этомъ заявленiи столько же правды, какъ и въ томъ, что онъ никогда не шелъ противъ совѣсти. Откроемъ «Дневники» Генца за время вѣнскаго конгресса и посмотримъ, для кого жилъ Меттернихъ въ эти дни, когда рѣшалась судьба Австрiи и Европы. 14 октября Генцъ записываетъ: «Кэстльри склонилъ меня къ мнѣнiю о передачѣ Саксонiи прусскому королю... Возвращаюсь къ Меттерниху. Бесѣда съ нимъ... увы! — о несчастной связи съ г-жой Виндишгрецъ, которая интересуетъ его гораздо больше, чѣмъ всѣ дѣла мiра». 20 октября: «Дѣло герцогини Саганъ... Разговоръ съ Меттернихомъ объ его отношенiяхъ къ ней... У герцогини въ 11 часовъ вечера для переговоровъ по очень важному вопросу». 11 ноября: «Большая бесѣда съ Меттернихомъ все еще больше объ этой проклятой женщинѣ, чѣмъ о дѣлахъ»... Такъ было всегда. Въ 1810 году, когда онъ былъ въ Парижѣ, онъ больше думалъ объ измѣнахъ легкомысленной Каролины Мюратъ, волосы которой онъ носилъ въ видѣ браслета на рукѣ, чѣмъ о переговорахъ съ Наполеономъ.

Онъ любилъ говорить про своего alter ego Генца, что его можно купить шоколадомъ. «Если вы хотите, чтобы Генцъ васъ обожалъ,—пишетъ онъ сыну, пошлите ему конфетъ и какихъ-нибудь модныхъ духовъ». Онъ не находилъ въ этомъ ничего неестественнаго. Онъ понималъ своего Генца. Разстроенное свиданiе съ какой-нибудь придворной дамой заботило его пòрою больше, чѣмъ бѣдствiя цѣлой провинцiи. И ни за что въ мiрѣ

не отдалъ бы онъ добровольно своего сана и своей должности, которыя давали ему возможность безпрепятственно копить милліоны, строить замки, оплодотворять свѣтскихъ красавицъ и вообще чувствовать себя полновластнымъ владыкою и первымъ человѣкомъ повсюду. Этотъ ясный эпикуреизмъ примирялъ съ Меттернихомъ многихъ изъ его современниковъ, отлично его понимавшихъ и хорошо знавшихъ ему цѣну. «Эпикуреизмъ пропитывалъ всю его фигуру своеобразной красотой. Его скептицизмъ въ дѣлахъ нравственныхъ пріобрѣталъ какую-то тонкую грацію, а легкая привольность скрашивала самый цинизмъ. Но это обаяніе было сдѣланное, искусственное, непохожее на врожденное обаяніе, которымъ плѣнялъ, напримѣръ, Александръ.

Конецъ Наполеона (Алегорія).

Но въ одномъ нужно отдать ему справедливость. Какъ бы онъ ни былъ приверженъ къ утѣхамъ и усладамъ жизни, онъ никогда не позволялъ личнымъ чувствамъ вторгаться въ политику. Потому что свои удовольствія онъ любилъ холодною любовью. Въ немъ не было страсти. Даже его главная слабость, женщины,—не будили въ немъ темперамента. Онъ былъ изящно сластолюбивъ, не больше. Съ такой натурой нетрудно сохранить власть надъ собою, и не давать чувствамъ воли въ политикѣ.

Оттого его политика и была такая бездушная.

Въ чемъ же заключалась его система, знаменитая «система Меттерниха»? Въ ней нужно различать двѣ стороны: ея методологію и ея содержаніе.

«Обстоятельства,—говорилъ Меттернихъ,—вопреки мнѣ бросили меня въ политическую жизнь, для которой я былъ вооруженъ умомъ, способнымъ отстаивать только что-нибудь положительное. Мой темпераментъ—темпераментъ историческій, проникнутый антипатіей ко всему, что отдаетъ романомъ. Мой способъ дѣйствія—прозаическій, не поэтическій». Эти слова «завѣщанія» правильно опредѣляютъ форму его дѣйствій, его холодную, бездушную практичность, его сухой политическій прозаизмъ. Набрасывая на склонѣ дней эти строки, опредѣляя политическій типъ, противоположный собственному, Меттернихъ, несомнѣнно, ду-

малъ объ Александрѣ, ибо въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ онъ характеризуетъ его почти въ тѣхъ же словахъ.

Но если Меттернихъ правильно передаетъ форму своей системы, то, опредѣляя содержаніе ея, онъ далеко уходитъ отъ «положительной» точки зрѣнія и явно вторгается въ область «поэзіи».

«Такъ какъ,—говоритъ онъ,—выраженіе система Меттерниха, покоящееся на нелогичной путаницѣ идей, получило цѣнность неоспоримой формулы, я считаю долгомъ объяснить, что составляло основу этой системы. Я возвѣстилъ передъ лицомъ міра систему Меттерниха въ нѣсколькихъ словахъ: «Сила въ правѣ». Это девизъ, который я выбралъ для себя и для моихъ потомковъ... Приложенный къ имперіи, онъ въ качествѣ твердаго фундамента получилъ ея исторію». И дальше, резюме: «То, что называютъ системою Меттерниха,—не система, а примѣненіе законовъ, управляющихъ міромъ. Революціи покоятся на системахъ. Вѣчные законы находятся внѣ того, что имѣетъ по праву лишь цѣнность системы; они выше этого». Въ другомъ мѣстѣ онъ снова комбинируетъ хорошія слова: «Счастливъ, кто можетъ сказать про себя, что онъ не уклоняется отъ вѣчнаго права. Моя совѣсть никогда не отказывается засвидѣтельствовать мнѣ это... Истинная сила — въ правѣ. Безъ права все недолговѣчно».

Какъ всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда ему нечего сказать, а сказать что-нибудь нужно, Меттернихъ нагромождаетъ слова. Приведенныя тирады—самыя положительныя, а много ли въ нихъ реальнаго смысла? Если бы девизъ «la force dans le droit» былъ провозглашенъ Гладстономъ, онъ не нуждался бы ни въ какихъ комментаріяхъ. Сила англійскаго правительства именно въ томъ, что оно опирается на право и уважаетъ право. Меттернихъ, очевидно, не чувствовалъ, что въ его девизѣ такія слова должны были вызывать либо насмѣшку, либо негодованіе.

О какомъ правѣ могъ говорить Меттернихъ? Развѣ не было то правомъ, когда на Вѣнскомъ конгрессѣ нѣмецкіе государи торжественно обѣщали ввести сословную конституцію въ Германіи? А что сдѣлалъ Меттернихъ съ этимъ обѣщаніемъ? Когда нѣмцы начали требовать осуществленія дарованнаго имъ права, ихъ наградили карлсбадскими постановленіями. И не кто иной, какъ Меттернихъ, былъ духовнымъ отцомъ этого вопіющаго преступленія противъ права. Въ этомъ ли была его сила? Но онъ говоритъ не всегда о правѣ просто. Ему онъ предпочитаетъ «вѣчное право, т.-е., очевидно, такое, которое изначала принадлежитъ какъ индивидууму, такъ и коллективу. А что онъ дѣлалъ съ этимъ вѣчнымъ правомъ, когда люди поднимали голосъ во имя его? Если это были отдѣльные итальянскіе патріоты, какъ Сильвіо Пеликко, ихъ гноили въ Шпильбергѣ, если это были группы людей, какъ въ Пьемонтѣ, Неаполѣ, Испаніи, — противъ нихъ посылали солдатъ съ пушками, и топили въ крови мечты о «вѣчномъ правѣ». Если это были польскіе патріоты, на нихъ натравливали крестьянъ, и чудовищная полицейская пугачевщина выбивала изъ вольнолюбивыхъ шляхетскихъ головъ безсмысленныя мечтанія. Если это былъ вольный городъ Краковъ, пользующійся своими «правами» тоже отъ Вѣнскаго конгресса, его присоединяли къ Австріи. Если это были греки, которые вопили о «правѣ» подъ

саблями башибузуковъ, имъ совѣтовали сидѣть смирно и терпѣть все отъ своего легитимнаго государя.

И все это творилось либо по приказанію, либо съ соизволенія и одобренія краснорѣчиваго апостола «вѣчнаго права». Одно только вѣчное право признавалось священнымъ,—право, «освѣщенное исторіей», легитимное право монарховъ, легитимное право дворянства, легитимное право духовенства, какъ то́ было растолковано у евангелистовъ безвременья, не признающаго «системъ»: Галлера и Ад. Мюллера.

Другими словами, позволить себѣ роскошь имѣть права, или ссылаться на права могли только тѣ, у кого была сила. Въ такой перестановкѣ девизъ Меттерниха былъ бы вѣрнымъ отображеніемъ его системы. Ибо, очевидно, «примѣнять законы, управляющіе міромъ», значило не что иное, какъ провозглашать силу правомъ и сокрушать тѣхъ, кто этому не хотѣлъ вѣрить.

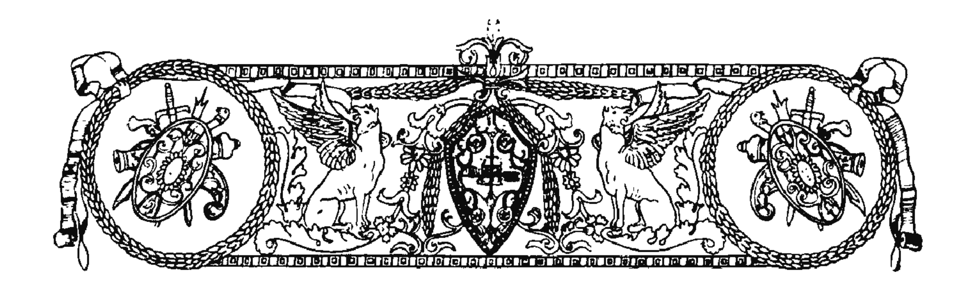
Въ этомъ и заключалась «система Меттерниха». Оригинальнаго въ ней не было рѣшительно ничего. Ее примѣнялъ деспотизмъ, начиная съ ассирійскихъ и египетскихъ царей, и она всегда имѣла одно и то же содержаніе. У Меттерниха были оригинальны лишь детали. Какъ дипломатъ, онъ хотѣлъ сдѣлать свой деспотизмъ международнымъ, организовать международное общество взаимнаго страхованія отъ революціи. И все съ одной и тою же цѣлью: чтобы въ Австріи жива была и благоденствовала династія Габсбурговъ и чтобы при ней жилъ и наслаждался ея вѣрный палладинъ князь Венцеславъ-Клементій-Непомукъ Меттернихъ, владѣтель Дарувара и Іоганнисберга, герцогъ Портелла, грандъ и герцогъ Испаніи, кавалеръ безчисленныхъ австрійскихъ и иностранныхъ орденовъ и прочая, и прочая, и прочая.

Чувствовалъ ли самъ Меттернихъ глубокое лицемѣріе своихъ заявленій, чувствовалъ ли онъ цинизмъ своихъ торжественныхъ громкихъ девизовъ, настолько прозрачный, что онъ уже переставалъ быть возмутительнымъ и становился только смѣшнымъ?

Въ тѣ рѣдкія минуты, когда ему надоѣдало стилистическое пустозвонство и самовлюбленныя рѣчи къ потомству, пополняющія теперь восемь толстыхъ томовъ его мемуаровъ, онъ проговаривался: «Моя жизнь совпадаетъ съ отвратительнымъ періодомъ. Я явился въ свѣтъ либо очень рано, либо очень поздно. Теперь я не гожусь ни на что... Я провожу жизнь въ томъ, чтобы подпирать зданія, изъѣденныя червями».

Въ «послѣдней главѣ» мемуаровъ онъ скажетъ это по-другому: «Je suis l'homme de ce qui etait», что въ вольномъ переводѣ означаетъ: «Я дѣйствую во имя того, что умерло и умерло безповоротно»...

А. Дживелеговъ.



Двѣ гравюры изъ книги „Christosophia“.

IV. Идеологія реакціи.

Проф. М. А. Рейснера.

Идеологія реакціи начала XIX вѣка опредѣляется прежде всего своей полемической природой. Реакція имѣетъ только одного врага, это—революцію. Реакція постольку одностороннее движеніе назадъ, поскольку революція, даже усмиренная Наполеономъ, была движеніемъ впередъ. Здѣсь противодѣйствіе равно дѣйствію и противоположно, и эта противоположность позволяетъ намъ a priori предвидѣть всѣ пункты и положенія, которые со стороны реакціи должны были встрѣтить наибольшую оппозицію. И для того, чтобы понять идеи попятнаго движенія, надо выяснить себѣ, подъ какимъ знаменемъ шло движеніе впередъ.

Революціонная «гидра», воплощенная для Европы въ образѣ корсиканскаго «выскочки», была проникнута раціонализмомъ; это—исконный методъ мышленія «третьяго сословія», городской культуры, новыхъ скрижалей разума и природы. И этотъ холодный раціонализмъ, переворачивающій всю жизнь во имя отвлеченныхъ понятій, эта политическая метафизика, самодержавно декретирующая преображеніе міра,—они и подлежали уничтоженію въ первую очередь. Пора была замолкнуть самонадѣянной человѣческой мысли, такъ ярко обнаружившей свое безсиліе

предъ старымъ порядкомъ, пора была смириться гордому человѣку и искать спасенія тамъ, гдѣ ищутъ его нищіе духомъ. Лейпцигская битва и Ватерлоо были не только побѣдой порабощенныхъ народовъ надъ супостатомъ— вмѣстѣ съ Бонапартомъ погибала гордыня раціонализма, стремившагося къ всемірному царству. И съ побѣдой «неисповѣдимыхъ судей» надъ человѣкомъ, съ торжествомъ старыхъ силъ надъ новымъ порядкомъ естественно было вернуться къ спасительной мистикѣ и романтикѣ, этой опорѣ Богомъ установленной власти и священной дѣдовской традиціи.

Такъ должно было быть, и такъ, дѣйствительно, оно и произошло въ реакціонной теоріи первой четверти XIX вѣка. Начало здѣсь положила Франція: иллюминатъ Сенъ-Мартенъ первый провозгласилъ мистическую индукцію, какъ единый источникъ познанія, и на немъ основалъ «святой деспотизмъ милосердія». За нимъ доказалъ Де-Мэстръ безсиліе разума человѣческаго предъ всемогуществомъ Бога. Къ божественной истинѣ для своего ученія объ обществѣ прибѣгъ маркизъ Бональдъ, а въ духѣ христіанства видѣлъ Балланшъ основу небеснаго посланничества Запада. И до такой степени былъ дискредитированъ человѣческій разумъ, что демократъ Ламенэ лишь въ мистической индукціи могъ найти основы равенства и свободы! Достойно дополнялъ всѣхъ этихъ папистовъ, теократовъ и клерикаловъ Шатобріанъ, творецъ новой романтики отжившаго средневѣковья.

(Арндтъ I. Объ истинномъ христіанствѣ М. 1833—35 гг.)

Германія не только восприняла и развила новую точку зрѣнія: она дала имъ высокое оффиціальное торжество. Теократы были здѣсь охотно приняты въ нѣдра различныхъ государственныхъ канцелярій и пользовались покровительствомъ всемогущаго Меттерниха, духовнаго главы реакціоннаго похода. Отмѣтимъ среди этихъ мистиковъ Адама Мюллера и Фридриха Шлегеля, Іосифа Герреса и Людвига Галлера. Въ религіозномъ чувствѣ и церковномъ законѣ, въ божественномъ порядкѣ и небесномъ Провидѣніи они искали и находили исходный пунктъ и высшее освященіе старой мудрости, ниспровергнутой было лжеученіемъ раціонализма. И если Фихте высшей цѣлью государства провозгласилъ нахожденіе образа Божьяго на землѣ, а Шлейермахеръ въ религіозномъ чувствѣ открылъ обновленіе человѣка, то не иначе поступилъ и величайшій реакціонный философъ Германіи Гегель. И здѣсь въ основу всего мышленія

и всей исторіи легло одно понятіе вѣчно возвращающагося къ самому себѣ абсолютнаго Духа.

Воистину мы видимъ здѣсь передъ собой новый духъ времени, духъ эпохи; и настолько сильно было отвращеніе не только политиковъ, но и философовъ и ученыхъ отъ чистаго раціонализма, что даже тѣ изъ нихъ, которые придерживались сравнительно умѣренной точки зрѣнія или даже выступали противъ реакціоннаго гнета, не могли обойтись безъ религіи и христіанства, безъ духовной власти и теократической организаціи. Не даромъ современные эпохѣ историки такъ много отдаютъ вниманія религіи и церкви, и даже Сенъ-Симонъ проповѣдывалъ «новый катихизизъ» и даже Огюстъ Контъ, знаменитый основатель позитивизма, закончилъ свою систему новой религіей и культомъ человѣчества! И выводы отсюда не заставили себя ждать.

Первымъ положеніемъ раціонализма было признаніе индивида исходной точкой всѣхъ соціальныхъ построеній. Для революціонной теоріи XVIII в. существовалъ только человѣкъ: отвлеченный, всюду и всегда себѣ равный, одинаковый и неизмѣнный человѣкъ-атомъ, человѣкъ-единица. Это его потребности перевернули и взбудоражили всю Европу, его «естественныя», «неотчуждаемыя», «священныя» права ниспровергли алтари и троны, подняли полчища санкюлотовъ, вдохновили взбунтовавшихся рабовъ. И если вѣнцомъ революціи былъ народный суверенитетъ, то и онъ представлялся лишь порожденіемъ «общей воли» разумныхъ и свободныхъ единицъ, индивидовъ, пожелавшихъ установить свой порядокъ и свое государство. Совершенно естественно, что когда настала реакція, а «революціонную» эпоху смѣнилъ «органическій» застой, съ именемъ индивидуализма оказались связанными самые мрачные опасенія и страхи. Было забыто совсѣмъ, что не разъ индивидуализмъ былъ знаменемъ и опорой абсолютизма, а послѣдній особенно любилъ разрозненныхъ людей-атомовъ, справедливо опасаясь ихъ корпорацій, союзовъ и т. д. И если «индивидъ» оказался мятежнымъ девизомъ, конечно, онъ подлежалъ немедленному уничтоженію. Вмѣстѣ съ раціонализмомъ долженъ былъ исчезнуть индивидъ, это взрывчатое оружіе въ рукахъ мятежа и бунта.

Индивида нужно было во что бы то ни стало устранить. И къ этому вело много путей. Можно было прежде всего его обезсилить. И это съ успѣхомъ исполнили теократическія теоріи. Онѣ индивида не уничтожали совсѣмъ. Христіанство, возникшее изъ личной вѣры, не могло отказаться отъ личности совсѣмъ. Но богословствующая философія отлично могла признать человѣка столь безсильнымъ, грѣховнымъ и погибшимъ, что безъ сверхъестественной помощи небесъ онъ оказывался осужденнымъ на духовную и физическую смерть. Такой индивидъ былъ безопасенъ. Его потребности нуждались въ провѣркѣ и очищеніи духовнымъ авторитетомъ. Его права были результатомъ божеской милости. Его удѣломъ были покорность, смиреніе и слезы. Таковъ былъ человѣкъ христіанской мистики и его поставили въ основу угла апостолы реакціонной идеологіи. «Воля человѣка извращена въ основѣ своей самымъ фактомъ его паденія»—утверждаетъ Де-Мэстръ, а отсюда выводъ—человѣкъ по существу пассивенъ, а роль его въ обществѣ ничтожна; и это больше всего доказываетъ исторія самой революціи. По Бональду и Балланшу

индивидуумъ, какъ таковой, вовсе не существуетъ. Въ общественной жизни онъ не играетъ никакой роли. Ихъ воззрѣніе на человѣка вполнѣ раздѣляетъ Галлеръ: человѣкъ не создалъ не только общества, но вообще чего бы то ни было; разумъ своими силами не можетъ рѣшить проблемы о происхожденіи человѣческаго общества; неравенство между людьми— неизбѣжный фактъ природы; человѣкъ, какъ индивидъ, не имѣетъ никакихъ правъ, въ особенности же равныхъ другимъ людямъ...

Другимъ способомъ уничтожить революціонный индивидуализмъ былъ тотъ, который сверхъ указаннаго избралъ Галлеръ для своей теоріи. Это былъ своеобразный патримоніальный эмпиризмъ или реализмъ. Галлеръ рѣшилъ взять жизнь, какъ она есть. И онъ нашелъ, что въ дѣйствительности люди не равны, въ особенности благодаря различію силы и слабости, богатства и нищеты. Индивиды по этому ученію безспорно существуютъ, но индивиды неодинаковые и неравные. И на этомъ «индивидуализмѣ» основывается общественный порядокъ, который есть не что иное, какъ іерархія больше сильныхъ и богатыхъ «индивидовъ» надъ болѣе слабыми и бѣдными. Само собой, что если говорить здѣсь о прирожденныхъ правахъ, то и они оказываются весьма различными въ соотвѣтствіи различію «индивидовъ», и такъ же естественно болѣе сильный индивидъ получаетъ болѣе «прирожденныхъ» правъ, нежели слабый, неотчуждаемыя права котораго превращаются въ «права» личной или крѣпостной зависимости. А такъ какъ далѣе у Галлера сила индивидовъ цѣликомъ совпадаетъ съ прирожденной вотчиннику собственностью, то въ концѣ его «реализма», «естественныхъ правъ» и «индивидуализма» оказывается украшеніе ореоломъ «естества» стараго патримоніальнаго порядка, радикально отрицающаго равенство и свободу. Вмѣсто теократическаго обезсиленія индивида здѣсь мы находимъ его извращеніе и подмѣнъ.

(Эккартсгаузенъ. „Богъ есть любовь чистѣйшая“. СПБ. 1805 г.)

Въ цѣляхъ уничтоженія революціоннаго индивида Бональдъ избралъ иной методъ. Этотъ писатель поставилъ вопросъ на почву научнаго позитивизма и спросилъ себя, что въ дѣйствительности существуетъ раньше, общество или индивидъ. Такъ, подъ прикрытіемъ теократическаго принципа впервые былъ выдвинутъ въ новое время важный соціологическій вопросъ, который впослѣдствіи подвергся серьезной научной разработкѣ. Для Бональда, однако, это былъ не вопросъ науки, а орудіе полемики противъ ненавистной революціи и ея девиза. Поэтому и отвѣтъ здѣсь не заставилъ себя ждать. Мѣсто бунтарскаго «я» должно занять благонамѣ-

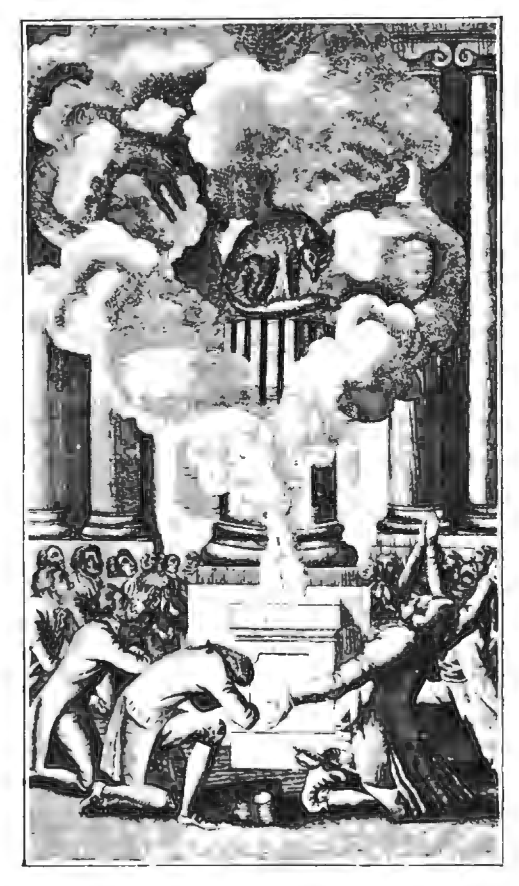
ренно «мы». Не индивидъ создаетъ общество, а, наоборотъ, общество творитъ индивида. Послѣдній цѣликомъ поглощается средой, а слѣдовательно, конечно, у индивида не остается и никакихъ правъ; ихъ замѣняютъ «обязанности» индивида по отношенію къ обществу. Этимъ путемъ индивидъ обезличивается, теряетъ остроту своей юридической личности, превращается въ нравственное существо, которое затѣмъ и погружается въ массу нравственныхъ же связей, образующихъ, въ концѣ-концовъ, большую коллективную семью. Ясно, что и здѣсь индивидъ остается; но у него отнимается весь его пріоритетъ и верховенство. Онъ нисходитъ на положеніе части цѣлаго и обезличивается при помощи внѣ его данной, «общественной» морали.

Всѣ приведенные способы сравнительно довольно вѣрно достигаютъ поставленной имъ цѣли: они устраняютъ революціоннаго индивида съ его равенствомъ и свободой. Но послѣдній изъ нихъ, несомнѣнно, имѣетъ особыя преимущества. Онъ бьетъ въ самое больное мѣсто индивидуализма. Величайшимъ грѣхомъ послѣдняго было какъ разъ пренебреженіе къ той часто подсознательной жизни, которая спаивала людей въ соціальное цѣлое, подчиняла ихъ неотвратимому вліянію среды и лишала не только свободной воли, но даже признаковъ разумности. Вотъ почему «общество» находимъ мы далеко не у одного Бональда: нравственныя связи соціальной среды выдвигаются на первый планъ съ особенной охотой писателями реакціи. И если уже французъ Балланшъ говоритъ, что общество обнимаетъ собой индивида, который пріобрѣтаетъ значеніе и прогрессируетъ только чрезъ его посредство, то ту же мысль читаемъ мы и у Іоганна Мюллера, который смотрѣлъ на міръ какъ на «цѣлое», и у приверженцевъ исторической школы, для которыхъ народъ сливался съ націей, а послѣдняя оказывалась произведеніемъ особаго народнаго или національнаго духа. Французское понятіе «общества», ставшее впослѣдствіи исходнымъ пунктомъ соціологіи Конта, у нѣмцевъ съ успѣхомъ замѣнялось идеей «народности», «народа» или даже «государства». Результатъ во всѣхъ случаяхъ былъ одинъ: индивидъ былъ поглощенъ извѣстнымъ коллективнымъ тѣломъ.

Была еще одна политическая причина, почему серьезный перевѣсъ и длительное существованіе было обезпечено гораздо болѣе за теоріей общества или націи, чѣмъ за ученіями Галлера или теократовъ. Революція, а еще въ большей мѣрѣ патріотическое движеніе освободительныхъ войнъ далеко не прошло даромъ. И если въ лицѣ Наполеона былъ пораженъ революціонный индивидуализмъ, то это еще не значило, что вмѣстѣ съ нимъ погибло и понятіе народа. Не надо забывать, что этотъ самый «народъ», существованіе котораго совершенно не признавалось въ донаполеоновскую эпоху, теперь не могъ уже быть ни забытъ, ни отрицаемъ. Было ясно предъ глазами всѣхъ, что именно «народъ» поднялся въ защиту отечества противъ чужеземнаго гнета, «народный» или «національный» энтузіазмъ создалъ непобѣдимую силу, сокрушившую корсиканца, одинъ «народъ» былъ вѣренъ своей родинѣ тогда, когда его вѣнценосные владыки пресмыкались у ногъ завоевателя. Въ этомъ смыслѣ освободительныя войны сыграли совершенно исключительную роль. Безъ преувеличенія можно сказать, что здѣсь впервые изъ своего рабскаго

подземелья вышелъ народъ и былъ признанъ какъ политическій факторъ громаднаго значенія самой государственной властью. Къ народу писалъ свои пламенныя рѣчи Фихте, обращался къ «нѣмецкой націи», къ народу взывалъ прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III языкомъ своихъ манифестовъ, о народѣ упоминаетъ даже сподвижникъ Меттерниха Фридрихъ Генцъ, желавшій поставить препону слишкомъ быстрому поступательному движенію европейскихъ народовъ.

Игнорировать народъ уже было невозможно; самый терминъ «общество», народъ или нація былъ своего рода компромиссомъ, уступкой духу времени, и потому это понятіе могло найти широкій доступъ и туда, гдѣ не хотѣли отказаться цѣликомъ отъ пріобрѣтеній бурной эпохи. И терминъ этотъ имѣлъ громадное удобство для реакціонной идеологіи; онъ допускалъ весьма различное толкованіе. Двусмысленность этого понятія могла сослужить великую службу. Для революціи народъ былъ совокупность самодержавныхъ индивидовъ; съ понятіемъ этимъ необходимо сочеталась идея народнаго суверенитета. Но вѣдь народъ можно было понимать и совершенно иначе, какъ духовный организмъ; какъ охваченную энтузіазмомъ патріотизма націю, которая соединяетъ съ готовностью жертвы любовь и преданность къ своимъ державнымъ вождямъ. Такъ гордая нація демократіи нечувствительно превращается въ вѣрно преданный народъ, который Самимъ Богомъ одушевленъ на подвигъ служенія великой идеѣ государства. Съ устраненіемъ индивидуализма народъ становится не только безопасенъ, но нуженъ и необходимъ реакціонной политикѣ, какъ благодарный объектъ для «деспотизма милосердія» — для диктатуры сердца. Не даромъ русское славянофильство ведетъ свое начало отъ нѣмецкихъ Шлегелей и Шлейермахеровъ—и здѣсь и тамъ народъ былъ принятъ не какъ царь, а какъ послушный подданный своего господина!



(Эккартсгаузенъ. „Благоразуміе соединенное съ добродѣтелью“. СПБ. 1805 г.).

Послѣ того, какъ «народъ» былъ обезвреженъ, въ реакціонной теоріи настало время для уничтоженія второго чудовища смуты; такимъ образомъ дошла очередь до естественнаго права, этого закона разума и природы, который служилъ въ рукахъ революціи средствомъ всеобщаго ниспроверженія. Естественное право—казалось бы, съ нимъ не можетъ быть сопряжено никакихъ разрушительныхъ тенденцій. На самомъ дѣлѣ,

однако, все оказалось не такъ; традиціонный порядокъ, освященный вѣками, былъ признанъ во время революціи противоестественнымъ, уродливымъ, ненормальнымъ. Естественнымъ было провозглашено лишь то, что освобождаетъ человѣка отъ всѣхъ обычныхъ сдержекъ и путъ, только одинъ разумъ оказался способнымъ постигать естество; только имъ одобренныя правила и идеи должны были стать вѣчнымъ непреложнымъ закономъ человѣческой жизни, который со всею силой естественной необходимости разрушалъ всѣ препятствія и державно подчинялъ себѣ жизнь. Подобно закону механики, выраженному въ строгой математической формулѣ, который затѣмъ побѣждаетъ физическій міръ при помощи хитроумной машины, долженъ былъ и этотъ естественный законъ человѣческой жизни дать ходъ новой машинѣ человѣческаго счастья. Ясно теперь, какое взрывчатое вещество было скрыто въ понятіи права, основаннаго на естественномъ законѣ. Предъ его верховнымъ величіемъ должно было склониться все, и тотъ, кто въ свои руки получалъ этотъ Архимедовъ рычагъ необычайной обязательной силы, не только могъ, но и долженъ былъ въ дѣйствительности ниспровергнуть всѣ нормы слѣпого и темнаго обычая, нелѣпыхъ старыхъ предразсудковъ, дикихъ суевѣрій или неправильно понятаго, ошибочно опредѣленнаго интереса. Вѣдь такъ въ дѣйствительности и поступали всѣ эти Сенъ-Жюсты и Робеспьеры, Мараты и Дантоны и великій ихъ наслѣдникъ, «антихристъ» Бонапартъ!

И вотъ мы видимъ цѣлый рядъ пріемовъ, которые должны окончательно дискредитировать природу и разумъ въ качествѣ источниковъ естественнаго права. И не должно думать, будто при этомъ идеологи реакціи шли особенно оригинальными или новыми путями. Уже у теократовъ, несмотря на все ихъ недовѣріе къ человѣческому разуму, мы встрѣчаемъ ту же діалектику и логику, какъ у революціонныхъ мыслителей XVIII в., которые слѣпо вѣрили философскому разсужденію. Такъ, Бональдъ и Де-Мэстръ нисколько не меньше Руссо или Монтескье говорятъ о вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законахъ природы. И для нихъ «всѣ случайности общественной жизни извѣстны, путешествіе вокругъ соціальнаго міра совершено; не остается болѣе неоткрытыхъ земель, и наступилъ моментъ предложить человѣку карту моральнаго міра». А Галлеръ идетъ еще дальше. Онъ прямо обращается къ понятію естественнаго права и возводитъ въ эту категорію фактическій порядокъ силы и насилія, который такимъ образомъ и оказывается единственно нормальнымъ и нравственнымъ. Само собой разумѣется, что въ силу этого ненормальнымъ, искусственнымъ и противоестественнымъ оказывается именно то право свободы, равенства и братства, которое считалось «естественнымъ» у революціоннаго индивидуализма. Такой способъ разсужденія не могъ, однако, имѣть особаго успѣха: слишкомъ много было злоупотребленій терминомъ естественнаго права, чтобы можно было повѣрить его новому значенію. Слишкомъ тѣсно былъ связанъ этотъ терминъ съ революціонной «гидрой», чтобы можно было такъ легко употребить его для благонамѣренной теоріи. Вотъ почему имѣли гораздо больше успѣха иныя ученія, откуда было изгнано все, что только могло напомнить старые революціонные грѣхи.

Желанная цѣль достигалась и другимъ путемъ. Разъ естественное право стремилось стать правомъ по преимуществу, правомъ наилучшимъ

и совершеннѣйшимъ, то возникалъ вопросъ о томъ, нужно ли вообще право въ такой степени, какъ это кажется, и не представляетъ ли оно изъ себя по существу весьма второстепеннаго фактора. Вѣдь ясно безъ дальнѣйшихъ словъ, что разъ право вообще перестанетъ играть главенствующую роль въ общественной жизни, то и естественное право, какъ одинъ изъ видовъ права вообще, теряетъ то рѣшающее значеніе, которое оно имѣло при революціонномъ переворотѣ. И въ самомъ дѣлѣ, цѣлый рядъ нравственныхъ идеалистовъ, романтиковъ морали выступаетъ на этотъ путь. Таковы не только Шлегель и Шлейермахеръ, но и Фихте послѣдняго періода, когда онъ, считая право лишь «фактическимъ условіемъ нравственности», отдаетъ все принужденіе исключительно въ руки «воспитателей» или «учителей», а цѣлью государства дѣлаетъ «нравственность», которая и воплощается на землѣ въ силу «божественнаго міроправленія». Заслуживаетъ упоминанія и та положительная ненависть къ праву, юридическому закону и правовой регламентаціи, которую обнаруживаетъ Огюстъ Контъ при построеніи своего идеальнаго государства. Для него право, совершенно въ духѣ позднѣйшаго русскаго славянофильства,—лишь низшая категорія наиболѣе грубыхъ нормъ, по необходимости порождаемыхъ раздорами, корыстью и злобой. Другого права Контъ не знаетъ, и такое право необходимо подлежитъ уничтоженію тамъ, гдѣ царитъ любовь, милосердіе высшихъ и благоговѣйная преданность низшихъ. Любовь уничтожаетъ какую-либо необходимость права, а тѣмъ болѣе естественнаго. Зачѣмъ права и законъ, когда царствуетъ чистый пламень любящаго сердца!

(Гласъ небесной тверди, возвѣщающій смертнымъ бытіе, премудрость и всемогущество Превѣчнаго. М. 1808 г.).

Но такъ какъ все же безъ права, а подчасъ и довольно суроваго, обойтись было нельзя, а кромѣ того, на право претендовали гораздо въ большей степени, нежели народы, ихъ благодѣтельные владыки, то и пришлось искать такого права, которое въ корнѣ отрицало бы всякую революцію. Такимъ могло быть только историческое право стараго режима. Оно и было воскрешено при посредствѣ принципа такъ называемаго «легитимизма». Этотъ принципъ заключалъ въ себѣ не болѣе и не менѣе, какъ «исторически обоснованное право старыхъ династій на господство» и требовалъ продолжающагося признанія этого права. Но такого права было недостаточно. Наполеоновское нашествіе слишкомъ глубоко всколыхнуло народную жизнь. Во многихъ странахъ оно привело

не только къ упраздненію старыхъ троновъ, но и къ радикальной реформѣ гражданскаго и уголовнаго права, финансовъ, процесса и администраціи. И если нужно было повернуть движеніе вспять, то одного легитимизма было мало; онъ задѣвалъ лишь государственные верхи, очень мало касаясь того народа, въ глубинѣ котораго скрывалась обширная правовая жизнь. И если начало легитимизма было достаточно для реставраціи различныхъ свѣтлостей и величествъ на поколебленныхъ тронахъ,—поскольку это не противорѣчило разгорѣвшимся аппетитамъ крупныхъ державъ,—то для оправданія возврата къ устарѣлымъ нормамъ права и процесса этого было недостаточно. Естественному разуму и его законнымъ требованіямъ, идущимъ навстрѣчу самой жизни, надо было противопоставить нѣчто болѣе и близкое, и понятное, и внушительное. Такимъ принципомъ могло быть только понятіе историческаго права, родившагося изъ народнаго духа, выраженнаго не въ раціональномъ законѣ, а въ стихійномъ обычаѣ.

Для такъ называемой исторической школы юристовъ, для Гуго, Савиньи и Пухты, такое построеніе не могло представить особенныхъ затрудненій. Съ одной стороны, факты доказывали яснѣе словъ, что преобразованія народной жизни менѣе всего совершаются подъ вліяніемъ одного удара, хотя бы снабженнаго всею силой французской революціи и всѣмъ разумомъ естественнаго права. Съ другой—народное одушевленіе, патріотизмъ, сознаніе національнаго единства — всѣ эти глубоконародныя силы оказались направленными какъ разъ противъ Наполеона, а съ нимъ вмѣстѣ и противъ революціи. Что до того, что самъ Наполеонъ не только «закрѣпилъ» революцію по его собственному выраженію, но и успокоилъ, важно было лишь то, что онъ повелъ революціонную Францію на Европу, а слѣдовательно, самъ былъ исчадіемъ пресловутой «гидры». Благодаря ненависти къ чужеземному завоевателю легко сочетались такія понятія, какъ народность и историческое право, и для исторической школы матеріалъ былъ готовъ. Гуго провозгласилъ право результатомъ безсознательнаго народнаго творчества наподобіе языка. Пухта установилъ народный духъ въ качествѣ единственнаго источника всякаго дѣйствительнаго народнаго права въ противоположность естественному, а Савиньи блестяще отвергъ какія бы то ни было попытки декретировать свыше кодексы разумнаго или общаго права въ то время, когда самъ народъ въ своей таинственной глубинѣ въ традиціи и обычаѣ творитъ свое истинное право! Этимъ великолѣпно достигалась желанная цѣль. И насильственно устранялось новое и лучшее французское право изъ нѣмецкихъ областей, а на мѣсто его воскрешались ничего не имѣвшіе общаго съ народнымъ духомъ старые вотчинные обычаи, декреты абсолютныхъ князей и обрывки разныхъ жалованныхъ грамотъ въ связи съ искалѣченнымъ римскимъ правомъ домашней переработки. Историческая школа юристовъ, будучи полезной реакціей противъ крайностей революціоннаго догматизма, была далеко не такъ полезна для нѣмецкой практики, возвратившейся вспять къ старымъ сутягамъ, пестрымъ обычаямъ и дореформенному крючкотворству.

У революціонной теоріи оставалось, однако, еще одно преимущество, которое привлекало къ ней сердца, по крайней мѣрѣ, всѣхъ жаждущихъ движенія впередъ. Еще въ эпоху такъ называемаго «просвѣщенія» раціонализмъ

создалъ въ высшей степени оптимистическую и плѣнительную теорію безконечнаго совершенствованія и прогресса, связанную съ именами Кондорсе и Гердера. И то стремленіе къ обновленію человѣчества, которое было присуще революціонному движенію, въ значительной степени коренилось въ той же вѣрѣ во всеобщій прогрессъ, которая одушевляла вождей переворота. Подобная вѣра была въ высшей степени опасна для реакціи, такъ какъ не только звала неустанно впередъ, но и освящала своимъ благословеніемъ лишь то, что могло способствовать или содѣйствовать такому прогрессу. А между тѣмъ реакція не только требовала остановки, но прямого движенія къ реставраціи стараго, возвращенія назадъ. И, чтобы избѣжать обвиненій въ отсталости и непониманіи духа времени, надо было доказать, что эта отсталость обоснована на всеобщемъ законѣ уже не прогресса, а простой эволюціи, а духъ времени въ силу этого закона требуетъ не движенія впередъ, а остановки или даже движенія назадъ.

И въ послѣреволюціонныхъ теоріяхъ, имѣвшихъ громадное значеніе для науки, мы находимъ цѣлый рядъ положеній, которыя въ высшей степени были важны для реакціонной идеологіи. Уже у Сенъ-Симона находимъ мы воспринятое и О. Контомъ различеніе, такъ называемыхъ періодовъ переворота и органическаго строительства, при чемъ эволюція движется какъ разъ при помощи чередованія тѣхъ и другихъ. Теорію медленнаго постепеннаго прогресса выставилъ въ свою очередь историкъ Іоганнъ Мюллеръ, который, признавая общій законъ движенія впередъ, требовалъ реформъ для предупрежденія революціи. Но только знаменитый Фридрихъ Генцъ, талантливый публицистъ, продавшій свое перо Меттерниху, превратилъ эти теоріи въ практическую систему препонъ и остановокъ, которыя должны умѣрять слишкомъ сильное стремленіе, движеніе впередъ. Генцъ по существу нисколько не объявлялъ себя сторонникомъ застоя. Онъ тоже былъ за прогрессъ, въ которомъ бы «духъ порядка» былъ согласованъ съ «духомъ вѣка». Прогрессу «правильному» здѣсь противополагается «ложная свобода революціи», и для перваго основнымъ признакомъ является «система охраненія»; начало «постояннаго поступательнаго движенія впередъ» должно постоянно умѣряться «принципомъ необходимаго ограниченія этого движенія впередъ». Отсюда «каждому образованному человѣку подобаетъ вполнѣ проникнуться обоими принципами сообща и одною рукою развивать, что онъ можетъ, другою — останавливать и задерживать то, что слѣдуетъ». Такъ должно поступать во времена нормальныя, когда равновѣсіе между двумя началами не нарушено. «Когда же, какъ въ нашъ вѣкъ (писано еще въ 1805 г.), преобладающимъ настроеніемъ становится разрушеніе всего стараго, то лучшіе люди должны сдѣлаться неисправимыми старовѣрами», «пристать къ какой-либо партіи» и сдѣлаться «односторонниками». Какъ извѣстно, Генцъ не только «присталъ» за солидное вознагражденіе къ канцеляріи Меттерниха, но и былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей усмирительныхъ конгрессовъ Вѣны и Парижа, Карлсбада, Ахена, Троппау, Лайбаха и Вероны. Здѣсь его «односторонность» проявилась въ полномъ блескѣ.

Философское преодолѣніе революціоннаго прогресса составляетъ безспорно историческую заслугу Гегеля. Въ своей діалектикѣ историческаго процесса этотъ мыслитель сумѣлъ превратить революцію въ необходи-

мый моментъ развитія, который, однако, неизбѣжно и необходимо переходитъ въ свою противоположность для того, чтобы быть поглощеннымъ высшимъ синтезомъ или высшей исторической формой. Такъ постоянно гибнутъ однѣ формы и рождаются новыя, чтобы въ свою очередь дать мѣсто послѣдующимъ явленіямъ. И такъ какъ этотъ процессъ смѣны «положенія» или «тезы» «противоположеніемъ» — «антитезой» — съ завершающимъ ихъ «обобщеніемъ» или «синтезомъ» есть вмѣстѣ съ тѣмъ и процессъ развитія абсолютнаго духа, то и оказывается, въ концѣ-концовъ, что «все разумное дѣйствительно, и все дѣйствительное разумно». Послѣдняя часть положенія является уже незамѣнимымъ оправданіемъ всякаго факта только потому, что онъ фактъ, и становится великимъ палладіумомъ реакціи. Но Гегель завершилъ свою систему еще лучшимъ апоѳеозомъ «дѣйствительнаго». Современный ему политическій строй королевской Пруссіи онъ провозгласилъ вѣнцомъ развитія человѣчества, послѣдней наивысшей ступенью міровой діалектики, идеаломъ абсолюта, завершившаго всемірную исторію. Неудивительно послѣ этого, что спеціально прусская реакція увидала въ лицѣ Гегеля своего пророка и духовнаго вождя, и великій философъ перешелъ въ исторію въ почетномъ званіи королевско-прусскаго государственнаго философа. И на его «діалектикѣ» воспитывались наиболѣе сильныя перья нѣмецкихъ канцелярій.

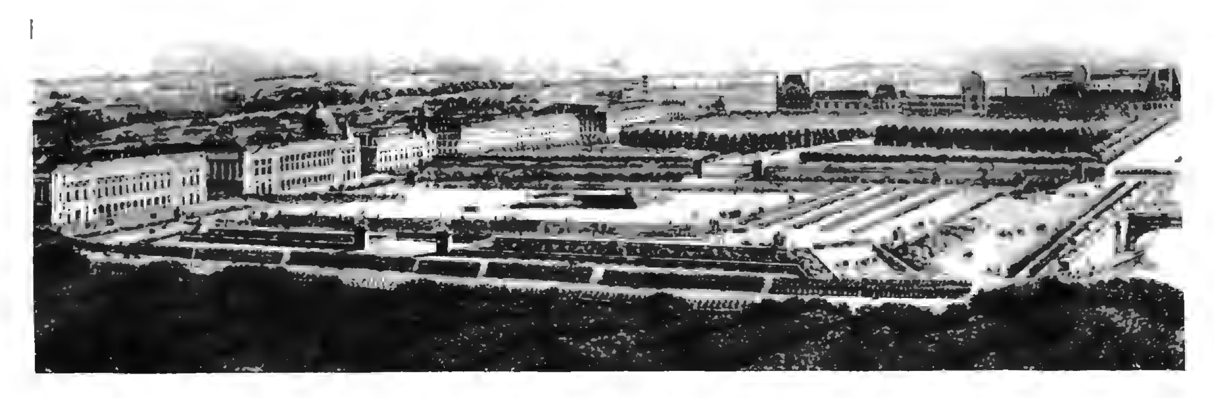
Гегелемъ по существу заканчиваются крупныя свѣтила реакціонной идеологіи. При общей ея оцѣнкѣ надо принять во вниманіе двѣ точки зрѣнія. Съ одной стороны за реакціонной идеологіей скрывался здоровый поворотъ науки и философіи отъ односторонней догматики раціонализма къ историзму и соціологическому міровоззрѣнію. Человѣкъ переставалъ быть отвлеченнымъ атомомъ научной фантазіи, котораго брали независимо отъ пространства и времени и заставляли продѣлывать самые произвольные фокусы во славу идеаловъ равенства и свободы. Человѣка вернули въ историческую среду и установили связь его съ общественной группой. Сама попытка замѣнять слѣпую вѣру въ прогрессъ теоріей закономѣрнаго развитія общества является не только громадной заслугой послѣреволюціонной мысли, но и началомъ истинной соціологической науки. Но рядомъ съ этими научными заслугами реакціонная теорія страдаетъ и величайшими недостатками. И это потому, что она была не только наукой, но и идеологіей, или иначе говоря совокупностью идей, которыя должны были односторонне опредѣлять собой жизнь и дѣятельность общества. И здѣсь нужно установить другую точку зрѣнія.

Въ этомъ смыслѣ реакціонная идеологія принесла много вреда европейскому обществу. Она открыла широкій доступъ мистикѣ и романтикѣ въ область политической мысли и тѣмъ надолго ослабила ея нормальное развитіе. Она отождествила съ революціей индивидуализмъ и содѣйствовала порабощенію личности. На ея отвѣтственности лежитъ и воскрешеніе уродствъ историческаго права, съ его тираническимъ абсолютизмомъ и преобладаніемъ династической корысти надъ интересами и благомъ народовъ. Она оправдала, наконецъ, почти фанатическую ненависть къ тѣмъ идеямъ свободы и равенства, которыя были сожжены на одномъ и томъ же кострѣ вмѣстѣ съ свѣтлой вѣрой въ силу человѣческаго разума, и его непрерывный прогрессъ. Но даже въ своемъ величайшемъ напряженіи

идеологи реакціи не могли не сдѣлать уступокъ «духу времени». Они должны были мириться и съ «народомъ», украшеннымъ ореоломъ освободительныхъ войнъ, и съ національнымъ «творчествомъ» и хотя съ медленной, но вѣрной «эволюціей». И если эти плодотворныя идеи были реакціей изуродованы и искажены до неузнаваемости, то недалекъ былъ и 1848 г., съ которымъ вмѣстѣ вышелъ на сцену революціонный «народъ» и достойно совершилъ дѣло мятежнаго, естественнаго «индивида».

Не даромъ такой умудренный опытомъ дѣлецъ, какъ Фридрихъ Генцъ, писалъ еще въ 1827 г., что, «несмотря на все величіе и силу моихъ покровителей и, несмотря на всѣ отдѣльныя побѣды, ими выигранныя, духъ времени, въ концѣ-концовъ, окажется болѣе сильнымъ, чѣмъ мы,— что печать, какъ я ни презиралъ ея разнузданность, не потеряетъ своего страшнаго превосходства надъ всею нашею мудростью, и что искусство столь же мало, какъ и сила, можетъ остановить вращеніе мірового колеса»... И 1848 годъ вполнѣ оправдалъ эти предсказанія.

М. Рейснеръ.



Молебствіе въ Парижѣ въ день Воскресенія Господня 10 апр. 1814 г. (Совр. грав).

V. Александръ и Европа.

В. И. Пичеты.

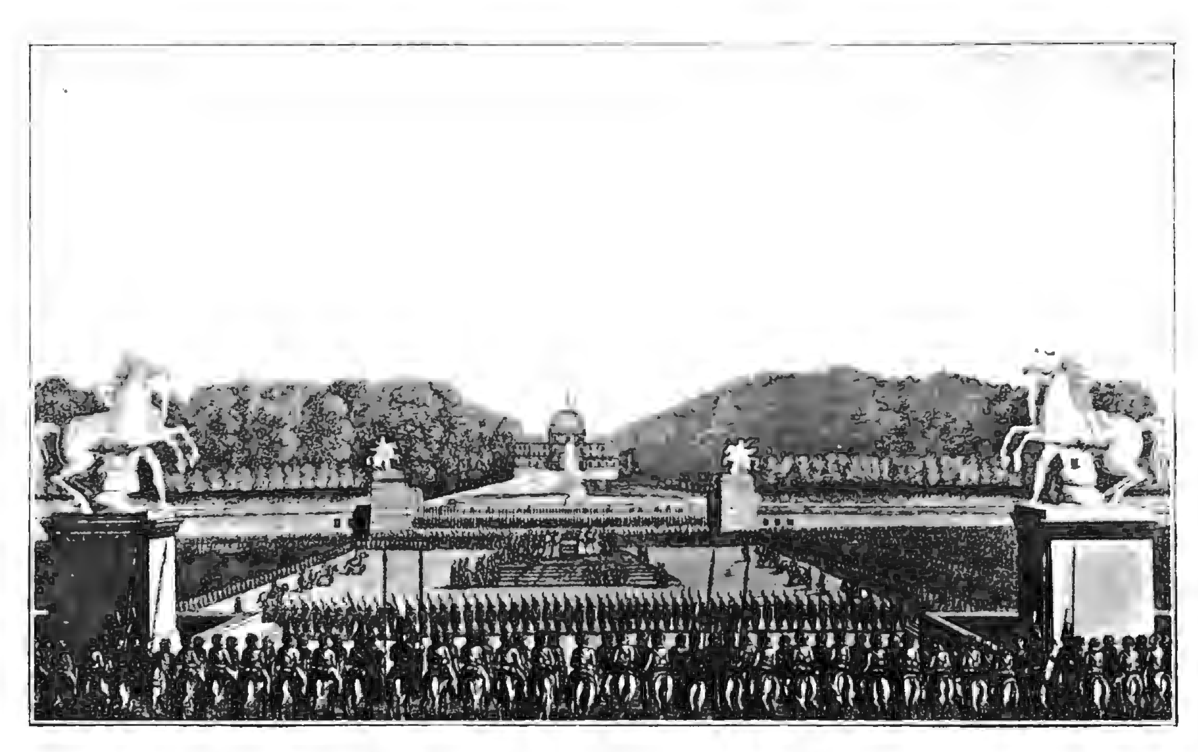
I. Взаимныя отношенія державъ и конгрессъ въ Ахенѣ.

Актомъ Священнаго союза закончилась кровопролитная борьба концерта европейскихъ державъ съ Наполеономъ. Блестящая карьера Наполеона была окончена. Сердца европейскихъ монарховъ наполнились радостью. Освободительная политика Александра укрѣпила расшатанные троны и вернула въ свои владѣнія немало носителей большихъ и малыхъ коронъ, преисполненныхъ самой жгучей ненависти къ очень недалекому прошлому. Но этимъ политическій узелъ событій еще окончательно не развязывался. Европейскія державы взяли на себя отвѣтственную задачу—под-

держивать въ Европѣ порядокъ, дабы сдѣлать невозможнымъ въ будущемъ проявленіе какихъ бы то ни было революціонныхъ вспышекъ и страстей. Но торжество концерта державъ — это не только возстановленіе въ Европѣ нарушеннаго политическаго равновѣсія. Это—полная ликвидація революціонныхъ порядковъ, это — полное возвращеніе къ началамъ полицейскаго абсолютизма и сословнымъ привилегіямъ. Но въ Европѣ по-прежнему было очень много горючаго матеріала, способнаго разгорѣться яркимъ пламенемъ отъ случайно брошенной искры.

Населеніе многихъ европейскихъ государствъ уже успѣло оцѣнить блага новыхъ правовыхъ идей и иныхъ соціальныхъ отношеній и не имѣло ни малѣйшаго желанія добровольно возвратиться къ старому строю. Такъ создавалась проблема возможныхъ европейскихъ осложненій, съ которыми пришлось имѣть дѣло державамъ, подписавшимъ актъ Священнаго союза. Но интересы участниковъ Священнаго союза скорѣе во многомъ расходились, чѣмъ совпадали. Державамъ, въ частности Россіи, приходилось считаться не только съ идеологическими порывами и мечтами, а съ реальными политическими интересами. Это-то и вносило въ политику Священнаго союза нѣкоторую неустойчивость, отчасти и противорѣчіе, а временами грозило полнымъ его разваломъ. Всѣ участники союза—убѣжденные реакціонеры. Въ этомъ отношеніи ихъ объединяло единое политическое міровоззрѣніе. Для существа сложившихся между ними отношеній не имѣло никакого значенія то обстоятельство, что убѣжденія Александра складывались, преломляясь сквозь призму неопредѣленныхъ религіозныхъ началъ—убѣжденія короля прусскаго и императора австрійскаго окрѣпли подъ вліяніемъ инстинктивной ненависти къ революціи и ея идеямъ. Но Александръ не могъ, конечно, желать усиленія политическаго вѣса Австріи и Пруссіи въ ущербъ Россіи. Это и заставляло его итти на компромиссъ, сдерживать черезчуръ сильные аппетиты Пруссіи и Австріи. Впрочемъ, его выступленія никогда не отличались устойчивостью и опредѣленностью, и болѣе ловкимъ и сложившимся политическимъ дѣятелямъ, какъ Меттерниху, не стоило никакихъ трудовъ парализовать неожиданно просыпавшіяся либеральныя чувства, пугая Александра кровавымъ призракомъ всеобщаго террора и революціи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ концертѣ европейскихъ державъ послѣ Вѣнскаго конгресса Александръ, по внѣшности, занималъ первое мѣсто. Онъ ставилъ вопросъ на обсужденіе державъ, по его предложенію собирались конгрессы. Александра окружали вниманіемъ и почтительностью. Но, въ сущности, если поставить Александра внѣ этихъ театральныхъ декорацій, то ему придется во внѣшней политикѣ Европы отвести довольно незначительное мѣсто, а пальму первенства отдать австрійскому канцлеру Меттерниху. Вотъ кто, дѣйствительно, являлся «некоронованнымъ монархомъ» всей Европы, предъ которымъ всѣ монархи фактически склоняли свои головы и отказывались отъ своихъ мнѣній и предположеній. Немало очень колкихъ униженій самолюбивый Александръ перенесъ отъ австрійскаго канцлера. Но призраки революціи, давно витавшіе передъ его глазами, заставляли Александра молча переносить болѣзненные уколы самолюбія и, во имя «христіанскихъ чувствъ», давно



Площадь Людовика XV въ Парижѣ.

овладѣвшихъ душой Александра, показывать всему міру примѣръ кротости и отсутствія духа гордости и властолюбія.

Къ эпохѣ Вѣнскаго конгресса убѣжденія Александра уже прочно опредѣлились. Это убѣжденный абсолютистъ, врагъ либеральныхъ идей и мечтаній. Преисполненный сознанія отъ величія подвига, выпавшаго на его долю, Александръ рѣзко отмежевался отъ всего, что такъ или иначе напоминало ему о либеральныхъ идеяхъ и планахъ. Къ нимъ онъ питаетъ только ненависть, какъ «дьявольскому наважденію», находящемуся въ полномъ противорѣчіи съ его христіанскимъ настроеніемъ. Несомнѣнно, что при вторичномъ заключеніи мира съ Франціей аппетиты державъ были сдержаны Александромъ. По его настоянію Людовикомъ XVIII была дана конституціонная хартія. Но видѣть въ этомъ слабое отраженіе прежняго, да еще притомъ довольно сомнительнаго либерализма, конечно,не приходится. Такъ поступить заставилъ Александра политическій расчетъ, нежеланіе видѣть Францію окончательно униженной и лишенной политическаго вѣса, это только усилило бы положеніе остальныхъ державъ. Франція, по мнѣнію Александра, должна была нейтрализовать антагонизмъ между державами, быть источникомъ необходимаго политическаго равновѣсія между ними. Къ тому же дарованіе хартіи могло диктоваться простымъ соображеніемъ, что народъ, сбросившій съ себя старое иго, никогда не согласится добровольно вернуться подъ ярмо деспотизма. Не нужно забывать, что Александръ имѣлъ и личные мотивы для такого рода дѣйствій. Александръ былъ слишкомъ самолюбивъ, чтобы забыть недавнюю коалицію противъ него Австріи и Англіи. И по отношенію къ другимъ государствамъ Александръ разошелся съ своими союзниками и

поддерживалъ учрежденія, одно напоминаніе о которыхъ приводило Меттерниха въ ярость. Такъ, желая ослабить вліяніе Австріи въ Германіи, Александръ настоялъ, чтобы въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ (герц. Баденскомъ, кор. Виртембергскомъ) были сохранены раньше дарованныя конституціи. Только по отношенію къ испанскому вопросу— его дѣйствія совпадали съ планами другихъ державъ. Поддерживая Фердинанда, убѣжденнаго абсолютиста, Александръ надѣялся отвлечь его отъ союза съ Англіей. Въ награду за помощь Фердинандъ уступалъ Россіи очень важный портъ, который могъ стать морской базой Россіи на Средиземномъ морѣ, подобно тому, какъ таковой являются для Англіи Гибралтаръ и Мальта.

По отношенію къ Франціи Александръ не ограничился только одной защитой либеральныхъ началъ, настаивая на опубликованіи Людовикомъ конституціонной хартіи. Онъ оказывалъ косвенное воздѣйствіе и на французскую внутреннюю политику, сдерживая правительство новаго короля отъ чрезмѣрнаго увлеченія реакціонными планами. Такъ, не безъ настоянія Александра былъ призванъ къ власти Ришелье, въ честности котораго Александръ I былъ увѣренъ и прямолинейности котораго онъ глубоко довѣрялъ. Такимъ образомъ, первое время въ Священномъ союзѣ не было никакой солидарности. Каждая держава дѣйствовала самостоятельно, осуществляла свои единоличные планы.

Медальонъ гр. Толстого.

Такая политика возбуждала въ Меттернихѣ большія сомнѣнія въ благополучномъ ея исходѣ. Австрійскому канцлеру все время казалось, что состояніе европейскихъ умовъ попрежнему революціонное, а либеральная политика Александра только укрѣпляетъ и усиливаетъ это умственное броженіе. Надо немедленно приняться за политику усмиренія и начать ее, конечно, съ Франціи. Меттернихъ серьезно опасался, что послѣдняя скоро будетъ вновь объята революціоннымъ пламенемъ, если будетъ оставлено у власти либеральное министерство Ришелье. Въ этомъ отношеніи его взгляды совпадали съ мнѣніемъ крайнихъ французскихъ реакціонеровъ, какъ графъ Артуа. Правда, походъ Меттерниха не достигъ цѣли. Ришелье удалось удержаться на министерскомъ посту. Но Александръ, предупредительно освѣдомленный о революціонномъ состояніи умовъ во Франціи, сталъ колебаться въ своемъ отношеніи къ либеральному министру. Тѣмъ не менѣе Александръ считалъ нужнымъ прекратить дальнѣйшую оккупацію Франціи и принять ее въ составъ концерта европейскихъ державъ. Свое предложеніе Александръ рѣшилъ представить на разсмотрѣніе концерта европейскихъ державъ. Представители державъ

вообще сочли такое совмѣстное совѣщаніе дипломатовъ вполнѣ своевременнымъ и рѣшили собраться для обсужденія политическихъ дѣлъ въ Ахенѣ на конгрессъ въ сентябрѣ 1818 года.

На конгрессъ съѣхались государи и министры заинтересованныхъ державъ. Представители Россіи были гр. Каподистрія и Нессельроде, Англіи герц. Веллингтонъ и лордъ Кэстльри. Австрія была представлена Меттернихомъ, а Пруссія Гарденбергомъ и гр. Бернштофомъ. Открывался онъ при самыхъ неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Вартбургскія событія въ Германіи наполнили дипломатическія сердца боязнью революціи и убѣждали ихъ въ необходимости принятія самыхъ строгихъ репрессій противъ либеральной мысли.

По предложенію Александра конгрессу пришлось обсудить два вопроса: 1) можно ли, ничѣмъ не рискуя, вывести союзную армію изъ Франціи и 2) какую форму долженъ былъ принять теперь концертъ державъ. Кромѣ того, конгрессу предстояло обсудить также вопросъ о продолженіи Священнаго союза и коллективныхъ дѣйствіяхъ державъ. Первый вопросъ не вызвалъ никакихъ разногласій. Союзники, получивъ соотвѣтственныя гарантіи въ томъ, что слѣдуемая съ Франціи контрибуція будетъ исправно выплачена, рѣшили вывести войска изъ оккупируемой страны. Зато далеко не было единодушія по второму вопросу, поставленному на разсмотрѣніе конгресса. Представитель Франціи гр. Ришелье настаивалъ на необходимости включенія Франціи въ концертъ европейскихъ державъ и превращенія его изъ четырехчленнаго союза въ пятичленный. Россія поддержала Ришелье, остальныя державы пока молчали. Затѣмъ предложеніе Ришелье встрѣтило особенно активное противодѣйствіе со стороны англійскихъ уполномоченныхъ, а за спиной ихъ также дѣйствовало и австрійское правительство. Англійскіе дипломаты сообщили представителямъ державъ ноту своего правительства отъ 10 октября, въ которой говорилось, «что прежде всего слѣдуетъ установить не мѣру того участія, которое побѣжденные при Ватерлоо французы будутъ принимать въ политикѣ великаго союза, но направленіе той политики, которую великій союзъ долженъ будетъ проводить относительно Франціи для того, чтобы помѣшать ей злоупотребленіе свободой». По мнѣнію британскаго кабинета «Франція, больше чѣмъ когда-либо, представляетъ очагъ революціонныхъ и разрушительныхъ страстей». Оставляя пока открытымъ вопросъ объ участіи Франціи въ Священномъ союзѣ, державы подписали новую конвенцію, воспроизводив-

„Пойдемъ дружно по трупамъ и костямъ ихъ“.
Сраженіе на высотахъ Кацбахскихъ (1813 г.).
(Медальонъ гр. Толстого).

щую цѣликомъ начала, принятыя державами въ Шомонѣ 1 марта 1814 года и въ Парижѣ 20 ноября 1815 года. Державы рѣшили сохранить въ силѣ прежній союзъ и обязывались по необходимости соединять свои войска для поддержанія установленнаго ими порядка въ тѣхъ случаяхъ, если въ странѣ произойдетъ какое-нибудь волненіе, могущее оказаться опаснымъ для спокойствія или безопасности сосѣдей. Конгрессъ такъ искренно былъ убѣжденъ въ возможности новыхъ революціонныхъ вспышекъ, что заранѣе даже опредѣлилъ военные пункты, куда должны были собраться войска союзныхъ державъ въ случаѣ новой революціи во Франціи. Этотъ договоръ не былъ опубликованъ, но былъ немедленно сообщенъ герцогу Ришелье. Послѣднему оставалось молча его принять. Франція послѣ этого вступила въ концертъ европейскихъ державъ. Объ этомъ между державами не было подписано никакого новаго договора, но державы, бывшія на конгрессѣ, препроводили ноту французскимъ представителямъ, которой «его христіаннѣйшее величество приглашалось открыто присоединиться своими совѣтами и силами къ австрійскому, англійскому, прусскому и русскому монархамъ для соблюденія новыхъ трактатовъ». Конечно, Людовикъ XVIII долженъ былъ принять это предложеніе, хотя и сдѣланное въ столь унизительной для него формѣ. Выразивъ черезъ своего министра благодарность четыремъ державамъ, Людовикъ уполномочилъ его отнынѣ принимать вмѣстѣ съ ними участіе въ разработкѣ мѣръ, имѣющихъ обезпечить «соблюденіе существующихъ трактатовъ и установленныя ими и признанныя всѣми европейскими государствами отношенія».

Послѣ этого, 16 ноября былъ подписанъ уже новый протоколъ, опубликованный во всеобщее свѣдѣніе. Протоколъ объявлялъ, что державы рѣшили сохранить прежній союзъ въ силѣ и какъ по отношенію другъ къ другу, такъ и по отношенію къ другимъ государствамъ не отступать отъ принципа союза, дѣйствующаго въ ихъ общихъ интересахъ. Далье указывалось на то, что Франція, присоединенная къ другимъ державамъ, вслѣдствіе возстановленія монархической власти, законной и конституціонной, обязывается содѣйствовать съ этихъ поръ поддержанію и утвержденію системы, которая дала миръ Европѣ и одна можетъ обусловить его продолженіе.

Кромѣ того, участники конгресса постановили, что «если для лучшаго достиженія указанной цѣли державы найдутъ необходимымъ установить особыя собранія или между самими государями, или между министрами и уполномоченными, для разсужденія сообща объ ихъ собственныхъ интересахъ, то время и мѣсто этихъ собраній будутъ заблаговременно опредѣлены посредствомъ дипломатическихъ сообщеній. Такимъ образомъ, на Ахенскомъ конгрессѣ коллективное управленіе европейскими дѣлами было объявлено въ видѣ необходимой практической антиреволюціонной мѣры. Сначала предполагалось конгрессы государей сдѣлать періодическими, но, благодаря протесту англійскихъ дипломатовъ, уже опасавшихся ультрареакціонной политики союза, это предложеніе было отклонено. Европейское общественное мнѣніе съ нескрываемой боязнью слѣдило за Ахенскимъ конгрессомъ, лихорадочно ловя всевозможные слухи, доходившіе до него оттуда, изъ Ахена. Видя, не безъ основанія въ конгрессѣ орудіе реакціи, охватившей всю Европу, европейскій либерализмъ переживалъ

тяжелый моментъ, ожидая самаго энергическаго нападенія со стороны европейскихъ правительствъ. Эти опасенія стали извѣстны членамъ конгресса. По предложенію Александра и при поддержкѣ Англіи конгрессъ выпустилъ ничего не означавшую декларацію, въ которой говорилось, что союзъ державъ будетъ только заботиться о «строгомъ соблюденіи принциповъ международнаго права», и что онъ будетъ подавать «примѣръ правосудія, согласія и умѣренности». Наконецъ декларація торжественно заявляла о намѣреніи монарховъ «покровительствовать мирнымъ искусствамъ, увеличивать внутреннее благосостояніе своихъ государствъ и поднимать тѣ религіозныя и нравственныя чувства, упадокъ которыхъ былъ такъ рѣзко отмѣченъ печальными событіями послѣдняго времени». Послѣднія слова, конечно, говорили о непреклонномъ желаніи союзниковъ бороться съ революціонными принципами, которыхъ они такъ боялись. А вѣдь въ выработкѣ общихъ мѣръ для борьбы и заключалась задача конгресса. Не даромъ, по авторитетному мнѣнію секретаря конгресса Гентца, державы «живо чувствовали необходимость взаимнаго довѣрія и согласія, болѣе тѣснаго, чѣмъ то, которое могутъ установить трактаты. Они пожертвовали своими второстепенными интересами и заглушили всѣ остальныя соображенія передъ высшей обязанностью предохранить власть отъ крушенія путемъ избавленія народовъ отъ свойственныхъ имъ заблужденій. Не вступая въ излишніе договоры, они заключили тѣсное соглашеніе относительно того, какъ бороться съ надвигавшейся грозой». Такова цѣль конгресса; европейское общественное мнѣніе имѣло полное основаніе опасаться результатовъ этой коллективной политики.

II. Южно-европейскія революціи и конгрессы въ Троппау и Лайбахѣ.

Между тѣмъ обстоятельства въ Европѣ складывались такъ, что Священному союзу предоставлялась полная возможность немедленно приступить къ осуществленію своей контръ-революціонной программы. По всей Европѣ осязательно чувствовалось проявленіе нежелательнаго для союза духа и общественнаго настроенія. Въ этомъ отношеніи державы были встревожены не столько событіями, разыгравшимися въ Германіи, сколько взрывомъ революціонныхъ страстей въ Испаніи, Португаліи и на Апеннинскомъ полуостровѣ. Принятыя противъ Германіи мѣры опутали ее цѣпкимъ полицейскимъ режимомъ, который, казалось, въ корнѣ раздавилъ либерализмъ и націонализмъ нѣмцевъ, и сдѣлалъ невозможнымъ въ будущемъ проявленіе этихъ чувствъ [1]), столь взволновавшихъ австрійское и прусское правительства.

Къ счастью для Меттерниха, противъ полицейскаго режима въ Германіи ничего не имѣлъ и Александръ, до сихъ поръ упорно поддерживавшій либерализмъ въ Германіи. Напуганный послѣдними событіями въ Германіи, Александръ легко подчинился вліянію Меттерниха и санкціонировалъ всѣ мѣры, выработанныя въ Карлсбадѣ. Только одна Англія протестовала, но ея протестъ не былъ достаточно силенъ, чтобы

---

1) См. ст. «Меттернихъ».

остановить Меттерниха. Впрочемъ, довольно скоро вниманіе послѣдняго было отвлечено отъ Германіи революціонными вспышками на Пиренейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разгоравшимися и грозившими принять затяжной характеръ. Прежде всего революція вспыхнула въ Испаніи. Возстановленіе Фердинанда на престолѣ сопровождалось отмѣной конституціи 1812 года и торжествомъ духовенства и дворянства. Фердинандъ не останавливался въ выборѣ средствъ для борьбы съ своими противниками, и все-таки ему не удалось сдѣлать общество покорнымъ и безгласнымъ. Съ отмѣной конституціи никакъ не могло помириться войско и образованные горожане. Пренебрежительное отношеніе короля къ арміи, присягнувшей кортесамъ, только усиливало то раздраженіе, которое войско питало къ королю, а реакціонная сословная политика съ твердымъ намѣреніемъ вернуться къ началамъ стараго порядка раздражала городскіе классы, для самосознанія которыхъ не прошли безслѣдно пережитыя въ Испаніи событія. Водворившійся полицейскій абсолютизмъ лишилъ либеральные классы возможности открытаго проявленія недовольства; страна поэтому покрылась тайными обществами. Въ разныхъ мѣстахъ вспыхивали сепаратныя возстанія, съ большой жестокостью прекращаемыя Фердинандомъ, опиравшимся въ своей реакціонной политикѣ на Александра, желавшаго такой поддержкой уничтожить въ Мадридѣ вліяніе британскаго кабинета. Накопившееся въ обществѣ недовольство, наконецъ, рѣзко проявилось въ военной революціи 1820 года, на что отчасти повліяла и борьба испанскихъ колоній за свою независимость. Правительство Фердинанда напрягало всѣ усилія, чтобы подчинить себѣ непокорныя, но богатыя колоніи. Для ихъ усмиренія посылались лучшіе полки испанской арміи. Посланныя войска заражались желтой лихорадкой. Солдаты гибли въ огромномъ количествѣ либо отъ нея, либо умирали на полѣ сраженія. Въ общемъ Фердинандъ ничего не добился. Попробовалъ онъ обратиться за помощью къ европейскимъ державамъ. Отозвалась только одна Англія. Она готова была оказать поддержку, если Фердинандъ согласится дать нѣкоторую свободу испанскимъ колоніямъ и открыть порты для британской торговли. Мадридское правительство отказалось, и безсмысленная, неудачная борьба продолжалась. И вотъ лѣтомъ 1819 года возникаетъ заговоръ въ арміи, собранной въ Кадиксѣ для отправки въ Америку. Но заговоръ былъ скоро открытъ. Недовольные офицеры-заговорщики

В. Р. Марченко.

были арестованы. Однако съ ихъ арестомъ движеніе не прекратилось. Взбунтовались солдаты, хранившіе до сихъ поръ преданность правительству. Слыша о тяжестяхъ похода въ колоніи, они боялись отъѣзда въ Америку и смотрѣли на него, какъ на вѣрную для себя смерть. Недовольство среди солдатъ дало возможность офицерамъ-заговорщикамъ завязать съ солдатами болѣе тѣсныя связи и подготовить ихъ къ борьбѣ за конституціонную свободу. Такъ было подготовлено новое возстаніе, вспыхнувшее въ первый день 1820 года. Глава заговора — полковникъ Ріего — успѣлъ утромъ арестовать генераловъ арміи въ Аркосѣ, недалеко отъ Кадикса, и провозгласить конституцію 1812 года. Затѣмъ направился къ Кадиксу, гдѣ долженъ былъ ожидать своего товарища по заговору — полковника Кирога. Послѣдній имѣлъ сначала успѣхъ, но ему не удалось проникнуть въ Кадиксъ, такъ какъ уже выяснилось, что большой гарнизонъ Кадикса весьма враждебно настроенъ по отношенію къ заговорщикамъ. При такомъ положеніи дѣлъ, казалось, возстаніе должно было кончиться неудачей. На самомъ дѣлѣ революціонное движеніе вскорѣ охватило большую часть южныхъ провинцій. При первыхъ извѣстіяхъ о военныхъ революціяхъ Фердинандъ растерялся. Болѣе благоразумные рекомендовали ему октроировать немедленно умѣренную конституцію, такъ какъ только въ ней видѣли единственное средство спасти страну отъ надвигавшейся революціонной грозы, а также не оттягивая отмѣнить инквизицію. Фердинандъ медлилъ, а положеніе дѣлъ становилось все серьезнѣе и серьезнѣе. Начальники многихъ частей войскъ сообщали правительству, что они не отвѣчаютъ за спокойствіе ввѣренныхъ имъ частей. Однако одержало верхъ мнѣніе брата Фердинанда, Донъ-Карлоса, главы клерикальной партіи, бывшаго горячимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ абсолютной монархіи. Были двинуты войска, но посланный противъ инсургентовъ генер. Абисбаль, раньше позорно предавшій заговорщиковъ и сдѣлавшійся опорой мадридскаго трона, счелъ невозможнымъ бороться съ войсками и ихъ настроеніемъ, и кончилъ тѣмъ, что самъ провозгласилъ конституцію 14 марта. Послѣ этого стало усиливаться броженіе и недовольство въ Мадридѣ, и королю для предотвращенія могущихъ послѣдовать событій оставалось только одно средство успокоенія — обнародовать манифестъ о немедленномъ созывѣ кортесовъ, что и было сдѣлано утромъ 4 марта. Манифестъ Фердинанда не успокоилъ взволнованнаго населенія, прекрасно знавшаго цѣну такого рода королевскимъ обѣщаніямъ. Городскія площади быстро покрылись толпами наэлектризованнаго народа, требовавшаго возстановленія конституціи 1812 года. Король все упорствовалъ, но, получивъ донесеніе воен-

А. П. Ожаровскій. (Дау).

наго министра, что гвардія готова присоединиться къ народу, Фердинандъ новымъ манифестомъ объявилъ народу о своемъ искреннемъ желаніи принести присягу на вѣрность конституціи. Одновременно съ этимъ, по требованію вождей возстанія, были освобождены политическіе преступники. Возбужденная толпа разорила тюрьму инквизиціи и разбила въ дребезги орудія пытки. Въ то же время революціонные вожди успѣли повидать Фердинанда и потребовали отъ него немедленнаго исполненія даннаго обѣщанія. Помощи неоткуда было получить, и Фердинандъ принесъ требуемую отъ него присягу на вѣрность конституціи. Старые реакціонные министры получили отставку, ихъ мѣста заняли сторонники конституціи 1812 года, незадолго передъ тѣмъ изгнанные или сосланные самимъ Фердинандомъ. Вся страна готовилась къ выборамъ. Царило всюду большое оживленіе. Наконецъ 9 іюля собрались свободно избранные кортесы. Большинство принадлежало сторонникамъ конституціи. Реакціонеры должны были умолкнуть въ кортесахъ, посвятившимъ первое время своихъ занятій отмѣнѣ тѣхъ человѣко-ненавистныхъ законовъ, которые были изданы Фердинандомъ и придворной камарильей въ 1814 году.

Извѣстія объ испанской революціи скоро облетѣли всю Европу, придавленную царившимъ въ ней полицейскимъ режимомъ. Друзья свободы просыпались отъ вынужденнаго летаргическаго сна. Въ ихъ сердцахъ снова загоралась надежда на возможность измѣненія въ ближайшемъ будущемъ полицейскаго режима. Зато встревожились реакціонеры и не скрывали своей боязни, какъ бы испанская революція не дала бы толчка для такихъ же революцій и въ другихъ частяхъ Европы, гдѣ конституціонный образъ правленія смѣнился такимъ же реакціоннымъ монархизмомъ. Опасенія реакціонеровъ оправдались. Не прошло и четырехъ мѣсяцевъ, какъ вспыхнула революція въ южной Италіи, въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Завоеваніе его французами сопровождалось цѣлымъ рядомъ весьма полезныхъ для населенія реформъ. Исчезъ феодальный строй съ феодальными способами держанія земли. Католическому духовенству закрытіемъ монастырей былъ нанесенъ непоправимый ущербъ. Были введены французскій гражданскій кодексъ и французскіе уголовные законы. Были открыты новые суды. Правосудіе отправлялось въ нихъ регулярно и безпристрастно. Не дѣлалось никакихъ различій между дворянами и крестьянами, но абсолютный режимъ былъ сохраненъ. Появленіе въ Неаполѣ послѣ Вѣнскаго конгресса Фердинанда IV, конечно, сопровождалось реакціей, но новый король не рѣшился однимъ почеркомъ пера отмѣнить все новое и вернуться къ старымъ соціальнымъ и политическимъ отношеніямъ, чему отчасти противодѣйствовала Англія и Австрія, боявшіяся возможныхъ революціонныхъ движеній. Тѣмъ не менѣе правительство опубликовало нѣсколько распоряженій, говорившихъ опредѣленно о томъ курсѣ, какого правительство было намѣрено держаться въ своей политикѣ. Такъ, непроданныя церковныя земли были возвращены церкви, была отобрана часть конфискованныхъ церковныхъ земель, закрытые монастыри были снова открыты, народное образованіе было опять отдано въ руки іезуитовъ. Усиливалась цензура, въ особенности церковно-религіозныхъ книгъ.

Вмѣстѣ съ Фердинандомъ вернулось въ страну множество его сторонниковъ изъ разныхъ классовъ населенія. Всѣ они ждали отъ правительства соотвѣтствующей награды. И правительство поспѣшило удовлетворить ихъ ожиданія, назначая своихъ сторонниковъ внѣ очереди на разныя общественныя должности, что безцѣльно раздражало старыхъ чиновниковъ и военныхъ. Хотя въ Неаполитанскомъ королевствѣ и при Мюратѣ сохранился абсолютный режимъ, отчасти смягченный болѣе прогрессивнымъ законодательствомъ, но армія уже проникласъ сознаніемъ необходимости перехода къ конституціонному образу правленія и готова была предъявить Мюрату требованіе введенія конституціи. Ту же цѣль себѣ ставили и члены тайныхъ обществъ—карбонаріи, съ большимъ успѣхомъ развившіе свою дѣятельность въ королевствѣ. Члены тайныхъ обществъ вербовались изъ всѣхъ классовъ народа, но наибольшій процентъ падалъ на долю городского населенія, бывали членами даже священники. Немало было также и чиновниковъ. Для противодѣйствія агитаціи и успѣху карбонаріевъ правительство организовало реакціонное общество «кальдеріевъ», тоже имѣвшее немало членовъ, но большею частью очень низкихъ по своимъ нравственнымъ свойствамъ и качествамъ. Какъ только въ Неаполѣ получилось извѣстіе объ испанской революціи, карбонаріи стали проявлять усиленную дѣятельность и намѣревались возстать еще въ началѣ іюня, но затѣмъ по разнымъ соображеніямъ отложили свое предпріятіе на нѣсколько мѣсяцевъ. Революція вспыхнула для нихъ нѣсколько неожиданно. Лейтенантъ кавалерійскаго полка въ Нолѣ утромъ 2 іюля съ отрядомъ въ 150 человѣкъ отправился въ городокъ Авеллино, гдѣ и провозгласилъ конституцію. И солдаты и населеніе привѣтствовали революціонеровъ. Событія въ Авеллино дали толчокъ къ возстанію карбонаріевъ. Пока правительство сдѣлало хотя бы одинъ шагъ для своей защиты, конституція съ радостью была принята населеніемъгородовъ и селъ, лежащихъ къ востоку отъ Неаполя. О событіяхъ въ Нолѣ король былъ извѣщенъ 2 іюля. И король и министры сначала растерялись. Только на другой день противъ мятежниковъ былъ посланъ генералъ Карраскоза съ довольно оригинальнымъ отъ правительства порученіемъ—не разбить мятежниковъ, а подкупить ихъ. Предпріятіе это, конечно, не удалось. Не удались также и попытки другихъ генераловъ раздавить силой начавшуюся революцію. Солдаты отказывались повиноваться командѣ своихъ генераловъ. Когда же во главѣ возстанія сталъ генералъ Пепе, вождь карбонаріевъ и въ то же время военный комендантъ провинціи, то

„Погибни вражда и зломысліе". Бой при Арсисъ-Сюръ-Обѣ. 1814 г. (Мед. Толстого).

король рѣшилъ опубликовать указъ, объявлявшій, что конституція черезъ недѣлю будетъ выработана. Затѣмъ король немедленно назначилъ новое министерство. Подъ предлогомъ болѣзни онъ передалъ власть своему сыну ген. Калабрійскому. Карбонаріямъ хорошо была извѣстна лживость короля, и потому въ манифестѣ короля они увидѣли только желаніе выждать направленіе событій. Народъ волновался и требовалъ конституціи. Тогда герцогъ Калабрійскій, на правахъ вице-короля, объявилъ указомъ испанскую конституцію 1812 года основнымъ закономъ Неаполитанскаго королевства. Но и этому народъ не повѣрилъ. Всѣ боялись обмана. Только тогда народъ успокоился, и наступило всеобщее ликованіе, когда 13 іюля появился о томъ же указъ, но уже подписанный королемъ, принесшимъ торжественную присягу на вѣрность конституціи.

Спустя мѣсяцъ послѣ южно-итальянской революціи пала абсолютная монархія въ Португаліи. И тутъ главными виновниками революціи являлись солдаты и народъ. Недовольство политикой португальскаго правительства медленно охватывало населеніе. Этому способствовало и то, что португальская королевская чета эмигрировала въ 1807 году въ Бразилію, а Португалія попала въ полную зависимость отъ Англіи. Англійскій генералъ стоялъ во главѣ временнаго правительства. Все это раздражало національное самолюбіе португальцевъ. Къ тому же англичане, вопреки дѣйствующему праву, вступили въ торговыя сношенія съ Бразиліей помимо португальскихъ купцовъ, до сихъ поръ крѣпко державшихъ въ своихъ рукахъ монополію торговли съ Бразиліей. Благодаря этому, португальская торговля упала, лица, заинтересованныя въ торговыхъ операціяхъ, разорились. Недовольство охватило всѣ классы населенія. Въ странѣ стали устраиваться заговоры. Уже таковой былъ открытъ въ 1817 году. Участники его были наказаны съ удивительной даже для того времени жестокостью: 12 лицъ приговорены были къ повѣшенію, сожженію и обезглавленію. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Послѣ этого конфликты съ правительствомъ стали затяжными. Правительство чувствовало, что власть уходитъ изъ его рукъ, и считало своевременнымъ немедленное возвращеніе короля въ Лиссабонъ, о чемъ особымъ посольствомъ поспѣшило увѣдомить португальскаго короля. Но еще до его возвращенія вспыхнула революція въ Опорто. Это было 24 августа 1820 года. Духовенство и городскіе классы соединились съ арміей и объявили себя противниками правительства. Заранѣе было образовано временное правительство-хунта, которое должно было имѣть силу, пока не соберутся кортесы и не выработаютъ конституціи. Послѣ полученія извѣстія о революціи въ Опорто, лиссабонское правительство немедленно дало согласіе созвать кортесы, но это рѣшеніе не укрѣпило его положенія. 15 сентября оно было низложено и хунта вступила въ отправленіе своихъ обязанностей и въ Лиссабонѣ. Когда королю стало извѣстно о революціи въ Опорто и Лиссабонѣ, онъ далъ свое согласіе на созывъ кортесовъ и обѣщалъ вернуться домой. Начальнику же португальской арміи генералу Бересфорду, пришлось прямо изъ Бразиліи возвратиться домой, въ Англію.

Такимъ образомъ успѣхъ революціонеровъ и въ Испаніи, и въ Португаліи и въ Италіи былъ полный. Революціонеры гордились, что борьба

за конституцію не сопровождалась разнаго рода насильственными дѣйствіями, что не давало, по ихъ мнѣнію, никакого повода къ европейскому вмѣшательству въ ихъ дѣла. Такъ думали борцы за конституцію. Мнѣніе членовъ Священнаго союза было совершенно другое. Успѣхъ южно-европейскихъ революцій сильно встревожилъ европейскія правительства. Стали опасаться возникновенія революціоннаго пожара въ самой Европѣ, не говоря о томъ, что австрійское правительство боялось, что революціонный пожаръ перекинется и въ сѣверную Италію, въ австрійскія владѣнія. Поэтому оно не могло равнодушно смотрѣть на разыгравшіяся революціонныя событія въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Къ южно-европейскимъ революціямъ отрицательно относился и Александръ, поддерживавшій для противодѣйствія англійскому вліянію абсолютизмъ Фердинанда. Какъ только въ Петербургѣ было получено извѣстіе о революціи въ Кадиксѣ и о принятіи Фердинандомъ конституціи 1812 г., Александръ немедленно предложилъ державамъ черезъ своихъ пословъ обратиться съ представленіемъ къ испанскому послу, съ требованіемъ, чтобы кортесы установили самый суровый законъ противъ возстаній и мятежей. Къ русской нотѣ отношеніе державъ было различное. Англія, не имѣвшая въ виду содѣйствовать усиленію русскаго вліянія въ Испаніи, отказалась, не безъ воздѣйствія Каннинга, предпринять этотъ шагъ. Французское правительство, чувствуя свое непрочное положеніе въ странѣ и не желая давать повода для выраженія народнаго неудовольствія, тоже колебалось дать свое согласіе на предложеніе Александра. Не безъ подозрѣнія къ русской нотѣ отнеслись и въ Вѣнѣ, гдѣ въ предложеніи русскаго правительства видѣли скрытое намѣреніе, усилить свой авторитетъ и свое вліяніе при рѣшеніи европейскихъ дѣлъ. Зато совсѣмъ по другому заговорило австрійское правительство съ Меттернихомъ во главѣ, когда вспыхнула неаполитанская революція. Медлить тутъ было невозможно. Надо было скорѣе тушить революціонный пожаръ. Сама Австрія, по собственной иниціативѣ, не рѣшалась это сдѣлать. Австрійскому правительству хотѣлось добиться относительно согласія другихъ державъ. Съ этой цѣлью Меттернихъ хотѣлъ устроить въ Пештѣ встрѣчу своего государя съ королемъ прусскимъ и русскимъ императоромъ. Три монарха должны были обсудить тѣ контръ-революціонныя мѣры, которыя долженъ былъ принять Священный союзъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Меттернихъ обратился ко всѣмъ пяти державамъ съ нотой, въ которой сообщалъ о предполагаемомъ планѣ борьбы австрійскаго правительства съ неаполитанской революціей. Австрійская армія должна была немедленно

(Медальонъ гр. Толстого).

двинуться въ Неаполь и потушить революцію. Пять державъ не признаютъ законнымъ ни одного акта революціоннаго правительства и не будутъ принимать отъ него никакихъ объясненій. Затѣмъ въ нотѣ, отправленной итальянскимъ правящимъ домамъ, Австрія выставляла себя покровительницею полуострова и объявляла о своемъ твердомъ намѣреніи принять всѣ мѣры къ прекращенію вспыхнувшихъ волненій.

Это предложеніе встрѣтило не одинаковое отношеніе со стороны державъ. Съ безусловнымъ согласіемъ отнесся къ нему британскій кабинетъ, до сихъ поръ, благодаря лорду Каннингу, упорно отстаивавшій принципъ невмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ. Выходъ въ отставку Каннинга измѣнилъ точку зрѣнія англійскаго правительства. Франція, основываясь на протоколѣ Ахенскаго конгресса, потребовала новаго конгресса. Александръ уклонился отъ свиданія въ Пештѣ и предложилъ другое мѣсто свиданія—въ Троппау, гдѣ долженъ собраться новый конгрессъ, безъ согласія котораго австрійская армія не могла перейти границы Неаполитанскаго королевства. Да и точка зрѣнія на неаполитанскія событія Александра первоначально рѣзко расходилась со взглядами австрійскаго канцлера. Александръ не хотѣлъ и не требовалъ возстановленія стараго порядка, къ чему сводились тайныя желанія Меттерниха, но желалъ «установленія новаго порядка на законномъ основаніи».

Въ письмѣ къ австрійскому императору Александръ выразилъ свое удовольствіе, что державы возвращаются къ предложенному имъ средству борьбы съ революціей. Однако идея конгресса не нравилась Меттерниху, боявшемуся, что революціонный пожаръ охватитъ такое большое пространство, что его будетъ невозможно потушить. Поэтому отправилъ въ Варшаву къ Александру австрійскаго посла Лебцельтерна, съ цѣлью уговорить Александра дать свое согласіе на движеніе австрійскихъ войскъ въ Неаполитанское королевство. Но австрійскій посолъ ничего не добился. Александру была непріятна та роль диктатора, которую Меттернихъ разыгрывалъ въ Европѣ, вспомнились и другія бывшія недоразумѣнія между нимъ и Меттернихомъ. Этого было достаточно, чтобы отвѣтить отрицательно на доводы Лебцельтерна. Меттернихъ, однако, надѣялся, что конгрессъ не состоится за отказомъ Англіи. Дѣйствительно, англійскій кабинетъ былъ противъ конгресса. Лордъ Кэстльри въ письмѣ къ лорду Стюарту, англійскому послу при вѣнскомъ дворѣ, находилъ вреднымъ вмѣшательство державъ во внутреннія дѣла независимыхъ государствъ. Поэтому англійское правительство уклонялось отъ участія въ союзѣ. Кромѣ того, союзъ могъ возложить на Англію такого рода обязательства, которыя отнюдь не могутъ быть оправданы передъ парламентомъ. Наконецъ союзъ противорѣчитъ нейтралитету, который британское правительство объявило черезъ своего посланника въ Неаполѣ. Когда взгляды британскаго правительства стали извѣстны Александру, онъ черезъ своего посла пробовалъ уговорить лорда Кэстльри принять участіе въ конгрессѣ и въ совмѣстной борьбѣ съ растущимъ все болѣе и болѣе зломъ. Но лордъ Кэстльри категорически отказалъ и Александру, подъ предлогомъ отвѣтственности его правительства передъ парламентомъ. Тѣмъ не менѣе Меттерниху пришлось согласиться на конгрессъ, какъ бы ни была ему противна мысль поставить дѣйствія Австріи подъ контроль

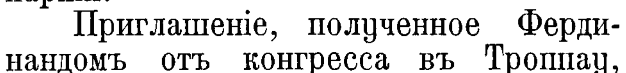
европейскихъ державъ. Конгрессъ открылся въ Троппау 20 октября 1820 г. и продолжался два съ половиной мѣсяца. Собственно это былъ конгрессъ трехъ абсолютныхъ монарховъ, такъ какъ Англія не участвовала, а Франція не играла никакой роли. Императоры русскій и австрійскій присутствовали лично. Съ императоромъ Францемъ пріѣхалъ Меттернихъ, съ Александромъ — Нессельроде и Каподистрія. Представителями Пруссіи были—Гарденбергъ и министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Бернсторфъ. Присутствовалъ и представитель Англіи, но только какъ простой наблюдатель. Послѣ открытія конгресса Меттернихъ представилъ его членамъ особый докладъ, въ которомъ излагалъ точку зрѣнія своего правительства на неаполитанскія событія. Меттернихъ держался въ немъ своей прежней точки зрѣнія: онъ отстаивалъ право каждой державы вмѣшиваться во внутреннія дѣла независимыхъ государствъ, если политическія отношенія принимаютъ такой характеръ, что отъ этого страдаютъ интересы государства. Меттернихъ, конечно, доказывалъ, что неаполитанская революція вредитъ цѣлостному состоянію Австріи и Италіи, и потому Австрія располагаетъ моральнымъ правомъ — военнымъ вмѣшательствомъ прійти на помощь неаполитанскому королю и освободить его изъ того осаднаго положенія, въ которомъ онъ очутился, благодаря вспыхнувшему революціонному движенію. Помимо этого Австрія была связана съ Фердинандомъ особымъ секретнымъ договоромъ, въ которомъ говорилось, что король Фердинандъ не допуститъ у себя никакой перемѣны въ государственномъ устройствѣ. Развиваемая австрійскимъ дипломатомъ доктрина встрѣтила на конгрессѣ серьезную оппозицію. Первымъ возсталъ противъ нея Ла-Феронне, французскій посланникъ при русскомъ дворѣ. Какъ представитель Франціи, онъ, конечно, не могъ желать усиленія Австріи въ Италіи. Кромѣ того, Ла-Феронне находилъ совершенно невѣрнымъ самый принципъ Меттерниха, доказывая, что «вредныя идеи сокрушаются нравственной силой, а не силой оружія». Кромѣ того, если Австрія будетъ строго слѣдовать своему принципу, она нигдѣ не допуститъ установленія свободныхъ учрежденій. Такая политика будетъ содѣйствовать постоянному возбужденію народа къ мятежамъ и можетъ привести ихъ въ прямое отчаяніе. Александръ также не сочувствовалъ плану Меттерниха. Александръ временами очень тяготился диктатурой Меттерниха, и, когда

Александръ I—освободитель Европы
(Англійская карикатура на походы 1813—14 гг).

послѣдняя особенно чувствительно задѣвала его самолюбіе, онъ окольными путями стремился парализовать его вліяніе. Въ этомъ отношеніи точки зрѣнія Александра и Каподистріа вполнѣ совпадали, и Меттерниху, конечно, было весьма непріятно встрѣтить на конгрессѣ такого дипломата, который по своей ловкости и изворотливости ничѣмъ не уступалъ Меттерниху. Оба они стали дѣйствовать противъ Меттерниха и его политики. Не признавая за Австріей владычества надъ Италіей, Александръ относился совершенно отрицательно къ самой идеѣ—полному возстановленію абсолютизма въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Не признавая революціи и связанныхъ съ нею насильственныхъ актовъ, Александръ надѣялся мирными путями уговорить неаполитанцевъ отказаться отъ своей конституціи и принять ее, хотя бы и не въ полномъ видѣ отъ короля. Меттернихъ, поддерживаемый Англіей, протестовалъ противъ вредной идеологіи Александра. Но послѣдній долго не сдавался; въ концѣ-концовъ, онъ уступилъ. На конгрессѣ было рѣшено, чтобы австрійцы вмѣшались въ неаполитанскія дѣла, но предварительно конгрессъ долженъ прибѣгнуть къ увѣщательнымъ мѣрамъ и не связывать Фердинанда никакими директивами относительно его дальнѣйшаго поведенія. Затѣмъ Меттернихъ внесъ на конгрессѣ предложеніе призвать сюда неаполитанскаго короля: «Если король пріѣдетъ... мы сдѣлаемъ его посредникомъ между конгрессомъ и народомъ неаполитанскимъ. Если его не пустятъ, то мы засвидѣтельствуемъ, что онъ лишенъ свободы, и тогда намъ ничего не останется дѣлать, какъ итти освобождать его». Чтобы не заставлять Фердинанда ѣхать очень далеко, рѣшено было конгрессъ перенести въ Лайбахъ. Александръ и Пруссія согласились съ предложеніемъ Меттерниха. Соглашалась и Франція, но только съ нѣкоторыми оговорками. Представитель французскаго правительства утверждалъ также, что недопущеніе Фердинанда къ отъѣзду на конгрессъ отнюдь не можетъ служить поводомъ къ объявленію войны противъ Неаполя. Съ такими же оговорками согласился съ предложеніемъ Меттерниха и Каподистрія. Только Англія раздѣляла безусловно точку зрѣнія Меттерниха. Секретарь англійскаго посольства Гордонъ отъ имени своего правительства указывалъ на безполезность самого конгресса. Въ неаполитанскихъ дѣлахъ, согласно договору съ Неаполемъ, заинтересована только одна Австрія, и конгрессъ является лишнимъ. Когда закончились засѣданія конгресса, уполномоченные Россіи, Австріи и Пруссіи подписали 19 ноября протоколъ, въ которомъ, между прочимъ, была высказана мысль, что «государства, входящія въ европейскій союзъ, подвергшись измѣненію своихъ правительственныхъ формъ посредствомъ мятежа, измѣненію, которое будетъ грозить опасными послѣдствіями для другихъ государствъ, перестаютъ черезъ это самое быть членами союза и остаются исключенными изъ него до тѣхъ поръ, пока ихъ внутреннее состояніе не представитъ ручательства за прочность и порядокъ... Когда государства, гдѣ совершились подобныя перемѣны, будутъ грозить сосѣднимъ странамъ явною опасностью, и когда союзныя державы могутъ оказать на нихъ дѣйствительное и благодѣтельное вліяніе, въ такомъ случаѣ онѣ употребляютъ для возвращенія первыхъ въ нѣдра союза: сначала дружескія увѣщанія, а потомъ и принуди-

тельныя мѣры, если употребленіе силы окажется необходимо». По отношенію же къ неаполитанскому вопросу указанныя три державы постановили употребить свое вмѣшательство для возвращенія свободы королю, но предварительно рѣшили просить неаполитанскаго короля пріѣхать въ Лайбахъ для совѣщанія съ союзными державами. Подписанный протоколъ былъ сообщенъ къ свѣдѣнію представителей Англіи и Франціи, но оба они отнеслись отрицательно къ его содержанію и открыто высказали свою боязнь относительно дѣйствій трехъ абсолютныхъ монарховъ. Англійское правительство всецѣло раздѣляло точку зрѣнія своего представителя. Лордъ Кэстльри находилъ протоколъ въ Троппау «неслыханнымъ дѣломъ»—три двора безъ сообщенія, безъ предварительнаго соглашенія съ двумя другими дворами, которыхъ содѣйствія они искали, позволяютъ себѣ постановить скончательно кодексъ международной полиціи. «Это—всемірная монархія, провозглашенная и осуществленная тремя державами, тѣми самыми, которыя нѣкогда сговорились раздѣлить Польшу. Если англійскій король подпишетъ протоколъ, то этимъ самымъ подпишетъ свое отреченіе». Французское правительство не было столь энергично въ своемъ отношеніи къ составленному протоколу. Людовикъ XVIII, съ одной стороны, написалъ Фердинанду письмо, съ увѣщаваніемъ пріѣхать на конгрессъ, съ другой стороны, Ла-Феронне объявилъ, что «Франція будетъ дѣйствовать сообща съ союзными державами для умиротворенія Европы». Въ общемъ абсолютные монархи одержали полную побѣду. Народная свобода была поставлена подъ контроль абсолютной монархіи.

„Осанна—Александръ Благословенный царь!" (Совр. грав. по поводу молебствія въ Парижѣ).



Приглашеніе, полученное Фердинандомъ отъ конгресса въ Троппау, поставило его въ очень затруднительное положеніе. Управляя страною на правахъ конституціоннаго монарха, онъ не могъ оставить ее безъ согласія парламента. Поэтому Фердинандъ самъ счелъ нужнымъ сообщить народнымъ представителямъ о полученномъ имъ приглашеніи. Положеніе конституціоннаго правительства стало безвыходнымъ. Оно не могло противиться желанію державъ и въ то же время прекрасно оцѣнивало значеніе этого приглашенія. Давая Фердинанду свое согласіе на отъѣздъ, конституціонное правительство взяло съ него обязательство поддерживать и защищать опредѣленные парламентомъ свободные принципы управленія.

Слухи о предполагаемомъ отъѣздѣ Фердинанда проникли и въ народную массу. Народъ заволновался и потребовалъ отъ короля присяги въ

томъ, что онъ въ цѣлости сохранитъ существующую конституцію, а до тѣхъ поръ онъ не имѣетъ права на отъѣздъ. Фердинандъ поторопился дать свое согласіе на это требованіе и принесъ торжественную присягу на вѣрность конституціи. Затѣмъ немедленно оставилъ Неаполь. Пріѣхавъ въ Ливорно, Фердинандъ послалъ европейскимъ государямъ по письму, въ которомъ и сообщалъ о вынужденныхъ его дѣйствіяхъ. Меттернихъ пришелъ въ восторгъ отъ полученнаго извѣстія, бывшаго, по его мнѣнію, достаточнымъ поводомъ для вооруженнаго вмѣшательства въ неаполитанскія дѣла. Съ австрійскимъ канцлеромъ согласился теперь и Александръ. Правда, Каподистріа напрягалъ всѣ усилія, чтобы ослабить аргументацію Меттерниха, но его усилія были совершенно напрасны и не достигли цѣлей. Военная экспедиція была рѣшена при всеобщемъ сочувствіи большихъ и малыхъ государей, пріѣхавшихъ представиться Меттерниху. 16 января конгрессъ окончательно вынесъ свою резолюцію: «не признавать неаполитанской революціи и положить ей конецъ или мирными средствами, если будетъ возможно, или силою, если это будетъ необходимо». Это официальное рѣшеніе тогда же было сообщено и Фердинанду. Немедленно, по полученіи официальнаго сообщенія державъ, онъ послалъ письмо своему сыну, герцогу Калабрійскому, въ которомъ сообщалъ, что державы рѣшили измѣнить порядки, возстановленные революціоннымъ способомъ, и что только одно подчиненіе можетъ устранить войну. Члены конгресса не получили на него отвѣта, да и не ждали его, такъ какъ еще до полученія письма въ Неаполь, австрійской арміи былъ данъ приказъ перейти рѣку По. Военная экспедиція была непродолжительна. Неаполитанскія войска не могли оказать сильнаго сопротивленія, и 7 марта, послѣ незначительной стычки, они были совершенно разсѣяны. Конституція была отмѣнена. Наступило царство самой безпросвѣтной реакціи. Начались гоненія на всѣхъ сторонниковъ конституціи. Ссылка и казнь стали орудіемъ мести реакціоннаго правительства, и, конечно, прежде всего были подвергнуты наказанію и поставлены внѣ закона главные зачинщики революціоннаго движенія. Когда конгрессомъ было получено извѣстіе о торжествѣ австрійскихъ войскъ, онъ официально былъ закрытъ, хотя неофициально государи оставались въ Лайбахѣ до полнаго возстановленія порядка въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Не успѣли монархи успокоиться отъ неаполитанскихъ событій и торжественными обѣдами отпраздновать торжество своей политики, какъ на сцену выступилъ греческій вопросъ, который, по своей сложности и запутанности, могъ доставить европейскимъ правительствамъ немало огорченій и безпокойства.

III. Восточный вопросъ.

Въ то самое время, когда европейскія державы, собравшись на конгрессъ въ Троппау, горячо обсуждали революціонныя движенія на Апеннинскомъ полуостровѣ и были готовы принять самыя крайнія мѣры для подавленія революціонныхъ вспышекъ, на Ближнемъ Востокѣ возникъ конфликтъ Греціи съ Турціей, конфликтъ, охватившій поразительно быстро большую часть Балканскаго полуострова и грозившій также охватить всю

Европу. Для реакціонной Европы—греческое движеніе было, конечно, само по себѣ весьма непріятнымъ явленіемъ, могущимъ пробудить въ обществѣ нежелательныя чувства и настроенія, снова создать революціонную атмосферу, въ которой съ такимъ трудомъ дышалось реакціоннымъ правительствамъ. Помимо этого, на Балканскомъ полуостровѣ взаимно перекрещивались интересы всѣхъ главныхъ европейскихъ государствъ. Ни одна держава не могла желать усиленія политическаго вліянія другой державы на Балканскомъ полуостровѣ изъ боязни уменьшенія своего собственнаго вліянія и вѣса. Вотъ почему сохраненіе status quo на Востокѣ входило въ одну изъ ближайшихъ задачъ европейской международной политики, ради каковой цѣли должны быть употреблены всѣ средства и вліянія. Больше всего была заинтересована въ балканскихъ дѣлахъ Россія. Единство вѣры и отчасти происхожденія съ большей частію населенія на Балканскомъ полуостровѣ заставляли русское правительство для своего престижа принимать близко къ сердцу интересы балканскихъ славянъ и добиваться улучшенія ихъ политическаго состоянія со стороны оттоманскаго правительства. Но та же самая защита православнаго населенія на полуостровѣ, такъ много содѣйствовавшая увеличенію престижа русскаго правительства, создавала непримиримый антагонизмъ Россіи съ Турціей, антагонизмъ, заставлявшій оттоманское правительство видѣть въ Россіи силу, которая готова напрячь всѣ усилія, чтобы уничтожить турецкую имперію и возстановить греческую имперію. Турецкому правительству были хорошо извѣстны тайныя думы Александра. И самый актъ Священнаго союза турецкое правительство разсматривало какъ трактатъ, направленный противъ турокъ съ цѣлью изгнанія ихъ изъ Европы. Вполнѣ понятно, что турецкое правительство внимательно слѣдило за всѣми движеніями русскаго правительства и готово было въ каждомъ его поступкѣ видѣть актъ, направленный всецѣло противъ цѣлости и единства турецкой имперіи. Отношенія Россіи къ Турціи опредѣлялись Бухарестскимъ трактатомъ отъ 28 мая 1812 года, коимъ подтверждались всѣ прежніе договоры, заключенные между Россіей и Турціей, Россія получала нѣкоторое территоріальное расширеніе. Значительно измѣнилось въ политическомъ отношеніи положеніе христіанскихъ народностей въ Турціи, что, конечно, подняло вѣсъ и авторитетъ русскаго правительства на Востокѣ.

Герцогъ Рейхштадтскій.

Бухарестскій трактатъ, конечно, не могъ быть пріятенъ ни австрійскому, ни англійскому правительствамъ. Первое вообще относилось съ

подозрѣніемъ къ покровительству славянъ со стороны русскаго правительства, изъ боязни какъ бы приближеніе Россіи къ берегамъ Дуная не нанесло бы значительныхъ убытковъ австрійской торговлѣ, если Россія захватитъ восточные рынки. Самое стремленіе Россіи къ Константинополю пробуждало въ австрійскомъ славянствѣ національныя чувства и благодаря выходу изъ ея состава славянскихъ народностей могло содѣйствовать распаденію монархіи Габсбурговъ. Конечно, въ тяжелую годину 12 года Австріи было не до протестовъ. Зато теперь, считаясь съ status quo на Балканахъ, австрійское правительство зорко слѣдило за положеніемъ дѣлъ на Востокѣ и за дѣйствіями русскаго правительства, въ искренности котораго оно постоянно сомнѣвалось. Отсюда и вытекало направленіе восточной политики Австріи—сохранять status quo на Балканахъ, не допускать ослабленія оттоманской имперіи и препятствовать всѣми силами пробужденію среди славянскихъ народностей національнаго чувства. Интересы Англіи на Востокѣ были тоже значительны. Господствуя на Средиземномъ морѣ и держа въ своихъ рукахъ восточные сухопутные и морскіе торговые пути, Англія не могла желать усиленія Россіи на Балканахъ и возможнаго появленія ея на Босфорѣ. Экономическій расчетъ заставлялъ англійское правительство противодѣйствовать усиленію Россіи для сохраненія за собою доминирующаго положенія. Уже тогда Англія опасалась за Индію и возможности туда военной русской экспедиціи, что и входило въ торговые планы Наполеона. Такимъ образомъ и Австрія и Англія были заинтересованы въ сохраненіи неприкосновенности турецкой имперіи. Послѣ Бухарестскаго трактата вплоть до начала греческаго возстанія отношенія Россіи къ Турціи въ общемъ были приличны, хотя послѣдняя и сомнѣвалась въ искренности поведенія Россіи. Конечно, и самому Александру было не до восточныхъ дѣлъ. Борьба съ европейскими либеральными движеніями напрягала до крайности всѣ его чувства и мысли, лишала возможности какой бы то ни было активной политики въ восточномъ вопросѣ, но положеніе дѣлъ должно было совершенно измѣниться со времени возникновенія національныхъ движеній на полуостровѣ, къ которымъ правительство Александра I, съ точки зрѣнія политическихъ интересовъ Россіи не могло относиться равнодушно. Стремленіе грековъ къ національному самоопредѣленію подготовлялось издавна. И французская революція и борьба съ Наполеономъ подъ флагомъ борьбы за свободу націй пробуждали въ греческой интеллигенціи революціонныя чувства и стремленія. Невыносимый политическій и религіозный гнетъ, благодаря которому Греція была лишена возможности свободнаго культурнаго развитія, конечно, являлся той причиной, которая содѣйствовала формированію либеральныхъ идей и національныхъ понятій въ Греціи. Конечно, при этомъ возлагались надежды—и не безъ основанія—на Россію,—видѣли въ ней естественную защитницу оскорбленнаго и униженнаго народа. Предыдущая политика Россіи на Балканахъ какъ будто давала для этого вполнѣ достаточныя основанія. Положеніе дѣлъ въ Турціи—борьба албанскаго паши съ турецкимъ султаномъ—значительно облегчала революціонное выступленіе за національныя права. Насколько греческіе вожди были увѣрены въ моральной и реальной поддержкѣ со стороны Россіи, видно изъ того самаго факта, что въ 1820 году они желали

видѣть во главѣ возстанія русскаго министра иностранныхъ дѣлъ — Каподистрія.

У послѣдняго, при всей его симпатіи къ греческому народу, однако хватило такта отказаться отъ этого предложенія. Тогда они обратились къ Ипсиланти, офицеру русской арміи, греческому изгнаннику, дѣдъ котораго управлялъ Валахіей и былъ казненъ турками. Послѣдній далъ свое согласіе. Существуютъ данныя, что это случилось не безъ вліянія Каподистріи, который намекнулъ, что Россія не замедлитъ прійти на помощь грекамъ, лишь только они поднимутъ оружіе. Греческое возстаніе началось, однако, при самыхъ дурныхъ предзнаменованіяхъ. Начавшееся движеніе Ипсиланти въ Молдавіи и Валахіи было быстро прекращено съ свойственной туркамъ жестокостью. Александръ не поддержалъ Ипсиланти. Оттѣсненный турецкими войсками къ австрійской границѣ, онъ былъ немедленно схваченъ и посаженъ въ тюрьму. Зато движеніе разрасталось все больше и больше въ центрѣ и на югѣ Балканскаго полуострова, и съ большимъ успѣхомъ для возставшихъ. Порта потеряла много крѣпостей. Сама она была не въ силахъ оказать должное сопротивленіе героическимъ усиліямъ греческаго народа, глубоко вѣрившаго въ распаденіе оттоманской имперіи и окончательную побѣду всего эллинскаго міра. Вся либеральная Европа сочувствовала героической борьбѣ маленькаго народа. Сами же греки, напрягая всѣ силы, дѣлали послѣднія усилія, съ надеждой смотрѣли на Александра, предполагая, что это вмѣшательство дастъ полную побѣду тѣмъ идеямъ, во имя которыхъ началось возстаніе. Александръ, съ самаго начала возстанія съ принципіальной точки зрѣнія относился къ нему отрицательно. Глубоко убѣжденный, что «народы должны пріобрѣтать свободу не революціоннымъ путемъ, а съ согласія своихъ правительствъ», Александръ получилъ въ Лайбахѣ письмо отъ Ипсиланти съ увѣдомленіемъ о возстаніи, черезъ Каподистрію выразилъ свое отрицательное отношеніе къ поднятому движенію и твердое намѣреніе императорскаго правительства сохранить во всей строгости нейтралитетъ. Такое отношеніе Александра къ греческому возстанію вполнѣ совпадало съ мнѣніемъ Меттерниха, для котораго «охраненіе всего законно существующаго» являлось основой европейской политики, хотя Меттернихъ не скрывалъ, что греческій народъ, дѣйствительно, испытываетъ страшный гнетъ. Такой политики требовала и охранительная политика Священнаго союза, и собственные интересы габсбургской монархіи. И англійское правительство сознательно закрывало глаза на всѣ жестокости турокъ, держалось со-

Пасторъ Эйлертъ. (Нордгейма).

вершенно того же мнѣнія относительно греческаго вопроса. До 1821 г. Александръ неизмѣнно выступаетъ какъ противникъ грековъ, что, однако, нисколько не мѣшало ему окружать себя совѣтниками: Каподистрія, Поццо ди-Борго, открыто симпатизировавшими начавшейся борьбѣ. Самъ посолъ Строгановъ былъ открытый другъ грековъ, и это хорошо знали въ Константинополѣ. Отказываясь отъ помощи грекамъ подъ вліяніемъ принциповъ Священнаго союза, Александръ подрывалъ и торговые интересы Россіи, всецѣло находившіеся на Черномъ морѣ и Леваннѣ въ рукахъ грековъ. Неудача возстанія Ипсиланти и дальнѣйшіе успѣхи грековъ не поколебали намѣренія Александра—соблюдать строгій нейтралитетъ въ греческомъ вопросѣ. Его отношеніе, не безъ вліянія общественнаго мнѣнія Россіи, стало измѣняться только тогда, когда были получены извѣстія о массовыхъ избіеніяхъ грековъ и христіанъ въ главныхъ городахъ оттоманской имперіи и о грабежѣ ихъ имущества, когда константинопольскій патріархъ Григорій въ первый день Пасхи былъ повѣшенъ султаномъ Махмудомъ у воротъ своего дворца и когда та же участь постигла очень многихъ епископовъ, а турецкое правительство стало призывать всѣхъ правовѣрныхъ къ священной войнѣ.

Русскій посланникъ Строгановъ съ самаго начала довольно энергично протестовалъ противъ турецкихъ звѣрствъ, но его протестъ оставался безъ всякихъ результатовъ. На него не обратили никакого вниманія. Такое отношеніе турецкаго правительства къ представителю сосѣдней державы станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе противоположность и разнообразіе интересовъ европейскихъ державъ, взаимно перекрещивавшихся на Балканахъ. То же своеобразное соперничество заставляло австрійское и англійское правительство выражать внѣшнимъ образомъ негодованіе по поводу турецкихъ звѣрствъ—на дѣлѣ же относиться къ нимъ совершенно равнодушно. Собственно Австрія ограничилась лишь заявленіемъ турецкому правительству, что, благодаря его поведенію, «правительства, самыя пріязненныя султану, легко могутъ быть вовлечены въ такія дѣйствія, которыя, по своимъ результатамъ, будутъ гораздо опаснѣе для Порты, чѣмъ для государствъ христіанскихъ, взятыхъ вмѣстѣ».

Англійское правительство не сочло нужнымъ даже протестовать. Его посланникъ Странгфордъ на каждомъ шагу противодѣйствовалъ планамъ Строганова и довольно безцеремонно выражалъ свое сочувствіе туркамъ и постоянно интригуя противъ русскаго правительства, что, однако, нисколько не мѣшало англійскому правительству заявлять въ Петербургѣ, что Англія порицаетъ крайности, которыя позволили себѣ турки по отношенію къ грекамъ и не одобряетъ дѣйствій своего посланника по отношенію къ русскому послу, а также, что имъ даны послу самыя строгія инструкціи «для обращенія турецкаго правительства къ болѣе умѣреннымъ принципамъ». Курсъ политики, взятый Александромъ, былъ совсѣмъ иной. Онъ рѣшилъ обратиться къ Турціи съ прямымъ вызовомъ: 28 іюня посланникъ Строгановъ вручилъ турецкому правительству ультиматумъ Александра I. Въ этомъ ультиматумѣ заявлялись слѣдующія требованія: 1) возстановленіе церквей, разрушенныхъ или попорченныхъ мусульманами, 2) обезпеченіе христіанскому культу серьезной гарантіи и

полной защиты; 3) возстановленіе въ дунайскихъ княжествахъ предписаннаго трактатами режима и немедленно удаленія оттуда турецкихъ войскъ, 4) отличать въ числѣ подданныхъ провинцій, взволнованныхъ войной, виновныхъ отъ невиновныхъ и щадить тѣхъ, которые остались покорными или которыя покорятся въ назначенный срокъ. Нѣсколько времени спустя Александръ отправилъ европейскимъ державамъ ноту, въ которой стремился объяснить свое поведеніе въ греческомъ вопросѣ, указывая, «что въ его поведеніи не было ни малѣйшей непослѣдовательности и что въ его программѣ не было никакой честолюбивой мысли». Затѣмъ въ нотѣ ставили державамъ вопросъ: 1) «что они предпримутъ, если возникнетъ война между Россіей и Турціей и 2) что они предложатъ взамѣнъ турецкаго господства, если во время этой войны оно будетъ уничтожено». Ультиматумъ былъ отвергнутъ султаномъ, и Строганову пришлось уѣхать изъ Константинополя. Предъявленный ультиматумъ смутилъ державы, заинтересованныя въ сохраненіи status quo въ Турціи, и наполнилъ ихъ сердца большими опасеніями. Особенно были встревожены Меттернихъ и лордъ Кэстльри — считавшіе со времени конгресса въ Троппау необходимымъ принимать всевозможныя мѣры для борьбы съ революціонными идеями. Желая предупредить столкновеніе между Россіей и Турціей, оба они написали Александру частныя письма, въ которыхъ развивали мысль, что событія на Востокѣ «составляютъ развитіе революціонныхъ началъ, послѣдовательно распространившихся по Европѣ и вспыхивавшихъ всякій разъ, какъ верховная власть ослабѣвала по какой-нибудь причинѣ».

Баронесса А. Θ Криднеръ (въ молодости)

Эти письма довольно опредѣленно говорили объ отрицательномъ отношеніи австрійскаго и англійскаго правительствъ къ вмѣшательству Александра въ греческія дѣла. Оба государства, однако, не ограничились только такого рода протестомъ. Осенью оба министра встрѣтились въ англійскомъ Ганноверѣ и обсудили планъ совмѣстныхъ выступленій по поводу греческаго вопроса, цѣлью котораго было сохранить неприкосновенность Турецкой имперіи и миръ между Россіей и Турціей. Считая греческое возстаніе не національнымъ движеніемъ, а дѣломъ рукъ европейскихъ революціонеровъ, они въ отвѣтъ на ноту Александра высказали мысль о безполезности для нихъ измѣненій положенія на Востокѣ, и что всякій проектъ Россіи, направленный противъ единства и цѣльности Оттоманской имперіи, вызоветъ единодушный протестъ всѣхъ европейскихъ державъ. Затѣмъ вѣнскій и лондонскій кабинеты намѣревались сдѣлать

турецкому правительству соотвѣтствующее представленіе, чтобы Россія получила полное удовлетвореніе согласно существующимъ трактатамъ. Что касается участи грековъ, то въ нотѣ высказывалось сочувствіе ихъ судьбѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ проводилась мысль, что «государственные люди, которымъ воспрещено дѣйствовать подъ вліяніемъ совѣтовъ, подсказываемыхъ не разумомъ, а сердцемъ, могутъ только выразить пожеланіе, чтобы время и Провидѣніе даровали этому народу то облегченіе, котораго они не могутъ доставить ему, не измѣняя своему долгу».

Ганноверское соглашеніе скоро дало свои результаты. Александръ боялся активнаго сопротивленія со стороны державъ, подписавшихъ соглашеніе, и сталъ болѣе умѣреннымъ въ греческомъ вопросѣ тѣмъ болѣе, что выяснилось отрицательное отношеніе къ политикѣ Александра и со стороны берлинскаго и французскаго правительствъ. Помимо того, что правительство Людовика XVIII въ лицѣ Виллеля не имѣло ни малѣйшаго желанія вызывать раздраженіе и недовольство австрійскаго и англійскаго правительствъ, Францію волновали испанскія дѣла, которыя, конечно, служили тормазомъ для ея активнаго участія въ греческомъ вопросѣ. Впрочемъ, независимо отъ отношенія европейскихъ державъ къ греческому вопросу, самъ Александръ измѣнилъ свое отношеніе къ грекамъ, поступки которыхъ шли въ разрѣзъ съ его планами. Провозглашеніе греческимъ національнымъ собраніемъ отъ 1 мая 1822 г. демократической конституціи не соотвѣтствовало политическимъ планамъ Александра, не допускавшаго даже возможности образованія самостоятельнаго національнаго государства. Политическое устройство балканскихъ народностей должно было быть другимъ: они всѣ должны находиться подъ протекторатомъ Россіи въ вассальныхъ отношеніяхъ къ послѣдней. Такой поворотъ Александра въ греческомъ вопросѣ былъ довольно скоро замѣченъ Меттернихомъ. Съ свойственнымъ ему лицемѣріемъ, онъ выражаетъ полную солидарность со взглядами Александра и въ то же время предлагаетъ для окончательной ликвидаціи греческаго вопроса собраться державамъ на конференцію въ Вѣнѣ. Предложеніе Меттерниха было принято въ Петербургѣ.

Въ началѣ 1822 года русскій уполномоченный Татищевъ прибылъ въ Вѣну. Меттернихъ подъ разными предлогами долго откладывалъ совѣщаніе, засѣданія котораго начались только лѣтомъ. На этомъ совѣщаніи Меттерниху не стоило никакихъ усилій захватить все дѣло въ свои руки, такъ какъ Татищевъ пріѣхалъ въ Вѣну почти безъ всякихъ инструкцій и точно формулированныхъ требованій правительства Александра I. Впрочемъ, Татищевъ довольно скоро разобрался въ политикѣ Меттерниха, не желавшаго дѣлать никакихъ фактическихъ уступокъ Россіи, требованія которой были отвергнуты Турціей. Меттернихъ во что бы то ни стало хотѣлъ лишить Александра иниціативы въ греческомъ вопросѣ и предоставить его разрѣшеніе всецѣло на разсмотрѣніе европейскихъ державъ. Татищевъ принципіально соглашался съ постановкою вопроса въ такомъ родѣ, но въ проектъ протокола конференціи, по его требованію, была вставлена статья, согласно которой за Россіей признавалось «право, на основаніи договоровъ, требовать неприкосновенности греческой религіи, возобновленіе разрѣшенныхъ церквей и, по отношенію къ возставшимъ

грекамъ, справедливаго различенія между невинными и виновными». Меттернихъ отказался подписать этотъ протоколъ, указывая, что существующіе договоры не даютъ Россіи право покровительствовать христіанамъ въ Турціи. Не подписывая протокола, онъ вручилъ Татищеву особый меморандумъ для представленія Александру, ясно рисующій позицію, занятую австрійскимъ правительствомъ въ греческомъ вопросѣ. Меттернихъ въ немъ побивалъ Александра его же оружіемъ. Отправляясь отъ положенія «что е. в. императоръ русскій заявилъ неизмѣнное рѣшеніе въ своихъ дѣйствіяхъ по восточному вопросу не нарушать политической системы, которая теперь служитъ основаніемъ спокойствія Европы и сохраненія общественнаго порядка», Меттернихъ предлагалъ «соединить всѣ силы правительствъ для такого рѣшенія вопроса, которое соотвѣтствовало бы и справедливымъ желаніямъ его величества и охранило бы Европу отъ опасностей, какія могутъ произойти отъ нея изъ восточныхъ безпорядковъ». «Такъ какъ Диванъ готовъ выполнить трактаты, и споръ идетъ только о времени и способѣ ихъ исполненія, то надобно требовать отъ Дивана немедленнаго очищенія княжествъ и возстановленія въ нихъ прежняго порядка. Надобно настоять, чтобы Порта въ извѣстный срокъ дала амнистію, и увѣрить ее, что союзники готовы всѣми силами понуждать инсургентовъ къ ея принятію; надобно требовать назначенія уполномоченныхъ, которые съ уполномоченными Россіи и союзныхъ державъ должны совѣщаться о средствахъ доставить Турецкой имперіи скорый и продолжительный миръ». Меморандумъ Меттерниха произвелъ на Александра соотвѣтствующее впечатлѣніе. Вѣчно колеблющійся и бросающійся изъ стороны въ сторону, Александръ не сумѣлъ въ греческомъ вопросѣ удержаться на занятой имъ позиціи. Соглашаясь съ Меттернихомъ, что рѣшеніе греческаго вопроса — дѣло обще-европейское, Александръ снова отправилъ Татищева въ Вѣну для участія совмѣстно съ другими представителями державъ на предварительныхъ конференціяхъ, долженствующихъ подготовить матеріалъ для конгресса въ Веронѣ, назначеннаго осенью 1822 года. Побѣда Меттерниха была полная. Александръ остался вѣренъ Священному союзу и реакціонной политикѣ. Россіи снова пришлось склонить голову предъ Австріей.

M-me Сталь.

IV. Конгрессъ въ Веронѣ.

Новый конгрессъ открывался при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ для реакціонной политики. Положеніе дѣлъ въ Европѣ было угрожающимъ для ея спокойствія. Пиренейскій полуостровъ весь былъ объятъ пламенемъ революціи. Вмѣшательство въ испанскія дѣла было прямо-таки необходимо, съ точки зрѣнія интересовъ Священнаго союза.

Во Франціи тоже было неспокойно. Тайныя общества покрыли густой сѣтью всю Францію и намѣревались агрессивной политикой осуществить свои мечты. Правительство Виллеля открыло немало заговоровъ съ цѣлью побудить армію къ возстанію и къ отпаденію отъ Бурбоновъ. Революціонная волна охватила и Новый свѣтъ. Вспыхнули революціи въ Мексикѣ, Перу и Бразиліи. Греческое возстаніе принимало все болѣе и болѣе грандіозные размѣры, вызывая сочувствіе всей либеральной Европы, и крики негодованія реакціонеровъ. Только Италія, усмиренная карательной экспедиціей австрійцевъ, оставалась по внѣшности спокойной. Со всѣми этими явленіями и пришлось считаться представителямъ державъ, собравшимся для предварительнаго совѣщанія. Конгрессъ открылся въ половинѣ октября 1822 года. На немъ присутствовали всѣ три главныхъ участника Священнаго союза. Кромѣ того, пять великихъ державъ, до сихъ поръ руководившихъ европейской политикой, были представлены весьма видными дипломатами. Присутствовалъ на конгрессѣ и Меттернихъ, успѣвшій ко времени открытія конгресса окончательно подчинить Александра своему вліянію. Предметами обсужденія конгресса были: турецкій вопросъ, положеніе дѣлъ въ Испаніи и испанскихъ колоніяхъ; отчасти итальянскія дѣла. Послѣднія почти не останавливали на себѣ вниманія членовъ конгресса. Засѣданія конгресса далеко не шли такъ гладко, какъ раньше, и протестъ противъ резолюціи конгресса шелъ не совсѣмъ оттуда, откуда ждали. Обыкновенно опасались неожиданно прорывавшихся либеральныхъ чувствъ Александра, впрочемъ также быстро успокаивавшагося, какъ и загоравшагося. Теперь же несогласіе шло съ той стороны, откуда никто не ждалъ— изъ Англіи. Ко времени открытія Веронскаго конгресса лордъ Кэстльри, многолѣтній руководитель англійской внѣшней политики, умеръ, и замѣстителемъ его сталъ Каннингъ, чуждый той реакціонной политики, которую проводилъ его предшественникъ. Новый руководитель англійской внѣшней политики держался на греческій вопросъ совершенно другого взгляда, совпадавшаго съ настроеніемъ англійскаго общества, и не находилъ возможнымъ такое къ нему отношеніе, какое проявляли державы Священнаго союза. Помимо этого, у Каннинга были и свои коммерческіе расчеты. Поддерживая Грецію противъ Турціи, Каннингъ надѣялся укрѣпить экономическое вліяніе Англіи и вырвать изъ рукъ Турціи морскіе пути съ Востокомъ. И по испанскимъ дѣламъ представители Англіи должны были разойтись съ дипломатами остальныхъ державъ. Каннингъ принципіально сочувствовалъ испанскому движенію и не находилъ возможнымъ вмѣшательство державъ въ испанскія дѣла. Точно такого же мнѣнія Каннингъ держался и относительно испанскихъ колоній, поддерживать независимость которыхъ вполнѣ совпадало съ интересами Англіи, успѣвшей съ возставшими колоніями завязать торговыя сношенія. Самъ Каннингъ не поѣхалъ на конгрессъ, но представитель Англіи, въ лицѣ герцога Веллингтона, долженъ былъ дѣйствовать въ духѣ инструкціи, составленной Каннингомъ.

Конгрессъ былъ настроенъ самымъ воинственнымъ образомъ. Испанскія дѣла больше всего волновали его членовъ, и по отношенію къ нимъ у большинства изъ нихъ, за исключеніемъ англійскихъ представителей, было самое агрессивное настроеніе, выразителемъ котораго явился фран-

цузскій представитель Монморанси, доказывавшій, съ точки зрѣнія французскихъ интересовъ, необходимость вооруженнаго вмѣшательства въ Испаніи. Само собою разумѣется, что посылка карательной экспедиціи должна быть возложена на Францію. Только ей необходимо предоставить полную свободу дѣйствій за Пиренеями, а также самостоятельно избрать моментъ для военной экзекуціи. Члены конгресса раздѣляли точку зрѣнія французскаго дипломата, только не желали предоставить Франціи полную свободу дѣйствій, смотря на нее только, какъ на обыкновенную исполнительницу директивъ Священнаго союза. Конечно, такая точка зрѣнія была непріемлема для французскаго правительства, которое соглашалось на экспедицію при условіи полнаго невмѣшательства Священнаго союза въ ея дѣйствія. Упорство представителя Франціи доставило немало безпокойства членамъ конгресса, видѣвшаго въ дѣйствіяхъ французскихъ дипломатовъ отраженіе либеральныхъ идей, съ которыми уже столько лѣтъ шла самая упорная борьба на континентѣ Европы, и которыя каждое мгновеніе готовы были снова выйти изъ того подполья, куда онѣ были загнаны. Такъ или иначе, но карательная экспедиція въ Испанію была рѣшена. Предварительно державы, стоявшія за вмѣшательство, отправили въ Мадридъ ноты. Отличаясь другъ отъ друга по тону, отправленныя ноты совпадали другъ съ другомъ по содержанію, и требовали отъ испанскаго правительства измѣненія конституціи. Испанское правительство отвѣтило отрицательно. Тогда аккредитованные послы покинули Мадридъ. Правда, Каннингъ употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы предотвратить войну, но дипломатическія усилія не имѣли успѣха, и война должна была разразиться. Французская экспедиція подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго довольно скоро выполнила возложенную на нее миссію. Фердинандъ оказался возстановленнымъ на престолѣ. Окруженный монахами, роялистами онъ подписалъ прокламацію и объявилъ недѣйствительными всѣ постановленія и дѣйствія конституціоннаго правительства и вообще сталъ принимать самыя радикальныя мѣры противъ своихъ враговъ. Священный союзъ и Франція одержали въ Испаніи довольно дешевую, но и безславную побѣду. Наступившій правительственный терроръ былъ вполнѣ естественнымъ слѣдствіемъ этой побѣды. Меттернихъ и Александръ могли протянуть другъ другу руки—ихъ желанія осуществились. Испанцы, возставшіе противъ своего государя «Божіею милостью», снова должны были принять его

Фердинандъ IV

изъ рукъ Священнаго союза и подчиниться его велѣніямъ и распоряженіямъ.

Восточный вопросъ обсуждался на конгрессѣ въ теченіе ноября мѣсяца 1822 г., и самъ по себѣ онъ не вызвалъ никакой остроты въ преніяхъ. Точки зрѣнія австрійскаго и русскаго правительствъ уже были выяснены раньше. Существенной разницы между ними не было. Перемѣна точки зрѣнія Англіи нисколько не измѣнила положенія вопроса. Европейскія державы должны были стать посредникомъ между Россіей и Турціей для благополучнаго и мирнаго разрѣшенія всѣхъ возникшихъ недоразумѣній. Греки были объявлены недостойными никакой поддержки, даже моральной, и такимъ образомъ они были отданы на растерзаніе туркамъ. Отказъ Россіи отъ какой бы то ни было помощи туркамъ, конечно, долженъ былъ ослабить политическое вліяніе ея на Балканахъ, а Турція получила возможность безнаказанно отвергать русскія требованія, хорошо зная, что за ея спиной на стражѣ стоитъ Священный союзъ. Разъ конгрессъ держался такого мнѣнія въ восточномъ вопросѣ, вполнѣ понятно, что прибывшая депутація отъ національнаго собранія не была туда допущена.

Больше времени отняли у конгресса итальянскія дѣла, хотя они и не стояли такъ остро, какъ испанскій и греческій вопросы. Австрійское правительство упрекало итальянскихъ государей въ недостаточно-энергичной борьбѣ съ карбонаризмомъ, и Меттернихъ предложилъ потребовать отъ нихъ самыхъ крайнихъ мѣръ. Съ этой цѣлью онъ предложилъ учредить въ Пьятенцѣ особую сыскную полицію и распространить ея дѣйствія на весь полуостровъ. Впрочемъ, реакціонный планъ Меттерниха не былъ остановленъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ кардиналовъ откровенно высказалъ, что собственно карбонаріевъ въ Италіи немного, но зато «все населеніе Италіи солидарно только въ своей ненависти къ Австріи и къ ея владычеству. Эта ненависть объединяетъ самыя противоположныя партіи, и Австрія хочетъ заставить бороться именно съ этой ненавистью. Мы не можемъ добросовѣстно поддерживать ее въ этомъ направленіи». Предложеніе Меттерниха потерпѣло полное фіаско.

14 декабря было назначено закрытіе конгресса. Три сѣверныхъ абсолютныхъ монарха, которые все время вели столь энергичную борьбу съ революціей, рѣшили опубликовать циркуляръ, въ которомъ лишній разъ повѣдали urbi et orbi о своихъ принципахъ. Восхваляя свое безкорыстіе и анаѳемствуя грековъ за ихъ революціонные порывы, Священный союзъ желалъ только «мира и благоденствія народовъ», торжественно заявлялъ, что монархи не сочтутъ оконченнымъ своего дѣла до тѣхъ поръ, «пока не вырвутъ у нихъ оружіе, которое они могутъ обратить противъ спокойствія народовъ». Меттернихъ торжествовалъ по всей линіи. Не даромъ онъ съ нескрываемой радостью писалъ императору Францу: «Русскій кабинетъ однимъ ударомъ ниспровергъ великое твореніе Петра и всѣхъ его преемниковъ». Полное политическое униженіе Россіи было ясно для всѣхъ. Кажется, этого только не понималъ и не сознавалъ виновникъ униженія—самъ Александръ.

V. Послѣ Вероны.

Веронскій конгрессъ не измѣнилъ ни отношенія Россіи къ Турціи, ни греческаго вопроса. Державы, сдѣлавъ представленіе о необходимости соблюдать договоры, заключенные съ Россіей, только и ограничились этой дипломатической демонстраціей. Турецкій кабинетъ, прекрасно зная настоящее отношеніе державъ къ Россіи и Турціи, конечно, не собирался этого дѣлать и ограничился ничего незначащимъ обѣщаніемъ: «Доказать цѣлымъ рядомъ дѣйствій, въ какой степени европейскія державы могли положиться на ея благоразуміе и умѣренность». Тѣмъ не менѣе Турція не предпринимала никакихъ шаговъ къ удовлетворенію требованій европейскихъ державъ. Такъ, въ придунайскихъ княжествахъ, подъ предлогомъ принятія мѣръ для прекращенія грабежей, были оставлены два независимыхъ отъ господарей отряда. Такое поведеніе Порты приводило Александра въ состояніе крайняго раздраженія. Временами его оскорбленное самолюбіе готово было взять верхъ надъ реакціонными планами европейскихъ державъ. Александръ не шутя собирался объявить Портѣ войну, но всѣ эти порывы были мимолетны, и все оставалось постарому. Особенно былъ раздраженъ Александръ при свиданіи съ императоромъ Францемъ въ Черновицахъ въ октябрѣ 1823 г., во время котораго обсуждались тѣ же вопросы, не дававшіе покоя реакціонной Европѣ, во время котораго Францъ тщетно старался доказать Александру, что Порта сдѣлала все, что отъ нея требовали державы, и что нѣтъ никакихъ основаній русскому правительству быть особенно недовольнымъ поведеніемъ Порты.

Александръ Ипсиланти.

Пока происходило свиданіе двухъ государей въ Черновицахъ, Нессельроде отправился для переговоровъ съ Меттернихомъ во Львовъ.

Австрійскій канцлеръ былъ сильно взволнованъ неожиданной экзальтированностью Александра, намѣревавшагося, въ порывѣ оскорбленнаго самолюбія, уничтожить всѣ результаты европейской реакціонной политики. Меттерниху нужно было во что бы то ни стало помѣшать русско-турецкой войнѣ. Поэтому, чтобы отложить объявленіе войны на нѣкоторое время, онъ предложилъ снова собраться представителямъ пяти европейскихъ державъ на конференцію въ Петербургъ для выработки мѣръ возстановленія мира на Востокѣ. Меттернихъ втайнѣ надѣялся, что конференція не состоится, такъ какъ ко времени ея открытія на Востокѣ водворится миръ. Какъ разъ къ этому времени египетскій паша заключилъ съ султаномъ

соглашеніе для борьбы съ греками. Это соглашеніе должно было дать фактическій перевѣсъ туркамъ и раздавить греческое возстаніе.

Меттернихъ былъ доволенъ достигнутыми результатами. Ему удалось еще разъ отдалить грозный призракъ войны Россіи съ Турціей, въ чемъ онъ нашелъ полное сочувствіе и въ Англіи, для которой, конечно, усиленіе Россіи на Востокѣ грозило ослабленіемъ ея авторитета и вѣса.

Въ январѣ 1824 г. русское правительство разослало европейскимъ правительствамъ циркулярную ноту, въ которой сообщило свои взгляды, относительно восточнаго вопроса и, въ частности, проектъ преобразованія Греціи. Въ деклараціи указывалось на то, что Россія не можетъ смотрѣть равнодушно на то, что дѣлается на Востокѣ, когда разстроены ея связи съ Востокомъ, находится безъ дѣйствія ея торговля и нарушены ея важнѣйшія интересы. Что касается устройства Греціи, то Греція дѣлилась на три части (западную, восточную и Мерею), изъ которыхъ первая превращается въ вассальное, по отношенію къ Турціи, княжество и находится по отношенію къ послѣдней приблизительно въ такихъ же условіяхъ къ Молдавіи и Валахіи. Эта нота была опубликована до открытія конференціи и привела въ негодованіе и Турцію и Грековъ. Первые требовали отъ своихъ подданныхъ полнаго подчиненія. Вторые не допускали даже мысли о возможности раздробленія или вассальной зависимости. Составляя этотъ проектъ, Александръ остался вѣренъ своимъ прежнимъ взглядамъ; желая ослабленіе и даже уничтоженіе Турціи, онъ въ то же время не желалъ образованія на полуостровѣ такого сильнаго государства, которое могло бы обойтись безъ помощи Россіи. Опубликованіе ноты русскаго правительства совершенно его дискредитировало въ глазахъ грековъ, отнынѣ переставшихъ вѣрить Россіи и надѣявшихся на облегченіе своей участи съ помощью Англіи.

Англія и Австрія, подъ разными предлогами, оттягивали конференцію. Въ маѣ она, наконецъ, собралась. Ея работа не имѣла никакого практическаго значенія. Когда представители державъ предложили свое посредничество въ греко-турецкомъ вопросѣ, оттоманское правительство твердо отвѣтило, что оно не допуститъ никакого вмѣшательства въ «свои внутреннія дѣла», и этимъ самымъ вопросъ о посредничествѣ былъ снятъ съ очереди. Греки также относились отрицательно къ такому посредничеству. Петербургская конференція только лишній разъ обнаружила, что въ восточномъ вопросѣ европейскія державы готовы пустить въ ходъ всѣ усилія, чтобы парализовать единоличное выступленіе Россіи. Но своекорыстная политика европейскихъ державъ, въ концѣ-концовъ, была оцѣнена и Александромъ. Это и вызвало съ его стороны заявленіе европейскимъ дворамъ, въ которомъ Александръ сообщалъ, «что отнынѣ Россія намѣрена дѣйствовать сообразуясь только съ своими правами и выгодами». Русское заявленіе торжественно признавалось, что вся внѣшняя политика русскаго правительства до сихъ поръ шла въ разрѣзъ съ интересами и выгодами Россіи. Но и эта нота не имѣла никакихъ послѣдствій для политики Священнаго союза. Гораздо непріятнѣе былъ выходъ Англіи изъ союза. Теперь Россія и Австрія были поставлены съ глазу на глазъ, и антагонизмъ ихъ интересовъ долженъ былъ рано или поздно вскрыться во всей полнотѣ. Меттернихъ, словно предчувствуя

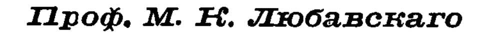
близость столкновенія, посѣтилъ въ началѣ 1825 г. Парижъ, чтобы сговориться съ французскимъ правительствомъ относительно линіи поведенія, которой Австрія и Франція должны были держаться по отношенію къ Россіи. Австрійское правительство, не желая политическаго усиленія Россіи, никоимъ образомъ не допускало даже мысли о возможности образованія вассальнаго греческаго государства и, въ крайнемъ случаѣ, было готово согласиться на образованіе независимаго греческаго государства. Параллельно сближенію Австріи съ Франціей намѣчалось также сближеніе Англіи съ Россіей. Обѣ державы такъ или иначе, но признавали положеніе дѣлъ на Востокѣ неудовлетворительнымъ, хотя и расходились по вопросу о будущемъ устройствѣ. Это сближеніе было крайне важно для грековъ, положеніе которыхъ стало прямо-таки отчаяннымъ. Турція готова была ихъ совершенно уничтожить. Оно, въ концѣ-концовъ, опредѣлило и дальнѣйшую политику Россіи въ греческомъ вопросѣ и судьбу греческаго народа. Таковы грустные итоги политики Священнаго союза, задачи и цѣли которой совершенно расходились съ политическими и національными интересами русскаго государства, политики, подорвавшей престижъ Россіи среди балканскихъ народовъ и превратившей Россію въ какого-то «международнаго жандарма», напрягавшаго всѣ усилія, пускавшаго въ ходъ всѣ средства, чтобы раздавить въ зародышѣ ненавистныя либеральныя идеи. И правы оказались тѣ, кто еще передъ началомъ похода Наполеона въ Россію, учитывая возможность побѣды Россіи, видѣли въ этой побѣдѣ торжество абсолютизма и разгромъ либеральныхъ демократическихъ идей и связанныхъ съ ними конституціонныхъ учрежденій. Когда Александръ умеръ, высказывали глубокое сожалѣніе только реакціонеры, орудіемъ которыхъ былъ Александръ. Европейская либеральная мысль вынесла суровый приговоръ его ненаціональной и реакціонной политикѣ.

В. Пичета.

„Поражая, спасаю тебя!".
Сраженіе при Бріеннѣ 1814 г. (Медальонъ Толстого)

„Да лягутъ буйство и гордость подъ копытами коня моего". Сраженіе при Ферѣ—Шампенуазѣ 1814 г (Медальонъ Толстого).

Польскіе костюмы нач. XIX в. (Racinet).



VI. Александръ I и Польша.

Проф. М. К. Любавскаго

Возстановленіе Польши стало мечтой Александра еще въ дни ранней юности, когда ему исполнилось 19 лѣтъ. Послѣдній раздѣлъ Рѣчи Посполитой случился какъ разъ въ то самое время, когда онъ только что закончилъ курсъ сентиментально-политическаго воспитанія у Лагарпа, когда душа его преисполнена была мечтаніями о свободѣ, справедливости народовъ... Насиліе, учиненное надъ Польшею, огорчало его, и онъ откровенно высказалъ это молодому князю Адаму Чарторыйскому въ бесѣдѣ въ Таврическомъ саду весною 1796 года. Великій князь прямо заявилъ, что онъ не одобряетъ политики и дѣйствій своей бабки, осуждаетъ ея принципы, заявилъ, что всѣ его желанія были на сторонѣ Польши и ея славной борьбы, что онъ оплакиваетъ ея паденіе, что Костюшко въ его глазахъ—великій человѣкъ какъ по своимъ доблестямъ, такъ и по тому дѣлу, которое онъ защищалъ,—по дѣлу гуманности и справедливости.

Разумѣется, эти признанія будущаго наслѣдника русскаго престола привели въ восторгъ и удивленіе князя Чарторыйскаго, который не замедлилъ сообщить о нихъ и своему брату. Оба брата предались мечтамъ о свѣтломъ будущемъ, которое раскрывалось передъ ними. «Я былъ тогда молодъ,—оправдывался впослѣдствіи князь Чарторыйскій,—преисполненъ возвышенныхъ идей и чувствъ; вещи необычайныя меня не изумляли, и я охотно вѣрилъ тому, что казалось мнѣ великимъ и доблестнымъ. Я поддался обаянію, которое легко понять: въ словахъ этого молодого князя

было столько чистосердечія, простодушія, несокрушимой рѣшительности, самозабвенія, духовнаго подъема, что онъ мнѣ казался какимъ-то особеннымъ существомъ, которое Провидѣніе послало на землю для блага человѣчества и моей родины». Чарторыйскій крѣпко привязался къ Александру, сталъ его истиннымъ другомъ и, когда Александръ сталъ императоромъ, однимъ изъ ближайшихъ его совѣтниковъ и сотрудниковъ въ начатомъ имъ дѣлѣ внутренняго преобразованія Россіи.

Но, сдѣлавшись русскимъ государственнымъ человѣкомъ, Чарторыйскій не забывалъ о своемъ отечествѣ и ждалъ только благопріятнаго случая, чтобы выступить съ предложеніемъ возстановленія Польши. Этотъ случай и представился въ 1805 году. Готовилась коалиція державъ противъ Наполеона, во главѣ которой должна была стать Россія. Чарторыйскій, бывшій въ то время русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, предъявилъ государю свой планъ образованія коалиціи съ указаніемъ тѣхъ основаній, на которыхъ она должна бы быть утверждена. Онъ указывалъ, что одной внѣшней силы недостаточно для того, чтобы обуздать колосса, что необходимо пробудить въ Европѣ чувство солидарности и уваженія къ международному праву, политикѣ завоеваній противопоставить принципы справедливости и законности. Починъ и руководство въ осуществленіи всего этого должна бы взять на себя Россія. Такъ какъ первымъ нарушеніемъ международнаго права былъ раздѣлъ Польши, необходимо прежде всего возстановить въ цѣлости это государство, на престолѣ котораго долженъ возсѣсть тотъ, кто воскресилъ его, т.-е. властитель Россіи. Чарторыйскій рекомендовалъ прежде всего привлечь къ союзу Англію, затѣмъ Австрію и, наконецъ, Пруссію, при чемъ, если она будетъ противиться, принудить ее къ тому силою; въ согласіи другихъ правительствъ Чарторыйскій не сомнѣвался. Коалиція по его мысли должна была носить посредническій характеръ, гарантировать европейскій миръ и свободу. Франціи должны быть предложены условія, соотвѣтствующія ея достоинству и положенію: за нею должны остаться Майнцъ, Кельнъ, Люксембургъ, Бельгія, Савойя, Женева; Рейнъ и Альпы должны быть ея границами, но она должна отдать Пьемонтъ, Голландію и Ганноверъ, которые имѣютъ стать самостоятельными государствами. За эти уступки Англія должна покинуть Мальту и другія колоніи Франціи, оказать Франціи помощь для возвращенія Санъ-Доминго изъ рукъ черныхъ. Сверхъ того, долженъ быть выработанъ международный морской уставъ. Если Франція отвергнетъ эти предложенія, тогда уже надо дѣйствовать противъ нея оружіемъ. Если война удастся наполовину, то надо удовольствоваться отторженіемъ отъ Франціи Италіи и реставраціей Бурбоновъ; если же закончится полною побѣдою, то надо будетъ отнять отъ Франціи и Рейнскія владѣнія, при чемъ изъ Бельгіи и Голландіи должно быть образовано особое королевство подъ властью Оранскаго дома. Итальянское королевство должно быть отдано Савойскому дому, а Рейнскія провинціи—Пруссіи; Австрія должна получить взамѣнъ Италіи и польскихъ земель владѣнія въ Молдавіи и Валахіи. Россія, какъ сказано, должна получить Польшу.

Но все это зданіе, какъ оказалось, построено было на песцѣ...

Питтъ, которому Новосильцевъ привезъ предложенія, выработанныя Чарторыйскимъ и слышать не хотѣлъ о какихъ-либо предварительныхъ

обязательствахъ Англіи и, кромѣ того, не согласенъ былъ и съ другими предположеніями относительно распредѣленія европейскихъ владѣній. Неподатлива оказалась и Пруссія, такъ что Россіи пришлось заключить коалицію только съ Англіей и Австріей, не въ томъ родѣ, какъ проектировалъ Чарторыйскій, а просто для вооруженной борьбы съ Наполеономъ.

Не удался и другой планъ возстановленія Польши, придуманный Чарторыйскимъ въ то время. Послѣ того, какъ оказалось невозможнымъ возстановить Польшу путемъ международныхъ соглашеній, Чарторыйскій вознамѣрился возсоздать ее силою оружія. Дѣло въ томъ, что Англія и Россія, закончивъ союзъ противъ Наполеона, условились принудить къ тому же и Пруссію. Россія должна была подѣлить свои войска на двѣ арміи, изъ которыхъ одна должна была отправиться черезъ Галицію на помощь Австріи, а другая вторгнуться внезапно въ Пруссію и занять ее. Чарторыйскій и задумалъ воспользоваться этимъ вторженіемъ для возстановленія Польши. Проживавшій въ Варшавѣ князь Іосифъ Понятовскій по уговору съ нимъ долженъ былъ поднять возстаніе въ Прусской Польшѣ какъ только приблизятся русскія войска, и провозгласить Александра королемъ польскимъ. Въ этомъ направленіи настраивалось и польское общество. Когда Александръ вслѣдъ за своею арміею отправился на помощь австрійцамъ, прибылъ въ резиденцію князя Чарторыйскаго—Пулавы, къ нему стеклось множество поляковъ повидать того, кого молва называла освободителемъ ихъ родины. Князь Понятовскій прислалъ довѣренныхъ людей съ выраженіемъ преданности и за полученіемъ приказовъ. Имя «короля польскаго» не сходило съ устъ посѣтителей Пулавъ. Казалось, что уже была близка минута возрожденія Польши, но судьба опредѣлила иначе.

За девять лѣтъ, протекшихъ со времени бесѣды въ Таврическомъ саду, Александръ не растерялъ своихъ добрыхъ чувствъ по отношенію къ полякамъ, не утратилъ своего расположенія къ нимъ, съ удовольствіемъ выслушивалъ въ Пулавахъ комплименты и выраженія преданности, но эти чувства, возвышенныя идеи юности уже не въ состояніи были направлять теперь его волю, вліять на его образъ дѣйствій. Александръ сталъ доступенъ и встрѣчнымъ воздѣйствіямъ, и холоднымъ разсчетамъ политики, и новымъ сантиментамъ и эмоціямъ. Кн. Чарторыйскій нашелъ сильнаго противника въ лицѣ молодого генералъ-адъютанта князя Петра Петровича Долгорукова, который, пользуясь дружбою государя, всячески противодѣйствовалъ планамъ и внушеніямъ Чарторыйскаго, представлялъ часто Александру опасность разрыва съ Пруссіею, пагубность возстановленія Польши, прибавляя исподтишка, что князь Чарторыйскій для Польши измѣняетъ Россіи. Однажды въ горячемъ спорѣ за царскимъ столомъ Долгоруковъ прямо бросилъ Чарторыйскому: «Вы разсуждаете какъ польскій князь, а я разсуждаю какъ русскій князь». Мнительный и подозрительный Александръ не могъ не склониться на представленія Долгорукова.

Онъ не только не поднялъ возстанія въ Польшѣ, не провозгласилъ себя королемъ польскимъ, но отправилъ въ Берлинъ князя Долгорукова съ изъявленіемъ своей пріязни королю Фридриху-Вильгельму, съ предложеніями приступить къ союзу противъ Франціи. Нерѣшительный король Фридрихъ-Вильгельмъ, на котораго налегала съ своей стороны Франція

съ своими предложеніями, долгое время колебался и не зналъ, что дѣлать, пока не вмѣшалась его супруга королева Луиза. Она послала къ Александру въ Пулавы приглашеніе прибыть лично въ Берлинъ, и Александръ тотчасъ же отправился на зовъ обожаемой женщины, которую онъ имѣлъ случай уже два раза видѣть и которая произвела на него чарующее впечатлѣніе. Королева добилась своего. 3 ноября въ Потсдамѣ была подписана конвенція о приступленіи Пруссіи къ коалиціи противъ Наполеона. Русскій императоръ и прусскій король на гробѣ Фридриха Великаго въ присутствіи королевы Луизы поклялись въ вѣчной дружбѣ Россіи и Пруссіи. Пулавская идиллія смѣнилась Потсдамской мелодрамой.

Всѣ планы кн. Чарторыйскаго рухнули, и поляки бросились въ объятія Наполеона. Они приняли горячее участіе въ борьбѣ его съ коалиціею и въ награду за всѣ жертвы и усилія получили такъ называемое Варшавское герцогство... Надежда на «одбудованіе ойчизны» и на этотъ разъ не исполнилась. Вслѣдствіе этого не исключена была возможность новыхъ попытокъ возстановленія Польши при помощи Россіи.

В. С. Ланской.

На этотъ разъ иниціатива вышла уже отъ самого Александра. Когда стала надвигаться война съ Наполеономъ въ 1811 году, Александръ вступилъ въ оживленную переписку съ кн. Чарторыйскимъ. Чарторыйскій послѣ заключенія Потсдамской конвенціи устранился отъ завѣдыванія иностранными дѣлами и остался только кураторомъ Виленскаго университета. Въ 1811 году, подчиняясь сеймовому предписанію, чтобы всѣ обыватели герцогства Варшавскаго оставили иноземныя службы, князь Чарторыйскій просилъ Александра уволить его отъ всѣхъ вообще званій и обязанностей по русской службѣ и сталъ проживать въ своемъ имѣніи Пулавахъ. Здѣсь и сталъ атаковывать его своими письмами Александръ. Въ этихъ письмахъ императоръ тщательно учитывалъ шансы сторонъ въ предстоящей борьбѣ и приходилъ къ выводу, что окончательная побѣда принадлежитъ Россіи, а слѣдовательно, и полякамъ надо помогать ему, Александру, а не Наполеону. За оказаніе помощи Александръ торжественно обѣщалъ возстановить Польшу. Императоръ приглашалъ князя Чарторыйскаго стать во главѣ своего народа и склонить его къ союзу съ Россіею. Въ частности Александръ просилъ Чарторыйскаго уговорить князя Іосифа Понятовскаго, командира польскихъ войскъ, покинуть Наполеона и предаться на сторону Россіи. Для облегченія ему этого шага Александръ предлагалъ устроить внезапное вторженіе русскихъ войскъ въ Польшу, при чемъ князь Понятовскій какъ бы по необходимости долженъ былъ сдаться на капитуляцію. Но Чарторыйскій уже горько разочаровался въ своемъ царственномъ другѣ, мало вѣрилъ въ его успѣхи, а главное, очень хорошо понималъ, что поднять поляковъ за

Россію противъ Наполеона—несбыточная мечта. Поэтому онъ не только не принялъ предложенія Александра, но даже счелъ своимъ долгомъ остеречь князя Понятовскаго насчетъ замысловъ русскаго императора.

Но когда начали оправдываться расчеты Александра, и побѣда стала склоняться на сторону Россіи, Чарторыйскій счелъ своимъ долгомъ покинуть занятую имъ позицію. 12 декабря 1812 года онъ писалъ Новосильцеву, что послѣ такихъ успѣховъ надо дѣлать великія и прекрасныя дѣла, не ограничиваясь простыми завоеваніями: «возстановленіе Польши—необходимо для Россіи, для Англіи, для всей Европы; однимъ разомъ оно въ состояніи парализовать всѣ средства Наполеона на сѣверѣ». Двѣ недѣли спустя Чарторыйскій написалъ въ этомъ же смыслѣ самому императору Александру: «Всѣмъ сердцемъ приступилъ я съ народомъ къ конфедераціи, не покидая его въ минуты несчастій и опасностей. Подай намъ руку, свѣтлѣйшій государь, и я раздѣлю радость съ народомъ; оттолкнешь насъ, и я раздѣлю съ нимъ горесть и отчаяніе». Чарторыйскій предложилъ русскому государю возстановить Польшу въ прежнемъ ея видѣ подъ скипетромъ царскаго брата великаго князя Михаила Павловича. Чарторыйскій остался вѣренъ всѣмъ прежнимъ взглядамъ на возстановленіе Польши, которое, по его мнѣнію, должно было послужить началомъ новаго правового порядка въ Европѣ. Но Александръ далъ на письмо въ высшей степени сдержанный отвѣтъ. «Для того, чтобы провести въ Польшѣ мои любимыя идеи,—писалъ онъ,—мнѣ, несмотря на блескъ моего теперешняго положенія, предстоитъ побѣдить нѣкоторыя затрудненія, прежде всего общественное мнѣніе въ Россіи. Образъ поведенія у насъ польской арміи, грабежи въ Смоленскѣ и въ Москвѣ, опустошеніе всей страны оживили прежнюю ненависть. Затѣмъ разглашеніе въ настоящую минуту моихъ намѣреній относительно Польши бросило бы всецѣло Австрію и Пруссію въ объятія Франціи... Эти затрудненія при благоразуміи и осторожности будутъ побѣждены. Но чтобы достигнуть этого, необходимо, чтобы вы и ваши соотечественники содѣйствовали мнѣ. Нужно, чтобы вы сами помогли мнѣ примирить русскихъ съ моими планами, и чтобы вы оправдали всѣмъ извѣстное мое расположеніе къ полякамъ и ко всему, что относится къ ихъ любимымъ идеямъ.—Имѣйте нѣкоторое довѣріе ко мнѣ, къ моему характеру, къ моимъ убѣжденіямъ, и надежды ваши не будутъ болѣе обмануты»... Указавъ далѣе на то, что онъ всегда отдавалъ предпочтеніе либеральнымъ формамъ правленія, Александръ самымъ рѣшительнымъ образомъ отклонилъ мысль о великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, какъ о королѣ Польши, и возстановленіи ея въ прежнихъ границахъ. «Не забывайте, что Литва, Подолія и Волынь считаютъ себя до сихъ поръ областями русскими, и что никакая логика въ мірѣ не убѣдитъ Россію, чтобы онѣ могли быть подъ владычествомъ иного государя, кромѣ того, который царствуетъ въ ней. Что же касается до наименованія, подъ коимъ онѣ будутъ входить въ составъ имперіи, то это затрудненіе легче устранить... Итакъ, вотъ въ общемъ выводѣ результаты, которые я могу сообщить вамъ: Польшѣ и полякамъ нечего опасаться отъ меня какой бы то ни было мести. Мои намѣренія по отношенію къ нимъ все тѣ же. Успѣхи не измѣнили ни моихъ идей относительно вашего отечества, ни моихъ принциповъ вообще, и вы всегда найдете

меня таковымъ, какимъ вы знали меня». Несмотря на то, что Александръ, какъ видно изъ его письма, ушелъ уже далеко отъ своихъ юношескихъ намѣреній касательно Польши, Чарторыйскій при всемъ томъ счелъ нужнымъ явиться къ нему въ главную квартиру въ Калишъ, чтобы принять дѣятельное участіе въ рѣшеніи судьбы своего отечества.

Александръ исполнилъ свое обѣщаніе — не мстить полякамъ за все то зло, которое они причинили Россіи въ 1812 году. Онъ милостиво принялъ депутацію отъ польскаго войска, сражавшагося подъ знаменами Наполеона, явившуюся къ нему въ Парижѣ 13 апрѣля 1814 года, послѣ отреченія Наполеона, воздалъ должное храбрости поляковъ и ихъ любви къ родинѣ и разрѣшилъ полякамъ возвратиться въ герцогство Варшавское со своими знаменами, назначивъ главнокомандующимъ надъ ними великаго князя Константина Павловича. Въ письмахъ къ генералу Костюшкѣ Александръ выражалъ надежду, что съ помощью Всевышняго ему удастся осуществить возрожденіе храброй и почтенной націи, къ которой принадлежитъ Костюшко. Но при всемъ томъ отъ какихъ-либо прямыхъ и категорическихъ обѣщаній на ближайшее время Александръ уклонился, ясно сознавая, какія трудности необходимо преодолѣть для того, чтобы возстановить Польшу. «Пройдетъ еще нѣсколько времени,—писалъ онъ,— и при мудромъ управленіи поляки будутъ снова имѣть отечество и имя, и мнѣ будетъ отрадно доказать имъ, что именно тотъ человѣкъ, котораго они считаютъ своимъ врагомъ, забылъ прошедшее и осуществилъ всѣ ихъ желанія». Въ Пулавахъ, куда Александръ заѣхалъ, отправляясь на Вѣнскій конгрессъ, онъ выразился яснѣе. «Ѣду на конгрессъ,—говорилъ онъ,—чтобы работать для Польши, но надо двигать дѣло постепенно. У Польши три врага—Пруссія, Австрія и Россія и одинъ другъ—это я. Если бы я хотѣлъ присоединить Галицію, пришлось бы сражаться. Пруссія соглашается возстановить Польшу, если ей отдадутъ часть великой Польши. А я хочу отдать польскимъ провинціямъ около 12 милліоновъ жителей. Составьте себѣ хорошую конституцію и сильную армію, и тогда посмотримъ». Изъ этихъ заявленій видно, что, предвидя затрудненія со стороны сосѣдей и со стороны русскаго общественнаго мнѣнія къ возстановленію Польши въ прежнемъ объемѣ, Александръ все болѣе и болѣе сосредоточивался на мысли создать польское государство, какое только можно по условіямъ момента, соединить

Красинскій (Дюкарма).

его съ Россіею и, если будетъ можно, усилить польскими провинціями Россіи, окончательное же возстановленіе предоставить будущему, когда разовьется и окрѣпнетъ созданное польское государство, и когда болѣе благопріятнымъ образомъ сложатся внѣшнія обстоятельства. Въ концѣ-концовъ, и кн. Чарторыйскій долженъ былъ принять эту же самую программу.

Польскій вопросъ на Вѣнскомъ конгрессѣ едва было не сталъ причиною разрыва между недавними союзниками и новой европейской войны. Таллейранъ ухватился за него именно, какъ за средство перессорить союзниковъ и дать рѣшительный голосъ Франціи въ предстоявшемъ устройствѣ европейскихъ дѣлъ, вручилъ кн. Меттерниху ноту, въ которой заявлялось, что французскій король почиталъ бы себя счастливымъ, если бы разрѣшенъ былъ польскій вопросъ, и народъ, столь интересующій другіе народы своею древностью, храбростью, оказанными Европѣ услугами и своими несчастіями получилъ бы свою прежнюю и полную независимость. «Раздѣлъ, который вычеркнулъ его изъ списка народовъ, былъ провозвѣстникомъ происшедшихъ въ Европѣ смятеній». Представитель Австріи, несмотря на то, что его государство также участвовало въ раздѣлахъ Польши, не только не оскорблялся предложеніями Франціи, но даже пошелъ къ нимъ навстрѣчу. «Никогда Австрія, — писалъ онъ, — не видѣла врага въ свободной независимой Польшѣ. Принципы, которыхъ держались и достойные предшественники его величества императора, и онъ самъ со времени раздѣловъ не пришелъ въ забвеніе; отношеніе Австріи къ этому краю было только слѣдствіемъ обстоятельствъ неодолимыхъ и независящихъ отъ воли австрійскихъ монарховъ». Къ этому Меттернихъ прибавлялъ: «Австрія не пожалѣетъ никакихъ жертвъ для возстановленія королевства Польскаго независимаго и управляемаго народнымъ правительствомъ».

Всѣ эти заявленія были продиктованы, конечно, не какими-либо добрыми чувствами къ Польшѣ, а соперничествомъ съ Россіею, боязнью, что этотъ сосѣдъ черезъ присоединеніе герцогства Варшавскаго и другихъ польскихъ владѣній станетъ еще болѣе сильнымъ и опаснымъ, чѣмъ въ данное время.

Болѣе безкорыстно высказывалась въ то время симпатія къ Польшѣ въ англійскомъ парламентѣ. Лордъ Кэстльри отъ имени Великобританіи заявилъ, что онъ также раздѣляетъ мнѣніе парижскаго и вѣнскаго кабинетовъ, и что его правительство также желаетъ видѣть Польшу, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, но непремѣнно независимою.

Но эти заявленія шли уже въ разрѣзъ съ намѣреніемъ и самолюбіемъ «освободителя Европы», желавшаго возсозданія Польши непремѣнно въ союзѣ съ Россіею, наподобіе того, какъ соединена Венгрія съ Австріею. Александръ употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы въ этомъ направленіи воздѣйствовать на общественное мнѣніе поляковъ и показать, что самъ народъ польскій желаетъ соединенія съ Россіею. Въ Польшѣ распространялись вѣсти, что всѣ правительства стоятъ за раздѣлъ и уничтоженіе Польши, что одинъ только Александръ защищаетъ ее и домогается ея возстановленія. Власти устраивали въ честь Александра банкеты, торжественныя молебствія. Какъ бы въ подтвержденіе ходившихъ слу-

ховъ в. кн. Константинъ 29 ноября, издалъ приказъ по польской арміи, призывающій ее къ защитѣ отечества. «Вы ознаменовали себя,—говорилось въ этомъ приказѣ,—великими подвигами въ борьбѣ, нерѣдко вамъ чуждой. Теперь, когда вы обратите всѣ свои усилія къ защитѣ отечества, вы будете непобѣдимы. Безпредѣльная преданность императору, который желаетъ одного блага вашему отечеству, любовь къ его августѣйшей особѣ, повиновеніе, дисциплина, согласіе—вотъ средства, могущія обезпечить благоденствіе вашей страны, состоящей подъ мощной защитой императора. Такимъ путемъ вы достигните той счастливой доли, которую другіе вамъ могутъ обѣщать, но которую лишь онъ одинъ вамъ можетъ доставить. Его могущество и его добродѣтели въ томъ ручаются». Результатомъ всѣхъ этихъ усилій были адреса, посланные императору Александру въ Вѣну отъ различныхъ общественныхъ группъ Польши. Эти адреса нарочно распространялись во всеобщее свѣдѣніе. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ Нессельроде сдѣлалъ заявленіе конгрессу, что восемь милліоновъ поляковъ готовы по приказу его государя бороться за независимость своей родины. Но все это привело лишь къ тому, что 22 декабря Таллейранъ, Меттернихъ и лордъ Кэстльри для обузданія претензій Россіи подписали тайную конвенцію, въ силу которой Франція, Австрія и Англія обязывались выставить на случай войны по 120 т. пѣхоты и по 30 т. конницы; къ коалиціи предполагалось привлечь и другія государства: Баварію, Виртембергъ и Нидерланды.

Польскій вопросъ готовился стать причиною новыхъ кровавыхъ столкновеній въ Европѣ. Но преждевременная высадка Наполеона во Франціи, предотвратила борьбу коалиціи съ Россіею. Наполеонъ, чтобы отвлечь Россію, оповѣстилъ Александра о заключенной противъ него тайной конвенціи и прислалъ копію договора Австріи, Франціи и Англіи. Но Александръ остался непоколебимъ въ своей враждѣ къ Наполеону и простилъ своимъ союзникамъ ихъ тайные замыслы противъ Россіи. Началась борьба, но не противъ Россіи, а противъ Наполеона, кончившаяся окончательнымъ низложеніемъ его и ссылкою на островъ св. Елены. Во время борьбы съ Наполеономъ державы уже не ставили серьезнаго вопроса о возстановленіи и независимости Польши, а старались, главнымъ образомъ, лишь о томъ, чтобы поменьше досталось на долю Россіи. Александръ желалъ соединить съ Россіею герцогство Варшавское въ его полномъ объемѣ, гарантируя ему свободное бытіе подъ властью русскаго государя, конституцію и народныя учрежденія. Эта гарантія является какъ бы исполненіемъ прежнихъ его обѣщаній касательно возсозданія Польши и удовлетвореніемъ либеральныхъ заявленій Англіи, Австріи и Франціи. Пріѣхавшій въ Вѣну князь Чарторыйскій хорошо понималъ, что о возстановленіи прежней Польши въ данный моментъ не можетъ быть и рѣчи, и всячески поддерживалъ Александра въ его стремленіи получить все Варшавское герцогство. Но имъ не удалось этого достигнуть. 21 апрѣля 1815 года были подписаны трактаты между Россіею, Австріею и Пруссіею, коими судьба Варшавскаго герцогства была опредѣлена такимъ образомъ: герцогство неразрывно связывалось реальною уніею (par la constitution) съ Россіею, за исключеніемъ Познани, Бромберга и Торна, отданныхъ Прус-

сіи, Кракова, объявленнаго вольнымъ городомъ, и соляныхъ копей Велички, возвращенныхъ Австріи вмѣстѣ съ Тарнопольскимъ повѣтомъ, который съ 1809 года принадлежалъ Россіи; Александръ принималъ титулъ короля польскаго и предоставлялъ себѣ даровать этому государству, пользующемуся особымъ управленіемъ, то внутреннее протяженіе, которое признаетъ подходящимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ гарантировано было, что поляки, подданные Россіи, Австріи и Пруссіи, получатъ политическое представительство, какое каждое изъ правительствъ сочтетъ для нихъ полезнымъ и подходящимъ.

Итакъ, не только не исполнились надежды польскихъ патріотовъ на возсозданіе Польши, но раздѣлено было на части и то небольшое полунезависимое государство, которое представляло изъ себя Варшавское герцогство. Александръ ясно сознавалъ, что онъ не выполнилъ своихъ обѣщаній полякамъ, и какъ бы въ оправданіе себя писалъ президенту польскаго сената Островскому: «Если великій интересъ всеобщаго спокойствія не допустилъ, чтобъ всѣ поляки были соединены подъ однимъ и тѣмъ же скипетромъ, то я, по крайней мѣрѣ, старался смягчить, насколько возможно, суровость разъединенія ихъ и доставить имъ повсюду возможное пользованіе ихъ національностью». 4 мая въ Вѣнѣ Александръ подписалъ основанія будущей конституціи царства Польскаго, выработанныя кн. Чарторыйскимъ, и издалъ манифестъ жителямъ Царства Польскаго о дарованіи имъ конституціи, самоуправленія, собственной арміи и свободы печати.

9 мая 1815 года въ Варшавѣ состоялось торжество возстановленія Польскаго королевства. Въ соборномъ костелѣ собрались всѣ должностныя лица герцогства Варшавскаго, и послѣ торжественной мессы были прочтены актъ отреченія короля саксонскаго, манифестъ императора всероссійскаго, и короля польскаго и основанія будущей конституціи. Государственный Совѣтъ, сенатъ, чиновники и жители принесли присягу въ вѣрности государю и конституціи. Польское знамя съ бѣлымъ орломъ было водружено на королевскомъ замкѣ и на всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, а во всѣхъ костелахъ было отслужено благодарственное молебствіе съ колокольнымъ звономъ и пушечною пальбою. Близъ Воли на равнинѣ собрались войска передъ сооруженнымъ алтаремъ и въ присутствіи великаго князя присягали побатальонно на вѣрность королю. Торжество закончилось канонадою и ружейными залпами и криками: «Да здравствуетъ нашъ король Александръ».

Предстояло теперь выработать конституцію на объявленныхъ уже основаніяхъ. Для составленія ея образованъ былъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Островскаго. Александръ для той же цѣли отправилъ въ Варшаву изъ Вѣны князя Чарторыйскаго. «Вы имѣли случай,—писалъ онъ ему,—ознакомиться съ тѣми намѣреніями относительно учрежденій, которыя я хочу установить въ Польшѣ, и улучшеній, которыя я желаю ввести въ этой странѣ. Вы постараетесь никогда не терять ихъ изъ вида при совѣщаніяхъ совѣта и обращать на нихъ все вниманіе вашихъ товарищей, для того, чтобы ходъ правительства и реформы, которыя ему поручено произвесть, были согласны съ моими воззрѣніями». Чарторыйскій исполнилъ возложенное на его порученіе и принялъ дѣятельное участіе въ выработкѣ польской конституціи.

31 октября 1815 года состоялся торжественный въѣздъ Александра въ столицу королевства Польскаго. Императоръ былъ въ польскомъ мундирѣ при орденѣ Бѣлаго Орла. Его окружали польскія войска и польскіе сановники. Толпы народа привѣтствовали его криками: «Да здравствуетъ Александръ, нашъ король!» Александръ оказывалъ своимъ новымъ подданнымъ всяческое расположеніе. Снятъ былъ секвестръ, наложенный на имѣнія тѣхъ, которые служили подъ знаменами Наполеона. Государь удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ дома знатнѣйшихъ поляковъ, присутствовалъ на многихъ балахъ, гдѣ очаровывалъ всѣхъ своею любезностью, носилъ польскій мундиръ и орденъ Бѣлаго Орла, пожаловалъ многихъ дѣвицъ во фрейлины, назначилъ къ себѣ нѣсколько польскихъ генералъ—и флигель-адъютантовъ, учредилъ цѣлый штатъ польскаго двора. Но полякамъ, разумѣется, всего этого было мало: ихъ помыслы и ожиданія были направлены на то, какое «внутреннее расширеніе» дастъ Александръ своему маленькому королевству согласно съ предоставленнымъ ему Вѣнскимъ трактатомъ правомъ. По свидѣтельству одного русскаго очевидца, «поляки смотрѣли вообще на насъ пасмурно. Они казались недовольными и даже не скрывали въ разговорахъ, что имъ слѣдуетъ возвратить Могилевъ, Витебскъ, Волынь, Подолію и Литву».—Этотъ вопросъ поднялъ въ секретной аудіенціи кн. Огинскій, прибывшій въ Варшаву съ депутатами губерній Виленской, Гродненской и Минской. Но Александръ просилъ не компрометировать его, не ставить въ затруднительное положеніе. «Я не могу допустить, чтобы вы просили о присоединеніи вашихъ областей къ Польшѣ, такъ какъ не слѣдуетъ подавать повода къ мысли, что вы меня о томъ просите. Необходимо, чтобы всѣ были убѣждены въ томъ, что я это дѣлаю по собственному почину, что я именно желаю этого». Здѣсь говорило, повидимому, не одно только опасеніе общественнаго мнѣнія Россіи, но и самолюбіе, затронутое назойливостью поляковъ. Александръ не прочь былъ благодѣтельствовать Польшѣ, но только добровольно, а не подъ давленіемъ поляковъ... Не отказываясь отъ мысли когда-нибудь соединить западныя губерніи съ Польшею, Александръ заявилъ, что онъ устроитъ это соединеніе тогда, когда упрочится связь этихъ областей съ имперіею, и когда соединеніе съ Россіею будетъ сопровождаться довѣріемъ и полнымъ согласіемъ между однѣми націями. Другими словами: Александръ откладывалъ на неопредѣленное время исполненіе своего обѣщанія о присоединеніи къ Польшѣ 12 милліоновъ подданныхъ.

Константинъ Павловичъ въ польскомъ мундирѣ (Dähling).

Кромѣ отказа въ присоединеніи къ Польшѣ великаго княжества Литовскаго, Александръ огорчилъ польскихъ патріотовъ и отношеніемъ своимъ къ вырабатываемой конституціи. Согласно его указаніямъ, не нашли себѣ выраженія въ проектѣ конституціи первая и послѣдняя статьи обнародованныхъ началъ этой конституціи. Первая статья гласила: «Новая конституція, даруемая королевству, должна быть сближена съ конституціею 3 мая, насколько позволяетъ различіе времени и обстоятельствъ». На самомъ же дѣлѣ новая конституція вышла переработкою конституціи герцогства Варшавскаго, а не конституція 3 мая. Послѣдняя статья началъ гласила: «Великая книга конституціи, которую мы жалуемъ жителямъ нашего польскаго королевства, должна быть признаваема главною и священнѣйшею связью, коею это королевство неразрывно и на вѣчное время будетъ соединено съ государствомъ всея Россіи, какъ въ лицѣ нашемъ, такъ и въ лицѣ всѣхъ нашихъ наслѣдниковъ и преемниковъ». Эта статья, гарантировавшая навсегда отдѣльное государственное бытіе Польши, была опущена въ текстѣ выработанной конституціи. Сверхъ того, Александръ въ сотрудничествѣ съ Новосильцевымъ внесъ нѣкоторыя измѣненія въ представленный ему Чарторыйскимъ текстъ конституціи.

Такъ, взамѣнъ статьи: «Римско-католическая религія есть религія государственная», была внесена статья: «Религія римско-католическая имѣетъ пользоваться особымъ покровительствомъ»; вмѣсто статьи: «Сохраняется древнее польское право: neminem captivabimus nisi jure victum», внесена статья: «Сохраняется право: neminem captivare permittemus nisi jure victum» и т. д. И только послѣ всѣхъ этихъ измѣненій Александръ подписалъ конституціонную хартію Польши (15/27 ноября 1815 года).

Хартія гласила, что королевство (царство) Польское навсегда соединяется съ Россіею: польскій престолъ принадлежалъ россійскому императору и его наслѣдникамъ и преемникамъ; императоръ принимаетъ титулъ короля (царя) польскаго и, какъ таковой, коронуется въ Варшавѣ и приноситъ присягу въ соблюденіи конституціи. Королю принадлежитъ верховная распорядительная и исполнительная власть во всемъ ея объемѣ: онъ объявляетъ войну и заключаетъ договоры, распоряжается войсками и доходами государства, назначаетъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ и должностныхъ лицъ, раздаетъ ордена, шляхетство и почетныя званія. Но всѣ его приказы должны скрѣпляться подписью соотвѣтствующаго министра, который является отвѣтственнымъ за все, что въ этихъ приказахъ будетъ противорѣчить конституціи и законамъ. Въ отсутствіе короля управленіе ведется его намѣстникомъ, которымъ можетъ быть или великій князь изъ царствующаго дома, или природный или натурализованный полякъ, и государственнымъ совѣтомъ. Намѣстникъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ предоставленныхъ ему королемъ полномочій. Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ короля или его намѣстника слагается изъ министровъ, совѣтниковъ, референдаріевъ и лицъ, коихъ король захочетъ особо ввести въ его составъ. Онъ дѣлится на административный совѣтъ и на общее собраніе. Первый слагается изъ министровъ и другихъ лицъ, особо приглашенныхъ королемъ, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, при чемъ намѣстнику принадлежитъ рѣшающій голосъ, а членамъ совѣщательный. Общее собраніе государственнаго совѣта подъ предсѣдательствомъ

короля или его намѣстника вырабатываетъ проекты законовъ и рѣшаетъ вопросы объ отдачѣ подъ судъ чиновниковъ за преступленія по должности, споры властей о юрисдикціи и другіе вопросы по приказанію короля или его намѣстника. Текущее управленіе ввѣряется пяти комиссіямъ: вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и полиціи, военной и финансовой, подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ соотвѣтственныхъ министровъ. Кромѣ того, при особѣ короля находится министръ статсъ-секретарь, который долженъ докладывать ему всѣ дѣла, присылаемыя намѣстникомъ, и обратно—пересылать намѣстнику королевскія постановленія, ему же ввѣряются и внѣшнія отношенія, насколько они будутъ касаться царства Польскаго.

Все королевство въ административномъ отношеніи раздѣляется на восемь воеводствъ, семьдесятъ семь повѣтовъ и пятьдесятъ одну гмину. Въ воеводствахъ органами управленія являются воеводскія комиссіи, въ «мѣстахъ»—муниципальныя власти, въ гминахъ—войты. На ряду съ ними устанавливаются органы самоуправленія—воеводскія «рады» изъ совѣтниковъ, избранныхъ на шляхетскихъ сеймикахъ и гминныхъ собраніяхъ. На этихъ радахъ избираются члены судовъ первыхъ двухъ инстанцій, окончательно вырабатываются списки кандидатовъ на административныя должности на основаніи представленій сеймиковъ и гминныхъ собраній и охраняется общее благо воеводства согласно особымъ установленіямъ. Органомъ законодательной власти является сеймъ, состоящій изъ сената и посольской избы и созываемый каждые два года на 30 дней. Сенатъ слагается изъ принцевъ императорско-королевской крови, достигшихъ 18 лѣтъ отъ рода, бискиповъ, греко-уніатскаго митрополита, воеводъ и намѣстниковъ, назначаемыхъ королемъ пожизненно, по представленію самого сената, изъ лицъ, имѣющихъ не менѣе 30 лѣтъ отъ роду и платящихъ не менѣе 2.000 злотыхъ налоговъ. Кромѣ выполненія законодательной функціи на сеймѣ, сенатъ собирается и не во время сейма. Онъ обсуждаетъ и рѣшаетъ вопросы о преданіи суду сенаторовъ, министровъ, членовъ государственнаго совѣта и референдаріевъ за преступленія по должности либо по указанію короля, либо по жалобѣ посольской избы, вопросы относительно законности сеймиковъ и гминныхъ собраній и происходившихъ на нихъ выборовъ и т. д. Посольская изба слагается изъ 77 пословъ, выбранныхъ шляхетскими повѣтовыми сеймиками, и 51 депутата отъ гминъ. Послы и депутаты избираются изъ лицъ, которымъ исполнилось тридцать лѣтъ и которые платятъ не менѣе 100 злотыхъ налоговъ. На сеймикахъ, избирающихъ пословъ, членовъ воеводскихъ радъ и кандидатовъ на административныя должности, имѣютъ право голоса только шляхтичи землевладѣльцы, записанные въ обывательскую повѣтовую книгу, составленную воеводскою радою и утвержденную сенатомъ, и имѣющіе не менѣе двадцати одного года отъ рода. Въ гминныя собранія, избирающія депутатовъ, членовъ воеводскихъ радъ и кандидатовъ по административной должности, допускаются: владѣльцы недвижимой собственности, но не шляхетскаго сословія, ремесленники и хозяева ремесленныхъ заведеній, купцы, имѣющіе товары на складѣ или магазинѣ на 10 т. злотыхъ, плебаны и викаріи, профессора и учителя, художники. Сеймъ обсуждаетъ проекты гражданскихъ, уголовныхъ и административныхъ

законовъ, выработанные государственнымъ совѣтомъ, а равно и проекты объ измѣненіи или ограниченіи компетенціи властей, установленныхъ конституціею, проекты финансовые и военные и наконецъ—общій отчетъ о состояніи государства, составленный государственнымъ совѣтомъ. Для предварительнаго разсмотрѣнія проектовъ въ каждой избѣ тайною подачею голосовъ избираются три комиссіи: финансовыхъ законовъ, гражданскихъ и уголовныхъ, органическихъ и административныхъ. Эти комиссіи и сносятся съ государственнымъ совѣтомъ, который по ихъ представленію можетъ перерабатывать внесенные законопроекты. Изъ комиссій проекты поступаютъ на обсужденіе избъ, при чемъ члены государственнаго совѣта имѣютъ совѣщательный голосъ, если не состоятъ сенаторами, послами или депутатами. Совѣщанія сейма публичны, но по желанію десятой части членовъ можетъ быть образованъ тайный комитетъ. Голосованіе происходитъ открыто. Проектъ, принятый большинствомъ голосовъ въ одной избѣ, переходитъ въ другую избу, гдѣ долженъ быть принятъ тѣмъ же порядкомъ; при равенствѣ мнѣній проектъ считается принятымъ. Проектъ, принятый одною избою, не долженъ измѣняться другою, но долженъ быть цѣликомъ либо принятъ, либо отвергнутъ. Принятый обѣими палатами проектъ дѣлается закономъ лишь послѣ санкціи короля. Власть судебная по конституціи 1815 года ввѣрялась и назначеннымъ королемъ, и выборнымъ судьямъ; первые должны быть пожизненны, вторые несмѣняемы до слѣдующаго выбора; они могутъ быть устраняемы за злоупотребленія по должности не иначе, какъ по суду. Учреждалось нѣсколько судебныхъ инстанцій: мировые судьи, суды гражданскіе и полиціи въ каждомъ «мѣстѣ» и въ каждой гминѣ земскіе суды и съѣзды, уголовные суды въ каждомъ воеводствѣ; трибуналы для нѣсколькихъ воеводствъ и верховный трибуналъ въ Варшавѣ для всего государства; сеймовый судъ для разбора дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ по должности. Конституція содержала и общія гражданскія гарантіи. Католическая религія объявлялась предметомъ особаго попеченія правительства, безъ ущерба, однако, для свободы другихъ вѣроисповѣданій, послѣдователи которыхъ пользуются одинаковыми съ католиками политическими и гражданскими правами.

Всѣ граждане объявлялись равными передъ закономъ; имъ гарантировалась неприкосновенность личности (Neminem captivari permittemus, nisi jure victum), неприкосновенность имущества. Польскій языкъ объявлялся обязательнымъ въ публичномъ дѣлопроизводствѣ — административномъ, судебномъ и военномъ; объявлялось замѣщеніе всѣхъ публичныхъ должностей природными или натурализованными поляками. Сохраняются гражданскіе и военные ордена: Бѣлаго Орла, Св. Станислава и военнаго креста (virtuti militari). Конституціонный уставъ имѣетъ быть развитъ органическими статутами, изданными въ законодательномъ порядкѣ. Первый бюджетъ доходовъ и расходовъ имѣетъ быть составленъ королемъ и государственнымъ совѣтомъ, но измѣняться въ дальнѣйшемъ долженъ уже королемъ и палатами. Законы, постановленія и распоряженія короля публикуются въ «Дневникѣ королевства Польскаго».

Съ обнародованіемъ конституціи королевство Польское получило не только бытіе, но и организацію. Казалось бы, что намѣстникомъ его дол-

женъ быть тотъ самый человѣкъ, который принималъ такое близкое участіе въ его созданіи. Всѣ ожидали, что намѣстникомъ будетъ князь Чарторыйскій. Но неожиданно для всѣхъ, уступая представленіямъ своего брата в. кн. Константина и Новосильцева, Александръ назначилъ на эту должность генерала Зайончка. Это назначеніе послужило какъ бы предуказаніемъ той политики, которой будетъ держаться самодержавный русскій монархъ въ конституціонной Польшѣ. Эта политика въ дальнѣйшемъ и была иллюстраціею невозможности соединенія на одномъ челѣ короны самодержца и конституціоннаго короля. Правленіе перваго конституціоннаго короля началось съ цѣлаго ряда антиконституціонныхъ дѣяній.

Полячка. (А. Ватто).

Прежде всего появилась непредусмотрѣнная конституціею должность императорскаго комиссара. Александръ назначилъ Новосильцева своимъ комиссаромъ на нѣсколько мѣсяцевъ на время введенія конституціи. Но затѣмъ и послѣ Новосильцевъ остался императорскимъ комиссаромъ, исполняя роль своего рода ревизора надъ дѣйствіями польскаго правительства. Онъ сдѣланъ былъ сверхъ того членомъ административнаго совѣта и государственнаго, хотя и не былъ ни природнымъ, ни натурализованнымъ полякомъ, и, знакомясь хорошо съ положеніемъ дѣлъ въ королевствѣ, посылалъ донесенія въ Петербургъ и оказывалъ давленіе на намѣстника и министровъ. Этотъ намѣстникъ, долженствовавшій по конституціи быть въ непосредственномъ подчиненіи у короля, фактически оказался въ подчиненіи у великаго князя Константина, главнокомандующаго польской арміей. Онъ докладывалъ ему о всѣхъ постановленіяхъ и предположеніяхъ административнаго совѣта, отдавалъ на его одобреніе всѣ назначенія и повышенія чиновниковъ, повѣрялъ ему даже такія дѣла, которыя подлежали личному утвержденію императора. Константинъ и Новосильцевъ стали властно распоряжаться въ королевствѣ, мало справляясь съ конституціею.

Подъ ихъ опекою и руководствомъ польскія власти издали рядъ постановленій въ нарушеніе конституціи, напр., безъ участія сейма ввели табачную и солянную монополію, обложеніе шинкарей и т. д. Первый сеймъ 1818 года не преминулъ обратить на это вниманіе государя. Но Александръ былъ увѣренъ, что не онъ склоненъ нарушать конституцію, а поляки. Черезъ министра статсъ-секретаря онъ далъ понять сейму, что конституція не даетъ ему права критиковать дѣйствія правительства и въ чемъ-либо упрекать его: сеймъ можетъ лишь только высказывать свое мнѣніе по вопросамъ, переданнымъ на его разсмотрѣніе правительствомъ.

Надо сказать, что со времени Вѣнскаго конгресса, охваченный общимъ вѣяніемъ реакціоннаго духа въ Европѣ, Александръ пересталъ питать прежнюю увѣренность въ правильности пути свободнаго развитія народовъ. Этимъ объясняются предостереженія, которыя онъ сдѣлалъ полякамъ въ тронной рѣчи при открытіи перваго сейма въ 1818 году, и обращенное къ нимъ приглашеніе доказать на дѣлѣ пользу «законно-свободныхъ постановленій» и «тѣмъ дать ему, императору, возможность распространить ихъ и на другія страны, Провидѣніемъ его попеченію ввѣренныя».

Поляки, однако, не прониклись внушеніями своего короля. Въ 1818—1820 годахъ подъ вліяніемъ испанскихъ и итальянскихъ революціонныхъ событій въ Польшѣ, какъ и въ другихъ странахъ, началось броженіе умовъ. Газеты стали наполняться нападками на произвольныя дѣйствія администраціи. Правительство отвѣтило на это репрессіями: закрыта была «Ежедневная газета» и «Бѣлый Орелъ»; публицистъ Сколоровскій былъ арестованъ, а редакторъ «Бѣлаго Орла» Моравскій долженъ былъ спасаться бѣгствомъ за границу. Постановленіемъ намѣстника отъ 22 мая 1819 года введена была цензура для журналовъ и періодическихъ изданій, 16 іюля того же года распространена была на всѣ книги, издаваемыя въ царствѣ. Это постановленіе, нарушавшее 16 статью конституціи о свободѣ печати, получило Высочайшее утвержденіе. Сообщеніемъ королевскимъ отъ 13 декабря 1819 г. на имя намѣстника провозглашена была неизбѣжность ограниченія личной свободы гражданъ, насколько будетъ требовать того безотлагательность момента (l'urgence du moment). Это сообщеніе открыло широкую дорогу административному произволу. Великій князь Константинъ началъ преслѣдовать лицъ, подозрѣваемыхъ въ революціонныхъ замыслахъ, и безъ судебнаго слѣдствія сажалъ ихъ въ Кармелитскій монастырь въ Лѣшнѣ, который былъ превращенъ въ тюрьму.

Предвѣстія надвигающагося разрыва между королемъ и польскимъ народомъ обнаружились явственно на сеймѣ 1820 года. Въ тронной рѣчи при открытіи сейма 12 сентября Александръ предостерегалъ поляковъ относительно «злого духа, который носится надъ Европою», конституцію называлъ порядкомъ, который онъ ввелъ по своему усмотрѣнію, намекая этимъ на возможность ея отмѣны. Съ другой стороны, сеймъ отвергъ подавляющимъ числомъ голосовъ (117 противъ 3) уставъ уголовнаго судопроизводства, внесенный правительствомъ, и органическій статутъ для сената. Въ многочисленныхъ (около 90) петиціяхъ сейма на ряду съ пожеланіями положительнаго характера помѣщено немало жалобъ на отступленія правительства отъ конституціи. Въ сеймовыхъ дебатахъ особенно

рѣзко выступалъ по этому поводу посолъ Калишскаго воеводства Викентій Нѣмоевскій. «Конституція, — говорилъ онъ, — это собственность народа. Король не имѣетъ права ни отнимать ее, ни измѣнять. Мы уже лишились свободы печати; нѣтъ у насъ неприкосновенности личности; право собственности нарушается; наконецъ теперь хотятъ отнять у насъ отвѣтственность министровъ (по проекту органическаго статута для сената ограничивалось его право обжалованія дѣйствій министровъ тѣмъ, что такое обжалованіе должно было итти къ монарху отъ государственнаго совѣта). Что же останется отъ всей конституціи? Stat magni nominis umbra»... Нѣмоевскій предлагалъ привлечь къ суду министра народнаго просвѣщенія Станислава Потоцкаго за то, что онъ скрѣпилъ своею подписью постановленія администраціи, вводившія цензуру. Все это сильно разгнѣвало Александра, и въ прощальной рѣчи при закрытіи сейма (13 октября) онъ бросилъ посламъ упрекъ, что они своими дѣйствіями замедлили дѣло возстановленія своего отечества и что на нихъ падетъ тяжкая за это отвѣтственность. Уѣзжая на другой день въ Петербургъ, Александръ далъ великому князю Константину carte blanche, т.-е. предоставилъ полную свободу дѣйствовать, не стѣсняясь конституціею.

Вернувшись въ Петербургъ, Александръ хотѣлъ было издать указъ объ уничтоженіи конституціи, но его удержали отъ этого министръ иностранныхъ дѣлъ Каподистріа и англійскій посолъ. Мысль эта, однако, не покидала Александра. Въ рескриптѣ на имя административнаго совѣта, данномъ въ маѣ 1821 года, по поводу дефицита польской казны въ нѣсколько милліоновъ злотыхъ, императоръ выражалъ сомнѣніе, можетъ ли польское королевство, при существующей организаціи, держаться своими собственными средствами или оно должно принять иную форму, болѣе соотвѣтствующую его силамъ. Новосильцевъ, вырабатывавшій общеимперскую конституцію, уже въ 1820 году представилъ Александру проектъ постановленія, отмѣняющаго особность Царства Польскаго и инкорпорирующаго его въ имперію, какъ одно изъ намѣстничествъ. Но конституція переставала дѣйствовать уже ранѣе ея отмѣны. Въ 1822 году долженъ быть, согласно конституціи, созванъ третій сеймъ. Но по представленію намѣстника о неспокойномъ состояніи умовъ, вызванномъ политическими арестами, созывъ сейма былъ отсроченъ. Выборъ оппозиціонныхъ пословъ Калишскаго воеводства братьевъ Нѣмоевскихъ въ члены Калишской воеводской рады былъ кассированъ сенатомъ, а послѣ вторичнаго ихъ избранія распущена была и сама рада. Насильственныя и произвольныя дѣйствія правительства усиливали недовольство и революціонное броженіе въ обществѣ. Существовавшая въ Польшѣ масонская организація стараніемъ майора Валеріана Лукасиньскаго и его друзей стала превращаться въ политическое общество, поставившее себѣ главною задачею осуществленіе національно-политическихъ идеаловъ польскаго народа. Эта эволюція польскаго масонства не ускользнула отъ вниманія правительства, и въ 1821 году былъ изданъ указъ, закрывавшій всѣ масонскія ложи и запрещавшій всѣ тайныя общества. Но разсѣянное масонство скоро возродилось тайно подъ именемъ «Народнаго патріотическаго общества», во главѣ котораго сталъ особый комитетъ. Предсѣдателемъ его сталъ зять Лукасиньскаго референдарій Вежболовичъ, но фактическимъ заправилою былъ

Лукасиньскій. Дѣятельность Лукасиньскаго, однако, скоро обратила на себя вниманіе полиціи, и онъ былъ съ нѣкоторыми своими единомышленниками преданъ суду и присужденъ къ семи годамъ каторжныхъ работъ съ лишеніемъ званія и знаковъ отличія. Но тайное патріотическое общество не было раскрыто и продолжало свою дѣятельность подъ руководствомъ сенатора Станислава Солтыка и подполковника гвардейскихъ стрѣлковъ Крыжановскаго. Въ 1824 и 1825 годахъ это общество вступило въ сношеніе съ тайнымъ южнымъ обществомъ, организовавшимся въ Россіи, и вело переговоры о совмѣстномъ и одновременномъ возстаніи, переговоры, которые, однако, не привели къ какимъ-либо опредѣленнымъ соглашеніямъ.

Послѣдній сеймъ, собиравшійся при Александрѣ въ 1825 г., работалъ уже въ условіяхъ и обстановкѣ чрезвычайныхъ, не предполагавшихся конституціею. Еще въ февралѣ 1825 года опубликована была дополнительная статья къ конституціи, отмѣнявшая публичность засѣданій сейма. Отмѣна эта мотивировалась тѣмъ, что публичность преній вызываетъ въ ораторахъ погоню за популярностью, что пренія благодаря этому вырождаются въ пустыя декламаціи, лишенныя спокойствія и достоинства, приличествующихъ всякому серьезному обсужденію. Изъ засѣданій сейма устранены были не только публика, но и нѣкоторые послы, напр., Викентій Нѣмоевскій, посолъ калишскаго воеводства. Незадолго до созыва сейма онъ написалъ царю письмо съ указаніемъ на незаконность ареста нѣкоего Радоньскаго, участника неаполитанской революціи. Письмо это показалось Александру верхомъ дерзости, и великій князь Константинъ, вызвавъ къ себѣ Нѣмоевскаго, запретилъ ему являться туда, гдѣ будетъ пребывать царь. Нѣмоевскій, избранный посломъ, тѣмъ не менѣе, поѣхалъ въ Варшаву, но былъ задержанъ у Вольской заставы и интернированъ въ своемъ имѣніи подъ надзоромъ полиціи, а выборы Калишскаго воеводства были кассированы. Засѣданія сейма происходили во дворцѣ, окруженномъ войсками, переполненномъ русскими чиновниками и тайными агентами. Подавленные всѣми этими распоряженіями и обстановкою, польскіе послы и депутаты обнаружили крайнюю осторожность и умѣренность. Проекты, представленные правительствомъ объ измѣненіяхъ въ первой книгѣ Наполеонова кодекса и объ учрежденіи кредитнаго общества, были приняты сеймомъ. Сеймъ отказался отъ протеста противъ дополнительной къ конституціи статьи, отказался отъ принятія готоваго уже адреса объ уничтоженіи этой статьи, не рѣшился представить и петиціи съ жалобами на незаконныя дѣйствія властей. Александръ остался очень доволенъ поведеніемъ сейма и, закрывая его, сказалъ членамъ сейма: «Вы исполнили чаянія вашей отчизны и оправдали мое довѣріе. Моимъ желаніемъ теперь будетъ убѣдить васъ, какое вліяніе ваше поведеніе окажетъ на вашу будущность!» Въ интимныхъ разговорахъ съ великимъ княземъ царь заявилъ, что онъ остается при своемъ намѣреніи соединить Литву съ Царствомъ Польскимъ. Но судьба рѣшила иначе. Напряженіе послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра не только не разрѣшилось послѣ роспуска сейма 1825 года, но еще болѣе усилилось и, въ концѣ-концовъ, привело къ революціонному взрыву и крушенію конституціи 1815 года.

М. Любавскій.

Имп. Александръ I въ Осташковѣ. (Іюль 1820 г.).

РОССІЯ ПОСЛѢ 1812 ГОДА.

I. Война 1812 г. и промышленное развитіе Россіи.

Проф. М. И. Туганъ-Барановскаго.

Отечественная война очень тѣсно связана съ экономическими отношеніями Россіи. Прежде всего сама война была, до нѣкоторой степени, вызвана таможенной политикой Александра I. Въ 1809 г. Александръ, ожидавшій послѣ Эрфуртскаго свиданія наступленія продолжительнаго періода мира, предписалъ изготовить планъ финансовыхъ реформъ, направленныхъ къ поднятію курса нашихъ ассигнацій, и вообще улучшенію условій денежнаго обращенія въ Россіи. Планъ этотъ былъ въ скоромъ времени выработанъ Сперанскимъ и охватилъ собой также область таможенной политики. Для повышенія курса ассигнацій Сперанскій

признавалъ необходимымъ принять дѣйствительныя мѣры къ обезпеченію Россіи возможно болѣе благопріятнаго платежнаго баланса, чего можно было достигнуть, по его мнѣнію, уменьшеніемъ привоза въ Россію иностранныхъ товаровъ и увеличеніемъ вывоза русскихъ произведеній за границу. Въ связи съ этимъ Сперанскій составилъ новый таможенный тарифъ, въ основу котораго были положены слѣдующія начала. Свободный доступъ въ Россію допускался только относительно самыхъ необходимыхъ иностранныхъ продуктовъ, всѣ же менѣе необходимые, равно какъ и предметы роскоши, или облагались тяжелой пошлиной или же совершенно не допускались къ привозу. Напротивъ, вывозъ русскихъ продуктовъ поощрялся облегченіемъ доступа въ Россію нейтральныхъ судовъ.

Проектъ Сперанскаго получилъ одобреніе государя, былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ и получилъ утвержденіе въ видѣ временнаго, на одинъ годъ, «Положенія о торговлѣ на 1811 г.». Согласно этому положенію, сырые продукты допущены къ безпошлинному привозу или обложены небольшой пошлиной. Пошлина на полуобработанные продукты назначена въ значительно высшемъ размѣрѣ, привозъ обработанныхъ продуктовъ или совершенно запрещенъ, или дозволенъ подъ условіемъ уплаты очень высокой пошлины.

Положеніе это сыграло видную роль въ числѣ непосредственныхъ поводовъ къ разрыву съ Наполеономъ. Съ одной стороны, положеніе открывало доступъ въ Россію, на нейтральныхъ корабляхъ, въ числѣ прочихъ продуктовъ, также и продуктамъ англійскихъ колоній, съ другой стороны, оно запрещало къ привозу многія французскія издѣлія.

Когда положеніе вступило въ дѣйствіе, въ русскіе порты прибыло до 200 англійскихъ кораблей подъ тенерифскимъ флагомъ для закупки русскихъ сырыхъ матеріаловъ, въ которыхъ Англія испытывала большую нужду, благодаря дѣйствію континентальной системы. Согласно Тильзитскому договору, Россія не должна была допускать въ свои порты эти суда или захватить ихъ. Государственный канцлеръ гр. Румянцевъ, опасавшійся разрыва съ Наполеономъ, и предлагалъ эту послѣднюю мѣру. Но другіе высшіе сановники рѣшительно возстали противъ этого. Особенно энергичнымъ противникомъ ея явился знаменитый графъ Мордвиновъ, усматривавшій въ ней большую опасность для экономическихъ интересовъ Россіи, такъ какъ прекращеніе отпуска сырыхъ произведеній нанесло бы тяжелый ударъ всему русскому народному хозяйству. Строгое соблюденіе континентальной системы было бы, по мнѣнію Мордвинова, еще убыточнѣе для Россіи, чѣмъ для Англіи, и Мордвиновъ высказывалъ даже подозрѣніе, что континентальная система въ дѣйствительности направлена не столько противъ Англіи, сколько именно противъ Россіи, которую Наполеонъ хочетъ раньше обезсилить экономически, чтобы потомъ побѣдить на полѣ брани.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, запрещеніе ввоза въ Россію цѣлаго ряда произведеній французской промышленности было истолковано Наполеономъ, какъ актъ, враждебный Франціи. Когда же русскій посолъ, оправдывая эту мѣру, сталъ ссылаться на примѣръ Екатерины II, то Наполеонъ ему отвѣтилъ: «Позвольте замѣтить, что въ то время Россія предписывала законы всей Европѣ и къ тому же не считалась въ числѣ просвѣ-

щенныхъ государствъ; въ настоящее же время, сдѣлавшись европейской націей, она не можетъ уклоняться отъ соблюденія вообще установленныхъ правилъ».

Эти неудовольствія были однимъ изъ поводовъ къ войнѣ, хотя, конечно, война была неизбѣжна во всякомъ случаѣ; какъ бы то ни было, стѣсненія континентальной системы были однимъ изъ наиболѣе наглядныхъ доказательствъ тягостности для Россіи условій Тильзитскаго мира. Конечно, отъ затрудненій внѣшней торговли, приводившихъ къ огромному вздорожанію колоніальныхъ продуктовъ и англійскихъ фабрикатовъ на всемъ европейскомъ континентѣ, въ томъ числѣ и въ Россіи, непосредственно страдала только ничтожная часть русскаго населенія, потреблявшая эти продукты. Но именно эта небольшая группа — высшее и среднее дворянство — и была въ политическомъ отношеніи единственно вліятельной частью русскаго населенія. Около этого времени въ русскомъ образованномъ обществѣ значительно увеличился интересъ къ экономическимъ вопросамъ, при чемъ, соотвѣтственно аграрнымъ интересамъ нашего дворянства, пріобрѣли значительную популярность идеи свободной торговли.

Александръ I въ Осташковѣ (совр. рис.).

Вздорожаніе многихъ важныхъ предметовъ потребленія не могло не содѣйствовать патріотическому возбужденію нашего общества, экономическіе интересы котораго страдали отъ континентальной системы.

Но Отечественная война не только была связана съ новымъ направленіемъ нашей таможенной политики. Въ свою очередь, эта война очень глубоко повліяла и на наше дальнѣйшее промышленное развитіе.

Наша промышленность возникаетъ въ началѣ XVIII вѣка въ видѣ крупныхъ фабрикъ, сосредоточенныхъ, главнымъ образомъ, въ центральномъ районѣ Россіи и, всего болѣе, въ самой Москвѣ и ея окрестностяхъ. Нашествіе Наполеона захватило въ свой районъ именно тѣ мѣстности, которыя являлись центрами нашей фабричной промышленности. Оно имѣло чрезвычайно опустошительный характеръ благодаря тому, что населеніе покидало мѣстности, занятыя непріятелемъ, и оставляло на произволъ судьбы свое имущество, постройки, промышленныя заведенія, лавки и пр. Именно въ силу этой своей особенности Отечественная война явилась выдающимся событіемъ и въ экономической исторіи Россіи.

Москва была, какъ сказано, сосредоточіемъ фабричной промышленности Россіи. Неудивительно, что какъ въ самой Москвѣ, такъ и по пути движенія наполеоновскихъ войскъ погибло множество фабричныхъ заведеній. Нѣкоторыя отрасли фабричной промышленности были почти цѣликомъ уничтожены наполеоновскимъ нашествіемъ.

Первая частная бумагопрядильная фабрика была устроена въ Россіи купцомъ Пантелеевымъ въ 1805 г. Континентальная система, крайне затруднившая подвозъ въ Россію англійской бумажной пряжи, вызвала учрежденіе въ Москвѣ еще нѣсколько такихъ же фабрикъ. Къ 1812 г. въ Москвѣ ихъ было уже 11. Фабрики эти пріобрѣли такое значеніе, что собственники ихъ обратились къ правительству съ просьбой о запрещеніи ввоза въ Россію иностранной бумажной пряжи. Пожаръ Москвы уничтожилъ всѣ эти фабрики, при чемъ фабриканты оказались не въ силахъ возобновить производство по очищеніи Москвы непріятелемъ. Въ результатѣ, въ Россіи осталась только одна бумагопрядильная фабрика, правда, очень крупная казенная Александровская мануфактура въ Петербургѣ, основанная еще въ 1799 г. со спеціальной цѣлью содѣйствовать распространенію въ Россіи машиннаго пряденія и ткачества. Событія 12 года надолго прервали развитіе нашего бумаго-прядильнаго производства и частныя бумагопрядильни начинаютъ основываться въ Россіи только съ конца двадцатыхъ годовъ XIX вѣка.

Нашествіе Наполеона привело къ уничтоженію и многихъ другихъ московскихъ фабрикъ — шерстяныхъ, шелковыхъ, суконныхъ, бумаготкацкихъ и ситцепечатныхъ; пострадали, какъ сказано, вообще всѣ фабрики, лежавшія по пути слѣдованія великой арміи. Послѣдствія этого удара нашей фабричной промышленности были весьма важны. Надо имѣть въ виду, что русскія фабрики, возникшія въ очень большомъ числѣ въ XVIII вѣкѣ, явились школами промышленнаго искусства для массы русскаго населенія. Въ этомъ отношеніи между условіями русскаго промышленнаго развитія и западноевропейскаго существуетъ глубокое различіе, такъ какъ на Западѣ крупному капиталистическому производству предшествовала высокая промышленная культура иного типа, средневѣковая цеховая промышленность; въ Россіи же положеніе было совершенно иное. Россія не знала ничего аналогичнаго средневѣковому городскому ремеслу и не обладала до эпохи появленія у насъ крупной промышленности никакой сколько - нибудь развитой промышленной культурой. Крупныя фабрики явились у насъ поэтому разсадниками промышленной культуры и чрезвычайно существенно содѣйствовали повышенію производительности промышленнаго труда. Въ то же время, производство на этихъ фабрикахъ (которыя, употребляя точную экономическую терминологію, были не фабриками, а мануфактурами) имѣло въ огромномъ большинствѣ случаевъ не машинный, а ручной характеръ. Производство велось при помощи ручныхъ и очень несложныхъ инструментовъ, которые каждый крестьянинъ могъ завести и въ своей собственной избѣ.

Благодаря этому, возникновеніе фабрикъ дало въ Россіи могучій толчокъ къ развитію кустарной промышленности. Бывшіе фабричные рабочіе, возвращаясь къ себѣ домой, начинали производить въ своей избѣ тѣ же товары, которые они изготовляли прежде на фабрикѣ.

Кустарная изба съ большимъ успѣхомъ конкурировала съ фабрикой, и нерѣдко фабрика въ результатѣ этой конкуренціи должна была пріостанавливать производство, перемѣщавшееся окончательно въ избу кустаря и мелкую мастерскую.

Этотъ своеобразный ходъ русской промышленной эволюціи въ первой половинѣ XIX вѣка былъ значительно усиленъ и ускоренъ войной 12 года, которая разорила множество фабрикъ, но не лишила бывшихъ фабричныхъ рабочихъ пріобрѣтеннаго ими промышленнаго искусства.

Такъ, напр., чрезвычайно энергичное развитіе въ нѣкоторыхъ районахъ Владимирской губерніи кустарной промышленности находилось въ непосредственной связи съ наполеоновскимъ нашествіемъ. Въ селѣ Ивановѣ уже въ XVIII вѣкѣ было сильно распространено ткачество льна и набойка по льну. Но бумажное ткачество и набойка по бумажной ткани начинаютъ пріобрѣтать большое значеніе въ ивановскомъ районѣ только послѣ 1812 г. въ связи съ уничтоженіемъ московскихъ фабрикъ. Первое десятилѣтіе послѣ этого года осталось надолго въ памяти ивановскихъ жителей, какъ «золотое время».

Александръ I въ Осташковѣ (совр. рис.).

Вотъ, наприм., какъ описываетъ это время одинъ знатокъ мѣстной исторіи, промышленный дѣятель пятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка Несытовъ. «Знаменитую эпоху 1812—1822 гг. можно считать для ситценабивной промышленности Владимирской губерніи самой счастливой и благодѣтельной, особенно для набойщиковъ. Въ то время набойщикъ нанимался чуть ли не на вѣсъ золота,—такъ тогда цѣнно было его искусство. Прилежный и ловкій набойщикъ при помощи своего небольшого семейства могъ приготовить въ день до 20 штукъ ситцевъ, прогаландривалъ ихъ у постороннихъ на машинѣ, гдѣ ему складывали ситцы въ штуки, прессовали и въ такомъ опрятномъ видѣ товаръ поступалъ въ полное распоряженіе набойщика, который получалъ уже названіе мелочника, кустарника или горшечника. Въ первый базарный день этотъ горшечникъ продавалъ свои товары въ селѣ Ивановѣ купцамъ, пріѣзжавшимъ изъ разныхъ мѣстъ для покупки ситцевъ». По словамъ другого знатока исторіи села Иванова, Гарелина, бывшаго впослѣдствіи крупнымъ

ивановскимъ фабрикантомъ и много писавшаго объ этомъ селѣ, послѣ московскаго пожара спросъ на набойщиковъ въ Ивановѣ настолько повысился, что они безъ труда зарабатывали по 100 р. ассигнаціями въ мѣсяцъ. Около этого времени и совершился переходъ многихъ кустарей-набойщиковъ въ крупные фабриканты.

«Это время, — говоритъ Гарелинъ,—для набойщиковъ было золотымъ и только лѣнивый да разгульный не составили себѣ капитала исключительно набивнымъ мастерствомъ». Скопить себѣ небольшой капиталъ для набойщика было совсѣмъ нетрудно. Миткаль можно было всегда получить въ кредитъ. Капиталъ оборачивался необыкновенно быстро. За нѣсколько дней набойщикъ успѣвалъ набить миткаль и придать ему окончательную отдѣлку, а въ первый базарный день въ Ивановѣ онъ могъ легко продать ситецъ купцамъ, съѣзжавшимся въ Иваново со всей Россіи. Такимъ образомъ началась исторія многихъ крупныхъ торговопромышленныхъ фирмъ Россіи. «Большая часть фабрикантовъ села Иванова и вообще Шуйскаго уѣзда возвысилась въ капиталахъ своихъ отъ счастливаго перехода изъ набойщиковъ въ фабриканты-капиталисты», говоритъ Несытовъ.

Но не только набойный и бумаготкацкій промыслы села Иванова развились подъ непосредственнымъ вліяніемъ московскаго разоренія. Московскіе статистики, изслѣдовавшіе кустарную промышленность Московской губерніи, уже давно обратили вниманіе на тотъ фактъ, что большая часть крестьянскихъ промысловъ относительно недавняго происходенія; очень многіе изъ нихъ возникли въ началѣ XIX вѣка. То же самое подтверждается и относительно другихъ промышленныхъ губерній — не только Владимирской, но и Ярославской, Костромской и др. И вотъ не подлежитъ сомнѣнію, что цѣлый рядъ чрезвычайно важныхъ промысловъ въ губерніяхъ московской группы ведетъ свое начало отъ «французскаго» года, по выраженію кустарей.

«Французскій» годъ ускорилъ ту промышленную эволюцію, которая опредѣлялась общими условіями русскаго хозяйственнаго развитія,—эволюцію, выражавшуюся въ ростѣ кустарной промышленности на счетъ фабричной, что было характерно для Россіи первой половины прошлаго вѣка.

Непосредственнымъ результатомъ великой борьбой Россіи съ Наполеономъ были и нѣкоторыя важныя событія въ области нашей таможенной политики. Какъ сказано, тарифъ 1811 г. имѣлъ по многимъ статьямъ совершенно запретительный характеръ. Тарифъ этотъ, при выработкѣ котораго имѣлись въ виду опредѣленныя политическія соображенія, возобновлялся въ неизмѣнномъ видѣ вплоть до 1815 г. Запретительная система была очень непопулярна въ русскомъ дворянскомъ обществѣ, мало заинтересованномъ въ развитіи промышленности, но очень тяготившемся связаннымъ съ этимъ тарифомъ вздорожаніемъ фабричныхъ продуктовъ.

Министерство Финансовъ, въ лицѣ своего главы Гурьева, также относилось къ этому тарифу съ большимъ несочувствіемъ. Напротивъ, государственный канцлеръ гр. Румянцевъ выступилъ съ очень рѣшительной защитой запретительной системы. Онъ представилъ государю записку нѣкоторыхъ московскихъ фабрикантовъ, въ которой говорилось, между прочимъ, слѣдующее: «Слухи прошли, что будто идутъ разсужденія о тарифѣ и якобы есть наклонность нынѣ существующій тарифъ отмѣнить

и будто бы прилагаютъ стараніе, чтобы новымъ тарифомъ на будущее время разрѣшить привозъ въ Россію нынѣ запрещенныхъ товаровъ; буде сіе справедливо, что оные запрещенные товары къ привозу позволятся, то въ нынѣшнее несчастливое время разоренія отъ непріятеля грабежомъ и огнемъ, отъ разрѣшенія товаровъ послѣдуетъ заводчикамъ вторичное разореніе». Присоединяясь къ этимъ соображеніямъ, Румянцевъ съ своей стороны замѣчаетъ: «Какой мотивъ могъ бы побудить правительство измѣнить началу, котораго пригодность была доказана въ теченіе долговременнаго примѣненія его къ таможенной системѣ и которое оказало народу столь значительное благодѣяніе?. Если это только слухи о томъ, что московскія фабрики совершенно разорены пожаромъ и не могутъ производить товаровъ, то это несправедливо. Москва возстала изъ пепла съ прежней энергіей и съ прежнимъ трудолюбіемъ, и ея промышленныя заведенія быстро возстанавливаются». Послѣднее утвержденіе было совершенно невѣрно, такъ какъ, какъ выше было указано, многія московскія фабрики совершенно прекратили производство и болѣе не возобновлялись.

На нѣкоторое время сторонники запретительной системы восторжествовали, и Александръ предписалъ проектъ министра финансовъ оставить безъ движенія. Но въ скоромъ времени соображенія внѣшней политики заставили Александра склониться къ отмѣнѣ запретительной системы, бывшей, какъ сказано, крайне непопулярной среди дворянства того времени.

На Вѣнскомъ конгрессѣ были заложены начала новаго строя международныхъ отношеній. Александръ рѣшилъ и въ экономической области принять мѣры къ сближенію Россіи съ другими европейскими странами. Надобность въ этихъ мѣрахъ вытекала, между прочимъ, и изъ условій полученія нами царства Польскаго. На Вѣнскомъ конгрессѣ было, какъ извѣстно, постановлено, что области бывшаго Польскаго королевства должны сохранить между собой извѣстныя торговыя связи.

Уже въ 1816 г. Александръ рѣшительно порвалъ съ прежней запретительной системой обнародованіемъ новаго тарифа, который хотя и сохранилъ въ силѣ запретительныя статьи прежняго тарифа, но въ то же время допускалъ къ привозу цѣлый рядъ товаровъ, запрещенныхъ прежнимъ тарифомъ. За этимъ первымъ шагомъ послѣдовали другіе, болѣе рѣшительные. Въ 1817 г. въ соотвѣтствіи съ постановленіями Вѣнскаго конгресса была учреждена въ Варшавѣ трехсторонняя комиссія изъ представителей Россіи, Австріи и Пруссіи для выработки таможеннаго тарифа царства Польскаго.

Представители Австріи и Пруссіи настаивали въ этой комиссіи на облегченіи привоза товаровъ ихъ странъ не только въ царство Польское, но и въ предѣлы Россіи. Въ концѣ-концовъ, послѣ многихъ переговоровъ и перенесенія ихъ въ Петербургъ, важнѣйшія изъ этихъ домогательствъ были удовлетворены, и въ 1818 г. получила ратификацію конвенція съ Австріей, а въ слѣдующемъ году и съ Пруссіей. Въ связи съ этими конвенціями 20 ноября 1819 г. былъ изданъ новый таможенный тарифъ для всей имперіи, согласно которому начала, положенныя въ основу тарифа царства Польскаго, были распространены и на Россію.

Тарифъ этотъ былъ однимъ изъ самыхъ либеральныхъ, когда-либо дѣйствовавшихъ въ Россіи. Запретительныя статьи были отмѣнены, и всѣ товары были дозволены къ привозу подъ условіемъ оплаты сравнительно очень умѣренныхъ пошлинъ.

Послѣдствіемъ рѣзкаго перехода къ новой таможенной системѣ явилось огромное увеличеніе ввоза въ Россію иностранныхъ товаровъ, какъ видно изъ нижеслѣдующихъ данныхъ.

	Общій привозъ по европейской торговлѣ въ тыс. рублей.	Въ томъ числѣ привозъ издѣлій.			
		Бумажныхъ.	Шелковыхъ.	Льняныхъ.	Шерстяныхъ.
1819 г.	155.454	7.894	2.263	420	11.966
1820 г.	227.349	22.930	10.491	2.380	22.352
1821 г.	196.192	18.949	9.227	1.657	28.862

Вполнѣ естественно, что наши промышленники были очень недовольны отказомъ правительства отъ запретительной системы. Начались, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, жалобы на невозможность продолженія производства при новыхъ таможенныхъ условіяхъ. Гр. Канкринъ впослѣдствіи не обинуясь заявлялъ, что тарифъ 1819 г. убилъ русскую промышленность.

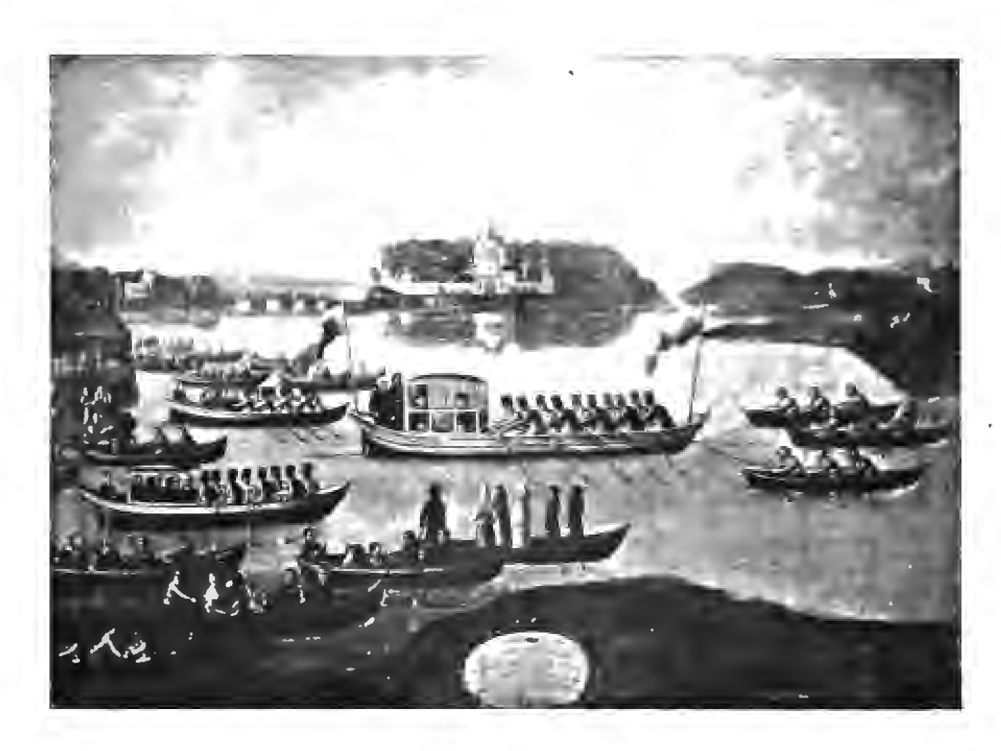
Сопротивленіе промышленниковъ новому тарифу быстро оказало свое дѣйствіе и уже въ мартѣ 1821 г. въ офиціальной С.-Петербургской газетѣ появилась статья, въ которой было объявлено объ отказѣ правительства отъ новаго тарифа. Въ статьѣ этой указывалось, что русскія мануфактуры погибаютъ при дѣйствующемъ тарифѣ и что другія государства остались при прежней запретительной системѣ, въ то время какъ Россія кореннымъ образомъ измѣнила свой тарифъ. Этими соображеніями обосновывалась необходимость вернуться къ прежней системѣ таможенной политики.

Однако цифры показываютъ, что ничего похожаго на гибель нашихъ фабрикъ подъ вліяніемъ новаго тарифа въ дѣйствительности не произошло. Вотъ данныя о числѣ фабрикъ въ Россіи и занятыхъ на нихъ рабочихъ за три года:

	Число фабрикъ и заводовъ въ Имперіи,	Число занятыхъ на нихъ рабочихъ.
1819 г.	4.531	176.635
1820 г.	4.578	179.610
1821 г.	4.658	183.354

Отсюда съ полной ясностью видно, что никакого удара русской фабричной промышленности либеральный тарифъ 1819 г. не нанесъ. Несмотря на это, Россія возвращается въ 1822 г. къ старой запретительной системѣ, которая господствовала и до войны—кратковременное увлеченіе новыми экономическими идеями миновало.

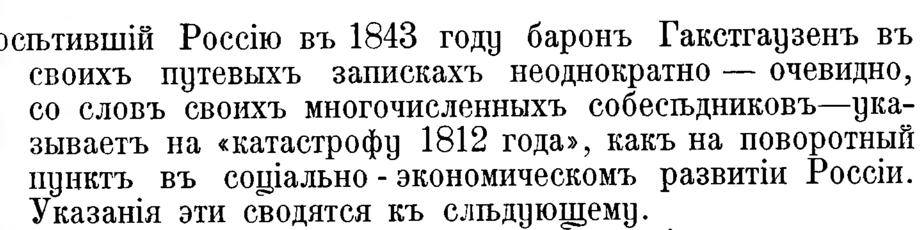
М. Туганъ-Барановскій.



Александръ I въ Осташковѣ.

II. Хозяйство Россіи послѣ войны 1812 года.

П. Н. Колокольникова.



Посѣтившій Россію въ 1843 году баронъ Гакстгаузенъ въ своихъ путевыхъ запискахъ неоднократно — очевидно, со словъ своихъ многочисленныхъ собесѣдниковъ—указываетъ на «катастрофу 1812 года», какъ на поворотный пунктъ въ соціально-экономическомъ развитіи Россіи. Указанія эти сводятся къ слѣдующему.

Война, разоривъ столичныя дворянскія гнѣзда, разогнала ихъ обитателей по деревнямъ; нужда въ деньгахъ заставила заняться хозяйствомъ. Такъ, послѣ войны стало складываться помѣстное дворянство. Война далѣе, увеличивъ задолженность дворянства, ускорила переходъ родовыхъ помѣстій въ руки «выскочекъ». Эти перемѣны отозвались, въ свою очередь, на отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами. Оброкъ все болѣе сталъ вытѣсняться барщиной. Помѣщики стали смотрѣть на крѣпостныхъ какъ на простыя рабочія машины; крѣпостные со своей стороны питали къ помѣщикамъ только недоброжелательность и страхъ.

«Революція», произведенная 12-мъ годомъ въ деревнѣ, сопровождалась значительными перемѣнами и въ городахъ. Покинутая дворянствомъ Москва превратилась въ промышленный городъ: фабриканты съ тысячами

рабочихъ заступили мѣсто знатныхъ баръ съ многоголовой дворней, заняли ихъ хоромы и особняки. Переселенія дворянъ въ деревни и ростъ ихъ потребностей вызвали возникновеніе и развитіе мѣстныхъ торговыхъ и культурныхъ центровъ. Въ промышленномъ оживленіи послѣ войны наравнѣ съ дворянствомъ живое участіе принялъ и купеческій капиталъ, начинающій съ этого времени пріобрѣтать вліяніе на правительственную политику.

24 мая 1818 года цесаревичъ Константинъ писалъ изъ Москвы ген.-адъют. Сипягину: «Я по дорогѣ разореннаго ничего не видѣлъ, какъ будто войны у насъ совсѣмъ не было. Одинъ Смоленскъ, можно сказать, опустошеніемъ достоинъ еще и теперь жалости... А о Москвѣ я уже вамъ и сказать не умѣю, сколь много уже поправлено и поправляется, и въ такомъ уже видѣ, какъ нельзя лучше: на мой взглядъ второй Парижъ». Такой оптимизмъ, возможный только при умѣньѣ, съ одной стороны, показать, съ другой—увидѣть однѣ потемкинскія деревни, не раздѣлялся въ то время даже въ близкихъ ко двору сферахъ. «Несмотря на блестящіе успѣхи послѣдней кампаніи,—писалъ дворянинъ-современникъ,—она стоила Россіи во 100 разъ больше прежнихъ несчастныхъ войнъ... Пространства отъ береговъ Клязьмы до береговъ Нѣмана обратились въ пустыню, а ближайшія къ театру военныхъ дѣйствій губерніи—Псковская, Рижская, Орловская, Калужская и проч.—истощены до крайности. Потери въ населеніи необъятны».

Но разореніе не ограничилось театромъ войны и ближайшими къ нему губерніями. Оно распространилось на всю страну.

Не было ни одной области хозяйственной дѣятельности, въ которую война не внесла бы полнѣйшаго разстройства.

Еще наканунѣ войны и правительственный органъ «Сѣверная Почта», и правительственные чиновники въ своихъ докладахъ безъ-умолку воспѣвали успѣхи промышленности и расцвѣтъ торговли: «Торговцы наши уже не стыдятся своихъ товаровъ... Нынѣ вывозятъ отъ насъ въ чужія края немалое количество разныхъ россійскихъ мануфактурныхъ издѣлій». Война заставила тѣ же источники заговорить инымъ языкомъ. «Эти отрадныя промышленныя явленія,—пишетъ на основаніи офиціальныхъ документовъ лѣтописецъ Мин. Вн. Дѣлъ,—были отчасти сильно потрясены, отчасти совершенно уничтожены войной». Особенно пострадало «народное запасное хранилище мануфактурныхъ издѣлій»—Москва. «При такомъ ея конечномъ разореніи фабрики и заводы большей частью уцѣлѣть не могли, и промышленная дѣятельность, которая съ такимъ успѣхомъ проявлялася въ Москвѣ передъ вторженіемъ непріятеля, должна была снова возникать изъ пепла... Но, само собой разумѣется, капиталы, погребенные подъ развалинами, погибли безвозвратно, а съ ними отнятъ у промышленности главнѣйшій двигатель». И подъ 1814 годомъ тотъ же источникъ сообщаетъ, что «Москва и Московская губернія не успѣли еще оправиться отъ непріятельскихъ опустошеній... не открыли новыхъ и не возобновили прежнихъ заведеній».

Вызванный войной застой въ торговлѣ характеризуется до извѣстной степени оборотами ярмарокъ, до сихъ поръ еще играющихъ роль термометра для потребительскихъ рынковъ.

Въ 1811 году оборотъ Макарьевской ярмарки исчислялся купцами въ 53 м. руб. Въ 1813 г. товаровъ на ярмарку привезено было на 30 м. р., продано на 20 м. руб. Въ 1814 г. привозъ поднялся до 50 м. руб., но ярмарка не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ—половина товаровъ осталась нераспроданной. Только съ 1817 г., послѣ перевода ярмарки изъ Макарьева въ Нижній, начался вновь подъемъ ярмарочной торговли. Привозъ товаровъ достигъ максимума (139 м. руб.) въ 1819 г. Но уже къ 1823 г. онъ вновь опустился до 95 м. руб., и современный статистикъ въ 1827 г. долженъ былъ отмѣтить, что «въ послѣдніе годы торговля на Нижегородской ярмаркѣ противъ прежнихъ лѣтъ отстала во многихъ отношеніяхъ. Причина тому — упадокъ взаимнаго кредита отъ частыхъ банкротствъ».

Особенно, разумѣется, пострадала торговля въ районѣ военныхъ дѣйствій. Въ Гжатскѣ (важный въ то время хлѣбный распредѣлительный рынокъ) до войны объявлялось 185 купеческихъ капиталовъ, послѣ войны 52. Въ Боровскѣ число капиталовъ упало съ 279 до 69, въ Дмитровѣ съ 164 до 57, въ Верeѣ съ 283 до 68 и т. д. Всего въ 8 городахъ число объявленныхъ капиталовъ убавилось съ 1.502 до 395.

С. Мишенское (акв. Клара).

Всего сильнѣе, однако, пострадало отъ войны сельское населеніе, на которое, главнымъ образомъ, обрушились и рекрутскіе наборы и возрастаніе налоговъ, и паденія курса, и патріотическія жертвы на алтарь отечества благороднаго дворянства, и реквизиціи, и мародерство обѣихъ воюющихъ армій.

Война временно пріостановила приростъ населенія. Число ревизскихъ душъ отъ 6 (1811 г.) до 7-ой (1817 г.) ревизіи упало съ 17,9 до 17 мил. Общее число населенія въ 1817 г. статистики опредѣляютъ въ 45 милл. противъ 41 мил. въ 1811 г. Разработанныя дореформенными статистиками данныя о рождаемости и смертности позволяютъ ближе приглядѣться къ этому процессу.

Въ десятилѣтіе 1804 — 1813 гг. превышеніе рождаемости надъ смертностью составило 4.087 тыс.; въ слѣдующее десятилѣтіе оно возрасло до 5.804 тыс., торопясь заполнить образованную войной пустоту [1]). Но уже въ десятилѣтіе 1824—1833 приростъ упалъ до 5.347 тыс. Погодныя данныя говорятъ еще краснорѣчивѣе десятилѣтнихъ итоговъ. Избытокъ рожденій надъ смертями равнялся въ 1809—472 тыс., въ 1812 г. опустился до 233 тыс. и свелся къ отрицательной величинѣ (3 тыс.) въ 1813 году.

---

[1]) Слѣдуетъ оговориться, что здѣсь не принята въ расчетъ смертность арміи и флота. Нѣкоторое представленіе объ ея размѣрахъ въ годы войны даютъ слѣдующія цифры: въ 1812 и началѣ 1813 г. въ предѣлахъ Московской губ. было сожжено 50 тыс. труповъ, въ Минской—49 тыс., въ Смоленской — 72 тыс., въ Виленской—72 тыс. Правда, среди нихъ было много непріятельскихъ.

Еще въ 1815 г. естественный приростъ стоялъ на низкомъ уровнѣ 342 тыс. Въ 1816 и 1817 гг. онъ поднялся до 660 тыс., но уже въ слѣдующемъ году опять упалъ до 569 тыс., въ 1819 г.—даже до 503 тыс. Вообще, по исчисленію дореформенныхъ статистиковъ, приростъ населенія въ Россіи за 1815—1835 гг. равнялся всего 22%, тогда какъ въ Пруссіи приростъ за 1816—1838 гг. достигалъ 38%, въ Англіи за 1811—1831 гг.—31%. Такой слабый приростъ серьезно безпокоилъ и теоретиковъ, видѣвшихъ въ «степени умноженія гражданъ надежную мѣру мудрости правительства», и практиковъ, взимавшихъ свои доходы не съ продукта труда, а съ рабочей единицы (душа, тягло). Къ тому же приростъ неравномѣрно распредѣлялся по отдѣльнымъ районамъ. Въ то время, какъ окраины заселялись съ достаточной быстротой, въ центральныхъ губерніяхъ ростъ населенія почти пріостановился. Очевидно, при данной системѣ хозяйства, при данномъ уровнѣ техники и распредѣленіи доходовъ густота населенія достигла здѣсь своего предѣла. Послѣ войны это обнаружилось особенно рельефно.

Къ этому времени относится цѣлый рядъ указаній на малоземелье, распаханность, истощеніе почвы и въ результатѣ на упадокъ крестьянскаго хозяйства. Въ 1818 г. одинъ изъ лучшихъ дореформенныхъ статистиковъ К. Арсеньевъ признавалъ среднее количество пахотной земли на душу ($3^1/_4$ дес.) «пропорціей весьма недостаточной и слишкомъ невыгодной для успѣховъ земледѣлія». Онъ же отмѣчалъ «сженія лѣсовъ подъ луга и пашню», дробленіе пахотной земли на слишкомъ мелкіе участки и распространеніе пашни за счетъ луговъ, отчего «земледѣліе наше находится въ изнемогающемъ состояніи».

У насъ нѣтъ надежныхъ статистическихъ данныхъ, чтобы установить степень и размѣры упадка крестьянскаго земледѣлія послѣ войны [1]). Правительственная урожайная статистика того времени не внушала довѣрія даже неизбалованнымъ дореформеннымъ статистикамъ, которые предпочитали этимъ ненадежнымъ цифрамъ собственные, столь же гадательные расчеты. Но въ дѣлахъ Мин. Вн. Дѣлъ сохранились погодныя отмѣтки объ урожаяхъ, грѣшащія, какъ всегда, скорѣе въ сторону преуменьшенія, чѣмъ преувеличенія народныхъ бѣдствій:

1812 г —Урожай очень посредственный, скорѣе неурожай.
1813 » —Пестрый урожай.
1814 » —Урожай довольно изобильный.
1815 » —Годъ неблагопріятный для продовольствія.
1816 » —Урожай достаточный, но не изобильный.
1817 » —Если нельзя назвать урожайнымъ, то нельзя причислить и къ неурожайнымъ.
1818 » —Обильный урожай.
1819 » —Урожай вообще хорошій.
1820 » —Въ общей сложности не совсѣмъ удовлетворительный (въ 6 губ.—ниже средняго, въ 11—плохой).
1821 » —Плохой исходъ жатвы и величайшій неурожай травъ.

[1]) Въ это время впервые была отмѣчена извѣстная закономѣрность въ чередованіи урожайныхъ и неурожайныхъ годовъ.

1822 » —Полный неурожай, кромѣ 10 губерній.
1823 » —Урожай пестрый, скорѣе плохой.
1824 » —Саранча, засуха, но продовольствіе удовлетворительнѣе прошлыхъ лѣтъ.
1825 » —Исходъ жатвы не совсѣмъ удовлетворительный.

«Совершенно изобильныхъ повсемѣстныхъ урожаевъ у насъ никогда не бывало,—пишетъ дѣлавшій сводку чиновникъ.—Съ 1803 по 1825 недостатокъ хлѣба ощущался безпрерывно въ разныхъ мѣстахъ». Итогъ достаточно краснорѣчивый, особенно если прибавить къ нему указанія на повальные скотскіе падежи, которые «возобновлялись постоянно, почти ежегодно, и также ежегодно распространялись по всѣмъ губерніямъ». Особенно выдѣляются опустошительными падежами 1823 и 1825 годы. Въ послѣднемъ въ Новороссіи «едва имовѣрная зима истребляла скотъ до того, что жители и полиція съ трудомъ успѣвали зарывать скотскіе трупы»: число павшихъ головъ рогатаго скота достигло 220 тыс., овецъ—610 тыс.; падежъ въ предшествующіе и послѣдующіе годы опредѣлялся въ 25—50 тыс. для рогатаго скота и отъ 2 до 11 тыс. для овецъ.

С. Мишенское (акв. Клара).

Упадокъ крестьянскаго хозяйства не могъ не отзываться на тѣсно связанномъ съ нимъ помѣщичьемъ хозяйствѣ: по немногочисленнымъ сохранившимся записямъ А. Ф. Фортунатовъ установилъ паденіе урожайности ржи въ десятилѣтіе 1820—1829 ($6,_{35}$ четв.) по сравненію съ предшествовавшимъ ($7,_{16}$ четв.).

Итакъ, рядъ неурожаевъ и скотскихъ падежей выпалъ послѣ мира на долю разоренныхъ войной крестьянъ. Тутъ уже не объ улучшеніи или хотя бы поддержаніи хозяйства было думать, а только бы о прокормленіи себя и семьи. Эпидеміи, голодныя смерти, нищенство и «бродяжничество» въ поискахъ работы оставили слѣды даже въ сухихъ офиціальныхъ отмѣткахъ. Уже въ 1814 году отмѣчается наплывъ нищихъ въ Петербургъ («сущая пагуба»). Въ 1823 году самъ Александръ при проѣздѣ черезъ западныя губерніи обратилъ вниманіе, что «поля плохо засѣяны отъ оскудѣнія зерна, пища худая за совершеннымъ неимѣніемъ хлѣба; большая часть крестьянъ не имѣетъ скота, нужнаго для удобренія полей; на станціяхъ великое количество нищихъ». Подъ 1825 годомъ лѣтописецъ министерства отмѣчаетъ: «Неурожаи размножили бродяжничество и нищенство. Не только калѣки, но совершенно здоровые, способные къ труду и дѣти бродили по дорогамъ, испрашивая подаяніе». Уходъ на «вольныя земли» принялъ такіе размѣры, что въ 1827 г. повелѣно было бѣглыхъ оставить на новыхъ мѣстахъ.

Особенно часты были неурожаи и велики бѣдствія отъ нихъ въ Бѣлоруссіи. Въ 1821 году многіе крестьяне изъ бѣлорусскихъ губерній бѣжали

въ Кіевъ и на Волынь искать продовольствія, немало изъ нихъ умирало по дорогѣ отъ слабости и голода. Въ 1824 г. бѣлорусскіе бѣглецы «открыты» были въ отдаленной Ярославской губ. и водворены по мѣсту жительства.

Тяжелы были для крестьянина неурожайные годы, но немногимъ легче жилось имъ и при урожаяхъ. Вотъ какъ одинъ современникъ изображалъ «нормальныя» условія жизни крестьянина въ 20-хъ годахъ: «ржаной хлѣбъ низкаго качества дурно выпеченный; каша — предметъ роскоши; квасъ только по названію, или вовсе нѣтъ его, такъ же, какъ огородной зелени и овощей. Бѣлье и обувь грубыя и грязныя. Скотъ неопрятный, мелкій, дурно выкормленный. Нѣтъ для него стойлъ. Нѣтъ и домашнихъ птицъ».

Эта разруха крестьянскаго хозяйства, съ которой должно было считаться даже правительство въ своихъ мѣропріятіяхъ [1]), не мѣшала дворянству увеличивать поборы съ крестьянъ. «Возвышеніе оброковъ, — писалъ въ 1841 г. дореформенный знатокъ крестьянскаго вопроса Заблоцкій-Десятовскій,—началось съ 1810 года, съ измѣненіемъ денежнаго курса. Помѣщики старались не потерять при семъ и разсчитывали рубли ассигнаціонные по серебряному курсу. Послѣ 1815 года, съ измѣненіемъ тарифа, открывшаго больше свободы нашей торговлѣ, а слѣдовательно, отозвавшемся благодѣтельно на земледѣльцѣ и работникѣ, помѣщики увидѣли возможность въ 1816, 1817 и 1818 гг. возвысить оброки. Но потомъ все пришло въ равновѣсіе... Оброкъ увеличенный остался, однакоже, неизмѣннымъ и сдѣлался уже въ нѣкоторыхъ случаяхъ тяжкимъ» [2]). И авторъ рядомъ примѣровъ иллюстрируетъ это свое положеніе. О «невозбранномъ усиленіи крестьянскихъ повинностей... до невѣроятной степени» говоритъ Самаринъ. Эта эксплуатація только усиливала «укоризненный видъ» оброчныхъ помѣстій, давшій поводъ одному помѣщику-новатору уподобить ихъ «мужику съ нечесаной головой, въ волосахъ котораго репье, пелева и проч.» Платить оброкъ было не изъ чего. Накопленіе недоимокъ явилось однимъ изъ мотивовъ перехода къ барщинѣ.

Итакъ, полное разстройство всей хозяйственной жизни и особенно крестьянскаго хозяйства, возрастающее обнищаніе деревни [3]) и вмѣстѣ съ тѣмъ усиленіе помѣщичьей эксплуатаціи, обостреніе отношеній между крестьянами и помѣщиками—таково соціально-экономическое наслѣдство 12-го года. Изъ этихъ элементовъ должна была складываться хозяйственная жизнь Россіи послѣ войны.

Выше мы видѣли [4]) какъ заглаживала промышленность ущербъ, нанесенный ей войною. Медленнѣе, чѣмъ промышленность, и зигзагами, но все же оправлялась и торговля. Это сказалось прежде всего на ростѣ городовъ. По Милюкову, за 1812—1836 гг. городское населеніе возрасло

[1]) Манифесты о частичномъ сложеніи недоимокъ, о временной отмѣнѣ рекрутскихъ наборовъ; продовольственныя мѣропріятія; запрещеніе самовольныхъ раздѣловъ у государственныхъ крестьянъ и т. д. Почвой, на которой расцвѣлъ планъ военныхъ поселеній, была финансовая несостоятельность, отражавшая экономическое разореніе страны.

[2]) Въ Нижегородской губ., напр., оброкъ въ 1790 годахъ былъ равенъ 4 р. 75 к, въ 1820 годахъ— 14 р. 40 к.

[3]) Обнищаніе вовсе не исключало разслоенія деревни. Калинычи на одномъ ея полюсѣ предполагали даже Хорей на другомъ.

[4]) См. предыдущую статью.

съ $1,_{65}$ до $3,_{93}$ мил., или съ 4 до 5% ко всему населенію; за предшествовавшія 30 лѣтъ оно возрасло только съ $3,_{6}$ до 4%; въ послѣдующее 15-лѣтіе—съ 5 до $5,_{2}$%. По офиціальнымъ даннымъ той эпохи городское населеніе съ 1811 по 1825 гг. возрасло съ $2,_{85}$ до $3,_{5}$ милл., а къ 1838 г. до $4,_{75}$ милл. Число купцовъ, равнявшееся въ 1822 г. 59 тыс., возрасло къ 1825 г. до $77,_{5}$ тыс., но затѣмъ упало и въ слѣдующее пятилѣтіе держалось на уровнѣ 70—74 тыс. Обороты ярмарокъ, сократившіеся было къ половинѣ 20-хъ годовъ, къ началу 30-хъ годовъ опять поднялись; ярмарочный привозъ товаровъ исчислялся въ 563 м. руб., продажа въ 206 м. руб. [1]). Число проходившихъ по внутреннимъ воднымъ путямъ судовъ равнялось въ 1813 г. 18½ тыс., въ половинѣ 20-хъ годовъ 23 тыс.

Есть еще цѣлый рядъ косвенныхъ указаній на оживленіе торговой дѣятельности и ускореніе торговыхъ оборотовъ. Ростъ почтоваго дохода при той же таксѣ съ 1822 по 1831 годъ возросъ съ $8,_{8}$ до $10,_{8}$ м. руб. Привилегированное общество дилижансовъ отправляло въ 1822 г. изъ Москвы въ СПб. и обратно 2 дилижанса, въ началѣ 30-хъ годовъ 4—5 ежедневно. Въ 1817 г. «въ вспоможеніе торговымъ оборотамъ» открылся въ СПб. государственный коммерческій банкъ съ конторами въ Москвѣ, Архангельскѣ, Одессѣ, Ригѣ, Астрахани и Нижегородской ярмаркѣ для выдачи денежныхъ ссудъ подъ товаръ и учета векселей. Обороты его вначалѣ 30-хъ годовъ равнялись 18 м. руб. золотомъ и 875 м. руб. ассигнаціями. Появились и первыя ласточки грюндерства: стали возникать пароходныя компаніи, страховыя общества, общества дилижансовъ и транспорта и т. д.

Въ ригѣ (Альбомъ 1825 г.).

Несравненно хуже обстояли дѣла въ сельско-хозяйственной промышленности; казалось бы, исходъ войны сулилъ ей самыя блестящія перспективы, открывая вновь полный просторъ развитію экспорта, насильственно остановленному континентальной системой. И дѣйствительно, первые года послѣ мира какъ будто оправдывали эти ожиданія. Вывозъ, начавшій падать съ 1804 г. и опустившійся къ 1813 г. до 133 м. руб. ассигнаціями ($33,_{3}$ м. руб. сер.), къ 1817 году поднялся до 296 м. руб. ассигн. (76 м. руб. сер.). При этомъ особенно возросъ вывозъ жизненныхъ припасовъ и въ частности хлѣба. Современный изслѣдователь оцѣнивалъ вывозъ

[1]) Весь торговый оборотъ на человѣка исчислялся тогда въ 20—21 руб., цифра очень проблематичная.

жизненныхъ припасовъ въ 1812 г. въ $19{,}_4$ м. руб. въ 1815—$30{,}_4$ м. руб., въ 1816—61 м. руб. и въ 1817—$148{,}_6$ м. р. асс. Годовой вывозъ хлѣба, достигшій въ 1800—1805 гг. 2.218 т. четв. и сократившійся затѣмъ до 550—600 тыс., въ 1816—1819 гг. поднялся до 3.464 т. четв., при чемъ вывозъ 1817 г. достигъ рекордной для той эпохи цифры—5.204 т. четв. Вывозилась, главнымъ образомъ, пшеница черезъ южные порты. Это было время превращенія Одессы изъ ничтожнаго мѣстечка въ крупный торговый центръ, куда «почти весь годъ безпрерывно приходятъ суда и происходитъ коммерція съ иностранцами» («Сѣв. Почта» 1817). «Изъ отпускаемыхъ товаровъ,—добавляетъ правительственный органъ,—главнѣйшій предметъ составляетъ пшеница, отъ которой здѣшніе помѣщики получаютъ весьма важную прибыль». Вотъ эта-то «важная прибыль» и была тѣмъ магнитомъ, который потянулъ дворянъ изъ городовъ и со службы въ помѣстья и заставилъ расширить запашки вообще, господскія запашки въ частности.

Но уже очень быстро сказалась оборотная сторона медали. Низложеніе Наполеона было не только экономической побѣдой Англіи надъ Франціей, но и политической побѣдой землевладѣнія надъ промышленнымъ капиталомъ. И землевладѣльческая аристократія Европы не преминула использовать плоды своей побѣды.

Война и континентальная блокада страшно подняли хлѣбныя цѣны въ Англіи. Цѣна на пшеницу, стоявшая въ 1802 г. 69 шил. квартеръ (17 руб. четв.) поднялась въ 1806 г. до 87 ш. ($21{,}_8$ руб.), въ 1812 г. до 137 ш. ($35{,}_6$ руб.). Эти безумныя голодныя цѣны (famine price) быстро закрѣпились въ рентѣ. Чтобы и послѣ войны удержать цѣны и ренту на должной высотѣ, землевладѣльческое большинство парламента провело въ 1815 г. законъ (55 Geo. III, c. 26), запрещавшій ввозъ хлѣба при цѣнѣ ниже 80 ш. квартеръ или 20 р. 80 к. четв. При такихъ условіяхъ ввозъ хлѣба въ Англію оказывался возможнымъ лишь въ исключительно неурожайные годы, какимъ былъ, напр., 1817 г., когда цѣна на пшеницу поднялась до 126 ш. квартеръ или $32{,}_7$ руб. четв. Но уже въ ближайшіе годы ввозъ хлѣба въ Англію упалъ съ 3.539 т. кварт. въ 1818 г. до 1.434 т. квар. въ 1819 г. и 761 т. кварт. въ 1820 г. При этомъ особенно сократился ввозъ пшеницы отчасти вслѣдствіе прогресса земледѣлія внутри страны, отчасти вслѣдствіе обнищанія рабочихъ массъ, въ потребленіи которыхъ пшеница все болѣе вытѣснялась ирландскимъ картофелемъ. Ввозъ пшеницы, равнявшійся въ 1818 г. 1.594 т. кв., упалъ до 122 тыс. въ 1819 г. и до 34 т. кв. въ 1820 г. Съ 1821 по 1823 годъ ввозъ хлѣба въ Англію отсутствовалъ вовсе. Реформа Каннинга (1827), установившая перемѣнныя пошлины на хлѣбъ, нѣсколько содѣйствовала увеличенію ввоза, но въ то же время усилила колебанія его изъ года въ годъ. «Система перемѣнныхъ пошлинъ,—писалъ по этому поводу дореформенный изслѣдователь хлѣбной торговли,—повела къ сосредоточенію ея въ ближайшихъ къ мѣстамъ сбыта складочнымъ мѣстамъ (Гамбургъ, Амстердамъ; Марсель, Генуя—для Франціи и т. д.). ...Нѣмецкіе порты поспѣвали доставлять въ Великобританію свои запасы прежде, нежели могли подоспѣть корабли съ русской пшеницей» [1]).

[1]) Въ 1828 г. черезъ Зундъ прошло кораблей съ хлѣбомъ изъ Россіи 573, изъ Пруссіи 1113

Такимъ образомъ, россійскіе экспортеры извлекли изъ реформы 1827 г. минимальныя выгоды.

Другая промышленная страна того времени—Франція до 40-хъ годовъ вообще имѣла очень малое значеніе для русскаго экспорта. Ввозъ хлѣба во Францію, одно время въ годы революціи принявшій значительные размѣры, съ реставраціей Бурбоновъ былъ условно запрещенъ и фактически не имѣлъ почти мѣста съ 1819 до 1832 года, т.-е. за весь интересующій насъ періодъ.

Землевладѣльческая торговая политика европейскихъ странъ нанесла чувствительный ударъ русской экспортной торговлѣ. Поднявшись въ пятилѣтіе 1816—1820 гг. до 91,$_7$ м. р. сер., годовая цѣнность вывоза упала до 81,$_4$ м. р. сер. въ 1821—1825 гг. и 85,$_7$ м. р. въ 1826—1830 гг. Въ своей главнѣйшей части это сокращеніе вывоза приходилось на хлѣбъ. Вывозъ пшеницы въ 1824—1828 гг. равнялся всего 0,$_9$ м. четв., въ 1829—1833 гг. 1,$_6$ м. четв. въ годъ. Годовой вывозъ ржи соотвѣтственно былъ равенъ 0,$_3$ и 0,$_8$ м. четв.

Послѣдствія европейской аграрной политики сказались, однако, не только на черноморской торговлѣ. Сокращеніе хлѣбнаго экспорта при расширеніи запашекъ и медленномъ сравнительно ростѣ внутренняго потребительскаго спроса привелъ въ 20-хъ годахъ къ кризису зернового хозяйства, выразившемуся въ рѣзкомъ паденіи цѣнъ на хлѣбъ. Кризисъ былъ бы еще острѣе, если бы не неурожаи, поддерживавшіе въ нѣкоторые годы цѣны внутри страны на извѣстной высотѣ.

Цѣна пшеницы въ черноморскихъ портахъ съ 5 р. 46 к. сер. четв. въ 1822 г. упала до 2 р. 57 к. въ 1828 г. Цѣна ржи въ СПб., доходившая въ 1817 г. до 23 р. асс. четв., упала до 14—15 р. въ 1825—1826 гг. Еще значительнѣе были колебанія на внутреннихъ рынкахъ. Куль ржаной муки въ Кіевѣ въ 1816 г. стоилъ 14 р. 79 к. асс., въ голодный 1821 г. даже 16 р. 26 к.; въ 1823 г. цѣна упала до 7 р. 28 к., а въ слѣдующіе годы до 4 р. 58 к. Такой же куль въ 1821 г. въ Воронежѣ стоилъ 13 р. 11 к., въ 1824 г.—2 р. 91 к. асс.

Въ 1830 году нѣкій піита помѣстилъ въ «Сынѣ Отечества» стихотворный трактатъ о внѣшней торговлѣ (тоже симптомъ времени):

«Въ Россію входитъ безпрестанно
Товаръ роскошный, иностранный,
А за него у насъ въ обмѣнъ
Берется хлѣбъ, холстина, сало.
За кружева и опахала
Мы отдаемъ пеньку и ленъ,
На шали золото мѣняемъ,
А на вино мачтовый лѣсъ—
Богатствомъ бѣдность покупаемъ.
Каковъ въ торговлѣ перевѣсъ!»

Авторъ допустилъ небольшую поэтическую вольность: главная доля привоза состояла не изъ продуктовъ потребленія, а изъ сырья и полуфабрикатовъ (въ 1824—8 гг. 59% всего ввоза). Но поскольку ввозились издѣлія и жизненные припасы, они шли почти исключительно на потребу верхнихъ слоевъ населенія.

Въ вывозѣ преобладали, дѣйствительно, сельско-хозяйственные продукты. Но хлѣбъ занималъ среди нихъ далеко не первое мѣсто, составляя до 40-хъ годовъ всего 10—12% цѣнности вывоза. Вывозъ сырья и полуфабрикатовъ по цѣнности въ 6—7 разъ превышалъ хлѣбный экспортъ. Въ десятилѣтіе 1822—31 года вывозъ хлѣба, если отбросить два послѣд-

нихъ года (65 м. руб.), только два раза поднимался до 34—37 м. руб. (1827 и 1829), въ прочіе годы колебался отъ 12 до 19 м. руб. асс.; средняя годовая цѣнность экспорта за десятилѣтіе 30,5 м. руб., а безъ 1830—31 гг. всего 21 м. руб. Вывозъ льна, льняной пряжи и пакли колебался въ то же десятилѣтіе отъ 19 до 38 м. руб., равняясь въ среднемъ 27 м. р. асс. На томъ же почти уровнѣ (23,5 м. р.) стоялъ и вывозъ пеньки, пеньковой пряжи и пакли. Вывозъ сала равнялся въ среднемъ 38 м. р. асс. въ годъ. Еще важнѣе, что вывозъ этихъ и многихъ другихъ продуктовъ возрасталъ, т.-е. на рынкѣ увеличивался спросъ на нихъ. Отпускъ льна, поднявшійся въ 1805—9 гг. до 1.836 т. пуд. и упавшій въ 1814—16 гг. до 1.208 т. пуд., съ 1817 г. обнаруживаетъ почти правильное возрастаніе: въ годъ тыс. пуд. [1])

1817—21 гг.	1.382	1832—36 гг.	2.150
1822—26 »	1.812	1837—41 »	2.735
1827—31 »	2.309	1842—46 »	3.121

Вывозъ пеньки, правда, никогда уже не достигалъ тѣхъ размѣровъ, какъ въ періодъ морскихъ войнъ (3—3½ м. р.), но все же обнаруживалъ слабое возрастаніе и во всякомъ случаѣ устойчивость спроса. Одновременно со льномъ сильно росъ вывозъ льняного сѣмени (1800—13 гг. 197 т. четв.; 1814—23 гг. 545 т. четв.; 1834—43 гг. 905 т. четв.). Такъ же замѣтно возрасталъ и отпускъ шерсти: въ тыс. пудахъ:

1814—19 гг.	39	1825—29 гг.	68
1820—24 »	35	1830—34 »	157 и т. д.

Громадный приростъ обнаружилъ экспортъ сала (въ тыс. пуд.)

1800—10 гг.	1.776	1822—26 гг.	2.960
1812—21 »	2.139	1827—31 »	4.107,

послѣ чего наблюдается пріостановка роста.

Вывозъ кожъ равнялся въ 1824—8 гг. 65 т. пуд., въ слѣдующія пятилѣтія—281 и 201 т. пуд. Вывозъ лѣса съ 1,3 м. р. въ 1814—19 гг. поднялся до 2,3 м. р. въ 1822—31 г. Начавшійся съ 1760 г. вывозъ поташа, непрерывно возрастая, достигъ 504 т. пуд. въ 1822—26 гг. и 577 т. пуд. въ 1827—31 гг., послѣ чего начинается упадокъ вывоза подъ вліяніемъ американской конкуренціи и вытѣсненія поташа содой.

Нѣкоторыя колебанія, съ которыми шелъ ростъ вывоза этихъ продуктовъ отражали конъюнктуру международнаго рынка и, главнымъ образомъ, состояніе англійской промышленности. Послѣ кризиса 1826 г., напримѣръ, временно сжался вывозъ изъ Россіи льна, шерсти, сала. Такъ, Россія черезъ экспортъ сырья втягивалась въ воронку промышленнаго круговорота.

Характеръ развитія экспорта показываетъ, въ какомъ направленіи должна была итти эволюція сельскаго хозяйства въ тяготѣющихъ къ вывознымъ портамъ районахъ. Въ Новороссійскихъ степяхъ съ 20-хъ годовъ развивается не только и даже, можетъ-быть, уже не столько зерновое хозяйство, сколько промышленное скотоводство, овцеводство въ частности. Съ 1814 по 1844 число овецъ въ Новороссіи возрасло съ 2 до 7 мил.

---

[1]) Эти и дальнѣйшія цифры относ. къ вывозу по европейской границѣ.

Въ той же Новороссіи развивалось и мясное скотоводство. «Въ южной Россіи по недостатку рукъ обширныя пространства остаются невоздѣланными, и многія земли не приносили бы дохода, если бы не служили пастбищемъ для скота». Въ салотопенное производство вложены были на югѣ большіе по тому времени капиталы. Въ виду дешевизны мяса и отсутствія спроса на него на мѣстѣ, «даже цѣлыя скотины вываривались на салотопенныхъ заводахъ».

Что касается лѣсного хозяйства, то здѣсь примѣнялись самые хищническіе пріемы,—происходило не потребленіе, а истребленіе лѣса. «Замѣняя доходы незначительные отъ земледѣлія..., нерасчетливые хозяева истребляли самые лучшіе сорта лѣса», печаловался въ 1828 г. статистикъ Андросовъ. Какъ и въ скотоводствѣ, такъ и здѣсь на ряду съ вывозомъ за границу росъ и мѣстный спросъ на строевой лѣсъ и дрова для городовъ и фабрикъ.

За всѣмъ тѣмъ оставались еще громадныя пространства, вывозъ изъ которыхъ за границу при данномъ состояніи путей сообщенія былъ невозможенъ. Здѣсь выходъ изъ кризиса 20-хъ годовъ намѣчался двумя путями.

Во-первыхъ, происходило сочетаніе производства и переработки сырья, въ результатѣ чего транспортныя издержки составляли уже значительно меньшую долю въ цѣнѣ продукта. Особенно развито было винокуреніе. Еще въ началѣ 20-хъ годовъ Александръ жаловался на злоупотребленія помѣщиковъ-винокуровъ въ голодные годы, но налагать руку на нихъ не рѣшался въ виду того, что доходъ отъ вина являлся «жемчужиной» и въ государственномъ бюджетѣ сами винокуры-заводчики и тогда, какъ и теперь, не переставали жаловаться на убыточность производства, что не мѣшало имъ, конечно, расширять его.

Съ 20-хъ годовъ начинается и быстрый ростъ сахароваренія. Къ этой же категоріи предпріятій можно отнести маслобойни, помѣщичьи фабрики по обработкѣ льна, шерсти и т. д.

Второй путь—опыты съ интенсификаціей хозяйства и усовершенствованіемъ техники его—оказался менѣе удачнымъ. Только вблизи большихъ городовъ, отчасти въ нечерноземныхъ губерніяхъ, болѣе или менѣе стало прививаться «благотворное плодоперемѣненіе»—четырехполье, травосѣяніе, введеніе корнеплодовъ и другія новшества. Но и здѣсь эти реформы встрѣчали препятствія въ недостаткѣ капиталовъ, съ одной стороны, въ зависимости помѣщичьяго хозяйства отъ разореннаго крестьянскаго, съ другой. Еще хуже обстояло дѣло въ центральной полосѣ Россіи. Интенсификація была здѣсь прямо невыгодна при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ; усовершенствованіе техники (молотильныя снасти, сѣялки) представляли только ненужный расходъ при избыткѣ рабочихъ рукъ. Плодоперемѣненіе, по свидѣтельству Арсеньева, въ Курской и Рязанской губ. не могло привиться потому, что «усиленіе труда не вознаграждалось достаточно и даже не покрывались издержки».

Вотъ почему уже съ 30-хъ годовъ расчетливые хозяева отказались отъ всякихъ попытокъ перестроить свое хозяйство на иностранный ладъ.

П. Колокольниковъ.

Зданіе Государственнаго Банка въ Петербургѣ въ нач. XIX в.

III. Финансы Россіи послѣ войнъ съ Наполеономъ.

К. В. Сивкова.

Если бы кто-нибудь поставилъ вопросъ, сколько стоили Россіи Отечественная война и непосредственно за ней слѣдовавшіе заграничные походы нашей арміи, то онъ очутился бы передъ неразрѣшимой задачей. Зависитъ это не столько отъ того, что наши свѣдѣнія о финансахъ въ царствованіе Александра I не приведены еще въ полную ясность, сколько отъ самаго существа вопроса: разъ онъ ставится именно такъ, «во сколько обошлись Россіи войны 1812—14 гг.», то при отвѣтѣ на него мы должны имѣть въ виду не только расходы государственнаго казначейства, но и потери всего населенія, а какъ разъ эти-то послѣднія и не поддаются учету. Конечно, мы знаемъ, что въ 1812 году больше всего пострадало населеніе тѣхъ губерній Россіи, которыя были театромъ военныхъ дѣйствій, но тягость Отечественной войны и войнъ, за ней слѣдовавшихъ, почувствовало населеніе всего государства: наборы рекрутовъ отрывали отъ производительнаго труда массу наиболѣе дѣеспособныхъ людей, смерть и увѣчья лишили многія семьи работниковъ и тѣмъ самымъ—возможности исправно отбывать государственныя повинности, множество деревень, помѣщичьихъ усадебъ и городовъ въ западной части Россіи были совершенно разорены, прекращеніе торговли по значительной части западной границы сокращало торговые обороты и т. д. Все это факты очевидные и не под-

лежащіе сомнѣнію, но перевести ихъ на цифры, повторяемъ, нѣтъ никакой возможности.

Мы знаемъ, напримѣръ, что Москвѣ на обстройку было отпущено 5 мил. рублей, а кромѣ того, жителямъ Москвы и Московской губ. въ ссуду, въ теченіе 3-хъ лѣтъ,—15.735.000 руб. съ возвратомъ въ 10 лѣтъ (см. приказы №№ 25.377 и 25.378 отъ 5 мая 1813 г. въ «Полномъ Собраніи Законовъ» и письмо Ростопчина женѣ отъ 4 августа 1814 г. въ «Р. Арх.» 1901 г. № 8, стр. 486). Жителямъ Смоленской, части Калужской и Московской губерній на содержаніе и на обсѣмененіе полей было отпущено 7 мил. рублей; на разныя исправленія и починки по всѣмъ частямъ управленія до 6 мил. рублей [1]). Затѣмъ крестьянамъ были прощены всѣ числившіяся на нихъ недоимки и сложены всѣ подати за вторую половину 1812 года и за 1813 годъ; купцовъ, приписанныхъ къ городамъ, которые были заняты непріятелемъ, и потерпѣвшихъ разореніе было рѣшено освободить отъ платежа $^0/_0{}^0/_0$ съ ихъ капиталовъ за будущій (1813) годъ, «если они пожелаютъ остаться въ прежнемъ мѣстопребываніи и въ прежнихъ гильдіяхъ». Затѣмъ было отмѣнено взысканіе недоимокъ и штрафовъ по процентному сбору съ помѣщичьихъ доходовъ за 1812—14 гг., а также всякаго рода начеты по казеннымъ дѣламъ, продолжающимся болѣе 10 лѣтъ, или неумышленныя утраты не свыше двухъ тысячъ рублей [2]).

Но всѣ только что указанные факты и цифры вовсе еще, конечно, не показываютъ истинныхъ убытковъ Россіи, понесенныхъ ею въ войнахъ съ Наполеономъ. Не болѣе достовѣрны и факты, исходящіе отъ частныхъ лицъ. Такъ, трудно сказать, насколько достовѣрны слова Ростопчина, что потери его и нѣкоторыхъ вельможъ въ 1812 г. простирались до 5 мил. рублей. Также мало доказательно и свидѣтельство лорда Каткарта, что «потери частныхъ людей въ одной лишь Московской губерніи простирались до 270 мил. рублей ассигнаціями», хотя, конечно, убытки жителей хотя бы только 3-хъ губерній—Московской, Смоленской и Калужской, надо считать милліонами, а не тысячами, но все это апріорныя сужденія, для которыхъ у насъ нѣтъ точныхъ цифръ, цифры же, подобныя приведеннымъ выше, болѣе или менѣе гадательны, устанавливались онѣ, повидимому, приблизительно.

Такимъ образомъ намъ приходится отказаться отъ разрѣшенія вопроса о стоимости войнъ съ Наполеономъ для народнаго кошелька и о вліяніи ихъ на денежные рессурсы народа. Если мы сузимъ вопросъ и поставимъ его въ такой формѣ: во сколько обошлись эти войны государственному казначейству и какъ онѣ повліяли на наши государственные финансы послѣдующихъ годовъ, то мы будемъ имѣть дѣло съ болѣе достовѣрными данными, хотя и тутъ далеко еще не все для насъ ясно и безспорно.

Прежде всего споренъ основной вопросъ, сколько стоили казнѣ войны съ Наполеономъ. По отчету, представленному Барклаемъ-де-Толли 24 марта 1815 года въ Варшавѣ императору Александру I выходитъ [3]), что общій итогъ расходовъ на войны 1812—14 гг. выражается въ суммѣ 157.450.700 рублей ассигнаціями, т.-е. въ среднемъ по 52.483.570 рублей въ годъ. Эти

[1]) Печеринъ. «Историческій обзоръ росписей доходовъ и расходовъ съ 1803 по 1843 г.», стр. 49.
[2]) Бліохъ. «Финансы Россіи въ XIX в.» т. I, стр. 123—124.
[3]) „Р. Арх“, 1874 г., кн. II, стр. 735.

цифры противорѣчатъ другимъ даннымъ и, очевидно, меньше дѣйствительныхъ: какъ увидимъ дальше изъ разсмотрѣнія бюджетовъ за годы войнъ, расходы на нихъ значительно превышали размѣры, указанные Барклаемъ-де-Толли; затѣмъ отчетъ Барклая слишкомъ суживаетъ вопросъ: нельзя, говоря о стоимости для казны войнъ 1812—14 гг., принимать во вниманіе только такіе расходы, какъ на жалованье, покупку верховыхъ лошадей, на продовольствіе, госпитали и т. п., а только такіе и помѣщены въ его отчетѣ; цѣлый рядъ другихъ расходовъ, какъ будетъ указано ниже, не носящихъ, можетъ-быть, спеціально военнаго названія, но, несомнѣнно, военныхъ по существу, долженъ быть причисленъ къ расходамъ на войны 1812—14 гг. Затѣмъ въ отчетѣ Барклая-де-Толли нѣтъ расходовъ по флоту, а немало изъ нихъ тоже было вызвано войной. Наконецъ, и еще одно соображеніе мѣшаетъ признать правильнымъ расчетъ Барклая-де-Толли. Какъ ни дешевы были войны 100 лѣтъ назадъ по сравненію съ нынѣшними—въ виду меньшей численности армій, болѣе дешеваго снаряженія и т. п., все-таки цифра въ 52 мил. руб. ассигн. въ годъ и для 1812—14 гг. будетъ слишкомъ малой.

Другую цифру расходовъ на войны 1812—14 гг. даетъ г. Журавскій въ своемъ изслѣдованіи: «Статистическое обозрѣніе расходовъ на военныя потребности (съ 1711 по 1825 годъ)» [1]). Расходъ на войско въ 1812 г. онъ считаетъ «на худой конецъ» по штатнымъ положеніямъ въ 75 мил. руб., по $6^1/_4$ мил. руб. въ мѣсяцъ. Но при этомъ онъ говоритъ (стр. 312): «Что могло стоить содержаніе этихъ огромныхъ военныхъ силъ, опредѣлить весьма трудно, безъ положительныхъ данныхъ, которыхъ, вѣроятно, даже и не существуетъ, по чрезвычайной запутанности счетовъ того времени, вслѣдствіе безпрестанной убыли людей и множества военныхъ случайностей»... Высчитывая расходъ на войска въ 1812 г. въ 75 мил. руб. въ годъ, Журавскій не принимаетъ во вниманіе «ополченныхъ войскъ», которымъ, говоритъ онъ, «содержаніе хотя и производилось изъ казенныхъ суммъ, но съ возвратомъ отъ владѣльцевъ и обществъ, поставившихъ ратниковъ». Но если даже взять за исходную цифру 75 мил. руб., предполагая, значитъ, что и расходы 1813—14 гг. были таковы же, то окажется, что три года войны потребовали расхода на войско въ 225 мил. руб. Такъ какъ это была бы сумма *всѣхъ* военныхъ расходовъ въ 1812—14 гг., то, вычитая изъ нея обычные расходы на войско, мы получили сумму, меньшую приводимой Барклаемъ-де-Толли. Но цифра 75 мил. руб. въ годъ расхода на войско противорѣчитъ тѣмъ вѣдомостямъ доходовъ и расходовъ, которые опубликованы Бліохомъ, Печеринымъ, въ 45-мъ томѣ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго общества» и проч., и, очевидно, меньше дѣйствительной. Затѣмъ исходить изъ этой цифры при опредѣленіи стоимости войнъ 1812—14 гг. нельзя и потому, что она даетъ исчисленіе расходовъ на войско лишь по штатнымъ положеніямъ и не принимаетъ во вниманіе, какъ и отчетъ Барклая-де-Толли, другихъ расходовъ, вызванныхъ спеціально войной, но не положенныхъ «по штату».

---

[1]) „Военный Сборникъ", 1859 г., №№ 9—10, стр. 313.

Цифру расхода, рѣзко отличающуюся отъ двухъ только что указанныхъ даетъ неизвѣстный авторъ статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ», за 1859 г., т. XX: «Русскій государственный долгъ 1817—1857 гг.». Стоимость наполеоновскихъ войнъ для Россіи онъ опредѣляетъ въ 227 мил. руб. сер. по курсу ассигнацій 1817 г. (4,2 : 1), но въ эту сумму онъ не включаетъ, напримѣръ, потери на ассигнаціи, понесенныя публикой и казной. Если перевести цифру расхода, устанавливаемую имъ на ассигнаціи, то окажется, что по его расчету войны 1812—14 гг. стоили почти въ 6 разъ дороже, чѣмъ по даннымъ Барклая-де-Толли. Цифра въ 227 мил. рубл. чрезмѣрно велика, и авторъ, дающій ее, оставляетъ много сомнѣній относительно правильности ея исчисленія.

Наконецъ Печеринъ даетъ такія данныя о расходахъ на войны 1812—14 гг. [1]). По военному министерству было произведено расходовъ:

	Въ 1812 г.	Въ 1813 г.	Въ 1814 г.
По росписи. . . .	153.611.800 р. асс.	130.024.200 р. асс.	154.391.800 р. асс.
Сверхъ росписи .	29.757.400 » »	101.169.500 » »	90.484.500 » (по 1 іюня).
	183.369 200 р. асс.	231.193.700 р. асс.	244.876.300 р. асс.

а всего расходовъ было на 659.429.200 руб. ассигнаціями, изъ которыхъ 221.411.400 руб. было истрачено сверхъ росписи. Кромѣ того, по морскому министерству за эти годы было произведено расходовъ на 53.982.300 рублей по росписи, да сверхъ росписи — на 8.212.800 руб., т.-е. всего на 62.195.100 рублей.

Но и эти данныя страдаютъ двумя недостатками: во-первыхъ, это цифры всѣхъ расходовъ по двумъ вѣдомствамъ, и въ нихъ не отдѣлены расходы, вызванные войной, отъ обычныхъ, нормальныхъ расходовъ по этимъ двумъ министерствамъ, а, во-вторыхъ, и здѣсь не приняты во вниманіе расходы по другимъ смѣтнымъ рубрикамъ, которые (т.-е. расходы) были вызваны войной и потому должны быть причислены къ этимъ именно расходамъ. Въ этомъ отношеніи данныя Печерина сходны съ данными Барклая-де-Толли и Журавскаго. Сколько же изъ 721.634.300 руб. военныхъ расходовъ, приводимыхъ Печеринымъ, отнести на счетъ войнъ 1812—14 гг.? Прежде всего сюда надо отнести сверхсмѣтные расходы по военному и морскому министерствамъ, т.-е. 229.624.200 руб., — цифру въ $1^1/_2$ раза превышающую данныя Барклая-де-Толли. Но, кромѣ того, надо имѣть въ виду, что и въ смѣтныя назначенія 1812—14 гг. включались многіе расходы, вызванные войнами.

Нормальный военный бюджетъ по смѣтамъ двухъ годовъ, предшествующихъ Отечественной войнѣ, составлялъ около 120 мил. рублей по военному министерству (эта цифра противорѣчитъ вычисленіямъ Журавскаго) и около 16—18 мил. руб. по морскому, т.-е. при нормальныхъ обстоятельствахъ по военному министерству за 3 года могло бы быть истрачено по смѣтамъ около 360 мил. руб. вмѣсто 438, а по морскому—приблизительно столько же (т.-е. 50—54 мил. руб.), сколько и было истрачено въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, при сравненіи даже съ данными Печерина, въ которыхъ нѣтъ полной картины расхо-

[1]) Названное соч., стр. 54—55.

довъ на войны 1812—14 гг., отчетъ Барклая-де-Толли представляется мало соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ стоимость для казны войнъ 1812—14 гг. нельзя считать меньше 230 милл. руб. асс.— суммы сверхсмѣтныхъ расходовъ за 1812—14 гг. по военному и морскому министерствамъ по даннымъ Печерина. Но это только minimum, къ которому, какъ уже указано, надо присоединить цѣлый рядъ другихъ расходовъ. Для того, чтобы опредѣлить, какіе это были расходы и въ какихъ размѣрахъ они производились, обратимся къ разсмотрѣнію бюджетовъ 1812—14 гг. и посмотримъ, какъ финансовое вѣдомство справлялось со стоявшими передъ нимъ затрудненіями, какъ мѣняло въ зависимости отъ этого свою политику и какіе уроки для будущаго изъ нихъ извлекало.

Суммъ, ассигнованныхъ по смѣтѣ военнаго министерства на 1812 г., конечно, не хватило для веденія войны, несмотря на то, что частныя пожертвованія въ этомъ году деньгами достигали 100 мил. руб. ассигн., Синодъ далъ $1^1/_2$ милл. руб. «изъ прибылой суммы отъ свѣчной продажи» многія ополченія содержались на дворянскій счетъ, а провіантъ и фуражъ во многихъ мѣстахъ забирались по праву реквизиціи, и платили за нихъ не наличными деньгами, хотя бы и бумажными, а годовыми облигаціями казначейства, приносившими 6% годовыхъ (уплата этихъ %% тоже должна быть поставлена въ счетъ расходовъ по войнѣ) и обмѣнивавшимися черезъ годъ на ассигнаціи или принимавшимися, какъ наличныя деньги, въ уплату податей. Какія затрудненія испытывала армія отъ недостатка денегъ, объ этомъ наглядно свидѣтельствуютъ слѣдующіе рапорты Барклая-де-Толли императору Александру, недавно опубликованные [1]). Въ рапортѣ отъ 1 апрѣля, т.-е. еще задолго до начала военныхъ дѣйствій, онъ доносилъ изъ Вильно императору: «Не имѣю при арміи ни копейки денегъ, а потому вынужденнымъ нашелся требовать изъ Виленской казенной палаты, дабы выдала она въ мое распоряженіе всѣ имѣющіяся у нея деньги; имѣю то же самое сдѣлать съ деньгами, въ Бѣлостокѣ имющимися». Черезъ 4 дня онъ доносилъ: «Нужно подкрѣпить ихъ (т.-е. войскъ) физическія силы мясною и винною порціями. При всемъ моемъ желаніи я, однакоже, по сему предмету ничѣмъ помогать не въ состояніи: денегъ совсѣмъ нѣтъ», а затѣмъ онъ добавляетъ, что вслѣдствіе недостатка фуража лошадей приходится кормить рожью, сѣчкою, соломой и мукой. Затѣмъ извѣстно, что въ арміи не хватило фабричнаго сукна для обмундировки солдатъ: съ одной стороны часто было не на что его покупать, а съ другой — не хватало и самаго сукна. Въ виду этого было разрѣшено одежду солдатамъ (кромѣ мундировъ) дѣлать въ случаѣ надобности не изъ фабричнаго сукна, а изъ простого, крестьянскаго.

Требованія денегъ изъ арміи по мѣрѣ развитія военныхъ дѣйствій все усиливались и, несмотря на сдѣланныя сокращенія въ расходахъ [2]), ординарныхъ доходовъ не хватало, тѣмъ болѣе, что по десяти губерніямъ, занятымъ непріятелемъ, получился недоборъ въ податяхъ свыше 30 мил. рублей [3]), а вообще недоборъ въ доходахъ по западной части Россіи до-

---

[1]) „Р. Стар.", 1912 г., № 4, стр. 211—212.
[2]) См. ст. „Финансы Россіи передъ войной 1812 г." во II т.
[3]) „Министерство Финансовъ", т. I, стр. 181.

стигалъ 75 мил. руб. [1]). Были недоборы въ другихъ мѣстахъ: напримѣръ, населеніе 3-хъ Новороссійскихъ губерній дало недоборъ, такъ какъ пострадало въ 1812 году отъ заразной болѣзни. Поэтому для покрытія военныхъ расходовъ въ 1812 году было выпущено ассигнацій на 64.500.000 р. [2]). Но и этого оказалось недостаточно. Всѣ смѣтныя назначенія въ 1812 г. были нарушены, и получился большой перерасходъ, около 100 мил. руб., который почти весь падалъ на военный бюджетъ.

Затѣмъ, говоря о расходахъ, вызванныхъ войнами 1812—14 гг., мы должны имѣть въ виду слѣдующіе факты. Необходимость сокращать расходы заставила, напримѣръ, пріостановить уплату голландскаго долга, который, благодаря этому, къ 1 января 1816 года вмѣстѣ съ неуплаченными въ 1812—15 гг. 18 мил. гульденовъ %% по этому долгу равнялся 101.600.000 гульденовъ. Съ другой стороны, увеличивался и внутренній долгъ, такъ какъ къ общимъ государственнымъ доходамъ были причислены доходы комиссіи погашенія долговъ, а изъ заемнаго банка и ломбарда сдѣланы займы. Наконецъ, къ расходамъ казны, вызваннымъ войнами съ Наполеономъ, надо причислить, напримѣръ, такой, какъ уплата за фальшивыя ассигнаціи, ввезенныя въ Россію наполеоновскими арміями, и предъявленныя потомъ въ казну. Во избѣжаніе нареканій по нимъ производилась уплата изъ казны и, напримѣръ, въ 1820 г. (о другихъ годахъ свѣдѣній нѣтъ) за нихъ было выплачено 6.800.000 руб. ассигн. [3]). Затѣмъ, въ годы, слѣдующіе за Отечественной войной, казнѣ приходилось уплачивать по квитанціямъ за взятые по реквизиціи провіантъ и фуражъ. Сколько всего было уплачено по такимъ квитанціямъ, предъявленнымъ въ казну, мы не знаемъ, но извѣстно, напримѣръ [4]), что на удовлетвореніе обывателей польскихъ губерній за продовольствіе войска по возвращеніи его изъ-за границы, въ 1815 г., было ассигновано 3.699.141 руб.

Гр. Е. Ф. Канкринъ. (Нечаевъ).

Факты, свидѣтельствовавшіе о затруднительномъ состояніи государственной казны, несмотря на всю тайну, въ которой вершились финансовыя дѣла, не могли оставаться неизвѣстными обществу. Казна и до 1812 г. не пользовалась большимъ кредитомъ, а теперь почти и совсѣмъ потеряла его въ глазахъ населенія, о чемъ свидѣтельствуетъ такой фактъ. Большая часть вкладчиковъ заемнаго банка, ломбарда и другихъ кредитныхъ казенныхъ учрежденій стала требовать обратно свои капиталы. Въ виду этого министръ финансовъ испросилъ высочайшее повелѣніе на отпускъ заем-

[1]) Печеринъ, названное соч., стр. 43.
[2]) Бржесскій. „Государственные долги Россіи“, стр. 95.
[3]) Бліохъ. Финансы Россіи въ XIX в., т. I, стр. 137.
[4]) Журавскій, названное соч., стр. 315.

ному банку и ломбарду суммъ изъ ассигнаціоннаго банка, чтобы удовлетворять предъявляемыя требованія на вклады и тѣмъ остановить панику [1]). Всего было взято изъ ассигнаціоннаго банка новыхъ ассигнацій на 17 мил. рублей. Этимъ удалось остановить истребованіе вкладовъ, и въ началѣ 1813 года эти 17 мил. рублей были возвращены ассигнаціонному банку.

Всѣми этими мѣрами правительство думало выйти изъ финансовыхъ затрудненій, созданныхъ для государственной казны въ первый же годъ войнъ съ Наполеономъ — въ 1812 году. Теперь любопытно опредѣлить, какіе уроки извлекло оно изъ испытаній этого года для своей дальнѣйшей финансовой дѣятельности, какъ стали составляться бюджеты слѣдующихъ годовъ? Разсмотрѣніе бюджетовъ трехъ годовъ, непосредственно слѣдовавшихъ за войной 1812 года, показываетъ, что никакой существенной перемѣны въ этомъ отношеніи не произошло.

Росписи на 1813—15 гг., какъ требовавшія особой тайны, были внесены министромъ финансовъ по высочайшему повелѣнію не въ Государственный Совѣтъ (и ему, очевидно, не довѣряли), а въ секретный комитетъ финансовъ, бывшій подъ предсѣдательствомъ кн. Салтыкова.

Смѣта на 1813 г. была сведена въ суммѣ 320.529.986 руб., что давало превышеніе противъ смѣты 1812 года на 17 мил. руб., но предполагалось, что всѣ доходы съ губерній, находящихся на военномъ положеніи, надо исключить, и потому ожидался дефицитъ въ 41½ мил. руб. Разсматривая расходную смѣту на 1813 г., необходимо для характеристики финансовой политики правительства сравнить ее съ соотвѣтствующими статьями смѣты 1812 года. Въ 1813 году незначительно увеличивалась ассигновка на Дворъ, на 100 тыс.—на «Духовный штатъ», на 200 тыс.—по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, на 500 тыс.—по Министерству Полиціи, на 74 тыс.—по вѣдомству государственнаго контроля и на 18 мил. руб.—по Министерству Финансовъ. Это послѣднее увеличеніе было вызвано тѣмъ, что стала больше по смѣтѣ сумма уплачиваемыхъ долговъ: 31.172.704 руб. противъ 124.687 руб. въ 1812 г. (въ 1811 году на платежъ внутреннихъ и внѣшнихъ долговъ было назначено 30.800.000 руб.), но за сокращеніемъ расходовъ по другимъ статьямъ смѣты этого вѣдомства,—напримѣръ, на 5 мил. руб. по департаменту горныхъ и соляныхъ дѣлъ, все превышеніе расходовъ противъ предыдущаго года выразилось въ суммѣ 18 мил. руб.

Такимъ образомъ, мы совершенно не ви́димъ въ этой смѣтѣ увеличенія ассигновокъ на такъ называемыя культурныя нужды государства. Но зато мы видимъ тутъ другое типичное явленіе, характерное для политики сведенія концовъ съ концами на бумагѣ: по Военному Министерству смѣта расходовъ не только не была увеличена, но она даже была у м е н ь ш е н а на 13½ мил. руб. противъ предыдущаго года. И это въ самый разгаръ войнъ съ Наполеономъ! Затѣмъ сокращенія коснулись Морского Министерства — на 900 тыс. рублей; по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ—по преимуществу по департаменту государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій и по департаменту мануфактуръ и внутренней торговли,—сокра-

---

[1]) Печеринъ, названное соч., стр. 44.

щено было на 2.800.000 руб., по главному управленію путей сообщенія—на $2^1/_2$ мил. рублей. Не забыли сократить и скудный бюджетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, едва достигавшій $2^1/_2$ мил. руб.—его расходную смѣту урѣзали почти на 800 тыс. руб.; при этомъ характерно, какъ это сокращеніе было проведено по тѣмъ тремъ группамъ расхода, на которыя разбита эта смѣта. По первой группѣ расходовъ: «министру жалованья, столовыхъ и на содержаніе департаментовъ» было прибавлено противъ 1812 года 5 тыс. рублей; по второй группѣ: «на университеты и другія учебныя заведенія» расходы были уменьшены на 732.785 руб., по третьей группѣ: «на учебныя заведенія по части медицинскихъ наукъ» расходы тоже были уменьшены на 50.551 руб.

Въ общемъ итогѣ сокращеній было сдѣлано на 31 милл. рубл.; затѣмъ было сдѣлано по смѣтѣ возвышеніе нѣкоторыхъ доходовъ и намѣчены позаимствованія въ видѣ внутреннихъ займовъ изъ кредитныхъ установленій. Въ результатѣ такой работы доходы по смѣтѣ превышали расходы на 18 мил. рубл., которые предполагалось употребить на чрезвычайные расходы.

Какъ же была исполнена эта бездефицитная смѣта въ 1813 году? Отчетъ объ исполненіи ея (онъ былъ представленъ лишь въ 1824 году)[1]) показываетъ, что въ этомъ году было то же, что было въ предшествующіе. Прежде всего, какъ уже было указано, и въ этомъ году получился недоборъ въ податяхъ, и недоимокъ по податямъ къ 1814 г. числилось на 80.269.055 рубл., недоимокъ же по всѣмъ статьямъ доходной смѣты—на $161^1/_2$ мил. рубл. асс. Главными недоимщиками оказались: мѣщане, цеховые, особенно—однодворцы и дворцовые крестьяне, а также крестьяне помѣщичьи и дворовые. Израсходовано было 423.380.572 руб., т.-е. больше смѣты на 103 мил. рубл. Перерасходъ былъ по всѣмъ вѣдомствамъ, но особенно онъ былъ силенъ, разумѣется, по военному вѣдомству [2]), по Морскому Министерству, и по Министерству Полиціи (по смѣтѣ этого министерства оказывались пособія жителямъ губерній, пострадавшихъ отъ войны). Для покрытія получившагося дефицита прибѣгли къ чрезвычайнымъ доходамъ—внутреннимъ и внѣшнимъ займамъ, позаимствованіямъ изъ кредитныхъ учрежденій, сбору пожертвованій и т. п.; получилась сумма въ 191.370.054 руб. асс., въ томъ числѣ изъ ассигнаціоннаго банка около 100 мил. руб., субсидіи отъ Англіи на $35^1/_2$ мил. руб. асс. (т.-е. 2 мил. фунтовъ стерлинговъ по тогдашнему курсу) и т. п.

Перерасходъ по смѣтѣ 1813 года объясняется не только тѣмъ, что «не всѣ еще раны 1812 года зажили» (выраженіе Канкрина), но въ значительной степени тѣмъ, что сейчасъ же вслѣдъ за выходомъ черезъ границу Россіи остатковъ французской арміи наша армія начала двухлѣтнюю заграничную кампанію. Нужна или ненужна была эта кампанія—это вопросъ другой, который мы здѣсь разбирать не будемъ, но несомнѣнно то, что выдержать ее нашимъ финансамъ было не менѣе трудно, чѣмъ Отечественную войну. Въ виду недостатка въ звонкой монетѣ, по словамъ Бржесскаго (стр. 177), ея было въ 1813 г. всего на 5 мил. рублей,

---

[1]) „Сборникъ Русск. Ист. Общ.“, т. XLV-й, стр. 473—81.
[2]) У Печерина иныя цифры—см. выше.

а нужно было, на первое время, по крайней мѣрѣ, 14½ мил. руб. Съ переходомъ нашими войсками границы послѣдовалъ 13 января 1813 года рескриптъ на имя фельдмаршала кн. Кутузова объ обращеніи нашихъ ассигнацій въ Пруссіи и герцогствѣ Варшавскомъ, что и было введено 23 января этого же года, съ установленіемъ законнаго курса ассигнацій на серебро. Для того, чтобы вызвать къ ассигнаціямъ довѣріе, было разрѣшено свободно ввозить ихъ въ Россію и обмѣнивать на товары и звонкую монету. Но ассигнаціи за границей не привились, и потому тамошнее купечество стало усиленно переправлять ихъ въ Россію: изъ выпущенныхъ за границу 70 мил. руб. асс. въ теченіе 8 мѣсяцевъ вернулось обратно 20 мил. руб. асс., что вызвало паденіе вексельнаго курса.

Насколько сильно чувствовался въ арміи въ 1813 г. недостатокъ въ деньгахъ, объ этомъ мы имѣемъ наглядное доказательство въ письмѣ Барклая-де-Толи въ іюнѣ 1813 г. императору Александру [1]): «По всеобщимъ правиламъ войны недостатокъ въ арміяхъ денегъ и несвоевременное собственно потому удовлетвореніе всякаго рода нуждъ армейскихъ нерѣдко измѣняетъ самые благопріятные виды въ военныхъ операціяхъ. До какой степени простирается у насъ недостатокъ, судить можно по тому, что уже около полутора мѣсяца исходитъ майской трети, а не выслано еще на генварскую треть цѣлыхъ двухъ частей исчисленной суммы. Оттого большая часть войскъ не получили донынѣ третного и не сполна удовольствованы всемилостивѣйше пожалованнымъ полугодовымъ жалованьемъ; пріостановлена выдача офицерамъ денежныхъ раціоновъ; казачьимъ полкамъ нисколько не заплачено за вьючныхъ лошадей фуражныхъ денегъ, останавливаются самые необходимые расходы по гошпитальной части, и теперь, когда армія угрожается голодомъ, ежели бы можно избѣгнуть онаго посредствомъ покупки жизненныхъ припасовъ, — не на что дѣлать сихъ покупокъ».

Громадный перерасходъ по Военному и отчасти Морскому Министерствамъ въ 1813 году, казалось бы, наглядно показалъ, что ординарными доходами казна при наличности военныхъ дѣйствій обойтись не можетъ и что добиваться бездефицитности смѣты тѣми средствами, какими это было достигнуто при составленіи смѣты на 1813 годъ, по меньшей мѣрѣ непроизводительная трата времени. Однако при составленіи смѣты на 1814 годъ получилась такая картина. По предварительной смѣтѣ предполагалось расходовъ около 405 мил. руб., такъ какъ, напримѣръ, одно военное вѣдомство, наученное опытомъ 1813 года, заявило требованіе на 242 мил. руб., т.-е. на 111 мил. руб. больше 1813 года. Доходовъ же на 1814 годъ было исчислено всего на 312½ мил. руб. Такимъ образомъ получался дефицитъ въ 92 мил. руб. съ лишнимъ. Кромѣ того, выяснилось, что изъ смѣты доходовъ надо исключить двѣ статьи: 2.700.000 руб. подати съ малороссійскихъ казаковъ и 16.700.000 руб. дохода съ губерній, бывшихъ подверженными нашествію непріятеля. Съ другой стороны, необходимо было предвидѣть чрезвычайные и экстраординарные расходы по Военному Министерству на сумму около 100 мил. руб. по примѣру

[1]) Цитирую по книгѣ: „Министерство Финансовъ", т. I, стр. 182.

1813 года. Такимъ образомъ дефицитъ возрасталъ до 210 мил. руб. [1]). Такъ какъ налоги повысить было нельзя, и никакихъ новыхъ источниковъ дохода не было, то приходилось выпускать ассигнаціи и измѣнять смѣту. Ассигнацій было выпущено въ 1813 г. на 103.440.000 руб., а въ 1814 г.— на 48.791.800 руб. (всего за 1812 — 15 гг. ихъ было выпущено на 244.400.000 руб.), а затѣмъ принялись за перекраиваніе смѣты. Хотя, повторяемъ, было совершенно очевидно, что Военному Министерству потребуются громадныя суммы, его смѣтныя требованія были сокращены почти на 102 мил. руб. По Морскому Министерству расходы предполагалось сократить на 8 мил. руб., по управленію духовныхъ дѣлъ—на 3.800.000 руб., по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ—почти на 3 мил. руб.,

Возстановленная Москва. (Альбомъ 1821 г).

по Министерству Финансовъ — на $2^1/_2$ мил. руб., по департаменту путей собщенія—на 550 тыс. руб., и, наконецъ, по Министерству Народнаго Просвѣщенія—на 100 тыс. руб., а всего почти на 120 мил. руб.

Затѣмъ сдѣлали прибавки къ смѣтѣ доходовъ: отъ предполагаемой надбавки на цѣну вина за ведро по 1 рублю—9 мил. руб., пожертвованія на ополченія—4.449.700 руб., и, наконецъ, опять рѣшено было сдѣлать позаимствованія изъ департамента удѣловъ на 2 мил. руб. и «обратить въ казначейство получаемые заемнымъ банкомъ отъ заемщиковъ по 25-лѣтней экспедиціи»—до 4 мил. руб. [2]). Благодаря всему этому, по предположеніямъ министра финансовъ не только могли быть покрыты обыкновенные расходы, но даже оставалось 15 мил. руб. на покрытіе

[1]) Печеринъ, названное соч., стр. 51.
[2]) Печеринъ, названное соч, стр. 51.

чрезвычайныхъ расходовъ. Послѣ обсужденія проекта росписи и объясненій министра финансовъ въ секретномъ комитетѣ финансовъ, смѣта была сведена не только безъ всякаго дефицита, но даже съ остаткомъ въ 6 мил. руб., при чемъ на военное вѣдомство вмѣсто просимыхъ имъ 242 мил. было отпущено 154 мил. съ небольшимъ. Однако министръ финансовъ при этомъ напоминалъ, что на заграничныя экстраординарныя надобности нашихъ армій изъ этой смѣты уже взять ничего нельзя, а на субсидіи Англіи разсчитывать въ 1814 году трудно, такъ какъ договоръ о нихъ былъ заключенъ лишь на 1813 годъ, но смѣта осталась при только что указанныхъ цифрахъ. Что же получилось изъ этой бездефицитной смѣты?

Въ мартѣ 1814 г. союзныя войска вступили въ Парижъ, и потому военные расходы въ слѣдующіе мѣсяцы этого года должны были сократиться; кромѣ того, по конвенціи съ Франціей 28 августа 1814 г. на продовольствіе войскъ поступило 7.476.243 руб. асс. (раньше были такіе договоры о продовольствіи нашихъ войскъ съ Пруссіей), да отъ Англіи субсидіи около 46½ мил. руб. асс. Тѣмъ не менѣе въ этомъ году только по 1 іюня военнымъ вѣдомствомъ былъ сдѣланъ перерасходъ въ 90.484.500 руб. асс., т.-е. въ суммѣ, почти равной той урѣзкѣ, которая была сдѣлана въ его предварительной смѣтѣ. Вообще же перерасходъ этого года выразился цифрой въ 120 мил. руб.; на Дворъ было израсходовано лишнихъ 2½ мил. руб., на Морское Министерство—4½ мил. руб., на Министерство Иностранныхъ дѣлъ—800 тыс. руб., на Министерство Финансовъ—24½ мил. руб., на Министерство Полиціи—2.400.000 руб. и на вѣдомство путей сообщенія—237 тыс. руб.; наоборотъ, по Министерству Народнаго Просвѣщенія расходы были сокращены на 64 тыс. руб.

Насколько самъ министръ финансовъ Гурьевъ мрачно смотрѣлъ на положеніе финансовъ въ 1814 году, объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія его слова въ письмѣ къ Аракчееву отъ 10 сентября 1814 года по поводу требованія новыхъ ассигновокъ на армію [1]): «Мы касаемся до столь трудной развязки финансовыхъ оборотовъ, что нельзя безъ ужаса подумать о послѣднихъ мѣсяцахъ сего года, и чѣмъ они кончатся».

Неблагополучно въ финансовомъ отношеніи закончился и 1815 годъ—дефицитъ въ этомъ году превысилъ 66 мил. руб., вмѣсто предположеннаго остатка въ 31 мил. руб. на чрезвычайные расходы, такъ какъ одно военное вѣдомство превысило свою смѣту на 87 мил. руб. Въ смѣтѣ расходовъ на этотъ годъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, такую статью: «Четвертая часть податей по губерніямъ, бывшимъ на военномъ положеніи, кои потерпѣли великую убыль въ людяхъ и не могутъ выплатить податей по числу, въ послѣднюю ревизію записанныхъ»—5.500.000 руб.; такъ долго еще не могло оправиться населеніе Западной Россіи отъ войны 1812 года, и потому не мудрено, что Канкринъ еще въ 1823 г. говорилъ, что къ этому времени «не всѣ еще раны 1812 г. зажили».

Смѣта на 1815 годъ даетъ ту же картину, что и смѣты предшествующихъ годовъ: то же сокращеніе расходовъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія, тѣ же сокращенія въ наиболѣе, такъ сказать, производительныхъ §§-хъ смѣты Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (см. выше). Зато на

---

[1]) Дубровинъ, „Письма главнѣйшихъ дѣятелей царствованія Александра I", стр. 160.

выплату долговъ въ этомъ году назначено было на $8^1/_2$ мил. руб. болѣе предыдущаго года, и эта ассигновка съ каждымъ годомъ все увеличивалась, достигнувъ въ 1818 г. суммы въ 60 мил. руб. Все это были слѣдствія войны съ Наполеономъ,

Общую сумму дефицита за $2^1/_2$ года (1812, 1813 и половину 1814 гг.) Печеринъ опредѣляетъ въ 360.143.600 руб., такъ какъ вмѣсто предположеннаго, по его даннымъ, дохода за это время въ 942.730.000 руб. въ дѣйствительности доходовъ за это время было получено 822.714.000 руб. въ виду непоступленія въ казну вслѣдствіе войны 120.016.000 руб., а расходовъ смѣтныхъ и сверхсмѣтныхъ за это время было 1.182.857.000 руб., при этомъ по прежнимъ поставкамъ и подрядамъ было много неоплачен-

Возстановленная Москва. (Альбомъ 1821 г.).

ныхъ счетовъ, суммы, взятыя изъ духовныхъ училищъ, департамента удѣловъ, приказовъ общественнаго призрѣнія и т. п., не были еще возвращены. На покрытіе дефицита въ 360 мил. руб. путемъ внутреннихъ займовъ, взносовъ вмѣсто рекрутства, изъ городскихъ суммъ и 25-лѣтней экспедиціи, разныхъ остатковъ, прибылей отъ банковъ, субсидіи отъ Англіи и проч. было собрано 168.877.000 руб., а на остальную сумму въ 191.266.600 руб. были выпущены ассигнаціи. Казалось бы, въ виду этого послѣдняго обстоятельства должно было создаться новое финансовое затрудненіе: дальнѣйшее паденіе курса ассигнацій. Но это произошло совсѣмъ не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ можно было ожидать. Цѣна ассигнаціоннаго рубля по отношенію къ серебряному въ періодъ 1811—16 гг. была такова [1]):

[1]) И. И. Кауфманъ. „Исторія бумажныхъ денегъ въ Россіи“, стр 39.

1811 г.—$26\frac{2}{5}\%$, 1812 г.—$25\frac{1}{5}\%$, 1813 г.—$25\frac{1}{5}\%$, 1814 г.—20%, 1815 г.—20%, 1816 г.—$25\frac{1}{3}\%$ [1]), т.-е. послѣ 1811 года цѣна ассигнаціоннаго рубля въ теченіе двухъ наиболѣе неблагополучныхъ въ военномъ и политическомъ отношеніи годовъ упала очень мало, затѣмъ понизилась въ 1814—15 гг.—годы болѣе благополучные, чѣмъ два предшествующіе, и, наконецъ, въ 1816 г. опять поднялась до прежняго размѣра, несмотря на то, что выпуски ассигнацій послѣ 1815 г. не прекратились и количество ихъ съ 581.394.400 въ 1811 г. поднялось до 836 мил. къ 1817 году, въ то время какъ менѣе значительные выпуски ассигнацій въ 1807—10 гг. понизили ихъ стоимость въ $3\frac{1}{2}$ раза. Г. Кауфманъ объясняетъ этотъ фактъ дѣйствіемъ указа 9 апрѣля 1812 г., изданнаго по докладу Гурьева сейчасъ вслѣдъ за ссылкой Сперанскаго [2]). Этотъ указъ, по его мнѣнію, «по своему существу долженъ былъ препятствовать не только сильному возвышенію, но и сильному пониженію ассигнаціоннаго рубля», такъ какъ онъ узаконялъ биржевой курсъ ассигнацій, когда онѣ стояли низко [3]). Изданіемъ этого указа имѣлось въ виду «расширить кругъ обращенія ассигнацій», чтобы этимъ «возвысить» ихъ курсъ, предполагая, что расширеніе курса обращенія ассигнацій будетъ по дѣйствію равносильно уменьшенію ихъ числа. Эта цѣль достигнута не была; наоборотъ, этотъ указъ помѣшалъ сильному подъему ассигнацій, но, сверхъ того, онъ помогъ возстановленію обращенія звонкой монеты. Постоянная принудительная цѣна ассигнацій установлена не была, а было только узаконено принудительное обращеніе ихъ по биржевой цѣнѣ; такимъ образомъ цѣна ассигнацій устанавливалась болѣе или менѣе свободно, «соотвѣтственно не тому, чего желало правительство, а тому, что было удобно для населенія». Такъ какъ для населенія было удобнѣе, чтобы цѣна ассигнацій не дѣлала большихъ скачковъ ни въ ту ни въ другую сторону, то «законъ 9 апрѣля 1812 г. не препятствовалъ свободному воздѣйствію экономическихъ, торговыхъ, промышленныхъ и иныхъ условій въ ихъ сдерживающемъ колебанія вліяній», и на практикѣ это вліяніе сказалось въ томъ, что цѣна ассигнацій послѣ 1812 г. колебалась незначительно и какъ бы сама собой фиксировалась—на 25 лѣтъ раньше правительственной фиксаціи. Съ другой стороны, онъ усилилъ металлическое денежное обращеніе (вопреки намѣреніямъ правительства), такъ какъ онъ имѣлъ цѣлью изъять часть ассигнацій изъ оборота, чтобы сокращеніемъ ихъ числа поднять ихъ курсъ; этимъ какъ бы создавалась пустота въ запасахъ денежныхъ знаковъ, и ее-то и стала занимать звонкая монета, имѣвшая раньше меньшее обращеніе.

Таковъ былъ финансовый итогъ Отечественной войны и заграничныхъ походовъ нашей арміи. Итогъ печальный: увеличеніе внѣшнихъ и внутреннихъ долговъ (послѣднихъ къ 1819 г., включая и ассигнаціи, насчитывалось на 342.707.793 руб. сер.), увеличеніе количества ассигнацій, ростъ военнаго бюджета и сокращеніе расходовъ на культурныя нужды государства, постоянные перерасходы по смѣтамъ и ростъ дефицитовъ.

---

[1]) Въ отдѣльные мѣсяцы этихъ годовъ колебанія курса ассигнацій были значительны; здѣсь взяты среднія цифры за годъ.

[2]) См. ст. „Финансы Россіи передъ войной 1812 г.“ во II т.

[3]) Кауфманъ, названное сочиненіе, стр. 40 и слѣд.

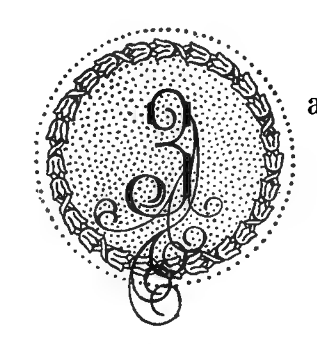
Такимъ образомъ, войны эти въ финансовомъ отношеніи дали одинъ минусъ. Правда, онѣ имѣли результатомъ присоединеніе къ Россіи герцогства Варшавскаго подъ именемъ Царства Польскаго, но это территоріальное пріобрѣтеніе не принесло государственному казначейству никакого облегченія—наоборотъ, край, разоренный войнами и реквизиціями при Наполеонѣ, потребовалъ на первыхъ порахъ немало затратъ со стороны Россіи, такъ что и тутъ мы стоимъ передъ фактомъ, который нужно поставить въ счетъ расходовъ по войнамъ съ Наполеономъ.

К. Сивковъ.

Въ возстановленной Москвѣ.

IV. Ликвидація войны.

Н. П. Вишнякова.



аключительнымъ аккордомъ большинства кампаній обыкновенно являются болѣе или менѣе крупные судебные процессы, вызванные злоупотребленіями по хозяйственной арміи. Вспомнимъ громкое дѣло товарищества «Грегеръ, Горвицъ и Коганъ» послѣ войны 1877—78 гг., дѣло генералъ-интенданта Затлера послѣ Крымской кампаніи... Великая борьба съ Наполеономъ, къ сожалѣнію, также не была чужда печальныхъ явленій недобросовѣстнаго отношенія къ интересамъ казны и солдатъ. По окончаніи войны обнаружились довольно многочисленныя растраты и присвоенія казенныхъ суммъ, преступныя махинаціи съ подрядчиками, притѣсненія мирнаго населенія, залѣзанія въ солдатскій карманъ, поборы при рекрутскихъ наборахъ и при препровожденіи рекрутскихъ партій и пр. и пр.

Пользуясь преимущественно архивными матеріалами, мы имѣемъ въ виду дать попытку краткаго обзора наиболѣе крупныхъ и типичныхъ процессовъ, тянувшихся нерѣдко по десяткамъ лѣтъ и еле ликвидированныхъ къ концу царствованія Александра I.

Прежде всего остановимся на интендантскихъ, или, по тогдашнему, на «провіантскихъ и комиссаріатскихъ», злоупотребленіяхъ.

Уже во время 2-й войны съ Наполеономъ императоръ Александръ убѣдился, что продовольственная часть въ русской арміи стояла очень плохо. Не говоря о неудовлетворительной организаціи интендантской части, армія наша въ сильнѣйшей степени страдала и отъ недобросовѣстности хозяйственныхъ чиновниковъ, злоупотребленія которыхъ, по свидѣтельству офиціальной исторіи нашего интендантства, «развились до необычайныхъ размѣровъ» (Ф. П. Шелеховъ. «Столѣтіе Воен. Мин-ва, Главное Интенд. Упр-ніе». Спб., 1903). Русскія войска буквально голодали, и то разстройство, въ которое пришла наша армія, было, несомнѣнно, одной изъ главныхъ причинъ прекращенія военныхъ дѣйствій.

28 іюля 1807 г. въ Тильзитѣ состоялся высочайшій указъ, въ которомъ интендантство было подвергнуто строгому осужденію: «Во время продолжавшейся между Россійскою имперіею и Франціею войны комиссаріатскій и провіантскій департаменты не исполнили обязанности своей въ снабженіи и пропитаніи арміи». Чины этихъ департаментовъ, по удостовѣренію указа, «съ жадными поставщиками дѣлали хищеніе и возвышеніе цѣнъ на всѣ припасы, увеличивали непомѣрно всѣ расходы, истощившіе казну нашу. Многія открываются дѣянія ихъ, коими долгъ чести и присяги совсѣмъ нарушенъ». Чиновъ, уличенныхъ въ преступленіяхъ, повелѣвалось «наказать примѣрно», всѣ же остальные служащіе по провіантскому и комиссаріатскому вѣдомствамъ, въ виду того, что проступки ихъ «окончательно роняли ихъ званіе», были лишены права носить общій армейскій мундиръ. Въ заключеніе указъ 28 іюля требовалъ, чтобы «оба сіи департамента отъ всѣхъ излишнихъ праздныхъ и предосудительныхъ людей были очищены».

Вскорѣ затѣмъ было предано суду большое количество интендантовъ во главѣ съ генералъ-интендантомъ кн. Волконскимъ и генералъ-кригсъ-комиссаромъ Обрѣзковымъ. Почти всѣ эти судебныя дѣла окончились безрезультатно. Часть ихъ была покончена весною 1812 г. по докладу особой слѣдственной комиссіи, ходатайствовавшей: а) подпавшимъ подъ высочайшій гнѣвъ комиссаріатскимъ чиновникамъ, лишеннымъ мундировъ, «возвратить оные» и б) всѣхъ комиссаріатскихъ чиновниковъ, «подвергнутыхъ слѣдственною комиссіею суду», «сдѣлать отъ онаго и отъ всякаго взысканія свободными». Остальныя судныя дѣла по кампаніи 1807 г. окончились не ранѣе 1816 г., и иныя гораздо позже, въ 20 гг. XIX в.

Во главѣ хозяйственныхъ процессовъ, связанныхъ съ Отечественной войною, слѣдуетъ поставить дѣло «управлявшаго департамента Военнаго Министерства» (Военнаго Министерства) ген.-лейт. кн. Алексѣя Ивановича Горчакова (род. 1769, ум. 1817).

Кн. А. И. Горчаковъ былъ 22 марта 1812 г. назначенъ управлять Военнымъ Министерствомъ, какъ оказавшійся старшимъ изъ наличныхъ

генераловъ этого министерства, но уже при самомъ назначенiи не внушалъ къ себѣ довѣрiя со стороны имп. Александра. Это выразилось въ непредоставленiи Горчакову права личнаго доклада у императора и въ изданiи особой выс. утвержденной инструкцiи, которая, несмотря на военное время, не давала управляющему Военнымъ Министерствомъ права самостоятельно заключать контракты на подряды и поставки, а требовала представленiя такихъ контрактовъ на утвержденiе сената. Недовѣрiе къ кн. Горчакову имѣло серьезныя основанiя. У него было уголовное прошлое. Въ 1795 г., состоя шефомъ Ряжскаго мушкетерскаго полка, онъ былъ подъ судомъ за «употребленiе казенныхъ денегъ». Затѣмъ въ 1800 г., будучи въ должности выборгскаго военнаго губернатора, онъ подвергся опалѣ и увольненiю въ отставку за бездѣйствiе власти, имѣвшее послѣдствiемъ похищенiе 30 т. казенныхъ суммъ. Такое прошлое имѣло соотвѣтственный финалъ: 12 декабря 1815 г. Горчаковъ былъ уволенъ отъ должности управляющаго Военнымъ Министерствомъ, и для разслѣдованiя дѣйствiй, какъ его, такъ и всей провiантской части въ войну 1812—14 гг., была назначена комиссiя изъ членовъ Государственнаго Совѣта адм. Н. С. Мордвинова, бар. Кампенгаузена, гр. Головина и А. Саблукова. Результатомъ этой комиссiи было привлеченiе къ суду и слѣдствiю кн. Горчакова, ст.-секретаря Молчанова и военнаго совѣтника Самбурскаго.

Обвиненiя, предъявленныя кн. Горчакову, были связаны съ перевозкой свыше 500 т. четвертей провiанта и овса въ декабрѣ 1812 г. изъ тверскихъ и новгородскихъ продовольственныхъ магазиновъ въ Витебскъ и Смоленскъ, которую приказалъ произвести фельдмаршалъ кн. Кутузовъ. Генералъ-провiантмейстеръ Лаба, находя эту перевозку весьма убыточною для казны, предложилъ Горчакову ее отмѣнить, съ тѣмъ, чтобы новгородскiе и тверскiе запасы доставить съ открытiемъ навигацiи водными путями въ Петербургъ, а въ Смоленскѣ и Витебскѣ произвести новыя заготовленiя посредствомъ мѣстныхъ закупокъ. Такимъ измѣненiемъ плана заготовленiй сберегалось около $2^1/_2$ мил. рублей.

Получивъ представленiе Лабы, Горчаковъ немедленно вошелъ въ сношенiя съ с.-петербургскимъ купцомъ Коссиковскимъ и въ январѣ 1813 г. обратился въ совѣтъ министровъ, умалчивая о проектѣ ген. Лабы, съ просьбами: а) прiостановить перевозку запасовъ изъ Новгорода и Твери въ Смоленскъ и Витебскъ, б) перевезти ихъ лѣтомъ въ С.-Петербургъ, в) поставку хлѣба (около 300 тыс. четвертей) для смоленскаго и витебскаго районовъ предоставить купцу Коссиковскому и г) заплатить ему за этотъ подрядъ по петербургскимъ (значительно высшимъ, чѣмъ смоленскiя и витебскiя) цѣнамъ и, сверхъ того, заплатить ему же за доставку этихъ запасовъ тѣ $2^1/_2$ мил. (приблизит.), которыя Лаба предполагалъ съэкономить въ пользу казны. Управлявшiй канцелярiей комитета министровъ ст.-секретарь Молчановъ въ тотъ же день увѣдомилъ Горчакова, что комитетъ утвердилъ его представленiе, и просилъ поскорѣе заключить съ Коссиковскимъ договоръ. Черезъ два дня Молчановъ составилъ и журналъ комитета министровъ съ такимъ разрѣшенiемъ, при чемъ цѣны Коссиковскому за хлѣбъ были назначены еще болѣе высокiя, чѣмъ ходатайствовалъ Горчаковъ. Не довольствуясь изложенной операцiей,

Горчаковъ въ мартѣ 1813 г. заключилъ еще одинъ контрактъ съ Коссиковскимъ, уже не испрашивая, въ явное нарушеніе данной ему «инструкціи», ничьего разрѣшенія, при чемъ принялъ въ обезпеченіе подряда «мнимые залоги», и затѣмъ подобный же контрактъ съ купц. Маркеловымъ.

Общее собраніе Государственнаго Совѣта въ 1818 г. разсмотрѣло дѣло кн. Горчакова въ 4-хъ засѣданіяхъ, при чемъ большинствомъ голосовъ признало его подлежащимъ отвѣтственности. 26 сентября 1827 г., уже при императорѣ Николаѣ I, было высочайше повелѣно дѣло о личной отвѣтственности кн. Горчакова за его смертью прекратить (см. подробности въ офиціальномъ изданіи, составленномъ подъ редакціей ген.-м. Н. А. Данилова «Столѣтіе Военнаго Министерства». Историческій очеркъ развитія военнаго управленія въ Россіи. Спб., 1902).

Въ архивахъ Военнаго Министерства сохранилось много (до сотни) военно-судныхъ дѣлъ по обвиненію разныхъ чиновниковъ-интендантовъ въ присвоеніи и растратѣ денегъ, отпущенныхъ для продовольствія и снабженія арміи. Большинство изъ нихъ были прекращены по всемилостивѣйшему манифесту 30 августа 1814 г. Выдающихся въ какомъ-либо отношеніи среди этихъ дѣлъ немного. Наиболѣе крупными является дѣло «чиновника 7-го класса московскаго провіантскаго депо Лисовскаго, не представившаго 58 съ лишнимъ тысячъ рублей изъ суммы, отпущенной ему 9 августа 1812 г. на продовольствіе войскъ Калужской и Московской губерній», при чемъ онъ ссылался на то, что его якобы ограбили французы. Но затѣмъ, когда обвиняемый вскорѣ умеръ въ госпиталѣ, у него въ карманѣ нашли спрятанными 22.725 руб... Въ эти же дни величайшаго народнаго воодушевленія «отличился» и другой интендантъ— провіантскій комиссаръ 6-го класса Глинка, растратившій 26 тыс. казенныхъ суммъ, отпущенныхъ на покупку хлѣба. Въ свое оправданіе онъ имѣлъ наглость ссылаться, что роздалъ эти деньги въ задатокъ разнымъ купцамъ, которые по провѣркѣ оказались «несуществующими», своего рода «мертвыми душами». Къ 1812 г. также относится дѣло смотрителя Тираспольскаго «магазейна» 12-го класса, Пашкевича, у коего не оказалось продовольственныхъ припасовъ и лѣсныхъ матеріаловъ на 10 съ лишнимъ тысячъ рублей. Расхитителями этихъ казенныхъ запасовъ оказались комендантъ крѣпости Тирасполь полковникъ Кардомичи, плацъ-майоръ Гратинскій и плацъ-адъютантъ Ломовцевъ, бравшіе изъ «магазейна» запасы «по усмотрѣнію», пользуясь «непротивленіемъ злу» Пашкевича. Довольно крупныя растраты оказались у провіантскихъ комиссіонеровъ: въ 1812 г. Жемчужникова (свыше 80 тысячъ рублей) и въ 1814 г. Каменскаго (свыше 90 тысячъ). Въ послѣднемъ дѣлѣ за бездѣйствіе власти поплатился также генералъ-интендантъ Царства Польскаго гр. Санти, съ коего было поставлено взыскать убытки казны.

Не безынтересно также отмѣтить дѣло комиссара 8-го класса Эрикса, который, состоя при нашихъ войскахъ во Франціи, былъ командированъ генералъ-интендантомъ Канкринымъ для пріема отъ французскаго правительства слѣдуемыхъ по реквизиціи вещей и принялъ вмѣсто солдатскаго сукна на мундиры $18^1/_2$ тыс. аршинъ «французскаго негоднаго круазе» и около 10 тыс. паръ негодныхъ сапогъ. Будучи затѣмъ

по приговору полевого суда разжалованъ въ рядовые и присужденъ къ денежному взысканію, Эриксъ бѣжалъ за границу и потомъ жаловался изъ Берлина, что вещи имъ приняты были хорошія, но что съ него штабные чины гр. Воронцова требовали взятки, онъ не далъ и въ результатѣ попалъ подъ судъ. Извѣтъ Эрикса не подтвердился, и самъ онъ былъ впослѣдствіи арестованъ.

Но самымъ любопытнымъ изъ дѣлъ о растратахъ 1812 г. является дѣло комиссіонера 9-го класса Воейкова, который находился въ это время въ нашей дунайской дѣйствующей арміи въ Валахіи и тамъ проигралъ въ карты до 40 тыс. червонцевъ, ввѣренныхъ ему, какъ казначею, казенныхъ суммъ, — бар. Каминскому, помѣщику Стрѣлковскому и др. Русскій консулъ требовалъ у валахскихъ властей выдачи Стрѣлковскаго и наложилъ секвестръ на его недвижимое имѣніе въ Бессарабіи. Но каймакамія княжества валахскаго отказала въ выдачѣ Стрѣлковскаго, освободивъ отъ секвестра его имѣніе, при чемъ высказала весьма рѣзкія сужденія о дѣятельности нашихъ военныхъ властей дунайской арміи, которой командовалъ извѣстный березинской неудачей адмиралъ Чичаговъ: «Въ бытность россійской арміи въ Валахіи, всѣ игры были позволены и даже отдавались въ аренду со стороны россійскаго начальства для казеннаго дохода. Посему, ежели бы и выигралъ Стрѣлковскій какія деньги у Воейкова, то вовсе отвѣчать не долженъ, ибо начальство не сдѣлало запрещенія играть съ казенными комиссіонерами. А ежели вольно было играть симъ послѣднимъ, то для чего начальство вѣрило имъ и не опредѣляло честныхъ и достойныхъ людей?» Въ заключеніе своего отвѣта каймакамія задаетъ третій вопросъ: «Наградилъ бы кто Стрѣлковскаго, естлибъ онъ проигралъ?» По высочайше утвержденному 24 марта 1821 г. мнѣнію большинства голосовъ Государственнаго Совѣта Воейковъ былъ наказанъ весьма снисходительно: его было повелѣно, примѣнивъ къ нему манифестъ 30 августа 1814 г., «исключить только, яко неблагонадежнаго, изъ службы и впредь ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять», съ опубликованіемъ этого рѣшенія.

Очень интересно также дѣло графа Санти, прикосновеннымъ къ которому явился и гр. Л. Л. Беннигсенъ. Въ іюлѣ 1812 г. дворянство Коломенскаго уѣзда, Московской губерніи, поручило тайному совѣтнику и сенатору гр. Санти сформировать въ городѣ Коломнѣ изъ ополченцевъ 5-й казачій полкъ, для чего собрало 30 тысячъ рублей серебромъ, опредѣливъ выдать каждому ополченцу 10 рублей пособія. Гр. Санти, сформировавъ полкъ, въ августѣ передалъ его во 2-ю армію, а деньги — 30 тысячъ представилъ начальнику штаба всѣхъ армій генералу гр. Беннигсену въ сундукѣ, прося провѣрить наличность передаваемой суммы. Но Беннигсенъ, въ присутствіи свидѣтелей — майора Воейкова и камергера Демидова, отказалъ въ провѣркѣ, заявивъ, что «вѣритъ и безъ счета», и оставилъ сундукъ въ своей квартирѣ. Въ половинѣ ноября 1812 г. гр. Санти узналъ лично отъ Беннигсена, что «сундукъ съ 30 тысячами отбитъ непріятелемъ во время прохода войскъ нашихъ черезъ Москву». Но на судѣ выяснилось, что объ отбитіи непріятелемъ говорить не приходится, а что являются подозрѣнія «о сокрытіи сундука съ деньгами камердинерами гр. Беннигсена и кн. Голицына». Однако, за отсутствіемъ «ясныхъ до-

казательствъ», было повелѣно «предать дѣло волѣ Божіей, пока впредь само объявится». Претензіи же бывшихъ «воиновъ» 5-го казачьяго полка, не получившихъ слѣдуемаго имъ 10-ти рублей пособія, было приказано «удовлетворить выдачею сей суммы изъ казны на щетъ генерала гр. Беннигсена за то, что онъ, принявъ отъ гр. Санти 30 тысячъ, не сдѣлалъ къ сбереженію ихъ нужнаго распоряженія».

Изъ другихъ дѣлъ по казенному имуществу, въ которыхъ фигурировали военные чины, при чемъ количество этихъ дѣлъ вообще незначительно, слѣдуетъ отмѣтить дѣло бывшаго командира 2 егерскаго полка полковника Эссена, который во время войны 1812—1814 гг. торговалъ казеннымъ порохомъ. Петербургскій оберъ-полицмейстеръ генералъ-майоръ Горголій, найдя въ 1815 г. 10 боченковъ этого пороха внутри Гостинаго двора, купленнаго у Эссена за 450 руб., «взявъ взятку съ покупщиковъ, покрылъ сіе дѣло». Чѣмъ окончилось оно, въ нашихъ матеріалахъ свѣдѣній нѣтъ.

Сравнительно также немного было судныхъ дѣлъ по хозяйственнымъ злоупотребленіямъ въ госпиталяхъ. Самымъ громкимъ изъ нихъ было дѣло «смотрителя рижскаго военнаго гофшпиталя VII класса, Тихановскаго», возбужденное по иниціативѣ получившаго доносъ графа Аракчеева и вызвавшее спеціальную командировку въ Ригу по высочайшему повелѣнію флигель-адъютанта Дурново «для свидѣтельствованія» госпиталя. Но серьезныхъ злоупотребленій не было найдено: все свелось къ неисправному веденію въ 1812—1813 гг. «правдивыхъ книгъ», въ употребленіи госпитальныхъ служителей на услуги партикулярныхъ лицъ и къ невыдачѣ своевременно жалованья и довольствія этимъ служителямъ, за что Тихановскій, несмотря на лестныя аттестаціи рижскихъ военныхъ губернаторовъ—князя Лобанова-Ростовскаго и Марка Паулучи, былъ отставленъ отъ службы.

Своеобразнымъ изъ госпитальныхъ дѣлъ надо признать дѣло доктора Арзамасскаго военно-временнаго госпиталя, имѣвшаго чинъ 8 класса, Гассара, обвинявшагося въ томъ, что съ 12 декабря 1812 г. въ продолженіе 2 мѣсяцевъ онъ содержалъ 402 человѣка выписавшихся больныхъ на ординарной порціи, «дабы они, послѣ болѣзни, укрѣпившись въ силахъ лучшею пищею, могли быть болье полезны для службы», благодаря чему «истратилъ болье положеннаго по табели министра полиціи». По манифесту дѣло было прекращено и о Гассарѣ и о смотрителѣ того же госпиталя Тимоѳеевскомъ, обвинявшемся вмѣстѣ съ городничимъ Орловымъ и квартальнымъ надзирателемъ Шаншіевымъ въ искусственномъ показаніи въ отчетности выше фактическихъ цѣнъ на продукты для больныхъ, чѣмъ было причинено казнѣ убытка до 48 тысячъ рублей.

Слѣдующей, весьма распространенной категоріей военно-судныхъ дѣлъ 1812—1815 гг. являются дѣла, связанныя съ рекрутскими наборами: растраты рекрутскихъ капиталовъ, отпускъ рекрутъ домой за деньги во временный отпускъ, вымогательства при наборахъ и т. п.

24 декабря 1812 г. въ ревельскихъ казармахъ рекруты (104 человѣка) произвели цѣлый бунтъ изъ-за притѣсненій ихъ, и многіе изъ нихъ бѣжали. Результатомъ этого событія было преданіе суду «довольствовавшихъ худою пищею» поручика Дашкевича и прапорщика Веселов-

скаго, окончившееся освобожденіемъ подсудимыхъ отъ отвѣтственности по манифесту.

Въ томъ же году произошелъ рядъ злоупотребленій при опредѣленіи рекрутъ на новгородскую парусную фабрику: 218 новобранцевъ за плату были новгородскимъ комендантомъ подполковникомъ Петровымъ (при участіи титулярнаго совѣтника Зорина, поручика Абернибѣсова и прапорщика Жидкова) вмѣсто отправки въ части войскъ устроены военно-рабочими на фабрику. Этой операціей Петровъ и компанія заработали до 49 тыс. руб. Для разслѣдованія этого дѣла въ 1814 г. былъ командированъ сенаторъ тайный совѣтникъ Миклашевскій. Очень интересны оправданія Петрова. Не отрицая, между прочимъ, что однажды Зоринъ принесъ ему 12 тыс. руб., собранныхъ съ рекрутъ, Петровъ говоритъ: «Эти деньги я принялъ не для того, чтобы ими воспользоваться, но чтобы узнать навѣрно, отъ кого сколько взято..., желая возвратить всякому, что отъ кого взято и отвратить отъ Зорина несчастье, въ которое онъ себя таковымъ поступкомъ ввергалъ»; не донесъ же о преступленіи «изъ-за сострадания, свойственнаго всякому благомыслящему человѣку»... Петрова было повелѣно «лишить чиновъ и написать въ рядовые».

Въ 1816 г. въ Воронежъ и Рязань былъ командированъ флигель-адъютантъ Панкратьевъ для изслѣдованія злоупотребленій по поставкѣ рекрутъ во время набора 1812 г. Командиръ воронежскаго губернскаго батальона внутренней стражи подполковникъ Рыковъ взялъ на себя поставку обмундированія рекрутъ, за что ему полагалось получить по 69 р. съ человѣка Съ отдатчиковъ же онъ ухитрился взимать по 79 руб., а самъ фактически платилъ купцамъ по 58—59 руб. Правда, и самому Рыкову операція эта стоила недешево: онъ за дозволеніе долженъ былъ заплатить начальнику 8 округа внутренней стражи генералу Русанову 15 тыс. руб. серебромъ. Подобнаго же рода злоупотребленія происходили въ 1812 г. и въ Рязани. Обошлись тамъ обмундированіе и наборъ населенію и казнѣ очень дорого: за экипировку только однихъ французскихъ плѣнныхъ было заплачено 61 тыс. руб. Въ ущербъ казны и крестьянъ дѣйствовали, главнымъ образомъ, рязанскій гражданскій губернаторъ Бухаринъ и «градскій голова» г. Рязани Рюминъ, при чемъ послѣдній, по донесенію флигель-адъютанта Панкратьева, выступая то подрядчикомъ, то комиссіонеромъ, «весьма увеличилъ свой капиталъ».

На почвѣ подобныхъ злоупотребленій и притѣсненій вспыхивали цѣлые бунты. Таково, напримѣръ, дѣло крестьянъ Липецкаго удѣльнаго имѣнія Гжатскаго уѣзда, Смоленской губ., которые, «учинившись противъ начальства ослушными», весной 1815 г. «не допускали къ себѣ вооруженною рукою чиновниковъ». Это произошло изъ-за неудовольствія на удѣльныхъ чиновниковъ и голову Миная Иванова за то, что они не исходатайствовали удѣльнымъ крестьянамъ «отъ щедротъ монаршихъ» пособія наравнѣ съ экономическими крестьянами «за претерпѣнное отъ нашествія непріятеля разореніе», и за то, что оброкъ за 1813 г. (подлежавшій по всемилостивому манифесту 1814 г. прощенію) былъ взысканъ съ нихъ «съ большими наказаніями», при чемъ даже не было сдѣлано распоряженія о зачетѣ собранной суммы въ оброкъ 1814 г. Не имѣя на обсѣвъ полей хлѣба и денегъ на покупку, липецкіе крестьяне «пришли въ разо-

реніе». Бунтовавшихъ пришлось усмирить при посредствѣ войскъ: въ іюлѣ 1815 г. былъ посланъ изъ Москвы цѣлый батальонъ бородинскаго пѣхотнаго полка во главѣ съ майоромъ Чапыжниковымъ. На этого Чапыжникова крестьяне подали жалобу, обвиняя солдатъ «въ притѣсненіяхъ». Слѣдствіе по жалобѣ производилъ генералъ-лейтенантъ Паскевичъ; Чапыжниковъ былъ преданъ военному суду, и военно-судная комиссія, признавъ обвиненія доказанными, приговорила его къ денежному взысканію въ 300 руб. въ пользу крестьянъ.

Злоупотребленія съ рекрутами (взятки, употребленіе на собственныя работы и т. п.) въ 1812—1813 и 1814 гг. были еще и въ Тамбовѣ (подполковникъ Жиловъ, подполковникъ Кошелевъ и друг.), въ Пензѣ (полковникъ Водопьяновъ), въ Курскѣ (штабъ-капитанъ Лизогубъ, адъютантъ генерала Кохіуса, начальника 3 округа внутренней стражи), въ Житомирѣ и друг. городахъ.

Послѣднюю группу хозяйственныхъ военно-судныхъ дѣлъ разсматриваемаго періода составляютъ дѣла о притѣсненіяхъ военными начальниками жителей тѣхъ мѣстностей, гдѣ имъ приходилось проходить походомъ.

Въ 1813 г. поступила жалоба пріора г. Познани ксендза Фалинскаго на «служившаго при военной полиціи и находившагося при исправленіи отъ главнокомандующаго важнѣйшихъ порученностей», исполнявшаго въ Познани должность полицмейстера, титулярнаго совѣтника Барца, обвинявшагося Фалинскимъ во взяточничествѣ. Барцъ, сознавшійся во взятіи съ Фалинскаго, когда тотъ былъ вызванъ къ допросу, 900 червонцевъ, объяснилъ, что онъ получилъ эти деньги «не во взятокъ, а изъ единой благодарности». Такимъ же образомъ Барцъ получилъ «благодарности» и еще съ нѣсколькихъ познанскихъ обывателей: бургомистра О. Душкевича (400 червонцевъ), кассира Перскаго (100 червонцевъ), совѣтника Закржевскаго (серебряный самоваръ), подпрефекта Роговскаго (200 тал.) и друг. Судомъ былъ признанъ только фактъ полученія и даже вымогательства 900 червонцевъ съ Фалинскаго, но Барцъ за это не былъ все же подвергнутъ никакому взысканію: ему удалось доказать, что у ксендза, въ Парадисскомъ (Парадскомъ) монастырѣ былъ найденъ подъ алтаремъ бочонокъ съ порохомъ и что 900 червонцевъ были штрафомъ, а не взяткой.

Въ 1814 г. прусскій генералъ-комендантъ Бюловъ фонъ-Денневицъ принесъ жалобу главнокомандующему 1 арміей князю Барклаю на грабительства русскихъ солдатъ. По донесеніямъ прусскихъ властей, стоявшій въ кантониръ-квартирахъ въ гор. Бакаляржневѣ (княжества Варшавскаго) подпоручикъ гренадерскаго Перновскаго полка Франкъ, съ 60 нижними чинами того же полка, напалъ на пограничную прусскую деревню Бароквенъ и пограбилъ въ полѣ семь воловъ и 28 лошадей, а въ деревнѣ отнималъ у жителей деньги и вещи (всего на сумму 31 тал. 87 грош.) и ранилъ 4 поселянъ. Участникомъ нападенія былъ другой подпоручикъ того же полка—Пернецъ. Майоръ Перновскаго полка Жулябинъ, получивъ жалобу, обѣщалъ возвратить все захваченное, но 6 лошадей такъ и остались невозвращенными. По объясненіямъ подсудимыхъ, они должны были взять по реквизиціи подводы у обывателей города Бакаляржека, но тѣ, уклоняясь, увели своихъ воловъ и лошадей на прусскую территорію, гдѣ и пришлось ихъ искать и отбирать. Военно-судная комиссія отвергла эти объясненія

и, по высочайшей конфирмаціи, Франкъ и Пернецъ были разжалованы въ рядовые, Жулябинъ же былъ арестованъ на мѣсяцъ, при чемъ съ него были взысканы прусскіе убытки.

Въ 1816 г. военнымъ судомъ разсматривалось интересное дѣло по жалобѣ 30 помѣщиковъ Минской и Гродненской губ. Они жаловались на генерала-майора Тучкова 1-го [1]), войска донского полковника Исаева 2-го и «прочихъ чиновниковъ, въ корпусѣ Тучкова бывшихъ», на причиненіе имъ во время прохода войскъ въ исходѣ 1812 г. черезъ мѣстечко Несвижъ разныхъ обидъ, насилій и на разграбленіе тамошняго замка на весьма значительную сумму. Аудиторскій департаментъ Военнаго Министерства нашелъ слѣдствіе по этому дѣлу произведеннымъ съ «явнымъ отступленіемъ отъ законнаго порядка», охарактеризовавъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ донесеніи это слѣдствіе, какъ «кучу собранныхъ бумагъ,

Входъ отряда союзниковъ въ Парижъ. (Совр. карик.).

величиною переплета только прикрытыхъ, изъ коихъ не можно, при всемъ тщательномъ разсмотрѣніи, извлечь истины». Слѣдствіе, заслужившее столь рѣзкую оцѣнку, было назначено 26 декабря 1812 г. Кутузовымъ и производилось минскимъ военнымъ губернаторомъ артиллеріи генералъ-майоромъ Игнатьевымъ. Сумма убытковъ опредѣлялась жалобщиками въ 55.710 руб. серебр. 4.151 голл. червонцевъ, 10.045.518 злотыхъ и 10 грошей польскихъ. Кромѣ генерала Тучкова и полк. Исаева, прикосновенными къ дѣлу были генералъ Кноррингъ и войска донского генералъ Грековъ 9 и еще 25 штабъ-и оберъ-офицеровъ, большей частью казаковъ. Были прикосновенными къ дѣлу и нѣсколько несвижскихъ евреевъ

[1]) Сергѣя Ал-ча († 1839 г.), старшаго брата трехъ извѣстныхъ героевъ Отечественной войны: Ник. Ал-ча (1761—1812), убитаго при Бородинѣ, Александра Ал-ча (1777—1812), убитаго тамъ же, и Павла Алексѣевича (1776—1858), раненаго при Смоленскѣ и взятаго въ плѣнъ Наполеономъ, оставившаго интересныя «Записки» («Русск. Арх.» 1873 г.).

во главѣ съ купцомъ Лейзеромъ Дилономъ. Какое-то отношеніе къ дѣлу имѣли и адмиралъ Чичаговъ, адъютантъ его капит.-лейт. Мофетъ и три чиновника: ст. сов. Полыновъ, 7 кл. Кованько и надворн. сов. Ласкинъ. Вслѣдствіе неудовлетворительности слѣдствія дѣло было аудиторіатомъ передано въ военно-судную комиссію для новаго изслѣдованія. Чѣмъ кончилось это интересное дѣло—въ матеріалахъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, свѣдѣній не имѣется [1]).

Наиболѣе интереснымъ изъ дѣлъ по притѣсненію жителей было дѣло братьевъ графовъ Гудовичей, съ которымъ, въ виду его большого бытоваго интереса, познакомимъ читателей нѣсколько подробнѣе, придерживаясь изложенія судебныхъ актовъ. Командовавшій въ 1812 г. малороссійскимъ ополченіемъ (60 тыс. челов.), ген.-лейт. графъ Николай, бывшій при немъ дежурнымъ генераломъ, дѣйствит. стат. совѣтникъ гр. Петръ Гудовичи [2]), по высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ февралѣ 1816 г., вслѣдствіе представленія комитета министровъ, были преданы военному суду по жалобамъ обывателей Могилевской губ., «за причиненныя имъ оными графами Гудовичами и упомянутымъ ополченіемъ обиды, грабежи и разоренія». Судомъ были установлены слѣдующіе факты: графъ Николай Гудовичъ, командуя ополченіемъ, по распоряженію Кутузова, 3 ноября 1812 г. вступилъ въ Бѣлоруссію и расположилъ свой штабъ въ мѣстечкѣ Хотимскѣ, принадлежавшемъ помѣщику Ивану Голынскому, гдѣ и пробылъ по декабрь того же года. При вступленіи въ Бѣлоруссію графъ Н. Гудовичъ снабдилъ частныхъ начальниковъ ополченія инструкціею, «чтобы продовольствіе и все нужное воинству съ помѣщичьихъ домовъ и шляхтъ настоятельнѣйшимъ образомъ замѣченныхъ въ приверженности къ непріятелю и въ измѣнѣ брать подъ стражу, крестьянъ ласкать и успокаивать, внушая имъ, дабы не повиновались онымъ тѣмъ помѣщикамъ, кои содѣйствовали непріятелю, и отбирать оружіе, какого бы рода и чье бы оное ни было, равно порохъ, свинецъ и прочіе снаряды». «Чиновники» (т.-е. начальствующія лица) ополченія воспользовались въ полной мѣрѣ широкими выраженіями инструкціи: они не только «во излишествѣ» требовали для продовольствія съѣстные и питейные припасы, провіантъ и фуражъ, но подъ предлогомъ, что помѣщики и обыватели Могилевской губ. «оказали приверженность къ непріятелю», причиняли имъ, не различая невиновныхъ съ виновными, «разныя оскорбленія, разоряли ихъ домы и съ чрезмѣрнымъ буйствомъ и насиліемъ грабили у нихъ деньги, многія домашнія и хозяйственныя вещи, лошадей и рогатый скотъ». Гудовичъ спохватился, предписалъ отобрать отъ «чиновниковъ ополченія» вышеприведенную инструкцію и распорядился за забираемый провіантъ и фуражъ давать квитанціи. Послѣ всемилостивѣйшаго прощенія, воспослѣдовавшаго могилевскимъ помѣщикамъ и обыва-

[1]) П. А. Тучковъ такъ разсказываетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ· «Четвертый братъ нашъ хотя и оставался невредимъ отъ непріятеля, но не избѣжалъ клеветы и злобы собственныхъ враговъ своихъ, былъ удаленъ отъ командованія войскъ, болѣе 10 лѣтъ безвинно страдалъ подъ слѣдствіемъ, и когда уже всевозможное ухищреніе ничего не могло изыскать къ обвиненію его, то хотя и былъ опять опредѣленъ на службу и продолжалъ оную до глубокой старости, но не могъ уже возвратить ни потеряннаго времени, ни разстроеннаго здоровья претерпѣнными огорченіями». («Русск. Арх.» 1873).

[2]) Изъ нашихъ матеріаловъ не видно, были ли это дѣти или братья фельдмаршала Ивана Васильевича гр. Гудовича (1741—1812) или его брата ген.-аншефа Андрея Васильевича (1731—1808).

телямъ, въ декабрѣ 1812 г., они подали на Гудовичей 122 жалобы, обвиняя графовъ въ заборѣ изъ домовъ и фольварковъ вещей, лошадей, скота, винокуренныхъ кубовъ, котловъ и въ вымогательствѣ графомъ Петромъ Гудовичемъ въ подарокъ себѣ денегъ и дорогихъ вещей. Аудиторіатъ призналъ, что «по слѣдствію и суду не обнаружилось», чтобы гр. Николай Гудовичъ «воспользовался чѣмъ-либо изъ пограбленнаго»; но вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ его виновнымъ, что въ то время какъ происходили «отъ бывшихъ подъ командою его чиновниковъ» вышеуказанные безпорядки и грабежи, онъ «не принялъ къ прекращенію оныхъ дѣятельныхъ мѣръ, не отыскалъ виновныхъ и не подвергнулъ ихъ для примѣра другимъ строгому суду». Далѣе выяснилось, что графъ Н. Гудовичъ, «въ видѣ пожертвованія для ополченія», получилъ отъ еврейскихъ «прикагаловъ» города Климовичей и мѣстечекъ Костюковичей, Родни, Мирославичей, Хотимска и Шумячъ 2.120 руб. и отъ помѣщика Цехановецкаго деньгами, вещами и лошадьми, всего на сумму 2.720 руб. При этомъ, «чтобы имъ, Гудовичемъ, какъ объявилъ онъ, издержаны сіи деньги и вещи на текущія по ополченію дѣла и взятыя лошади отданы подъ артиллерію, сіе остается въ неизвѣстности и не подтверждено обстоятельствами дѣла». Гораздо болѣе дѣятельное личное участіе въ грабительствѣ принималъ другой братъ гр. Петръ Гудовичъ. Послѣдній былъ аудиторіатомъ признанъ виновнымъ въ томъ, что «для собственной корысти, употребя во зло власть свою (дежурнаго генерала) и участвуя съ прочими чиновниками ополченія въ вымогательствѣ и грабежахъ у помѣщиковъ Могилевской губ. имущества въ знатномъ количествѣ, поощрялъ къ тому примѣромъ своимъ и другихъ». Петръ Гудовичъ не сознался предъ судомъ, но былъ вполнѣ уличенъ собственноручною запискою и показаніями свидѣтелей. Въ запискѣ его значилось: «Узнать мысль Петра Петровича [1]) касательно поганцевъ поляковъ и какого лиха намъ ожидать должно за наши дѣяніи и хапаніи».

Весьма опредѣленныя показанія дали также и свидѣтели. Такъ, смоленскій помѣщикъ подпоручикъ Храповицкій и дворовый его человѣкъ Алексѣевъ показали, что въ мѣстечкѣ Хотимскѣ, въ квартирѣ гр. Гудовичей, видѣли они домовыя вещи Голынскихъ, въ томъ числѣ «географическія книги, два глобуса и два фонаря, изъ коихъ одинъ, равно и письменный столъ, купилъ Храповицкій у камердинера гр. Гудовича». Коллежскій совѣтникъ Осмоловскій и климовичскій земскій исправникъ Стеткевичъ видѣли въ квартирѣ гр. Петра Гудовича фортепіано и разныя вещи, принадлежавшія Голынскимъ; при Осмоловскомъ изъ Хотимска были отправлены въ село гр. Гудовичей Ивойтенки кожи, мѣдныя деньги, сундуки и столовое бѣлье Голынскихъ. Туда же и въ другое село Гудовичей Петровку были перевезены изъ имѣнія Голынскихъ Гудовичскими крестьянами и казаками ополченія — кубы, трубы и разныя вещи, также проведены лошади и прогоненъ скотъ. Главный управитель имѣнія гр. Петра Гудовича поручикъ Рышляковъ подтвердилъ, что на заводѣ Гудовича передѣлывались кубы, котлы и трубы, похищенные у Голынскихъ.

---

[1]) Бывшаго дежурнаго генерала 1-й арміи, генерала-отъ-инфантеріи графа Коновницына.

При слѣдствіи и предъ судомъ гр. Николай Гудовичъ первоначально старался скрыть противозаконные поступки своего брата, жившаго въ Хотимскѣ въ одной съ нимъ квартирѣ, «куда и многія ограбленныя вещи были доставляемы», называя всѣ предъявленныя на Петра Гудовича жалобы клеветою. Однако впослѣдствіи Н. Гудовичу пришлось выдать вышецитированную собственноручную записку своего брата.

Военный судъ, разсматривавшій первоначальное производство, постановилъ весьма снисходительную сентенцію (приговоръ): «Графа Николая Гудовича, какъ не изобличеннаго ни по одной жалобѣ, чтобы онъ воспользовался чѣмъ изъ ограбленнаго, оставить отъ суда свободнымъ; а по претензіямъ на графа Петра Гудовича, на коего упадаютъ только одни подозрѣнія безъ законнаго доказательства, предать дѣло волѣ Божіей; что же касается до того, что ополченіе, бывшее подъ командою ихъ, сдѣлало въ Бѣлоруссіи многіе безпорядки и грабежи, оный судъ, руководствуясь Монаршимъ милосердіемъ, дарованнымъ Бѣлорусскому краю, оказавшему всю приверженность свою къ непріятелю, обстоятельство сіе повергаетъ на Высочайшее благоусмотрѣніе, присовокупляя, чтобы изъ чиновниковъ ополченія Лишня, Ноздрю, Свіенцицкаго, Новикова и Легезина, яко участвовавшихъ въ грабежахъ, буде они занимаютъ какія должности, удалить отъ оныхъ и лишить при выборахъ довѣрія дворянства; камердинера же графа Петра Гудовича—Ивана Никитина, на коего доказано, что взялъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ деньги и вещи, отдать въ солдаты; а въ претензіяхъ бѣлорусскихъ дворянъ, яко извѣстныхъ большею частью въ приверженности къ непріятелю, по неяснымъ доказательствамъ, отказать. Петръ же Гудовичъ не долженъ занимать никакой должности».

Полевой аудиторіатъ 1-й арміи полагалъ: гр. Николая Гудовича, «по преклоннымъ его лѣтамъ», согласно приговора военнаго суда, освободить отъ суда; а «поелику дѣйствія графа Петра Гудовича къ присвоенію чуждыхъ имуществъ ясны и доказаны, то справедливость требуетъ, чтобы онъ все претендуемое на него возвратилъ; поступки же его предоставить на разсмотрѣніе вышняго начальства». Съ чинами, «совершавшими, по приказанію графа Петра Гудовича, грабежи», поступить «согласно съ сентенціею военнаго суда. Съ прочихъ «чиновниковъ», показанныхъ въ особомъ спискѣ, «на коихъ состоитъ претензія суммою въ 276.316 р. 37 к., взыскать оную и удовлетворить претендателей; претензіи же, объявленныя вообще на ополченія, раздѣлить на полковыхъ командировъ, несоблюдшихъ порядка и дисциплины».

Гораздо строже было мнѣніе главнокомандующаго 1-ю арміею, генерала-отъ-инфантеріи графа Сакена. Онъ полагалъ гр. Николаю Гудовичу вмѣнить въ наказаніе долговременное нахожденіе его подъ судомъ, и впредь ни къ какимъ должностямъ по службѣ не опредѣлять и не выбирать; графа же Петра Гудовича, «уличеннаго многими доказательствами въ вымогательствѣ и принятіи ограбленнаго имущества, лиша всѣхъ чиновъ, графскаго и дворянскаго достоинства, оставить по преклонности его лѣтъ на жительствѣ у родственниковъ его, запретя ему входъ въ обѣ столицы».

Наиболѣе строгимъ явилось всеподданнѣйшее заключеніе аудиторіатскаго департамента (21 іюля 1822 г.), который призналъ: «1-е) что графъ

Николай Гудовичъ за всѣ вышеписанныя преступленія, особливо за несодержаніе ввѣренныхъ ему войскъ въ должномъ порядкѣ и за допущеніе ихъ къ своевольствамъ и грабежамъ, хотя подлежалъ строжайшему по законамъ взысканію, но поелику не доказано по суду, чтобы сказанный Николай Гудовичъ воспользовался чѣмъ-либо изъ пограбленнаго; сверхъ того, онъ въ теченіе сего дѣла померъ [1]); то и личное сужденіе объ немъ прекратилось смертію его. Изъ оставшагося же по немъ имѣнія взыскать полученные имъ отъ 6-ти еврейскихъ прикагаловъ 2.120 р., и отъ помѣщика Цехановецкаго деньгами, вещами и лошадьми, всего на сумму 2.720 р., и удовлетворить ихъ, ибо они, какъ сознали передъ судомъ, дѣлали пожертвованія принужденно, а не по доброй своей волѣ. 2-е) графа Петра Гудовича, яко уличеннаго въ объявленныхъ на него преступленіяхъ собственноручною его запискою и показаніями посторонних людей, кои не могутъ быть подвержены никакому сомнѣнію, лиша всѣхъ чиновъ, графскаго и дворянскаго достоинства, сослать въ Сибирь на поселеніе; а за признанныя главнокомандующимъ 1-ю арміею, въ числѣ доказанныхъ, претензіи, кои означены по доставленнымъ имъ при мнѣніи своемъ вѣдомостямъ, всю исчисленную сумму 141.610 р. 35 к. взыскать, во удовлетвореніе обиженныхъ, съ имѣнія его, Петра Гудовича... Употребленныя на разныя при производствѣ сего дѣла издержки 4.837 р. 38 к. взыскать съ имѣнія обоихъ графовъ Гудовичей и обратить въ казну. 3-е) бывшихъ въ ополченіи чиновниковъ Лишня, Силевича, Новикова, Легезина, Шкляревича, Куклярскаго, Ноздрю и Карпѣку, равно и всѣхъ тѣхъ, на коихъ, по упомянутымъ вѣдомостямъ, вообще съ Петромъ Гудовичемъ полагается за ограбленное имущество взысканіе, какъ преступленія сдѣланы ими по бытности въ воинской службѣ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго начальникомъ главнаго штаба Е. И. В. въ 21 день іюля 1820 г., передать не гражданскому, а военному суду, каковому подвергнуть и чиновниковъ Рославца и Слезку, которые, кромѣ грабежей, обвиняются въ другихъ преступленіяхъ, какъ-то: Рославцевъ въ убійствѣ козаками команды его помѣщика Судзиловскаго, а Слезку — въ тиранскомъ поступкѣ надъ женою дворянина Журомскаго. 4-е) что принадлежитъ до полагаемаго главнокомандующимъ 1-ю арміею взысканія, по вышеозначеннымъ вѣдомостямъ, на чиновниковъ ополченія 127.836 р. 15 к., и на полковыхъ командировъ, бывшихъ въ томъ ополченіи, 50.649 р. 25 к., аудиторіатъ утвердить сего не можетъ потому, что всѣ чиновники за открывшіяся преступленія ихъ не суждены законнымъ порядкомъ; а многіе изъ нихъ, какъ изъ дѣла явствуетъ, противу вошедшихъ на нихъ жалобъ, вовсе не были опрошены; безъ суда же и отвѣта подвергать кого-либо взысканію воспрещено воинскаго устава 50-й главы 3-мъ пунктомъ и Высочайшимъ указомъ, состоявшимся въ 8-й день августа 1801 г.; въ разсужденіи чего аудиторіатъ признаетъ необходимымъ поручить военному суду разсмотрѣть всѣ обстоятельства по предмету вышеписаннаго полагаемаго на чиновниковъ ополченія и полковыхъ командировъ взысканія и отобрать отъ кого слѣдуетъ отвѣты, потомъ, сдѣлавъ надлежащее по всѣмъ частямъ изслѣдованіе и удостовѣрясь объ имуществѣ и состояніи

---

1) Графъ Николай Гудовичъ умеръ 21 мая 1822 г.

обвиняемыхъ, заключить приговоръ на законномъ основаніи и представить на ревизію по командѣ. 5-е) предать гражданскому суду камердинера графа Петра Гудовича Ивана Никитина, повара его Василія Голикова и бывшаго у чиновника Легезина въ услуженіи мглинскаго мѣщанина Ивана Свѣнцицкаго, за участіе ихъ въ преступленіяхъ, и не подвергать взысканію чиновниковъ Барсукова и Бѣлецкаго-Носенка, за причиненные ими побои тремъ кармелитамъ и женѣ помѣщика Жиркевича, поелику преступленія сіи послѣдовали до Всемилостивѣйшаго манифеста, въ 1814 г. состоявшагося. И, наконецъ, 6-е) что касается до всеподданнѣйшей просьбы дочери Іосифа Голынскаго княгини Казимиры Мещерской, чтобы взыскать съ графа Петра Гудовича, признанную военною комиссіею претензію умершаго отца ея, съ принадлежащими на оную по день взысканія процентами, аудиторіатъ, по неимѣнію закона о положеніи процентовъ при удовлетвореніи за пограбленное имущество, обстоятельство сіе, равно жребій подсудимыхъ и мнѣніе главнокомандующаго 1-ю арміею, чтобы Петра Гудовича, по преклоннымъ его лѣтамъ, оставить на житьѣ у родственниковъ его, повергаетъ на Всевысочайшее благоусмотрѣніе.

6 сентября 1825 г. на докладѣ ген.-аудиторіата послѣдовала собственноручная резолюція императора Александра I: «Быть по сему, избавляя Гудовича отъ ссылки въ Сибирь».

Не будемъ слишкомъ строги къ печальнымъ уголовнымъ «героямъ», не нашедшимъ въ себѣ силы духа въ годину національнаго бѣдствія стать выше пристрастія къ легкому обогащенію за чужой счетъ. Къ чести русской арміи времени наполеоновскихъ войнъ, такихъ дѣятелей въ ней было относительно немного, и особо крупныхъ «хищниковъ» между ними изъ выдающихся боевыхъ генераловъ не было.

Н. Вишняковъ.

Большой театръ въ возстановленной Москвѣ
(Альбомъ Брауна 1825 г)

V. Правительство и общество послѣ войны.

С. П. Мельгунова.

I. Патріотическія настроенія.

1812 годъ ознаменовался подъемомъ патріотическихъ чувствованій и настроеній. Современная литература, привыкшіе къ офиціальному виршеству стихотворцы, правительственные манифесты наперерывъ превозносили доблести и героизмъ русскаго народа, проявленные въ періодъ Отечественной войны. Неудержимый потокъ восторга, самого грубаго шовинистическаго задора, издѣвательства надъ неудачей врага — вотъ что характеризуетъ намъ господствующій тонъ общественнаго настроенія послѣ двѣнадцатаго года. Патріотическіе манифесты, составляемые Шишковымъ, провозглашали дифирамбы «вѣрности и любви къ отечеству, какіе одному только русскому народу свойственны» (манифестъ 3 ноября 1812 года). «Войска, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народъ, словомъ всѣ государственные чины и состоянія, не щадя ни имуществъ своихъ, ни жизни, составили единую душу, душу вмѣстѣ мужественную и благочестивую, толикоже пылающую любовію къ отечеству, колико любовью къ Богу»—гласилъ манифестъ, подписанный Александромъ въ Вильно 25 декабря 1812 г. За манифестами то же повторитъ и ранній историкъ: «Россіяне во всѣ времена отъ всѣхъ народовъ отличались любовью и привязанностью къ престолу своихъ государей: но въ Бонапартовскую войну... всѣ стремились съ неописанной ревностью на истребленіе враговъ своихъ, нарушившихъ спокойствіе ихъ отечества» [1].

[1]) Жизнь военная и политическія дѣянія. Кутузова-Смоленскаго. Спб. 1813, ч. III, 97.

Тѣ же мотивы, какъ мы знаемъ, звучатъ и въ «бѣшеныхъ» статьяхъ «Сына Отечества», и въ благодарственныхъ одахъ и патріотическихъ пѣсняхъ 1813 г. «Русскій Сцевола»—одна изъ любимыхъ темъ карикатуристовъ. Этому восторгу отдаетъ дань и будущій пѣвецъ гражданственности, семнадцатилѣтній юноша Рылѣевъ: «Низойдите тѣни героевъ, тѣни Владимира, Святослава, Пожарскаго!.. Оставьте на время райскія обители!— Зрите и дивитесь славѣ нашей...» «Возвысьте гласы свои, Барды. Воспойте неимовѣрную храбрость боевъ русскихъ! Дѣвы прекрасныя, стройте сладкозвучныя арфы свои; да живутъ герои въ пѣсняхъ вашихъ»... Всякое виршество страдаетъ преувеличеніемъ, и особенно виршество начала XIX вѣка, привыкшее воспѣвать героевъ въ выспренныхъ формахъ ложнаго классицизма. Но, повидимому, и въ жизни каждый русскій гражданинъ готовъ былъ себя считать спасителемъ отечества. «Всякій малодушный дворянинъ—писалъ Ростопчинъ Александру 14 декабря 1812 г.—всякій бѣжавшій изъ столицы купецъ и бѣглый попъ считаетъ себя, не шутя, Пожарскимъ, Мининымъ и Палицынымъ, потому что одинъ изъ нихъ далъ нѣсколько крестьянъ, а другой нѣсколько грошей, чтобы спасти этимъ все свое имущество». Упрекавшій другихъ въ патріотическомъ самообольщеніи, въ дѣйствительности болѣе всѣхъ страдалъ этимъ самъ Ростопчинъ, еще въ 1812 г. объявившій себя спасителемъ отечества. Онъ разрушилъ козни Наполеона и по своему возвращенію въ Москву «спасъ всѣхъ отъ голода, холода и нищеты» [1]). Дѣйствительность, конечно, была очень далека отъ этого апоѳеоза дѣяніямъ героевъ 1812 года. Жизнь есть проза, гдѣ эгоистическія побужденія и матеріальные расчеты играютъ такъ часто первенствующую роль, гдѣ примѣры безкорыстнаго идейнаго служенія являются скорѣе исключеніемъ. И патріотизмъ въ эпоху Отечественной войны, патріотизмъ естественный и въ значительной степени эгоистическій, какъ отмѣтилъ Ростопчинъ въ процитированномъ письмѣ къ Александру, далеко не всегда былъ окрашенъ тѣмъ розовымъ цвѣтомъ, въ какомъ пытается его обрисовать патріотическая исторіографія вплоть до нашихъ дней. Истинный патріотизмъ выражается «не фразами, не убійствомъ дѣтей для спасенія отечества и тому подобными неестественными дѣйствіями», а «незамѣтно, просто, органически и потому производитъ всегда самые сильные результаты». Правдивость этого замѣчанія Толстого въ «Войнѣ и Мирѣ» можетъ быть легко подтверждена фактами. Крикливые шовинисты 1812 г. въ дѣйствительности менѣе всего были способны къ самопожертвованію. Пушкинъ въ своемъ «Рославлевѣ» далъ самую ядовитую и злую характеристику тѣмъ «заступникамъ отечества», патріотизмъ которыхъ проявлялся лишь въ «пошлыхъ обвиненіяхъ», въ французоманіи—въ «грозныхъ выходкахъ противъ Кузнецкаго моста». «Гонители французскаго языка и Кузнецкаго моста взяли въ обществѣ рѣшительный верхъ и гостиныя наполнились патріотами. Кто высыпалъ изъ табакерки французскій табакъ и сталъ нюхать русскій; кто сжегъ десятокъ французскихъ брошюръ; кто отказался отъ лафита и принялся за кислыя щи. Всѣ заклялись говорить по-французски, всѣ заговорили о Пожарскомъ и Мининѣ и стали проповѣдывать народную войну, соби-

---

[1]) Письмо къ Воронцову 28 апрѣля 1814 г.

раясь на долгихъ отправиться въ Саратовскія деревни» [1]). Когда отъ словъ приходилось переходить къ дѣлу, патріотическій миражъ тускнѣлъ. И это прежде всего приходится сказать про то дворянство, которое въ изображеніи манифеста 1814 г. представляло «умъ и душу» народа, которому достались наиболѣе лестные отзывы (напр., въ рѣчи Александра, въ Москвѣ 16 августа 1816 г.), которое, по проекту Шишковскаго манифеста, должно было стоять на первомъ планѣ и дѣятельность котораго въ то же время у нѣкоторыхъ современниковъ находила совсѣмъ иную оцѣнку. Какимъ диссонансомъ зазвучитъ знаменитый отвѣтъ кн. С. Г. Волконскаго на вопросъ Александра, каковъ «духъ народный». «Вы должны гордиться имъ: каждый крестьянинъ-герой, преданный отечеству и Вамъ?—«А дворянство».—«Стыжусь, что принадлежу къ нему, было много словъ, а на дѣлѣ ничего». Чѣмъ же объяснить этотъ суровый отзывъ человѣка, принадлежавшаго къ самымъ привилегированнымъ слоямъ аристократическаго общества и въ то время еще не вкусившаго запретнаго плода западно-европейскаго просвѣщенія? Чѣмъ объяснить позднѣйшій отзывъ о роли дворянства въ 1812 г.: «Въ годину испытанія... не покрыло бы оно себя всѣми красками чудовищнѣйшаго корыстолюбія и безчеловѣчія, расхищая все, что расхитить можно было, даже одежду, даже пищу и ратниковъ и рекрутовъ и плѣнныхъ, несмотря на прославленный газетами патріотизмъ, котораго, дѣйствительно, не было ни искры, чтобы ни говорили о нѣкоторыхъ утѣшительныхъ

Чугунная литая доска, расписанная масляными красками и мѣстами вызолочена. Н. изображенъ цезаремъ. Въ клювѣ правой главы—сломанный скипетръ; въ лѣвой—разорванный лавровый вѣнокъ; въ латахъ—пламя, извергающее молнію. Изъ лучей, окружающихъ глазъ, выходитъ рука съ лавровымъ вѣнкомъ, вѣнчающимъ шифръ имп. Александра. Мечъ въ правой рукѣ Н. переломленъ; на щитѣ, въ лѣвой рукѣ—шифръ Н въ лавровомъ вѣнкѣ. (Музей П. И. Щукина).

[1]) Въ этомъ внѣшнемъ патріотизмѣ было въ дѣйствительности очень мало глубокаго чувства, зато много искусственности и сентиментализма, довольно ярко очерченныхъ въ воспоминаніяхъ о Москвѣ Хомутовой („*Р. Арх.*", 1891). Когда не вѣрилось еще въ возможность появленія Наполеона подъ стѣнами

исключеніяхъ» [1]). Исторія дворянскихъ ополченій (къ сожалѣнію, еще такъ мало разработанная), пожалуй, даетъ уже отвѣтъ на поставленный вопросъ [2]). Когда дворяне жертвовали «всѣмъ», какъ выражался въ своихъ «письмахъ» офицеръ Ѳ. Н. Глинка, когда Калужское губернское дворянское собраніе постановляло: «Не щадить въ случаѣ семъ не только своего достоянія, но даже жизни до послѣдней каждой капли крови», оно въ дѣйствительности никогда не забывало своихъ интересовъ. «Общая необходимая защита своей собственности» [3]) побуждала къ патріотическимъ дѣйствіямъ, къ откликамъ на призывъ правительства [4]), но при всемъ томъ помѣщики весьма тщательно наблюдали свои выгоды [5]), сдавая въ ополченія ненужные или вредные элементы крѣпостной деревни, въ увѣренности по примѣру милиціи 1806 г., что за этихъ ополченцевъ они получатъ рекрутскія квитанціи или перенося всю тяжесть на зажиточныхъ крестьянъ, которые должны вмѣсто себя ставить ополченцевъ. При такихъ условіяхъ уже à priori можно было бы заподозрить полную правдивость правительственнаго извѣщенія (манифестъ 3 ноября 1812 г.), что крестьяне «охотно и добровольно» вступали въ ополченія. Хомутова въ своихъ воспоминаніяхъ свидѣтельствуетъ, что сдача въ ополченцы «на каждомъ шагу» сопровождалась «раздирательными сценами». Она говоритъ это про Москву. Но и въ Симбирскѣ ей пришлось быть очевидицей такихъ же сценъ. По «тогдашнему обыкновенію», замѣчаетъ другой неизвѣстный намъ современникъ, отдача въ рекрута въ 1812 году «обязательно сопровождалась воемъ и плачемъ» [6]). Эту обыденность мы и встрѣчаемъ въ годъ исключительнаго подъема патріотизма, когда, по словамъ Вигеля, «прекратились всѣ ссоры, составилось общее братство». Несомнѣнно, въ эту годину были примѣры самаго горячаго юношескаго энтузіазма: 16-лѣтній маль-

---

Москвы, всѣ пылали патріотизмомъ: молодыя дѣвушки воображали себя „то амазонками, то странницами, то сестрами милосердія" и примѣривали на себѣ соотвѣтствующіе костюмы. Тогда играли въ патріотизмъ, и кн. Вяземскій вербовалъ полкъ изъ женщинъ, давая пароль. „aimer toujour, chausez souvent". Такъ было 22 іюля. А уже 10 августа эти горячіе патріоты „съ видомъ отчаянія", „думали только о бѣгствѣ и о томъ, чтобы увезти свое добро или зарыть его въ землю, либо замуравить въ стѣну". „Блѣдные и трепещущіе они покрывали стѣны постоялыхъ дворовъ чувствительными надписями: „Le, mot adieu, ce mot terrible"... „je vous salue, o lieux charments, quittes avec tant de tristesse"...

Но и это чисто внѣшнее возбужденіе далеко не простиралось на всю Россію. „Въ Тамбовѣ,— пишетъ Волкова 30 сентября,—все тихо, и если бы не вѣсти московскихъ бѣглецовъ, да не французскіе плѣнные, мы бы забыли, что живемъ во время войны". Въ то время, какъ „вся Россія въ траурѣ и слезахъ", въ Петербургѣ веселятся и салонный патріотизмъ выражается лишь въ томъ, что „въ русскій театръ ѣздятъ болѣе, чѣмъ когда-либо".

[1]) „Вѣст. Евр." 1867, кн. 2, 197.

[2]) См. статью А. К. Кабанова въ V т. „Отеч. Войны".

[3]) Такъ выражался впослѣдствіи Казимірскій въ письмахъ къ кн. Оболенскому 3 сентября 1859 г.

[4]) Тѣмъ болѣе, что призывъ подчасъ высказывался въ очень категорической формѣ, какъ показываетъ, напр., дѣло о сборѣ съ московскихъ гражданъ 1.000.000 р. на покупку воловъ. По этому поводу въ отношеніи Балашова къ Ростопчину 6 іюня весьма опредѣленно говорилось, что государю угодно „составить или добровольнымъ приношеніемъ или сборомъ посредствомъ общей раскладки сумму милліонъ рублей". Общая раскладка эта уже относится къ области принужденія, а не добровольной дачи. Любопытно, что на призывъ 18 іюля о добровольныхъ приношеніяхъ изъ числа именитыхъ гражданъ откликнулось только трое иностранцевъ. Также не удалось собрать добровольныхъ приношеній и со стороны дворянства, на которое пала половина нужной суммы, и пришлось прибѣгнуть къ раскладкѣ по числу ревизскихъ душъ. („Щук. Сбор.", V, 92). Ополченія носили тотъ же характеръ общей раскладки. И понятно, что при такихъ условіяхъ многія изъ добровольныхъ пожертвованій не поступали фактически (см., напр., въ „Щук. Сбор.", VII. О пожертвованіяхъ на ярославское ополченіе). За недоимки приходилось налагать пени (напр. 10% съ новгородскихъ дворянъ. („*Р. Ст.*", 1900, XI, 403) и т. д.

[5]) „Конечно, всякій старался соблюсти свои выгоды—замѣчаетъ Свербеевъ; „отдавались люди пожилыхъ лѣтъ, не отличнаго поведенія и съ тѣлесными недостатками, допускаемыми, какъ исключенія, для этого времени въ самыхъ правилахъ о наборѣ ополченцевъ".

[6]) Бумаги по Отеч. Войнѣ Щукина. III, 256.

чикъ, будущій декабристъ Никита Муравьевъ, скрывается изъ дому, чтобы принять участіе въ борьбѣ съ французами. Будущій же декабристъ Лунинъ проситъ послать себя парламентеромъ, чтобы, какъ говоритъ Н. Н. Муравьевъ, «всадить ему (Наполеону) въ бокъ кинжалъ» [1]) и т. д. Можно привести и другіе примѣры такого юношескаго воодушевленія. Но врядъ ли отъ этого измѣнится картина общей обыденщины, той жизненной прозы, которая очень и очень была далека отъ воспѣтаго въ лирико-эпическихъ произведеніяхъ современниковъ. Безпристрастіе скорѣе заставитъ согласиться съ той же Хомутовой, которая такъ охарактеризовала общественныя настроенія въ 1812 году: «Одни готовы были все принесть въ жертву отечества; другіе желали бы спасти его, не слишкомъ вредя собственному благосостоянію; нѣкоторые полагали, что всѣ эти жертвы безполезны». Съ такой оцѣнкой въ сущности соглашаются и тѣ современники, которые на словахъ умѣли проявлять наиболѣе крикливое «патріотическое» воодушевленіе, и между ними, конечно, на первомъ мѣстѣ стоитъ гр. Ростопчинъ, приписавшій себѣ честь обращенія русской знати на истинный путь патріотическаго безкорыстія (см. статью о Ростопчинѣ въ IV т.). За это на первыхъ порахъ его многіе изъ современниковъ готовы были возвести на высокій пьедесталъ». «Я могу сравнить васъ,— писалъ Ростопчину С. Р. Воронцовъ 7 марта 1813 г.,—только съ княземъ Пожарскимъ; но ваше призваніе было труднѣе его задачи... наше ложное образованіе, развиваемое нашимъ правительствомъ... уже давно успѣло бы затушить въ насъ всякую искру патріотизма (такъ же какъ она затушена у другихъ народовъ), если бы нашъ патріотизмъ не восторжествовалъ надъ угнетающей его силою, такъ сказать, вопреки правительству». «Ты не знаешь, что было въ Москвѣ съ конца іюля,—пишетъ Волкова своей корреспонденткѣ 11 ноября 1812 г.—Лишь человѣкъ, подобный Ростопчину, могъ разумно управлять умами, находившимися въ броженіи, и тѣмъ предупредить вредные и непоправимые поступки» [2]). Но, цитируя этихъ современниковъ, мы входимъ вновь въ сферу «пошлыхъ обвиненій», т.-е. шаблонныхъ памфлетическихъ нападковъ на галломанію общества. «Патріоты» за исключеніемъ, быть-можетъ, наивнаго Сергѣя Глинки и недалекаго старца Шишкова, какъ мы уже знаемъ, отличались въ сущности сами въ большой степени тѣмъ «нелѣпымъ пристрастіемъ»

П. С. Валуевъ (гр. Скотниковъ).

---

[1]) Муравьевъ думаетъ, что Лунинъ это дѣлаетъ „не изъ любви къ отечеству, а съ цѣлью пріобрѣсти историческую извѣстность". („Рус. Арх." 1885, X, 228). Зная прямоту Лунина, врядъ ли приходится, однако, сомнѣваться въ его искреннемъ энтузіазмѣ.

[2]) См. также отзывы Рунича и Вигеля въ примѣчаніи къ статьѣ о Ростопчинѣ, т. IV стр. 78

къ внѣшнему лоску утонченной французской культуры, за которое обвиняли другихъ. Къ нимъ почти ко всѣмъ примѣнима остроумная басня Измайлова, «Шутъ въ парикѣ» (1811 г.), въ которой мѣтко вышучивались модныя обличительно-патріотическія нападки: шутъ нападаетъ на одежду и, когда его уличаютъ въ ношеніи французскаго парика, кричитъ: «Безбожникъ, измѣнникъ, фармасонъ. Сжечь надобно его, на вѣру нападаетъ».

Націоналисты торжествовали въ 1812 г., когда вдругъ въ русскомъ обществѣ проявилось желаніе говорить и писать на родномъ языкѣ, когда «офранцузившаяся» знать въ видѣ протеста скидываетъ французскія платья и замѣняетъ робронты русскими сарафанами (Вигель), когда Гнѣдичъ приходилъ въ ужасъ, услыхавъ, какъ молили «Бога о спасеніи отечества, языкомъ враговъ Бога и отечества, сохраняя выговоръ во всемъ совершенствѣ». Ростопчинъ, вѣроятно, самъ молившійся Богу на французскомъ языкѣ и не могшій обойтись безъ французскаго повара, съ удовольствіемъ, констатировалъ въ 1813 г. въ «Русскомъ Вѣстникѣ», что Кузнецкій мостъ обрусѣлъ, и вмѣсто «Викторины Пешъ, Антуанетты, Лапотеръ и лавокъ à la Corbeille Au Temple du bon gout торгуютъ Карпъ Майковъ, Доброхотовъ, Абрамъ Григорьевъ, Иванъ Пузыревъ» [1]).

Но недолго, однако, продолжался и этотъ налетъ чисто внѣшняго патріотизма. Ушелъ врагъ, и жизнь быстро вернулась въ свое старое русло. Прежняя «галломанія» захватываетъ широкіе круги дворянства еще въ большей степени. Теперь такъ легко пріобщиться къ заманчивымъ благамъ утонченной французской культуры—къ ея внѣшему лоску. Теперь такъ легко и дешево получить французскаго «учителя» изъ числа оставшихся въ Россіи прежнихъ враговъ. Эти «выморозки» разсыпались во внутреннія губерніи. Каждый мелкопомѣстный дворянинъ можетъ теперь тягаться со знатнѣйшими домами, имѣя «своего» француза. И каждый «порядочный домъ», по словамъ Гнѣдича, дѣйствительно, считаетъ своимъ долгомъ держать отнынѣ французскаго учителя.

Послѣ 1812 г., свидѣтельствуетъ намъ Жихаревъ, францускій языкъ распространяется еще больше. Лишь только «прононская гнусливость» нѣсколько измѣнилась: стали «держаться чего-то средняго между горловымъ и гнусливымъ» [2]). Самъ Ростопчинъ долженъ уже въ маѣ 1813 г. признать въ письмѣ къ издателю «Русскаго Вѣстника», что пристрастіе къ французамъ не исчезло, «но еще усилилось отъ учтиваго какого-то состраданія къ несчастнымъ». «Русское дворянство, — пишетъ онъ Александру 24 сентября 1813 г.,—за исключеніемъ весьма немногихъ личностей, самое глупое, самое легковѣрное и наиболѣе расположенное въ пользу французовъ». Такъ какъ 1812 г. не излѣчилъ русскихъ отъ «нелѣпаго пристрастія къ этому проклятому отродью», то Ростопчинъ совѣтуетъ «серьезно приняться за уничтоженія этихъ восторженныхъ поклонниковъ» [3]). Ему попрежнему мерещится революція тамъ, гдѣ ея

[1]) Даже такой умный человѣкъ, какъ Мордвиновъ, и тотъ поддается общему шаблону; и онъ пишетъ изъ Пензы въ ноябрѣ 1812 г. Кутлубицкому: «Благословенное время добраго начала... всѣ злые духи бѣгутъ по всѣмъ дорогамъ изъ городовъ нашихъ; исчадія адскія—французское ученіе... французскія прихоти... французскія книги».

[2]) Изъ записокъ Макарова «О времени обѣдовъ, ужиновъ и съѣздовъ въ Москвѣ». Бум. Щук. т. II, 6.

[3]) Письмо 19 янв. 1814 г.

не было и не могло быть. Въ сущности вся дѣятельность Ростопчина въ возобновленной изъ пепелища Москвы проникнута сыскомъ къ обнаруженію тѣхъ, которые въ 1812 г. не проявили должнаго патріотизма, т.-е. стояли въ сторонѣ отъ той крикливой шумихи, въ которой выражался въ значительной степени общественный патріотизмъ Отечественной войны.

Первымъ распоряженіемъ московскаго генералъ-губернатора было предписаніе (13 октября) московскому оберъ-полицмейстеру Ивашкину, «удостовѣриться путемъ опроса, кто помогалъ французамъ». Начинается «ловля» тѣхъ, кто участвовалъ въ муниципалитетѣ [1]), составляются особые списки «колодниковъ», находившихся на службѣ у французовъ [2]) и, наконецъ, производятся опросы отдѣльныхъ лицъ, провинившихся, по мнѣнію Ростопчина. Ростопчинъ долгое время, какъ мы знаемъ, задерживавшій выѣздъ изъ Москвы населенія, теперь готовъ зачислить въ число измѣнниковъ всѣхъ тѣхъ, кто остался въ Москвѣ. Этихъ лицъ и призываютъ къ отвѣту и, повидимому, ото всѣхъ получалось довольно стереотипное объясненіе. Нѣкто титулярный совѣтникъ [3]) на вопросъ, почему онъ остался въ Москвѣ, отвѣчаетъ: «Его сіятельству угодно было обнадежить московскихъ жителей, чтобы они ничего не боялись и что французы отнюдь сюда впущены не будутъ». На тотъ же вопросъ, по словамъ М. И. Димитріева, не безъ остроумія и язвительности отвѣчаетъ кн. Шаликовъ: «Ваше сіятельство объявили, что будете защищать Москву... со всѣмъ московскимъ дворянствомъ... Я явился вооруженный, но никого не засталъ» [4]). Не оставляются въ покоѣ и старый Новиковъ и врагъ Ростопчина Ключаревъ. До Ростопчина доходитъ слухъ, что Новиковъ принималъ больныхъ изъ непріятельской арміи. Для «патріота» Ростопчина, столь жестоко расправившагося по пріѣздѣ въ Москву съ плѣнными больными французами [5]), была органически непонятна возможность филантропіи къ врагу. И броницкому исправнику Давыдову отдается 15 октября предписаніе узнать въ сосѣднихъ селеніяхъ: «какія сношенія имѣли съ непріятелемъ въ с. Авдотьинѣ Новиковъ и въ с. Валовомъ Ключаревъ». Такимъ путемъ Ростопчинъ обнаружилъ цѣлый рядъ «измѣнниковъ». «Съ одними онъ расправлялся самъ [6]), другихъ, по предписа-

Кн. П. И. Шаликовъ.

[1]) Бумаги Щукина, I, 58. Было обнаружено 21 русскихъ и 37 иностранцевъ.
[2]) Бумаги Щукина, II, 14. Насчитано 17.
[3]) Вѣроятно—Поспѣловъ; см. дальше.
[4]) Къ такимъ же «якобинцамъ» былъ отнесенъ и дворянинъ Вишневскій, пытавшійся, по словамъ Ростопчина, убѣдить дворянъ остаться въ Москвѣ (письмо Александру 17 марта 1813 г.).
[5]) См. разсказъ Газо въ примѣчаніи редакціи на стр. 236, т. IV.
[6]) «Вольнодумецъ» тит. совѣт. Поспѣловъ былъ посаженъ въ «желѣзѣ» («Рус. Арх» 1909 г., 42) другихъ отдавали въ солдаты.

нію Александра, сажалъ въ кибитки и отправлялъ въ Петербургъ [1]). Но не одинъ гр. Ростопчинъ разбрасываетъ обвиненія въ измѣнѣ. Всѣ тѣ, кто изъ страха бѣжали передъ непріятелемъ, готовы были представлять теперь свои поступки героическимъ самопожертвованіемъ и обвиняютъ всѣхъ тѣхъ, кто не послѣдовалъ ихъ примѣру. «Горько было отъ непріятелей,—записываетъ Н. Н. Мурзакевичъ,—но горше пришлось терпѣть оставшимся въ городѣ (Смоленскѣ) жителямъ отъ своихъ пріѣзжихъ соотечественниковъ. Въ чемъ только несчастныхъ ни укоряли: и въ измѣнѣ, и грабительствѣ, и перемѣнѣ вѣры».

Однако всѣ тѣ, кто считали себя спасителями отечества, Миниными и Пожарскими, по мѣрѣ того, какъ жизнь входила въ свое старое русло, начинали подумывать о восполненіи того, что было принесено вольно или невольно въ годину бѣдствій на алтарь отечества. Въ данномъ случаѣ чрезвычайно характерны тѣ прошенія и ходатайства, съ которыми многіе представители московскаго общества обращались къ правительству въ цѣляхъ возмѣщенія понесенныхъ убытковъ отъ московскаго пожара. Когда была открыта эта запись въ книгу «явочныхъ просьбъ», мы встрѣчаемся на ряду съ заявленіями претензій со стороны бѣднѣйшихъ слоевъ населенія прошенія и отъ богатѣйшихъ представителей московской аристократіи. Если одни это дѣлаютъ въ цѣляхъ только довести какъ бы до свѣдѣнія правительства о понесенныхъ убыткахъ, то другіе предъявляютъ весьма часто необоснованныя претензіи. Среди заявившихъ претензію на возмѣщеніе убытковъ мы видимъ представителей самыхъ знатныхъ фамилій: гр. А. Г. Головинъ—на 229.000 р.; гр. И. А. Толстой—200.000 р., и дальше кн. Засѣкина, кн. А. П. Трубецкой и т. д. [2]).

Потерянныя вещи перечисляются до смѣшныхъ мелочей; напр., въ реестрѣ кн. Засѣкиной мы встрѣчаемъ 4 кувшина для сливокъ, 2 масляницы, чашка для бульона; дочь бригадира Артамонова перечисляетъ новые чулки и шемизетки. Одна дама, по свидѣтельству Ростопчина (письмо къ Александру 2 декабря), «поставила въ счетъ 380 р. за сгорѣвшихъ канареекъ»; кн. Голицынъ предъявляетъ претензіи за убытки, понесенные въ его деревняхъ, и т. д.

Потокъ прошеній былъ такъ великъ, отысканіе похищенныхъ вещей—часто московскими жителями, подмосковными крестьянами и дворовыми,—былъ такъ затруднителенъ, что довольно скоро пришлось ликвидировать дѣятельность по возмѣщенію убытковъ, понесенныхъ въ годъ нашествія врага и годъ величайшаго патріотическаго воодушевленія. Такимъ образомъ, эгоизмъ, житейскіе расчеты всецѣло торжествуютъ надъ идеальными чувствами патріотическаго воодушевленія, торжественно провозглашаемыхъ въ напыщенныхъ одахъ и офиціальныхъ реляціяхъ [3]). Эти житейскія соображенія, въ концѣ-концовъ, развѣнчиваютъ въ московскихъ гостиныхъ и оре-

---

[1]) Письмо Булгакова 21—23 октября. Въ началѣ сыскъ, повидимому, не давалъ большихъ результатовъ. «До сихъ поръ,—пишетъ Булгаковъ,—намъ удалось арестовать только двухъ подьячихъ, которыхъ графъ тотчасъ отдалъ въ солдаты. Затѣмъ послѣдовали «иностранцы», «купцы-раскольники», «мартинисты» «якобинцы». Въ цѣляхъ болѣе успѣшнаго сыска, «для удаленія неподходящаго элемента», Ростопчинымъ принимаются соотвѣтствующія мѣры учета населенія.

[2]) Бумаги Щукина, II и III.

[3]) „При свѣтѣ лампъ и люстръ примѣтно начиналъ гаснуть огонь патріотическаго энтузіазма нашего“—замѣчаетъ Вигель

олъ минутнаго героизма, которымъ на первыхъ порахъ окружается имя Ростопчина—спасителя отечества.

Если Ростопчину еще не предписывается опредѣленно инициатива пожара, то обвиненіе это уже носится въ воздухѣ. Это дѣйствительно обвиненіе, потому что современники вовсе уже не склонны по подсчету убытковъ превозносить «патріотическую» жертву. Во всякомъ случаѣ нераспорядительность Ростопчина, его нелѣпыя мѣры защиты столицы, увѣренія въ полной безопасности оставляемаго въ Москвѣ имущества содѣйствовали увеличенію понесенныхъ убытковъ.

Въ свое время [1]) мы уже отмѣчали постепенно возрастающее на этой почвѣ недовольство Ростопчинымъ.

Постоянный корреспондентъ С. Р. Воронцова, Логиновъ, въ письмѣ отъ 12 февраля 1813 г. съ «великимъ изумленіемъ» уже отмѣчаетъ, что «такъ громко воспѣваютъ въ Англіи великія дѣянія гр. Ростопчина». «Мнѣніе общества теперь таково,—пишетъ Логиновъ,—что всѣ окончательно извѣрились въ него настолько же, насколько раньше вѣрили въ его бахвальство». Логиновъ, и прежде не одобрявшій склонность Ростопчина къ «ремеслу писаки», передаетъ теперь какъ бы общее осужденіе его литературной дѣятельности: «Онъ до сихъ поръ продолжаетъ писать прокламаціи, вызывающія смѣхъ своимъ слогомъ и подчасъ страннымъ содержаніемъ». Итакъ, Ростопчинъ возбуждаетъ «почти общій ропотъ» (слова Штейнгеля). Противъ него въ Москвѣ крѣпнетъ оппозиція, во главѣ которой стоитъ начальникъ кремлевской экспедиціи П. С. Валуевъ. Разочаровываются въ Ростопчинѣ подчасъ и наиболѣе горячіе его адепты, какъ извѣстная намъ Волкова. «Я отказываюсь,—пишетъ она 18 ноября,—отъ много сказаннаго мной о Ростопчинѣ... онъ вовсе не такъ безукоризненъ, какъ я полагала... Ему особенно повредила его полиція, которая, выйдя изъ города въ величайшемъ безпорядкѣ, грабила во всѣхъ деревняхъ, лежащихъ между Москвой и Владиміромъ». «Я рѣшительно отказываюсь отъ моихъ похвалъ Ростопчину»,—добавляетъ Волкова черезъ мѣсяцъ. Причиной этого рѣшительнаго отказа послужила исторія съ магазиномъ Оберъ-Шальме. Получивъ приказаніе отъ Александра продать съ аукціона магазинъ Шальме, гдѣ было товара на 600.000 р., и раздать деньги бѣднымъ, Ростопчинъ, по словамъ Волковой, раздѣлилъ деньги между полиціей [2]). По словамъ Булгакова, дѣло обстояло слѣдующимъ образомъ: «Такъ какъ мы (полиція) лишились всего, то онъ (Ростопчинъ) объявилъ намъ, что мы въ правѣ взять изъ магазина Шальме все, что только намъ заблагоразсудится. Для самого себя графъ возьметъ (Булгаковъ писалъ за нѣсколько дней до «разграбленія») столовый сервизъ, такъ какъ его собственный сервизъ похищенъ» [3]).

Все это вмѣстѣ взятое, съ возмущеніемъ по дѣлу Верещагина, съ возмущеніемъ по поводу всегдашняго произвола московскаго генералъ-губернатора не могло не вызывать, дѣйствительно, всеобщаго осужденія

---

[1]) Статьи „Ростопчинъ" и „Кто сжегъ Москву" въ IV т.

[2]) Волкова знала это отъ своего двоюроднаго брата, служившаго въ московской полиціи и отказавшагося отъ своей доли, равно какъ московскій комендантъ Спиридовъ и Б. А. Голицынъ.

[3]) Любопытно, что другихъ грабителей Ростопчинъ наказывалъ весьма строго: напр., дворовый помѣщика Власова былъ прогнанъ 3 раза шпицрутенами черезъ 1000 человѣкъ

Ростопчина. Тотъ, кто приписывалъ почти исключительно себѣ лавры побѣдителя, не встрѣчалъ и поддержки со стороны Александра, который, почти по общему признанію, очень не любилъ властнаго «московскаго барина». Ростопчинъ чувствовалъ, что дни его господства сочтены. Онъ силенъ былъ лишь тогда, когда могъ устрашать правительство возможностью революціи. Но теперь въ «бахвальство» уже не вѣрили. «Я болѣе ничего не хочу принимать на свою отвѣтственность. Кромѣ того, трудно пріучиться къ тому,—пишетъ онъ почти единственному вѣрному своему поклоннику Воронцову 1 ноября 1812 г.,—что съ тобой обходятся хорошо, когда въ тебѣ нуждаются и тебя выдаютъ, какъ дикаго звѣря, когда опасность миновала».

Онъ о томъ же жалуется Глинкѣ: «Меня обдаютъ здѣсь пересудами; гоняютъ сквозь строй языками; меня тормошатъ за то, что я клялся жизнью, что Москва не будетъ сдана». Но Ростопчинъ и здѣсь не можетъ стушеваться безъ позы. Онъ грозитъ, что уѣдетъ во Францію, въ Парижъ и оставитъ «почетное мѣсто», которое занимаетъ, потому что «усталъ отъ равнодушія правительства къ городу, который былъ убѣжищемъ для его государей et le grand ressor ихъ могущества надъ подданными» (письмо Воронцову 26 янв. 1813 г.).

Штейнгель бар. В. „Записки касательно составленія и самаго похода С.-Петерб. ополченія въ 1812 г.“ (С.-П. 1814—1815).

II. Ликвидація войны.

Мы уже ранѣе видѣли, что Ростопчинъ, попадая въ оппозицію, становится неудержимъ въ критикѣ и, разнося всѣхъ, восхваляя только себя, иногда мѣтко отмѣчаетъ больныя мѣста современности [1]). Такъ было съ Ростопчинымъ и при оставленіи «почетнаго» поста московскаго генералъ-губернатора. Отмѣчая «тупую гордость во всѣхъ сословіяхъ и въ каждомъ сознаніе, что безъ него государство погибло», Ростопчинъ свидѣтельствуетъ горькую правду въ письмѣ къ Воронцову 26 января 1813 г.—ничего не дѣлаютъ для народа, который болѣе всѣхъ пострадалъ въ годи-

[1]) Напр., въ своей критикѣ русской арміи послѣ оставленія Москвы. См. IV т.

ну бѣдствій. «Все только слова безъ дѣйствій,—пишетъ онъ.—Что народу памятникъ изъ пушекъ и храмъ Христа Спасителя. До сего времени нѣтъ ни копейки для бѣдныхъ и, если бы не остатки чрезвычайныхъ суммъ и мои собственныя деньги (!?), вѣрныхъ пять тысячъ человѣкъ умерло бы отъ голода и нищеты». Конечно, Ростопчинъ пишетъ это для того, чтобы еще разъ подчеркнуть свои заслуги, свою мудрость и оправдать свою вынужденную отставку[1]). И тѣмъ не менѣе въ его словахъ кроется глубокая истина—въ сознаніи гордости и самодовольства тонутъ прежнія опасенія, которыя заставляли въ 1812 году дворянство изъ чувства самосохраненія заговорить другимъ языкомъ со своими крѣпостными, ибо въ ту пору «рѣшительный языкъ власти и барства болѣе не годился и былъ опасенъ», свидѣтельствуетъ одинъ наблюдательный современникъ. Хотя «Русскій Вѣстникъ» и увѣрялъ своихъ чататетелей, что «наглые французскіе разсыльщики» не въ состояніи будутъ «завести бунтъ въ Россіи», такъ какъ «одно дуновеніе правительства вырветъ съ корнемъ всѣ ихъ злоумышленія», тѣмъ не менѣе дворяне видѣли во французахъ враговъ своихъ правъ и освободителей ихъ рабовъ, мало полагаясь на отличительныя свойства «души русскаго народа», руководствующейся «вѣрою и нравственностью», не способной къ бунтовщическимъ дѣяніямъ. Опасенія были такъ сильны, что Ростопчину приходилось убѣждать крестьянъ: «Не слушайте пустыхъ словъ. Почитайте начальниковъ и помѣщиковъ, они ваши защитники, помощники, готовы васъ одѣть, обуть, кормить и поить». «Вы будете припѣваючи жить постарому», — врядъ ли, конечно, подобное убѣжденіе могло возымѣть должную силу. Жить «постарому», это значитъ вернуться подъ крѣпостное ярмо. Крестьянскія волненія 1812 г. еще разъ показали тяжесть этого ярма. И о немъ приходилось подумать: народная война ставила какъ бы ребромъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Вы постоянно встрѣтите на это указаніе у современниковъ. 1812 годъ связанъ съ опредѣленными ожиданіями, съ темными и неясными слухами, широко распространяющимися въ народной массѣ.

Александръ I, импер. русскій, осободитель націй. (Англійск.).

Полковникъ Бискупскій разсказываетъ, что уже при отступленіи отъ Смоленска до Бородина говорили, что «офицерамъ и нижнимъ чинамъ будутъ даны въ награду земли при благополучномъ окончаніи войны».

[1]) Она послѣдовала въ іюлѣ 1814 г. по возвращеніи Александра въ Россію. Неоцѣненный въ то время Ростопчинъ утѣшался тѣмъ, что въ „нѣмецкой землѣ" ему „дѣлаютъ почести и признаютъ главнымъ орудіемъ гибели Наполеона". „По крайней мѣрѣ, когда своимъ не угодилъ, то чужіе спасибо скажутъ".

Среди крестьянъ распространялось отчасти убѣжденіе, что попавшій въ ополченіе получитъ волю. Не даромъ Ростопчинъ писалъ Александру 26 октября еще 1812 г.: «Умоляю ваше величество распустить ополченіе послѣдняго набора». Мы знаемъ, какъ боялись на первыхъ порахъ народной войны, которой потомъ воскуривали ѳиміамъ. Боялись и послѣ вооруженнаго крестьянина, вѣроятно, потому, что «пребываніе французскихъ войскъ поселило во многихъ мѣстахъ буйство и непослушаніе», какъ писалъ Ростопчинъ Вязьмитинову 27 октября 1812 г. Другими словами, народная война пріучила къ самостоятельности,—этого и боялись. Прежде всего стараются обезоружить населеніе. Нѣкоторые историки распоряженія о пріобрѣтеніи и отобраніи оружія у народонаселенія въ ноябрѣ 1812 года хотятъ объяснить недостаткомъ вооруженія у войска, какъ объясняло это и правительственное «объявленіе для чтенія въ церквахъ». Оно гласило: «Православный народъ! городскіе и сельскіе жители, мѣщанство и крестьяне!—Врагъ нашъ прогнанъ... Вы показали примѣръ вѣрности и храбрости, свойственной русскому народу. Вы отнимали оружіе изъ рукъ непріятеля, ополчались противъ него и, помогая войскамъ нашимъ, повсюду истребляли и поражали шатающихся грабителей и злодѣевъ. Вы достохвально исполняли долгъ свой... Нынѣ время брани миновало... Вы не имѣете больше нужды въ оружіи, но имѣетъ еще надобность въ ономъ побѣдоносное наше воинство... Итакъ, совершивъ дѣло свое и, оставаясь попрежнему мирными поселянами, отдайте не нужное вамъ оружіе». А дальше говорится о царской милости, о выдачѣ въ награжденіе за пушку пятьдесятъ рублей, за солдатское ружье и пару пистолетовъ по пяти рублей. Оружіе предлагается «снести въ храмъ Божій». Неужели не ясна вся искусственность этой офиціальной версіи? Сопоставляя съ тѣми опасеніями, которыя въ правительственныхъ кругахъ вызывала народная война, можно только прійти къ убѣжденію, что здѣсь фигурировала скорѣе боязнь, а вовсе не нужда въ вооруженіи.

Но такъ или иначе приходилось ликвидировать наслѣдіе двѣнадцатаго года и отвѣтить на ожиданія, какъ въ низахъ, такъ и въ прогрессивныхъ кругахъ тогдашняго общества. Заграничные походы отвлекали, однако, вниманіе отъ внутренней политики и отлагали подъ благовиднымъ предлогомъ ликвидацію какъ бы принятыхъ обязательствъ. Проходя подъ флагомъ освобожденія народовъ отъ деспотизма узурпатора, отъ «рабства»—заграничные походы съ энтузіазмомъ встрѣчаются молодежью. Выслушивая слова приказа 25 декабря 1812 г.: «Вы идете доставлять себѣ спокойствіе и имъ (землямъ сосѣдей) свободу и независимость»; видя энтузіазмъ, который вызываетъ «магическое слово вольность» въ Германіи, армія преисполнилась гордостью и сознаніемъ величія исполненія принятой миссіи. Вѣроятно, многіе искренно вѣрили въ то, что для Александра, какъ выразился Вигель, было «забавой ума его». «Свободу проповѣдывали намъ и манифесты, и воззванія и приказы! Насъ манили, и мы, добрые сердцемъ, повѣрили, не щадили ни крови своей, ни имущества». «Впослѣдствіи, вспоминалъ Каховскій въ письмѣ изъ крѣпости, успѣхъ союзниковъ, въ концѣ-концовъ, примирилъ съ заграничными походами и реакціонные круги, которые далеко не сочувственно отнеслись къ нимъ на первыхъ порахъ». Боязнь новыхъ пожертвованій, а главное, неудачъ,—

вотъ что страшило представителей правящаго класса. То, что Наполеонъ послѣ разгрома въ Россіи, «выказалъ себя мастеромъ военнаго дѣла»[1]), то, что онъ и послѣ неудачъ сохранялъ «грозный видъ» заставляло многихъ безпокоиться за исходъ кампаніи, по меньшей мѣрѣ, «сомнительной». Бывшій съ арміей Шишковъ не выдержалъ и во Франкфуртѣ на-Майнѣ 6 ноября 1813 г. представилъ даже Александру цѣлое «разсужденіе о нынѣшнемъ положеніи нашемъ»: «Почему же во Франціи не можетъ случиться то же, что случилось въ Россіи» и «есть ли (чего, Боже, сохрани) союзныя войска потерпятъ во Франціи такое же или подобное пораженіе, какое французы потерпѣли въ Россіи, тогда Европа упадетъ снова подъ иго ихъ, опаснѣйшее и крѣпчайшее прежде». Другихъ безпокоило внутреннее состояніе Россіи, то броженіе, которое замѣчалось повсюду. Надо «подумать,—писалъ Ростопчинъ Александру, — о мѣрахъ борьбы внутри государства съ врагами вашими и отечества». И только успѣхъ союзниковъ успокоилъ сомнѣнія [2])...

«Наполеонъ низринутъ!» свергнутъ тотъ, кто въ глазахъ правящаго класса являлся порожденіемъ столь ненавистнаго революціоннаго духа. И понятно, что при такихъ условіяхъ торжествующій Александръ встрѣчается по возвращеніи изъ Парижа съ восторгомъ: для однихъ онъ усмиритель революціонной гидры, для другихъ освободитель Европы отъ порабощенія деспотизма. И тѣ и другіе съ восторгомъ слѣдятъ за «побѣдоноснымъ христіански-рыцарскимъ» шествіемъ Александра отъ Нѣмана до Парижа. Можно вполнѣ повѣрить молодому Свербееву, что «радостная вѣсть о вступленіи въ Парижъ союзныхъ войскъ» произвела «всеобщій восторгъ, небывалый, нелицемѣрный». «Даже незнакомые, встрѣчаясь на улицахъ, привѣтствовали другъ друга лобызаніемъ, какъ бы въ Свѣтлое Воскресеніе». Въ Москвѣ идутъ торжества безъ «конца». Это тогда князь П. А. Вяземскій сочиняетъ свое четверостишіе:

Августинъ Виноградскій, арх. московскій.
(Грав. Аѳонасьевъ въ 1822 г.)
(Изъ собр. П. Бекетова).

«Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель,
Какой вѣнецъ ему? Какой ему алтарь?
Вселенная, пади предъ нимъ; онъ твой Спаситель!
Россія, имъ гордись; онъ сынъ твой, онъ твой царь!»

Это было время, когда «имя русскаго народа—по словамъ С. Т. Аксакова — стояло на высшей степени славы». «Время незабвенное! — вспо-

---

[1]) Такъ выражался Жозефъ де-Местръ въ своемъ донесеніи 2 іюня 1813 г.

[2]) Правда, какъ только въ Москву приходитъ извѣстіе о ста дняхъ, здѣсь сейчасъ же пріостанавливаются съ новыми постройками,—таковъ былъ страхъ передъ „счастливой звѣздой" Наполеона.

миналъ Пушкинъ въ «Метели». «Время славы и восторга! какъ сильно билось русское сердце при славѣ отечества!.. Съ какимъ единодушіемъ мы соединяли чувства народной гордости и любви къ государю! А для него какая была минута». «Имя императора Александра гремѣло во всемъ просвѣщенномъ мірѣ, народы и государи, — записываетъ впослѣдствіи свои юныя воспоминанія кн. С. П. Трубецкой, — пораженные его великодушіемъ предавали судьбу свою его волѣ, Россія гордилась имъ и *ожидала отъ него* новой для себя судьбы». Она ожидала этой *новой* судьбы именно потому, что низверженіе Наполеона, по замѣчанію Греча, произошло при восклицаніяхъ: «Да здравствуетъ независимость, свобода, благоденствіе народовъ, владычество законовъ». «Насталъ вожделѣнный міръ», писалъ декабристъ Штейнгель Николаю изъ тюрьмы, разсказывая о своемъ настроеніи въ эту радостную, казалось, эпоху. «Монархъ отъ всѣхъ благословенный возвратился ко всеобщей радости. Все, казалось, обѣщало эпоху, отъ которой начнется періодъ внутренняго благоустройства». Все это «*казалось*» потому, что «правительство не шло въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ; напротивъ, оно показывало, что его симпатіи на сторонѣ здравомыслящей и просвѣщенной части населенія». Эта фраза принадлежитъ Н. И. Тургеневу. Обманчивый миражъ скоро разсѣялся передъ современниками.

«Умиротворитель вселенной», увѣнчанный Синодомъ, Сенатомъ и Государственнымъ Совѣтомъ отъ имени народа титуломъ «Благословеннаго», прославляемый въ либеральномъ парижскомъ салонѣ г-жи Сталь и въ салонахъ мистиковъ, съ восторгомъ встрѣченный при своемъ возвращеніи въ Россію—Александръ I долженъ былъ какъ-нибудь отвѣтить на тѣ ожиданія, которыя возлагались на него въ русскомъ обществѣ. Хотя Александръ и покинулъ, по словамъ Шильдера, Францію «съ глубокимъ убѣжденіемъ, что на развалинахъ революціи нельзя основать прочнаго порядка», тѣмъ не менѣе въ атмосферѣ дипломатическихъ интригъ, баловъ и шумныхъ празднествъ, таинственныхъ соприкосновеній съ піэтистами, мистиками-спиритуалистами и ясновидцами, Александръ чувствовалъ себя очень хорошо. Не даромъ онъ съ такимъ явнымъ восторгомъ разсказывалъ Голицыну: «Наше вхожденіе въ Парижъ было великолѣпно... Все спѣшило обнимать мои колѣна, все стремилось прикасаться ко мнѣ; народъ бросался цѣловать мои руки, ноги; хватались даже за стремена, оглашали воздухъ радостными криками». «Кроткій ангелъ, лучъ сердецъ», какъ именовалъ Державинъ Александра въ кантатѣ по случаю возвращенія его изъ Парижа, не могъ не чувствовать нѣкотораго затрудненія, когда приходилось слова и обѣщанія переводить на конкретный языкъ фактовъ. Отнынѣ образъ «Александра-Освободителя», пророчествовалъ Штиллингъ долженъ «стоять передъ глазами каждаго христіанина». Но «народъ, давшій возможность къ славѣ» [1]), вѣроятно, очень мало интересовался «апоѳеозомъ русской славы между иноплеменниками» (слова Александра), насколько эта слава выражалась въ торжественномъ молебнѣ 29 марта 1814 года въ Парижѣ—интересовали болѣе жизненные, болѣе близкіе и больные вопросы повседневнаго существованія. Еще указъ правитель-

---

[1]) Каховскій въ письмѣ къ Николаю.

ствующему Сенату 30 марта 1813 г. о роспускѣ смоленскаго и московскаго ополченія, изъявляя монаршее «благоволеніе и признательность», гласилъ: «Да обратится каждый изъ храбраго воина паки въ трудолюбиваго земледѣльца, и да наслаждается посредѣ родины и семейства своего пріобрѣтенными имъ честью, спокойствіемъ и славою». Быть-можетъ, еще съ большой опредѣленностью подчеркивалъ ту же мысль приказъ войскамъ по поводу заключенія мира съ Франціей: «Совершена война для свободы народовъ и царства подъятая... Вы снискали право на благодарность отечества, именемъ отечества ее объявляю». Всѣ надежды сосредоточиваются на одномъ, какъ показываетъ характерное письмо Ростопчина Александру 21 февраля 1814 г. о распространенности слуховъ по поводу освобожденія крестьянъ: «Нѣкій Каразинъ, по словамъ филантропъ, а въ душѣ еврей, говоритъ, что въ Петербургѣ засѣдаетъ, подъ предсѣдательствомъ Кочубея, по этому поводу комитетъ». Быть-можетъ, чувствуя трудность удовлетворить всеобщимъ ожиданіямъ при крѣпостническихъ тенденціяхъ большинства правящаго класса и вспоминая свои громкія обѣщанія въ либеральныхъ парижскихъ салонахъ, Александръ и уклоняется на первыхъ порахъ отъ какихъ-либо торжественныхъ встрѣчъ, ограничиваясь нѣсколько туманными обѣщаніями по устроеніи внѣшнихъ дѣлъ, приняться за «внутреннія».

А. Л. Витбергъ.

30 августа 1814 года появился манифестъ, провозглашавшій благодарность всѣмъ сословіямъ русскаго народа за участіе въ истекшую войну, объявлявшій «о разныхъ льготахъ и милостяхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовали милостивые рескрипты и въ томъ числѣ Аракчееву за «многополезныя содѣйствія»... «во всѣхъ подвигахъ и дѣлахъ, въ нынѣшнюю знаменитую войну происходившихъ». Устанавливая ежегодныя торжественныя празднованія избавленія Россіи отъ «лютаго» врага «въ прославленіе въ родѣ родовъ сего совершившагося надъ Нами промысла и милости Божіей», и медали въ память прошедшихъ событій, объявляя прощеніе всѣмъ тѣмъ, которые «пристали къ неправой, Богу и людямъ ненавистной сторонѣ злонамѣренныхъ враговъ», отмѣняя на ближайшее время рекрутскіе наборы, прощая недоимки, манифестъ въ сущности очень мало давалъ конкретнаго, такъ какъ основнымъ его положеніемъ являлся пунктъ: «вѣрный нашъ народъ да получитъ мзду свою отъ Бога». Зато достаточно опредѣленно говорилось о самомъ существенномъ—о ликвидаціи крѣпостного права. Это былъ отвѣтъ въ духѣ ростопчинскихъ объявленій московскимъ крестьянамъ послѣ войны. «Мы увѣрены,—гласилъ манифестъ,—что забота Наша о ихъ благосостояніи предупредится попеченіемъ о нихъ господъ ихъ. Существующая издавна между ими русскимъ нравамъ и добродѣтелямъ свойственная, прежде и нынѣ многими опытами

взаимнаго ихъ другъ къ другу усердія и общей любви къ отечеству ознаменованная, (?) не оставляетъ въ насъ ни малаго сомнѣнія, что, съ одной стороны, помѣщики отечески о нихъ, яко о чадахъ своихъ, заботою, а съ другой—они, яко усердные домочадцы, исполненіемъ сыновнихъ обязанностей и долга приведутъ себя въ то счастливое состояніе, въ какомъ процвѣтаютъ добронравныя и благополучныя семейства». Эта фальшь патріархальной теоріи крѣпостного права еще болѣе рѣзко была подчеркнута въ проектѣ манифеста, составленнаго Шишковымъ. Въ немъ говорилось о связи, «на обоюдной пользѣ» основанной. По словамъ Шишкова, именно эта фраза вызвала рѣзкое возраженіе со стороны Александра: «Я не могу подписывать того, что противно моей совѣсти и съ чѣмъ я нимало не согласенъ», сказалъ Шишкову Александръ и вычеркнулъ слова «на обоюдной пользѣ основанныя». Но, конечно, суть дѣла мало измѣнилась отъ этого смягченія. Зато Александръ въ отдѣлѣ о воинствѣ прибавилъ слова, которыя какъ бы давали обѣщанія реализировать болѣе осязательно благодарность воинству: «также надѣемся,—гласилъ манифестъ,—что продолженіе мира и тишины подастъ намъ способъ не токмо содержаніе воиновъ привести въ лучшее и обильнѣйшее прежняго, но даже дать имъ осѣдлость и присоединить къ нимъ ихъ семейства». Это было обѣщаніе будущихъ военныхъ поселеній.

Такимъ образомъ вся благодарность непосредственно за 1812 годомъ свелась къ пышнымъ словамъ, къ установленію медалей и крестовъ и къ раздачѣ нѣсколькихъ милліоновъ городамъ, пострадавшимъ во время непріятельскаго нашествія. И то по этому поводу В. И. Штейнгель впослѣдствіи въ письмѣ къ Николаю имѣлъ полное право сказать: «Но симъ пособіемъ воспользовались не столько совершенно разорившіеся, сколько имущіе, ибо оно раздавалось въ видѣ ссуды подъ залогъ недвижимости».

Такимъ образомъ вопросъ о нравственныхъ обязательствахъ, принятыхъ въ 1812 году, оставался открытымъ. Мы имѣемъ право употребить этотъ терминъ. Недаромъ современники отмѣчаютъ намъ ростъ народнаго самосознанія въ эпоху наполеоновскаго нашествія: «Молотъ войны,—говоритъ въ своихъ письмахъ Ѳ. Н. Глинка,—пробуждаетъ духъ народовъ, а также ускоряетъ зрѣлость». Народная война, по словамъ Розена, вызвала «такую увѣренность въ народной силѣ и въ патріотической восторженности, о какихъ до того времени никакого понятія, никакого предчувствія не имѣли».

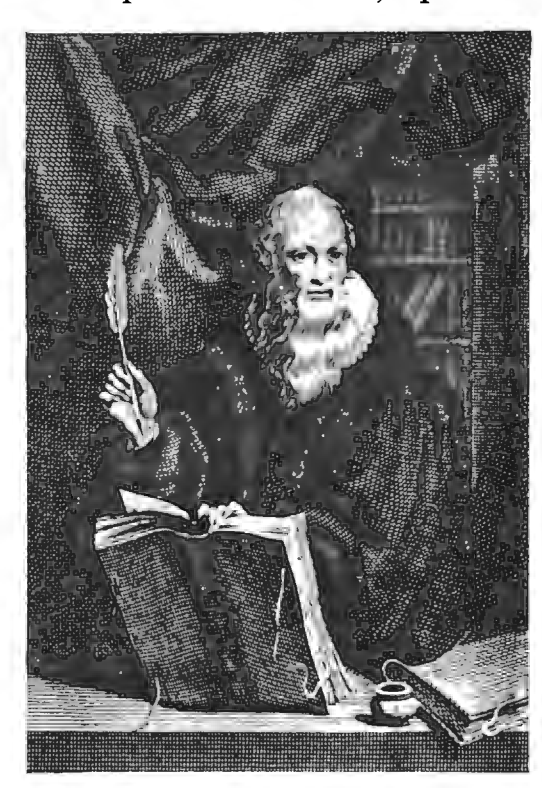
Мнѣніе этихъ современниковъ разойдется съ убѣжденіями масона-крѣпостника Поздѣева, который въ своихъ «Мысляхъ противодарованія простому народу такъ называемой гражданской свободы» и въ частныхъ письмахъ будетъ доказывать, что «Россія все еще татарщина». Но во всякомъ случаѣ тотъ, кто хотѣлъ и могъ хоть на минуту забыть своекорыстные расчеты, долженъ былъ присоединиться къ словамъ Кутузова, которыя передаетъ Ѳ. Н. Глинка: «Люди, освободившіе отечество, заслуживаютъ «уваженія».

Но новыя піэтическія настроенія, возобладавшія въ правительственныхъ кругахъ послѣ Отечественной войны, упрощенно разрѣшили всѣ эти сложные вопросы моральнаго обязательства. Божественное Провидѣніе,

перстъ Божій руководитъ событіями. Человѣческое хотѣніе должно умолкнуть передъ волею Всевышняго. Эта воля ниспосылаетъ испытанія народамъ, эта воля и вознаграждаетъ заслуженныхъ.

И съ этой точки зрѣнія всѣ событія 1812 и послѣдующихъ годовъ получали иную, болѣе возвышенную окраску.

Уже въ манифестѣ 25 декабря 1812 года Шишковъ писалъ: «Да познаемъ въ великомъ дѣлѣ семъ промыселъ Божій, и видя ясно руку Его, поправшую гордыхъ и злочестивыхъ, вмѣсто тщеславія и киченія о побѣдахъ нашихъ, научимся изъ сего великаго и страшнаго примѣра, быть кроткими и смиренными законовъ и воли Его исполнителями, непохожими на сихъ отпавшихъ отъ вѣры осквернителей храмовъ Божіихъ, враговъ нашихъ, которыхъ тѣла въ несмѣтномъ количествѣ валяются пищею псамъ и вранамъ». Сочинивъ этотъ манифестъ, Шишковъ отправился съ Александромъ въ заграничныя странствованія. Здѣсь «въ промежуткахъ короткихъ переѣздовъ, имѣя довольно свободнаго времени», онъ углубляетъ мысли, высказанныя въ манифестѣ 25 декабря. «Занимался я чтеніемъ Священныхъ книгъ,—разсказываетъ онъ въ своихъ краткихъ запискахъ,—и находя въ нихъ разныя описанія и выраженія весьма сходныя съ нынѣшнею нашею войною, сталъ я, не перемѣняя и не прибавляя къ нимъ ни слова, только выписывать и сближать ихъ одно съ другимъ. Изъ сего вышло полное и какъ бы точное о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ сдѣланное повѣствованіе. Для любопытнаго читателя я здѣсь оное прилагаю». Отсылаемъ интересующихся «пророчествомъ» Шишкова къ подлиннику, гдѣ при помощи своеобразныхъ этимологическихъ экскурсовъ «Соръ» превращался въ «Россъ», то-есть Россіянинъ [1]). Выводъ изъ всѣхъ этихъ размышленій былъ одинъ: Россія и въ частности Александръ являлись «избраннымъ орудіемъ» Божества, призваннымъ покарать «проклятую Францію».



I. Арндтъ (грав. Скотниковъ).

Для реакціонныхъ круговъ это означало борьбу съ ненавистными просвѣтительными идеями Запада, со всѣми «адскими изрыгнутыми въ книгахъ... лжемудрованіями». Это означало возстановленіе попранной революціонной диктатурой идеи законной наслѣдственной монархіи Божьей милостью, возстановленіе авторитета религіи, подточеннаго критикой разума, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрожденіе соціальныхъ перегородокъ стараго порядка.

---

[1]) Эти экскурсы были въ модѣ въ эпоху наполеоновскаго нашествія, при содѣйствіи ихъ Наполеонъ превращался въ апокалипсическаго ангела бѣдъ—Аполліона и т. д. (Напр., у свящ. Левитскаго).

И все это вмѣстѣ отвѣчало крѣпостническому настроенію большинства той среды, которая, по характеристикѣ правительственнаго акта 30 августа 1814 г., представляла собой «умъ и душу народа».

Реакціонная политика борьбы съ либеральными общественными стремленіями прикрывается флагомъ христіанской любви подъ эгидой Священнаго союза. Начала «святой вѣры» являются самымъ лучшимъ средствомъ для борьбы съ свободнымъ и опаснымъ просвѣщеніемъ, «коего неизбѣжныя слѣдствія, по мнѣнію Ростопчина,—гибель закона и царей», съ требованіями разума и соціальной правды.

Но прежде, чѣмъ піэтическая реакція вылилась въ конкретныхъ формахъ, на новыхъ настроеніяхъ смиренномудрія и преклоненія передъ высшей волей Провидѣнія, окрѣпло представленіе о пережитой эпохѣ, какъ испытанія, ниспосланнаго народамъ. «Не намъ, не намъ, а имени Твоему» — было выбито на медали въ память «незабвеннаго» 1812 года.

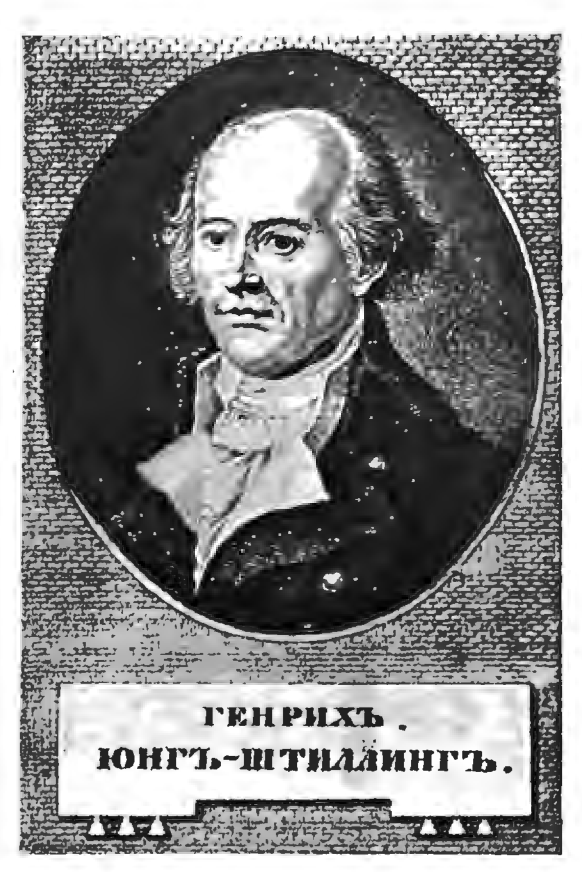
«Гнѣвъ Божій,— говоритъ современникъ,— за преумноженіе нашихъ грѣховъ навелъ на насъ сію горькую годину искушенія, дабы мы восчувствовали руку Божію, могущую сокрушить насъ подобно тростнику, но всегда готовую и сохранить призывающихъ имя Его святое». Но если война явилась какъ бы испытаніемъ, ниспосланнымъ свыше, то кто же, кромѣ Бога, можетъ воздать должное въ семъ тлѣнномъ мірѣ, послѣ «толикихъ чудесныхъ событій».

И новый манифестъ 1 января 1816 г.,—тотъ самый, который давно уже былъ заготовленъ Шишковымъ, обозрѣвая происшедшія событія, давалъ уже очень опредѣленное указаніе, что народъ, избранный Самимъ Богомъ для выполненія высокой миссіи несенія правды въ мірѣ, не долженъ ждать никакихъ благодарностей.

«Мы,—гласитъ манифестъ 1 января 1816 г.,—послѣ толикихъ происшествій и подвиговъ, обращая взоръ свой на всѣ состоянія вѣрноподданнаго намъ народа, недоумѣваемъ въ изъявленіи ему нашей благодарности. Мы видимъ твердость его въ вѣрѣ, видимъ вѣрность къ престолу, усердіе къ отечеству, неутомимость въ трудахъ, терпѣніе въ бѣдахъ, мужество въ браняхъ. Наконецъ видимъ совершившуюся на немъ Божескую благодать; видимъ и съ нами видитъ вся вселенная. Кто, кромѣ Бога, кто изъ владыкъ земныхъ, и что̀ можетъ ему воздать? Награда ему — дѣла его, которымъ свидѣтели небо и земля. Намъ же, преисполненнымъ любовью и радостью о толикомъ народѣ, остается токмо во всегдашнихъ къ Богу моленіяхъ нашихъ призывать на него вся благая». Да и что нужно, наконецъ, избранному Богомъ народу? Правда, «мы претерпѣли болѣзнённыя раны; грады и села наши, подобно другимъ странамъ, пострадали», но зато вѣдь «Богъ избралъ насъ совершить великое дѣло; Онъ праведный гнѣвъ свой на насъ превратилъ въ неизреченную милость. Мы спасли отечество, освободили Европу, низвергли чудовище, истребили ядъ его, водворили на землѣ миръ и тишину... возвратили нравственному и естественному свѣту прежнее его блаженство и бытіе, но самая великость дѣлъ сихъ показываетъ, что не мы то̀ сдѣлали. Богъ для совершенія сего нашими руками далъ слабости нашей Свою силу, простотѣ нашей—Свою мудрость, слѣпотѣ нашей—Свое всевидящее око».

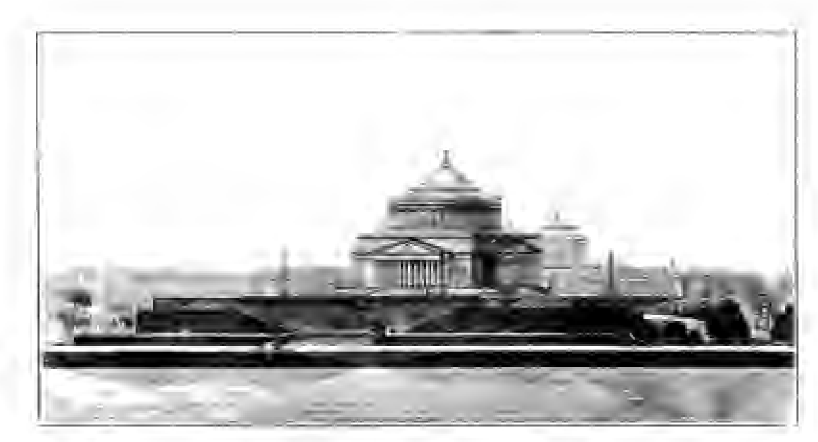
Итакъ, Россія вознесена на верхъ славы. «Что изберемъ,—спрашивалъ манифестъ:—гордость или смиреніе? Гордость наша будетъ несправедлива, не благодарна передъ Тѣмъ, Кто изліялъ на насъ толикія щедроты... Смиреніе наше исправитъ наши нравы, загладитъ вину нашу передъ Богомъ, принесетъ намъ честь, славу».

Только что процитированный историческій документъ даетъ довольно яркую характеристику той правительственной философіи, которая, расширяясь и углубляясь подъ вліяніемъ текущихъ событій, привела Россію въ тупикъ самой мрачной реакціи. Нужна ли реформа въ томъ государствѣ, благоденствіе котораго какъ бы отмѣчено печатью Божественнаго Провидѣнія. Народъ, совершившій «великое дѣло», не можетъ быть недоволенъ своимъ соціальнымъ и политическимъ укладомъ, ибо этотъ укладъ является продуктомъ высшей политической мудрости. Народъ, констатируетъ Карамзинъ, «привязанъ душою къ образу своего существованія и находитъ въ немъ свое счастье». Развѣ не доказали это «намъ и цѣлой Европѣ» послѣднія событія? Отсюда проповѣдь смиренія или, другими словами, общественнаго квіэтизма. И такая психологія дѣйствительно упрощенно разрѣшала важнѣйшіе государственные вопросы, остро поставленные въ періодъ Отечественной войны. Къ тому же подобная психологія вполнѣ гармонировала съ настроеніями императора Александра и придавала особо возвышенный характеръ осуществленію его давнишнихъ мечтаній и стремленій.



(Липса).

Отнынѣ его «великіе подвиги» не связаны съ «тщетной славой» и ознаменовываются «покровительствомъ Всевышняго Промысла». И храмъ Христа Спасителя, заложенный въ 1817 г. въ Москвѣ въ память Отечественной войны, какъ бы долженъ свидѣтельствовать объ этой особой милости Всевышняго. Отнынѣ же ликвидировались и всѣ ожиданія и реформы молодыхъ прогрессивныхъ слоевъ русскаго общества. Не даромъ Лагарпъ по поводу манифеста 1816 г. сказалъ, что существуетъ «заговоръ противъ славы, пріобрѣтенной въ 1814 г.» И когда архіепископъ московскій Августинъ привѣтствовалъ Александра въ Москвѣ въ 1816 г. рѣчью: «Тебѣ побѣдителю нечестія и неправды вопіемъ: осанна въ Вышнихъ!»—онъ привѣтствовалъ новую ярко реакціонную полосу александровскаго царствованія безъ либеральныхъ колебаній, ту полосу, которая далеко несправедливо получила наименованіе въ исторіи «аракчеевщины».



Проектированный, но недостроенный храмъ Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ въ Москвѣ. (Витберга).

III. Мистицизмъ.

Эта мистика и реакція стояли въ неразрывной связи съ «благотворными идеями» Священнаго союза, которымъ харьковскій проф. Надлеръ написалъ апоѳеозъ въ пяти томахъ. Для того, чтобы международныя отношенія пріобрѣли дѣйствительную силу непоколебимости, надо и во внутреннемъ управленіи придерживаться тѣхъ же началъ. Чтобы упрочить учрежденія, созданныя людьми, ихъ надо исправить, обосновавъ на началахъ, завѣщанныхъ Спасителемъ. Надо перевоспитать людей, чтобы они восприняли благодатныя дѣйствія Св. писанія; чтобы они твердо усвоили себѣ вѣчныя религіозныя истины. Въ связи съ этой задачей стояла, конечно, прежде всего реформа образованія, за которую вскорѣ и взялись мистики и реакціонеры. Просвѣщеніе надо было основать на религіозныхъ началахъ.

Первымъ слѣдствіемъ, извлеченнымъ изъ практической программы Священнаго союза, было развитіе библейскихъ обществъ, при помощи которыхъ можно было бороться съ «мнимо просвѣщеннымъ врагомъ», какъ опредѣлилъ князь А. Н. Голицынъ въ 1816 г. задачи библейскихъ обществъ. Первое библейское общество возникаетъ еще въ 1812 г. въ Петербургѣ по инціативѣ члена британскаго общества распространенія Библіи Патерсона. Его задачей является распространеніе Библіи въ обществѣ и народѣ.

Дѣятельность библейскихъ обществъ въ связи съ развитіемъ дѣятельности всевозможныхъ христіанскихъ миссіонерскихъ обществъ, въ это время широко распространилась по Западной Европѣ (первое библейское общество было учреждено въ 1804 г.). Въ сущности въ филантропическихъ и просвѣтительныхъ цѣляхъ этихъ обществъ опредѣленно звучали и реакціонные мотивы, такъ какъ вліяніе Библіи противополагалось какъ бы вліянію идей французской революціи. «Опытъ научаетъ насъ,—говорилось въ проектѣ учрежденія Петербургскаго библейскаго общества,—что повсюду, гдѣ Св. писаніе всѣми читается, оное сильно способствуетъ къ преуспѣванію въ добродѣтели, направляетъ человѣческія страсти къ лучшей цѣ-

ли». По отношенію къ Россіи Библія, кромѣ того, должна служить «утѣшеніемъ въ горестяхъ» населенію, пострадавшему отъ непріятельскаго нашествія. Правящіе круги охотно взялись за мысль дать послѣ 1812 г. «утѣшеніе» народу въ Библіи (съ такимъ же восторгомъ въ придворной средѣ принимается и манифестъ Священнаго союза).

Но Библія сама по себѣ—обоюдоострое оружіе; знакомство съ ней приводитъ подчасъ совсѣмъ къ другимъ результатамъ, чѣмъ какіе хотятъ получить. Примѣромъ можетъ служить русское сектантство, обосновывавшее нерѣдко даже свои соціалистическаго характера ученія библейскими текстами. Въ дѣятельности библейскаго общества съ самаго начала его было одно несомнѣнно крупное положительное значеніе, вопреки помысламъ его учредителей. Вѣдь для того, чтобы «бѣдные соотечественники, потерпѣвшіе въ послѣднюю войну разореніе», могли найти дѣйствительное утѣшеніе въ Библіи и поучаться ей, чтобы Библія могла служить противовѣсомъ тлетворнымъ идеямъ разума, читатель ея долженъ былъ прежде всего быть грамотнымъ. И такимъ образомъ библейское общество должно было явиться разсадникомъ просвѣщенія, которое всегда за собой влечетъ пробужденіе того общественнаго самосознанія, которое думали заглушить темнотой библейскихъ текстовъ. То, что у просвѣщенныхъ людей затемняло сознаніе, то для непросвѣщенныхъ являлось пробужденіемъ (Библія притомъ стала издаваться на русскомъ языкѣ). Библейское общество вмѣстѣ со Священнымъ писаніемъ раздавало и азбуку; оно должно было признать необходимымъ учрежденіе сельскихъ библейскихъ школъ. Въ связи съ дѣятельностью библейскихъ обществъ явились въ Россіи подъ вліяніемъ квакеровъ и такъ называемыя ланкастерскія школы или школы взаимнаго обученія. При помощи этихъ школъ также надѣялись воспитать весь народъ въ религіозно-нравственномъ направленіи...

С. И. Гамалѣя.

С.-Петербургское библейское общество, переименованное по высочайшему повелѣнію въ 1814 г. въ «Россійское» открыло цѣлый рядъ отдѣленій своихъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ.

Въ члены попадаетъ немалое число чиновной знати—«по долгу званія своего», чуть ли не все высшее духовенство—митрополиты и епископы. Въ провинціи отдѣленія организуются губернаторами, епископами, предводителями дворянства и другими лицами, занимающими такое же общественное положеніе и распространяющими идеи библейскихъ обществъ при содѣйствіи капитанъ исправниковъ, благочинныхъ и т. д. Этихъ отдѣленій уже скоро насчитывается до шести десятковъ, дѣйствующихъ весьма успѣшно. «Чтеніе Св. писанія, — констатируетъ отчетъ библейскаго общества за 1819 г.,—распространяется у насъ и между поселянами.

Солдаты и матросы сами ищутъ себѣ пищи духовной. Во внутренности семействъ Библія становится правиломъ жизни и ежедневнымъ изученіемъ. Но еще утѣшительнѣйшіе виды представляются нынѣ для отечества нашего: въ сообразность съ волею монаршею вводится теперь чтеніе Св. писанія по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ нашимъ, и таковое основаніе послужитъ непремѣнно къ насажденію благочестія въ духѣ возрастающаго поколѣнія, къ созиданію царства Христова на землѣ». И дѣйствительно, модныя библейскія общества учреждаются среди воспитанниковъ различныхъ учебныхъ заведеній, даже «дѣти» Ришельевскаго лицея предаются «благословенному подвигу», учреждаютъ между собой библейское сотоварищество для снабженія сверстниковъ книгами слова Божія... Библейскія общества распространяются, потому что имъ покровительствуетъ высшее правительство. Президентомъ общества—самъ кн. Голицынъ, глава Министерства Народнаго Просвѣщенія. Всѣ спѣшатъ записываться въ библейскія общества, ибо тому, «кто не принадлежалъ къ Обществу Библейскому»—тому «не было хода ни по службѣ ни при дворѣ» (Гречъ). Понятно, что при такихъ условіяхъ библейскія общества превратились въ орудія насажденія популярнаго мистицизма и сдѣлались центрами самаго мрачнаго обскурантизма. Характернымъ образчикомъ можетъ служить рѣчь симбирскаго губернатора Магницкаго при открытіи мѣстнаго отдѣленія библейскаго общества. Эта рѣчь—цѣлая проповѣдь противъ человѣческаго разума, противъ мрака философіи, затемняющаго свѣтъ Христовъ, противъ «мудрости бѣсовскія».

На ряду съ покровительствомъ библейскихъ обществъ стоитъ и покровительство мистики всѣхъ оттѣнковъ, ибо флагъ христіанской любви, великихъ моральныхъ завѣтовъ, высокихъ идей человѣческаго перевоспитанія самое лучшее средство для борьбы съ либеральными теченіями, для борьбы съ свободнымъ просвѣщеніемъ, требованіями разума и соціальной правды: мистика всегда была въ Россіи враждебна либерализму. Это покровительство мистики неизбѣжно должно было привести къ очень печальнымъ результатамъ. Мистическое фантазерство очень легко превращается въ шаблонное ханжество, въ крайнюю религіозную экзальтацію самаго дурного тона, т.-е. въ изувѣрство и фанатизмъ. И эта мистика, дѣйствительно, весьма скоро получаетъ самыя уродливыя формы проявленія. При недостаточной культурности мистической вздорологіи легко пріобрѣсти адептовъ.

Самъ Александръ въ своемъ піэтическомъ настроеніи, какъ мы знаемъ [1]), легко поддается вліянію крайнихъ мистиковъ обскурантовъ, которые окружаютъ его за границей. Онъ здѣсь охотно бесѣдуетъ съ вождемъ нѣмецкаго мистицизма Юнгомъ Штиллингомъ. И другая современная «мрачная пиѳія мистики и реакціи»—баронесса Крюднеръ, напрасно пытавшаяся привлечь Наполеона и возненавидѣвшая его за это, пользуется такимъ же расположеніемъ Александра [2]). Крюднеръ, жена русскаго посла въ Берлинѣ, представляетъ довольно типичную фигуру религіозной ханжи. Эта прежде свѣтская женщина съ возрастомъ дѣлается очень падкой къ религіозной

---

1) См статью „Императоръ Александръ", т. II.

2) Между «мистиками» происходитъ своего рода соревнованіе во вліяніи къ Александру. противниками Крюднеръ приводится спеціально для откровенія Александру ясновидица Марія Кумеръ

экзальтаціи, особенно послѣ неудачъ на литературномъ поприщѣ. Быть-можетъ, потому, что она честолюбива и хочетъ во что бы то ни стало играть роль. Тенета мистицизма увлекаютъ ее, и трудно разобраться уже, гдѣ фальшь, гдѣ невѣжество, гдѣ искреннее увлеченіе и вѣра. Вмѣстѣ съ Штиллингомъ, перешедшимъ отъ философіи Канта къ «Духовидѣнію», «помѣшавшаяся отъ святости», по выраженію Греча, Крюднеръ вызываетъ духовъ, говоритъ съ умершими, произноситъ назидательныя проповѣди, пророчествуетъ не только о кончинѣ міра и наступленіи тысячелѣтняго царства Христова, но и на политическія темы. Въ туманной неопредѣленности, какъ всегда, готовы увидать глубокій смыслъ.

„Низверженныхъ духовъ сіи оковы доля: Обуздана ихъ плоть, но ихъ свободна воля".

Крюднеръ сумѣла сблизиться съ фрейлиной Стурдзой, пишетъ ей пророчествующія письма объ Александрѣ и умѣетъ хорошо польстить до болѣзненности самолюбивому императору: онъ для нея «бѣлый ангелъ». Всѣ эти «пророчества» удивительно совпадаютъ съ тѣми охранительными началами, которыя ложатся во главу внѣшней и внутренней политики Александра. За Александромъ идутъ и его друзья, какъ кн. А. Н. Голицынъ, человѣкъ неглубокаго ума и весьма поверхностнаго образованія, явившійся главнымъ официальнымъ насадителемъ мистицизма въ Россіи. Прежде «придворный вѣтреникъ», въ юности прославившійся веселымъ нравомъ и тѣмъ, что на пари дернулъ Павла I за косу во время обѣда, потомъ «вольтерьянецъ» и поклонникъ идей «французскихъ энциклопедистовъ», нѣсколько неожиданно для себя сдѣлавшійся въ 1803 г. оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, наконецъ мистикъ и религіозный ханжа въ 1817 г., сосредоточившій въ себѣ завѣдываніе и церковью и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и при всемъ томъ, по выраженію Вигеля, до конца оставшійся пустопорожней камергерской головой и любителемъ при всей своей набожности неприличныхъ анекдотовъ (Воспоминанія Соллогуба). При такомъ высокомъ покровительствѣ на ряду съ Библіей въ обществѣ усиленно насаждается и мистическая литература, та самая, которая до 1812 г. не только не находила официальной поддержки, а скорѣе заподозрѣвалась въ тайныхъ революціонныхъ цѣляхъ, на сцену выступаютъ тѣ масонъ-мистики, тѣ «мартинисты», которыхъ Ростопчинъ огуломъ зачислялъ въ революціонеры. Въ дѣйствительности эти ранніе александровскіе мистики, принявшіе наслѣдіе стараго екатерининскаго масонства, были

всегда политическими реакціонерами. Проповѣдь ихъ не заключала въ себѣ оригинальнаго зерна—она повторяла лишь ученія нѣмецкихъ піэтистовъ. И какъ у нѣмецкихъ мистиковъ чувство, не ограниченное требованіемъ разума, легко вдавалось въ безбрежную и ухищренную фантастику, такъ было и у русскихъ ихъ послѣдователей.

Всѣ нелѣпыя увлеченія нѣмецкаго розенкрейцерства съ его поисками таинственныхъ знаній, средневѣковой алхиміи и кабалистики, доходившей до добыванія золота и «жизненнаго эликсира», съ его таинственной обрядностью, магической терминологіей и архимистическимъ созерцаніемъ,—все это нашло себѣ откликъ у масоновъ-мистиковъ.

Въ «Дружескомъ обществѣ» Шварца и Новикова это «алхимическое масонство» не затемняло, однако, основной идеи о нравственномъ и религіозномъ совершенствованіи человѣка, не затемняло сознанія человѣческаго достоинства. Широкая просвѣтительная и благотворительная дѣятельность отличаетъ знаменитый Новиковскій кружокъ. Онъ не отрѣшается отъ общественныхъ задачъ, ставя себѣ гуманитарныя цѣли общественнаго воспитанія и обличая соціальные недуги страны. У Новиковскаго кружка идея внутренняго обновленія человѣчества не шла до извѣстной степени въ разрѣзъ съ практической работой, направленной на удовлетвореніе глубокихъ реальныхъ потребностей жизни.

Старыя традиціи уцѣлѣли и въ александровское время, но потеряли всякую общественную цѣнность. Эти традиціи въ первые годы александровскаго царствованія поддерживалъ младшій сверстникъ Новикова сенаторъ Лопухинъ. Около него ютится небольшой кружокъ мистиковъ, его выучениковъ, который, воспользовавшись благопріятнымъ временемъ, пытается вновь оживить мистическую литературу путемъ многочисленныхъ переводовъ нѣмецкихъ піэтистовъ.

Уже въ своихъ раннихъ произведеніяхъ XVIII в., въ «Разсужденіи о злоупотребленіи разума» Лопухинъ, развивая идеи истинно-христіанскаго пониманія вещей, т.-е. масонства, и отыскивая «натуру вещей», съ большой рѣзкостью выступалъ противъ европейскаго просвѣщенія и равнымъ образомъ противъ «французской революціи съ ея пагубными плодами»: «Равенство! Свобода буйная!—Мечты, порожденныя чадомъ тусклаго свѣтильника лжемудрія, расположенныя безумнымъ писаніемъ нечестивыхъ татей»,—такъ бичевалъ Лопухинъ Францію, это «исчадіе папистическаго изученія и новой философіи». Врагъ «разума», врагъ положительной науки, онъ искалъ тѣхъ таинственныхъ знаній, которыя раскрывались людямъ, преданнымъ теософическому экстазу. Другъ «божественной алхиміи и магіи, вооружающихъ избранныхъ сыновъ нетлѣнными сокровищами натуры и провождающихъ ихъ въ обѣтованную землю—въ райскія обители возобновленнаго эдема», Лопухинъ полное, такъ сказать, раскрытіе таинствъ видѣлъ у нѣмцевъ. Эккартсгаузенъ и затѣмъ Юнгъ Штиллингъ—вотъ два величайшихъ авторитета, которымъ раскрыты таинства природы. Вотъ два «величайшихъ свѣтила божественнаго просвѣщенія», «проповѣдниковъ истины и предвѣстниковъ явленія ея царства». Оба признанные оракулы мистицизма были въ сущности крайніе реакціонеры, погрязшіе въ дебряхъ апокалиптическихъ толкованій и теософическаго тумана. Люди, въ которыхъ мистицизмъ убилъ всякую живую мысль, привелъ къ полубользнен-

ному состоянію видѣній и галлюцинацій: Юнгъ Штиллингъ умеръ, по видимому, убѣжденный, что въ немъ воплотился Христосъ—«поборникъ престоловъ и алтарей».

За нѣмецкими учителями слѣдовали и русскіе ученики. Запутавшись въ темнотахъ мистическихъ алканій и вѣрованій въ сверхъестественныя начала, они являются такими же въ сущности политическими реакціонерами. Всякія мысли объ освобожденіи принадлежатъ, по мнѣнію Лопухина, европейской заразѣ: это «пустословы», т.-е. философы содѣйствовали порожденію «буйнаго стремленія ко мнимому равенству и своеволію, въ противность порядка небеснаго и земного благоустройства».

У Лопухина былъ ограниченный кружокъ сочувствующихъ, и это прежде всего его непосредственные ученики: Ковальковъ и Невзоровъ. Въ ихъ дѣятельности мы не найдемъ въ сущности ничего оригинальнаго — это все варіаціи на тѣ же темы объ аскетизмѣ, о созданіи церкви внутренней и царства свѣта Божія, борьба съ разумомъ и наукой, представляющихъ изъ себя «изліяніе духа нечистоты». Заглушать всякій «гласъ ума собственнаго», — вотъ основная задача мистиковъ. Таковъ былъ по преимуществу Ковальковъ, совсѣмъ юноша, доходившій до болѣзненнаго изступленія въ своемъ мрачномъ религіозномъ экстазѣ. Другой другъ Лопухина — Максимъ Невзоровъ, выученикъ Новиковской семинаріи, одно время страдавшій психическимъ разстройствомъ и содержавшійся въ Обуховской больницѣ не былъ въ сущности глубокимъ и ревностнымъ мистикомъ; въ своей литературной работѣ онъ преслѣдовалъ болѣе морально-педагогическія задачи. При содѣйствіи Лопухина онъ началъ въ 1807 г. издавать журналъ «Другъ юношества», гдѣ, на ряду съ проповѣдываніемъ нравственно-христіанскихъ цѣлей, борется съ французскимъ вліяніемъ. Къ этому кружку относился и другой чрезвычайно плодовитый выученикъ стараго масонства—глава петербургскихъ мистиковъ, А. Ѳ. Лабзинъ, директоръ департамента военно-морскихъ дѣлъ, начавшій издавать въ 1806 г. спеціальный христіанскій журналъ «Сіонскій Вѣстникъ». Но тогда еще мистика не получила офиціальной санкціи [1]), и Лабзинъ вскорѣ долженъ былъ прекратить изданіе до болѣе благопріятнаго времени. Направленіе «Сіонскаго Вѣстника» въ сущности не выходило изъ общихъ мистическихъ контуровъ. Это все та же «мистическая» ненависть къ французской революціи, къ буйству разума и проповѣдь

„Все движется, живетъ дѣлами; Душа безсмертна, мысль и духъ!“ М. 1825 г. (Державинъ).

[1]) Мало того: Грабянка—глава мистическаго кружка „Новый Израиль“ былъ даже посаженъ въ крѣпость, гдѣ и умеръ.

внутренняго общенія и соединенія человѣка съ Богомъ для достиженія высшихъ моральныхъ цѣлей.

И въ концѣ-концовъ, въ этой мистической литературѣ, дѣйствительно, было очень мало оригинальнаго. Эккартсгаузенъ и Юнгъ Штиллингъ— это были настоящіе вдохновители тѣхъ, кто принялъ на себя наслѣдіе Новиковскаго кружка. Ихъ проповѣдь, ихъ морально-педагогическая дѣятельность въ сущности никакой положительной цѣнности въ общественномъ отношеніи не имѣла. Ихъ религіозныя исканія заводили въ лабиринтъ самаго ухищреннаго мистицизма, который въ лучшемъ случаѣ долженъ былъ вести къ полному квіэтизму, къ отрѣшенію отъ общественныхъ задачъ. Это отрѣшеніе и является характерной чертой мистицизма начала XIX в. Его представители такъ много говорили о христіанской морали, о вредѣ гордости и любостяжанія, а тѣмъ не менѣе проходили мимо того крѣпостного варварства, которое всегда останавливало на себѣ вниманіе ихъ екатерининскихъ предшественниковъ. Они не доходили до идеи противоестественности рабства, убаюкивая себя тѣмъ, что ихъ задача болѣе существенная, чѣмъ думать о тлѣнномъ мірѣ—«свергнуть оковы не мнимыя, оковы грѣха, смерти и ада». «Свобода—въ добродѣтели», устанавливаетъ Лабзинъ въ первой книжкѣ «Сіонскаго Вѣстника». «Добродѣтельный, благочестивый мужъ и въ цѣпяхъ свободенъ, а злый и въ чертогахъ и во славѣ рабъ». До самаго большого, до чего доходили они въ своихъ моральныхъ проповѣдяхъ, это до сентенцій, направленныхъ по адресу помѣщиковъ и фабрикантовъ: не жадничать; быть гуманными и изъ «кровопійцевъ» дѣлаться благодѣтелями трудящихся. Такъ писалъ, между прочимъ, Невзоровъ въ 1809 г. въ своемъ журналѣ. Но вѣдь эта проповѣдь человѣческихъ отношеній къ крѣпостнымъ была, въ концѣ-концовъ, пустымъ мѣстомъ, равно какъ и памфлетическія нападки Невзорова на недостатки современнаго ему общества. Сатира Невзорова сводилась къ шаблоннымъ нападкамъ на галломанію, на поверхностное воспитаніе и т. п. Здѣсь много было правды, какъ была она и въ XVIII в. Но эти нападки были лишены своего общественнаго значенія, ибо оставляли въ сторонѣ ту соціальную подкладку, которая питала крѣпостническія чувства и воспитывала въ моральномъ варварствѣ все молодое дворянское поколѣніе. Наоборотъ, боязнь положительныхъ теченій, шедшихъ изъ Франціи на Россію на ряду съ модами, заставляла мистиковъ становиться всецѣло на защиту консерватизма: и не даромъ Лопухинъ — защитникъ крѣпостного права. Если, такимъ образомъ, общественная цѣнность мистической литературы была весьма незначительна въ смыслѣ моральнаго воспитанія общества, то зато отрицательная ея сторона находила широкій отзвукъ въ реакціонныхъ кругахъ: мистикъ и реакціонеръ, въ концѣ-концовъ, сливались въ одно цѣлое. Вражда къ наукѣ, къ разуму, къ просвѣтительной философіи, къ идеямъ политической свободы и соціальныхъ реформъ, которая несла съ собой революція, и, наконецъ, вообще къ Франціи— все это объединяло христіанствующихъ литераторовъ и крѣпостниковъ старовѣровъ въ одну реакціонную группу.

Въ сущности упомянутый кружокъ мистиковъ, примыкавшій по своимъ воззрѣніямъ и традиціямъ скорѣе къ отошедшему уже вѣку, первоначально былъ довольно одинокъ. Какъ ни обильна была относительно сама

по себѣ мистическая литература, писателей мистиковъ въ дѣйствительности два-три. Всю первую книгу «Сіонскаго Вѣстника» Лабзинъ написалъ одинъ. Печатая въ своемъ журналѣ незначительные отрывки творчества Лопухина, народнаго философа-мистика XVIII в., Сковороды и др., онъ преимущественно, однако, занимался переводомъ и переложеніемъ нѣмецкихъ оригиналовъ.

Эта мистика, будучи и въ литературѣ одинока, не могла захватить широкихъ слоевъ общества, не могла пустить глубокихъ корней. Аскетизмъ и мистицизмъ слишкомъ далеки сами по себѣ отъ обыденной житейской обстановки, отъ того мѣщанства, которое все же является главнымъ содержаніемъ жизни общества при современной соціальной структурѣ. И мистицизмъ, конечно, особенно мало подходилъ къ дворянскому крѣпостному обществу.

Но тѣ общественно-политическія условія, которыя создались послѣ 1812 года, когда Россія какъ бы офиціально вступала на «путь апокалиптическій», благопріятствовали распространенію мистическихъ исканій. Старые литературные авторитеты, однако, сошли уже со сцены. Новиковъ (+1818) вмѣстѣ со своимъ другомъ «Божьимъ человѣкомъ» С. И. Гамалья (+1822) доживаютъ вѣкъ въ с. Авдотьинѣ подъ Москвой, совершенно отрѣшившись отъ общественной жизни. Лопухинъ тоже выходитъ въ отставку послѣ 1812 г. и поселяется въ своемъ кромскомъ имѣніи. Живетъ здѣсь довольно одиноко, окруженный небольшой группой почитателей и учениковъ, проповѣдуя монашескій аскетизмъ, а въ дѣйствительности предаваясь въ своей крѣпостной деревнѣ мистическимъ забавамъ. Онъ развелъ здѣсь сады, украсилъ ихъ памятниками съ причудливыми символами и въ этомъ красивомъ уединеніи предавался самосозерцанію и мистическимъ размышленіямъ. Это былъ какой-то барскій мистицизмъ, неизбѣжно въ дѣйствительности очень далекій отъ основной проповѣди: «Наипаче должно упражняться въ любленіи ближняго». Все любленіе ближняго сводилось къ нѣкоторому «нищелюбію», которымъ, по отзывамъ нѣкоторыхъ современниковъ, отличался старый Лопухинъ.

Кондратій Селивановъ.

Центральной фигурой становится Лабзинъ, возобновившій въ 1817 г. свой журналъ «Сіонскій Вѣстникъ» съ посвященіемъ его непосредственно Господу Іисусу Христу.

Лабзинъ издаетъ свой журналъ уже съ «Высочайшаго повелѣнія» и получаетъ даже 15.000 р. правительственной субсидіи. Лабзинъ проповѣдуетъ все тѣ же старыя мистическія «истины», которыя отзываются подчасъ тѣмъ же ребяческимъ легковѣріемъ. Этотъ «человѣкъ», признававшій «науку», доходилъ до самыхъ невозможныхъ бредней. Химія—это «искусство, которымъ... просвѣщенные собственными очами созерцаютъ таинства Іисуса, послѣдствія Его страданія и въ химическихъ явленіяхъ видятъ все проис-

шествіе и слѣдствія Его воплощенія»... Эта «теософическая химія» была, конечно, весьма своеобразной наукой.

Та же ухищренная мистика распространяется и черезъ переводы Эккартсгаузена и Юнга Штиллинга. Возрождаются и старые масонскіе авторитеты: Арндтъ, Яковъ Бемъ, Ѳома Кемпійскій, Таулеръ, Сенъ-Мартенъ, г-жа Гюйонъ и др., появляются всевозможныя «Божественныя философіи», «Гармонія міра», «Таинство Христа» и т. д. Съ 1813—1823 гг. вышло до 60 мистическихъ сочиненій. Если до такого пониманія «науки» въ духѣ самаго стараго «алхимическаго мистицизма» доходилъ Лабзинъ, то къ какимъ результатамъ должна была приводить мистика, насаждаемая черезъ литературу, библейскія общества, масонскія ложи, людей просто невѣжественныхъ, но поддавшихся по тѣмъ или инымъ мотивамъ господствующему въ правительственныхъ сферахъ настроенію. Она приводила къ самому мрачному и грубому ханжеству. Въ самомъ дѣлѣ, всякаго рода «пророки» пользуются необычайнымъ успѣхомъ. Особенно экспансивны въ этомъ отношеніи дамы высшаго круга. Въ началѣ царствованія Александра среди нихъ успѣшно дѣйствовали патеры-іезуиты, теперь успѣхъ имѣютъ всякіе ясновидцы и тому подобные толкователи. Нѣкоторыхъ изъ этихъ дамъ идеи обновленія человѣческой жизни на религіозныхъ началахъ захватываютъ настолько глубоко, что они бросаются въ практическую дѣятельность. Такова была кн. Мещерская, пользовавшаяся большимъ уваженіемъ со стороны самого императора. Это была впослѣдствіи большая любительница «собачекъ и «воспитанницъ», на обязанностяхъ которыхъ лежало изученіе индивидуальныхъ наклонностей тѣхъ «Мими и Жужу», которыя окружали княгиню. Съ такимъ же рвеніемъ кн. Мещерская, въ связи съ дѣятельностью библейскихъ обществъ, предавалась созданію и распространенію назидательной литературы, въ видѣ религіозно-нравственныхъ поученій. Другія съ такой же страстью отдаются новому религіозному чувству — мистическимъ исканіямъ.

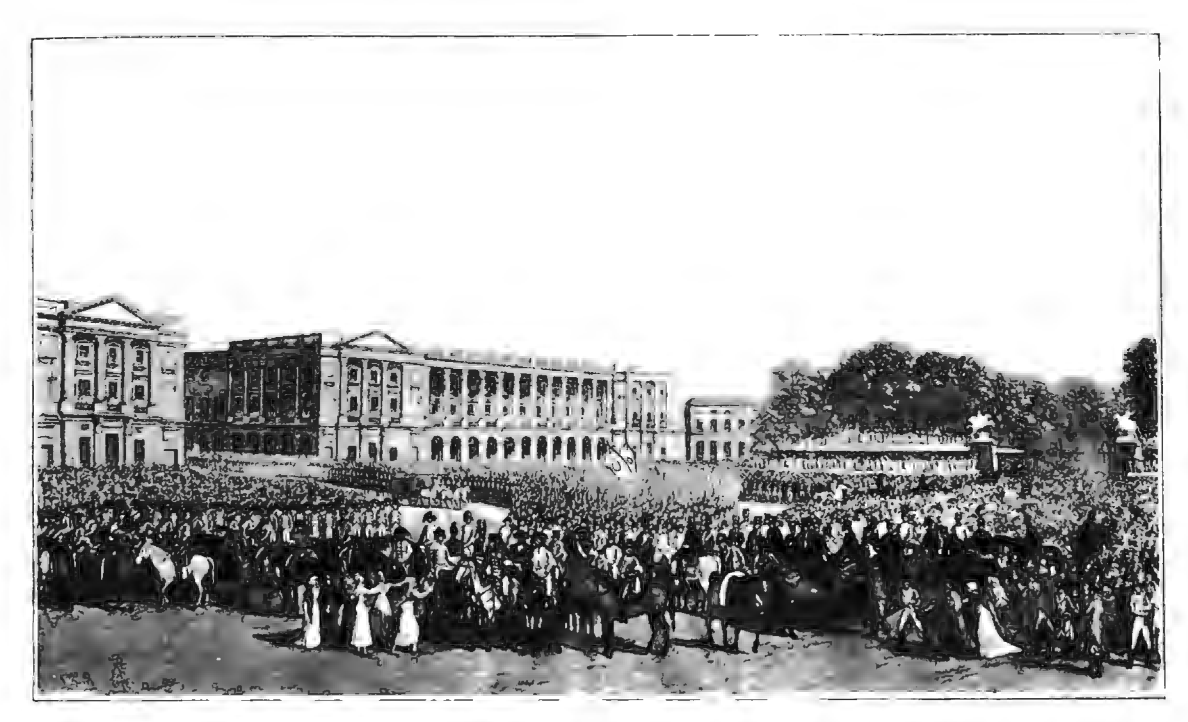
Для широкихъ круговъ общества того времени чрезвычайно характерно положеніе, которое занялъ въ Петербургѣ знаменитый скопецъ Кондратій Селивановъ. Это было время, когда расцвѣлъ «зеленый райскій садъ», какъ поютъ скопцы въ своихъ пѣсняхъ. Въ «Сіонѣ-градѣ» жилъ «искупитель»; «приходили къ нему царскіе роды, всѣ со страхомъ покоряли сердца, прославляли искупителя-отца». Дѣйствительно, мистицизмъ Селиванова среди многихъ лицъ долженъ былъ вызвать интересъ. Одинъ изъ мистиковъ, находившихся подъ вліяніемъ Лабзина, Кошелева и др., камергеръ Елянскій, сдѣлался даже самымъ вѣрнымъ послѣдователемъ Кондратія Селиванова. Въ царствованіе Павла послѣдній находился въ Обуховской больницѣ, главнымъ врачомъ которой былъ мистикъ-масонъ Эллизенъ. Послѣ посѣщенія въ 1802 г. Александромъ I Обуховскаго дома Селивановъ былъ переведенъ въ богадѣльню при Смольномъ монастырѣ, а затѣмъ былъ переданъ на поруки Елянскаго. Селивановъ поселился въ домѣ петербургскихъ купцовъ Ненастьевыхъ. И очень скоро молва о «святомъ старцѣ» распространилась по Петербургу. Тогда уже домъ Ненастьевыхъ стали осаждать представительницы высшаго свѣта и купечества, желая получить благословеніе отъ праведника. Кондратій Селивановъ и его послѣдователи получили такую популярность, что Елян-

скій, явно человѣкъ ненормальный и подверженный галлюцинаціямъ, въ 1804 г. представилъ даже императору Александру черезъ Новосильцева цѣлый планъ необходимыхъ государственныхъ преобразованій «на прославленіе истины Господней и на возвышеніе возлюбленнаго отечества, Россъ-Мосоха именуемаго». Правда, за мечты о «таинственной церкви», на фундаментѣ которой должно базироваться государственное устройство Россіи, Елянскій былъ отправленъ въ Суздальскій монастырь; но это не помѣшало самому Александру посѣтить «искупителя» передъ Аустерлицомъ. По преданіямъ, разговоръ зашелъ: начинать ли войну или нѣтъ? И будто бы Селивановъ не совѣтовалъ начинать войны «съ проклятымъ французомъ»: «Не пришла еще пора твоя, побьетъ тебя и твое войско, придется бѣжать, куда ни попало». Во всякомъ случаѣ, въ Петербургѣ интересъ къ предсказателю отъ этого лишь усилился. На вечернихъ собраніяхъ у Ненастьевыхъ можно было видѣть немало представителей знатныхъ петербургскихъ фамилій. Въ 1817 г. Селивановъ переселился уже въ спеціальный домъ, выстроенный для него купцомъ Солодовниковымъ — это былъ «домъ Божій», «Горный Сіонъ». Солодовниковъ устроилъ всѣ приспособленія для жизни «второго сына Божія» и для его проповѣди. Самъ «искупитель» возсѣдалъ на тронѣ, съ котораго можно было видѣть танцующихъ и поющихъ во время молитвенныхъ радѣній. Къ Селиванову ежедневно сходилось на радѣнія отъ 200—300 человѣкъ: здѣсь бывали военные, дамы, купчихи, монахи, монахини, здѣсь бывали постоянно племянники петербургскаго генералъ-губернатора Милорадовича, жена полковника Татаринова и др. «Днемъ,— разсказываетъ современникъ, — нерѣдко нѣсколько каретъ, заложенныхъ по тогдашнему обыкновенію четверкою и шестеркою лошадей, стояли въ Басковѣ пер.»,—это все пріѣзжали къ «извѣстному старцу», — какъ именовался Селивановъ въ полуофиціальной перепискѣ,—чтобы познакомиться съ таинственной проповѣдью новаго христіанства. Только въ 1820 г., когда проповѣдь Селиванова стала распространяться среди нижнихъ чиновъ, проповѣдникъ вновь былъ отправленъ въ Суздальскій монастырь. Отправленъ былъ, впрочемъ, съ почетомъ—въ особой коляскѣ, стоившей казнѣ 1.700 р. Каждый мистикъ былъ любезенъ сердцу кн. Голицына.

А. П. Дубовицкій (Боровиковскій).

Конечно, проповѣдь Селиванова могла заинтересовать, но не увлечь. Елянскіе считались единицами. Одна изъ посѣтительницъ еще Ненастьевскихъ собраній Татаринова образовала свой кружокъ, получившій значительную популярность своими экзерциціями среди мистиковъ, не могшихъ удовлетворить своихъ религіозныхъ потребностей одними лишь нѣмецкими

умствованіями и самосозерцаніями. Въ сущности Татаринова представляла собой довольно заурядное явленіе,—это была женщина, впавшая въ религіозность послѣ семейнаго несчастья. Ненастьева во-время сумѣла подойти и воспользоваться ея настроеніемъ, окрѣпшимъ подъ вліяніемъ небезызвѣстнаго рижскаго теозофа дѣйств. стат. совѣт. Гюне и его пріятеля дѣйств. стат. совѣт. Багинскаго. И весьма скоро Татаринова всецѣло уже отдается мистическому трансу, сама дѣлается пророчицей, что и влечетъ къ ней души и сердца другихъ ищущихъ. Въ 1817 г. Татаринова образуетъ свое собственное «Братство во Христѣ». Къ ней присоединяются многіе изъ тѣхъ, которые бывали на радѣніяхъ у Селиванова: мы видимъ на ея собраніи тѣхъ же гвардейскихъ офицеровъ Д. и А. Г. Милорадовичей, знаменитаго художника Боровиковскаго, Лабзина, Е. А. Головина, командира л.-гв. Терскаго полка, впослѣдствіи главнокомандующаго на Кавказѣ, министра народнаго просвѣщенія кн. Голицына, тайнаго совѣтника Попова, оберъ-гофмейстера Кошелева, вице-президента библейскаго общества и мн. др. Здѣсь и представительницы аристократической среды княгиня Енгалычева, и княжна Крапоткина, и свящ. Алексѣй Маловъ, и монахъ Іовъ. Человѣкъ пятьдесятъ, по словамъ современниковъ, собираются на молитвенныя собранія Татариновой. Скоро эти молитвенныя собранія превращаются въ мистическія радѣнія со всѣми ихъ атрибутами. Къ нимъ члены татаринскаго кружка уже привыкли у Селиванова и «тоскуютъ» по нимъ. Надо вѣдь особо повышенное настроеніе, особое возбужденіе, чтобы впасть въ трансъ, чтобы «отверзлись уста» и начать пророчествовать. Какъ всегда, это возбужденіе вызывается искусственнымъ путемъ: путемъ пляски, быстраго верченія и т. д. Въ сущности, трудно установить, что въ дѣйствительности происходило на этихъ радѣніяхъ. О нихъ ходило по городу много сплетенъ, какъ всегда, быть-можетъ, въ значительной степени ложныхъ. На собраніяхъ одѣвали бѣлую одежду, пѣли различныя масонскія, скопческія, хлыстовскія пѣсни, образовывали «кругъ» и предавались тѣмъ «тѣлеснымъ движеніямъ», которыя болѣе возбуждали способность къ пророчеству. Чѣмъ экзальтированнѣе была натура, тѣмъ бо̀льшая проявлялась въ ней способность къ пророчеству. Первенствовала сама Татаринова. Одинъ изъ участниковъ «радѣній» разсказываетъ, какъ подъ вліяніемъ пророческаго слова Татариновой тайн. сов. Поповъ «началъ кружиться невольнымъ образомъ, самъ испугавшись столь сильнаго надъ собой духовнаго вліянія». Все это происходило, конечно, съ «премудростью, всевѣдѣніемъ и властью явно божественнымъ». Вотъ эта «возможность обладать способностью говорить не по размышленію... а по вдохновенію, въ которомъ голова нисколько не участвуетъ», и привлекала на радѣніяхъ. «Подчинясь средству подъ названіемъ радѣнія,—разсказываетъ Головинъ,—я, отлагая и попирая ногами всю мудрость людскую съ ея приличіями», низлагалъ «гордость естественнаго разума». Этотъ родъ движенія, по словамъ того же Головина, производилъ такую «транспирацію», какой и самые земные поклоны «не производили». И послѣ такой «транспираціи» Головинъ чувствовалъ «себя каждый разъ необыкновенно легкимъ и свѣжимъ», что, какъ оказывается, имѣло благотворное вліяніе на его здоровье. Головинъ попросту въ это время страдалъ истерическими припадками, которые сопровождались для него «сладостнымъ чувствомъ вну-



Дѣвушки подносятъ цвѣты императору Александру I въ Парижѣ (1814 г.).

тренняго блаженства»,—явленіе, хорошо извѣстное въ психопатіи. Участниками татариновскаго кружка и являлись въ большинствѣ люди, которыхъ мистика доводила почти до болѣзненнаго состоянія. Люди съ расшатанными нервами, какъ Головинъ [1]), экзальтированные фанатики, въ родѣ Татариновой, ищущіе мистики, заблудившіеся въ дебряхъ своихъ исканій, въ родѣ Лабзина, религіозные ханжи, въ родѣ т. с. Попова, истязавшаго свою дочь за то, что она чувствовала «отвращеніе» къ обрядамъ татариновскаго кружка,—вотъ кто составляли центръ, къ которому притекало, вѣроятно, немало шарлатанствующей братіи; къ нимъ примыкали и другіе религіозные ханжи, которыхъ время плодило немало. Таковъ, напримѣръ, подполковникъ Преображенскаго полка А. П. Дубовицкій, человѣкъ одержимый меланхоліей, носившій вериги въ 30 фунтовъ, сѣкшій себя кнутами и занимавшійся у себя въ деревнѣ миссіонерствомъ. Впослѣдствіи этотъ Дубовицкій—богатый помѣщикъ—устроилъ у себя цѣлое общежитіе въ 68 человѣкъ, щедро одаряя своихъ послѣдователей. И, какъ обнаружило слѣдствіе въ 1828 г., онъ и чужихъ и своихъ собственныхъ дѣтей изнурялъ пищей и побоями, каждодневно наказывалъ розгами и плетью, у которой концы были со смоляными шишками. Также до крови сѣкъ Дубовицкій и тѣхъ своихъ крѣпостныхъ, которые недостаточно проникались его «миссіонерствомъ» [2]).

Къ такому религіозному изувѣрству, въ концѣ-концовъ, приводили исканія высшей религіозной истины.

---

[1]) У него къ тому же былъ еще апоплексическій ударъ.

[2]) Правда, офиціальнымъ разслѣдованіямъ вообще не приходится давать большой вѣры, но и рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ Дубовицкомъ какого-то религіознаго оригинальнаго мыслителя.

Конечно, всѣ подобныя крайности были только единичными фактами. Не даромъ лишь татариновскій кружокъ пріобрѣлъ незаурядную историческую извѣстность. Ни въ Москвѣ, ни въ провинціи въ сущности нѣтъ ничего аналогичнаго. Центромъ мистики является Петербургъ, вѣрнѣе, даже петербургская аристократія, близкая къ придворнымъ кругамъ и очень чуткая ко всякаго рода перемѣнамъ въ высшихъ сферахъ. Мистика расцвѣтаетъ тамъ, гдѣ ей особенно покровительствуютъ, гдѣ она будетъ замѣтна и угодна. И знаменательно, что о татариновскомъ кружкѣ не только знаютъ, но опредѣленно сочувствуютъ, какъ сочувствуютъ до времени и модному салону, гдѣ пророчествуетъ явившаяся въ Петербургъ г-жа Крюденеръ. Татаринова имѣетъ свиданіе съ императрицей Елизаветой Алексѣевной, и послѣдняя обѣщаетъ ей свое покровительство. Самъ императоръ выражаетъ ей одобреніе: «Я вами очень доволенъ за ученіе ваше о Спаситѣлѣ нашемъ». Сердце Александра пламенѣетъ особой любовью къ Спасителю, когда онъ читаетъ въ письмахъ Д. А. Кушелева о татариновскомь обществѣ. Имѣется свидѣтельство, что Александръ самъ посѣтилъ татариновскія радѣнія. Характерно, что радѣнія до 1821 г. происходятъ въ Михайловскомъ замкѣ, гдѣ устроительница собраній живетъ, имѣя безплатную квартиру. Въ 1821 г. Татаринову выселяютъ изъ Михайловскаго замка; причина та, что братъ государя, Николай, проситъ зáмокъ подъ инженерное училище. Александру неловко отказать въ просьбѣ брату, и онъ ассигнуетъ по наитію «на молитвѣ» спеціальныя деньги (8000 р. ежегодно) Татариновой на «наемъ квартиры со всѣми удобствами» [1]).

Какъ и ранняя мистика александровскаго времени, такъ и мистика, пышно расцвѣтшая послѣ 1812 года, въ дѣйствительности не пускала глубокихъ корней въ русскомъ обществѣ. Въ каждомъ обществѣ мы найдемъ, конечно, искреннихъ мечтателей, не удовлетворенныхъ жизнью, стремящихся понять ея смыслъ и разрѣшать сложные религіозно-философскіе вопросы; мы всегда найдемъ извѣстное число надломленныхъ натуръ, ищущихъ какъ бы самозабвенія въ мистическихъ созерцаніяхъ; мы найдемъ людей слабыхъ волею, поддающихся моднымъ теченіямъ или, какъ Батюшковъ, отъ скуки читающихъ метафизику. Модныя теченія подчасъ могутъ широко охватывать общество. Имъ поддается даже такая трезвая натура, какъ Сперанскій, усиленно рекомендовавшій своему другу пріемы древнихъ аскетовъ для достиженія благодати: уединяться, смотрѣть въ пупъ и повторять: «Господи, помилуй», чтобы увидать «Ѳаворскій» свѣтъ. Въ ссылкѣ Сперанскій занимается переводомъ «Подражанія Христу» Ѳомы Кемпійскаго, по поводу чего Вигель въ своихъ запискахъ замѣчаетъ: «Я стараюсь увѣрить себя, что тутъ не было лицемѣрнаго желанія сблизиться вновь съ набожнымъ императоромъ». Во всякомъ случаѣ, надо помнить, что Сперанскому передъ возвращеніемъ изъ ссылки пришлось поклониться временщику Аракчееву и отказаться почти отъ всего того, что онъ говорилъ и дѣлалъ во времена «либеральнаго» правительственнаго

---

[1]) Чрезвычайно любопытны и сами мотивы этого покровительства, какъ видно изъ разговора Александра съ Татариновой, передаваемаго довольно освѣдомленнымъ о дѣлахъ татариновскаго кружка ст сов. Іоановымъ („Р. Арх.“ 1872, II, 2337). „Продолжайте“, сказалъ будто бы Александръ Татариновой. „Нынѣ распространяются на Западѣ карбонаріи и проникли уже въ мою державу“.

курса. И то его возвращенье, по свидѣтельству Сипягина, произвело «почти такое же волненіе въ умахъ, какъ бѣгство Наполеона съ острова Эльбы».

Послѣ 1812 года религіозныя настроенія несомнѣнно должны были усилиться, какъ это почти всегда бываетъ послѣ сильныхъ общественныхъ встрясокъ. Мы найдемъ подтвержденіе въ словахъ объективнаго и спокойнаго современника будущаго декабриста бар. Штейнгеля; онъ писалъ впослѣдствіи: «Общее бѣдствіе 1812 года наклонило умъ и сердца къ набожности. Отселѣ начинался періодъ мистицизма». Но это еще не означаетъ, что мистическія настроенія глубоко захватили общественное сознаніе. Если для однихъ, повторяемъ, здѣсь много было искренняго увлеченія, для другихъ это была своего рода вывѣска—воспринималась внѣшняя оболочка модныхъ теченій. И остроумный александровскій баснописецъ Измайловъ далъ мѣткую и злую характеристику распространившагося въ обществѣ типа ханжи-мистика:

Александръ—освободитель Европы (грав. Кардели).

«Бездушинъ прежде пилъ, игралъ,
И женщинъ и мужчинъ, какъ дьяволъ,
соблазнялъ.
Ни чести, ни родства, ни Бога онъ не
зналъ,
Но вдругъ потомъ перемѣнился,
Ходить прилежно въ церковь сталъ
И въ землю все молился,
А дома Библію да Штиллинга читалъ...
Пусть думаютъ, что я ума рехнулся:
Поддѣлъ я славно сатану,
А ужъ людей теперь, конечно, обману...

Развѣ это, дѣйствительно, не жизненный типъ для александровской эпохи? Развѣ не глядитъ на васъ образъ какого-нибудь генерала-маіора Брискорна, который, по словамъ Греча, занимался попеременно пуншемъ и Библіей?

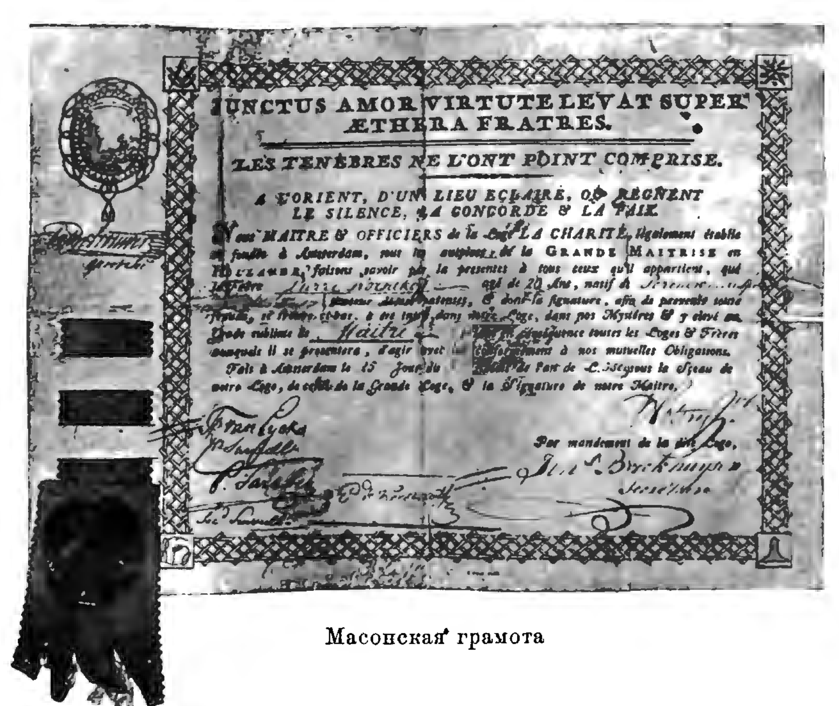
Мистическій уклонъ въ обществѣ вполнѣ гармонировалъ и съ сентиментальнымъ романтизмомъ, столь характернымъ для литературныхъ теченій первой четверти XIX вѣка. Если одни «предаются мрачнымъ разсужденіямъ о бренности жизни и проводятъ цѣлыя ночи,—какъ выразился Батюшковъ,—на гробахъ и бѣдное человѣчество пугаютъ привидѣніями, духами, страшнымъ судомъ», то другіе всецѣло находятся во власти самой «приторной слезливости». И дѣйствительно, меланхолія очень близка мистицизму. Конечно, искренней эмоціи здѣсь очень мало, это болѣе искусственное или модное возбужденіе. Намъ уже приходилось отмѣчать [1]) любопытное явленіе, что именно наиболѣе рьяные крѣпостники любили настраивать себя на минорный ладъ. Этотъ крѣпостническій сентиментализмъ былъ одной изъ опоръ реакціи, идя въ ногу съ мистикой.

---

[1]) «Александръ I», т. II.

Сентименталисты въ литературѣ любили восторгаться пастушескими идилліями, воспѣвать «щастье крестьянъ», какъ Карамзинъ, и тѣмъ самымъ вмѣсто того, чтобы будить общественное сознаніе, лишь убаюкивать его своими слезливыми изліяніями. Русскій мужикъ, правда, былъ весьма плохимъ объектомъ для идиллическихъ мечтаній. Это чувствовала въ сущности и слезоточивая романтика: «Извѣстно,— писалъ Панаевъ,— каковы нынѣшніе пастухи и земледѣльцы: продолжительное рабство сдѣлало ихъ грубыми и лукавыми». Грубость отвращала тонкія натуры отъ пастушескихъ идиллій, взятыхъ изъ русской жизни, но отнюдь не побуждала къ ослабленію «рабства».

Если люди, способные «по цѣлымъ часамъ» сидѣть въ сентиментально-меланхолической задумчивости (какъ опять тотъ же Карамзинъ), не всегда увлекались мистикой, которую называли «вздорологіей», то все же отъ сентиментализма до мистическаго ханжества оставался одинъ шагъ. «Пустословіе» удивительно легко увлекаетъ людей. Примѣромъ могутъ служить масоны новаго типа, расплодившіеся въ александровское время.


JUNCTUS AMOR VIRTUTE LEVAT SUPER ÆTHERA FRATRES.

LES TENÈBRES NE L'ONT POINT COMPRISE.

A L'ORIENT, D'UN LIEU ECLAIRÉ, OÙ REGNENT LE SILENCE, LA CONCORDE & LA PAIX.

Nous MAITRE & OFFICIERS de la Loge LA CHARITÉ, légalement établie [illegible] fondée à Amsterdam, sous les auspices de la GRANDE MAITRISE en [illegible], faisons savoir par la presentes à tous ceux qu'il appartient, que le Frère [illegible] agé de 20 Ans, natif de [illegible] [illegible] & dont la signature, afin de prevenir toute fraude, [illegible], a été [illegible] dans notre Loge, dans nos Mystères & y elevé au Grade sublime de Maitre [illegible] en conséquence toutes les Loges & Frères auxquels il se presentera, d'agir avec [illegible] conformément à nos mutuelles Obligations.

Fait à Amsterdam le 15 Jour du [illegible] de l'art de [illegible] sous le Sceau de notre Loge, de celui de la Grande Loge, & la Signature de notre Maitre.

Par mandement de la dite Loge.

Масонская грамота

IV. Масоны.

Послѣ 1812 г. масонство, какъ отмѣчаетъ современникъ, въ «большомъ ходу». И его развитіе нельзя не сопоставить съ усиленіемъ мистицизма, съ которымъ оно въ прежніе годы было связано неразрывными узами. Старые масоны въ значительной степени сливались съ мистиками. И когда мистика получила правительственную санкцію, должно было развиться и масонство, которое было гораздо болѣе по плечу свѣтскому обществу, чѣмъ идеи какого бы то ни было религіознаго аскетизма, искренняго или неискренняго ханжества. Старые масоны екатерининскаго и павловскаго времени по недоразумѣнію были зачислены въ ряды «иллю-

минатовъ», т.-е. людей неблагонамѣренныхъ, единомышленниковъ западноевропейскаго иллюминатства, того масонскаго ордена, который былъ основанъ проф. Вейсгауптомъ въ Баваріи съ цѣлью противодѣйствовать «всякаго рода деспотизму» [1]). Напр. масоны-мистики розенкрейцеры считали иллюминатовъ, по выраженію Пыпина, скорѣе «извергами человѣческаго рода». Истинный масонъ, по мнѣнію послѣдователя розенкрейцерства Лопухина, автора «Катихизиса истинныхъ франкъ-масоновъ», «долженъ царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не токмо доброму и кроткому, но и строптивому». Эти политическіе въ сущности реакціонеры подверглись, однако, преслѣдованіямъ. Одновременно съ возрожденіемъ мистицизма въ первые годы александровскаго правленія, когда, по словамъ одного изъ современниковъ, въ обществѣ стало замѣчаться движеніе «иного духа», т.-е. сознаніе о своевременности «критики въ разумъ истины, искать царства Божія и правды ея» (что совпало, какъ мы знаемъ, и съ націоналистическимъ теченіемъ въ обществѣ)—возобновляются и масонскія ложи. Такъ, подъ руководствомъ масона директора кадетскаго корпуса въ Петербургѣ Бебера, о которомъ молва говорила, что онъ обратилъ въ масонство самого Александра, «весьма таинственно» начинаетъ работать въ 1805 г. ложа «Благотворительность къ Пеликану». Есть свидѣтельство, что лопухинскій кружокъ первоначально отнесся несочувственно къ возобновленію дѣятельности масонскихъ ложъ. Но Невзоровъ и Лабзинъ уже дѣятельные масоны; послѣднимъ въ 1808 г. учреждена также таинственная ложа «Умирающаго Сфинкса». Несмотря на обвиненіе «мартинистовъ» во всякихъ злодѣяніяхъ и революціонныхъ помыслахъ со стороны реакціонеровъ, подобныхъ Ростопчину, правительство не видитъ уже въ масонахъ ничего зловреднаго. Наоборотъ, еще до 1812 г. является попытка использовать масонскія ложи въ цѣляхъ отвлеченія общества отъ «вредныхъ началъ—помѣшать организаціи какихъ-либо другихъ обществъ, основанныхъ на этихъ началахъ». По этому поводу Александру была представлена въ 1810 году [2])

Освободитель народовъ (аллегорія въ альбомѣ А. Н. Львова).

---

[1]) Такъ свидѣтельствуетъ Беберъ въ своихъ «Замѣткахъ о масонствѣ въ Россіи». Семевскій, «Мин Г» 1908, II, 15.

[2]) Къ этому времени относитъ эту записку А. Н Пыпинъ «Матер. для истор. мас. ложъ» «В. Ев.» 1872, II, 526—63 Семевскій, Ib. 17.

специальная записка о мѣрахъ «къ устройству масонства». Записка рекомендуетъ даже устроить «мать-ложу», создать особую организацію масонства для болѣе удобнаго полицейскаго за нимъ наблюденія. И ложи въ дѣйствительности получаютъ полуофиціальное существованіе. Чиноначальники масонскихъ ложъ въ 1810 г. были вызваны ген. Балашевымъ, министромъ полиціи, получили отъ него особое руководство [1]) и были обязаны ежемѣсячно доставлять въ министерство отчеты о собраніяхъ, которыя иногда посѣщалъ и самъ Балашевъ. Эта практика продолжалась и при Вязьмитиновѣ — преемникѣ Балашева и вплоть до закрытія масонскихъ ложъ.

Мало того, въ томъ же 1810 г. вступаетъ въ число членовъ ложи «Петра къ истинѣ» (подчиненной директоріальной ложѣ «Владимира къ порядку») самъ де Сангленъ — директоръ особой канцеляріи Министерства Полиціи съ цѣлью «наблюдать, чтобы ложа соотвѣтствовала общей государственной цѣли—безопасности».

Естественно, что это полуофиціальное разрѣшеніе придавало ложамъ нѣсколько иной характеръ, чѣмъ тотъ, который отличали тайныя масонскія ложи на Западѣ, и чѣмъ были онѣ въ Россіи при своемъ возникновеніи. Чиноначальники масонскіе Беберъ, позднѣе гр. Мусинъ-Пушкинъ, Брюсъ, Жеребцовъ строго соблюдали принятое обязательство. При открытіи той или иной ложи всегда освѣдомлялись предварительно — будетъ ли пользоваться «довѣріемъ» правительства открываемая ложа. Въ 1817 г. центральныя масонскія ложи приняли постановленіе, что впредь ни одна ложа не будетъ законна, если не будетъ признана правительствомъ и учреждена безъ вѣдома центральныхъ.

Мало того, гр. Мусинъ-Пушкинъ въ 1819 г. прямо обращается съ просьбой къ Вязьмитинову не дозволять существованія ложъ, независящихъ отъ великихъ ложъ въ Петербургѣ. Правительственный контроль былъ настолько силенъ, что даже для перехода изъ одной ложи въ другую требовалось до нѣкоторой степени разрѣшеніе администраціи (хотя непосредственное наблюденіе за ложами и было вскорѣ отмѣнено) [2]). Были, правда, и какъ бы тайныя ложи (Лабзина), но общее масонское постановленіе гласило: «не имѣть никакихъ таинствъ передъ правительствомъ».

При такихъ условіяхъ масонскія ложи постепенно преобразовывались въ своеобразные общественные клубы, гдѣ вся фантастика и символистика становилась лишь моднымъ придаткомъ.

Въ этихъ масонскихъ клубахъ постепенно исчезли и тѣ крайнія черты символистики, которыя отличали старое масонство. Новое масонство, болѣе подходящее для широкихъ круговъ, въ данномъ случаѣ подчинялось и новымъ теченіямъ, получавшимъ преобладаніе въ Германіи. Отсюда распространялась новая масонская система Шредера, отвергающая высшія сте-

---

[1]) Терпимой была признана основная ложа «Владимира къ порядку» (мастеромъ стула ея былъ Беберъ), въ управленіи у которой находилось три ложи. Въ нихъ числилось 114 человѣкъ, среди которыхъ были семеновскіе и преображенскіе офицеры.

[2]) Отмѣнено было потому, что правительство убѣдилось, какъ заявилъ 23 марта 1812 г. масону Элизену Вязьмитиновъ, что „ложи никакъ сомнительны быть не могутъ". И позднѣе въ 1816 г. Александръ то же самое сказалъ Тормасову при возникновеніи вопроса о разрѣшеніи открыть въ Москвѣ ложу „Александра тройственнаго спасенія". „Я не даю явнаго позволенія, но смотрю сквозь пальцы; *опытомъ* доказано, что въ нихъ нѣтъ ничего вреднаго".

пени, какъ отжившую «нелѣпость», и распространенная въ Россіи масономъ Фесслеромъ, одно время призваннымъ читать лекціи по еврейскому языку и философіи въ петербургской духовной академіи. Это вводило нѣкоторое упрощеніе въ сложный масонскій ритуалъ,—упрощеніе, болѣе подходящее къ клубной обстановкѣ. «Уложеніе» Астреи—получившаго вскорѣ преобладаніе союза масонскихъ ложъ—опредѣленно уже говоритъ: «не имѣть въ предметѣ работъ изысканія сверхъестественныхъ таинствъ, не слѣдовать правиламъ такъ называемыхъ иллюминатовъ и мистиковъ, тоже алхимистовъ, убѣгать всѣхъ подобныхъ несообразностей съ естественнымъ и положительнымъ закономъ».

Старое масонство отличалось причудливою обрядностью съ своеобразной терминологіей, преисполненной таинственной символистики и аллегоріи. Заимствованныя изъ Швеціи, Англіи, Германіи и Франціи масонскія системы представляли собой сложную іерархическую организацію (низшія степени, шотландскіе братья, теоретическіе братья), которая обязывала младшихъ братьевъ строгому послушанію. Иногда масонскій орденъ имѣлъ цѣлыхъ 32 степени. Посвящаемый связывался строгимъ обѣтомъ молчанія. Истинныя масонскія цѣли знали лишь члены высшихъ степеней — свободные каменщики. Въ жизни обычнаго масонства эта таинственность превращалась въ смѣшную игру титуловъ... Противъ этого ненужнаго балласта и раздался протестъ среди возобновившихъ свою дѣятельность масонскихъ ложъ.

Статуя мира, посвященная Александру (Канова).

Подъ вліяніемъ Фесслера извѣстный и, повидимому, искренній масонъ англичанинъ Элизенъ, докторъ Обуховской больницы, открыто выступилъ противъ безсмыслицы высшихъ степеней. Возникшія несогласія закончились учрежденіемъ новой великой масонской ложи имени богини правосудія—Астреи; отвергая іерархію, новый союзъ выставлялъ выборное начало и принципъ равноправности членовъ [1]).

Въ 1817 г. обѣ великія ложи на востокѣ въ С.-Петербургѣ (Астрея и Великая Провинціальная или Директоріальная, признававшая высшія степени), заключили между собой братскій конкордатъ, опредѣлившій ихъ взаимныя отношенія. Большинство этихъ ложъ работало въ Петербургѣ, были ложи въ Москвѣ и провинціи: въ Ревелѣ, Митавѣ, Кронштадтѣ, Варшавѣ, Кіевѣ, Симбирскѣ, Тамбовѣ, Ярославлѣ и др. Нѣкоторыя изъ нихъ работали на французскомъ, польскомъ языкѣ, большинство на нѣмецкомъ и русскомъ.

Ложи по старому носили самыя причудливыя наименованія: «Александра тройственнаго спасенія», «Трехъ вѣнчанныхъ мечей», «Умира-

---

[1]) Этотъ союзъ, какъ упрощенный, привлекъ наибольшее число членовъ въ то время какъ, по исчисленію В. И. Семевскаго, въ „Великой провинціальной ложѣ“ числилось пять ложъ при 397 членахъ; въ Астреѣ въ 1817 г. было 12 ложъ при 910 членахъ. Въ 1818 г. Астрея насчитываетъ уже 24 ложи, 1300 членовъ, изъ коихъ 882 приходятся на Петербургъ.

ющаго сфинкса», «Ключа къ добродѣтели», «Александра къ коронованному пеликану», «Нептуна въ надеждѣ» и т. д.

Несмотря на упрощеніе въ масонской обрядности, послѣдняя все же переполнена аллегоріями, символами, туманнымъ языкомъ, которымъ любятъ изъясняться свободные каменщики. Вся эта обрядность, конечно, не имѣла никакого глубокаго значенія. Да и большинство масоновъ, мечтавшихъ о какомъ-то «всемірномъ гражданствѣ», говорившихъ, что «вселенная есть отечество каменщиковъ»; даже гросмейстеры были въ сущности весьма плохо освѣдомлены о задачахъ дѣятельности своихъ европейскихъ братьевъ. На засѣданіяхъ повторялись заученныя фразы, написанныя въ капитулахъ и уложеніяхъ. Теоретически масонство ставитъ себѣ высокія цѣли: внутренно переродить человѣчество; изгладить между людьми предразсудки кастъ, уничтожить фанатизмъ и суевѣріе, бѣдствія войны. Однимъ словомъ, преобразовать «весь міръ въ единое непоколебимое святилище добродѣтели и человѣколюбія»; образовать изъ всего человѣчества одно семейство братьевъ, связанныхъ узами любви, познанія и труда. Создать «царство равенство», — такова высокая задача, которую теоретически ставило себѣ масонство, какъ цѣлое. Вольные каменщики не признаютъ никакого другого различія, кромѣ производимой добродѣтелью: порода, чинъ и богатство — отметаются:

«Здѣсь вольность и равенство
Воздвигли вѣчный тронъ,
На нихъ у насъ основанъ
Полезный нашъ законъ».

И символически ватерпасъ въ ложѣ изображаетъ это всеобщее уравненіе. «Мы всѣ одной природы, слѣдовательно, и равны между собой». «У насъ и царь со всѣми равенъ, и нѣтъ ласкающихъ рабовъ», поется въ масонской пѣснѣ [1]).

Но отъ этой идеологіи ничего не останется, какъ только мы спустимся съ заоблачныхъ высотъ къ реальной жизни. Правда, нарисовать какую-нибудь единую характеристику общественнаго и политическаго міросозерцанія масоновъ совершенно невозможно: въ масонскихъ ложахъ, какъ мы увидимъ, сходились люди самыхъ различныхъ міросозерцаній и положеній: здѣсь были заядлые крѣпостники, самые ухищренные мистики, люди прогрессивнаго образа мнѣній и, наконецъ, самые безразличные. Было бы глубочайшей ошибкой утверждать, что между вольтерьянцемъ и свободнымъ борцомъ — декабристомъ, стоялъ «сантиментально настроенный идеалистъ, другъ человѣчества и просвѣтителей — свободный каменщикъ». Съ этимъ положеніемъ мы очень часто можемъ встрѣтиться въ современной литературѣ, рисующей себѣ типъ «свободнаго каменщика» по извѣстному экспромту — воспоминанію Пушкина о Кишиневской масонской ложѣ. Самый искренній масонъ былъ скорѣе политическимъ консерваторомъ: вѣдь онъ въ поискахъ истины и свѣта работалъ «надъ созданіемъ храма внутренней жизни». Онъ думалъ о самоусовершенствованіи путемъ обновленія «изнутри», путемъ нравственнаго возрожденія отдѣльной личности. Онъ мирился съ существующимъ строемъ, слѣдовательно, его идеологія въ лучшемъ случаѣ, какъ мы указывали, приводитъ къ общественному кві-

[1]) Такъ было только въ „пѣснѣ“; въ дѣйствительности масонъ Поздѣевъ и теоретически считалъ недопустимымъ, чтобы „масоны“ называли „братьями царей“.

этизму, а по большей части къ оправданію этого несовершеннаго существующаго общественнаго строя. Всякую перемѣну онъ признавалъ «гибельнымъ лжемудрствованіемъ, проявленіемъ пагубнаго буйства», ведущаго свое начало отъ французской революціи. Эти рѣчи мы очень часто слышимъ въ масонскихъ ложахъ. «Простолюдины,—сообщаетъ одинъ изъ видныхъ современныхъ масоновъ гр. Віелегорскій въ своихъ «Бесѣдахъ»,—не имѣя никакого понятія о существѣ нашего ордена, весьма его любили, предполагая по названію свободныхъ каменщиковъ, что наше братство старается ихъ сдѣлать вольными, въ чемъ они весьма ошибаются, ибо мы стремимся свергнуть съ себя оковы не мнимыя, поистинѣ тяжкія, а именно оковы грѣха, смерти и ада». Не правъ былъ развѣ декабристъ бар. Штейнгель, раздѣлившій при такихъ условіяхъ всѣхъ масоновъ на два рода людей — обманывающихъ и обманываемыхъ. Свобода человѣка — «свобода силъ его внутреннихъ». Но это положеніе противорѣчило и теоріи масонской: крѣпостной не могъ быть членомъ ложи, его можно было употреблять лишь для услуженія. Масонство и въ теоріи, какъ мы видимъ на примѣрѣ Невзорова, не возвышалось далѣе призыва фабриканта и помѣщика стать «благодѣтельнымъ, милостивымъ христіаниномъ»—быть «кротчайшимъ господиномъ», какъ говорилъ масонскій уставъ. Итакъ, масоны не поднимали вопроса объ уничтоженіи крѣпостного права. Но часто за крѣпостное право они говорили много. Самымъ настоящимъ крѣпостникомъ былъ также знаменитый масонъ, послѣдователь розенкрейцерства—Поздѣевъ. Тотъ, кто хлопочетъ объ освобожденіи крестьянъ,—писалъ онъ въ 1817 г. С. С. Ланскому,—тотъ хочетъ Россію «въ корень разорить». «Если дастся воля, это значитъ, — воля дѣлать всякіе безпорядки, грабежи, убійства» и т. д.; за три года передъ тѣмъ Поздѣевъ представилъ спеціальную записку: «Мысли противодарованія простому народу такъ называемой гражданской свободы». Поздѣевъ — защитникъ дворянскихъ привилегій: «дворяне въ государствѣ такъ, какъ пальцы у рукъ». Поздѣевъ вовсе не представлялъ собой какого-либо исключенія. Огромное большинство братьевъ масонскихъ ложъ, одинаковаго съ нимъ соціальнаго положенія, были такими же крѣпостниками. Возьмемъ масона Сафонова, друга Лопухина. Это былъ «пышный степной баранъ», крѣпостникъ, какъ называетъ его Свербеевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, который проповѣдуетъ, что крестьянъ надо «постоянно держать въ черномъ тѣлѣ»—они лучше тогда работаютъ, лучше повинуются. И масонъ Кречетовъ и всѣ другіе считаютъ невозможнымъ давать свободу «невѣждамъ». Идеологія масоновъ

Гр. М. Ю. Віельгорскій.

приводила также и къ политическому консерватизму: «Россія все еще татарщина, въ которой долженъ быть государь самодержавный, подкрѣпляемый множествомъ дворянъ», — писалъ Поздѣевъ Разумовскому 27 сентября 1816 г. А пока эта татарщина подъ вліяніемъ внутренняго свѣта, несомаго масонствомъ, не переродится, надо сохранять status quo. И поэтому въ «законахъ» масонскихъ ложъ особенно старательно подчеркивается политическая благонадежность масонъ. По уложенію Астреи члены союза обязаны были «непоколебимой вѣрностью государю и отечеству» и строгимъ исполненіемъ существующихъ въ государствѣ законовъ. На мастерѣ ложи «Елизаветы отъ добродѣтели» лежитъ обязанность слѣдить, чтобы въ рѣчахъ неупоминаемо было о политическихъ происшествіяхъ. Исключенія дѣлались лишь для тѣхъ торжественныхъ случаевъ, когда засѣданія происходили «въ честь монарха» и когда «усладительно» было говорить «о достоинствѣ и качествахъ, украшающихъ возлюбленнаго... государя». И это вовсе не было уставнымъ только требованіемъ, т.-е. требованіемъ формальнаго характера, вытекающимъ изъ того полуофиціальнаго положенія, которое заняли послѣ 1810 г. масонскіе клубы. Это требованіе вытекало по существу изъ всей консервативной идеологіи масонства.

Поэтому, если брать масонство въ чистомъ его видѣ, то вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ современныхъ изслѣдователей (напр., г-жи Соколовской) рѣшительно приходится отрицать за нимъ какое-либо общественное значеніе. Во всякомъ случаѣ, если и можно вообще говорить о какомъ-нибудь моральномъ вліяніи самого масонства, то оно было, какъ показываетъ В. И. Семевскій, очень невелико. Масонскія требованія быть «кротчайшимъ господиномъ»; нѣкоторыя напоминанія, хотя бы и словесныя, въ крѣпостнической средѣ о томъ, что и рабъ — человѣкъ, могло имѣть свое гуманизирующее вліяніе—по крайней мѣрѣ, на отдѣльныя личности это имѣло, какъ мы знаемъ, вліяніе [1]). Филантропическая дѣятельность масоновъ, хоть и въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, клала начала нѣкоторой общественной благотворительности. Но въ общемъ даже тѣ, кто считали себя «истинными масонами», неоднократно должны были засвидѣтельствовать, что «работа» масоновъ, въ концѣ-концовъ, давала самые ничтожные реальные результаты. «Мы садимся, встаемъ, зажигаемъ и гасимъ свѣчи, слышимъ вопросы и отвѣты, мы баллотируемъ... и, наконецъ, мы собираемъ нѣсколько рублей для бѣдныхъ—вотъ для чего мы собираемся въ ложи», — говоритъ одинъ изъ членовъ ложи «Избраннаго Михаила».

Масонъ Римскій-Корсаковъ въ своихъ «Размышленіяхъ о разности системъ въ масонствѣ» далъ такую же убійственную критику тѣхъ ложъ, которыя были лишены «истиннаго масонства». А такихъ было огромное большинство: есть ложи, въ коихъ все масонство ограничивается искусствомъ въ праздпованіи... торжественныхъ ложъ и банкетовъ: «есть братья, коихъ прилежность доказывается тѣмъ только, что, будучи тунеядцы и празднолюбцы, они не пропускаютъ собираться въ назначенный день...

[1]) Къ такимъ же положительнымъ явленіямъ, конечно, слѣдуетъ отнести, напр., ранніе протесты Лопухина противъ смертной казни и противъ употребленія пытокъ.

поговорить о профанскихъ матеріяхъ и вмѣстѣ посидѣть у эконома; есть братья, коихъ стремленіе сдѣлаться лучшими и совершеннѣйшими, состоитъ въ томъ, чтобы облечься многими безжизненными степенями; есть братья, коихъ усердіе къ распространенію масонскаго свѣта заключается въ торговлѣ онымъ... есть братья, коихъ связь и дружба имѣютъ единственной цѣлью получить въ профанскомъ быту чинъ или прибыточное мѣсто...»

Основываясь на приведенныхъ словахъ современниковъ, нетрудно опредѣлить причины успѣха масонства. Огромное большинство ищетъ масонскаго «свѣта» просто отъ «скуки». «Бездѣйствіе искало убѣжище отъ скуки, и шампанское заставляло забыть ничтожество цѣлей этихъ собраній». Послѣднее свидѣтельство Рунича отнюдь нельзя признать тенденціознымъ. Дѣйствительно, «столовыя ложи» наиболѣе популярны. Люди, слишкомъ серьезно принимавшіе масонскую мудрость, подаютъ скорѣе поводъ къ остроумію. Масоны, интересующіеся засѣданіями «столовыхъ ложъ» [1]), идутъ сюда какъ въ клубъ. И поэтому петербургская полиція имѣла полное право говорить, что масонскія ложи «болѣе могутъ быть уподоблены клубамъ нежели нравственнымъ какимъ собраніямъ». Масонство привлекаетъ, какъ мы видѣли, и тѣмъ, что въ ложахъ можно увидать многихъ лицъ, занимающихъ видное государственное положеніе и сдѣлаться ихъ, по крайней мѣрѣ, номинальными братьями. Однимъ словомъ, здѣсь играютъ роль соображенія карьеры. Съ другой стороны, если таинственность масонскихъ ложъ отталкиваетъ нѣкоторыхъ, какъ, напр., ген. А. П. Ермолова, то другихъ она привлекаетъ. Одинъ современникъ разсказываетъ намъ, какъ онъ рѣшительно ничего не понималъ при чтеніи мистической литературы, но это непониманіе еще больше его подстрекало добиться смысла аллегоріи. Но, въ концѣ-концовъ, онъ такъ ничего и не понялъ [2]). Таинственность подчасъ привлекаетъ и потому, что въ обществѣ ходятъ, какъ всегда, различные преувеличенные слухи. Отсюда создается мода, дѣйствующая заражающимъ образомъ. «Полагать должно,—говоритъ Вигель,—что въ воздухѣ бываютъ и нравственныя по-

Графъ Гр. Гр. Кушелевъ (Боровиковскій).

---

[1]) Ложей называлось и самое учрежденіе и засѣданіе.

[2]) Нельзя не припомнить по этому поводу продѣлку С. Т. Аксакова, который въ юности написалъ, по его собственному выраженію, „безсмыслицу и галиматью", поддѣлавшись подъ тонъ Эккартстгаузена, Штиллинга и Лабзина. Ему совершенно удалось одурачить своихъ друзей-мистиковъ, восторгавшихся глубокомысліемъ этой „галиматьи".

вальныя болѣзни, даже меня самого въ это время такъ и тянуло все къ тайнымъ обществамъ». Была мода на мистику, была мода и на масонство.

Но именно то обстоятельство, что масонскія ложи превращались въ своего рода клубы, имѣло вліяніе на то, что масонство сыграло извѣстную общественную роль, противоположную своимъ основнымъ заданіямъ.

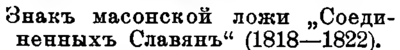
Прежде всего, какъ указываютъ многіе современники, масонскія ложи содѣйствовали нѣкоторой нивелировкѣ общества. Ложи послѣ 1815 г. нѣсколько демократизуются: званіе рыцаря можетъ получить и братъ «подлаго состоянія» (но, конечно, не крѣпостной). Въ ложахъ начинаютъ появляться люди средняго класса: чиновники, купцы и отчасти представители зарождающейся разночинной интеллигенціи.

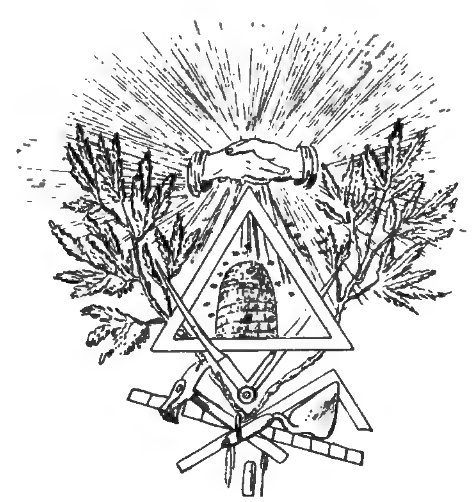
Если однѣ ложи носятъ характеръ аристократическій, напр., «Елизавета къ добродѣтели», другія—военный («Соединенныхъ друзей»), то въ третьихъ играетъ роль интеллигенція («Избраннаго Михаила»), въ четвертыхъ, наконецъ, какъ бы сосредоточиваются люди «подлаго состоянія» («Александра—къ коронованному пеликану»). Опредѣленнаго разграниченія все же нѣтъ, и это содѣйствуетъ нѣкоторому смѣшенію. Въ ложахъ собирались такимъ образомъ люди самаго разнообразнаго общественнаго положенія и настроенія: масономъ вплоть до запрещенія былъ вел. кн. Константинъ Павловичъ, пріобрѣтшіе столь печальную извѣстность въ николаевское время, Бенкендорфъ и Дубельтъ, Сперанскій, художникъ Ѳ. Толстой, граверъ Уткинъ, лютеранскіе пасторы, нѣкоторые изъ будущихъ декабристовъ и т. д.

Въ одной и той же ложѣ («Александра тройственнаго спасенія») встрѣчались въ качествѣ сочленовъ московскій полицмейстеръ Бибиковъ, ректоръ университета Геймъ, будущіе декабристы Фонъ-Визинъ и А. Н. Муравьевъ. «Почти все образованное населеніе,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Пржецлавскій («Рус. Ст.» 1874 г.)—всѣ непрестарѣлыя лица высшаго и средняго общества принадлежали къ ложамъ... Въ ихъ стѣнахъ сглаживались такъ рѣзко выдающіяся іерархическія и сословныя различія. Нерѣдко плебей возсѣдалъ въ ложѣ выше свѣтлѣйшаго князя».

То же самое говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ и ген. Михайловскій-Данилевскій, авторъ столь патріотической исторіи 1812 года, принятый въ масонство въ періодъ заграничнаго пребыванія: «масонство, сближавшее особъ различнаго состоянія, было въ семъ отношеніи благодѣтельно для Россіи, гдѣ раздѣленіе гражданскихъ сословій отмѣнно много препятствуетъ развитію просвѣщенія». Эта демократизація ложъ, то, что въ нихъ, по выраженію современника, допускается «всякая сволочь», т.-е. люди «подлаго состоянія», по другой терминологіи, отвлекаетъ отъ ложъ вниманіе представителей великосвѣтскаго общества. Михайловскій-Данилевскій въ процитированномъ выше отрывкѣ своихъ воспоминаній говоритъ: «Знатные люди у насъ рѣдко были масонами; ложи были обыкновенно наполнены людьми средняго состоянія, офицерами, гражданскими чиновниками весьма рѣдко купцами, а «болѣе всего литераторами». Знать, однако, на первыхъ порахъ принимала довольно живое участіе въ масонскихъ

ложахъ. В. И. Семевскій указываетъ, что въ разное время принадлежали, между прочимъ, къ масонскимъ ложамъ многіе изъ членовъ Государственнаго Совѣта: Лопухинъ II, Куракинъ, Мордвиновъ, Кочубей, Гурьевъ, Ланской, Голицынъ, Потоцкій, Сперанскій, Кампенгаузенъ. Всѣ они отстраняются отъ масонства, когда въ клубахъ начинаютъ проявляться до нѣкоторой степени новыя либеральныя теченія, когда и правительство начинаетъ съ подозрѣніемъ смотрѣть на развитіе масонства и ставитъ препятствія для его дальнѣйшаго распространенія. Такъ, въ мартѣ 1819 г. по распоряженію Александра закрывается полтавская ложа «Любви къ истинѣ», входившая въ союзъ Астреи. Тѣ же препятствія чинятъ маркизъ Паулучи, врагъ масонства, въ Ригѣ и Магницкій въ Симбирскѣ. И уже руководителю «Астреи» гр. Мусину-Пушкину-Брюсу приходится въ офиціальномъ прошеніи констатировать: «нынѣ масонство не имѣетъ уже счастья пользоваться покровительствомъ правительства». Вмѣстѣ съ уте-


Знакъ масонской ложи „Соединенныхъ Славянъ" (1818—1822).



Знакъ ложи „Соединенныхъ друзей"

рей этого «покровительства» начинается выходъ многихъ членовъ изъ чиновной аристократіи.

Предусмотрительный полицейскій умъ де-Санглена, того самаго, который сдѣлался масономъ со спеціальной цѣлью сыска, еще въ 1813 г. предостерегалъ объ опасности масонства. «Должно бы, кажется, избѣгнуть,—писалъ онъ,—ошибки тѣхъ правительствъ, которыя, пренебрегая такими обществами, полагая, что они собираются единственно для увеселенія, раскаялись въ легковѣріи, но поздно».

И дѣйствительно, масонствомъ заинтересовались тѣ, кто думалъ о нестроеніяхъ родины и мечталъ о преобразованіяхъ, постепенно совершенно забытыхъ правительствомъ. Многіе изъ будущихъ декабристовъ прошли масонскую школу. Многихъ влекла сюда романтическая таинственность союза, служащаго яко бы добродѣтели, справедливости и человѣческому достоинству. Многіе изъ нихъ искренно желали на первыхъ порахъ познать и распространять масонскій свѣтъ — это были люди съ

«пламеннымъ воображеніемъ», по характеристикѣ декабриста Трубецкого, видѣвшіе въ масонствѣ «какое-то совершенство ума».

Многіе изъ нихъ сдѣлались масонами за границей, гдѣ они видѣли въ ложахъ на ряду съ весельемъ и проявленіе серьезной политической мысли. Въ самомъ масонствѣ съ его безсмыслицей, по выраженію Якушкина, «игрушками» (Пестель)—такіе члены масонскихъ ложъ быстро разочаровались. Но вѣдь масонскія ложи были единственными общественными организаціями, гдѣ могла проявляться общественная иниціатива въ дни наступающей реакціи. Многіе изъ декабристовъ намъ говорятъ (А. Н. Муравьевъ), что хотѣли воспользоваться ложами для прикрытія политическихъ цѣлей, для вербовки членовъ въ зародившіяся политическія организаціи. И, конечно, масонство, вслѣдствіе именно пестроты своего состава, могло давать подходящій матеріалъ для этихъ цѣлей. Въ клубахъ масонскихъ, несмотря на запрещеніе, почти неизбѣжно должны были подниматься разговоры о «политическихъ дѣлахъ».

Не даромъ мистикъ Лабзинъ, руководитель тайной ложи, уже въ маѣ 1816 г. доносилъ Голицыну: «есть управляющіе ложами люди весьма вредные, не только не вѣрующіе, но и не скрывающіе своего невѣрія». По тѣмъ же причинамъ нѣкоторымъ современникамъ казалось, что масонство «не могло не быть привлекательнымъ въ тогдашней душной атмосферѣ аракчеевскаго времени»; по словамъ Пржецлавскаго, «ложи были какъ бы нейтральныя территоріи, какъ бы оазисы среди всеобщаго офиціальнаго застоя»; масонство «составляло едва ли не единственную стихію движенія въ прозябательной жизни того времени, едва ли не единственный центръ сближенія между личностями даже одинаковаго общественнаго положенія». Такъ казалось недостаточно освѣдомленному современнику. Въ дѣйствительности же центръ общенія перенесенъ былъ въ другое мѣсто—въ тайныя политическія организаціи.

Про масонскія ложи, какъ таковыя, Н. И. Тургеневъ писалъ 11 февраля 1818 г. по поводу открытія въ Симбирскѣ кн. Баратаевымъ ложи своему брату: «ключъ добродѣтели масонства у насъ процвѣтать теперь не можетъ». Сообщая, что онъ не бываетъ въ петербургскихъ ложахъ, Тургеневъ добавляетъ: «да онѣ того въ теперешнемъ ихъ церемоніальномъ ничтожествѣ и не стоятъ». Отъ масонства въ новыхъ тайныхъ обществахъ оставался лишь придатокъ въ видѣ привычки къ соблюденію извѣстныхъ обрядовъ. Быть-можетъ, это дань модѣ, такъ какъ даже въ литературныхъ обществахъ распространялись масонскіе обычаи: напр., въ «Вольномъ обществѣ премудрости и словесности» С. Д. Пономаревой при пріемѣ членовъ практиковались вопросы и отвѣты масонскаго характера. Эта форма, отчасти введенная въ союзъ спасенія, какъ замѣтилъ Трубецкой, была «въ противность съ характеромъ большей части членовъ». И, быть-можетъ, въ этой привычкѣ сказывалась не столько, пожалуй, мода, какъ сознательный умыселъ: по словамъ Трубецкого, А. Н. Муравьевъ доказывалъ, что тайное общество только и можетъ существовать подъ видомъ масонской ложи. А вѣдь далеко не всѣ члены первыхъ тайныхъ политическихъ обществъ могутъ быть зачислены въ группу сознательныхъ: первыя общества въ значительной степени были лишь подготовительной ступенью. Здѣсь шла еще только пропаганда.

Видъ Грузинскаго дома. (Рис. на камнѣ арх. Семенова 1821 г.).

V. Начало либерализма.

Тотъ духъ, который проявляется въ нѣкоторыхъ масонскихъ ложахъ, такъ же тѣсно связанъ былъ съ двѣнадцатымъ годомъ, какъ и мистика, получившая столь большое значеніе въ жизни. Мистическія бредни не могли заглушить порывовъ «лжеименнаго разума» у небольшой просвѣщенной части русскаго общества. Если однихъ двѣнадцатый годъ заводилъ въ реакціонный тупикъ, то другихъ Отечественная война и особенно пребываніе русскихъ войскъ за границей вели на другой путь — путь пробужденія интересовъ къ общественнымъ политическимъ вопросамъ. «Наполеонъ вторгся въ Россію, — писалъ впослѣдствіи изъ крѣпости императору Николаю А. А. Бестужевъ, — и тогда-то русскій народъ впервые ощутилъ свою силу... Вотъ начало свободомыслія въ Россіи». Цѣлый рядъ декабристовъ свидѣтельствуютъ намъ, что ихъ заграничныя впечатлѣнія пробудили чувства гражданственности. Наблюдая западно-европейскую жизнь, дѣятельность законодательныхъ учрежденій, знакомясь съ литературой и съ нѣкоторыми представителями общественной мысли, въ наиболѣе мыслящемъ офицерствѣ русской арміи зрѣла мысль, что «гражданину свойственна обязанность», а не только слѣпое повиновеніе, какъ выразился въ своихъ воспоминаніяхъ кн. С. Г. Волконскій. Съ другой стороны, то, что даже «мелькомъ» приходилось видѣть въ Европѣ, порождало чувство, что «Россія въ общественномъ, внутреннемъ и политическомъ бытѣ весьма отстала». «Естественно» напрашивалось «сравненіе со своимъ», поднимался вопросъ: «Почему же не такъ у насъ?» Являлось, наконецъ, желаніе, чтобы и Россія пользовалась

той же образованностью, той же свободой, тѣми же правами, «какими пользовались нѣкоторыя изъ европейскихъ націй» (Бѣляевъ). «Французскимъ ядомъ» заражались не только офицера, но и солдаты. Послѣдніе какъ бы предчувствуя, что то обхожденіе, къ какому они привыкли во Франціи и какого желали для себя, по словамъ Розена, и въ Россіи, столкнется съ находящейся въ фаворѣ «шагистикой, часто предпочитаютъ остаться за границей». По этому поводу Ростопчинъ писалъ своей женѣ въ 1814 г.: «Суди сама, до какого паденія дошла наша армія, если старшіе унтеръ-офицеры и простые солдаты остаются во Франціи, а изъ конно-гвардейскаго полка въ одну ночь дезертировало 60 человѣкъ съ оружіемъ и лошадьми. Они уходятъ къ фермерамъ, которые не только хорошо платятъ имъ, но еще отдаютъ за нихъ своихъ дочерей», и понятно, что при такихъ условіяхъ корпусъ Воронцова за «либерализмъ», какъ выразился Завалишинъ, по возвращеніи изъ Франціи поспѣшили раскассировать. Во всякомъ случаѣ Н. И. Тургеневъ былъ правъ, записавъ 25 апрѣля 1814 г. въ свой дневникъ: «Теперь возвратятся въ Россію много такихъ русскихъ, которые видѣли, что безъ рабства можетъ существовать гражданскій порядокъ и могутъ процвѣтать царства». И контингентъ «такихъ русскихъ» могъ пополняться не только изъ среды арміи, но и тѣхъ, которые послѣ 1812 г. устремляются за границу, «въ отпертую имъ со всѣхъ сторонъ Европу». Это, по замѣчанію Вигеля, «совершенно походило на эмиграцію». Во всякомъ случаѣ, непосредственное знакомство съ Европой могло дать гораздо больше дѣйствительно полезныхъ свѣдѣній русскому дворянину, чѣмъ ихъ давали сомнительные французскіе и нѣмецкіе учителя изъ «егерей». Эта новая просвѣщенная часть русской молодежи принимается за чтеніе научныхъ книгъ. Молодыхъ людей, по словамъ декабриста Крюкова, охватываетъ страсть къ занятіямъ, начинаютъ изучать, поскольку возможно, прошлое родины, а главное знакомиться съ дѣйствительностью, которая съ каждымъ днемъ въ связи съ настроеніемъ въ правительственныхъ сферахъ становится все непригляднѣе. Они еще питаютъ надежды на реформы вплоть до 1820 г., вплоть до тѣхъ поръ, когда правительственный курсъ опредѣлился уже слишкомъ ярко. За эти годы нѣтъ недостатка въ проектахъ и подчасъ наивныхъ напоминаніяхъ, съ которыми обращается къ Александру, напримѣръ, надворный совѣтникъ Д. И. Извольскій, писавшій 14 іюля 1817 г.: «Вы сдѣлали все, какъ полководецъ и дипломатъ, ничего еще какъ законодатель... Вникните въ гибельныя послѣдствія рабства владѣльческаго и казеннаго—ваше сердце обольется кровью, когда вообразите всю жестокость, съ какою мелкопомѣстное дворянство во зло употребляетъ свое право мучить существо чувствительное».

Въ 1815 г. составилъ свою записку «о постепенномъ уничтоженіи рабства въ Россіи» П. Д. Киселевъ. Но соціальный вопросъ, т.-е. разрѣшеніе вопроса о ликвидаціи крѣпостного права, не найдетъ себѣ еще въ первые годы болѣе или менѣе опредѣленной постановки уже потому, что тѣ, которые поставятъ его такъ остро въ концѣ царствованія Александра или еще слишкомъ молоды, или недостаточно себѣ выяснили всю сущность сложной проблемы, хотя Н. И. Тургеневу и казалось въ 1814 г., что послѣ 1812 года, «послѣ того, что русскій народъ сдѣлалъ, что

сдѣлалъ государь, что случилось въ Европѣ, освобожденіе крестьянъ»— дѣло весьма легкое, но это дѣло затрогивало слишкомъ близко дворянскіе интересы. Противъ него объединялась вся реакціонная клика, для которой малѣйшая попытка проведенія соціальной реформы вызывала тѣнь подавленной революціи. Но зато подчасъ консерваторы въ крестьянскомъ вопросѣ, какъ, напримѣръ, Мордвиновъ, были склонны къ политическому либерализму; поэтому о конституціи довольно много говорили въ первые годы сгущавшейся постепенно реакціи. Продолжая старыя традиціи дворянства, часто будутъ говорить намъ современники объ увѣнчаніи государственнаго зданія собраніемъ дворянскихъ депутатовъ. Эту мысль выскажетъ крѣпостникъ, калужскій предводитель дворянства кн. Н. Г. Вяземскій, ее же будетъ проводить въ 1818 г. въ цѣляхъ прекращенія «безпорядочнаго управленія» лифляндскій дворянинъ Бакъ, тѣ же опредѣленно аристократическія тенденціи скажутся и въ «пунктахъ» гр. Димитріева-Мамонова; отдастъ дань увлеченію «пэрствомъ» Н. И. Тургеневъ и др. Конституціонные разговоры найдутъ отклики и въ періодической печати, и въ «Духѣ Журналовъ», и въ «Вѣстникѣ Европы», и въ «Сынѣ Отечества».

І. А. Поздѣевъ.

Всѣ эти разсужденія будутъ стоять въ связи съ намеками о возможности введенія конституціонныхъ учрежденій въ Россіи, которыя отъ времени до времени дѣлаетъ Александръ, до Тропаускаго конгресса все еще игравшій въ Западной Европѣ либеральную роль. Эта либеральная нота прозвучитъ и въ нравоучительной нотѣ испанскому правительству: «правители народовъ должны добровольно ими данными постановленіями предварять постановленія насильственныя», она прозвучитъ и въ данномъ 1818 г. Новосильцеву порученіи составить «Уставную грамоту» для Россіи, которая получитъ одобреніе; она прозвучитъ въ знаменитой варшавской рѣчи императора при открытіи польскаго сейма 15 марта 1818 года. Эта рѣчь произвела на многихъ очень сильное впечатлѣніе. Варшавскія новости, по выраженію Карамзина въ письмѣ къ Димитріеву, «сильно дѣйствуютъ на умъ молодыхъ». И дѣйствительно, непосредственный ея слушатель будущій декабристъ Лореръ плачетъ отъ умиленія или восторга; такое же сильное впечатлѣніе производитъ рѣчь и на Волконскаго: «съ этой поры,—говоритъ онъ,—думы мои приняли другое направленіе».

«Вѣстникъ Европы», издаваемый теперь уже проф. Качановскимъ, помѣщаетъ отзывы заграничной печати объ этой «превосходной рѣчи». Все какъ бы заговорило послѣ этой рѣчи «языкомъ законосвободнымъ» (Вяземскій). Въ то время еще либеральному попечителю петербургскаго учебнаго округа гр. Уварову также мерещится, что «по примѣру Европы

начинаемъ помышлять о свободныхъ понятіяхъ». Но напрасно «разгорячились головы». Александръ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что Козодавлевъ разрѣшилъ напечатать варшавскую рѣчь въ офиціальной «Сѣверной Почтѣ»; по словамъ Штейнгеля, онъ замѣтилъ: «Всѣ хотятъ мѣшаться въ политическія дѣла». Желчный Ростопчинъ, сидя въ полуизгнаніи въ Парижѣ, не безъ злорадства по поводу этого писалъ своему вѣрному собесѣднику С. Р. Воронцову: «Все это кончится ссылкою дюжины болтуновъ» [1]). Такъ почти и было въ дѣйствительности. Многіе изъ вдумчивыхъ наблюдателей-современниковъ не обманывались уже въ искренности либеральныхъ намѣреній монарха-реформатора; во всякомъ случаѣ, они видѣли, что изъ всѣхъ многочисленныхъ обѣщаній и разговоровъ рѣшительно ничего не выйдетъ. Зло и остроумно передалъ эти впечатлѣнія Пушкинъ въ своихъ «сказкахъ» (1818 г.):

«Пора уснуть бы, наконецъ,
Послушавши, какъ царь-отецъ
Разсказываетъ сказки».

Не вѣрилъ «сказкамъ» и Пестель, воспользовавшійся рѣчью Александра, какъ цѣлесообразнымъ средствомъ пропаганды въ обществѣ, еще не умѣвшемъ достаточно критически разбираться въ рѣчахъ императора, которыя, по мѣткому выраженію современника, представляли въ то время «смѣсь либеральныхъ идей съ Библіей». Но, можно сказать, съ каждымъ днемъ разочарованіе въ Александрѣ растетъ въ либеральныхъ кругахъ, до послѣдняго времени все еще надѣявшихся, что починъ реформаторскихъ начинаній будетъ положенъ самой верховной властью. «Сомнѣніе, что онъ (Александръ) ищетъ больше своей личной славы, нежели блага подданныхъ, уже вкралось въ сердца членовъ общества», говоритъ Трубецкой про 1818 г. «Тотъ, которымъ восхищалась Европа и который былъ для Россіи нѣкогда надеждою, какъ онъ перемѣнился»,—дѣлится своими впечатлѣніями въ письмѣ къ брату 26 іюля 1819 г. Н. Тургеневъ.

Для тѣхъ, кто слишкомъ вѣрилъ въ Александра, разочарованіе было болѣзнено; приходилось прощаться со старыми утопическими мечтами, взлелѣянными юностью. Поэтому мы и встрѣчаемся съ такимъ личнымъ враждебнымъ настроеніемъ у многихъ изъ декабристовъ по отношенію къ Александру: «Онъ собственно причина возстанія 14 декабря», писалъ Каховскій въ письмѣ изъ крѣпости Николаю. Раздражало и то, что «покровитель и почти корифей либераловъ» въ Европѣ, былъ въ Россіи, по словамъ Якушкина «не только жестокимъ, но, что хуже того, безсмысленнымъ деспотомъ». Эту окончательную перемѣну во взглядахъ Александра или, вѣрнѣе, въ тонѣ правительственной политики Якушкинъ относитъ ко времени исторіи въ Семеновскомъ полку, когда Александръ «совершенно поступилъ подъ вліяніе Меттерниха», когда «прекратилось въ немъ раздвоеніе: и въ Европѣ и въ Россіи политическія его воззрѣнія были одни и тѣ же». Но «безстрастная исторія», которая, какъ мечталъ Штейнгель, «можетъ-быть, объяснитъ, къ изумленію грядущихъ вѣковъ», непостижимыя противорѣчія въ блестящемъ царствованіи Александра, должна отнести начало опредѣленной реакціонной политики еще къ болѣе раннему времени.

[1]) Всѣ эти многіе факты собраны съ огромной полнотой у В. И. Семевскаго „Политическія и общественныя идеи декабристовъ".

Казанскій соборъ въ 1821 г.

VI. Реакція.

Уже въ 1819 г. передъ нами раскрывается картина полной реакціонной вакханаліи, являвшейся прямымъ отзвукомъ той общеевропейской реакціи, которая охватила и правительства и господствующіе классы, вышедшіе побѣдителями въ борьбѣ съ революціонными началами. Въ Европѣ Священный союзъ уже вы родился въ «меттерниховскую систему», проявившуюся во всей своей силѣ послѣ знаменитаго «Вартбургскаго праздника» (1817) и убійства Коцебу (1819). Какъ въ Европѣ, стремленіе основать просвѣщеніе на благочестіи въ цѣляхъ укрѣпленія національнаго духа и основъ монархизма въ дѣйствительности приводило къ борьбѣ съ просвѣщеніемъ, такъ было и въ Россіи, когда открылась эра «министерства затменія», какъ выразился консерваторъ Карамзинъ, и когда руководителемъ народнаго просвѣщенія сдѣлался тотъ, кто «съ сокрушеніемъ и благочестіемъ» слушалъ пророческія слова Татариновой—кн. А. Н. Голицынъ. Мистическая «комедія» превратилась, по словамъ Греча, въ «трагедію». И вотъ почему она уже не была «смѣшна».

Когда Карамзинъ прочиталъ манифестъ 24 октября 1817 г. о преобразованіи Министерства Народнаго Просвѣщенія въ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, то тогда же въ письмѣ къ Димитріеву онъ отмѣтилъ, что попытка «мірское просвѣщеніе сдѣлать христіанскимъ», лишь умножитъ «число лицемѣровъ». Онъ былъ пророкомъ. Лице-

мѣріе и обскурантизмъ свили себѣ особенно прочное гнѣздо въ главномъ правленіи училища, которое состояло изъ главарей библейскаго общества, крайнихъ мистиковъ и піэтистовъ, враждебныхъ, какъ мы видѣли, въ сущности ко всякой наукѣ [1]).

Уже въ инструкціи, данной главнымъ правленіемъ 5 августа 1818 г. ученому комитету [2]), основанной на крайне реакціонной «Запискѣ о современномъ положеніи Германіи» члена правленія камеръ-юнкера Стурдзы, въ сущности уже опредѣленно объявлялся походъ противъ науки. Инструкція говорила, напр., о томъ, что надо въ книгахъ естественныхъ устранять «всѣ пустыя и безплодныя предположенія о происхожденіи и измѣненіи земного шара». Въ медицинскія науки «не должно быть внесено ничего такого, что унижаетъ духовную природу человѣка, его внутреннюю свободу и божественное предопредѣленіе». Ясно, что при такихъ условіяхъ медицинскія науки не далеко могли уйти отъ теософической химіи Лабзина.

Напоръ мистики и реакціи сказались прежде всего на разсадникахъ высшаго просвѣщенія—университетахъ, которые издавна были поставлены мистиками подъ подозрѣніе. Еще Невзоровъ въ 1790 г. при путешествіи въ Германіи называлъ знаменитый Геттингенскій университетъ «первѣйшимъ орудіемъ, разсадникомъ и распространителемъ всякаго разврата и безбожія». Новые мистики, дававшіе въ своемъ обскурантизмѣ много очковъ впередъ Невзорову, съ самаго начала принялись за реформированіе университетовъ. Въ 1816 г. въ Харьковѣ происходитъ уже торжественное сожженіе сочиненій проф. Шада, послѣ чего происходитъ высылка автора «за границу» за приверженность къ Шеллингу, который своими сочиненіями «дерзко» подрывалъ «основы св. писанія». Затѣмъ въ этотъ молодой университетъ попечителемъ назначается мистикъ, товарищъ президента петербургскаго библейскаго общества З. Я. Карнѣевъ, человѣкъ увѣренный, что молнія падаетъ въ видѣ треугольника, въ ознаменованіе троичности Божества. Легко себѣ представить, въ какомъ духѣ должно было итти съ тѣхъ поръ научное преподаваніе въ Харьковскомъ университетѣ.

Наиболѣе яркое примѣненіе на практикѣ торжествующей системы обскурантизма было знаменитое обревизованіе и реформированіе Казанскаго университета, произведенныя Магницкимъ, бывшимъ соратникомъ Сперанскаго, сдѣлавшимся теперь вѣрнымъ адептомъ новыхъ настроеній въ правительственныхъ сферахъ. Послѣ внимательнаго разысканія и труда нѣсколько лѣтъ Магницкій, какъ онъ разсказываетъ о себѣ, былъ пораженъ открывшейся ему глубокой истиной: все дѣло въ воспитаніи, которое должно быть основано на вѣрѣ. «Кровавыми литерами читаю, что сказала исторія: поколебалась вѣра... потомъ взволновались мнѣнія... и тысячелѣтній тронъ древнихъ государей взорванъ». Вотъ къ чему приводитъ «невѣріе философіи». И со страстью Магницкій въ качествѣ по-

---

[1]) Ближайшимъ помощникомъ Голицына явились т. с. Поповъ—одинъ изъ наиболѣе рьяныхъ, какъ мы видѣли, членовъ татариновскаго кружка; другимъ былъ А. И. Тургеневъ, довольно вѣрную характеристику котораго далъ Гречъ: «добрый человѣкъ, но пустой, надменный, вѣтренный, конечно, ничему не вѣрившій»... Жилъ въ верхнемъ этажѣ министерскаго дома и надъ кабинетомъ гонителя наукъ и просвѣщенія сочинялъ либеральную конституцію и бесѣдовалъ съ одномышленникомъ Н. И. Тургеневымъ.

[2]) Это учрежденіе возникло въ то время для разсмотрѣнія книгъ, съ цѣлью водворенія въ обществѣ „постояннаго и спасительнаго согласія между вѣрою, вѣдѣніемъ и властью“.

печителя Казанскаго округа сталъ уничтожать «невѣріе» и насаждать «вѣру». Магницкій въ ужасъ пришелъ отъ Казанскаго университета, зараженнаго духомъ «вольнодумства и лжемудрія». Магницкій требовалъ «публичнаго разрушенія университета». Но ему поручили его «исправить». И вотъ Магницкій приступилъ къ преобразованію университета «на началахъ Священнаго союза». Изгнавъ всѣхъ зловредныхъ профессоровъ, Магницкій въ 1821 г. издалъ характернѣйшую инструкцію, опредѣлившую духъ и направленіе, которымъ профессора обязаны были слѣдовать въ преподаваніи наукъ философскихъ, политическихъ, медицинскихъ и т. д. По этой инструкціи, которую дерптскій профессоръ Парротъ назвалъ «безконечной фразеологіей, гдѣ невѣжество облекается мантіей знанія», ректоръ университета обязанъ былъ присутствовать на лекціяхъ, просматривать тетради студентовъ и наблюдать, «чтобы духъ вольности ни открыто, ни скрыто не ослаблялъ ученія Церкви въ преслѣдованіи наукъ философскихъ и историческихъ». Какъ же шло новое преподаваніе? Философія должна была руководиться исключительно посланіями апостола Павла и доказывать преимущество Священнаго писанія надъ наукой; начала политическихъ наукъ должны быть извлекаемы изъ твореній Моисея, Давида и Соломона. Наука естественнаго права, какъ «мнимая наука» подверглась полнѣйшему остракизму. На профессоровъ всеобщей исторіи возлагалась обязанность показать слушателямъ, «какъ отъ одной пары все человѣчество развелось», преподаваніе новѣйшей исторіи — виновницы всѣхъ смутъ, было также безповоротно запрещено. Русскій историкъ долженъ былъ выяснить, что при Владимірѣ Мономахѣ русское государство «упреждало всѣ прочія государства на пути просвѣщенія»; русская словесность превращалась въ исторію духовнаго краснорѣчія. Математикъ, въ свою очередь, долженъ былъ строить свою науку на принципахъ нравственности и доказывать, что «математика вовсе не содѣйствуетъ развитію вольнодумства. Математика лишь подтверждаетъ высочайшія истоки вѣры, ея законъ совершенно согласенъ съ истоками христіанской религіи». «Причиною вольнодумства» — не математика (которая требуетъ «на все доказательствъ самыхъ строгихъ»), а господствующій духъ времени, доказываетъ ректоръ университета проф. Никольскій. «Въ математикѣ содержатся превосходныя пособія священныхъ истинъ. Напр., какъ числа безъ единицъ быть не можетъ, такъ и вселенная, яко множество, безъ Единаго

Вечеръ въ Тавридѣ 31 дек. 1821 г.

владыки существовать не можетъ... Двѣ линіи, крестообразно пересѣкающіяся подъ прямыми углами, могутъ быть прекраснѣйшимъ іероглифомъ любви и правосудія... Гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и любви, черезъ ходатая Бога и человѣковъ, соединившаго горнее съ дольнимъ, небесное съ земнымъ»... Проф. Фуксъ съ такимъ же успѣхомъ показывалъ, что «цѣль анатоміи находить въ строеніи человѣческаго тѣла премудрость Творца»... и т. д. Такимъ путемъ опровергался «гибельный матеріализмъ», такимъ путемъ устранялись «разрушительныя начала» и основывалось просвѣщеніе «на началахъ христіанской религіи». Только тотъ профессоръ удовлетворялъ своему назначенію, который расточалъ «похвалы магіи и кабалистикѣ» въ духѣ стараго масонства; и немудрено, что въ профессора по античной словесности начинаютъ попадать «за благочестивый образъ мыслей».

Въ духѣ господствующаго религіознаго мистицизма преобразовывалась и жизнь студентовъ университета. Ихъ жизнь наполнялась всевозможными упражненіями въ благочестіи. «Порченые студенты» въ наказаніе помѣщались въ комнату уединенія въ лаптяхъ и крестьянскомъ армякѣ— они должны были передъ распятіемъ и картиной страшнаго суда сокрушаться въ своихъ грѣхахъ. Пока происходилъ этотъ искусъ, товарищи грѣшника молились за него передъ лекціями, а самъ грѣшникъ по раскаяніи исповѣдывался и причащался. Неисправимыхъ грѣшниковъ Магницкій отдавалъ въ солдаты... Вотъ что дѣлали «злые невѣжды изъ религіи христіанской», какъ выразился Н. И. Тургеневъ. Но еще хуже приходилось наукѣ въ «блистательную эпоху преобразованія совершенно обновленнаго Казанскаго университета», когда щитъ «благочестія и страха Божія» оградилъ профессоровъ и воспитанниковъ отъ яда вольнодумства и лжеименнаго разума. Магницкій констатировалъ въ торжественной рѣчи на актѣ, что «въ то самое время, какъ лжеименная философія бунтуетъ умы на Бога и людей, въ университетѣ нашемъ самый ядъ сей претворяется въ цѣлительное средство противъ буйной гордости разума». Магницкій восторгался тѣмъ, что «въ Житіяхъ Святыхъ исчезла тѣнь Брутовъ» и что блестяще доказана «нелѣпость естественнаго права».

За Казанскимъ университетомъ наступала очередь за Петербургскимъ, гдѣ въ качествѣ попечителя округа дѣйствовалъ «подражатель и карикатура Магницкаго», по отзыву Греча, Д. П. Руничъ и его помощникъ директоръ Педагогическаго института Д. А. Кавелинъ. Руничъ также открылъ походъ противъ всѣхъ наукъ политическихъ и философскихъ. Онъ обвинилъ четырехъ самыхъ «благонамѣреннѣйшихъ» преподавателей (Галича, Германа, Раупаха и Арсеньева) въ томъ, что они стремятся къ «ниспроверженію всѣхъ связей семейственныхъ» и государственныхъ, въ томъ, что они предпочитаютъ Канта—Христу, а Шеллинга—Духу Святому и т. д.

Преобразованіе Петербургскаго университета шло такъ успѣшно, что казанскій ректоръ уже поздравлялъ «петербургскую обитель благочестія и просвѣщенія», каковой сдѣлался университетъ послѣ удаленія изъ преподаванія «всѣхъ вредныхъ доктринъ». Въ университетахъ насаждаются всякаго рода библейскія сотоварищества, являвшіяся «во время всеобщаго

броженія» оплотомъ противъ безвѣрія Вольтеровъ, Дидротовъ, Даламберовъ, противъ «лжемудрія германскихъ и англійскихъ философовъ», противъ «лжесвятости и кощунства латинскихъ папежниковъ». Новое просвѣщеніе внѣдряется съ такимъ успѣхомъ, что Магницкій, а вслѣдъ за нимъ и одинъ изъ петербургскихъ профессоровъ, могли съ гордостью констатировать, что «развитіе нечестія и опасность, грозившая цивилизаціи, общественному порядку и правительству, остановлены союзомъ, открывшимъ истинный свѣтъ». Но новая цивилизація такого рода, что Карамзину оставалось лишь скромно выражать надежду, что «Россія не погрязнетъ въ невѣжествѣ».

Къ школьной борьбѣ противъ просвѣщенія тѣсно примыкала и дѣятельность цензуры, направленной на устраненіе въ книгахъ всего того, что, по мнѣнію господствующаго обскурантизма, подрывало основы вѣры и государства: «благоразумная цензура, соединенная съ утвержденіемъ народнаго воспитанія на вѣрѣ, по мнѣнію Магницкаго, есть единый оплотъ бездны, затопляющей Европу невѣріемъ и развратомъ». Легко себѣ представить, какія требованія должна была предъявлять эта «благоразумная» цензура. Цензура во все царствованіе Александра искореняла «невѣрныя мысли», которыя опредѣлялись направленіемъ правительственной политики въ тотъ или иной моментъ. Въ теченіе всего царствованія и въ особенности въ 1813—14 гг. дѣйствовали черные кабинеты, занимавшіеся перлюстраціей частной переписки. Какъ всегда, цензура была непослѣдовательна и, какъ всегда, при самыхъ строгихъ «шлагбаумахъ мысли» въ журналахъ подчасъ проходили статьи, не отвѣчавшія видамъ правительственной политики. И не даромъ Штейнгель въ письмѣ къ императору Николаю впослѣдствіи удивлялся, что цензура придиралась къ словамъ «рокъ» и пропускала Рылѣевскую поэму «Исповѣдь Наливайки». Такъ бываетъ всегда. Но тѣмъ не менѣе цензура довольно бдительно смотрѣла за тѣмъ, чтобы журналы не высказывали мнѣній, не подлежащихъ вѣдѣнію журналистовъ. Дѣло шло не только о конституціяхъ, а вообще о вопросахъ, до правительства касающихся, или содержащихъ «опроверженіе правилъ, принятыхъ правительствомъ». Когда журналъ «Невскій Зритель» въ 1820 г. помѣстилъ статью «О вліяніи правительства на промышленность», Голицынъ написалъ 22 августа строгій выговоръ Уварову: «такое смѣлое присвоеніе частными людьми себѣ права критиковать и наставлять правительство ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть позволено». Въ экономической литературѣ въ это время идетъ полемика между протекціонистами и фритредерами. Голицынъ и этимъ недоволенъ и

Гр. Аракчеевъ (бронза) (Гуло.)

фритредеровскій органъ «Духъ Журналовъ» получаетъ строгое предостереженіе. «Духъ Журналовъ,—писалъ Голицынъ 6 октября 1820 г. петербургскому попечителю округа, — позволялъ себѣ возставать на распоряженія правительства по части мануфактурной, когда не позволенъ былъ ввозъ въ Россію чужестранныхъ произведеній; когда послѣдовало по новому тарифу разрѣшеніе, осмѣлился критиковать». Явно отсюда, что задача журнала «представлять всѣ дѣйствія правительства не обдуманными». Это говорилось про журналъ, который въ 1816 г. по поводу либеральнаго тарифа писалъ: «Да здравствуетъ мудрое благодѣтельное правительство». По мнѣнію Голицына, «одному правительству можетъ быть извѣстно, что... прилично сообщать публикѣ!» И, конечно, тщательнѣе всего охраняется священная старина крѣпостного права. Журналистикѣ скоро совсѣмъ запретили касаться крестьянскаго вопроса. Такая же судьба постигла и всѣ другіе вопросы политическаго характера, дабы не подавать «повода къ разнымъ заключеніямъ и толкамъ». Лебединой пѣснью «Духа Журналовъ» была статья «Чего требуетъ духъ времени» (въ началѣ 1819 г.), явившаяся откликомъ на варшавскую рѣчь Александра. Въ этой статьѣ духъ времени опредѣляется какъ желаніе «владычества законовъ на незыблемомъ основаніи». Въ 1821 г. журналъ—органъ землевладѣльческаго сословія, консервативный по своему направленію, былъ закрытъ. Въ практику жизни уже входило предписаніе Голицына 4 апрѣля 1818 г.: не допускать «никакихъ мыслей и правилъ, нетерпимыхъ нынѣ правительствомъ». Цензура должна была слѣдить, чтобы не обнаружился «духъ, противный религіи христіанской», «своевольство революціонной необузданности, мечтательнаго философствованія или опорочиванія догматовъ православной церкви». Какъ новая цензура стала уничтожать этотъ духъ «вольнодумства, безбожничества, невѣрія и неблагочестія», показываетъ начавшаяся въ 1821 г. дѣятельность знаменитаго цензора Красовскаго, обезсмертившаго себя въ исторіи, показавшаго на яркомъ примѣрѣ, до какой абсурдности можетъ доходитъ реакція. Этотъ ханжа, любившій раздавать духовно-назидательныя книжечки, усердно клавшій земные поклоны въ церквахъ, чувствовалъ омерзѣніе ко всему иностранному—«смердящему гноищу, распространяющему душегубительную зловонь», особенно къ Парижу — «любимому мѣсту пребыванія дьявола»; испытывалъ, впрочемъ, такое чувство онъ больше потому, что какъ «казенный человѣкъ», твердо слѣдовалъ за правительственной политикой. И онъ запрещалъ статьи «О вредности грибовъ», ибо «грибы — постная пища православныхъ, и писать о вредности ихъ значитъ подрывать вѣру и распространять невѣріе», равно какъ запрещалъ поэтамъ воспѣвать любовь въ недѣли поста. Въ знаменитыхъ примѣчаніяхъ къ стихамъ Олина «Стансы Элизы», которыя Красовскій не рѣшился пропустить «безъ особаго разрѣшенія министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія», сказалась особенно ярко уродливость того положенія, когда писатель попадаетъ въ зависимость отъ религіознаго ханжи и невѣжды.

«Что въ мнѣніи мнѣ людей? Одинъ твой нѣжный взглядъ
Дороже для меня вниманья всей вселенной»...—писалъ поэтъ.

«Сильно сказано,—дѣлалъ примѣчаніе Красовскій,—къ тому же во вселенной есть и цари и законныя власти, вниманіемъ коихъ дорожить должно»...

«Дыханье каждое и каждое мгновенье
И сердцемъ близъ тебя, другъ милый, обновясь».

«Всѣ эти мысли противны духу христіанства, ибо въ Евангеліи сказано: кто любитъ отца своего или мать паче Мене, тотъ нѣсть Мене достоинъ»...

Невольно припоминается позднѣйшій отзывъ николаевскаго министра Уварова: «Красовскій у меня, какъ цѣпная собака, за которой я сплю спокойно».

Мы коснулись той области, гдѣ реакціонная тупость неизбѣжно должна была проявляться особенно ярко, такъ какъ здѣсь она боролась непосредственно съ просвѣщеніемъ. Она сказывалась и въ другихъ областяхъ жизни. Общественный и политическій обскурантизмъ объединялъ самые разнородные элементы, насколько дѣло шло о защитѣ дворянско-крѣпостническихъ традицій и о борьбѣ съ «софизмами новой философіи», которые «привели къ гибельнымъ переворотамъ французскаго королевства». Патріотъ Трощинскій яро возражаетъ противъ реформы гражданскаго уложенія въ 1815 г., противъ кодекса Наполена: «Какъ можно заимствовать законы отъ ужасной революціонной пропаганды». Противъ всякихъ реформъ и идеологъ консервативно-дворянской партіи — Карамзинъ, врагъ мистики. Какъ ни враждебна карамзинистамъ старовѣрческая партія Шишкова, готовая видѣть въ Карамзинѣ якобинца, сѣющаго вольнодумство и матеріализмъ, и она сольется въ общихъ постулатахъ реакціи. «Опора и надежда дворянства — престолъ, а ограда и твердость престола—дворянство», какъ мѣтко охарактеризовалъ въ 1818 г. калужскій предводитель дворянства князь Вяземскій солидарность интересовъ монархіи и дворянства: истекшія «событія научаютъ паче всякаго умствованія: во Франціи не стало дворянства — она пала; въ Россіи оно было, и Россія возстала (противъ Наполеона), восторжествовала и блаженствуетъ»... Неученый истинно-русскій дворянинъ Аракчеевъ будетъ въ томъ же лагерѣ патріотовъ, масоновъ, піэтистовъ, мистиковъ, которые будутъ восхвалять «божественную поэзію» Священнаго союза [1]) и тотъ государственный институтъ, которому Россія обязана своимъ «величіемъ и благосостояніемъ», т.-е.

Памятникъ воинамъ аракчеевскаго полка въ соборѣ Грузина. (Томонъ, Крыловъ и Ажи).

[1]) „Священный союзъ,—писалъ Руничъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—былъ современнымъ замысломъ прекрасной души Александра. Это была божественная поэзія, которую профаны не могли оцѣнить“.

монархію. Только «народы дикіе не любятъ порядка, а нѣтъ порядка безъ власти самодержавной», будетъ доказывать Карамзинъ, «республиканецъ по чувствамъ». «Самодержавіе есть душа, жизнь» Россіи.

Въ этомъ лагерѣ будетъ и Каразинъ, восхвалявшій въ запискѣ 1820 г. «начала христіанско-монархическаго правленія»; и трезвый реакціонеръ, Жозефъ де-Местръ, покровитель іезуитовъ, врагъ «трансцендентальнаго христіанства» — Священнаго союза. Ихъ всѣхъ объединитъ одно — защита необходимости крѣпостного права. И эти настойчивыя заявленія о рабовладѣльческихъ правахъ ликвидируютъ совершенно къ 1820 году крестьянскій вопросъ, выдвинутый Отечественной войной, когда чувство самосохраненія заставило дворянство заговорить въ 1812 г. языкомъ человѣческимъ съ своими рабами. Но протекали годы и крѣпли исконныя традиціи тѣхъ, кто былъ для своихъ рабовъ вмѣсто «отцовъ». (Поздѣевъ), кто «въ маломъ своемъ кругѣ» «представлялъ лицо своего монарха», какъ изображалъ помѣщика-полицмейстера Каразинъ въ «Мнѣніи украинскаго помѣщика» по поводу освобожденія крестьянъ въ Лифляндіи. Эти патріархальныя теоріи любили развивать сентиментальные писатели александровской эпохи. Убѣждали въ томъ же и такіе умные реакціонеры, какъ Жозефъ-де-Местръ, писавшій въ 1815 г., что крѣпостное право «совсѣмъ не то, какимъ его всегда себѣ представляютъ». Нетрудно показать фактами, что крѣпостное право въ эту пору было «именно тѣмъ, чѣмъ его всегда себѣ представляли». Въ 1824 г. въ курскомъ губернскомъ правленіи разсматривается громкое дѣло о «невѣроятныхъ дѣйствіяхъ» помѣщиковъ супружеской четы Денисьевыхъ, изысканнымъ способомъ мучившихъ своихъ «Богомъ и государемъ данныхъ подданныхъ». Развѣ это былъ единичный случай въ 20 гг.? Нѣтъ! Крѣпостное состояніе, свидѣтельствуетъ Якушкинъ, «у насъ обозначалось на каждомъ шагу отвратительными своими послѣдствіями. Безпрестанно доходили до меня слухи о неистовыхъ поступкахъ помѣщиковъ, моихъ сосѣдей» [1]). «Ужасы» крѣпостного права становятся одной изъ основныхъ причинъ развитія вольномыслія. Пусть у нѣкоторыхъ въ данномъ случаѣ говоритъ не только чувство нравственнаго возмущенія, что русскій народъ является «рухлядью господъ», что людьми торгуютъ, «какъ скотомъ», но и теоретическія соображенія государственной безопасности и собственной помѣщичьей пользы. Важно, что крестьянскій вопросъ во всей своей силѣ и важности становится въ общественномъ сознаніи прогрессивныхъ слоевъ: «Угнетеніе одного класса другимъ не можетъ быть залогомъ благосостоянія великаго... народа», пишетъ молодой смитіанецъ Н. И. Тургеневъ въ знаменитомъ своемъ трудѣ «Опытъ теоріи налоговъ» (1818 г.). Но въ то именно время, когда начинается теоретическая и практическая разработка крестьянскаго вопроса, онъ окончательно изъемлется изъ

---

[1]) Характерный образецъ крѣпостнической психологіи можно найти въ отвѣтѣ Дм Мамонова 23 февраля 1825 г. по поводу проекта учрежденія надъ нимъ опеки. Онъ заявляетъ кн. Д. В. Голицыну, что по иному «какъ палками и плетьми и сажаніемъ въ холодную и кандалы», своихъ крѣпостныхъ не наказываетъ, что и впредь не перестанетъ наказывать, ибо это право «неразрывно сопряжено съ политическимъ и частнымъ домостроительствомъ Россійскаго Государства».

«Я исповѣдую,—добавлялъ Мамоновъ, — и это политическое правило, что правительство не можетъ насъ лишить сего права безъ общаго и нарочитаго нашего согласія». Въ то же время Мамоновъ считаетъ «подлостью» жаловаться на своего «раба» въ полицію Это нарушаетъ патріархальныя начала.

сферы открытаго обсужденія. Поводомъ послужила напечатанная въ 1818 г. въ «Духѣ Журналовъ» довольно консервативная въ сущности рѣчь малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Н. Г. Репнина о томъ, что дворянское сословіе въ виду собственныхъ интересовъ должно позаботиться о благосостояніи крѣпостныхъ крестьянъ: «обезпечить ихъ благосостояніе и на грядущія времена, опредѣливъ обязанности ихъ». «Связь, существующая между помѣщиками и крестьянами, есть отличительная черта русскаго народа. У иноземцевъ часто владѣлецъ помышляетъ только о доходѣ, а нисколько о тѣхъ, который ему оный доставили. Но сколько пагубы было отъ сего послѣдствія! Пришли враги, и за родину никто не принесъ себя въ жертву. Мѣняли царей, опровергали древніе законы и обычаи, ко всему были равнодушны». Напечатаніе этой рѣчи вызвало большой переполохъ въ цензурѣ и въ лагерѣ тѣхъ, кто былъ глубоко доволенъ мирнымъ исходомъ Отечественной войны. Голицынъ немедленно указалъ попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа на «неприличности», допущенныя въ журналѣ, т.-е. помѣщеніе статей, содержащихъ разсужденія о «вольности и рабствѣ крестьянъ» и о «дѣйствіяхъ правительства». Напрасно редакторъ въ сущности крѣпостническаго журнала оправдывался тѣмъ, что въ рѣчи кн. Репнина «нѣтъ ничего ни о рабствѣ, ни о свободѣ крестьянъ, а только самое мягкое и осторожное напоминовеніе объ улучшеніи участи крестьянъ». Но зачѣмъ улучшать участь тѣхъ крестьянъ, которые въ куплетахъ для «сельской комеди» русскаго Титъ-Ливія (такъ именуетъ Карамзина Воейковъ въ «Домѣ сумасшедшихъ») воспѣвали своихъ благодѣтелей помѣщиковъ: «Какъ не пѣть намъ? Мы щастливы! Славимъ барина-отца».

С. И. Маевскій. (Васьковъ).

Такъ или иначе, но цензура получаетъ предписаніе слѣдить, чтобы ничего не писалось «ни въ подкрѣпленіе какой-либо изъ подобныхъ предметовъ мысли, ни противъ оной: то и другое нерѣдко бываетъ равно вредно поданіемъ повода къ разнымъ заключеніямъ и толкамъ». Запрещалось писать не только о крестьянахъ «здѣшнихъ», но и «иностранныхъ». Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, изъятый изъ сферы гласнаго обсужденія въ печати, въ сущности совершенно ускользаетъ изъ поля зрѣнія правительства. Основной предпосылкой становится тезисъ, заимствованный изъ кодекса реакціоннаго міровоззрѣнія Жозефа-де-Местра: «императоръ не можетъ царствовать» безъ крѣпостного права. Ростопчинъ поясняетъ причину этой невозможности: «освобожденіе крестьянъ противно желанію дворянства». Отсюда становится «правиломъ», что «бѣднымъ народамъ легче и надежнѣе управлять, нежели... въ добродѣтели живущимъ». Этого правила и держится правительство въ послѣдніе годы царствованія Александра,

какъ поясняетъ Штейнгель въ письмѣ изъ крѣпости императору Николаю. А для назиданія тѣхъ, кто выходитъ изъ повиновенія «боярамъ», приказывается наказывать «публично», а не «въ частяхъ на съѣзжихъ», какъ поясняетъ С. Т. Аксаковъ въ письмѣ къ дѣтямъ изъ Москвы 17 іюля 1818 г. И понятно, что «столѣтній старовѣръ» (такъ именуетъ Шишкова А. Ѳ. Воейковъ въ своемъ «Домѣ сумасшедшихъ») встрѣчаетъ большое сочувствіе въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1820 г., когда возражаетъ противъ проекта запрещенія продажи людей безъ земли. Проектъ не получилъ законодательной санкціи, хотя касался самой возмутительной стороны крѣпостного права. Иного и нельзя было ожидать отъ «автоматовъ, составленныхъ изъ грязи, изъ пудры, изъ галуновъ и одушевленныхъ подлостью, глупостью, эгоизмомъ», какъ выражался Н. Тургеневъ въ своемъ дневникѣ.

Де-Виттъ. (Рейхель).

Единственнымъ результатомъ обсужденія въ Государственномъ Совѣтѣ «непристойности, съ какой продаются люди въ Россіи» (выраженіе Якушкина), было то, что «объявленія въ газетахъ о продажѣ людей замѣнились другими»: прежде en toutes lettres печаталось, что рабы продаются на ряду съ «домашнимъ скарбомъ», какъ-то: перинами, кроватями, попугаями, моськами, малосольной осетриной, сивыми меренами и т. д. [1]); теперь продажа замѣняется словами «отпускаются въ услуженіе», что «значило», говоритъ И. Д. Якушкинъ, «продавались». Напрасно въ 1823 г. бар. Штейнгель съ нѣкоторой наивностью убѣждаетъ Александра въ письмѣ, что Россія «несетъ еще праведную укоризну отъ всей просвѣщенной Европы за постыдную перепродажу людей, въ ней существующую». Этимъ письмамъ уже не внимаютъ («многіе, очень многіе писали, но не внимали имъ», долженъ засвидѣтельствовать Каховскій во время суда надъ декабристами). Мы уже знаемъ [2]), что непрошенные напоминатели подчасъ встрѣчаются съ рѣзкимъ окликомъ: «Дуракъ! не въ свое дѣло вмѣшался»...

Но ужасы крѣпостного права блѣднѣютъ передъ тѣмъ кошмарнымъ явленіемъ александровскаго царствованія, какимъ сдѣлались военныя поселенія, осуществлявшія обѣщанія 1814 года дать войскамъ осѣдлость и присоединить къ нимъ ихъ семейства. Это былъ мрачный эпилогъ «блестящаго» царствованія, вѣнецъ реакціи, послѣдовавшей за Отечественной войной.

---

[1]) См. картину К. В. Лебедева, помѣщенную въ I т. нашего изданія, о которой рецензентъ „Рѣчи“ высказалъ мнѣніе, что она не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу, которому посвящено наше изданіе.

[2]) См. характеристику Александра во II т.

Военныя поселенія. (Музей П. И. Щукина).

VII. Военныя поселенія.

Хотя идея учрежденія военныхъ поселеній, какъ говорятъ историки, была не нова [1])—она бродила и у императора Павла, высказывалась польскимъ публицистомъ Сташицемъ, находила себѣ нѣкоторое осуществленіе въ устройствѣ австрійской военной границы и т. д., тѣмъ не менѣе, по всей справедливости, это «небывалое великое государственное предпріятіе» должно быть всецѣло отнесено на долю личнаго творчества императора Александра I.

Родилась ли эта «счастливая мысль» во «всеобъемлющемъ умѣ» Александра, какъ объявлялъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ 1826 г. Аракчеевъ, или она пришла ему при чтеніи статьи профессора Сервана Sur les forses frontieres des états, какъ думалъ Шильдеръ, при знакомствѣ ли съ ландверной системой Шарнгорста (мнѣніе А. Н. Петрова)—во всякомъ случаѣ Аракчеевъ имѣлъ право въ цитируемомъ приказѣ сказать, что «сіе новое, никогда, нигдѣ на принятыхъ основаніяхъ небывалое великое государственное предпріятіе, справедливо обратившее на себя вниманіе цѣлой Европы, обязано своимъ началомъ и осуществленіемъ величай-

[1]) „Военныя поселенія“ существовали еще въ XVII в.,—говоритъ полковникъ А. С. Лыкошинъ,—для защиты пограничныхъ областей отъ набѣговъ кочевниковъ на южныхъ и восточныхъ окраинахъ Россіи. Въ XVIII в. были организованы военныя поселенія во внутреннихъ губерніяхъ изъ нижнихъ чиновъ, уволенныхъ въ отставку за ранами, болѣзнями и старостью (Лыкошинъ „Военныя поселенія“, во II т. „Великой Реформы“). Но едва ли военныя поселенія александровскаго времени имѣли даже по идеѣ что-либо общее съ поселеніями на сторожевыхъ постахъ XVII в.

шему изъ царей». Генералъ Маевскій, служившій въ военныхъ поселеніяхъ, свидѣтельствуетъ, что онъ вмѣстѣ съ Аракчеевымъ читалъ проектъ ихъ учрежденія, собственноручно написанный императоромъ. И другой сослуживецъ Аракчеева, Мартосъ, тоже подтверждаетъ, что Аракчеевъ выставлялъ себя только исполнителемъ воли монарха. Но какъ бы то ни было, именно Аракчеевъ явился главнымъ проводникомъ въ жизнь идеи императора, и 29 іюня 1810 г., получивъ увѣдомленіе, что военныя поселенія поручаютъ его вѣдѣнію и заботамъ, онъ въ такихъ восторженныхъ словахъ благодарилъ за оказанную милость: «Я не имѣю столько ни разума ни словъ, чтобы изъяснить, батюшка ваше величество, всей моей благодарности». Аракчеевъ и испортилъ, по мнѣнію Свербеева, «благую мысль» Александра. «Благая мысль» заключалась въ томъ, чтобы не отрывать крестьянъ въ мирное время отъ земледѣльческихъ занятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ облегчать государственный бюджетъ по содержанію арміи. Первый опытъ былъ сдѣланъ въ 1810 г., когда поселенъ былъ Елецкій мушкатерскій полкъ въ Климовицкомъ уѣздѣ, Могилевской губ. И первый уже опытъ могъ быть зловѣщимъ предзнаменованіемъ того, какъ въ жизни будетъ осуществляться «великодушное побужденіе». При осуществленіи великаго замысла на первыхъ же порахъ не считали нужнымъ учитывать интересы тѣхъ, кого хотѣли облагодѣтельствовать. Судьба несчастныхъ крестьянъ Могилевской губ., выселенныхъ въ Харьковскую, чтобы очистить мѣсто для первыхъ военныхъ поселенцевъ, въ этомъ отношеніи удивительно характерна: по словамъ современника лишь «немногіе достигли» мѣста своего новаго жительства,—большинство умерло «отъ голода».

Событія 1812 г. пріостановили развитіе военныхъ поселеній. Зато теперь, съ 1816 г., принялись за нихъ еще съ большей энергіей, такъ какъ для развитія ихъ явился новый поводъ: благодарность арміи за славу, данную Россіи и ея государю.

«Въ награду» давалась осѣдлость, которая должна была содѣйствовать «улучшенію состоянія воиновъ». «Желая, съ одной стороны, изъявить особенное вниманіе къ заслугамъ побѣдоносныхъ нашихъ воиновъ, — гласила грамота, данная 21 марта 1821 г. Украинскому Уланскому полку и перечислявшая всѣ преимущества военныхъ поселеній [1]),—съ другой отвратить всю тягость, сопряженную для любезновѣрныхъ подданныхъ нашихъ съ нынѣ существующею рекрутскою повинностью, по коей поступившіе на службу должны находиться въ отдаленіи отъ своей родины, въ разлукѣ съ своими семействами и родными, что естественно устрашаетъ ихъ при самомъ вступленіи въ службу, и съ тоскою по своей родинѣ ослабляетъ ихъ силы, и новое ихъ состояніе дѣлаетъ имъ несноснымъ. Съ отеческимъ попеченіемъ занимаясь средствами сдѣлать переходъ сихъ людей въ военное состояніе нечувствительнымъ и самую службу менѣе тягостною, мы положили въ основаніе сему то правило, чтобы въ мирное время солдатъ, служа отечеству, не былъ отдаленъ отъ своей родины, и посему мы приняли непреложное намѣреніе дать каждому полку свою осѣдлость въ извѣстномъ округѣ землею и опредѣлить на

---

[1]) Она повторяла содержаніе грамотъ предшествующихъ

укомплектованіе онаго единственно самихъ жителей сего округа». Въ такую форму вылилась идея военныхъ поселеній, и когда они «окончательно устроятся», тогда въ Россіи «не будетъ рекрутскихъ наборовъ», какъ по словамъ Якушкина, заявилъ Александръ П. Д. Киселеву, не сочувствовавшему любимой идеѣ императора. Эту идею созданія «военной касты съ оружіемъ въ рукахъ и не имѣющую ничего общаго съ остальнымъ народонаселеніемъ», Якушкинъ называетъ не только вредной, но и безсмысленной. Въ дѣйствительности за офиціальными грамотами, въ которыхъ рисовались идиллическія картины будущаго благополучія воинскихъ чиновъ, скрывалась и другая мысль, которую вѣрно отмѣтилъ А. Н. Пыпинъ. «Учрежденія военныхъ поселеній надо поставить въ связь съ европейской политикой Александра: это была попытка создать огромную армію, которая обезпечивала вліяніе Россіи и спокойствіе Европы». Утопичность этой мечты была офиціально засвидѣтельствована уже при преемникѣ Александра.

Кн. А. Н. Голицынъ (Райта).

На первыхъ порахъ для военныхъ поселеній не было выработано какой-либо одной опредѣленной системы. Они развивались на опытѣ и регулировались отдѣльными мѣрами, которыя затѣмъ становились общей нормой [1]). Общее положеніе заключалось въ томъ, что солдатъ одновременно долженъ былъ сдѣлаться и земледѣльцемъ. Первоначально коренные жители мѣстности, избранной для учрежденія военныхъ поселеній, переселялись въ другой край. Но солдаты, отвыкшіе отъ сельскаго хозяйства, оказались плохими хлѣбопашцами, поэтому, при дальнѣйшемъ развитіи военныхъ поселеній, коренные жители мѣстности, назначенной для учрежденія военнаго поселенія, также зачислялись въ военные поселяне. Изъ этихъ коренныхъ жителей, женатыхъ и отличавшихся «совершенно безпорочнымъ поведеніемъ», выбирались «хозяева, получавшіе земельный надѣлъ». Въ эту привилегированную группу попадали и лучшіе нижніе чины поселяемаго полка. Другіе мѣстные жители, годные къ военной службѣ, зачислялись въ помощники хозяевъ, жили у послѣднихъ,

1) Общія правила получили утвержденіе лишь 23 мая 1820 г

работая на нихъ и имѣли надежду впослѣдствіи самимъ сдѣлаться хозяевами «посредствомъ женитьбы съ коренными жителями и помѣщенія у бездѣтныхъ, по ихъ согласію, избранныхъ ими себѣ въ наслѣдники». Эти помощники числились въ дѣйствующихъ частяхъ полка. Воинскіе чины поселенныхъ частей, т.-е. поселяне-хозяева «избавляются навсегда отъ похода и отъ необходимости переносить разныя неизбѣжныя съ тѣмъ неудобства и недостатки, но будутъ жить въ своихъ домахъ неразлучно со своими семействами, имѣть всегда свѣжую и здоровую пищу и другія удовольствія жизни и обращая въ свою собственность все то, что отъ самихъ ихъ зависитъ пріобрѣсть рачительнымъ воздѣлываніемъ земли и разведеніемъ скота, умножать тѣмъ, годъ отъ года, состояніе свое и упрочить оное своимъ дѣтямъ» — такъ опредѣляются выгоды осѣдлости въ «правилахъ», разработанныхъ Аракчеевымъ и Высочайше утвержденныхъ 13 іюля 1818 года. Чины дѣйствующихъ частей «въ мирное время также станутъ жить въ домахъ сотоварищей своихъ, чиновъ поселенныхъ... и раздѣляя съ ними упражненія ихъ, пользоваться тою пищею, какую сами они употребляютъ, а выступая въ походъ, не будутъ уже заботиться о участи женъ и дѣтей своихъ и о цѣлости своего имущества, потому что все сіе въ поселенныхъ эскадронахъ будетъ и безъ нихъ призрѣнно, успокоено и сбережено ихъ товарищами, такъ точно какъ бы самими ими».

Исключительно изъ военныхъ поселянъ долженъ былъ комплектоваться полкъ; всѣ остальные жители уѣздовъ, гдѣ учреждены были поселенія, освобождались въ мирное время отъ рекрутскихъ наборовъ и за это несли лишь въ усиленныхъ размѣрахъ другія повинности. Всѣхъ военныхъ поселянъ одѣли въ форменную одежду и обязали до 45 лѣтъ одновременно выполнять и фронтовыя занятія и земледѣльческія работы, т.-е дѣйствительно «хлѣбопашца принудили взяться за ружье, а воина за соху». Воинъ долженъ былъ проникнуться мыслью, что «земледѣльческія и всѣ прочія по хозяйству занятія по важности и отвѣтственности равны какъ бы по службѣ во фронтѣ». Хлѣбопашецъ долженъ былъ имѣть «твердое знаніе всего касающагося до военной экзерциціи»,—такъ гласили цитированныя выше правила.

Послѣ 45-лѣтняго возраста военный поселянинъ попадалъ въ число «инвалидовъ», употребляемыхъ уже для другихъ хозяйственныхъ надобностей. Дѣти военныхъ поселенцевъ, зачисляемыя въ кантонисты съ семи лѣтъ, обмундированныя въ форменную одежду также «принадлежали полку». До 12 лѣтъ оставаясь при родителяхъ, они обучались въ школѣ; отъ 12 до 18 лѣтъ пріучались къ хозяйству, помогая родителямъ, и занимались фронтовой службой. Далѣе изъ способныхъ къ службѣ комплектовались дѣйствующія части поселеннаго полка, остальными замѣщались нестроевыя должности (правила 11 мая 1817 г.).

Такова въ общихъ чертахъ была организація военныхъ поселеній. Волость съ военными поселеніями была изъята изъ вѣдѣнія гражданскаго начальства (земская полиція имѣла право въѣзжать въ волость «не иначе, какъ и тогда только, какъ батальонный командиръ признаетъ нужнымъ»). Всей хозяйственной частью въ военныхъ поселеніяхъ распоряжался также полковой комитетъ. Вся эта организація создалась попеченіями гр. Арак-

чеева, который имѣлъ «главныя заботы» о Высоцкой волости, Новгородской губ., гдѣ былъ поселенъ въ 1816 г. 2-й батальонъ гренадерскаго имени его полка. Устройство этихъ поселеній должно было служить «образцомъ для прочихъ поселеній», какъ сообщаетъ Аракчеевъ въ докладѣ, представленномъ императору 11 января 1817 г. [1]). Теоретическая безсмыслица получаетъ характеръ чего-то ужасающаго, потому что Высоцкая волость до точности воспроизводитъ порядки, царившіе въ грузинской вотчинѣ графа Аракчеева. А такъ какъ по всей Россіи военныя поселенія осуществляются по однообразному плану, то эти знаменитые порядки распространяются повсюду, гдѣ возникаютъ военныя поселенія. Грузинская вотчина имѣла блестящій видъ: повсюду чистота и какъ будто бы довольство. Всюду проведены шоссейныя дороги, устроены прекрасныя строенія и даже «мірскіе банки» и т. д. Впечатлѣніе отъ благоустройства такое, что Александръ при посѣщеніи Грузина въ 1810 г. не могъ не удержаться отъ благодарственнаго рескрипта образцовому хозяину: «Бывъ личнымъ свидѣтелемъ, — пишетъ Александръ 21 іюля,—того обилія и устройства, которое въ краткое время, безъ принужденія (?!) однимъ умѣреннымъ и правильнымъ распредѣленіемъ крестьянскихъ повинностей и тщательнымъ ко всѣмъ нуждамъ ихъ вниманіемъ успѣли вывести въ вашихъ селеніяхъ, я поспѣшаю изъявить вамъ истинную мою признательность за удовольствіе, которое вы мнѣ симъ доставили, когда съ дѣятельною государственною службою сопрягается примѣръ частнаго добраго хозяйства, тогда и служба и хозяйство получаютъ новую цѣну и уваженіе». Александръ ошибся, однако, въ томъ, что блестящее состояніе грузинской вотчины было достигнуто «безъ принужденія». Письменные приказы грузинскаго грансеньера, регламентирующіе до мелочей жизнь его вѣрноподданныхъ рабовъ, опровергаютъ въ достаточной мѣрѣ необоснованное сужденіе аракчеевскаго друга. Эти приказы и цѣлыя даже «положенія» о метелкахъ, при посредствѣ которыхъ наводится блескъ и чистота, вмѣшиваются въ самыя интимныя семейныя дѣла. Что можетъ быть характернѣе знаменитаго приказа Аракчеева о рожденіи дѣтей. «У меня всякая баба должна каждый годъ рожать и лучше сына, чѣмъ дочь. Если у кого родится дочь, то буду взыскивать штрафъ. Если родится мертвый ребенокъ или выкинетъ баба—тоже штрафъ. А въ какой годъ не родитъ, то представь десять аршинъ точива». Аракчеевъ по списку опредѣлялъ:

А. И. Тургеневъ (Брюлловъ).

[1]) Всѣ эти правила, доклады и т. д. приведены въ приложеніяхъ къ очерку А. Н Петрова „Историческій обзоръ устройства и управленія военныхъ поселеній" въ книгѣ, изданной „Русской Стариной" въ 1877 г. „Гр Аракчеевъ и военныя поселенія".

кому на комъ жениться, но и послѣ женитьбы не оставлялъ своихъ подданныхъ въ покоѣ. Имъ издаются даже «краткія правила для матерей-крестьянокъ грузинской вотчины» о кормленіи грудныхъ младенцевъ. Таковъ былъ попечительный грузинскій помѣщикъ, но у него была и другая черта, за которую Вигель называлъ Аракчеева «разъяреннымъ бульдогомъ», а именно жестокость. Нарушеніе всѣхъ многочисленныхъ приказовъ въ грузинской вотчинѣ влекло самое строгое наказаніе: у каждаго крестьянина въ карманѣ должна была находиться особая «винная книжка», также велись и особые журналы наказаній. Если Аракчеевъ «съ нижними чинами поступалъ совершенно по-собачьи», то еще меньше онъ стѣснялся со своими личными рабами. «Я имѣлъ случай узнать всю его (Аракчеева) коварность и злость,—пишетъ сослуживецъ графа Мартосъ,—превышающую понятіе всякаго человѣка, образъ домашней жизни, безпрестанное сѣченіе дворовыхъ людей и мужиковъ, у коихъ по окончаніи всякой экзекуціи самъ всегда осматриваетъ спины». Для наказанія своихъ «добрыхъ крестьянъ», которыхъ Аракчеевъ любитъ «какъ дѣтей» (о чемъ свидѣтельствуетъ онъ въ 1812 г. въ письмѣ къ новгородскому губернатору Сумарокову), въ Грузинской вотчинѣ существовала сложная система. Такъ, на женщинъ надѣвались рогатки и въ такомъ видѣ заставляли ихъ въ праздникъ молиться въ соборѣ. Въ графскомъ арсеналѣ всегда стояли въ то же время и кадки съ разсоломъ, въ которыхъ мокли орудія сѣченія. За первую вину графъ сѣкъ своихъ дворовыхъ на конюшнѣ; за вторую отправлялъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ виновныхъ наказывали особо толстыми палками—аракчеевскими; по третьей винѣ экзекуція совершалась при помощи спеціалистовъ-палачей изъ Преображенскаго полка уже въ грузинскомъ дворцѣ, передъ кабинетомъ или въ той библіотекѣ, въ которой на ряду съ порнографическими произведеніями было такъ много книгъ благочестиваго и сентиментальнаго свойства. Такъ какъ графъ имѣлъ обыкновеніе лично осматривать—должнымъ ли образомъ наказаны виновные, то, во избѣжаніе повторенія экзекуціи, наказанные нерѣдко кровью животныхъ покрывали рубцы на исполосованной спинѣ. Въ усадьбѣ была и своя домашняя подземная тюрьма, изысканно именуемая «Эдикулъ», гдѣ недѣлями и мѣсяцами сидѣли нарушившіе хозяйственные «приказы» грузинскаго вотчинника. Не уступала въ своихъ звѣрскихъ инстинктахъ Аракчееву его домоправительница и любовница Анастасія Минкина—эта «великомученица» (по отзыву арх. Фотія), убитая крѣпостными. Она, какъ и ея возлюбленный, вырывала кусками мясо, и особенно у тѣхъ дворовыхъ дѣвушекъ, до которыхъ былъ такъ падокъ ея сластолюбивый повелитель, упивавшійся чтеніемъ книгъ о ласкахъ любовниковъ. Любитель «благочестія», какъ и подобало, послѣ звѣрскаго истязанія любилъ прочитать «презрѣнному преступнику» назидательное нравоученіе. Иногда для большей изысканности или благочестія наказуемые поролись при пѣніи хоромъ красивыхъ дѣвушекъ: «Со святыми упокой, Господи». Вотъ что изъ себя представляла грузинская вотчина графа Аракчеева, достойная, по мнѣнію Александра, особеннаго уваженія.

То же самое было осуществлено и въ военныхъ поселеніяхъ. Здѣсь было еще хуже, потому что къ ужасамъ крѣпостного прибавлялись еще и

ужасы тогдашней военной дисциплины [1]), того тиранства, которое дѣлало военную службу, по выраженію Якушкина, почти «каторгой». Тамъ, гдѣ господствовала аракчеевская палка, жестокости должны были удесетеряться, тѣмъ болѣе, что и составъ офицерства въ военныхъ поселеніяхъ былъ самый низкій, такъ какъ служба здѣсь вызывала у большинства въ буквальномъ смыслѣ слова «омерзѣніе» И при такихъ условіяхъ звучало большой ироніей требованіе, чтобы поселенный офицеръ «былъ кротокъ, терпѣливъ, справедливъ и человѣколюбивъ». На военныхъ поселеніяхъ муштровка не только не уступала общеармейской дисциплинѣ, но, пожалуй, даже превосходила ее. Не даромъ такой любитель солдатчины, извѣстный уже въ то время «за жестокое обращеніе съ офицерами и солдатами, за безпрерывныя мелочныя придирки по службѣ»,—великій кн. Николай Павловичъ, осматривавшій новгородскія военныя поселенія вмѣстѣ съ братомъ утверждалъ, что онъ въ гвардіи никогда не видѣлъ такихъ ученій. О томъ же фронтовомъ совершенствѣ, не разъ засвидѣтельствованномъ официально, говоритъ намъ и другой современникъ, гр. Чернышевъ.

В. С. Поповъ. (Лампи).

Нетрудно себѣ теперь представить, какъ жилось тѣмъ, которые должны были соединить соху съ обученіемъ ружейнымъ пріемамъ и другимъ всевозможнымъ военнымъ экзерциціямъ. Военное поселеніе это — въ сущности полковой лагерь, гдѣ повседневная жизнь регламентируется уставами и соотвѣтствующими предписаніями начальства. И по внѣшней формѣ военное поселеніе напоминаетъ, какъ бы постоянно правильно распланированный лагерь: впереди — дорожка для начальствующихъ лицъ, сзади — для поселянъ. Въ новгородскихъ поселеніяхъ всѣ дома выстроены по одному образцу, каждый для четырехъ поселянъ-хозяевъ. На внѣшнее оборудованіе «образцовыхъ» поселеній затрачиваются огромныя деньги, дабы все отличалось той аккуратностью и единообразіемъ, которыя такъ любилъ и въ своемъ личномъ помѣстьѣ гр. Аракчеевъ. Уничтожаются всѣ препятствія, мѣшающія однообразію, хотя эта пунктуальность въ распланировкѣ подчасъ стоитъ колоссальныхъ суммъ: считаютъ, что на организацію военныхъ поселеній затрачено болѣе 100 мил. руб. Аракчеевъ вообще любилъ строить, отчасти, какъ оказывается, изъ честолюбивыхъ замысловъ: «надо строить и строить, ибо строенія послѣ нашей смерти нѣкоторое хотя время напоминаютъ о насъ; а безъ того со смертью нашею и самое имя наше пропадетъ». Аракчеевъ ошибался, дѣла его не забыты потомствомъ и, вѣроятно, никогда не будутъ забыты; строенія же

[1]) См. статью А А Кожевникова

военныхъ поселеній давно уже разрушились. Быть-можетъ, только въ заштатномъ городѣ Чугуевѣ, Волчанскаго уѣзда, Харьковской губ., сохранилась архитектурная особенность, говорящая, что здѣсь нѣкогда было учрежденіе—пока еще единственное въ міровой исторіи. И Аракчеевъ строилъ и достигалъ успѣха «въ той мѣрѣ, какую только позволяли всѣ усилія человѣческія» (его собственное выраженіе въ докладѣ императору 4 ноября 1818 г.). Въ военныхъ поселеніяхъ «все» было «придумано ко благу человѣка»—какъ выражался Маевскій: «самыя отхожія мѣста—все царскія». И чего только не было въ военныхъ поселеніяхъ: чистыя шоссированныя улицы на нѣсколько верстъ, освѣщенныя ночью фонарями, бульвары, госпитали, богадѣльни, школы, заводы, заемные банки, прекрасные дома (въ которыхъ жители, однако, зимой мерзли), въ окнахъ занавѣски, на заслонкахъ печей—амуры, родильныя съ ванными и повивальными бабками; при штабѣ военныхъ поселеній существуютъ литографіи (въ то время еще большая новость), издается даже свой собственный журналъ: «Семидневный листокъ военнаго поселенія учебнаго баталліона гренадерскаго графа Аракчеева полка». Не было только одного—человѣческаго отношенія къ тѣмъ, которыхъ хотѣли облагодѣтельствовать столь оригинальнымъ образомъ.

Жизнь въ военныхъ поселеніяхъ идетъ по разъ заведенному масштабу, съ соблюденіемъ всѣхъ предписаній воинскихъ уставовъ. Хозяйственныя работы производятся ротами подъ наблюденіемъ офицеровъ: отлучка на ночь допускается лишь съ разрѣшенія ротнаго командира. Женитьба и замужество совершаются также по приказу начальства, хотя офиціально въ «положеніяхъ» и говорится, что «брачные союзы совершаются не иначе, какъ по обоюдному, не принужденному, добровольному на то согласію жениха и невѣсты». Въ дѣйствительности вопросъ о брачныхъ союзахъ разрѣшался проще, именно такъ, какъ это практиковалось изстари въ грузинской вотчинѣ. Составляются списки тѣмъ, кому пришла пора жениться или выходить замужъ. Въ назначенный день собираютъ кандидатовъ для брачнаго союза и по жребію намѣчаютъ пары. А дальше—тоже, что и въ грузинской вотчинѣ. Вигель имѣлъ полное право сказать про военныя поселенія: «женщины не смѣли родить дома: чувствуя приближеніе родовъ, онѣ должны были являться въ штабъ».

Однимъ словомъ, регламентируются всѣ семейныя отношенія, всѣ подробности обыденной жизни. Особенное вниманіе обращается на нравственность поселянъ, которымъ предписывается быть «попечительнымъ отцомъ», «добрымъ мужемъ», «надежнымъ другомъ и товарищемъ» (послѣднее при развитой и усиленно покровительствуемой системѣ доносовъ). «Добронравное обхожденіе въ кругу своего семейства,—гласитъ «правило»,—является «какъ бы порукою по себѣ начальству въ хорошихъ качествахъ»... Весьма скоро, какъ офиціально констатировалъ Аракчеевъ, военныя поселенія крестьянамъ «очень полюбились». Дѣти и взрослые «приняли свойственный солдату видъ», изучивъ солдатскую муштру, по доброй ихъ волѣ безъ принужденія—«можно сказать играючи». Также процвѣтали и хозяйственныя работы. Во время офиціальныхъ обозрѣній военныхъ поселеній Аракчеевъ получалъ со всѣхъ сторонъ восторженные отзывы: «Всѣ торжественно говорятъ, что совершенства въ нихъ по части фрон-

товой, такъ и экономической, превосходятъ всякое воображеніе», замѣчаетъ современникъ. Всѣ почетные гости—иностранные принцы и посланники считаютъ своей обязанностью съѣздить на Волховъ и осмотрѣть это «удивительное чудо». Чудо удивительное въ дѣйствительности: «тамъ, гдѣ за восемь лѣтъ были непроходимыя болота, видишь сады и огороды», писалъ въ 1825 г. Карамзинъ.

«Кромѣ похвалы, никто изъ моего рта другого не слыхалъ», сообщаетъ Александръ вѣрному исполнителю своихъ идей послѣ осмотра новгородскихъ поселеній въ 1822 году; «чудесными военными поселеніями» восторгается въ 1825 г. Сперанскій, выставлявшій въ своей брошюрѣ о военныхъ поселеніяхъ въ ихъ пользу тѣ самые аргументы, которые ложились въ основу ихъ при учрежденіи: неудобство и тяжесть рекрутчины, уменьшеніе государственныхъ расходовъ на армію при новыхъ условіяхъ ея комплектованія и, наконецъ, что особенно важно, надѣленіе въ собственность земли крестьянамъ-воинамъ [1]). Удачное начало заставляло развивать военныя поселенія, число округовъ которыхъ съ каждымъ годомъ растетъ. Въ 1825 г. населеніе округовъ военныхъ поселеній состояло уже въ 374.480 человѣкъ. Помимо новгородскихъ поселеній на Волховѣ и близъ Старой Руссы, имѣются таковыя въ Петербургской, Могилевской, Слободско-Украинской, Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ. Но въ дѣйствительности, несмотря на внѣшнее процвѣтаніе, какъ должны были признать и современники, основныя цѣли военныхъ поселеній не достигались. На это указывалъ уже Барклай-де-Толли: «вмѣсто чаемаго благоденствія» поселенецъ подпадаетъ «отягощенію въ нѣсколько разъ большему и несноснѣйшему, чѣмъ самый бѣднѣйшій помѣщичій крестьянинъ», и тѣмъ самымъ уничтожается даже и мечтательное утѣшеніе военнаго поселянина на будущее его благосостояніе». «Нельзя ожидать,—говорилъ правдивый генералъ,—

А. С. Стурдза.

[1]) Аракчеевскіе льстецы не останавливались ни передъ какими похвалами военнымъ поселеніямъ, „основаннымъ на истинномъ человѣколюбіи и выгодахъ общественныхъ“. Вотъ что писалъ, напр. о преимуществахъ военныхъ поселеній неизвѣстный намъ, довольно чувствительный авторъ одной изъ записокъ, поданныхъ Аракчееву: «Что можетъ быть ужаснѣе зрѣлища для каждаго, имѣющаго хоть малѣйшее сострадательное сердце, съ понятіемъ о человѣчествѣ, какъ производство рекрутскихъ наборовъ въ Россіи“... Человѣкъ опредѣленный „въ почетное званіе солдата, не сдѣлавъ еще никакого преступленія, везется для отдачи на военную службу, какъ преступникъ подъ звукомъ кандаловъ“... „Въ казенныхъ имѣніяхъ, а наиболѣе въ помѣщичьихъ, стараются сбыть въ службу развращенныхъ и порочныхъ людей и тамъ почтенное званіе солдатъ дѣлаютъ наказательнымъ“. Военныя поселенія имѣютъ передъ рекрутствомъ огромное преимущество уже потому, что сыновья „родятся въ военномъ званіи, всасываютъ въ себя съ молокомъ матери духъ воинственный“. Кромѣ того, военныя поселенія „доставляютъ способы открывать природныя способности· изъ сего класса людей могутъ выходить великіе люди, какъ были примѣры въ Россіи Ломоносовыхъ, кн. Меншиковыхъ и пр, и природой дарованные геніи не будутъ исчезать подъ сохою“. Какъ же послѣ этого не считать военныя поселенія не только полезнымъ, но „даже необходимымъ для Россійскаго Государства?“

ни успокоенія воиновъ, ни улучшенія ихъ состоянія, а въ противоположность должно даже опасаться упадка военнаго духа въ солдатахъ и жалобный ропотъ отъ коренныхъ жителей».

Эта «ужасная система» (по выраженію Карамзина), ошибочная въ своемъ основаніи, не могла имѣть никакихъ положительныхъ результатовъ уже потому, что хозяйство въ военныхъ поселеніяхъ велось въ дѣйствительности самымъ безобразнымъ образомъ: оно не облегчало казны и разоряло крестьянъ. По словамъ Брадке, богатый крестьянинъ дѣлался бѣднымъ послѣ «приписки къ военнымъ поселеніямъ». Иначе и не могло быть при аракчеевской системѣ, руководившейся, по словамъ Маевскаго, правиломъ: «нѣтъ ничего опаснѣе богатаго поселянина. Онъ тотчасъ возмечтаетъ о свободѣ и не захочетъ быть поселяниномъ». Несмотря на огромныя затраты на организацію поселеній, несмотря на то, что съ каждымъ годомъ росли капиталы [1]) военныхъ поселеній, (изъ которыхъ даже субсидировалось военное министерство), получавшихъ все новыя и новыя льготы, населеніе въ такой же пропорціи бѣдняло. «Обиравшіеся со всѣхъ сторонъ поселяне-хозяева съ трудомъ могли прокормить себя, а между тѣмъ,—говорить А. Н. Петровъ,—они обязаны были постоянно даромъ кормить своихъ постояльцевъ [2]) изъ солдатъ поселенныхъ войскъ, доставлять овесъ и сѣно для полковыхъ конныхъ заводовъ и исполнять четыре дня въ недѣлю казенную работу, а за поденную плату получать по 10 коп. въ день».

Въ теоріи черезъ три года по образованію округа военныхъ поселеній всѣ войска, находившіяся въ поселеніи, должны были находиться на полномъ содержаніи поселянъ безъ всякихъ расходовъ изъ казны. Поэтому постепенно уничтожались всѣ привилегіи, даруемые кореннымъ жителямъ при переходѣ на поселеніе, прекращалась и выдача казеннаго провіанта въ виду того, что «теперь хозяева настолько обжились, что не только въ томъ не нуждаются, но даже отказываются, и подобныя выдачи только идутъ на пирушки». Данныя о жизни военныхъ поселянъ, собранныя въ 1821 г. полуофиціальнымъ путемъ, показываютъ довольно ярко, какую нужду испытывали въ дѣйствительности военные поселяне: при офиціальныхъ осмотрахъ фигурировалъ жареный поросенокъ, который изъ одной избы переносился въ другую, въ обычное же время у поселянъ мяса «никогда не было, соли не бываетъ» «часто дней по 10-ти». «Роты обыкновенно собираются въ батальонной штабъ на трое сутокъ для ученія, ходятъ всегда на таковыя съ однимъ только хлѣбомъ, безъ всякаго приварка». При такой ѣдѣ фронтовыя занятія происходятъ отъ 6 часовъ утра до 11 ч. и отъ 2 послѣ обѣда до 10 ч., при чемъ «между ученіемъ метутъ тротуары и чистятъ канавы передъ строеніемъ», «праздничныхъ дней» во все лѣтнее время не имѣютъ... «заставляютъ ночью плести лапти къ будущему дню» и т. д. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ «всѣ поселяне изнурены такъ, что похожи больше на тѣни, нежели людей». При такомъ усердіи благосостояніе крестьянъ-воиновъ должно было быть нищенскимъ еще и потому, что хозяйственныя распоряженія военнаго начальства были весьма

[1]) Капиталы эти Аракчеевъ въ 1823 г. исчислялъ въ 17. 639. 392 р., А. С. Лыкошинъ исчисляетъ эти капиталы къ концу царствованія Александра въ 32 мил..

[2]) Трехъ или четырехъ, а наиболѣе достаточные хозяева изъ 7—9.

нецѣлесообразны. Планъ лѣтнихъ хозяйственныхъ работъ, опредѣляемый Аракчеевымъ, можно характеризовать однимъ примѣромъ изъ 1825 года: «люди, живущіе за 80 верстъ,—разсказываетъ Маевскій,—должны были, подобно волнѣ, смѣнять одну другую, не оставаясь дома и двухъ часовъ». Конечно, это грозило полнымъ разореніемъ для поселянъ, но тѣмъ не менѣе пунктуальный Аракчеевъ ни за что не соглашался отмѣнить свой несуразный планъ: «Печатнаго моего приказа ни за что не перемѣню прежде двухъ лѣтъ,—заявилъ онъ Маевскому.—А ты сдѣлай, какъ хочешь, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы»... «Бережливость и чистота погребли пользу всего учрежденія». И это, пожалуй, до нѣкоторой степени вѣрно. Когда нужно было бѣлить избу или нѣчто подобное, то все уже отступало на задній планъ. Пусть сыплется рожь—прежде всего гигіена. Въ концѣ-концовъ, какова была дѣйствительность указываетъ тотъ фактъ, что число рождавшихся (о чемъ весьма, какъ мы знаемъ, заботился Аракчеевъ) въ военныхъ поселеніяхъ было значительно меньше умиравшихъ. «При десятой долѣ умирающихъ,—разсказываетъ служившій въ военныхъ поселеніяхъ инженеръ Панаевъ,—смертность не считалась большой, когда умирало $^1/_8$, тогда производилось слѣдствіе». Отсюда «надежды на избавленіе губерніи отъ рекрутской повинности сдѣлались пустою мечтою»—офиціально признавалось въ 1826 г.: «ясно видно, что едва ли 6-я часть убыли можетъ быть пополнена кантонистами».

М. Л. Магницкій.

Такова была оборотная сторона военныхъ поселеній, офиціально до 1826 г. процвѣтавшихъ и пользовавшихся любовью облагодѣтельствованныхъ крестьянъ. Эта любовь къ военнымъ поселеніямъ такого рода, что въ 1817 г. нѣсколько сотъ поселенцевъ останавливаютъ вел. князя Николая Павловича и на колѣняхъ просятъ ихъ пощадить: «Прибавь намъ подать, требуй изъ каждаго дома по сыну на службу, отбери у насъ все... но не дѣлай всѣхъ насъ солдатами»... Много разъ они молятъ о защитѣ «крестьянскаго народа отъ Аракчеева». Въ военныхъ поселеніяхъ замѣчается эпидемія самоубійствъ, происходящихъ «по неизвѣстной причинѣ», которыя заключаются въ «невыносимости здѣшней жизни». За мольбами идутъ протесты и волненія (они систематически происходятъ и при самомъ водвореніи военныхъ поселеній [1]), которыя въ сущности съ самаго начала вводятся насильственно. Въ 1817 г. происходитъ бунтъ въ округѣ Новгородскихъ военныхъ поселеній; въ 1819 г. взбунтовались поселяне въ

[1]) Это, право, съ „непривычки“, по мнѣнію Аракчеева.

Чугуевѣ, заявивъ: «не хотимъ военнаго поселенія—это служба Аракчееву, а не государю». За бунтами слѣдуютъ жестокія кары. Самыя видныя волненія были въ Чугуевѣ, гдѣ было арестовано 2000 человѣкъ; 275 человѣкъ были приговорены военнымъ судомъ «къ лишенію живота». 235 человѣкъ было отослано въ Оренбургъ, при чемъ не избѣгли наказанія розгами и женщины. «Чувствительная душа» (выраженіе Александра I) Аракчеева смягчила наказаніе приговоренныхъ судомъ къ смертной казни: ихъ было приказано наказать шпицрутенами, прогнавъ каждаго черезъ тысячу человѣкъ. Нѣсколькимъ десяткамъ было дано отъ 3000 до 12.000 ударовъ. Въ дѣйствительности наказаніе шпицрутеномъ было жестокой смертной казнью: припомнимъ, что шпицрутенъ это—гибкій, гладкій лозовый прутъ въ діаметрѣ нѣсколько менѣе вершка, въ длину—сажень...

Живого человѣка «рубили какъ мясо». Самъ Аракчеевъ долженъ былъ признаться въ письмѣ къ императору Александру, что «нѣсколько преступниковъ, самыхъ злыхъ, послѣ наказанія, законами опредѣленнаго, умерли», и несмотря на такое жестокое истязательство, никто изъ истязуемыхъ не принесъ повинной. Понятно, что на мыслящихъ современниковъ, на всѣхъ тѣхъ, кого нельзя было зачислить въ группу «паяцевъ самодержавія» (Н. Тургеневъ), истинное положеніе вещей въ военныхъ поселеніяхъ производило кошмарное впечатлѣніе. «Права собственности, права человѣчества—забыты», восклицалъ Н. И. Тургеневъ еще въ 1817 г. Фактическіе осуществители идеи военныхъ поселеній, по словамъ Трубецкого, дѣлались «предметами всеобщаго омерзѣнія, и имя самого императора не осталось безъ нареканія», и дѣйствительно, именно подъ вліяніемъ извѣстій о томъ, что происходитъ въ военныхъ поселеніяхъ, у И. Д. Якушкина появляется даже мысль о цареубійствѣ... До Александра, конечно, доходили слухи о «петербургскихъ праздноглаголеніяхъ», какъ выражался Аракчеевъ. Но онъ считалъ военныя поселенія «однимъ изъ величайшихъ дѣлъ своего царствованія», считалъ ихъ таковыми, вѣроятно, изъ обычнаго своего упрямства—вѣдь это была его мысль, его идея. И мы уже знаемъ, что когда ему указывали на отрицательныя стороны военныхъ поселеній, онъ отвѣчалъ: «Они будутъ во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова»... Дѣйствительность была не далека отъ этого, но объ этой дѣйствительности «по волѣ государя» въ 1825 г. было запрещено что-либо сообщать въ печати. Поистинѣ, военныя поселенія были вѣнцомъ реакціи. Они были введены во имя благодарности за вѣчно незабвенную Отечественную войну; таковы, слѣдовательно, были и окончательные итоги войны: это были «цвѣтущія поля» и «блуждающія тѣни»,—самое несчастливѣйшее зрѣлище, по офиціальнымъ отзывамъ 1826 г. «Если сличить одно съ другимъ,—заключаетъ историкъ военныхъ поселеній А. Н. Петровъ свой очеркъ,—то эти цвѣтущія поля, со всей справедливостью, можно было бы назвать землею крови и скорби»...

Нѣкоторые изъ будущихъ декабристовъ думали, что «образованіе военныхъ поселеній должно послужить одной изъ причинъ «переворота». И эти предположенія нашли себѣ откликъ въ офиціальной запискѣ 1826 года, представившей самую строгую критику опасности существованія въ государствѣ «нестерпимаго порабощенія». «Можно ли,—писалъ

авторъ этой записки,—по порученію императора Николая, собиравшаго свѣдѣнія о положеніи военныхъ поселеній,—при настоящемъ броженіи умовъ и при явно вѣроломныхъ покушеніяхъ на ниспроверженіе престоловъ, равнодушно видѣть цѣлыя селенія вооруженныя, состояніемъ своимъ недовольныя и подъ командою офицеровъ угнетенныхъ—видѣть все сіе у воротъ, такъ сказать столицы, и спать спокойно». Авторъ приходилъ къ выводу, что военныя поселенія «въ политическомъ отношеніи» есть «предпріятіе... опасное.» Военныя поселенія еще продолжали существовать; въ нихъ происходили бунты, усмиряемые съ неменьшей жестокостью [1]), но самая идея военныхъ поселеній была подорвана.

„Секретный экипажъ" для отправки въ Сибирь.

VIII. „Аракчеевщина".

Устроитель военныхъ поселеній, «чародѣй», умѣвшій превращать «болота» въ «цвѣтущія поля», давнишній другъ императора, гр. Аракчеевъ, казалось, былъ въ зенитѣ славы и вліянія. «Аракчеевъ есть первый человѣкъ въ государствѣ», говорилъ онъ самъ о себѣ Мартосу. Казалось, ничто не препятствовало временщику, а тѣмъ болѣе мистика, сокрушавшаяся о грѣхахъ, проповѣдывавшая христіанскіе завѣты любви

[1]) При Новгородскомъ бунтѣ 1831 г. было осуждено до 3000 человѣкъ, изъ которыхъ 7% умерло подъ кнутомъ во время экзекуціи.

и морали и въ дѣйствительности прекрасно уживавшаяся съ самыми жестокими проявленіями реакціи. Среди мистиковъ мы не слышимъ протестовъ ни противъ военныхъ поселеній, ни противъ ужасовъ крѣпостного права. При «набожномъ мистикѣ», петербургскомъ митрополитѣ Михаилѣ, по высочайшему приказанію стали даже «поминать на ектеніи въ церквахъ поселенныя войска всѣхъ округовъ военнаго поселенія».

Но при всемъ своемъ вліяніи Аракчеевъ былъ завистливъ и, по выраженію Греча, «издавна со всею злобою зависти смотрѣлъ на успѣхъ и распространеніе силы Голицына». Взирая «со скотскимъ благоговѣніемъ злого пса» на верховную власть, и онъ подлаживался подъ господствующую мистику. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ покровительствуетъ той ортодоксальной реакціи, которая подкапывается подъ мистику, заподозрѣвая и въ ней политическую неблагонадежность. Среди враговъ мистики прежде всего офиціальная церковь. Правда, мистика увлекла въ началѣ и нѣкоторыхъ изъ церковныхъ дѣятелей, напримѣръ, митрополита Михаила, архіепископа Иннокентія, архимандрита Филарета (впослѣдствіи извѣстнаго московскаго митрополита), который былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ библейскаго общества [1]). Но огромное большинство дѣятелей офиціальной церкви, развивавшихъ въ проповѣдяхъ положенія священнаго союза (они вывѣшены были въ церквахъ), какъ это было приказано изъ центра, участвовавшихъ въ библейскихъ обществахъ, однако, далеко не склонно было съ одобреніемъ смотрѣть на возрастающее вліяніе мистиковъ и піэтистовъ. «Не странны ли,—писалъ Шишковъ,—даже не смѣшны ли въ библейскихъ обществахъ наши митрополиты и архіереи, засѣдающіе вмѣстѣ съ лютеранами, католиками, кальвинами, квакерами,—словомъ, со всѣми иновѣрцами».

Самъ по себѣ уже интересъ къ мистикѣ все-таки обозначалъ нѣкоторыя исканія, нѣкоторую неудовлетворенность, по крайней мѣрѣ, офиціальной церковностью. Расцвѣтъ мистики обозначалъ извѣстный упадокъ авторитета стараго узкаго богословія византійскаго типа, которое замѣняло новая «транспирація» въ духѣ татариновскихъ радѣній. Дѣятели офиціальной церкви не могли смотрѣть одобрительно и на то вліяніе, которое получаютъ всякаго рода заѣзжіе пасторы, несущіе съ собой протестантско-мистическое вліяніе. Офиціальная церковность была въ сущности враждебна и распространенію въ широкихъ массахъ Св. писанія, о чемъ заботились библейскія общества (къ библейскимъ обществамъ несочувственно относилось и католичество), она была враждебна той проповѣди, что внутреннее откровеніе выше слова внѣшняго, которая раз-

---

1) Однимъ изъ «мистиковъ» въ средѣ православнаго духовенства былъ и балтовскій (Подольской губ.) священникъ Ѳеодосій Левицкій, сочиненія котораго изданы были Л. К. Бродскимъ въ прошломъ (1911) году. Этотъ искренній, но далеко не оригинальный проповѣдникъ, видѣвшій въ «ужасномъ вольнодумствѣ Запада» проявленіе духа антихриста и усматривавшій, что Россіи предназначено сдѣлаться лономъ царства Божія, которое начнетъ осуществляться подъ мощною десницею «ангела»-императора Александра I (о чемъ и было имъ представлено особое пророчество), былъ за свою проповѣдь по поводу петербургскаго наводненія въ 1824 г. отправленъ подъ конвоемъ двухъ фельдъегерей въ Коневскій монастырь для усмиренія. Его проповѣдь очень характерна для опредѣленія цѣнности мистицизма. «Страшное оное наводненіе,—говорилъ Левицкій,—не простое и слѣпое натуры дѣйствіе было, но собственно ударъ праведнаго суда Божія, воздающаго намъ по дѣламъ нашимъ, какъ сіе неоднократно мною же, убогимъ рабомъ Его, весьма чувствительно въ семъ храмѣ предвозвѣщено и *самому правительству* представлено, но, къ несчастью, вмѣсто плодовъ покаянія и благого исправленія, какія торжественно Богу обѣщаны были, явились въ семъ градѣ плоды совсѣмъ противные».

давалось въ устахъ мистиковъ. Она должна была протестовать противъ успѣха, который имѣли въ Петербургѣ квакеры (въ 1818—19 г.) и видѣть въ печатаніи и распространеніи ихъ догматовъ (въ лабзинскомъ журналѣ) подрывъ господствующей церкви, авторизированной и традиціями и правительственной властью. Наконецъ космополитичность, заключавшаяся по идеѣ въ мистикѣ и аналогичныхъ теченіяхъ, вызывала протестъ какъ среди ортодоксовъ, такъ и шовинистовъ - патріотовъ типа Шишкова. Основатель «Сіонской церкви» Лабзинъ говорилъ, что нѣтъ основанія для раздѣленія христіанъ на различныя исповѣданія. Мистики мечтаютъ о соединеніи церквей. Библейское общество въ своихъ идеальныхъ мечтаніяхъ также должно соединить всѣ народы земного шара въ одну христіанскую семью. Одинъ ученый того времени изобрѣтаетъ даже «всеобщій языкъ», дабы привести всѣ народы къ братскому единству и такимъ путемъ образовать единую семью небеснаго Отца. Истины, провозглашенныя священнымъ союзомъ, также носятъ универсальный характеръ. Вселенная есть отечество и вольнаго каменщика. Масоны — всемірные граждане. Все это явно грозитъ государству, церкви и истинной религіи опасностью. И вотъ противъ Голицына образуется довольно дружный союзъ изъ Аракчеева, митрополита петербургскаго Серафима и архимандрита Фотія. Неподвижность мысли, застой и вѣрность традиціямъ — единственно прочное основаніе для государственной мощи. Съ этимъ согласны многіе реакціонные старовѣры, какъ западно-европейскіе, такъ и русскіе. «Кажется очевиднымъ,—писалъ покровитель іезуитовъ Жозефъ-де-Местръ, — что библейскія общества орудіе социніанское, выдвинутое для ниспроверженія общества церковнаго». То же самое писалъ и Ростопчинъ еще 3 іюля 1813 г. (въ письмѣ къ Балашову): «Въ семъ заведеніи (библейскихъ обществахъ) я пользы никакой не предвижу». «Я тутъ нахожу новыя затѣи иллюминатовъ и мартинистовъ, кои изъ Библіи сдѣлали себѣ духовное маскарадное платье». Между мистикой и ортодоксіей—«православной дружиной» идетъ съ самаго начала тайная борьба, полная интригъ и клеветы и обвиненій въ неблагонадежности; не даромъ еще въ 1813 г. современникъ, будущій министръ народнаго просвѣщенія Николая I и оплотъ тогдашней реакціи, гр. Уваровъ отмѣтилъ полную путаницу, которая господствуетъ въ представленіяхъ правящихъ круговъ. «Состояніе умовъ теперь таково,—писалъ онъ,—что путаница мыслей не имѣетъ предѣловъ. Одни хотятъ просвѣщенія безопаснаго, т.-е. огня, который бы не жегъ, другіе (а ихъ всего больше) кидаютъ въ одну кучу Наполеона и Монтескье, французскія арміи и французскія книги, бредни Шишкова и открытія Лейбница; словомъ, этотъ хаосъ криковъ, страстей, партій,

Д. П. Руничъ.

ожесточенныхъ одна противъ другой, всякихъ преувеличеній, что долго присутствовать при этомъ зрѣлищѣ невыносимо: религія въ опасности, потрясеніе нравственности, поборникъ иностранныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франкъ-масонъ, фанатикъ и т. п. Словомъ, полное безуміе» [1]).

Любопытную и поучительную страницу этой дѣйствительной «путаницы» могла бы дать страница изъ исторіи тогдашней духовной цензуры, раскрытая въ изслѣдованіи г. Котовича «Духовная цензура въ Россіи». Мистики преслѣдуютъ всѣ книги, направленныя хотя бы косвенно противъ нихъ. Но мистика главенствуетъ, и духовная цензура ортодоксіи примѣняетъ любопытные пріемы молчаливой, пассивной оппозиціи противъ книгъ мистическаго содержанія, задерживая разсмотрѣніе ихъ по 3—4 г., оттягивая свои отвѣты подъ всякими благовидными и неблаговидными предлогами. Любопытно и то, что въ противовѣсъ петербургскимъ мистическимъ вліяніямъ на первыхъ порахъ именно въ Москвѣ создается центръ той «православной дружины», которая, пріобрѣтя авторитетныхъ покровителей, выступила, въ концѣ-концовъ, открыто противъ мистики и сломила ее, доказавъ ея какъ бы политическую неблагонадежность. Въ Москвѣ возгорается небезынтересная даже литературная полемика: не имѣя возможности появиться въ печати, она находитъ распространеніе въ рукописномъ видѣ. Съ осужденіемъ книгъ мистическаго содержанія выступаетъ въ 1816 г. настоятель Симонова монастыря арх. Герасимъ, находившій всѣ эти книги противными Священному писанію. Съ реабилитаціей мистики выступаетъ старый лопухинскій ученикъ Максимъ Невзоровъ, обрушившійся съ рѣзкой критикой противъ духовенства: «Нельзя, къ сожалѣнію, здѣсь пройти молчаніемъ, что древле и нынѣ, по всей Европѣ и всѣмъ христіанскимъ государствамъ въ свѣтѣ и даже, наконецъ, у насъ въ Россіи противъ истинно-христіанскихъ книгъ первые возстаютъ духовные. Полвѣка у насъ продолжается изданіе разныхъ философскихъ, къ паденію религіи служащихъ, книгъ, вольтеровскихъ и подобныхъ, но я не слыхалъ, чтобы духовенство, движимо будучи ревностью къ истинному христіанству, рѣшилось дѣлать правительству противъ заразительныхъ сихъ книгъ формальныя представленія. Но лишь только дается свобода выходить истинно-христіанскимъ сочиненіямъ, оно первое начинаетъ противъ нихъ вопіять».

«Ругательныя бумаги» Невзорова вызываютъ со стороны нѣкоего кол. асессора Соколова жалобу въ Синодъ, съ предложеніемъ сжечь или остано-

---

1) Уваровъ пишетъ это бар. Штейну по поводу „соблазнительнаго“ пререканія, происшедшаго между арх. Θеофилактомъ и арх. Филаретомъ по поводу изданной первымъ книги съ разрѣшенія свѣтской цензуры: „Эстетическія разсужденія“ Ансильона. Въ книгѣ Котовича приводится очень интересныя выдержки изъ этой характерной полемики. Въ одномъ мѣстѣ у автора говорилось, что „въ большей части обществъ новѣйшихъ политическая свобода совершенно исчезла“. Причиной исчезновенія является то обстоятельство, что „одинъ человѣкъ является, другіе ничто иное суть, какъ послушныя орудія, вѣрные исполнители его повелѣній“.

По этому поводу Филаретъ въ своей критикѣ восклицалъ: „Да услышатъ блюстители общественнаго благоустройства и спокойствія... какъ называется общество, въ которомъ „единъ человѣкъ является“... Это монархія... Итакъ... политическая свобода исчезла потому, что правленіе есть монархическое? Итакъ, политическая свобода... только въ мятежахъ и ужасахъ революціи?“

Политическій доносъ вызываетъ достойный отвѣтъ въ опроверженіи Θеофилакта: „Да услышатъ владыки земные, не республиканскія ли подданнымъ ихъ преподаются наставленія, когда утверждается, что могутъ они пользоваться и политическою свободою . Между тѣмъ какъ всякій вѣрноподданный долженъ быть вѣрнымъ только исполнителемъ своего законодателя. . „Всяка душа властемъ придержащимъ да повинуется“ .. Такія взаимныя обвиненія въ иллюминатствѣ, т.-е. неблагонадежности были не рѣдкость.

вить выпускъ «несправедливо защищаемыхъ» Невзоровымъ «нелѣпыхъ книгъ». Но московскіе ревнители вѣры, очевидно, въ то время недостаточно еще оріентировались въ положеніи дѣлъ: мистика казалась несокрушимой, и Синодъ лишь былъ молчаливымъ орудіемъ въ рукахъ авторитетно стоящаго кн. Голицына. Однако постепенно противъ Голицына и его приспѣшниковъ, по мѣрѣ того, какъ развивалась ихъ дѣятельность и росла вообще реакція политическая и общественная, создается довольно дружный союзъ, во главѣ котораго стоятъ Аракчеевъ, юрьевскій архимандритъ Фотій, новый петербургскій митрополитъ Серафимъ и старый нашъ знакомецъ адмиралъ и любитель россійской элоквенціи Шишковъ. Въ правительственномъ настроеніи чувствуется уже нѣкоторый поворотъ не въ пользу мистическихъ исканій: «Въ лѣто 1822 благодатное» Фотій отмѣчаетъ уже, что «участь Голицына становится все сомнительнѣе».

Чуткіе люди даже изъ голицынскихъ адептовъ стремятся уже повернуть фронтъ: едва ли ни первымъ былъ Магницкій, недавно еще столь ревностный насадитель библейскихъ обществъ. Магницкій типичная фигура перебѣжчика. Ядовитѣйшую характеристику этого «святого человѣка» далъ Воейковъ въ своемъ «Домѣ сумасшедшихъ»:

«Я, какъ дьяволъ, ненавижу
Бога, ближнихъ и царя.
Зло имъ сдѣлать сплю и вижу
Въ честь Христова алтаря!
Я за орденъ—христіанинъ,
Я за деньги—мартинистъ,
Я за землю—мусульманинъ.
За аренду—атеистъ!»

А. Ѳ. Воейковъ.

Магницкій идетъ на поклоненіе въ Мекку къ «Змѣю-Горынычу», а за нимъ тянутся и другіе. Въ антиголицынскомъ лагерѣ будетъ и директоръ его канцеляріи Ширинскій-Шихматовъ, представившій Александру цѣлую записку «о крамолахъ враговъ Россіи», направленную противъ библейскихъ обществъ: онъ обличалъ здѣсь «хитрость враговъ нашей церкви и отечества», заключавшуюся между прочимъ въ томъ, что они, въ намѣреніи уронить достоинство священныхъ книгъ, продавали ихъ по самой низкой цѣнѣ; а чтобы болѣе возвысить мнимое достоинство своихъ зловредныхъ книгъ, продавали ихъ очень дорогой цѣною. Въ этомъ лагерѣ обвинителей будетъ и «ревнитель вѣры» извѣстный намъ реакціонеръ Стурдза, но все же истинной душой этого заговора является юрьевскій архимандритъ Фотій—самый типичный ортодоксальный фанатикъ и изувѣръ. Ничѣмъ не знаменитый Фотій,—грязный, циническій въ манерахъ и выраженіяхъ самый дюжинный монахъ—такъ характеризуетъ его Бороздина, сумѣлъ пріобрѣсти дамское расположеніе, и особенно въ лицѣ гр. Орловой, имѣвшей большія связи при дворѣ и сдѣлавшейся

самой вѣрной послѣдовательницей юрьевскаго архимандрита, его рабой, чуть ли не снимавшей съ него сапоги. Черезъ нее Фотій проникаетъ къ кн. Голицыну и къ самому Александру; какъ хитрый лицемѣръ, умѣетъ ихъ расположить въ свою пользу и постепенно подготовить паденіе кн. Голицына, а вмѣстѣ съ нимъ и всей мистики, — этого «беззаконнаго сборища изъ всѣхъ сектъ». Недалекій, но въ то же время и незлобивый князь Голицынъ легко поддался вліянію Фотія. Въ тотъ самый моментъ, когда Фотій записываетъ, что положеніе Голицына поколебалось (1822 г.), онъ доставляетъ своему врагу цвѣты, а тотъ называетъ Фотія «человѣкомъ необыкновеннымъ», «разговоръ» съ которымъ «имѣетъ силу, которую одинъ Господь можетъ дать». Онъ обращается «съ разрѣшенія и благословенія отца Фотія» къ своему ярому врагу гр. Орловой съ братскимъ наименованіемъ: «Сестра во Господѣ». Усыпляя бдительность Голицына, «отче преподобный Фотій» проникаетъ во дворецъ, гдѣ въ теченіе 1822 — 1824 гг. не разъ бесѣдуетъ съ царемъ «о дѣлахъ вѣры и отечества». Всѣ эти разговоры сводятся къ одному: «Эта новая религія (т.-е. всѣ лжеумствованія о такъ называемой внутренней церкви, т.-е. никакой, какъ выражался по другому Шишковъ) есть вѣра въ грядущаго антихриста, дышущая единою революціею, жаждущая кровопролитія, исполненная духа сатанина». Другими словами, «новая религія» подрываетъ основы вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государства.

Всѣ книги, изданныя въ періодъ господства Голицына, содержатъ гибельную внутренность, ведущую къ потрясенію христіанствъ, престоловъ и къ образованію тайныхъ обществъ, стремящихся лишь къ владычеству міра. Іезуиты, масоны, иллюминаты, якобинцы и всѣ остальные заключили таинственный заговоръ, чтобы разрушить порядокъ и нравственность. Вся цѣль Голицына, — констатируетъ записка Фотія въ 1824 г.,—ниспроверженіе самодержавія и вѣры. Фотій готовъ утверждать даже, что мистики въ 1817 г. хотѣли совершить покушеніе на Александра [1]). Протестантскіе пасторы, въ родѣ популярныхъ Фесслера, Госнера, «хуже Пугачева», по мнѣнію Фотія... Но не только они вредны: самъ Гречъ ни болѣе ни менѣе какъ «первый злодѣй, содѣйствующій пагубѣ Россіи».

Пугачевъ и революція — вотъ два пугала, которымъ можно было устрашить болѣе всего и правительство и общество. Вѣроятно, находились наивные обыватели, которые, дѣйствительно, вѣрили въ существованіе какой-то тайной секты, стремящейся ниспровергнуть всѣ основы государственныя. По крайней мѣрѣ, Сперанскій въ письмѣ къ Столыпину 22 февраля 1818 г. пишетъ: «Изъ письма вашего я вижу, что тамъ еще нынѣ вѣрятъ бытію мартинистовъ и иллюминатовъ. Старыя бабьи сказки». Но эти старыя сказки незадолго передъ тѣмъ повторялъ никто иной, какъ Ростопчинъ въ запискѣ, представленной въ 1811 г. великой кн. Екатеринѣ Павловнѣ по поводу мартинистовъ; запрещеніе

---

[1]) „О семъ опубликовано было,—замѣчаетъ Фотій въ своемъ „Историческомъ повѣствованіи о дѣлахъ Церкви Христовой и вѣры православной“ (1824 г.),—въ „Сіонскомъ Вѣстникѣ“ слѣдующими словами: „Той, кого нетерпѣливость влечетъ, какъ Петра, ударить ножомъ, да молится: „Господи! Даруй сердцу моему терпѣніе!“ Будемъ, братья, ждать, пока Господь на то воззоветъ, какъ воззвалъ Илію на избіеніе Вааловыхъ жрецовъ!“

масонства въ 1799 г. онъ объяснялъ тѣмъ, что масоны хотѣли убить Екатерину II, и что жребій даже палъ будто бы на Лопухина [1]).

Врядъ ли Александръ I вѣрилъ этимъ сказкамъ, усиленно распространяемымъ антимистиками. Но въ этихъ сказкахъ можно было найти опору для еще большаго усиленія реакціи противъ возрастающей оппозиціи въ обществѣ и прежде всего для закрытія масонскихъ ложъ, направленіе которыхъ съ точки зрѣнія правительственной власти стало пріобрѣтать нежелательный характеръ.

Новыя теченія въ масонахъ грозятъ сдѣлать ложи гнѣздомъ иллюминатства и либерализма, докладываетъ въ своей запискѣ 1821 г. масонъ Кулешовъ, принявшій должность великаго мастера исключительно въ цѣляхъ, чтобы «сіе званіе не впало въ руки хищнаго волка или злоумышленнаго изверга». Въ ланкастерскихъ школахъ толкуютъ о какомъ-то просвѣщеніи. Ген.-губернаторы съ «такимъ чутьемъ», какъ маркизъ Паулуччи и кн. Волконскій, уже въ 1818—1819 гг. закрыли въ своихъ губерніяхъ масонскія ложи. Въ 1821 г. надъ масонами было учреждено негласное наблюденіе, а 1 августа 1822 г. масонскія ложи были окончательно запрещены, равно какъ и всѣ вообще «тайныя общества». Мотивомъ были выставлены «безпорядки и соблазны, возникшіе въ другихъ государствахъ отъ существованія разныхъ тайныхъ обществъ». «Всѣ безъ исключенія тайныя общества,— доказывалъ маркизъ Паулуччи [2]) въ запискѣ о масонскихъ ложахъ въ Остзейскомъ краѣ,—принадлежатъ къ числу средствъ, которыми пользуются для уничтоженія всего существующаго». Подъ личиной усердія и благочестія проскальзываютъ эмиссары новыхъ ученій—политическихъ и религіозныхъ. Конечно, масонство само по себѣ не играло здѣсь никакой роли. Не даромъ тотъ же сенаторъ, масонъ Кулешовъ—доброволецъ по политическому сыску—и тотъ долженъ признать въ своемъ донесеніи 22 іюля 1822 г., что, напримѣръ, тайная ложа Лабзина, членомъ коей онъ состоялъ «единственно по вѣрноподданической приверженности», не заключала въ себѣ ничего «необыкновеннаго и вреднаго». Не даромъ консервативный Михайловскій-Данилевскій, несвѣ-

Митр. Серафимъ (Глаголевскій).

[1]) Любопытно, что аббатъ Жоржель, пріѣзжавшій въ Россію при Павлѣ, обвинялъ самого Ростопчина въ сношеніяхъ съ иллюминатами. Дѣйствительно, полная неразбериха.

[2]) Паулуччи въ тѣхъ же козняхъ заподозрѣвалъ и бар. Крюденеръ, и Александру приходилось въ 1818 г. убѣждать въ противномъ своего подозрительнаго администратора: „Pourquoi avoir troublè la tranquilitè d'etres, qui ne s'ocupent, que de priéres a l'Eternel et qui ne font de mal a personne": Но оказалось, что политическая пифія эпохи священнаго союза занималась не только небесными и божественнымъ, и Александръ самъ удалилъ ее изъ Петербурга.

дущій «въ предметахъ, касающихся до политики», неодобрительно отнесся къ закрытію масонскихъ ложъ, не имѣвшихъ «другой цѣли, кромѣ благотворенія и пріятнаго препровожденія времени», не даромъ Ланской, управляющій союзомъ Великой Провинціальной Ложи, послѣ закрытія ложъ считаетъ нужнымъ пояснить, что въ ложахъ не допускались «никакіе политическіе толки» и что членамъ «воспрещалось» имѣть какія-либо «сношенія» съ другими тайными обществами. Причина преслѣдованія тайныхъ обществъ заключалась не въ масонствѣ, а въ томъ, что послѣ семеновской исторіи «прежній розовый цвѣтъ либерализма — какъ выражался Вигель — сталъ густѣть и къ осени переходитъ въ кроваво-красный». «Постыдное злоключеніе» въ Семеновскомъ полку было приписано Александромъ дѣятельности тайныхъ обществъ: «это внѣ сомнѣнія дѣйствіе подстрекательства офицеровъ». За арміей устанавливается бдительный надзоръ; для выясненія ея настроенія учреждается спеціальная полиція, на которую, по личному приказанію Александра «безъ всякой формальной бумаги» изъ Министерства Финансовъ отпускается 5 т. руб. Надо уменьшить число «негодяевъ и говоруновъ», соблюдая, однако, всю осторожность въ «секретныхъ дѣлахъ полиціи, дабы они не разглашались въ публикѣ», пишетъ П. М. Волконскій Васильчикову изъ Тройпау 24 ноября 1820 г. Чрезвычайно любопытенъ пріемъ, къ которому прибѣгаютъ для открытія имени «болтуновъ»: помимо наблюденія за офицерами, ѣздящими въ Кронштадтъ въ масонскую ложу, Волконскій распоряжается установить за солдатами Преображенскаго полка наблюденіе «черезъ дѣвокъ, поименованныхъ въ запискахъ». Черезъ полгода изъ Лайбаха 17 апрѣля 1821 г. Волконскій вновь пишетъ Васильчикову, что въ виду неутѣшительныхъ свѣдѣній о духѣ, господствующемъ среди молодежи, надо «заставить... молчать наибольшихъ говоруновъ» (арестовать нѣкоторыхъ). «Дѣла въ Италіи и Пьемонтѣ могутъ служить хорошимъ примѣромъ всѣмъ этимъ краснобаямъ». Всѣ эти распоряженія отдаются по личной инииціативѣ Александра въ виду доходящихъ слуховъ, что въ Преображенскомъ полку разговариваютъ «насчетъ исторіи Семеновскаго полка и о томъ, что ежели не вернутся арестованные... то они докажутъ, что революція въ Испаніи ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что они сдѣлаютъ». И эти опасенія во всякомъ случаѣ были небезосновательны: вспомнимъ, что Н. И. Тургеневъ записалъ 13 февраля 1820 г.: «Слава тебѣ, слава тебѣ, армія гиспанская».

Подъ вліяніемъ именно этихъ настроеній и происходитъ закрытіе масонскихъ ложъ, дабы никто не могъ бы прикрывать дѣла политическія праздными собраніями для «пріятнаго времяпрепровожденія». Правда, результаты будутъ иные, какъ предусмотрительно отмѣчала еще въ 1819 г. петербургская полиція: въ случаѣ закрытія масонскихъ ложъ, они все равно будутъ существовать — только останется въ нихъ одна «сволочь», которая превратитъ ложи «въ сборища разврата». По большему недоразумѣнію въ литературѣ нерѣдко высказывается мнѣніе, что Александръ, хорошо освѣдомленный о дѣятельности тайныхъ обществъ черезъ доносы, не предпринималъ противъ нихъ рѣшительныхъ мѣръ, считая, что онъ виновникъ пробужденія въ обществѣ либеральнаго настроенія, что не ему карать за тѣ идеи, которыми онъ какъ бы покро-

вительствовалъ въ молодости, въ періодъ юношескаго заблужденія (такъ Александръ говорилъ Васильчикову въ 1821 г.). Причина заключалась, вѣроятно, не въ этой сентиментальной мечтательности, а въ томъ, что правительство преувеличивало силы дѣйствительной оппозиціи. По словамъ принца Виртембергскаго, Константинъ Павловичъ разсказывалъ ужасы о мятежномъ настроеніи войскъ, и въ особенности гвардіи: «Стоитъ кинуть прандеръ въ Преображенскій полкъ, и все воспламенится». Но хотя «зараженіе умовъ» и было «генеральное», въ средѣ либераловъ, конечно, было много «Рептиловыхъ, фанфароновъ, повторявшихъ фразы людей съ высшими взглядами» какъ выразился Гречъ. Въ обществѣ и на либерализмъ была мода: Вигель прямо былъ оглушенъ «новымъ непонятнымъ сперва для меня языкомъ, которымъ все вокругъ меня заговорило» (послѣ 1812). Въ это время (1820), по признанію Греча, и онъ самъ былъ «отъявленнымъ либераломъ». Но Гречъ съ успѣхомъ можетъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ, которые повторяли «фразы людей съ высшими взглядами». Сознательныхъ гражданъ было еще слишкомъ мало. И если бы Александръ оцѣнилъ дѣйствительное положеніе дѣлъ, то онъ, «можетъ-быть, рѣшился бы сыграть съ вами плохую шутку», сказалъ ген. Ермоловъ Н. И. Тургеневу [1]). Но Александръ не зналъ истинной силы тайныхъ обществъ и боялся ихъ. Боязнь вспышки наподобіе Испаніи заставляла воздерживаться отъ активныхъ выступленій, но въ то же время усиливать реакцію: правительствамъ не дано усвоеніе истины, что реакція мало способствуетъ успокоенію революціонныхъ настроеній, а лишь усиливаетъ ихъ.

Митр Филаретъ.

«Общее мнѣніе не батальонъ, ему не скажешь: смирно» сказалъ еще Гречъ. А это общее мнѣніе, во всякомъ случаѣ, рѣшительно осуждало крайности реакціи, затрагивавшей подчасъ своей неумѣренностью и элементы не только благонамѣренные, но по своему существу и реакціонные. Такъ было и съ мистикой, которой ортодоксальной реакціи, дѣйствовавшей и по личнымъ мотивамъ, удалось нанести окончательный ударъ и свалить въ 1824 году. Это «лѣто» еще болѣе «благодатное», чѣмъ предшествующіе годы, обнаружило, что въ Петербургѣ пользуется большимъ успѣхомъ проповѣдь двухъ заѣзжихъ католическихъ пасторовъ Линдля и Госнера, которые, по словамъ Греча, «не отрекаясь отъ католицизма, проповѣдывали какой-то мистическій протестантизмъ». Магницкій, Руничъ, Кавелинъ и всѣ другіе приспѣшники Голицына «окружали ихъ

[1]) То же Ермоловъ говорилъ и Фонвизину.

каѳедры, выворачивали глаза, вздыхали, плакали, становились на колѣни» (Гречъ).

Госнеръ написалъ особыя толкованія на Новый завѣтъ, которыя были переведены на русскій языкъ и печатались съ одобреніемъ Голицына въ типографіи Безака и Греча. При содѣйствіи Магницкаго и оберъ-полицмейстера Гладкова, числившагося также въ «православной дружинѣ», изъ типографіи была выкрадена корректура части этой книги—«о Евангеліи Матѳея» «явно противной христіанству» и препровождена къ Аракчееву. Эта «безбожная и богохульная» книга и послужила поводомъ къ ликвидаціи офиціальной мистики.

Шишковъ съ друзьями, занявшись ея разсмотрѣніемъ, нашелъ въ ней явную и очевидную цѣль «подъ видомъ толкованія евангельскихъ текстовъ проповѣдывать ниспроверженіе всякой христіанской вѣры». Но этого мало: книга представляетъ собой «позывъ на возстаніе противъ всѣхъ первосвященниковъ, всѣхъ вельможъ и царей». Не безынтересно, быть-можетъ, привести примѣръ тѣхъ толкованій, при помощи которыхъ Шишковъ приходилъ къ выводу о революціонности книги.

Госнеръ писалъ: «Христіанинъ не желаетъ иного отечества, кромѣ обширнаго шара земного, принадлежащаго Господу».

Шишковъ: «Не разврату ли, не сущу ли разрушенію всѣхъ добродѣтелей, учитъ насъ здѣсь проповѣдникъ?» Онъ «не велитъ имѣть отечества, слѣдовательно, ни алтаря ни государя».

— «Спаситель избавилъ народъ Свой отъ грѣховъ мученія и власти». Шишковъ: «темнота выраженія сего смѣшиваетъ адское мученіе и дьявольскую власть съ законною властью земныхъ правителей».

Въ результатѣ Госнеръ былъ высланъ 25 апрѣля 1824 г. за границу, а цензоръ преданъ суду. 15 мая пересталъ быть министромъ и кн. Голицынъ, а его помощники смѣнены, при чемъ Поповъ также былъ преданъ уголовному суду.

«Избіеніе вааловыхъ жрецовъ» произошло. «Несчастіе пресѣклось,—писалъ по этому поводу Фотій,—армія богохульная паде... общества вся богопротивныя, якоже адъ, сокрушились». Кто же спасъ отечество отъ всѣхъ неисчислимыхъ золъ, которыя ему грозили? «Молился объ Аракчеевѣ,—сообщаетъ Фотій:—онъ явился, рабъ Божій, за святую церковь и вѣру, яко Георгій Побѣдоносецъ»...

Министромъ на мѣсто Голицына сдѣлался за «сочиненіе нелѣпаго разбора» книги Госнера «выжившій въ то время изъ ума безтолковый Шишковъ». Если уже въ 1820 г. Тургеневъ въ тискахъ русской жизни восклицалъ съ отчаяніемъ: «Душно, душно!»... «Тутъ невѣжды со всѣхъ сторонъ ставятъ преграды просвѣщенія, тамъ усиливаютъ шпіонство»...

Что же приходилось сказать теперь, когда дѣйствительно «гасъ послѣдній лучъ надежды», хотя Александръ I все еще продолжалъ «любить» конституціонныя учрежденія (о чемъ онъ признавался въ Тропау Ла-Фероне) и ввелъ бы ихъ, конечно, въ Россіи, если бы не надо было «сдерживать революціи»... Ортодоксальная реакція была еще мрачнѣе мистической. Прежде всего естественно изгнана была мистика.

11 декабря 1824 г. митрополитомъ Серафимомъ подъ вліяніемъ «православной дружины» была представлена Александру записка о необходи-

мости закрыть библейскія общества [1]), ибо «чтенія священныхъ книгъ состоитъ въ томъ, чтобы истребить правовѣріе, возмутить отечество и провести въ немъ междоусобіе и бунтъ». Библейскія общества придумали «хитрый и злодѣйскій планъ»... Переводъ Св. писанія на простое нарѣчіе одно изъ средствъ къ поколебанію вѣры, ибо «если языкъ домашняго воспитанія» въ законѣ Божіемъ будетъ различенъ съ языкомъ служенія въ церкви, то изъ сего непремѣнно долженствуетъ произойти соблазнъ». Оставалось только ввести и въ домашній обиходъ церковно-славянскій языкъ. По словамъ Шишкова, Александръ отклонилъ представленіе митрополита на томъ основаніи, что «правительству надлежитъ быть твердымъ въ своихъ постановленіяхъ». Тогда уже Шишковъ принимается за составленіе болѣе сильной записки въ доказательство вреда, могущаго послѣдовать отъ перемѣны «языка церкви на языкъ театра въ священныхъ книгахъ». Библейскія общества имѣютъ одно намѣреніе «составить изъ всего рода человѣческаго одну какую-то общую республику и одну религію: мнѣніе мечтательное, безразсудное, породившееся въ головахъ или обманщиковъ или суемудрыхъ людей». «Будь прямо, русскій царь»— заключаетъ Шишковъ свою записку.—«Возвысь дворянъ, ограду твоего престола! Будь отецъ народу, но не давай возмущать себя преждевременнымъ внушеніемъ о вольности, вовлекающимъ его въ своевольство... Одно слово Твое, одинъ взоръ разсѣетъ въ царствѣ твоемъ всѣхъ вольнодумцевъ»...

Фотій (Дау).

На ряду съ библейскими обществами, конечно, подверглись опалѣ всѣ «богохульныя книги», изданныя за время господства мистицизма. Съ другой стороны, по мнѣнію Магницкаго, отъ книгъ русскихъ профессоровъ пошло все новое вольнодумство въ Европѣ; поэтому надо уси-

[1]) Онъ также былъ дѣятельный до времени членъ библейскихъ обществъ и на засѣданіяхъ произносилъ громовыя рѣчи противъ вольнодумства и невѣрія, пробуждающихъ „самовольство, непокореніе власти, Самимъ Богомъ для блага обществъ установленной“. Все это отъ „врага рода человѣческаго“—сатаны.

лить цензуру. Шишковъ совершенно согласенъ съ такимъ положеніемъ. Еще въ 1815 г., когда цензура искореняла довольно тщательно «затѣи буйной философіи», Шишковъ входилъ съ представленіемъ о слабости цензурной. Сдѣлавшись министромъ, онъ находитъ необходимымъ «поскорѣе устроить цензуру, которая до сего времени, нужно сказать, не существовала». И 25 мая 1824 г. Шишковъ испрашиваетъ Высочайшаго позволенія: «Сдѣлать планъ, какіе употребить способы къ такому и скорому потушенію того зла, которое, хотя и не носитъ у насъ имени карбонарства, оно есть точно-оное». И начинается полное мракобѣсіе, когда уже ничто не могло, по словамъ Ѳаддѣя Булгарина, будущаго шишковскаго продолжателя, защитить «бѣдную литературу отъ невѣжественныхъ когтей цензора», когда даже филаретовскій катихизисъ и тотъ былъ заподозрѣнъ чуть ли не въ революціонности. Осуществляется цѣликомъ принципъ Жозефа де-Местра: «Замедлять царство науки и присоединить къ верховной власти могущественнаго союзника во власти церковной».

Въ періодъ мистической реакціи, пожалуй, была одна хорошая сторона — это нѣкоторая вѣротерпимость. Теперь и въ церковныя дѣла проникъ духъ «застѣнковъ и казармъ»—Суздальская монастырская тюрьма становится удѣломъ религіозныхъ мыслителей, не подчинившихся увѣщаніямъ «отче преподобнаго» Фотія (есаулъ Колесниковъ).

Реакція углубляется и во всѣхъ другихъ сторонахъ жизни. Если административный произволъ нерѣдкость и въ прежніе годы (ссылка Лабзина въ 1822 г., Пушкина и т. д.), то теперь онъ достигаетъ циничной прямоты. Вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ полный развалъ государственнаго механизма. Высшія государственныя учрежденія теряютъ свой авторитетъ и надъ ними высится единоличная власть временщика. Допустимъ, что Аракчеевъ, самъ называвшій себя «пугаломъ мірскимъ», дѣйствительно былъ человѣкомъ «большого природнаго ума» (мнѣніе де-Местра), «необыкновенныхъ способностей и дарованій» (фонъ-Брадке), умѣвшимъ «разставить людей сообразно ихъ способностямъ» (Батенковъ), во всякомъ случаѣ, «злодѣйскія» качества Аракчеева [1]), то исключительное положеніе, которое занялъ грузинскій отшельникъ въ управленіи государствомъ, когда «члены Государственнаго Совѣта и министры относились къ нему по повелѣнію императора въ большей части случаевъ, гдѣ требовалось высочайшее разрѣшеніе» (Якушкинъ), дѣлали совершенно несноснымъ положеніе вещей: «все государство трепетало подъ желѣзною рукою любимца-правителя». И «никто не смѣлъ жаловаться».

«Едва, возникалъ малѣйшій ропотъ—вспоминалъ впослѣдствіи Н. А. Бестужевъ — и на вѣчно исчезалъ въ пустыняхъ Сибири и въ смрадныхъ склепахъ крѣпостей». И тотъ же Бестужевъ отмѣтилъ еще одну черту: «Гдѣ деспотизмъ управляетъ, тамъ утѣсненія—законъ». И дѣйствительно, состояніе администраціи во вторую половину царствованія Александра I

---

[1]) Чуть ли не всѣ современники называютъ Аракчеева „злодѣемъ“, даже „самые преданные государю люди“, напр, кн. П. М. Волконскій и др. Они „открыто“, по словамъ Завалишина, толковали о необходимости положить конецъ вліянію Аракчееву. Но не слѣдуетъ слишкомъ полагаться на этихъ „царедворцевъ“, завидовавшихъ Аракчееву и тѣмъ не менѣе раболѣпствовавшихъ передъ временщикомъ и считавшихъ, по словамъ декабриста Булатова, „за счастье цѣловать руки любимицы графа“, т.-е. Анастасіи Минкиной.

представляетъ самую «жалкую» картину. Уже сенаторскія ревизіи 1815—1816 гг. достаточно ярко показали, что «народъ страждетъ отъ грабительствъ» чиновниковъ. Честнымъ людямъ не было мѣста при Аракчеевѣ: «для нынѣшней службы,—писалъ еще 7 апрѣля 1818 г. матери молодой Рылѣевъ,—нужны подлецы». Каховскій въ такихъ словахъ охарактеризовалъ состояніе Россіи въ послѣдніе дни, казалось, столь «блестящаго» царствованія: «У насъ нѣтъ закона, нѣтъ денегъ, нѣтъ торговли, у насъ внутренніе враги терзаютъ государство; у насъ тяжкіе налоги, повсемѣстная бѣдность».

Многимъ изъ современниковъ казалось, что Россія пошла по такому пути потому, что Александръ съ каждымъ днемъ «все болѣе и болѣе отчуждался отъ Россіи» (Якушкинъ), потому что Александръ, «забывъ всѣ свои обязанности относительно Россіи... къ концу своего царствованія предоставилъ все дѣло управленія страною извѣстному Аракчееву» (А. Н. Муравьевъ). Но въ свое время мы уже указывали, что это была только иллюзія современниковъ. Предоставляя Аракчееву за своей подписью бланки, «вслѣдствіе чего,—говоритъ В. И. Семевскій,—онъ могъ даже безъ доклада государю заключать въ Шлиссельбургскую крѣпость вызвавшихъ его гнѣвъ и ссылать въ Сибирь», Александръ, тѣмъ не менѣе, тщательно слѣдитъ за всѣми фазами внутренняго управленія. Но его интересуетъ лишь солдатчина и та внѣшность, которую онъ такъ любилъ въ военныхъ поселеніяхъ. При объѣздахъ губерній онъ будетъ недоволенъ плохимъ состояніемъ дорогъ и на представленіе малороссійскаго губернатора кн. Репнина о томъ, что въ виду неурожая пришлось дать льготу крестьянамъ и не высылать на большія дороги—скажетъ свою знаменитую фразу: «Что они дома сосутъ, то могутъ и на большихъ дорогахъ». Императоръ обратитъ вниманіе на то, что въ Новгородской губерніи нѣтъ узаконеннаго пограничнаго столба, что верстовые столбы стоятъ криво, что въ Тверской губерніи мостъ «не выкрашенъ положенною трехцвѣтною краскою» (указъ 21 авг. 1823 г.), что въ Серпуховѣ «почтальонъ имѣлъ неформенное одѣяніе и золотые канительные погоны» (указъ 2 сент. 1823 г.), но не замѣтитъ, что въ «нѣкоторыхъ городахъ цѣлыя улицы заносились заборами, чтобы скрыть лачуги бѣдныхъ жителей отъ взора императора» и т. д. Такимъ образомъ, справедливость требуетъ не переносить всей тяжести положенія Россіи на одного Аракчеева.

Гр. А. А. Орлова.

«Цари преступили клятвы свои»—писалъ Каховскій по поводу священнаго союза. «Монархи лишь думали о удержаніи власти неограниченной, о поддержаніи расшатавшихся троновъ своихъ, о погубленіи и послѣдней искры свободы и просвѣщенія». Но и въ этомъ «монархи» были лишь отголосками той соціальной среды, которая поддерживала ихъ во имя борьбы съ «преступной» революціей.

Мы только что видѣли результаты, къ которымъ привела реакція въ Россіи, когда «изступленныхъ любителей метафизики» смѣнили ортодоксальные изувѣры и Скалозубы съ ихъ девизами въ школахъ «лишь учить по-нашему: разъ! два! а книги сохранять такъ, для большихъ оказій»; рвеніе къ мистикѣ въ аристократическомъ обществѣ исчезло какъ «по сигналу». И это болѣе чѣмъ понятно: «Все зависѣло отъ двигателя, пускавшаго въ ходъ машину,—замѣчаетъ въ своихъ запискахъ Руничъ:—во время министерства Кочубея и его души—Сперанскаго всѣ были приверженцы конституціи; во время фавора кн. Голицына всѣ были ханжами. Во время милости Аракчеева всѣ были льстецами» [1]). Полуофиціальный мистицизмъ, такъ легко павшій подъ ударами ортодоксальной реакціи, еще разъ показывалъ, какъ въ сущности неглубоко захватывалъ онъ русское общество. Правда, это общее увлеченіе неизбѣжно должно было оказывать нѣкоторое вліяніе на міросозерцаніе современниковъ, окрашивать его извѣстной долей религіозной мечтательности. Мы ее видимъ отчасти даже среди будущихъ декабристовъ. Но, конечно, эта мечтательность въ своей сущности была очень далека отъ выше очерченнаго мистицизма, враждебнаго всему тому, что носило отпечатокъ научности. Мечтательность эта скорѣе приближалась къ раннему философскому идеализму николаевскаго времени; она являлась скорѣе плодомъ реакціи, когда люди вообще склонны уходить отъ міра реальнаго въ міръ воображаемый. Если александровская мистика питалась въ своей философской части отъ корней нѣмецкихъ, то изъ тѣхъ же источниковъ шли и другія теченія, развивавшіяся параллельно и въ противовѣсъ мистикѣ. Во имя позитивизма, во имя разума они поднимали знамя борьбы противъ всѣхъ ирраціональныхъ началъ жизни. Не даромъ реакціонеръ Руничъ писалъ, что вся новая «нѣмецкая философія... дерзко подрываетъ основы Священнаго писанія»... Мистицизмъ не оказалъ никакого вліянія на русскую литературу. И его одиночество показываетъ, что онъ былъ наноснымъ явленіемъ, не имѣвшимъ подъ собой реальной почвы. На смѣну слащаваго и безсодержательнаго сентиментально-романтическаго направленія начала александровскихъ дней шелъ новый романтизмъ, полный гражданскаго гнѣва: поэтомъ можешь ты не быть, но гражданиномъ быть обязанъ. И эта гражданская поэзія Рылѣева съ ея смѣлымъ обращеніемъ «къ временщику», съ ея горячими призывами къ борьбѣ за свободу родины и къ самопожертвованію; вольнолюбивыя произведенія Пушкина—вполнѣ гармонировали съ тѣми карбонарскими настроеніями, которыя, дѣйствительно, а не только въ воображеніи Шишковыхъ растутъ въ просвѣщенномъ русскомъ обществѣ подъ вліяніемъ роста реакціи.

[1]) Эту характеристику умѣстно примѣнить по отношенію къ самому Руничу.

Событія 14 декабря 1825 года были такимъ образомъ неизбѣжной развязкой. Стоитъ прочитать замѣчательное письмо Каховскаго изъ крѣпости 24 февраля 1826 года, чтобы понять психологію тѣхъ, кто вошелъ въ исторію съ наименованіемъ декабристовъ. «Народы, — писалъ Каховскій, — постигли святую истину, что не они существуютъ для правительства, но правительства для нихъ должны быть устроены. И вотъ причина бореній во всѣхъ странахъ; народы, почувствовавъ сладость просвѣщенія и свободы, стремятся къ нимъ; правительства же, огражденные миллонами штыковъ, силятся оттолкнуть народъ въ тьму невѣжества. Но тщетны ихъ всѣ усилія; впечатлѣнія, разъ полученныя, никогда не изглаживаются. Свобода есть свѣточъ ума, теплотворная жизнь была всегда и вездѣ достояніемъ народовъ, вышедшихъ изъ грубаго невѣжества». Въ литературѣ не разъ были неудачныя попытки представить декабрьское движеніе какъ движеніе дворянское. Но каковы бы ни были оттѣнки воззрѣній отдѣльныхъ декабристовъ, все движеніе носило яркій отпечатокъ протеста во имя народныхъ интересовъ. «Дворянство, — констатировалъ Бенкендорфъ въ своей запискѣ о тайныхъ обществахъ въ 1820 г., — по одной уже привязанности къ личнымъ своимъ видамъ, никогда не станетъ поддерживать какого-либо переворота». Или, вѣрнѣе, поддержитъ его тогда, когда этотъ переворотъ направленъ противъ попранія сословныхъ привилегій. Александръ I не былъ антидворянскимъ царемъ въ первые годы своего царствованія и былъ царемъ по преимуществу дворянскимъ, начиная съ 1812 года. И дворянскій публицистъ Ростопчинъ, въ концѣ-концовъ, посвоему вѣрно опредѣлилъ характеръ движенія 14 декабря 1825 года: обыкновенно сапожники хотятъ быть дворянами, а у насъ дворяне захотѣли быть сапожниками.

С. Мельгуновъ.

Императоръ Николай I на Сенатской площади 14 дек. 1825 года.

Николай Павловичъ (Тропининъ).

Вел. кн. Михаилъ Павловичъ.

VI. Русская армія послѣ войнъ 1812—1814 гг.

Подп. А. А. Кожевникова.

акъ извѣстно, послѣ войнъ въ настроеніи императора произошелъ тотъ загадочный переворотъ, вслѣдствіе котораго онъ охладѣлъ къ своимъ подданнымъ, охладѣлъ къ своему войску, къ его духу и его жизни. Неоднократно императоръ выражалъ не только нелюбовь, но прямо презрѣніе къ своимъ подданнымъ, къ своему войску. Интересы офицеровъ, солдатъ, ихъ настроеніе, та связь, которая чувствовалась между императоромъ и войскомъ во время походовъ, совершенно утратилась. Императоръ интересовался внѣшней стороной войска, парадами, вымуштровкой, обмундированіемъ. Этимъ настроеніемъ императора успѣлъ воспользоваться его непремѣнный наперсникъ, его личный другъ Аракчеевъ. Этотъ злой геній царствованія императора Александра I, помимо военнаго министра, начальника главнаго штаба, великихъ князей и даже самого государя, успѣлъ сдѣлаться фактическимъ хозяиномъ арміи. Эта «ночанка», скрывавшаяся гдѣ-то въ тѣни въ то время, какъ творилось великое дѣло, и была въ разгарѣ война, теперь расправила вовсю свои безперыя отвратительныя крылья. Каково было хозяйничанье Аракчеева въ арміи, видно изъ многихъ отзывовъ и писемъ современниковъ.

Уже въ началѣ 1817 года великій князь Константинъ Павловичъ въ письмѣ своемъ къ начальнику штаба гвардейской дивизіи писалъ, что съ 1814 г. военная служба обратилась въ танцмейстерскую науку, что гвар-

дія до того вымуштрована, что ее можно заставить пройти церемоніальнымъ маршемъ на рукахъ; о себѣ великій князь пишетъ, что онъ 20 лѣтъ на военной службѣ, при Павлѣ I, увлекался фронтомъ и считался прекраснымъ фронтовикомъ, а теперь такъ «перемудрили, что и не найдешься», правила смѣны караула до того были сложны и мелочны, что командиры полковъ вынуждены были посылать въ караулъ однихъ и тѣхъ же офицеровъ своего полка, потому что въ вахтъ-парадѣ, какъ во французской кадрили, могутъ участвовать только люди, спеціально посвятившіе массу времени на изученіе всѣхъ тонкостей. Онъ этому порядку вещей не удивлялся, такъ какъ «есть у насъ въ числѣ главнокомандующихъ танцмейстеры и церемоніймейстеры».

Приводимъ выдержку изъ записки фельдмаршала Паскевича, бывшаго въ то время начальникомъ дивизіи:

Об.-офицеръ Кинбурскаго Драгунскаго полка (1812—1814).

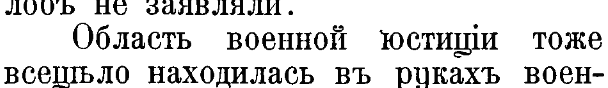
«Послѣ 1815 года, фельдмаршалъ Барклай де-Толли, который зналъ войну, подчиняясь требованіямъ Аракчеева, сталъ требовать красоту фронта, доходящую до акробатства, преслѣдовалъ старыхъ солдатъ и офицеровъ, которые къ сему способны не были, забывъ, что они еще недавно оказывали чудеса храбрости, спасли и возвеличили Россію. Многіе генералы поддались этимъ требованіямъ, такъ, напримѣръ, генералъ Ротъ, командующій 3 дивизіей, который въ одинъ годъ разогналъ всѣхъ бывшихъ на войнѣ офицеровъ, и наши георгіевскіе кресты пошли въ отставку и очутились военными приставами. Армія не выиграла отъ того, что, потерявъ офицеровъ, осталась съ одними экзерцирмейстерами. Это экзерцирмейстерство мы переняли у Фридриха II, хотѣли видѣть въ томъ секретъ его побѣдъ, не понимая его генія, принимали наружное за существенное. Фридрихъ былъ радъ, что принимаютъ то, что лишнее, и какъ всегда случается, перенимая, еще больше портятъ. У насъ экзерцирмейстерство приняла въ свои руки бездарность, а какъ она въ большинствѣ, то изъ нея стали выходить сильные въ государствѣ, и послѣ того никакая война не въ состояніи придать ума въ обученіи войскъ. Что сказать намъ, генераламъ дивизій, когда фельдмаршалъ свою высокую фигуру нагибаетъ до земли, чтобы равнять носки гренадеръ? И какую потомъ глупость нельзя ожидать отъ армейскаго маіора? Въ годъ времени войну забыли, какъ будто ея никогда не было, и военныя качества замѣнились экзерцирмейстерской ловкостью».

Печальную тѣнь кидаетъ время послѣ 1815 г. на все царствованіе Александра I. Французскій посланникъ доложилъ однажды императору,

что онъ видѣлъ, какъ на Марсовомъ полѣ обучаютъ солдатъ подъ палочные удары. Своему правительству онъ доносилъ, что русскіе солдаты совершенно измучены ученіемъ, парадами, караулами, лѣтомъ сидятъ не болѣе 3 часовъ въ сутки. Если палки при ученьи примѣнялись на глазахъ всего Петербурга и всей Европы, то что же происходило въ рядахъ безвѣстной арміи. Сабанѣевъ въ свой докладной запискѣ по начальству въ 1820 году доносилъ: «Въ полку отъ ефрейтора до командира всѣ бьютъ и избиваютъ людей, и, какъ сказалъ нѣкто, въ русской службѣ убійца тотъ, кто сразу умертвитъ; но кто въ два-три года забилъ человѣка, тотъ не въ отвѣтѣ». На слѣдствіи по дѣлу декабристовъ выяснилось, что причиной, побудившей многихъ офицеровъ вступить въ тайныя общества, было жестокое обращеніе съ солдатами, быть зрителями котораго было невыносимо. Въ дивизіяхъ, которыми командовали такіе начальники, какъ Желтухинъ, Ротъ, Вахтенъ и др., были случаи, что солдатъ забивали на смерть. Тѣлесныя наказанія были разрѣшены не только офицерамъ, унтеръ-офицерамъ, но даже ефрейторамъ. Такія мелочи, какъ зуботычины, пощечины, кулачныя расправы—оскорбленія дѣйствіемъ, какъ ихъ называетъ «Уставъ о воинскихъ наказаніяхъ», въ счетъ не идутъ; уголовно наказуемыми дѣяніями они дѣлаются лишь съ изданіемъ этого кодекса, т.-е. съ 1869 г. Здѣсь мы говоримъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ собственномъ смыслѣ слова, т.-е. о сѣченіи розгами, битьѣ палками, плашмя тесаками, которыя, какъ мы видимъ, практиковались безъ всякаго суда и по волѣ начальства. Страннымъ по теперешнимъ понятіямъ въ этомъ мрачномъ явленіи, какъ тѣлесныя наказанія и истязанія солдатъ, было то, что никто не зналъ, что можно и чего нельзя, т.-е. что законно и незаконно, и какъ будто и не хотѣлъ этого знать. Было то же, что въ крѣпостномъ правѣ: никто не интересовался узнать точно границы, до которой простирается власть помѣщика надъ крѣпостнымъ. Очень характеренъ отвѣтъ Раевскаго, который считался просвѣщеннымъ и передовымъ человѣкомъ своего времени, данный имъ на слѣдствіи по дѣлу декабристовъ. Когда его спросили, на чемъ онъ основываетъ свое мнѣніе о томъ, что унтеръ-офицеры не должны бить солдатъ, то онъ отвѣтилъ, что на приказѣ по корпусу. Раевскій иначе отвѣтить не могъ, не могъ сослаться на законъ. Дисциплинарнаго устава, которымъ строго ограничены права начальниковъ и указано, какъ они могутъ наказывать подчиненныхъ, не превышая власти, не существовало. Все зависѣло отъ начальства разныхъ степеней, зависѣло, какой вѣялъ вѣтеръ въ руководящихъ военныхъ сферахъ. Командиръ 16-й дивизіи М. Ѳ. Орловъ борется противъ жестокостей; своими приказами воспрещаетъ тѣлесныя наказанія. Командиръ 17-й дивизіи Желтухинъ заявляетъ одному изъ подчиненныхъ ему батальонныхъ командировъ: «Сдери съ солдатъ шкуру отъ затылка до пятокъ, а офицеровъ переверни кверху ногами, не бойся ничего—я тебя поддержу»; въ его дивизіи даже унтеръ-офицеры, даютъ солдатамъ по нѣсколько сотъ палокъ. Рядомъ съ этимъ «офицеровъ переверни кверху ногами» любопытно поставить приказъ Витгенштейна по 2 арміи отъ 1822 г., въ которомъ этотъ герой Отечественной войны, совершенно въ духѣ той эпохи, указываетъ, что старшіе начальники никоимъ образомъ не должны унижать личности подчиненныхъ имъ офицеровъ, что тотъ начальникъ, который добивается

уваженія къ себѣ крикомъ и наказаніями, стоитъ не на высотѣ своего положенія, что старшіе должны добиваться такого уваженія со стороны младшихъ, чтобы одного недовольнаго взгляда было достаточно. При Потемкинѣ въ Семеновскомъ полку тѣлесныя наказанія совсѣмъ не примѣнялись. Шварцъ нашелъ примѣненіе ихъ необходимымъ въ самомъ широкомъ масштабѣ. Всѣ эти лица дѣйствовали какъ будто законно, да оно на самомъ дѣлѣ такъ и было, потому что вся обширная область дисциплины, поддержаніе ея было предоставлено усмотрѣнію воинскихъ начальниковъ. Только въ Аракчеевское время Витгенштейны и Орловы были единичными явленіями, дѣйствовавшими на свой рискъ и страхъ и подъ опасностью попасть въ немилость. Желтухины, Роты, Шварцы, оправдывая свои дѣйствія необходимостью поддержанія дисциплины и жупеломъ «объ упадкѣ дисциплины», на который указываютъ постоянно подобные имъ начальники, имѣли почву подъ ногами и были на отличномъ счету. При такомъ неопредѣленномъ взглядѣ на права начальниковъ въ дисциплинарномъ отношеніи, неудивительно, что право нижнихъ чиновъ на жалобы вообще и на жалобы на инспекторскихъ смотрахъ приносили мало пользы для дѣла. Если инспектирующій генералъ могъ въ принесенной ему жалобѣ на недополученія довольствія, жалованья и т. п. весьма легко разобраться, то въ жалобахъ на жестокое обращеніе это сдѣлать было не легко, да и солдаты не могли разобраться, гдѣ кончается власть ихъ командировъ. А такъ какъ ложная жалоба влекла за собой наказаніе, то нижніе чины въ большинствѣ случаевъ жалобъ не заявляли.

Оберъ-офицеръ и трубачъ Малороссійскаго Кирасирскаго полка. (1818—1825 г.).



Область военной юстиціи тоже всецѣло находилась въ рукахъ военнаго начальства, дѣйствовавшаго, правда, въ этой области на основаніи совершенно опредѣленныхъ законовъ. Правда, при Павлѣ I былъ учрежденъ аудиторіатъ, а затѣмъ въ началѣ царствованія Александра I институтъ этотъ расширенъ. Въ полкахъ состояли особые чиновники-аудиторы, на которыхъ было возложено производство дознаній по болѣе важнымъ дѣламъ, докладъ по нимъ военно-суднымъ комиссіямъ и направленіе дѣла въ послѣднихъ въ смыслѣ указанія законовъ, составленія требуемыхъ бумагъ и т. д. Аудиторы были, такимъ образомъ, совѣтниками строевыхъ офицеровъ, засѣдавшихъ въ судахъ. При томъ незнаніи законовъ, а подчасъ и той небрежности, съ которой относились строевые офицеры къ отправленію своихъ судебныхъ обязанностей, аудиторы часто играли рѣшающее значеніе при разборѣ дѣлъ. Были даже замѣчены такіе случаи,

что осужденные не видѣли въ глаза своихъ судей. Аудиторъ писалъ приговоръ и отсылалъ его на подпись членамъ суда. Въ судѣ все-таки по закону рѣшало дѣла строевое начальство, оно же конфирмировало приговоръ. Чиновниковъ для замѣщенія должностей аудиторовъ не хватало, и аудиторскія должности замѣщались унтеръ-офицерами. Мѣста аудиторовъ въ 1817 году рѣшено было замѣщать кантонистами, прошедшими нѣкоторую подготовку. Люди, съ ранняго дѣтства лишенные правъ и составлявшіе собственность государства, должны были быть носителями правовыхъ понятій въ войскѣ.

Слабая гарантія правосудія—правильное примѣненіе законовъ—сплошь и рядомъ, такимъ образомъ, отсутствовала. Только наиважнѣйшія дѣла, по которымъ постанавливалась смертная казнь или предавались суду офицеры или дворяне, вызывали къ себѣ болѣе внимательное отношеніе, такъ какъ они черезъ генералъ-аудиторіатъ восходили до Высочайшей конфирмаціи. Подсудность военнымъ судамъ опредѣлялась по принципу личной подсудности. Военно-служащіе и др. прикосновенныя къ арміи лица, какъ военные чиновники и другіе, были подсудны военнымъ судамъ за преступленія общія и воинскія. Уголовныя наказанія того времени были очень жестокими; вся система ихъ покоилась, главнымъ образомъ, на тѣлесныхъ наказаніяхъ: розги, кнутъ, плети назначались какъ самостоятельныя наказанія, такъ и какъ дополнительныя къ другимъ, напримѣръ, къ ссылкѣ. Къ этому татарско-русскому букету наказаній военное законодательство прибавляло еще шпицрутены, какъ привилегію для военныхъ. Это адское нѣмецкое изобрѣтеніе, наслѣдованное германскими войсками отъ временъ ландскнехтовъ, у которыхъ существовало прогнаніе черезъ строй палокъ и пикъ, нашло себѣ въ русскихъ войскахъ самое широкое примѣненіе. Полевое уложеніе о наказаніяхъ устанавливаетъ его за безчисленное число преступленій и въ безчисленномъ количествѣ ударовъ: отъ 300 до 12.000! Количество ударовъ было до того безчеловѣчнымъ, что даже тогда у конфирмирующаго приговоръ начальства вошло почти въ обычай уменьшать цифру, назначенную военно-судебными комиссіями по закону. Несмотря на это, въ огромномъ числѣ случаевъ приговоръ къ шпицрутенамъ былъ равносиленъ приговору къ мучительной смертной казни. При исполненіи приговора осужденнаго сначала вели привязаннаго руками къ прикладамъ между двумя шеренгами другъ противъ друга поставленныхъ солдатъ, каждый солдатъ изъ этихъ шеренгъ былъ вооруженъ деревянной палкой, которой обязанъ былъ нанести ударъ по спинѣ истязуемаго. Послѣдняго сначала вели, потомъ тащили, наконецъ, везли на телѣжкѣ. Трупъ получалъ тѣ удары, которые не успѣлъ получить еще живой человѣкъ. Въ этой ужасной картинѣ трудно рѣшить, чему болѣе возмущаться: мученію ли несчастнаго, или тому, что русскихъ солдатъ заставляли быть палачами во время такой безчеловѣчной казни. Народная молва достойнымъ образомъ заклеймила память о вдохновителѣ этихъ звѣрствъ и соединила его имя съ шпицрутенами: «бить до выпаденія кишекъ» долго потомъ называлось «бить по-аракчеевски».

Вслѣдствіе отсутствія законовъ, недостаточнаго правосудія, которое фактически было палкой только объ одномъ концѣ, обращенной противъ обвиняемаго, при весьма проблематичномъ правѣ на жалобы, такъ какъ

оно часто могло сдѣлаться палкой о двухъ концахъ, второй конецъ которой обращался противъ него же, солдатъ всецѣло былъ во власти строевого начальства—оно было для него «царемъ и Богомъ». Если начальникъ былъ человѣкомъ гуманнымъ, то солдату жилось сносно, даже хорошо; если онъ попадалъ подъ команду Желтухиныхъ, Ротовъ, Шварцевъ, то онъ былъ совершенно беззащитенъ. Единственное раціональное средство избавиться отъ невыносимой муштры и постоянныхъ побоевъ былъ побѣгъ со службы. Къ этому средству въ описываемое нами мрачное время солдаты стали прибѣгать очень часто. Были случаи, что въ теченіе мѣсяца изъ нѣкоторыхъ полковъ солдаты бѣжали сотнями и десятками. Особенно участились побѣги въ южной арміи. За Дунаемъ, въ предѣлахъ Турціи, образовались цѣлые поселки изъ бѣглыхъ русскихъ солдатъ. Для уничтоженія этого зла правительство не нашло другихъ средствъ борьбы, какъ опять-таки жестокость. Наказаніемъ за побѣгъ въ южной арміи въ мирное время былъ назначенъ разстрѣлъ. Въ Семеновскомъ полку, который достигъ во время командованія Потемкина такой нравственной высоты состава нижнихъ чиновъ, какой едва ли достигала какая-нибудь воинская часть, и гдѣ не знали, что такое побѣги, съ вступленіемъ въ командованіе Шварца начались побѣги, вслѣдъ за которыми разыгралась извѣстная «Семеновская» исторія. На ней стоитъ остановиться. Мы не можемъ то, что произошло въ Семеновскомъ полку въ 1820 году, по общепринятой терминологіи назвать бунтомъ, такъ какъ нельзя назвать бунтомъ такое происшествіе, при которомъ тысяча прекрасно вооруженныхъ людей въ полномъ расцвѣтѣ силъ выразили свой протестъ безъ единаго акта насилія и непристойнаго слова, а потомъ съ такой же, какъ на строевомъ ученьи, покорностью, отправились въ крѣпость для наказанія.

Рядовые Кинбургскаго и Новороссійскаго полка.

Свою энергичную дѣятельность въ полку Шварцъ началъ съ того, что до безконечности продлилъ строевыя ученья одиночныя, шереножныя, ротныя, батальонныя. Передышки солдатамъ онъ давать не любилъ, маршировку, ружейные пріемы продолжалъ безпрерывно въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Утомленные люди начинали дѣлать ошибки въ построеніяхъ и одиночныхъ движеніяхъ. Этого момента, какъ будто, только и дожидался Шварцъ, на усталыхъ солдатъ сыпались палочные удары, фухтели (удары тесаками плашмя), зуботычины со стороны унтеръ-офицеровъ и самого

Шварца, плевки въ лицо товарищей, которымъ приказывалось плевать въ лицо тѣмъ, которые ошиблись. Тѣлеснымъ наказаніямъ подвергались на ряду съ другими и георгіевскіе кавалеры, освобожденные отъ этого рода наказанія именнымъ приказомъ отъ 1808 г. Кромѣ этихъ повседневныхъ тѣлесныхъ наказаній, съ 1 мая по 3 октября было въ полку 44 случая тѣлеснаго наказанія розгами.

Относительно офицерства Шварцъ держалъ себя крайне безтактно. Замѣтивъ нѣкоторую связь и единеніе между офицерами и нижними чинами, онъ нашелъ это явленіе нежелательнымъ и хотѣлъ его прекратить, подорвавши авторитетъ первыхъ въ глазахъ ихъ подчиненныхъ. Онъ приказывалъ каждый день собираться къ себѣ фельдфебелямъ, отдавалъ имъ распоряженія помимо непосредственныхъ начальниковъ, и даже дѣлалъ послѣднимъ замѣчанія черезъ ихъ подчиненныхъ. Такъ какъ этотъ порядокъ былъ совершенно не согласенъ съ воинскими уставами, то ротные командиры стали собираться вмѣстѣ съ фельдфебелями каждый разъ, когда тѣ призывались на квартиру командира полка. Разумѣется, разговоръ съ интеллигентными офицерами не могъ быть такъ пріятенъ Шварцу, какъ съ безгласными передъ своимъ командиромъ полка фельдфебелями, а потому онъ вскорѣ и прекратилъ эти разговоры. Зато Шварцъ употреблялъ свои досуги, свободные отъ строевыхъ ученій, на еще новое обученіе или, проще сказать, истязаніе низшихъ чиновъ. Ежедневно отъ назначенной роты къ нему на квартиру командировался десятокъ людей, и впослѣдствіи по нѣскольку десятковъ отъ разныхъ ротъ, съ которыми онъ занимался одиночнымъ обученіемъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Пріемы обученія были тѣ же, что и на плацу. Эти обученія десятками больше всего волновали и возмущали солдатъ. Они не шли въ счетъ времени общей службы, и солдаты, наряженные въ десятки, проводили то же время во фронтѣ и въ караулахъ, какъ и другіе. Отнималось время отъ крайне необходимаго отдыха и сна и отъ вольныхъ работъ. Люди плохо учившіеся обязаны были явиться на слѣдующій день, и въ подготовкѣ и чисткѣ къ параду они не спали всю ночь. Кромѣ того, такъ какъ къ командиру полка нужно было являться въ полной аммуниціи и парадѣ, то мундирныя и аммуничныя вещи отъ постоянной чистки очень быстро портились, и солдаты вынуждены были покупать предметы обмундированія на свой счетъ, такъ какъ требовалась идеальная чистота. На покупку собственныхъ вещей уходили солдатскія сбереженія, которыя не пополнялись, такъ какъ вольными работами было некогда заниматься, и люди, которыми оставался недоволенъ Шварцъ, вовсе не отпускались на вольныя работы. На слѣдствіи нижніе чины заявляли, что отъ требовательности къ блестящему виду аммуниціи со стороны командира полка они совсѣмъ обѣднѣли, но рады были бы еще тратить свои деньги, лишь бы избавиться отъ его притѣсненій, но не могли ничего подѣлать, такъ какъ времени заработать что-нибудь не было.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что въ сентябрѣ великій князь Михаилъ Павловичъ, хвалившій полкъ въ маѣ, послѣ полугодовой муштры Шварца нашелъ, что разводъ 1 батальона Семеновскаго полка «такъ нехорошъ, какого онъ давно не видалъ». Люди были заспаны, тѣло во время марша качалось, наконецъ, люди были неопрятно одѣты.

Такое же непониманіе, или лучше сказать нежеланіе понимать состояніе полка было обнаружено и другими высшими начальниками.

На вопросъ во время слѣдствія, почему солдаты не жаловались въ законномъ порядкѣ, большинство изъ нихъ отвѣтили, что жаловаться боялись, такъ какъ у нихъ было слишкомъ хорошо въ памяти наказаніе за жалобу въ ордонансъ-гаузѣ.

Что касается офицерскаго состава, то съ его стороны была попытка протестовать противъ грубаго обращенія Шварца. Въ маѣ офицеры собрались на квартирѣ полковника Яфимовича и просили его, какъ старшаго, довести до свѣдѣнія Шварца, что офицеры полка находятъ его поведеніе и обращеніе неумѣстнымъ. Батальонные командиры обѣщали въ тотъ же вечеръ переговорить съ Шварцемъ, но одинъ изъ нихъ нашелъ нужнымъ конфиденціально сообщить о разговорахъ начальнику штаба гвардейскаго корпуса Бенкендорфу. Послѣдній пригласилъ къ себѣ тотчасъ батальонныхъ командировъ, просилъ ихъ успокоить офицеровъ; отъ имени корпусного командира обѣщалъ довести о поведеніи Шварца до свѣдѣнія государя, а также намекнулъ на то, что если семеновцы безропотно потерпятъ, «то въ малое время увидятъ счастливую перемѣну». Будущій шефъ жандармовъ впослѣдствіи не преминулъ отказаться отъ своихъ словъ, заявивъ, что ничего подобнаго не говорилъ и обѣщаній отъ имени командира корпуса давать не могъ.

Трубачъ Житомірскаго уланскаго полка. (1812—1814 г.)

16 октября недовольство вырвалось, наконецъ, наружу. Въ этотъ день случились во время ученья происшествія, переполнившія чашу солдатскаго терпѣнья. 2-я фузильерная рота послѣ ружейныхъ пріемовъ отдыхала на плацу, когда къ ней подходилъ командиръ полка. Одинъ изъ нижнихъ чиновъ, отправлявшій естественную надобность, не успѣлъ оправить одежды, становясь во фронтъ по командѣ ротнаго командира. Замѣтивъ это, Шварцъ подбѣжалъ къ нему, плюнулъ ему въ лицо, схватилъ за руку и повелъ передъ фронтомъ роты, приказывая нижнимъ чинамъ также плевать на него. Въ этотъ же день были наказаны фухтелями нѣсколько георгіевскихъ кавалеровъ. Выходя на ученье, рота его величества рѣшила въ полномъ составѣ заявить жалобу на командира полка во время вечерней переклички. Узнавъ объ этомъ, фельдфебель роты Бралинъ отмѣнилъ перекличку. Тогда нижніе чины по собственной ини-

ціативѣ построились и потребовали, чтобы пришелъ ротный командиръ для выслушанія ихъ жалобы. Явившемуся капитану Кошкареву было заявлено, что рота проситъ объ отмѣнѣ обученія десятками въ особенности въ праздничные дни. Кошкаревъ, хотя и обѣщалъ довести до свѣдѣнія начальства просьбу роты, но сдѣлалъ ей выговоръ за самовольный выходъ въ строй и приказалъ разойтись. Это приказаніе было исполнено безпрекословно. При уходѣ изъ роты Кошкарева фельдфебель доложилъ ему, что больше всѣхъ шумѣлъ стрѣлковый взводъ и на слѣдующій день подалъ записку съ фамиліями 12-ти зачинщиковъ. Во время слѣдствія Кошкаревъ заявилъ, что эту записку потерялъ — объясненіе очевидно совершенно неправдоподобное и записка имъ была, вѣроятно, уничтожена изъ нежеланія выдать нѣсколько человѣкъ, подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ, и подвергнуть ихъ особенно жестокому наказанію. За этотъ гуманный поступокъ Кошкареву пришлось сильно пострадать и до рѣшенія о немъ дѣла пробыть нѣсколько лѣтъ въ заключеніи. Не найдя въ тотъ же вечеръ батальоннаго командира Вадковскаго дома, Кошкаревъ доложилъ о случившемся Шварцу. Послѣдній ограничился тѣмъ, что приказалъ имѣть до утра самый неослабный надзоръ за ротой. На слѣдующій день во время обученія десятка отъ роты его величества, онъ не подалъ вида, что знаетъ что-нибудь о заявленной жалобѣ. Въ 7 часовъ утра 17 октября Вадковскій пріѣхалъ въ роту, и ему было заявлено, что «безпрестанная чистка и дѣленіе аммуниціи не только лишаютъ солдатъ ихъ собственнаго достатка, но часто даже въ воскресные дни не позволяютъ имъ ходить въ церковь». По приказанію Вадковскаго рота опять разошлась безъ малѣйшаго протеста. Шварцъ лично въ казармы не явился, но увѣдомилъ о случившемся великаго князя Михаила Павловича и Бенкендорфа. Когда они прибыли въ полкъ, то ротой его величества въ полномъ составѣ, кромѣ унтеръ-офицеровъ и музыкантовъ, была имъ заявлена жалоба на командира полка, который «тиранитъ» людей, бьетъ ихъ и требуетъ излишней, противъ положенной, службы. Бенкендорфъ приказалъ къ 6-ти часамъ вечера выдать зачинщиковъ безпорядка.

Жалобы роты были настолько справедливы, что Васильчиковъ, не смотря на настоянія Бенкендорфа и великаго князя, не рѣшился прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости и склонился на просьбы Вадковскаго не придавать серьезнаго значенія инциденту, но при томъ условіи, чтобы рота выразила раскаяніе. Такъ какъ Вадковскому не удалось склонить роту къ требуемому раскаянію и она настаивала на правильности своей жалобы, то было рѣшено отправить ее для заключенія въ крѣпость. Въ виду того, что боялись броженія въ другихъ частяхъ полка, прибѣгли къ хитрости. Вадковскому было приказано вести роту въ штабъ корпуса, такъ какъ Васильчиковъ не здоровъ и потому не можетъ пріѣхать въ полкъ, а желаетъ лично произвести опросъ людей.

Люди роты были приведены въ манежъ, гдѣ Васильчиковъ, сдѣлавъ выговоръ за безпорядокъ, приказалъ имъ итти въ крѣпость подъ арестъ. Рота въ полномъ порядкѣ, какъ на ученьи, несмотря на то, что отъ нея были отдѣлены унтеръ-офицеры и музыканты, отправилась въ крѣпость. Заранѣе подготовленный конвой отъ Павловскаго полка оказался совершенно излишнимъ.

Вѣсть объ участи роты была принесена около полуночи въ батальонъ однимъ нижнимъ чиномъ, возвращавшимся изъ отпуска. Она послужила сигналомъ къ началу волненія всего 1 батальона, несмотря на убѣжденія любимыхъ солдатами Вадковскаго и командира 3 роты С. И. Муравьева-Апостола, солдаты не хотѣли расходиться и требовали, чтобы имъ объявили, гдѣ государева рота, и заявили, что хотя они отъ службы никогда не отказываются, но завтра въ караулъ безъ этой роты итти не могутъ, такъ какъ не къ чему пристраиваться. Въ это время возвращалась въ полкъ рота, назначенная въ ночной караулъ. Волновавшіеся солдаты, не узнавъ товарищей, подумали, что ихъ идутъ арестовать, слѣдствіемъ чего было то, что волненіе передалось и въ другіе батальоны и полкъ почти въ полномъ составѣ выбѣжалъ на казарменный дворъ. Въ четвертомъ часу утра Васильчиковъ потребовалъ къ себѣ Вадковскаго и спросилъ его мнѣніе о томъ, чѣмъ можно успокоить полкъ. Но на его предложеніе освободить первую роту изъ крѣпости не согласился. Попытки Милорадовича и Потемкина уговорить солдатъ были неудачны. Приказаніе Бенкендорфа построиться было тоже не исполнено. Очевидно, оно было отдано въ то время, когда волненіе толпы достигло кульминаціоннаго пункта, такъ какъ странно, что такое естественное по солдатскимъ понятіямъ приказаніе было оставлено безъ исполненія, несмотря на то, что солдаты вели себя съ полной почтительностью съ лицами, разговаривавшими съ ними, и заявляли, что всѣми начальниками довольны, не могутъ только больше терпѣть тиранства Шварца и желаютъ, чтобы была возвращена государева рота.

Гр. П. Д. Киселевъ.

Но возвратимся къ событіямъ въ Семеновскомъ полку въ утро 18 октября. Въ 6-мъ часу утра 18 окт. Васильчиковъ приказалъ л.-гв. Егерскому и конному полкамъ въ боевой готовности подойти къ Семеновскому плацу. Самъ онъ, явившись на плацъ, объявилъ, что рота Его Величества предана суду и безъ распоряженія Государя ея не освободитъ и приказалъ всему полку тоже итти въ крѣпость. «Гдѣ голова, тамъ и хвостъ», было отвѣтомъ на это приказаніе, и солдаты прямо съ плаца отправились въ крѣпость. Конвой и на этотъ разъ оказался излишнимъ и даже какъ будто мѣшалъ дѣлу.

19 октября Васильчиковъ распорядился отправить изъ Петропавловской крѣпости 2-й батальонъ въ Свеаборгъ, 3-й въ Кексгольмъ, а 1-й былъ оставленъ въ крѣпости впредь до рѣшенія дѣла. Была назначена слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ ген. Левашова. Эта ко-

миссія была въ большомъ затрудненіи — въ какомъ направленіи вести дѣло. Твердое убѣжденіе семеновцевъ, что государь не дастъ въ обиду своего полка изъ-за тиранства одного человѣка, было слишкомъ распространено не только въ солдатскихъ кружкахъ, но и среди общества. Достоинство, съ которымъ вели себя семеновцы при возстаніи, во время котораго не было совершено ни единаго акта насилія, товарищеская солидарность и покорность, съ которой они раздѣлили участь заключенныхъ, вызвали всеобщее къ нимъ сочувствіе. Казалось, что и государь долженъ проникнуться этимъ настроеніемъ и не взыщетъ строго съ своего любимаго полка.

Высочайшій приказъ, подписанный 2 ноября, прекратилъ эти сомнѣнія. Согласно этого приказа предписывалось офицеровъ Семеновскаго полка перевести въ арміи, 2 и 3-й батальоны расформировать и людей также назначить въ армейскія части. 1-й батальонъ и командиръ полка Шварцъ предавались военному суду. Такимъ образомъ было покончено со старымъ Семеновскимъ полкомъ, а съ главными виновниками возстанія предписано поступить по всей строгости военныхъ законовъ.

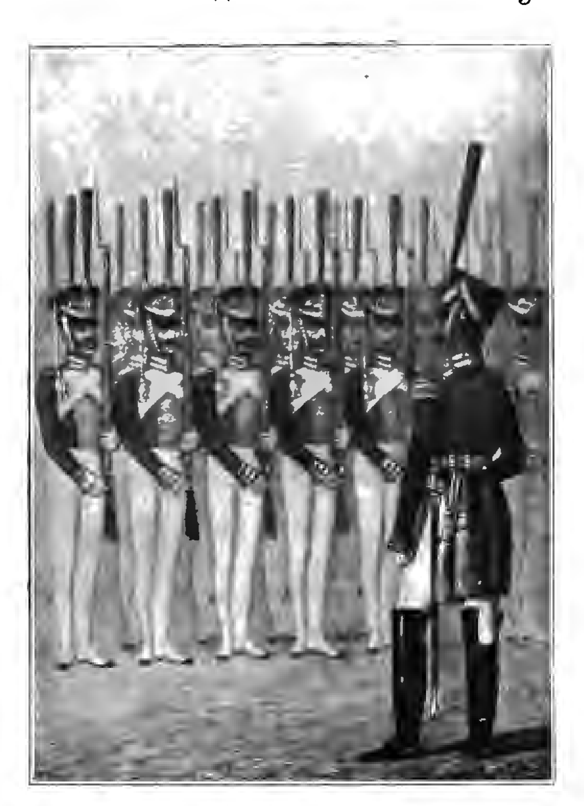
Военно-судной комиссіи государь черезъ Васильчикова приказалъ во что бы то ни стало добиться обнаруженія зачинщиковъ возстанія, и если ей это не удастся, то ему предписывалось назначить другую комиссію.

Военно-судное дѣло о первомъ батальонѣ, пройдя черезъ двѣ судныхъ комиссіи (первой государь остался недоволенъ), черезъ рядъ конфирмацій начальниковъ въ порядкѣ подчиненности, заключеній аудиторіата, при чемъ разныя инстанціи то смягчали приговоръ, то увеличивали число подсудимыхъ, подлежащихъ смертной казни и тяжкимъ тѣлеснымъ наказаніямъ (кнутъ, плети, шпицрутены), былъ 29 августа 1821 г. конфирмованъ государемъ въ такомъ видѣ: 8 человѣкъ должны были быть прогнаны черезъ строй и получить по 6.000 ударовъ и сосланы въ рудники. 2 унтеръ-офицера разжалованы въ рядовые, остальные ссылались на службу въ пограничныя мѣстности. Фельдфебель Брагинъ за представленіе списка зачинщиковъ былъ произведенъ въ подпоручики. Къ этому приговору и Указу отъ 2 ноября 1820 г. вышли впослѣдствіи слѣдующія дополнительныя распоряженія: офицеровъ и нижнихъ чиновъ, переведенныхъ въ армію, предписывалось не увольнять ни въ отставку, ни въ отпускъ впредь до распоряженія государя. Жены семеновцевъ отправлены съ малолѣтними дѣтьми къ мужьямъ, и имъ воспрещено пребываніе въ обѣихъ столицахъ; мальчики старше 10 лѣтъ (кантонисты) распредѣлены по военно-сиротскимъ отдѣленіямъ вдали отъ семей.

Военно-судная комиссія подъ предсѣдательствомъ ген. А. Ѳ. Орлова, судившая Шварца, нашла его виновнымъ въ томъ, что онъ во время богослуженія занимался обученіемъ солдатъ, не искалъ любви подчиненныхъ, вопреки закону подвергалъ тѣлеснымъ наказаніямъ нижнихъ чиновъ съ знаками отличія военнаго ордена, и другимъ презрительнымъ противозаконнымъ наказаніямъ, наконецъ въ робости во время возстанія, и приговорили его къ смертной казни. Государь конфирмовалъ приговоръ, предписавъ замѣнить это наказаніе, принимая во вниманіе прежней долговременной усердной службы «храбрость и отличіе на полѣ сра-

женія». Шварцъ отставленъ отъ службы. По ходатайству Аракчеева, считавшаго его таланты, очевидно, очень пригодными къ такого рода службѣ, онъ былъ, однако, оставленъ на службѣ въ составѣ корпуса военныхъ поселеній.

Если нижніе чины не имѣли легальнаго способа избавиться отъ муштры и жестокостей, то офицерамъ былъ предоставленъ такой выходъ: «Грамота о вольности дворянства», уничтоженная было при Павлѣ I, въ началѣ царствованія Александра I была возстановлена, и вскорѣ по окончаніи походовъ замѣчаются массовыя отставки офицеровъ. Все болѣе или менѣе обезпеченное, имѣвшее царя въ головѣ, бѣжало отъ мертвечины и униженій личнаго достоинства, связанныхъ съ тогдашней военной службой. «Пошли георгіевскіе кресты въ винные пристава». Но «мѣсто свято не остается впустѣ», а также: «было бы болото, а черти найдутся», и замѣстители георгіевскихъ крестовъ находились — танцмейстеры и экзерцирмейстеры. Это было тѣмъ болѣе не трудно, что воинскіе уставы въ то время исполнялись по буквѣ точно. Батальонный же уставъ 1816 года гласитъ: «Офицеру необходимо знать то, что предписано въ школѣ рекрутской, въ ученьи ротномъ и батальонномъ. Офицеръ, знающій командованіе и могущій совершенно объяснить все, что заключается въ сихъ трехъ ученьяхъ, почитается офицеромъ, свое дѣло знающимъ».


Шт.-офицеръ и гренадеры (1817—1825 г. (рис. Дикгофъ).

Батальонному командиру предписывалось собирать офицеровъ и обучать ихъ маршировкѣ, стараться тщательно, чтобы во фронтѣ офицеры держали себя прямо и имѣли бы видъ, приличный офицеру. Вотъ все, что требовалось отъ строевого офицера! Среди офицеровъ не изъ танцмейстеровъ, тяготившихся и возмущавшихся положеніемъ вещей, были, однако, и такіе, которые по своему матеріальному положенію или неимѣнію связей не могли устроиться на сторонѣ, наконецъ, и такіе, которые не желали оставлять любимой ими арміи, не желали слагать оружія передъ временными вѣяніями и желали вступить въ борьбу съ тупостью, несправедливостью и жестокостью. Эти офицеры наполняли собой кадры тайныхъ обществъ, какъ Союзъ благоденствія и др. Когда же съ окончаніемъ дѣла декабристовъ и этотъ «сорный элементъ» былъ выметенъ изъ арміи, то создалось то положеніе вещей, по которому всѣ здравомыслящіе люди признавали, что русская армія осталась безъ офицеровъ.

Поэтъ-партизанъ Давыдовъ за четверть столѣтія предсказывалъ Севастопольскій погромъ. Своимъ свѣтлымъ умомъ настоящаго военнаго онъ ясно понималъ, что положеніе арміи ненормально и такая армія, имѣя передъ собой сильнаго, просвѣщеннаго противника побѣдительницей быть не можетъ. Со времени Аракчеевщины вырабатывается въ обществѣ тотъ взглядъ, что все передовое, независимое считало несовмѣстимымъ съ своимъ достоинствомъ службу въ арміи. Генералъ Сабанѣевъ, котораго мы уже цитировали, пришелъ къ тому выводу, что «всѣ готовы для войны, кромѣ начальниковъ, офицерскаго корпуса нѣтъ». Въ 1827 году прусскій генералъ Матцмеръ доносилъ своему правительству о впечатлѣніяхъ своихъ отъ петербургскихъ маневровъ: «Матеріалъ этой грозной арміи превосходенъ, не оставляетъ желать лучшаго, но, къ нашему счастью, всѣ безъ исключенія оберъ-офицеры никуда не годны, а большая часть офицеровъ въ высшихъ чинахъ тоже не многимъ лучше ихъ. Большинство генераловъ думаютъ только о проведеніи передъ императоромъ своей части церемоніальнымъ маршемъ и не думаютъ о высшемъ образованіи среди офицеровъ и цѣлесообразномъ обученіи войскъ». Такое впечатлѣніе вынесъ иностранный генералъ отъ отборнаго русскаго войска — отъ гвардейскаго корпуса; что же могла представлять изъ себя заурядная масса? Войско безъ команднаго состава не есть войско, есть только «матеріалъ» для него. Печальное наслѣдіе получилъ Александръ I отъ своего отца: армію, неготовую къ бою. Въ его царствованіе эта неготовая армія пролитіемъ своей крови на поляхъ сраженій поднялась до очень высокаго уровня по нравственнымъ и боевымъ качествамъ.

П. А. Чаадаевъ.

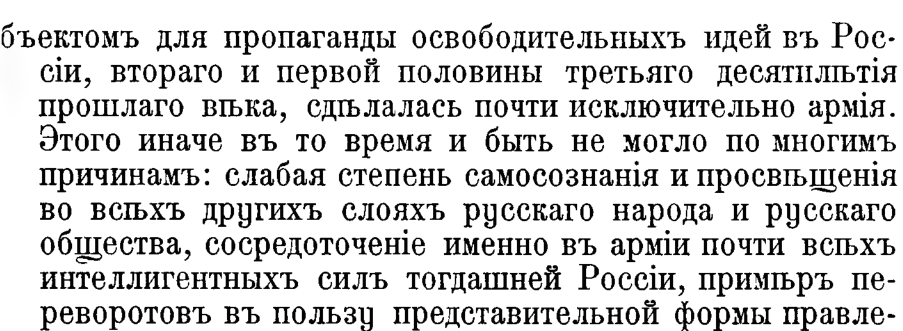
Послѣ эпопеи Отечественной войны русская армія пережила реакцію, отодвинувшую ее назадъ ко временамъ прошлаго царствованія, и Александръ I передалъ своему преемнику опять армію, для своего назначенія неготовую.

А. Кожевниковъ.

Таганрогъ 19 ноября (рис. Манцони 1825 г.).

VII. Пропаганда въ арміи. Тайныя общества.

В. Я. Богучарскаго.



Объектомъ для пропаганды освободительныхъ идей въ Россіи, втораго и первой половины третьяго десятилѣтія прошлаго вѣка, сдѣлалась почти исключительно армія. Этого иначе въ то время и быть не могло по многимъ причинамъ: слабая степень самосознанія и просвѣщенія во всѣхъ другихъ слояхъ русскаго народа и русскаго общества, сосредоточеніе именно въ арміи почти всѣхъ интеллигентныхъ силъ тогдашней Россіи, примѣръ переворотовъ въ пользу представительной формы правленія, совершонныхъ войсками въ Испаніи, Португаліи и Италіи, свѣжія воспоминанія, наконецъ, о той роли, которую играла и въ Россіи въ теченіе всего XVIII вѣка армія, когда ею былъ совершонъ чуть не десятокъ государственныхъ переворотовъ,—все это вполнѣ объясняетъ вопросъ, почему именно членами тайныхъ обществъ въ Россіи были въ разсматриваемую эпоху въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ военнослужащіе. Характеръ государственныхъ переворотовъ, совершавшихся въ Россіи всякими «лейбъ-кампанцами», былъ, конечно, иной, чѣмъ тотъ, о которомъ мечтали декабристы, — перевороты XVIII вѣка были переворотами чисто серальными,—но форма ихъ, форма совершенія переворотовъ при помощи организованной военной силы, и при иной цѣли ихъ, казалась нашимъ декабристамъ вполнѣ цѣлесообразною. Примѣры южно-романскихъ странъ только укрѣпляли декабристовъ въ правильности избраннаго ими пути. Не даромъ же ихъ любимѣйшимъ героемъ сталъ Ріэго, не даромъ декабристъ В. Ф. Раевскій заставлялъ солдатъ писать въ «прописяхъ» имя Квироги, не даромъ знаменитый революціонный катихизисъ С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина имѣлъ прототипомъ, какъ это доказалъ въ своемъ изслѣдованіи о катихизисѣ декабристовъ П. Е.

Щеголевъ, катихизисъ испанскій, приведенный во французскомъ романѣ графа Сальванди «Донъ Алонзо или Испанія» (Don Alonzo, ou l'Espagne, histoire contémporaine, par N. A. Salvandy, tome I—IV. Paris, 1824).

Если не считать пропаганды среди нижнихъ чиновъ, которая въ общемъ велась слабо и объ отдѣльныхъ случаяхъ которой мы скажемъ ниже, то пропаганда декабристовъ сосредоточивалась среди офицерства и производилась либо устно, путемъ постепеннаго уясненія товарищамъ по службѣ положенія, въ которомъ находилась Россія, и способовъ, которыми злу долженъ быть положенъ конецъ, либо путемъ распространенія рукописныхъ произведеній (правда, между уже вполнѣ приготовленными офицерами) безусловно революціоннаго характера, въ родѣ «Любопытнаго разговора» Никиты Муравьева. Въ высшихъ кругахъ заговорщиковъ обращались, кромѣ того, и проекты конституцій, надъ которыми работало нѣсколько наиболѣе выдающихся декабристовъ.

Н. Н. Раевскій (младшій).

Но обращалось вниманіе и на воспитаніе общественнаго мнѣнія, и въ этомъ отношеніи стихотворенія А. С. Пушкина и К. Ф. Рылѣева играли огромную роль. Что можно было напечатать, то печаталось; чего напечатать было нельзя, то пускалось въ обращеніе въ рукописяхъ.

Декабристъ И. Д. Якушкинъ разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ», что не было такого сколько-нибудь грамотнаго прапорщика, который не зналъ бы наизусть «запрещенныхъ» стихотвореній Пушкина. Пушкинъ, правда, не былъ членомъ тайнаго общества, но дѣйствовалъ вполнѣ въ его духѣ, и изъ разсказа И. И. Пущина даже извѣстно, что лишь случайность помѣшала ему, лицейскому товарищу и другу Пушкина, принять знаменитаго поэта и формально въ число членовъ общества.

Впечатлѣніе отъ стихотвореній Рылѣева было нерѣдко потрясающимъ. Надо вспомнить, чѣмъ былъ въ то время въ Россіи Аракчеевъ, чтобы оцѣнить, какое значеніе должно было имѣть посланіе Рылѣева «Къ временщику». (Подзаголовокъ: Подражаніе Персіевой сатирѣ къ Рубелію. 1820 г.):

«Надменный временщикъ и подлый, и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны твоей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами, злодѣй!
. . . .
. . . .
Но если злобный рокъ, злодѣя полюбя,
Отъ справедливой мзды и сохранитъ тебя,
Все трепещи, тиранъ! За зло и вѣроломство
Тебѣ свой приговоръ произнесетъ потомство».

И дѣйствительно. «Нельзя представить изумленія, ужаса, даже можно сказать оцѣпенѣнія, — разсказываетъ декабристъ Николай Бестужевъ, — какими поражены были жители столицы при сихъ неслыханныхъ звукахъ правды и укоризны, при сей борьбѣ младенца съ великаномъ. Всѣ думали, что громы каръ грянутъ, истребятъ дерзновеннаго поэта и тѣхъ, которые внимали ему; но изображеніе было слишкомъ вѣрно, очень близко, чтобы обиженному вельможѣ осмѣлиться узнать себя въ сатирѣ. Онъ постыдился признаться явно. Тучи пронеслись мимо, оковы оцѣпенѣнія мало-по-малу расторглись, и глухой шопотъ одобренія былъ наградой юнаго, правдиваго поэта».

А муза Рылѣева все продолжала и продолжала издавать тѣ же звуки:

Въ стихотвореніи «Гражданинъ»:

«Нѣтъ, не способенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка.
Они раскаются, когда народъ возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И въ бурномъ мятежѣ, ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги».

А. Н. Раевскій.

Въ стихотвореніи, обращенномъ къ женѣ:

«Любовь никакъ нейдетъ на умъ.
Увы! Моя отчизна страждетъ.
Душа въ волненьи тяжкихъ думъ
Теперь одной свободы жаждетъ».

Въ думѣ «Волынскій»:

«Славна кончина за народъ!
Пѣвцы герою въ воздаянье,
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ.
Передадутъ его дѣянья!..»

Въ «Исповѣди Наливайки»:

«Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа.
Судьба меня ужъ обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю.
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю!..»

Имѣя въ виду убійцу Коцебу Занда, Рылѣевъ писалъ:

«Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ,
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу;
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будетъ и въ цѣпяхъ свободенъ,
Въ часъ казни правотою гордъ
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ».

На ту же тему писалъ и Пушкинъ:

«О юный праведникъ, избранникъ роковой,
О Зандъ! Твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
Но добродѣтели святой
Остался слѣдъ въ казненномъ прахѣ».

Съ особенною яркостью выражалъ тогда Пушкинъ свое настроеніе въ стихотвореніи «Кинжалъ», прославлявшійся имъ въ качествѣ «послѣдняго судіи позора и обиды...»

Чѣмъ было все это, какъ не призывомъ къ возстанію, къ перевороту, къ революціи?..

И именно эта пропаганда имѣла огромный успѣхъ.

«Вольнолюбивыя мечты» распространились очень широко. Не по 121 человѣку, которые осуждены верховнымъ уголовнымъ судомъ, надо судить о размѣрахъ этого распространенія, а по свидѣтельствамъ современниковъ, изъ которыхъ, вначалѣ совершенно непосвященный въ дѣла тайнаго общества, знаменитый въ своемъ родѣ Шервудъ, къ фамиліи котораго Николай I привинтилъ прибавку «Вѣрнаго», а общественное мнѣніе — «Сквернаго», напалъ, по словамъ его собственной «Исповѣди», на мысль о существованіи заговора, на томъ основаніи, что куда бы онъ ни пріѣхалъ, всюду слышалъ онъ среди офицерства крайне либеральныя рѣчи и предсказанія въ близкомъ будущемъ какихъ-то большихъ перемѣнъ; а другой — антиподъ Шервуда, — кончившій жизнь свою на висѣлицѣ, П. Г. Каховскій, писалъ изъ Петропавловской крѣпости своему слѣдователю Левашову такія строки: «Я съ немногими членами тайнаго общества былъ знакомъ, и вообще думаю, что число ихъ не велико. Но изъ большаго числа моихъ знакомыхъ, не принадлежащихъ ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, очень немногіе были противнаго со мною мнѣнія. Смѣло говорю, что изъ тысячи молодыхъ людей не найдется ста человѣкъ, которые не пылали бы страстью къ свободѣ».

М. Ѳ. Орловъ.

А что значило «пылать страстью къ свободѣ», это явствуетъ хотя бы изъ показаній молодого офицера Андреевича, который, будучи убѣжденъ въ неминуемости смертнаго приговора, тѣмъ не менѣе, обращался къ своимъ судьямъ съ такими словами:

«На смерть взираю съ бо̀льшимъ хладнокровіемъ, нежели на страданіе со человѣки. Благоденствующіе потомки почтутъ мою смерть... Я долженъ ожидать съ хладнокровіемъ казни, для меня опредѣленной законами. Всякъ видитъ мою вину, что, желая блага своему отечеству, видя его угнетеннымъ несправедливостями, рѣшился я на все, — рѣшился отыскать

причину злополучія моихъ соотечественниковъ, и, найдя, искоренить оную, хотя бы самому стоило жизни».

Еще съ большею страстностью излагаетъ такую же мысль въ другомъ письмѣ къ своимъ грознымъ судьямъ тотъ же Каховскій.

«Не о себѣ хочу говорить я,—пишетъ онъ,—но о моемъ отечествѣ, которое, пока не остановится біеніе моего сердца, будетъ мнѣ дороже всѣхъ благъ міра и самого біенія сердца... Я за первое благо считалъ не только жизнью — честью жертвовать пользѣ моего отечества. Умереть на плахѣ, быть растерзану, умереть въ самую минуту наслажденія, — не все ли равно? Но что можетъ быть слаще, какъ умереть, принеся пользу? Человѣкъ, исполненный чистотой, жертвуетъ собою не съ тѣмъ, чтобы заслужить славу, строчку въ исторіи, но творитъ добро для добра, безъ возмездія. Такъ думалъ я, такъ и поступалъ. Увлеченный пламенною любовью къ родинѣ, страстью къ свободѣ, я не видѣлъ преступленія для блага общаго. Для блага отечества я готовъ былъ бы и отца моего принести въ жертву. Я прихожу въ раздраженіе, когда воображаю себѣ всѣ бѣды, терзающія мое отечество».

Н. А. Бестужевъ.

Такъ не пишутъ люди съ петлей на шеѣ, если только они не на словахъ, а на дѣлѣ, поистинѣ, «не пламенѣютъ» любовью къ отечеству и свободѣ.

Невзирая на такое распространеніе «либеральныхъ» идей, многіе декабристы, тѣмъ не менѣе, ясно видѣли, какъ велики препятствія для установленія въ Россіи режима желанной свободы, но это ихъ не останавливало, и они шли къ своей цѣли съ сознаніемъ того, что потрясеніе, какъ выразился Николаю Бестужеву Рылѣевъ, «необходимо», и что только такимъ способомъ можно вполнѣ «пробудить» къ свободной жизни отечество.

Главнымъ препятствіемъ для этого считалось «самовластіе», пріобрѣтшее на протяженіи исторіи огромную силу инерціи, и именно на него, не столько даже на личность императора Александра Павловича, хотя и лично онъ былъ сильно декабристами и людьми имъ близкими ненавидимъ, сколько на воплощаемый ими принципъ, направились всѣ удары декабристовъ.

Никита Муравьевъ сталъ писать произведеніе, которое было названо «Любопытный разговоръ». Хотя произведеніе это и было уже нѣсколько разъ воспроизводимо въ нашей исторической литературѣ (между прочимъ, оно приведено полностью въ книгѣ профессора Довнаръ-Запольскаго «Идеалы декабристовъ». М., 1907, стр. 303—305), но мы все же можемъ привести здѣсь «Любопытный разговоръ», хотя со значительными сокращеніями.

Вопросъ. — Что есть свобода?
Отвѣтъ. — Жизнь по волѣ.

— Все ли я свободенъ дѣлать?
— Ты свободенъ дѣлать все, что не вредно другому. Это твое право.
— А если кто будетъ притѣснять?
— Это будетъ насиліе, противъ коего ты имѣешь право сопротивляться.
— Стало-быть, всѣ люди должны быть свободны?
— Безъ сомнѣнія.
— А всѣ ли люди свободны?
— Нѣтъ, малое число людей поработило большее.
— Почему же малое число поработило большее?
— Однимъ пришла несправедливая мысль господствовать, а другимъ подлая мысль отказаться отъ природныхъ правъ человѣческихъ, дарованныхъ Самимъ Богомъ.
— Надобно ли добывать свободу?
— Надобно.
— Какимъ образомъ?
— Надлежитъ утверждать постоянныя правила или законы, какъ бывало въ старину на Руси.

— Какъ же бывало въ старину?
— . . . .
— Что значитъ государь самодержавный?
— . . . .
— Не Самъ ли Богъ установилъ самодержавіе?
— . . . .
— Отчего же говорятъ: «Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога»?
— . . . .
— Есть ли государи самодержавные въ другихъ земляхъ?
— . . . .
— Почему же самовластье не терпитъ законовъ?
— . . . .
— Какое на Руси было управленіе безъ самодержавія?
— Всегда были народныя вѣчи.
— Что значитъ вѣчи?

— Собраніе народа. Въ каждомъ городѣ, при звукѣ вѣчевого колокола, собирался народъ или выборные, они совѣщались объ общихъ всѣмъ дѣлахъ; предлагали требованія, постановляли законы, назначали сколько гдѣ брать ратниковъ, установляли сами, съ общаго согласія, налоги; передавали на судъ свой намѣстниковъ, когда сіи грабили или притѣсняли жителей. Таковыя вѣчи были: въ Кіевѣ на-Подолѣ, въ Новгородѣ, во Псковѣ, Владимирѣ, Суздалѣ и Москвѣ.
— Почему же сіи вѣчи прекратились, и когда?
— Причиною было нашествіе татаръ, выучившихъ нашихъ предковъ безусловно покровительствовать тиранной ихъ власти.
— Что было причиною побѣды и торжества татаръ?
— Размноженіе князей дома Рюрикова, ихъ честолюбіе и распри, пагубныя для отечества.
— Почему же зло сіе не кончилось съ владычествомъ татаръ?
— Преданія рабства и понятія восточныя послужили ихъ оружію и причинили еще болѣе зла Россіи. Народъ, сносившій терпѣливо иго Батыя, сносилъ такимъ же образомъ и власть князей, подражавшихъ во всемъ тиранамъ.

На этомъ и кончается «Любопытный разговоръ». Прочтя его во время слѣдствія по дѣлу декабристовъ, Николай Павловичъ написалъ: «quelle infamie!..»

Другое, вышедшее изъ-подъ пера декабристовъ, агитаціонное произведеніе,—это извѣстный, составленный Бестужевымъ - Рюминымъ и Муравьевымъ-Апостоломъ, «Катихизисъ».

Мы уже упоминали, что въ основаніе его легъ катихизисъ испанскій. Это произведеніе также неоднократно уже было напечатано дословно въ изслѣдованіяхъ нашихъ историковъ (напр., въ книгѣ А. К. Бороздина «Изъ показаній декабристовъ». Спб., 1906 г., стр. 84—88), но, воспроизводя его здѣсь, мы сдѣлаемъ и это съ сокращеніями.

Катихизисъ начинается такъ:

Во имя Сына и Отца и Святаго Духа.

— Для чего Богъ создалъ человѣка?

— Для того, чтобы онъ въ Него вѣровалъ, былъ свободенъ и счастливъ.

— Что значитъ вѣровать въ Бога?

А. Бенкендорфъ.

— Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, сошедши на землю, оставилъ намъ святое Свое Евангеліе... Вѣровать въ Бога значитъ слѣдовать во всемъ истинному смыслу начертанныхъ въ немъ законовъ.

— Что значитъ быть свободнымъ и счастливымъ?

— Безъ свободы нѣтъ счастья. Святой апостолъ Павелъ говоритъ: «Цѣною крови куплены есте, не будете рабы человѣкомъ».

— Для чего же русскій народъ и русское воинство несчастны?

— . . . .

— Стало-быть, они поступаютъ вопреки волѣ Бога?

— . . . .

— Но нужно ли въ такомъ случаѣ повиноваться, когда они поступаютъ вопреки волѣ Божіей?

— . . . .

— Что же нашъ святой законъ повелѣваетъ дѣлать русскому народу и воинству?

— . . . .

— Какимъ же образомъ ополчиться всѣмъ чистымъ сердцемъ?

— Взять оружіе и слѣдовать за глаголящимъ во имя Господне, помня слова Спасителя нашего: «Блаженни алчущіе и жаждущіе правды, яко тѣ насытятся».

— Какое правленіе сходно съ закономъ Божіимъ?

— . . . .

— Противна ли божескимъ законамъ присяга?

— . . . .

— Что же, наконецъ, подобаетъ дѣлать христолюбивому россійскому воинству?

— . . . .

Необходимо отмѣтить тутъ же, что со стороны Сергѣя Муравьева-Апостола въ этомъ «Катихизисѣ» не было ничего, рѣшительно ничего, такого, чему бы не вѣрилъ самъ Муравьевъ, пламенный христіанинъ, непосредственно изъ религіозныхъ воззрѣній выведшій и свои республиканскіе взгляды.

Всѣми приведенными произведеніями декабристовъ съ достаточною ясностью характеризуется то настроеніе, съ которымъ готовились они къ совершенію переворота. На предстоявшую имъ задачу они смотрѣли какъ на такое дѣло, которое должно водворить на Руси истинную свободу и истинное счастье, и они шли на это дѣло съ религіознымъ энтузіазмомъ.

Въ этомъ отношеніи очень замѣчателенъ также впервые извлеченный изъ дѣлъ декабристовъ проф. Довнаромъ-Запольскимъ и помѣщенный имъ въ своей книгѣ, составленный декабристомъ Борисовымъ, текстъ присяги, которую приносили члены «Общества соединенныхъ славянъ» при вступленіи въ общество. Текстъ этотъ гласитъ слѣдующее:

Кн. З. А. Волконская, р. Бѣлосельская. (Рис. Бенвенутти).

«Вступая въ число соединенныхъ славянъ для избавленія себя отъ тиранства и для возвращенія свободы, столь драгоцѣнной роду человѣческому, я торжественно присягаю на семъ оружіи на взаимную любовь, что для меня есть божество и отъ чего я ожидаю исполненія всѣхъ моихъ желаній. Клянусь быть всегда добродѣтельнымъ, вѣчно быть вѣрнымъ нашей цѣли и соблюдать глубокое молчаніе. Самый адъ со всѣми своими ужасами не вынудитъ у меня указать моимъ тиранамъ моихъ друзей и ихъ намѣренія. Клянусь, что уста мои только тогда откроютъ названіе сего союза предъ человѣкомъ, когда онъ докажетъ несомнѣнное желаніе быть участникомъ онаго; клянусь до послѣдней капли крови, до послѣдняго вздоха вспомоществовать вамъ, друзья мои, отъ этой святой для меня минуты. Особенная дѣятельность будетъ первою моею добродѣтелью, а взаимная любовь и пособіе—святымъ моимъ долгомъ. Клянусь, что ни что въ мірѣ тронуть меня не будетъ въ состояніи. Съ мечомъ въ рукахъ достигну цѣли, нами назначенной. Пройдя тысячи смертей, тысячи препятствій, пройду и посвящу послѣдній вздохъ

свободѣ и братскому союзу благородныхъ славянъ. Если же нарушу сію клятву, то пусть угрызеніе совѣсти будетъ первою местью гнусному клятвопреступленію, пусть сіе оружіе обратится остреемъ въ сердце мое и наполнитъ оное адскими мученіями, пусть минута жизни моей—вредная для друзей—будетъ послѣднею; пусть отъ сей гибельной минуты, когда я забуду свои обѣщанія, существованіе мое превратится въ цѣпь неслыханныхъ бѣдъ; пусть увижу все, любезное сердцу моему, издыхающимъ отъ оружія въ ужасныхъ мученіяхъ, и оружіе сіе, достигая меня, преступнаго, пусть покроетъ меня руками и, собравъ на главу мою цѣлое бремя физическаго и моральнаго зла, выдавитъ на челѣ печать юродиваго сына всей природы».

И многіе «славяне» свято исполнили свои обѣщанія. Членъ общества соединенныхъ славянъ И. И. Горбачевскій, образъ котораго такими восторженными чертами нарисовалъ Венюковъ («Записные лжецы не смѣли лгать въ его присутствіи», говоритъ онъ о Горбачевскомъ, жившемъ въ то время въ Сибири уже сѣдымъ старикомъ), оставилъ въ своихъ любопытныхъ воспоминаніяхъ разсказъ о томъ, какъ сложившій свою голову за свободу поручикъ Кузьминъ заранѣе объявилъ своимъ солдатамъ о предстоящемъ возстаніи, и какъ они обѣщали умереть вмѣстѣ съ нимъ за отечество. Выдѣляется и неукротимая личность И. И. Сухинова, задумавшаго продолжать дѣло возстанія и въ Сибири и за это тамъ разстрѣляннаго.

Сближеніе съ солдатами и пропаганда среди нихъ велись почти исключительно лишь «славянами», этимъ наиболѣе демократическимъ отрядомъ среди декабристовъ, —и въ сѣверномъ и въ южномъ обществѣ тактика была другая: тамъ разсчитывали привязать къ себѣ солдатъ гуманнымъ съ ними обращеніемъ, а въ рѣшительную минуту воздѣйствовать на нихъ лишь силою своего авторитета; но были отдѣльные декабристы, которые занимались и непосредственно пропагандою среди нижнихъ чиновъ. Этимъ особенно извѣстенъ В. Ф. Раевскій, изображавшій много времени спустя свою дѣятельность послѣ того, какъ онъ былъ принятъ въ тайное общество, въ такихъ строкахъ:

Князь А. Ф. Орловъ. (Съ порт., принадл. Музею Л.-Гв. Коннаго Полка).

„Но для слѣпца свѣтъ свыше просіялъ...
И все, что мнѣ казалося загадкой,
Упрекъ людей болѣзненный сказалъ...
И Богъ проститъ мнѣ прежнія ошибки,
Не для себя я въ этомъ мірѣ жилъ,
И людямъ жизнь я щедро раздарилъ“...

Раевскій служилъ въ Кишиневѣ, бывшемъ въ 1818—1821 году важнымъ центромъ дѣятельности членовъ тайнаго общества. Руководителемъ дѣла тамъ былъ извѣстный генералъ М. Ф. Орловъ, поставившій широко

обученіе солдатъ по ланкастерской системѣ. Онъ назначилъ Раевскаго преподавателемъ въ одну изъ такихъ школъ; въ ней Раевскій энергично повелъ занятія и, по словамъ Якушкина, «въ надеждѣ на покровительство Орлова онъ слишкомъ рѣшительно дѣйствовалъ и попалъ подъ судъ». Занимаясь съ солдатами, Раевскій и употреблялъ «прописи», въ которыхъ писались такія слова, какъ «Вашингтонъ», «Мирабо», «Квирога» и проч. Раевскій былъ арестованъ въ 1822 году, пробылъ въ заключеніи пять лѣтъ («скажите отъ меня Орлову, что я судьбу свою сурову съ терпѣньемъ мраморнымъ сносилъ, нигдѣ себѣ не измѣнилъ», писалъ онъ изъ тюрьмы) и, хотя слѣдствіе не открыло принадлежности его къ тайному обществу, онъ былъ все-таки сосланъ въ Сибирь.

На самомъ дѣлѣ, членомъ тайнаго общества Раевскій, безъ сомнѣнія, былъ, о томъ свидѣтельствуютъ его тѣсныя отношенія къ Орлову, одному изъ иниціаторовъ тайныхъ обществъ въ Россіи, вся его дѣятельность въ духѣ заговорщиковъ, его обращеніе къ Пушкину съ словами—«оставь другимъ пѣвцамъ любовь: любовь ли пѣть, гдѣ льется кровь, гдѣ котъ съ насмѣшкой и улыбкой терзаетъ насъ кровавой пыткой», наконецъ, по его собственнымъ словамъ, таинственность его дѣлъ «объяснилась на Сенатской площади 14 декабря 1825 года».

Ходъ и исходъ дѣятельности тайныхъ обществъ, приведшихъ къ Сенатской площади въ Петербургѣ и возстанію части Черниговскаго полка на югѣ Россіи, общеизвѣстны, и мы коснемся здѣсь этого предмета лишь въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ. Во второй половинѣ второго десятилѣтія XIX вѣка мысль о тайныхъ обществахъ возникла сразу у многихъ лицъ и стала какъ бы носиться въ воздухѣ. Ею были заняты и правитель канцеляріи малороссійскаго генералъ-губернатора Новиковъ, выработавшій уже себѣ въ то время республиканскія воззрѣнія и въ духѣ ихъ оказавшій вліяніе на Пестеля, и А. Н. Муравьевъ, впослѣдствіи тотъ самый нижегородскій губернаторъ, «легенду» о которомъ въ эпоху освобожденія крестьянъ недавно напечаталъ въ «Русскомъ Богатствѣ» В. Г. Короленко, и М. Н. Муравьевъ, впослѣдствіи знаменитый «графъ виленскій», и «рыцарь чести и честности» (слова Штейна) Н. И. Тургеневъ, и графъ Дмитріевъ-Мамоновъ, и М. Ф. Орловъ, и будущіе декабристы—князь Трубецкой, Якушкинъ, братья Муравьевы-Апостолы, князь Ѳедоръ Шаховской, Лунинъ и другіе.

Въ концѣ 1816 года появилась и «комиссія» для составленія устава общества. Эта первая въ Россіи революціонная комиссія состояла изъ четырехъ гвардейскихъ офицеровъ, изъ которыхъ трое были князья-рюриковичи—Долгорукій, Трубецкой и Шаховской, и четвертый—сынъ прославившагося своею свирѣпостью генералъ-губернатора—Павелъ Ивановичъ Пестель. Возникло общество, которое получило названіе «Союза спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества». Но противъ устава этого общества раздавалось много возраженій. Одинъ изъ членовъ общества (князь Лопухинъ) привезъ изъ Германіи уставъ Tugendbund'а. Его перевели на русскій языкъ, и съ нѣкоторыми измѣненіями онъ легъ въ основаніе пришедшему на смѣну «Союза спасенія» новому обществу, которое получило названіе «Союза благоденствія». Жизнь этого «союза» была гораздо болѣе продолжительна, чѣмъ перваго; въ теченіе нѣсколькихъ

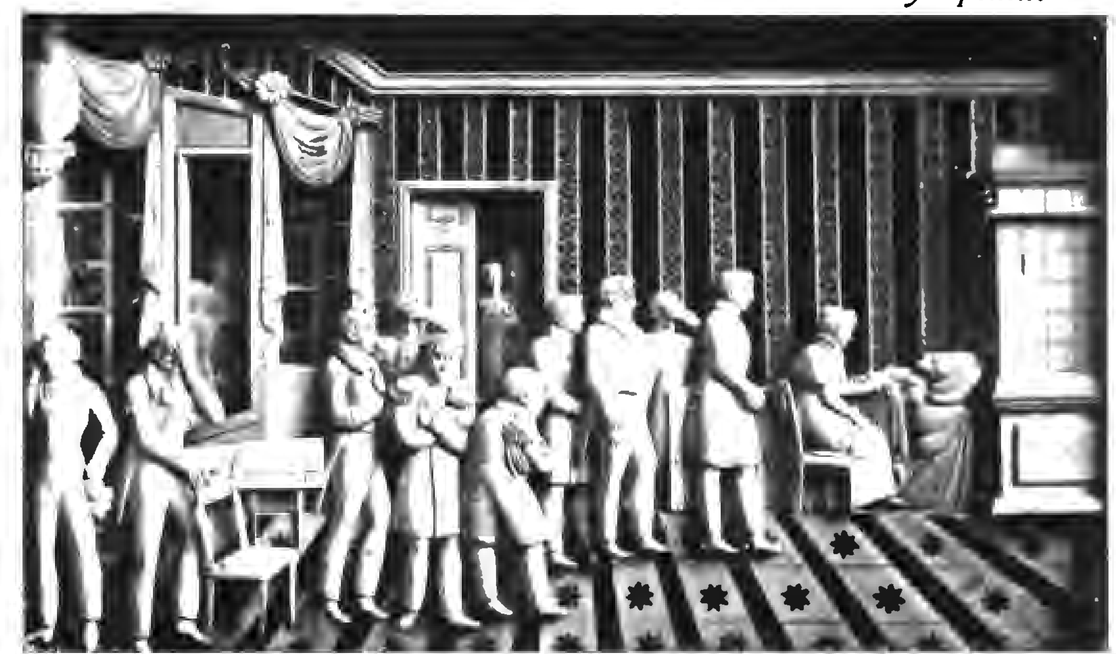
лѣтъ шла пропаганда и вербовка новыхъ членовъ, въ результатѣ чего черезъ нѣкоторое время получилось два организованныхъ центра — въ Петербургѣ и Тульчинѣ. Въ Петербургѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ сталъ Никита Муравьевъ, въ Тульчинѣ — Пестель.

Различіе въ теоретическихъ взглядахъ и другія болѣе личнаго характера пренія между этими двумя центрами, а также слухи о томъ, что о существованіи тайнаго общества правительству стало извѣстно, привели къ мысли созвать для рѣшенія разныхъ вопросовъ о дальнѣйшемъ направленіи дѣятельности союза особый съѣздъ, который и состоялся въ 1821 году въ Москвѣ. На этомъ съѣздѣ было рѣшено, дабы отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ ненадежныхъ лицъ, фиктивно закрыть союзъ. Какъ «союзъ», онъ фактически и прекратилъ съ этого времени свое существованіе, но на мѣсто его возникли въ тѣхъ же Петербургѣ и Тульчинѣ два тайныхъ общества, формально самостоятельныхъ, но, конечно, на дѣлѣ продолжавшихъ находиться между собою въ общеніи. Въ Петербургѣ въ качествѣ «людей центра» («думы») руководящую роль играли князь Оболенскій, Никита Муравьевъ и князь Трубецкой, а по отъѣздѣ послѣднихъ двухъ изъ Петербурга — Рылѣевъ и Александръ Бестужевъ. На югѣ образовалось три «управы»: Тульчинская — подъ руководствомъ Пестеля и генерала Юшневскаго, Каменская — Давыдова и генерала князя Волконскаго и Васильковская — Сергѣя Муравьева-Апостола и Михаила Бестужева-Рюмина. Организовался и общій центръ или «директорія», въ составъ которой вошли Пестель, Юшневскій и Муравьевъ-Апостолъ. Наиболѣе дѣятельнымъ отдѣломъ южнаго общества былъ васильковскій: онъ открылъ и вступилъ въ тѣсныя отношенія съ организовавшимся независимо «обществомъ соединенныхъ славянъ», онъ устроилъ переговоры Пестеля и князя Волконскаго съ польскимъ тайнымъ обществомъ, онъ настаивалъ на скорѣйшемъ открытіи революціонныхъ дѣйствій по «испанскому образцу». Сдѣланъ былъ и рядъ попытокъ для болѣе тѣснаго объединенія южнаго общества съ сѣвернымъ, но республиканскія тенденціи, которыя преобладали въ южномъ обществѣ, и недовѣріе со стороны болѣе монархически настроенныхъ сѣверянъ къ республиканцу Пестелю, въ которомъ они, сверхъ того, подозрѣвали честолюбца, сильно тормозили это дѣло. Въ цѣляхъ соединенія обоихъ обществъ Пестель посылалъ въ Петербургъ съ письмами отъ себя членовъ южнаго тайнаго общества — Давыдова, Поджіо-Швейковскаго, князя Барятинскаго, дважды князя Волконскаго и,

Шервудъ „Вѣрный“.

наконецъ, ѣздилъ самъ, но всѣ эти попытки особеннымъ успѣхомъ не увѣнчались. Южане, тѣмъ не менѣе, рвались впередъ и постановили непремѣнно начинать возстаніе въ 1826 году. Смерть Александра I и наступившее междуцарствіе спутали ихъ расчеты, и все предпріятіе закончилось событіями на Сенатской площади въ Петербургѣ и инсуррекціоннымъ движеніемъ отряда Сергѣя Муравьева-Апостола, разбитымъ правительственными войсками подъ Бѣлою Церковью.

В. Богучарскій.



Смерть Александра I въ Таганрогѣ. (Костяное изображеніе).

VIII. День 14 декабря 1825 года въ Петербургѣ.

В. Я. Богучарскаго.

Запечатываю (это письмо) краснымъ сургучомъ, ибо намъ велѣно даже не знать о кончинѣ государя» [1]), писалъ изъ Варшавы 12 декабря 1825 года графъ Вильгельмъ Нессельроде своей родственницѣ граф. М. Д. Нессельроде, хотя въ Петербургѣ уже была принесена присяга «новому императору» Константину Павловичу войсками, сенатомъ, Государственнымъ Совѣтомъ и самимъ Николаемъ Павловичемъ. И все-таки «велѣно было даже не знать о кончинѣ государя...»

Престолъ—дѣло домашнее. Правда, Павломъ былъ установленъ законъ о престолонаслѣдіи, но уже непосредственный преемникъ Павла на тронѣ Александръ Павловичъ съ перваго же момента своего царствованія

[1]) Въ дни междуцарствія. „Русскій Архивъ". 1910 г., декабрь, стр. 529.

сталъ на точку зрѣнія петровской «правды воли монаршей», повелѣвши въ манифестѣ отъ 12 марта 1801 года присягать ему и «его наслѣднику, кого онъ назначитъ». Онъ и назначилъ въ концѣ своего царствованія наслѣдникомъ престола великаго князя Николая Павловича, но объявить объ этомъ подданнымъ не счелъ нужнымъ, оставивъ лишь выраженіе своей объ этомъ предметѣ воли въ запечатанномъ пакетѣ. Узнаютъ, молъ, послѣ моей смерти,—зачѣмъ имъ знать объ этомъ нашемъ домашнемъ дѣлѣ заранѣе?

Послѣдствіемъ такого взгляда на престолъ, какъ на дѣло домашнее, явилось послѣ смерти Александра междуцарствіе, окончившееся лишь 14 декабря.

Константинъ Павловичъ царствовать не желалъ; не желалъ онъ въ то же время и объявить объ этомъ публично, считая опять-таки, что «домашнее дѣло» это вовсе не требуетъ отъ него подобнаго акта.

Видъ печальной колесницы съ тѣломъ имп. Александра I. (М. 1829 г.).

Николай Павловичъ былъ другого мнѣнія: онъ находилъ, что, такъ какъ «огласка» зашла уже слишкомъ далеко,—вплоть до принесенія имъ самимъ, высшими государственными учрежденіями и арміей присяги Константину Павловичу,—то послѣднему слѣдовало бы исправить создавшееся столь неудобное положеніе актомъ публичнаго отреченія отъ верховной власти, для чего онъ и приглашалъ Константина прибыть въ Петербургъ. Но Константинъ Павловичъ считалъ это совершенно излишнимъ.

«Я твердо рѣшилъ не вступать на престолъ,—писалъ онъ Николаю,— пусть будетъ, что будетъ. Если немедленно все не придетъ въ прежній порядокъ, я сочту себя вынужденнымъ фактически удалиться отъ такого порядка дѣлъ» [1]).

---

[1]) Ibid., стр. 530.

«И въ то же утро,—писалъ въ вышецитированномъ письмѣ графъ Нессельроде,—онъ (Константинъ) отдалъ тайное приказаніе, чтобы были наготовѣ его кареты съ лошадьми и 10.000 имперіаловъ наличными деньгами для поѣздки не въ Петербургъ, а за границу».

Какія же соображенія высшей государственной важности заставляли уже законнаго въ глазахъ всей Россіи императора Константина Павловича столь демонстративно протестовать противъ обращенной къ нему просьбы совершить, казалось бы, такъ естественно налагавшійся на него обстоятельствами актъ?

Графъ Нессельроде отвѣчаетъ на этотъ вопросъ вполнѣ опредѣленно: если бы Константинъ Павловичъ пробылъ хоть нѣсколько дней формально самодержцемъ всей Россіи, то по его, Константина, мнѣнію, «какъ бывшій императоръ, онъ болѣе не будетъ имѣть возможности командовать литовскимъ корпусомъ и нельзя будетъ ему больше оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ онъ былъ», а ему нравилось жить въ Варшавѣ и командовать литовскимъ корпусомъ. Отсюда его угроза Николаю «фактически удалиться отъ такого порядка дѣлъ», отсюда и распоряженіе «даже не знать о кончинѣ государя...»

«Есть свѣдѣніе,—говоритъ въ послѣсловіи къ письму графа Нессельроде издатель «Русскаго Архива» г. Бартеневъ,—что междуцарствіе могло бы продлиться, если бы 13 декабря не прискакалъ въ Зимній дворецъ гонецъ съ письмомъ, въ которомъ цесаревичъ Константинъ рѣзко потребовалъ, чтобы его больше не безпокоили. На другой день императоръ Николай вступилъ на престолъ».

Этотъ «другой день» и былъ ознаменованъ историческими «происшествіями на Сенатской площади». Отъ него произошло названіе «декабристы», имъ, этимъ днемъ-родоначальникомъ, устанавливается генеалогія многихъ событій въ Россіи, потянувшихся за нимъ на протяженіи почти столѣтія.

Тяжелое обвиненіе тяготѣетъ и донынѣ надъ дѣятелями 14 декабря; они вовлекли солдатъ въ возстаніе обманомъ, увѣривши ихъ, что Константинъ отъ престола не отказывался, что Николай является узурпаторомъ и что ему присягать поэтому не слѣдуетъ, непозволительно, преступно. Съ фактической стороны это совершенно вѣрно, дѣло было именно такъ. На сцену всплылъ старый принципъ—«цѣль оправдываетъ средства», принципъ ложный и аморальный, но при разсмотрѣніи каждаго конкретнаго случая примѣненія этого принципа въ живой ткани общественной жизни все же необходимо прежде всего сосредоточить преимущественное вниманіе на той цѣли, для достиженія которой были пущены въ ходъ тѣ или иныя средства. Мы видѣли, что, напримѣръ, Константинъ Павловичъ хотѣлъ продолжать жить въ Варшавѣ, командуя тамъ литовскимъ корпусомъ и во имя этой цѣли грозилъ уѣхать заграницу, писалъ Николаю, что «пусть будетъ, что будетъ». Съ кѣмъ? Да съ той страной, которая уже принесла ему присягу, какъ своему царю... Онъ писалъ, что будетъ «считать себя вынужденнымъ фактически удалиться отъ «такого по-

рядка дѣлъ». Какого «такого»? Да такого, при которомъ, разъ уже случилось такъ, что онъ признанъ Россіею, хотя бы и противъ своего желанія, царемъ, то его просятъ прибыть въ Петербургъ и оформить свое отреченіе отъ престола публичнымъ актомъ. Но этотъ-то «порядокъ дѣлъ» Константинъ Павловичъ считалъ до такой степени для себя непереносимымъ, что тайно приказалъ заготовить все необходимое для отъѣзда за границу, а съ Россіей тогда—«пусть будетъ, что будетъ...»

«Суди, какія могло бы имѣть это послѣдствія», справедливо писалъ своей корреспонденткѣ графъ Нессельроде.

Съ другой стороны, пробилъ часъ для появленія въ Россіи людей, которые также находили,—но уже по совершенно другимъ причинамъ и съ совершенно другихъ точекъ зрѣнія,—«такой порядокъ дѣлъ» безусловно невыносимымъ. Они тоже пошли на крайнія для измѣненія этого «порядка» средства, но уже не путемъ бѣгства за границу, обернувшись къ Россіи спиной («пусть будетъ, что будетъ»), а рѣшившись подставить въ первую голову въ рядахъ возставшихъ солдатъ и собственныя груди подъ убійственную картечь на Сенатской площади...

Различна моральная цѣнность самихъ цѣлей, которыя ставили себѣ въ декабрѣ 1825 года Рылѣевы, Бестужевы, Оболенскіе, Пущины, Каховскіе, съ одной стороны, и Константинъ Павловичъ съ его окружающими, съ другой; различно понимали они и свой долгъ по отношенію къ ихъ общей матери — Россіи. Справедливо ли поэтому теперь, когда событія 14 декабря сдѣлались въ полномъ смыслѣ слова лишь достояніемъ исторіи, фиксировать вниманіе на способахъ, которыми вовлекли декабристы солдатъ въ возстаніе, а не на цѣляхъ, которыя они при этомъ преслѣдовали, и не на тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ имъ пришлось тогда жить и дѣйствовать?

«Маскарадъ распутства, замышляющій преступленіе,—таково было,—какъ писалъ Герценъ,—жалкое, ложное и рабское воззрѣніе» на дѣятелей 14 декабря въ офиціальномъ мірѣ даже черезъ 30 лѣтъ послѣ событій 1825 года, и Герценъ имѣлъ полное право въ концѣ своего разбора книги Корфа объ этихъ событіяхъ обратиться по поводу декабристовъ къ императору Александру Второму съ восклицаніемъ: «Миръ имъ, государь, и почтительное благочестіе передъ былымъ!»

Именно такова должна быть и справедливая точка зрѣнія историка: миръ ихъ памяти и почтительное благочестіе передъ былымъ!

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостного права и установленіе въ Россіи свободнаго политическаго строя, — таковы были цѣли дѣятелей 14 декабря, нѣсколькихъ десятковъ, почти исключительно молодыхъ офицеровъ, находившихся въ тотъ моментъ въ Петербургѣ въ войскахъ гвардіи и петербургскаго гарнизона. Средствомъ реализаціи новаго порядка вещей въ Россіи долженъ былъ явиться, по мысли декабристовъ, земскій соборъ, изъ чего истекала логическая необходимость или принудить императора Николая Павловича принять на себя иниціативу созыва такого собора или провозгласить временное правительство съ возложеніемъ на него обязательства выполнить эту задачу.

Сборнымъ пунктомъ для дѣйствій 14 декабря была назначена Сенатская площадь, но вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено, чтобы первую же воинскую часть, которую удастся поднять, вести съ развернутымъ знаменемъ и барабаннымъ боемъ не прямо на Сенатскую площадь, а въ другія части, дабы, увлекши съ собою и ихъ, итти затѣмъ далѣе, къ частямъ слѣдующимъ, и такимъ образомъ прибыть уже на сборный пунктъ съ значительными силами. Такъ какъ среди заговорщиковъ-офицеровъ было и нѣсколько артиллеристовъ, то были всѣ основанія думать, что на Сенатскую площадь удастся явиться и съ пушками.

Диктаторомъ, которому всѣ обязались повиноваться безусловно и безпрекословно, былъ избранъ полковникъ гвардіи князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой. Отъ предложеннаго ему страшно отвѣтственнаго поста Трубецкой не отказался...

Весь этотъ планъ не былъ 14 декабря проведенъ вполнѣ по разнымъ причинамъ ни въ одной изъ своихъ частей, но, какъ планъ, онъ былъ, за исключеніемъ выбора личности диктатора, безусловно цѣлесообразенъ, и многія событія рокового дня свидѣтельствуютъ о томъ, что декабристы вовсе не были такъ далеки отъ возможности полнаго успѣха, какъ это можетъ казаться при поверхностномъ взглядѣ.

Сами непосредственные дѣятели 14 декабря очень мало вѣрили въ успѣхъ переворота и, отправляясь на Сенатскую площадь, думали болѣе о необходимости принести себя въ жертву отечеству, чѣмъ побѣдить. Князь Евгеній Оболенскій писалъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» такія строки: «Не стану говорить о возможности успѣха,—едва ли кто изъ насъ могъ быть въ этомъ убѣжденъ. Каждый надѣялся на случай благопріятный, на неожиданную помощь, на то, что называется счастливой звѣздой, но, при всей невѣроятности успѣха, каждый чувствовалъ, что обязанъ обществу исполнить данное слово, обязанъ исполнить свое назначеніе и съ этимъ чувствомъ, этимъ убѣжденіемъ въ неотразимой необходимости дѣйствовать каждый сталъ въ ряды». Настроеніе общества Николай Бестужевъ обрисовываетъ такъ: «Часто въ нашихъ разговорахъ сомнѣніе насчетъ успѣха выражалось очень положительно. Не менѣе того чувствовалась необходимость дѣйствовать: чувствовалась необходимость пробудить Россію. Рылѣевъ всегда говаривалъ: Предвижу, что не будетъ успѣха, но потрясеніе необходимо». Тотъ же Бестужевъ писалъ и такія строки: «Когда я пришелъ на площадь (Сенатскую) съ гвардейскимъ экипажемъ, Рылѣевъ

привѣтствовалъ меня первымъ поцѣлуемъ свободы и послѣ нѣкоторыхъ объясненій отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «Предсказаніе наше сбывается, послѣднія минуты наши близки, но это минуты нашей свободы, мы дышали ею, и я охотно отдаю за нихъ жизнь свою». У князя Одоевскаго тоже настроеніе дошло до экстаза: «Умремъ! Ахъ, какъ славно мы умремъ!» повторялъ онъ наканунѣ 14 декабря. Таково было субъективное самочувствіе дѣятелей 14 декабря, но объективныя условія говорили и за возможность полнаго успѣха. На этой точкѣ зрѣнія стоятъ многіе, изучавшіе событія 14 декабря, ее же вполнѣ раздѣляетъ и детально ознакомившійся съ подлинными дѣлами о декабристахъ покойный историкъ Н. П. Павловъ-Сильванскій, писавшій такія строки:

Убійство Милорадовича 14 декабря 1825 г. (рис. Шарлеманя).

«Неудача 14 декабря была случайной. Какъ ни слабы были силы заговорщиковъ, какъ ни малодушенъ былъ князь Трубецкой, котораго главный двигатель возстанія Рылѣевъ неудачно выдвинулъ въ роковой день 14 декабря, но неурядица междуцарствія была столь благопріятной для заговора, и новый императоръ проявилъ такую растерянность, несмотря на внѣшнюю помпу театральной рѣшимости, что капризный случай едва-едва не далъ успѣха декабристамъ»[1]).

Мы бросимъ еще ниже бѣглый взглядъ на моменты, чрезвычайно благопріятные для возможности успѣха 14 декабря, случайностей, но прежде поставимъ вопросъ: располагали ли непосредственные дѣятели этого дня (на Сенатской площади въ рядахъ возставшихъ были Каховскій, четверо братьевъ Бестужевыхъ, Рылѣевъ, Якубовичъ, князь Щепинъ-Ростовскій, князь Оболенскій, двое Кюхельбекеровъ, Пущинъ, князь Одоевскій, Поповъ, Сутгофъ, двое Бѣляевыхъ, двое Бодиско, баронъ Розенъ, Глѣбовъ, Арбузовъ, Акуловъ, Мусинъ-Пушкинъ, Вишневскій и Дивовъ) такими силами и средствами, чтобы, въ случаѣ удачнаго исхода возстанія, привести въ исполненіе и положительную цѣль своихъ замысловъ—установле-

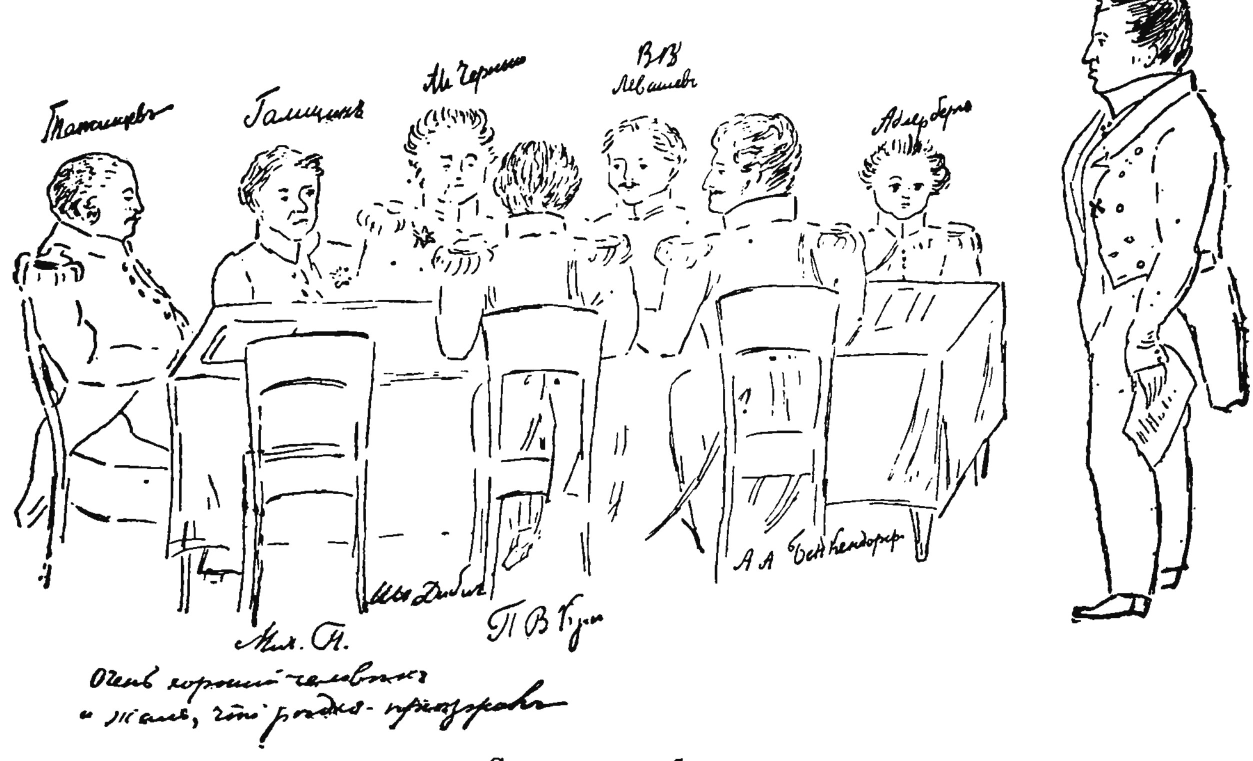
[1]) Пестель передъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ. „Былое". 1906 г., февраль, стр. 127—128.

ніе въ Россіи свободнаго режима? Вѣдь за исключеніемъ Рылѣева, имя котораго, какъ поэта-гражданина, пользовалось огромною популярностью, да отчасти Александра Бестужева (извѣстнаго уже и тогда Марлинскаго), все это были молодые люди, извѣстность которыхъ въ лучшемъ случаѣ не шла далѣе войскъ, въ которыхъ они служили (напримѣръ, громкая, боевая извѣстность Якубовича на Кавказѣ), или тѣхъ учрежденій «штатскихъ», въ которыхъ нѣкоторые изъ заговорщиковъ оставили о себѣ самую свѣтлую память (напримѣръ, И. И. Пущинъ). Можно ли думать, чтобы эти въ большинствѣ случаевъ совершенно безвѣстные поручики и лейтенанты,—эти Пановы и Сутгофы, Акуловы и Бодиски могли съ успѣхомъ провести колоссальное дѣло соціальнаго и политическаго обновленія Россіи? Вѣдь въ рядахъ возставшихъ не оказалось **ни одного** даже изъ тѣхъ штабъ-офицеровъ, которые были всецѣло на сторонѣ революціи и принимали участіе въ происходившихъ наканунѣ революціонныхъ совѣщаніяхъ въ квартирѣ Рылѣева; не было среди нихъ ни Батенкова, ни барона Штейнгеля. Самъ диктаторъ полковникъ князь Трубецкой даже не явился на Сенатскую площадь, а полковникъ Булатовъ простоялъ все время въ толпѣ народа съ заряженными пистолетами въ карманахъ. Другіе штабъ-офицеры отказались принять участіе въ движеніи еще до 14 декабря. Все это такъ, и, тѣмъ не менѣе, если бы возстаніе удалось, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что тогда развернулась бы совершенно иначе и вторая часть драмы. Тогда, не говоря уже объ имѣвшемъ большой административный опытъ Батенковѣ или баронѣ Штейнгелѣ, выдвинулись бы, несомнѣнно, на сцену тѣ самые люди, которые были противъ рѣшительныхъ дѣйствій 14 декабря, но которые являлись или сами участниками «Союза благоденствія» и другихъ подобныхъ организацій или давно уже извѣстные своимъ весьма прогрессивнымъ образомъ мыслей. Образовательный цензъ многихъ, если не непосредственныхъ дѣятелей 14 декабря въ Петербургѣ, то вообще «декабристовъ», былъ по тому времени очень высокъ: среди нихъ былъ и Н. И. Тургеневъ, кончившій курсъ въ Геттингенскомъ университетѣ, работавшій практически надъ государственными реформами у знаменитаго Штейна,—человѣкъ несомнѣнно самый образованный во всей тогдашней Россіи [1]; былъ извѣстный генералъ Михаилъ Орловъ, былъ Пестель, положившій столько лѣтъ труда на свою «Русскую Правду», были и многіе другіе. А гдѣ былъ бы въ этомъ случаѣ Мордвиновъ, гдѣ былъ бы близкій декабристу генералу Фонъ-Визину кумиръ кавказской арміи Ермоловъ, гдѣ былъ бы впослѣдствіи извѣстный министръ николаевскаго царствованія Киселевъ, которому Пестель читалъ отрывки изъ своей «Русской Правды», гдѣ былъ бы и самъ М. М. Сперанскій [2]. Какими поэтическими звуками

---

1) Императоръ Александръ Павловичъ неоднократно говорилъ, что лишь Н. И. Тургеневъ можетъ замѣнить ему Сперанскаго. (См. некрологъ Тургенева, написанный И. С. Тургеневымъ. „Полное собраніе сочиненій“ 1883 г., т. I, стр. 443).

2) Декабристъ Д. И. Завалишинъ разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ“, что утромъ 14 декабря члены тайнаго общества послали къ Сперанскому Корниловича сообщить ему о предстоящемъ переворотѣ и испросить его согласіе на назначеніе его въ число членовъ временнаго правительства. На что Сперанскій будто бы отвѣтилъ посланному: „Съ ума вы сошли! Развѣ дѣлаютъ такія предложенія преждевременно? Одержите сначала верхъ, тогда всѣ будутъ на вашей сторонѣ“. Это сообщеніе, какъ и многое другое, разсказываемое Завалишинымъ въ его „Запискахъ“, не можетъ считаться достовѣрнымъ (см. рецензію на книгу Завалишина В. Я. Богучарскаго въ январской книжкѣ журнала „**Былое**“ за 1906 г.,



Судъ надъ декабристами.

огласилась бы въ такомъ случаѣ Россія изъ устъ А. С. Пушкина, отвѣтившаго на вопросъ Николая, гдѣ былъ бы онъ 14 декабря, если бы находился въ Петербургѣ,—«Разумѣется, на Сенатской площади». Гдѣ былъ бы, принятый И. Д. Якушкинымъ въ число членовъ «Союза благоденствія», П. Я. Чаадаевъ, которому тотъ же Пушкинъ писалъ знаменитыя строки:

«Товарищъ! Вѣрь, взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья!
Россія вспрянетъ ото сна,
И на обломкахъ самовластья
Напишутъ наши имена!»

Безъ малѣйшаго преувеличенія можно сказать, что вокругъ декабристовъ, если бы день 14 декабря въ Петербургѣ имѣлъ иной исходъ, — а безпристрастное изслѣдованіе событій этого дня говоритъ, что иной исходъ былъ очень и очень возможенъ, — сплотилось бы рѣшительно все, что только было въ тогдашней Россіи самаго просвѣщеннаго и самаго интеллигентнаго.

стр. 309—317), но если не реальность то „психологія" событій схвачена Завалишинымъ правильно. Se non è vero, è verosimile—если не вѣрно, то вѣроподобно. Возможность такого образа дѣйствій со стороны Сперанскаго допускалъ и Николай, пославшій генерала Левашова въ казематъ князя Трубецкого поговорить съ нимъ „частнымъ образомъ" о Сперанскомъ. Этому, разумѣется, не противорѣчитъ то обстоятельство, что послѣ крушенія 14 декабря именно Сперанскій явился въ составѣ верховнаго уголовнаго суда предсѣдателемъ „разрядной комиссіи" и, такимъ образомъ, главнымъ вершителемъ судьбы декабристовъ.

Событія сложились иначе, вмѣсто «зари плѣнительнаго счастья» возшелъ Николай, но еще утромъ 14 декабря никто не могъ бы сказать, что это случится такъ, а не иначе.

Въ Зимнемъ дворцѣ, получившій наканунѣ отъ Константина Павловича категорическое требованіе, чтобы его «больше не безпокоили», императоръ Николай отдавалъ распоряженія о приводѣ войскъ къ новой присягѣ.

Онъ зналъ уже, что въ столицѣ далеко не все обстоитъ такъ благополучно, какъ это казалось съ внѣшней стороны. Предъ нимъ уже находились доставленные изъ Таганрога бумаги Александра Павловича, среди которыхъ были доносы о существованіи заговора. Уже уѣхали въ южную армію генералы для производства тамъ арестовъ, уже имѣлъ мѣсто разговоръ Николая съ молодымъ Ростовцевымъ, изъ котораго царь умозаключилъ о многомъ, «во мракѣ таящемся» [1]). Получилось извѣстіе и объ «hésitation à l'artillerie»,—на самомъ дѣлѣ о попыткѣ графа Коновницына и другихъ молодыхъ офицеровъ поднять артиллеристовъ. Но вотъ и роковая вѣсть: Московскій полкъ находится въ полномъ возстаніи...

Гр. В. В. Левашовъ.

Николай вышелъ изъ Зимняго дворца, приказавши на всякій случай заготовить для членовъ своей семьи дорожныя кареты...

Когда онъ находился вблизи Сенатской площади, нѣсколько ротъ Московскаго полка съ княземъ Щепинымъ-Ростовскимъ и Александромъ и Михаиломъ Бестужевымъ во главѣ были уже тамъ, построившись въ карре. Ихъ окружали густыя толпы народа, т.-е. сочувствовавшей мятежникамъ, по выраженію Корфа, «черни», которая вскорѣ стала осыпать камнями и полѣньями правительственныя войска и не одному десятку изъ состава которой пришлось въ тотъ же день сложить головы подъ градомъ картечи.

Первое отступленіе отъ выработаннаго наканунѣ плана инсургентами было уже совершено. Вмѣсто того, чтобы итти съ солдатами Московскаго полка, какъ было предположено, въ другія части, Бестужевы и князь Щепинъ-Ростовскій привели своихъ солдатъ прямо на Сенатскую площадь. Явился туда же Рылѣевъ, онъ искалъ князя Трубецкого, его не было, и Рылѣевъ отправился за нимъ въ поиски. Что дѣлалось въ другихъ частяхъ, ни московцы, ни ихъ вожди не знали. Къ нимъ присоединились въ этотъ моментъ лишь нѣсколько офицеровъ другихъ частей войскъ,—князь Оболенскій, князь Одоевскій, Петръ Бестужевъ, Якубовичъ да нѣсколько «штатскихъ» или, какъ выражается «донесеніе слѣдственной ко-

[1]) Объ этомъ см. ст. В. Я. Богучарскаго „Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ“ въ сборникѣ „Великая реформа“, т. V.

миссіи», «людей гнуснаго вида» — Каховскій, Пущинъ, Глѣбовъ и Вильгельмъ Кюхельбекеръ. Петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ, полагая, что дѣло идетъ лишь о недоразумѣніи по поводу присяги, старался образумить солдатъ. «Обреченный» Каховскій рѣшилъ этому воспрепятствовать. «Едва успѣли инсургенты построиться въ карре,— разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ» баронъ Штейнгель,—какъ показался скачущимъ изъ дворца въ парныхъ саняхъ, стоя въ одномъ мундирѣ и голубой лентѣ, Милорадовичъ. Слышно было съ бульвара, какъ онъ, держась лѣвою рукою за плечо кучера и показывая правою, приказалъ ему: «Объѣзжай церковь и направо, къ казармамъ». Не прошло трехъ минутъ, какъ онъ вернулся верхомъ передъ карре и сталъ убѣждать солдатъ повиноваться и присягнуть новому императору. Вдругъ раздался выстрѣлъ, графъ замотался, шляпа слетѣла съ него, онъ припалъ къ лукѣ и въ такомъ положеніи лошадь донесла его до квартиры того офицера, кото-

Острогъ въ Читѣ, гдѣ были заключены декабристы.

рому принадлежала. Увѣщая солдатъ съ самонадѣянностью стараго отца-командира, графъ говорилъ, что самъ охотно желалъ, чтобы Константинъ былъ императоромъ, но что же дѣлать, если онъ отказался; увѣрялъ ихъ, что онъ самъ видѣлъ новое отреченіе и уговаривалъ повѣрить ему. Одинъ изъ членовъ тайнаго общества—князь Оболенскій, видя, что такая рѣчь можетъ подѣйствовать, выйдя изъ карре, убѣждалъ графа отъѣхать прочь, иначе угрожалъ опасностью. Замѣтя, что графъ не обращаетъ на него вниманія, онъ нанесъ ему штыкомъ легкую рану въ бокъ. Въ это время графъ сдѣлалъ вольтъ-фасъ, а Каховскій пустилъ въ него изъ пистолета «роковую пулю, наканунѣ вылитую» [1]).

Правительственныя войска все въ большемъ и большемъ количествѣ выстраивались противъ карре инсургентовъ. Николай держался поодаль. Къ нему подошелъ вышедшій изъ карре другой «обреченный» капитанъ

---

[1]) Общественныя движенія въ первую половину XIX вѣка. Томъ I. Подъ редакціей В. И. Семевскаго, В. Я. Богучарскаго и П. Е. Щеголева. Изд. Пирожкова. Спб. 1905 г., стр. 441.

Якубовичъ и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Минута могла быть весьма трагическая. Тутъ же находился, какъ мы уже упоминали, съ заряженными пистолетами въ карманахъ третій «обреченный» полковникъ Булатовъ, самъ потомъ признавшійся Николаю въ своихъ относительно его въ тотъ день намѣреніяхъ и умершій въ Петропавловской крѣпости еще до постановки по дѣлу всѣхъ декабристовъ приговора... Вскорѣ на площадь прибыли сначала, приведенные Николаемъ Бестужевымъ, моряки гвардейскаго экипажа, а потомъ и лейбъ-гренадеры, приведенные Сутгофомъ, Пановымъ. Тутъ произошелъ снова, окончившійся, по свидѣтельству самого «донесенія», счастливымъ для царской семьи образомъ, лишь благодаря случайности, моментъ. Безъ такой случайности Пановъ съ своею ротою, какъ утверждаютъ всѣ официціальныя и неофиціальныя о событіяхъ 14 декабря данныя, могъ легко овладѣть Зимнимъ дворцомъ, захватить всю царскую фамилію въ качествѣ заложниковъ и продиктовать затѣмъ свои условія, рѣзко накренить вѣсы судьбы этого дня въ весьма опредѣленную сторону...

Московскій полкъ привѣтствовалъ присоединившихся къ нему моряковъ и лейбъ-гренадеровъ восторженнымъ «ура». Но съ гренадерами прибылъ и ихъ полковой командиръ полковникъ Стюрлеръ, убѣждавшій всю дорогу своихъ солдатъ вернуться къ повиновенію. Лишь только гренадеры поравнялись съ московцами, какъ изъ рядовъ инсургентовъ раздался, сразившій Стюрлера, выстрѣлъ. То была снова рука Каховскаго. «Ты ли это выстрѣлилъ?» спросилъ Каховскаго Сутгофъ. «Теперь не время объ этомъ говорить», отвѣтилъ на это Каховскій. Видя пистолетъ въ рукѣ князя Одоевскаго и полагая, что это онъ сразилъ Стюрлера, одинъ лейбъ-гренадеръ выскочилъ изъ роты и поцѣловалъ его...

Къ карре подъѣзжали затѣмъ генералы Войновъ и Сухозанетъ. Ихъ убѣжденія остались тщетными, ихъ спрашивали лишь, принесли ли они конституцію...

Подъѣхалъ, наконецъ, къ карре и великій князь Михаилъ Павловичъ. Кюхельбекеръ направилъ въ него пистолетъ, но выстрѣлить ему не дали сами инсургенты. Михаилъ Павловичъ принужденъ былъ, тѣмъ не менѣе, отъѣхать.

Николай послалъ увѣщавать бунтовщиковъ митрополита Серафима въ полномъ церковномъ облаченіи. Его миссія также не имѣла успѣха.

— Ну, что,—спросили митрополита, когда онъ возвратился,—что тамъ дѣлается?

— Обругали и прочь отослали,—отвѣчалъ Серафимъ.

Показался на площади и самъ Николай Павловичъ, пожелавшій лично осмотрѣть расположеніе мѣстности. По немъ раздался залпъ. «Пули,—писалъ самъ Николай,—просвистали мнѣ черезъ голову и, къ счастью, никого изъ насъ не ранило. Рабочіе Исакіевскаго собора начали кидать въ насъ полѣньями; надо было рѣшиться положить сему скорый конецъ, иначе бунтъ могъ сообщиться черни, и тогда окруженныя ею войска стали бы въ самомъ трудномъ положеніи».

Упомянутый выше генералъ Войновъ получилъ ударъ въ спину полѣномъ, брошеннымъ изъ толпы народа.

Михаилъ Бестужевъ разсказываетъ, что «Кюхельбекеръ и Пущинъ уговаривали народъ очистить площадь, такъ какъ уже готовили пушки, но на всѣ уговоры получали въ отвѣтъ: умремъ вмѣстѣ съ вами».

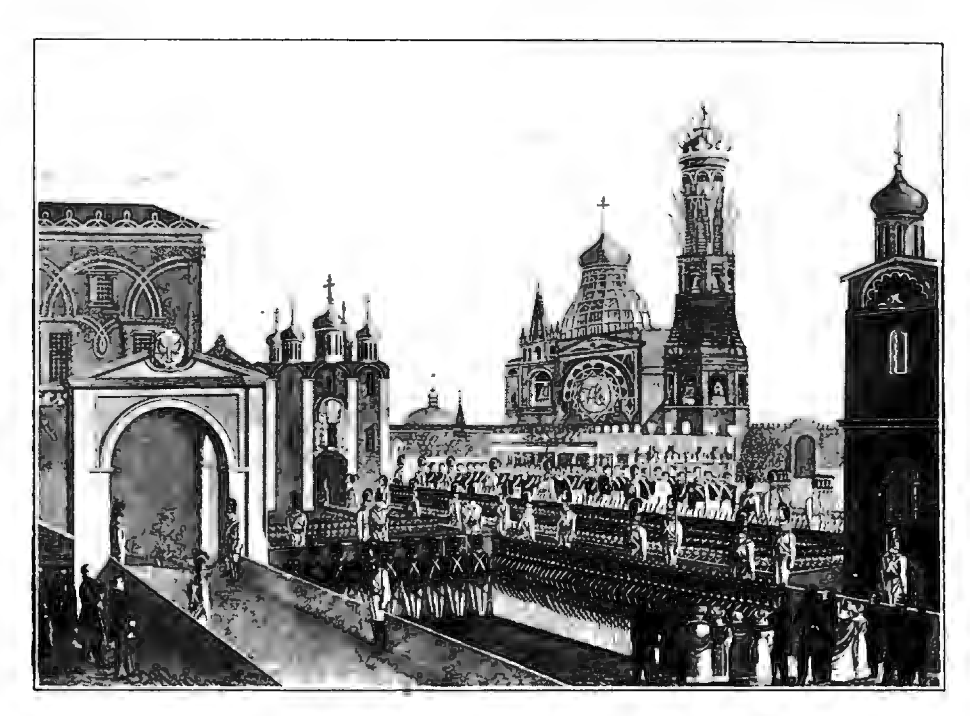
Попробовали послать противъ инсургентовъ въ атаку конную гвардію подъ командою генерала Орлова, но атака была отбита бѣглымъ ружейнымъ огнемъ.

Такъ прошло нѣсколько часовъ.

Инсургентовъ было до 2.000 человѣкъ, окруженныхъ цѣлыми массами сочувствовавшей имъ «черни». Такія силы въ рукахъ одного вождя могли рѣшить все дѣло тѣмъ болѣе, что изъ рядовъ правительственныхъ войскъ постоянно приходили отъ солдатъ совѣты продержаться до ночи, а тогда и они перейдутъ на сторону возставшихъ. Но тутъ-то и обнаружилась въ рядахъ инсургентовъ полная дезорганизація. Ждали диктатора, онъ не появился. Не было единства дѣйствій, единства распоряженія. Наступалъ вечеръ, вечеръ декабрьскій, холодный, солдаты утомились, озябли, проголодались. А Трубецкой все не являлся...

Передъ инсургентами показались жерла пушекъ. Въ качествѣ прикрытія къ нимъ былъ поставленъ взводъ кавалергардовъ подъ командою,— опять обстоятельство, которое могло бы имѣть рѣшающее значеніе,— члена тайнаго общества, бывшаго наканунѣ на революціонныхъ совѣщаніяхъ у Рылѣева, поручика кавалергардскаго полка Анненкова... Артиллерійская прислуга, какъ это тутъ же обнаружилось, не хотѣла вначалѣ

Входъ въ штольню Акатуевскаго серебро-свинцоваго рудника, въ которомъ работали декабристы. (Снимокъ 1889 г.).



Въ день коронованія государя Николая Павловича.

стрѣлять «по своимъ»... Перейди въ этотъ моментъ инсургенты въ наступленіе, и при создавшемся положеніи орудія легко могли очутиться въ ихъ рукахъ, а тогда дѣло, конечно, приняло бы совсѣмъ другой оборотъ...

Но, за отсутствіемъ единаго отвѣтственнаго руководителя, распорядиться было некому, а при такихъ обстоятельствахъ неизбѣжно должно было случиться то именно, что и случилось въ дѣйствительности...

Раздалась команда стрѣлять изъ перваго орудія, но выстрѣла не послѣдовало. Командовавшій орудіями поручикъ бросился къ пальщику и закричалъ — почему онъ не стрѣляетъ?

— Свои, ваше благородіе! — было ему отвѣтомъ.

— Если бы даже я самъ стоялъ передъ дуломъ и скомандовалъ пли тебѣ и тогда не слѣдовало бы останавливаться, — закричалъ поручикъ и самъ пустилъ первый зарядъ.

Картечь ударила высоко въ зданіе сената. Посыпались тѣла покрывавшаго крыши сенатскаго зданія народа. Въ отвѣтъ на выстрѣлъ послѣдовалъ «неистовый крикъ» изъ лагеря мятежниковъ и бѣглый ружейный огонь.

И все-таки въ наступленіе они не перешли...

За первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ второй, третій, четвертый, и на этотъ разъ картечь дѣлала свое губительное дѣло въ самой гущѣ инсургентовъ и народа. Всѣ бросились бѣжать вразсыпную. Михаилъ Бестужевъ хотѣлъ построить остатки своихъ войскъ на льду Невы и броситься съ ними на Петропавловскую крѣпость, но по нимъ стали стрѣлять ядрами, и въ довершеніе ледъ не выдержалъ тяжести массы народа и проломился. Раздались крики «тонемъ». Трагедія приходила къ концу.

I. Государственные преступники, осуждаемые къ смертной казни четвертованіемъ.

№.	Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій.
1.	Полковникъ *Пестель.*	Имѣлъ умыселъ на Цареубійство; изыскивалъ къ тому средства, избиралъ и назначалъ лица къ совершенію онаго; умышлялъ на истребленіе ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи, и съ хладнокровіемъ изчислялъ всѣхъ ея членовъ, на жертву обреченныхъ, и возбуждалъ къ тому другихъ, учреждалъ и съ неограниченною властію управлялъ Южнымъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ и введеніе республиканскаго правленія; составлялъ планы, уставы, конституцію; возбуждалъ и приуготовлялъ къ бунту, участвовалъ въ умыслѣ отторженія Областей отъ Имперіи и принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ.
2.	Подпоручикъ *Рылѣевъ.*	Умышлялъ на Цареубійство; назначалъ къ совершенію онаго лица; умышлялъ на лишеніе свободы, на изгнаніе и на истребленіе ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи, и приуготовлялъ къ тому средства; усилилъ дѣятельность Сѣвернаго общества; управлялъ онымъ, приуготовлялъ способы къ бунту, составлялъ планы, заставлялъ сочинить Манифестъ о разрушеніи Правительства; самъ сочинялъ и распространялъ возмутительныя пѣсни и стихи, и принималъ членовъ; приуготовлялъ главныя средства къ мятежу и начальствовалъ въ оныхъ; возбуждалъ къ мятежу нижнихъ чиновъ чрезъ ихъ Начальниковъ посредствомъ разныхъ обольщеній, и во время мятежа самъ приходилъ на площадь.
3.	Подполковникъ *Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ.*	Имѣлъ умыселъ на Цареубійство; изыскивалъ средства, избиралъ и назначалъ къ тому другихъ; соглашаясь на изгнаніе ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи, требовалъ въ особенности убіенія ЦЕСАРЕВИЧА, и возбуждалъ къ тому другихъ; имѣлъ умыселъ и на лишеніе свободы ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА; участвовалъ въ управле-

1 *

Первый листъ изъ приговора Верховнаго Уголовнаго Суда надъ декабристами.

Лейбъ-гренадеры и моряки стали бѣжать по узкой Галерной улицѣ. Но и туда послали орудія, которыя открыли продольный огонь. «Люди,— разсказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Николай Бестужевъ, — валились и валились на каждомъ шагу...» Насколько въ теченіе цѣлаго дня въ правительственномъ станѣ было растерянности и нерѣшительности, настолько теперь въ немъ было силы и энергіи...

Къ утру Сенатская площадь и прилегающія къ ней улицы были очищены отъ труповъ и раненыхъ, уничтожены слѣды крови, все посыпано чистымъ снѣгомъ. Но эта ночь была ночью кошмарныхъ ужасовъ. Трупы сбрасывали въ наскоро сдѣланныя въ Невѣ проруби, та же участь постигла и раненыхъ, недобитыхъ... [1]).

Въ ту же ночь начались среди «декабристовъ» и аресты, за которыми послѣдовала суровая, продолжавшаяся десятки лѣтъ, за 14 декабря расплата.

По странной игрѣ случая фамилія того артиллерійскаго офицера, который первый открылъ орудійный огонь по инсургентамъ 14 декабря, была... Бакунинъ... На слѣдующій день умеръ Милорадовичъ. Врачъ успѣлъ извлечь изъ него еще живого поразившую его пулю. Фамилія этого врача... Буташевичъ-Петрашевскій, отецъ того самого Петрашевскаго, который черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ того далъ свое имя второй генераціи дѣятелей русскаго освободительнаго движенія...

Наступило царствованіе Николая.

Перефразируя извѣстное изреченіе, можно сказать, что съ 14 декабря 1825 года и въ теченіе цѣлыхъ тридцати послѣдовавшихъ за нимъ лѣтъ «l'ordre regnait», въ Россіи, но истинное значеніе этого, по выраженію Аксакова, «фасаднаго» ordre'а Россія узнала и оцѣнила вполнѣ лишь тогда, когда грянули громы Севастополя...

В. Богучарскій.

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, на основаніи бумагъ тайнаго совѣтника П. М Попова, въ своемъ изслѣдованіи и Шильдеръ „Въ ночь на Невѣ было сдѣлано множество прорубей, въ которыя опустили не только трупы, но, какъ утверждали, и многихъ раненыхъ, лишенныхъ возможности спастись отъ ожидавшей ихъ участи". (Шильдеръ. „Императоръ Николай", т. I., стр. 516). См также „Историческій Вѣстникъ". 1904 г, январь, стр 74

Изъ коронаціоннаго альбома Наполеона (виньетка Изабэ).

НАПОЛЕОНЪ И 1812 Г. ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКѢ.

I. Историческая литература о Наполеонѣ I.

(Общая характеристика).

Проф. Н. И. Карѣева.

Литература о Наполеонѣ I поражаетъ своею громадностью,—литература, какъ на французскомъ языкѣ, самая, конечно, обширная, такъ и на другихъ европейскихъ языкахъ. Оно и понятно, разъ цѣлому начальному періоду исторіи Европы прошлаго столѣтія присвоено, такъ сказать, названіе наполеоновской эпохи. Разумѣется, главное значеніе Наполеона, какъ исторической личности, относится къ прошлому самой Франціи, чѣмъ и объясняется преобладаніе въ наполеоновской литературѣ какъ источниковъ, такъ и обработокъ, т.-е. книгъ, брошюръ, статей и замѣтокъ,касающихся эпохи, на французскомъ языкѣ, но сама-то Франція играла первенствующую роль въ это время въ исторіи всей Европы вообще, а въ частности на себѣ испытали особенно значительное вліяніе наполеоновскаго режима и государства бывшихъ тогда раздробленными Италіи и Германіи и другія сосѣднія страны, какъ Испанія съ Португаліей, Швейцарія, Нидерланды. Цѣлыя территоріи съ итальянскимъ и нѣмецкимъ населеніемъ входили въ составъ наполеоновской имперіи, цѣлыя государства находились въ вассальной отъ нея зависимости, и на внутренней исторіи этихъ странъ не могло не отразиться это владычество всесвѣт-

наго завоевателя. Болѣе отдаленныя отъ Франціи монархіи Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ, уменьшенныя въ своихъ размѣрахъ, не избѣгли общей участи. Нечего говорить, какое мѣсто въ нашей отечественной исторіи занялъ 1812 годъ, когда Наполеонъ двинулъ на насъ цѣлую половину Европы. Наконецъ и для Англіи, почти безпрерывно воевавшей съ Франціей, наполеоновская эпоха также не прошла безслѣдно.

Въ виду громадности литературы о наполеоновской эпохѣ на разныхъ языкахъ и разбросанности статей и замѣтокъ, относящихся къ этой эпохѣ, по разнымъ періодическимъ изданіямъ, нерѣдко мало извѣстнымъ, чисто мѣстнымъ, эфемернымъ, давно уже чувствовалась потребность въ болѣе или менѣе полной и систематической библіографіи по исторіи наполеоновскаго времени. Особенно сильно стала чувствоваться эта потребность къ концу XIX в., когда приближеніе разныхъ наполеоновскихъ годовщинъ оживило интересъ къ центральной исторической личности эпохи и къ событіямъ, связаннымъ съ ея именемъ. Первый, кто предпринялъ рядъ изысканій для обширной библіографіи, былъ итальянскій ученый Лумброзо, работающій въ этой области около двадцати лѣтъ. Къ 1897 г. относится его знаменитый «Saggio di una bibliografia ragionata per servir alla storia dell'epoca napoleonica», къ 1901 г.—основаніе имъ особой «Revue Napoléonienne». Другимъ виднымъ библіографомъ исторіи Наполеона и его времени является Кирхейзенъ, выпустившій свою «Библіографію Наполеона» въ 1902 г. Въ болѣе близкое къ юбилею Отечественной войны время (въ 1911 г.) вышла изъ-подъ пера Давуа «Bibliographie Napoléonienne française jusqu'en 1908», и въ самый юбилейный годъ, извѣстный многими своими работами по эпохѣ Эдуардъ Дріо (Driault) началъ издавать спеціально посвященный ея изученію періодическій органъ—«Revue des études Napoléoniennes», который, по мысли своего основателя, долженъ стать своего рода центральнымъ, интернаціональнымъ органомъ для исторіи наполеоновской эпохи, гдѣ, между прочимъ, отмѣчалось бы все, что только о ней пишется на разныхъ языкахъ. Какъ тѣмъ, что первые за послѣднюю четверть вѣка библіографы Наполеона были даже не французы, а одинъ—итальянецъ, другой — швейцарецъ, такъ и тѣмъ, что новѣйшему періодическому органу по наполеоновской эпохѣ сразу поставлена задача быть посредникомъ между историками разныхъ странъ, одинаково характеризуется интернаціональность исторической роли Наполеона.

Отмѣчая этотъ международный характеръ интереса къ личности Наполеона и къ его эпохѣ, поскольку она можетъ называться наполеоновскою, нельзя, однако, не упомянуть сразу же, что французская историческая литература о Наполеонѣ не только превосходитъ всѣ другія, по количеству сочиненій и детальности разработки отдѣльныхъ вопросовъ, но и по своему общему характеру отличается отъ литературы на другихъ языкахъ. Французскіе историки, можно сказать, никогда не забываютъ одного: какъ бы кто изъ нихъ ни оцѣнивалъ значеніе Наполеона по отношенію ко внутреннему развитію Франціи, почти никто не остается равнодушнымъ къ той славѣ, которою Наполеонъ покрылъ французское имя. Прочтите, напр., статью Дріо, напечатанную впереди другихъ въ первомъ же выпускѣ предпринятаго имъ изданія. Цѣлью изданія ставится чисто научное отношеніе къ своему предмету, и въ то же время въ этой вступительной статьѣ то и дѣло заходитъ рѣчь о національной славѣ Франціи при великомъ императорѣ. Совершенно вѣрно считая интереснымъ прослѣдить, какъ личность Наполеона переходила изъ героической легенды въ область историческаго познанія, Дріо какъ будто озабоченъ однако, чтобы эта личность не утратила при этомъ своего истиннаго величія. Намъ, говоритъ онъ еще, «намъ, французамъ побѣжденнаго поколѣнія, трудно перенестись въ эту атмосферу славы, трудно воскресить въ себѣ чувствованія нашихъ отцовъ: они жили какъ бы среди прекрасныхъ сновидѣній, не зная настоящаго хода вещей и т. п. Наука анализируетъ причины, которыя создавали этотъ ходъ, но,—продолжаетъ авторъ,—нужно, чтобы исторія говорила объ этой славѣ, потому что слава эта есть фактъ, одинъ изъ самыхъ великихъ фактовъ исторіи людей, одно изъ глубокихъ проявленій французской души, несравненный ореолъ, въ которомъ на вѣчныя времена пребываетъ образъ императора». Панегирическій тонъ до самаго послѣдняго времени явленіе довольно обычное во французской исторической литера-

турѣ о Наполеонѣ, и память о былой славѣ, пріобрѣтенной французскому имени великимъ императоромъ, до сихъ поръ мѣшаетъ французамъ относиться съ настоящей исторической критикой къ личности Наполеона, какъ ее создала патріотическою легенда. Не даромъ первыми книгами на французскомъ языкѣ, въ которыхъ начато было разрушеніе этой легенды, были книги двухъ швейцарскихъ историковъ—Барни и Ланфре.

Если и среди иностранныхъ историковъ личность Наполеона вызывала преклоненіе передъ собою, то только какъ великаго геніальнаго полководца. Наполеонъ въ исторіи военнаго дѣла занялъ совсѣмъ особое, прямо исключительное мѣсто въ исторіи всѣхъ временъ и народовъ, въ ряду очень немногихъ героевъ, въ родѣ Александра Македонскаго, Ганнибала, Юлія Цезаря. Литература о Наполеонѣ, какъ о великомъ геніи, какъ о полководцѣ, весьма обширна, можетъ-быть, даже обширнѣе литературы о немъ, какъ о правителѣ, но въ ней господствуетъ своя спеціальная, можно даже сказать—техническая точка зрѣнія, мало что дающая для пониманія общей исторической роли Наполеона. Когда общіе историки особенно интересовались войнами и состязались (подобно, напр., Тьеру) со спеціалистами военнаго дѣла въ разсказахъ о походахъ и описаніи сраженій, когда процвѣтала, по выраженію Рамбо, «histoire bataille», Наполеонъ - полководецъ, Наполеонъ - завоеватель заслонялъ собою въ писаніяхъ историковъ если не Наполеона - дипломата, то, во всякомъ случаѣ, Наполеона - правителя. По мѣрѣ того, какъ въ наукѣ «внѣшняя» исторія все болѣе и болѣе уступала мѣсто исторіи «внутренней», война и дипломатія—законодательству, управленію государствомъ, экономической дѣятельности и пр. и пр., и въ исторіографіи Наполеона I все болѣе и болѣе сталъ выдвигаться впередъ вопросъ о значеніи Наполеона во внутренней исторіи, притомъ, — что также важно, — внутренней исторіи не только Франціи, но и другихъ странъ, находившихся въ эту эпоху подъ французскимъ владычествомъ и вліяніемъ.

А. Тьеръ.

Основной вопросъ объ историческомъ значеніи Наполеона въ такой постановкѣ, для нашего времени единственно научной постановкѣ, есть вопросъ объ отношеніи Наполеона, результатовъ его дѣятельности и главныхъ явленій его эпохи къ революціи, начавшейся во Франціи и распространившейся оттуда въ эпоху революціонныхъ войнъ на сосѣднія страны, гдѣ Франція, присоединивъ къ своей территоріи рядъ земель до Рейна и Альповъ, основала тоже цѣлый рядъ республикъ-деочерй—Батавскую, Гельветическую, Лигурійскую, Цизальпинскую, Римскую, Партенопейскую. Возвращеніе Франціи къ прежнимъ границамъ и возстановленіе въ ней династіи Бурбоновъ, имѣвшіяся въ виду первою коалиціей монархической Европы противъ революціи, сдѣлались возможными лишь послѣ паденія Наполеона, когда, какъ извѣстно, и началась настоящая реакція «стараго порядка».

И современники Наполеона, и люди позднѣйшихъ поколѣній давали разнорѣчивые отвѣты на вопросъ объ отношеніи наполеоновской эпохи къ эпохѣ революціи, была ли именно наполеоновская эпоха реакціей противъ революціи или, наоборотъ, ея продолженіемъ, и разные отвѣты получались, смотря по тому, откуда, изъ какой общественной среды шли эти отвѣты, какая сторона революціи, т.-е. политическая или соціальная имѣлись преимущественно въ виду, и шла ли рѣчь при этомъ о Франціи только или объ остальной Европѣ.

У самого Наполеона I можно найти заявленія въ обоихъ смыслахъ. Офиціально онъ любилъ ссылаться на принципы 1789 г., выставлять себя воплощенной революціей, ея продолжателемъ или спасителемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ болѣе интимныхъ бесѣдахъ онъ говорилъ, что онъ прикончилъ революцію и болѣе не допуститъ ея возвращенія. Во взглядѣ на Наполеона, какъ сокрушителя революціи, сошлись между собою и русскій самодержецъ Павелъ I, предлагавшій ему тѣсный союзъ, и либеральная писательница г-жа Сталь, ненавидѣвшая Наполеона I и послѣ его паденія назвавшая его первымъ изъ контръ-революціонеровъ. Наоборотъ, легитимисты, клерикалы, феодалы всѣхъ странъ охотно видѣли въ Наполеонѣ исчадіе революціи, революціоннаго узурпатора, который былъ ничѣмъ не лучше Робеспьера, но и въ противоположномъ лагерѣ послѣ того, какъ дала себя знать клерикально-феодальная реакція эпохи реставраціи, въ Наполеонѣ готовы были видѣть человѣка своихъ идей, выполнявшаго миссію, которая была завѣщана революціей. Вспомнимъ еще поэтическій культъ Наполеона, въ большей или меньшей степени, у Беранже, у Гейне, у Виктора Гюго, у Байрона, у Лермонтова. Такимъ образомъ, на Наполеона образовались очень противорѣчивые взгляды, при чемъ его отрицательное или положительное отношеніе къ революціи одинаково принимались — съ разныхъ только точекъ зрѣнія—и тѣми, которые революцію проклинали, и тѣми, которые видѣли въ ней хорошую сторону.

Двойственность была въ отношеніи самого Наполеона къ революціи. Безъ революціи онъ не могъ бы достигнуть власти, но для упроченія своей власти онъ не могъ допустить возвращенія революціи, какъ не могъ бы допустить и возстановленія стараго порядка. У революціи во Франціи были двѣ стороны: политическая и соціальная, вытекавшія одна—изъ стремленія къ политической свободѣ, другая—къ гражданскому равноправію. Первая, несомнѣнно, была сокрушена деспотическимъ режимомъ Наполеона, но соціальныя пріобрѣтенія революціи, какъ-то: уничтоженіе сословныхъ привилегій, отмѣна феодальныхъ правъ, распродажа національныхъ имуществъ и т. п., были обезпечены Наполеономъ противъ возможности ихъ потери французской націей.

Если въ самой Франціи Наполеонъ былъ и сокрушителемъ революціи въ ея политической сторонѣ, и ея охранителемъ въ ея сторонѣ соціальной, то по отношенію къ другимъ странамъ, на которыя распространялись его власть и вліяніе, онъ являлся преимущественно продолжателемъ революціи. Здѣсь, въ другихъ сторонахъ, Наполеонъ свергалъ законныя династіи съ ихъ престоловъ и лишалъ свѣтской власти самого главу католической церкви, уничтожалъ крѣпостное состояніе, вводилъ гражданское равноправіе и пр. и пр., т.-е. осуществлялъ въ сферѣ соціальныхъ отношеній ту программу, которая была общею до извѣстной степени у революціи и просвѣщеннаго абсолютизма. Повсемѣстная реакція противъ наполеоновскаго режима послѣ 1815 г. была въ сущности и реакціей противъ всего, что роднило французскую революцію и просвѣщенный абсолютизмъ.

Политика Наполеона диктовалась ему его положеніемъ, какъ «сына революціи» и какъ «перваго изъ контръ-революціонеровъ», смотря по тому, какъ гдѣ ему было болѣе возможно, болѣе удобно и болѣе выгодно дѣйствовать. Здѣсь тоже была своя дипломатическая игра, принимавшая въ расчетъ не однихъ только государей, ихъ дворы и правительства, но и различіе условій, какія существовали въ тѣхъ или другихъ странахъ. Только по мѣрѣ того, какъ, съ одной стороны, стала все больше отдаляться отъ насъ наполеоновская эпоха, а съ другой, историческая наука начала болѣе входить въ пониманіе внутреннихъ состояній отдѣльныхъ обществъ, сдѣлалось возможнымъ болѣе точно опредѣлить мѣсто интересующей насъ эпохи въ цѣломъ историческаго прогресса. Многія сближенія, которыя мы теперь дѣлаемъ, и въ голову не могли приходить болѣе раннимъ историкамъ Наполеона, и многое изъ того, что они готовы были объяснять его личнымъ произволомъ, намъ представляется вытекающимъ съ полною необходимостью изъ данныхъ условій. Кромѣ того, что мы больше отдалились отъ изучаемой эпохи, что очень важно для лучшаго пониманія прошлаго, и кромѣ того, что, благодаря раскрытію архивовъ, многое, бывшее раньше неизвѣстнымъ или тайнымъ, стало извѣстнымъ и явнымъ, самыя задачи, самые пріемы историческаго изслѣдованія стали иными, болѣе приближаю-

щими насъ къ пониманію того, какъ совершается исторія. Время культа героевъ, великихъ людей, провиденціальныхъ дѣятелей, исполняющихъ историческія миссіи, отошло въ область прошлаго. Конечно, взглядъ геніальнаго автора «Войны и мира» на Наполеона, какъ на простой «ярлыкъ событій», какъ на струю, бурлящую передъ кораблемъ и только по-видимости его ведущую, не выдерживаетъ критики, но и противоположный взглядъ на Наполеона, какъ на своего рода полубога, въ настоящее время можетъ встрѣчаться лишь въ качествѣ очень запоздалаго анахронизма.

Исторической литературѣ о Наполеонѣ нѣтъ еще ста лѣтъ. Смерть его въ 1821 г. впервые вызвала рядъ публикацій о немъ, сдѣлавшихся источниками для многихъ послѣдовавшихъ работъ, и тогда же стали появляться въ свѣтъ первые мемуары изъ наполеоновской эпохи, равно какъ первыя попытки написать исторію «великаго императора». Теперь всѣ эти попытки болѣе или менѣе основательно забыты послѣ того, какъ въ серединѣ XIX в. отъ тогдашняго поколѣнія всѣ ихъ заслонила грандіозная «Исторія консульства и имперіи» Тьера. Она была начата вскорѣ послѣ перенесенія праха Наполеона съ о-ва св. Елены въ Парижъ, въ 1840 г., когда французы были особенно воинственно настроены и наполеоновская легенда была особенно популярна. Когда Тьеръ писалъ, были еще живы многіе сподвижники Наполеона и свидѣтели его славы, онъ съ ними большею частью былъ знакомъ и многое внесъ въ свой трудъ, пользуясь ихъ разсказами и объясненіями. Кромѣ того, онъ имѣлъ доступъ и къ цѣлому ряду документальныхъ источниковъ, хранившихся въ то время еще подъ спудомъ. Начатый въ серединѣ сороковыхъ годовъ грандіозный трудъ Тьера былъ имъ законченъ только въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Хотя между томами, написанными до и послѣ переворота 2 декабря 1851 г., и находятъ извѣстное различіе, однако въ общемъ «Исторія консульства и имперіи» имѣетъ характеръ почти сплошного патріотическаго прославленія Наполеона, на котораго авторъ еще въ концѣ своей «Исторіи французской революціи», вышедшей въ двадцатыхъ годахъ, смотрѣлъ, какъ на человѣка, пришедшаго «исполнить таинственную миссію, порученную ему судьбой безъ его вѣдома и исполнявшуюся имъ помимо его желанія». Миссія эта для Тьера заключалась въ томъ, «чтобы подъ монархическими формами продолжать революцію въ мірѣ» и «упрочить новое общество подъ охраною своего меча».

Ноэль.

Трудъ Тьера былъ первымъ крупнымъ историческимъ трудомъ о Наполеонѣ, въ которомъ рядомъ съ военною исторіей нашла себѣ мѣсто и исторія гражданская, исторія внутренней дѣятельности Наполеона. Славословіе первому консулу и императору, сложенное Тьеромъ въ нѣсколькихъ томахъ, вызвало противъ «Исторіи консульства и имперіи» и оппозицію со стороны, главнымъ образомъ, швейцарскихъ ученыхъ Барни и Ланфре. Первый изъ нихъ въ 1863 г. сдѣлалъ изъ труда Тьера предметъ публичнаго курса лекцій въ Женевѣ, который потомъ въ переработанномъ видѣ вышелъ въ 1865 г. въ свѣтъ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ «Наполеонъ I и его историкъ г. Тьеръ». Во Франціи при Наполеонѣ III эта книга была запрещена, и имѣющійся въ національной библіотекѣ экземпляръ ея, отобранный на таможнѣ у какого-то герцога, не выдавался для чтенія посѣтителей библіотеки. Барни сталъ по отношенію къ Наполеону на точку зрѣнія, противоположную тьеровской: для него Наполеонъ не продолжатель революціи, а первый изъ контръ-революціонеровъ, какъ и для г-жи Сталь. Еще раньше подвергъ критикѣ взгляды Тьера Ланфре, который черезъ два года послѣ выхода книги Барни сталъ выпускать свою «Исторію Наполеона I», которую успѣлъ довести въ пяти томахъ до 1811 г.; только смерть помѣшала ему окончить свой трудъ. Ланфре, равнымъ образомъ, выступилъ противникомъ наполеоновской легенды и восхваленій, которыми по адресу Наполеона на-

полненъ трудъ Тьера. И Барни, и Ланфре одинаково возставали противъ фаталистическаго оппортунизма, которымъ, дѣйствительно, очень сильно грѣшилъ Тьеръ, преклонявшійся въ обѣихъ своихъ исторіяхъ передъ успѣхомъ и въ успѣхѣ любого дѣла видѣвшій какъ бы высшее его оправданіе.

Въ произведеніяхъ Тьера, съ одной стороны, и Барни и Ланфре, съ другой, мы имѣемъ дѣло съ развитіемъ двухъ діаметрально противоположныхъ взглядовъ на значеніе Наполеона: для перваго онъ былъ продолжателемъ революціи, для обоихъ послѣднихъ—ея сокрушителемъ, т.-е. всѣ трое, въ концѣ-концовъ, доказывали извѣстный тезисъ, подчеркивая, главнымъ образомъ, лишь или ту или другую изъ двухъ сторонъ, какія обнаруживаются въ дѣятельности Наполеона. Кромѣ того, у Тьера преобладала патріотическая точка зрѣнія, совсѣмъ не считающаяся съ какими бы то ни было моральными соображеніями, тогда какъ его швейцарскіе критики стремились произвести и нравственный судъ надъ героемъ Тьера.

Эпоха второй имперіи во Франціи не могла быть благопріятной для историческаго, не могущаго не быть критическимъ, изученія личности и дѣятельности основателя первой имперіи. Въ одномъ только отношеніи Наполеонъ III оказалъ услугу исторической наукѣ, опубликовавъ между 1856 и 1870 гг., въ тридцати двухъ большихъ томахъ, «корреспонденцію Наполеона», но и это капитальное изданіе было тенденціозно испорчено невключеніемъ въ него разныхъ неудобныхъ документовъ. Бѣда эта была бы еще поправлена, если бы существовалъ свободный доступъ въ архивы, но въ нихъ многое охранялось какъ государственная тайна. Кромѣ «Correspondance de Napoléon», при второй имперіи были изданы мемуары и переписки другихъ дѣятелей наполеоновской эпохи, между прочимъ, Іосифа и Іеронима Бонапартовъ, принца Евгенія Богарнэ и др.

Кастеланъ.

Паденіе второй имперіи впервые сдѣлало свободнымъ доступъ къ архивамъ, и первымъ, кто этимъ воспользовался для изученія личности Наполеона былъ Юнгъ (Jung), авторъ вышедшей въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ книги «Бонапартъ и его время (1769—1799), на основаніи неизданныхъ документовъ», книги, въ которой совершенно новымъ свѣтомъ (не всегда, впрочемъ, вѣрнымъ) освѣщено кое-что въ біографіи Наполеона до перехода власти въ его руки. Съ восьмидесятыхъ же годовъ стали выходить въ свѣтъ въ большомъ количествѣ мемуары и письма многихъ современниковъ Наполеона, какъ французскихъ, такъ и иностранныхъ, изданія дипломатическихъ документовъ или документовъ, касающихся внутреннихъ отношеній Франціи и т. п., а рядомъ съ этимъ начали, все въ большемъ количествѣ, печататься работы, въ которыхъ разсматриваются разные частичные вопросы, отдѣльные этюды и пр. изъ наполеоновской эпохи. Эта литература растетъ съ каждымъ годомъ, и какъ личность Наполеона, такъ и вся его эпоха дѣлаются лучше извѣстными даже сравнительно съ очень недавнимъ временемъ. Общій ея характеръ—въ стремленіи къ синтезу тѣхъ односторонне-противоположныхъ точекъ зрѣнія, о которыхъ было сказано выше.

Во французской исторической литературѣ за послѣднюю четверть вѣка наиболѣе видными общими историками Наполеона были Тэнъ, Сорель, Вандаль, Массонъ и Дріо, рядомъ съ которыми можно было бы назвать еще нѣсколько историковъ по отдѣльнымъ вопросамъ наполеоновской эпохи.

Наиболѣе шуму въ свое время надѣлали во Франціи изображенія Наполеона, его характеристики, его режима въ V томѣ «Происхожденія современной Франціи» Тэна; уже оканчивая послѣдній томъ той части этого своего труда, которая посвящена исторіи революціи, Тэнъ сдѣлалъ очень нелестный отзывъ о новомъ режимѣ, смѣнившемъ революцію, назвавъ его «философской казармой». Наполеона онъ и разсматриваетъ въ слѣдующей части какъ архитектора, который выстроилъ по сво-

ему плану эту казарму. Очень много мѣста отвелъ Тэнъ и характеристикѣ самого Наполеона, между прочимъ, по вновь изданнымъ (отчасти и неизданнымъ) мемуарамъ, при чемъ Наполеонъ изображается у него эгоистичнымъ кондотьеромъ съ очень несимпатичнымъ нравомъ. Это разрушеніе знаменитымъ историкомъ старой наполеоновской легенды, попрежнему остающейся дорогою многимъ французамъ, разссорило его съ бонапартистами, съ которыми у него до того времени были кое-какія связи, и даже вызвало полемическое выступленіе въ печати одного изъ принцевъ бонапартовской династіи. Тэнъ разсматриваетъ въ своемъ трудѣ роль Наполеона только въ исторіи Франціи, которой онъ далъ прочную организацію, хотя бы и далекую отъ идеала свободы.

На фонѣ, наоборотъ, обще-европейской исторіи разсматриваетъ Наполеона Сорель въ своемъ знаменитомъ трудѣ «Европа и французская революція». Наполеоновская эпоха представлена въ немъ какъ часть одного нераздѣльнаго съ революціоннымъ періодомъ цѣлаго и въ исторіи Франціи, и въ исторіи остальной Европы. Десятилѣтіе, протекшее между началомъ революціи и переворотомъ 18 брюмера, и полтора десятка лѣтъ, приходящихся на консульства и имперіи, въ глазахъ Сореля составляютъ, въ сущности, одну замкнутую эпоху, въ которой его болѣе всего интересуютъ вліяніе революціи на Европу и вліяніе Европы на революцію. Наполеонъ является продолжателемъ послѣдней, и авторъ даже стремится убѣдить читателя въ томъ, что внѣшняя политика Наполеона была прямымъ продолженіемъ политики комитета общественнаго спасенія, продолженіемъ законной самозащиты противъ безпрерывныхъ европейскихъ коалицій. Трудъ Сореля отличается вообще широтой взгляда и замѣчательнымъ безпристрастіемъ, но въ своихъ сужденіяхъ о наполеоновской эпохѣ авторъ «Европы и французской революціи» не устоялъ передъ обаяніемъ, какое образъ Наполеона продолжаетъ производить на французскія души.

Ц. Ложье.

Назвавъ выше среди новѣйшихъ историковъ Наполеона, между другими, Вандаля, я имѣлъ въ виду не столько его трудъ «Наполеонъ и Александръ I», занятый повѣствованіемъ о перипетіяхъ франко-русскихъ отношеній до грандіознаго столкновенія 1812 г., но особенно болѣе новую его работу, вышедшую въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Возвышеніе Бонапарта» и заключающую въ себѣ исторію перехода Франціи отъ безначалія къ созиданію новаго строя. Въ этой книгѣ авторъ собралъ все новое, что только дали послѣднія публикаціи по эпохѣ, и тоже далъ полный просторъ своему удивленію передъ организаторскимъ геніемъ своего героя. Указывая здѣсь на трудъ, посвященный эпохѣ возвышенія Наполеона, не считаю себя въ правѣ не упомянуть о прекрасныхъ книгахъ Уссэ (Houssaye), въ которыхъ разсказана исторія паденія первой имперіи («1814 годъ» и «1815 годъ»).

Наполеонъ, какъ человѣкъ въ отношеніяхъ своихъ къ ближайшей средѣ, его окружавшей, нашелъ неутомимаго изслѣдователя въ лицѣ Массона, автора цѣлаго ряда эскизовъ о Наполеонѣ, начиная съ самыхъ юныхъ его лѣтъ, о его роднѣ и близкихъ ему людяхъ и т. п. Работы Массона основаны на кропотливомъ и добросовѣстномъ изученіи источниковъ и литературы, но и въ нихъ слишкомъ силенъ элементъ преклоненія передъ личностью героя повѣствованія. Во всякомъ случаѣ, однако, въ нихъ неизмѣримо больше научности, чѣмъ въ книгахъ Артура Леви (Napoléon intime» и «Napoléon et la paix»), превратившаго перваго французскаго императора чуть не въ живое воплощеніе буржуазнаго благодушія и пацифиста, котораго заставляли воевать враги Франціи.

Дріо, редакторъ начавшей издаваться въ 1912 г. «Revue des études Napoléoniennes», спеціализировался въ области международныхъ отношеній наполеоновской эпохи,

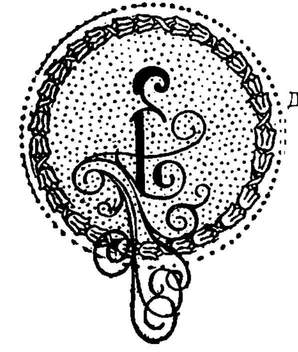
предпринявъ подъ общимъ заглавіемъ «Наполеонъ и Европа» цѣлую серію книгъ объ отдѣльныхъ моментахъ исторіи внѣшней политики Наполеона. Оцѣнивая значеніе эпохи въ общемъ ходѣ судебъ Европы, авторъ, какъ и другіе современные историки, тѣснѣйшимъ образомъ связываетъ Наполеона съ революціей. Трудно, по его мнѣнію, сказать, кто кому былъ болѣе обязанъ, революція Наполеону или Наполеонъ революціи: политическая свобода во Франціи, все равно, не могла дальше существовать и безъ Бонапарта, а для Европы Бонапартъ сдѣлался распространителемъ принциповъ революціи. Дріо даже называетъ Наполеона «пророкомъ новой Европы» на зарѣ XIX вѣка. Реакція Европы противъ Наполеона могла казаться реакціей свободы противъ деспотизма, но реставрація потомъ показала, въ чемъ заключалась истинная подкладка борьбы европейскихъ государей противъ наполеоновской Франціи.

Внѣ Франціи Наполеонъ не былъ, конечно, предметомъ такого изученія, какимъ онъ былъ, въ теченіе особенно послѣднихъ десятилѣтій, во французской исторіографіи. Знаменательно однако, что лучшими біографіями Наполеона, какихъ до сихъ поръ нѣтъ у самихъ французовъ, по собственному ихъ признанію, являются сочиненія двухъ иностранныхъ ученыхъ. Одинъ изъ нихъ австрійскій профессоръ Фурньеръ, нѣмецъ съ французской фамиліей, поставилъ себѣ въ своей книгѣ «Наполеонъ I» задачу разсказать для такъ называемой большой публики жизнь Наполеона на фонѣ, конечно, общей исторіи эпохи и на основаніи послѣднихъ словъ науки. Задачу свою онъ разрѣшилъ такъ хорошо, что его «Наполеонъ I» является теперь лучшей біографіей этого необыкновеннаго человѣка, свободною притомъ отъ всякой идеализаціи. Трудъ Фурньера вышелъ по-нѣмецки. Другая біографія Наполеона I, являющаяся сводомъ всего сдѣланнаго въ этой области за послѣднее время, написана по-англійски Дж. Голландомъ Розомъ. Конечно, этими двумя книгами не исчерпывается все, что за послѣднія десятилѣтія было написано по части біографіи Наполеона на разныхъ языкахъ, но задачею моею въ настоящей статьѣ отнюдь не могла быть библіографическая полнота.

Н. Карѣевъ.

II. Отечественная война во французской исторической литературѣ.

А. М Васютинскаго.



Едва только окончилась кампанія 1814 г., не успѣлъ еще прочно утвердиться на тронѣ своемъ Людовикъ XVIII, какъ началось во французской литературѣ торопливое, страстное обсужденіе событій 1812 г., которыя привели къ полному крушенію великой арміи. Первыми взялись за перо новообращенные роялисты, желавшіе выслужиться предъ новымъ государемъ. Художникъ-неудачникъ, маленькій мастеръ на всѣ руки, поэтъ, романистъ и при случаѣ историкъ,—если хорошо заплатить издатель, завсегдатай литературныхъ кабачковъ, усердный раньше панегиристъ Наполеона, Р. Ж. Дюрданъ быстро состряпалъ книжицу, разсчитанную, очевидно, на сбытъ среди довѣрчивыхъ и невѣжественныхъ читателей.

«Московская кампанія 1812 г.»—трудъ, составленный на основаніи собранія офиціальныхъ документовъ объ этой памятной кампаніи, гдѣ «болѣе 300.000 храбрыхъ французовъ стали жертвой честолюбія и ослѣпленія ихъ начальника»—таково было заглавіе первой французской исторіи похода 1812 г. Брошюрка составлена на скорую руку на основаніи кое-какихъ бюллетеней Наполеона, нѣсколькихъ донесеній Кутузова, донесенія лорда Каткарта, газетныхъ сплетенъ и слуховъ, отчасти

разспросовъ автора и, несмотря на свою безпорядочность, выдержала 2 изданія. Авторъ—полный невѣжда во всемъ, что касается военныхъ дѣйствій, которыя, однако, разсматриваетъ и разбираетъ съ развязностью стараго фельетониста — онъ не знаетъ ни о существованіи отдѣльныхъ русскихъ армій, ни о русскихъ военныхъ планахъ и, излагая кое-какъ ходъ войны, пробавляется хуленіемъ, елико возможно, «Бонапарта», котораго онъ уличаетъ въ дерзости, непредусмотрительности, неопытности (sic!) и лживости, осуждая его «безумное честолюбіе». Въ противоположность Наполеону авторъ превозноситъ его противника—императора Александра, «великодушнаго государя, который при содѣйствіи своихъ достойныхъ союзниковъ не только освободилъ насъ отъ оковъ, но и воздалъ добромъ за зло: онъ вернулъ намъ безпорочное знамя (Бурбоновъ) и потомковъ Людовика Святого и Генриха IV, братьевъ, племянниковъ, родственниковъ Людовика XVI».

Но друзья и соратники павшаго императора не упустили случая наказать ловкаго беззастѣнчиваго писаку. Уже въ томъ же 1814 г. явился памфлетъ, подъ заголовкомъ «Ура» на памфлетъ, обнародованный г. Р. Ж. Дюрданомъ и озаглавленный «Московская кампанія 1812 г.» — «сочиненіе бывшаго военноплѣннаго». Здѣсь на 26 страницахъ авторъ серьезно и обстоятельно возстановляетъ главные моменты похода, осторожно именуя бывшаго государя «Бонапартомъ», выдвигаетъ стойкое мужество французскихъ войскъ и основательно изобличаетъ тенденціозную лживость и льстивое пресмыкательство Дюрдана. Главной причиной неудачъ авторъ считаетъ холодъ, голодъ и усталость, которые особенно проявили свое губительное дѣйствіе послѣ Березины.

Ген. Гріца.

Таковы первые образчики жаркаго боя, который закипѣлъ на могилахъ великой арміи. Наскоро выпускаемыя въ свѣтъ книжонки роялистовъ переполнены были кисло-сладкимъ умиленіемъ предъ ужасными страданіями участниковъ похода и куреніемъ ѳиміама предъ побѣдителями. Но вскорѣ является и первый сравнительно серьезный трудъ, который принадлежитъ перу очевидца.

Евгеній Лабомъ, подъ-лейтенантъ инженерныхъ войскъ, совершилъ походъ въ штабѣ (4-го корпуса) Евгенія Богарне и въ 1814 г. выпустилъ «подробную реляцію о русской кампаніи». Если вѣрить словамъ автора, онъ писалъ по записямъ въ дневникѣ, «безъ ненависти и предубѣжденія, но не замалчивая самаго плачевнаго предпріятія, которое когда-либо приходило на умъ генію честолюбія»... «Сто разъ,— говоритъ авторъ,—я старался сдержать свое негодованіе, которое готово было прорваться, противъ виновника бѣдствій, но уваженіе къ его бывшему величію, воспоминаніе о прошлыхъ побѣдахъ, которыхъ авторъ былъ свидѣтелемъ, заставило его обвинять завоевателя лишь на основаніи фактовъ». Такимъ образомъ авторъ самъ изобличаетъ свою тенденціозность, и трудъ его интересенъ сейчасъ лишь какъ исторія страданій, имъ пережитыхъ въ составѣ 4-го корпуса, согласно эпиграфу «Quaequ'ipse miserrima vidi» («и тѣ величайшія несчастія, которыя я видѣлъ»).

Несчастіе похода онъ приписываетъ слѣпому честолюбію Наполеона. Разъяренный неудачей своихъ честолюбивыхъ плановъ, онъ стремится подчинить себѣ всѣ народы, создать всемірную имперію, гонится за химерическимъ планомъ возсѣсть на тронѣ Константина. Онъ презираетъ совѣты умныхъ министровъ, тиранизируетъ королей, какъ Робеспьеръ. Деспотъ для народа — онъ рабъ своихъ капризовъ. Въ противоположность ему императоръ Александръ I прилагаетъ всѣ усилія поддержать миръ, съ крайней умѣренностью, рѣдкой для абсолютнаго монарха. Въ своемъ ослѣпленіи Наполеонъ не видитъ двуличности Шварценберга, но фортуна скоро оставляетъ его и препятствуетъ хитрецу сдѣлать народъ русскій своимъ орудіемъ въ борьбѣ съ русскимъ дворянствомъ.

После взятія Москвы начинается его паденіе: небо поразило его безуміемъ, внушивъ мысль, что съ императоромъ Александромъ можно заключить миръ на развалинахъ его столицы. Въ ослѣпленіи своемъ онъ думалъ, что, подобно Іисусу Навину, властенъ будетъ измѣнить русскій климатъ. Небо поразило его какъ Навуходоносора: гласъ небесный слышали русскіе монахи. Отступая онъ болѣе думаетъ о заговорѣ Мале, чѣмъ о своемъ войскѣ, и только крайность подъ Краснымъ заставляетъ его опомниться, но тотчасъ онъ снова забываетъ объ арміи, бросаетъ ее на произволъ судьбы и, совсѣмъ потерявъ голову, мчится въ Парижъ. Такъ несчастія сломили могучую армію, а страшная система угнетеній получила жестокій урокъ отъ Провидѣнія.

Занятый изображеніемъ бѣдствій арміи, авторъ мало мѣста удѣляетъ русскимъ военнымъ операціямъ. Источниковъ у него немного: кромѣ своихъ записокъ, онъ используетъ бюллетени, щедро заимствуется изъ Вольтеровой исторіи Россіи, изукрашиваетъ разсказъ вымышленными сентиментальными разговорами съ русскимъ монахомъ Звенигородскаго монастыря, въ уста которому вкладываетъ то, что вычиталъ послѣ похода изъ газетъ о дѣйствіяхъ русскихъ.

Эта озлобленная исторія пострадавшаго солдата за свой мемуарный характеръ имѣла громкій успѣхъ, — вышли 6 изданій на французскомъ, 5 изданій на англійскомъ, по нѣскольку на другихъ языкахъ. Но тотчасъ же выступаетъ противъ Лабома анонимно и крупный военный писатель того времени генералъ Ф. Г. Водонкуръ. Онъ участвовалъ почти во всѣхъ войнахъ Наполеона, былъ горячо ему преданъ, перенесъ русскій плѣнъ и не могъ не обрушиться со всей силой своихъ знаній на появившіяся книги враговъ и недоброжелателей низверженнаго. «Мемуары для исторіи войны между Франціей и Россіей въ 1812 г. офицера генеральнаго штаба французской арміи» вышли въ свѣтъ въ Лондонѣ въ 1815 г. и составлены, по словамъ автора, въ противовѣсъ тенденціознымъ трудамъ Лабома, Керъ-Портера, Дюрдана, Чуйкевича.

Авторъ самъ былъ очевидцемъ событій, прекрасно зналъ офиціальные бюллетени обѣихъ сторонъ, получилъ массу свѣдѣній отъ бывшихъ участниковъ и рѣшилъ «во имя истины написать серьезный историческій трудъ, а не историческій романъ». Но со страстностью нападая на патріотическую брошюру Чуйкевича, авторъ самъ оказывается повиннымъ въ той же тенденціи. Суровый военный историкъ, основатель перваго во Франціи военнаго журнала, злобный руссофобъ — онъ не любитъ русскихъ и Россію, и такъ же ожесточенно сражается съ ними перомъ, какъ сражался на поляхъ битвъ 1812 г. Наполеонъ въ его изображеніи— кроткое существо, поборникъ прогресса, честный противникъ на войнѣ. Императоръ Александръ—ненасытный честолюбецъ, стремленія котораго не могли не встрѣтить рѣзкаго отказа со стороны императора Франціи, тѣмъ болѣе, что «умѣренное отношеніе къ русской націи квалифицируется русскими какъ слабость» (!!) Настоящей причиной несчастія французской арміи, полагаетъ Водонкуръ, по собственному признанію русскихъ, былъ «генералъ Морозовъ» (т.-е. суровая зима) и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, а вовсе не таланты русскихъ генераловъ. Офиціальнымъ русскимъ донесеніямъ нельзя давать вѣры, ибо они лживы. Авторъ тщится отмѣтить на протяженіи всѣхъ военныхъ дѣйствій миролюбіе французскаго императора и коварную двуличность русскихъ. Личная и національная ненависть императора Александра I къ Наполеону заставила его возбудить при помощи священниковъ и помѣщиковъ религіозный фанатизмъ въ русскомъ народѣ. Духовенство сумѣло внушить русскимъ рабамъ страхъ предъ религіозной нетерпимостью французовъ и, зная самолюбіе русскаго народа, сумѣло возбудить его горделивыя претензіи, представивъ ему всю Европу въ траурѣ, воздѣвшую руки съ мольбой къ славнымъ славянамъ. Но русское дворянство и купечество, надававшія много обѣщаній, скупо ихъ исполняли.

Между тѣмъ Наполеонъ, въ противовѣсъ Александру I, могъ привлечь на свою сторону крестьянъ, давши имъ свободу (авторъ приводитъ рядъ фактовъ, характеризующихъ отношеніе крестьянъ среднихъ губерній въ началѣ войны и послѣ нея къ французамъ), но благородно не пожелалъ измѣнять политическаго характера войны.

Самый способъ веденія войны русскими недостоинъ цивилизованнаго народа и изобличаетъ ихъ варварство.

Кутузовъ въ союзѣ съ Ростопчинымъ стоялъ во главѣ англофильской партіи и старался лживыми бюллетенями разжигать народное негодованіе противъ французовъ. Если бы императоръ Александръ и хотѣлъ теперь примириться съ Наполеономъ, то онъ ничего бы не могъ подѣлать съ грозной англофильской партіей среди русской знати, умертвившей его отца. Ростопчинъ же и сжегъ Москву, а вовсе не народный патріотизмъ. Не можетъ быть патріотизма при деспотическомъ правительствѣ, думаетъ авторъ. Патріотизмъ здѣсь былъ ни при чемъ, ибо русскіе всегда упрекали французовъ въ пожарѣ Москвы, и лишь въ 1813 г. похвалы англичанъ повернули дѣло въ другую сторону.

Какъ военный писатель, стратегъ и тактикъ, авторъ даетъ и критику похода... по отношенію къ русской арміи. Неуспѣхъ задуманнаго русскими плана отрѣзать отступленіе французской арміи онъ приписываетъ отсутствію опредѣленной диспозиціи, канцеляризму и мѣстничеству генераловъ. Наполеона онъ ни въ чемъ не винитъ, императоръ все предусмотрѣлъ: виновата лишь въ неудачахъ анархія въ странѣ, произведенная русскими, неопытность и грѣхи французскихъ интендантовъ, климатическія условія, морозы и отдѣльныя ошибки французскихъ генераловъ, напримѣръ, оплошность минскаго губернатора. Кое-гдѣ авторъ явно тенденціозно излагаетъ событія — напримѣръ, сраженіе при Красномъ разсказано какъ французская побѣда. Заканчивается книга вызовомъ русскимъ, ироническимъ отзывомъ о русской храбрости и ядовитыми замѣчаніями по поводу изданнаго императоромъ Александромъ манифеста 1 января.

Ген Буларъ.

Несмотря на это тенденціозное изложеніе, можно сказать, что съ книги Водонкура слѣдуетъ вести установленіе исторической версіи похода 1812 г. Героическій періодъ кончается, начинается болѣе спокойное изученіе похода послѣ смерти Наполеона. Еще въ 1817 г. выходитъ «Исторія похода 1812» англичанина Керъ-Порхера во французскомъ переводѣ съ критикой и примѣчаніями М***. Нѣсколько лѣтъ спустя это загадочное инкогнито выступило съ самостоятельнымъ трудомъ.

Въ 1823 г. выходитъ «Исторія русской экспедиціи». Сочиненіе М***. Подъ, какъ видно изъ послѣдующихъ изданій, этими тремя звѣздочками скрылся полковникъ маркизъ Жоржъ де Шамбрэ. Его трехтомный трудъ былъ изданъ трижды и переведенъ на другіе языки.

Авторъ старательно отнесся къ своей работѣ и пересматривалъ и дополнялъ ее во всякомъ новомъ изданіи. Особенно помогъ ему вскорѣ послѣ перваго изданія вышедшій трудъ полковника Бутурлина. Маркизъ де Шамбрэ былъ тоже участникомъ великой эпопеи и попалъ въ плѣнъ подъ Березиной. Послѣ реставраціи онъ примкнулъ къ Бурбонамъ, но сохранилъ строго тактичное отношеніе къ павшему императору. Правда, онъ избѣгаетъ называть его монархомъ, а всюду именуетъ «сей завоеватель». Но зато трудъ Шамбрэ заслуживаетъ большого вниманія по обширной эрудиціи автора и серьезному, критическому отношенію одинаково къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ.

Автору первому съ разрѣшенія военнаго министра маршала Виктора посчастливилось работать по документамъ архива военнаго министерства; въ его рукахъ былъ драгоцѣнный журналъ ординарцевъ императора, рядъ русскихъ военныхъ документовъ, наконецъ онъ воспользовался указаніями бывшихъ сослуживцевъ и знаменитаго военнаго писателя Жомини. Книга его снабжена поэтому громадными по объему и цѣнными часто по содержанію примѣчаніями, изъ которыхъ особенно слѣдуетъ отмѣтить детальный разборъ замѣтокъ самого Наполеона о походѣ 1812 г. (III томъ).

Послѣ обширнаго введенія, посвященнаго изученію поводовъ къ войнѣ, авторъ приступаетъ къ изложенію военныхъ дѣйствій, прерывая его своими критическими замѣчаніями, которыя не всегда отличаются мѣткостью и глубиной; зачастую это искусныя разсужденія бумажнаго, кабинетнаго стратега и тактика. Онъ указываетъ на ошибочный планъ укрѣпленія лагеря въ Дриссѣ, но въ то же время отмѣчаетъ и основныя ошибки Наполеона при началѣ кампаніи: неумѣнье понять особыя условія страны, мало населенной, не похожей на культурныя страны Запада. Онъ порицаетъ одинаково и Барклая, и Наполеона за нецѣлесообразность дѣйствій подъ Смоленскомъ, находитъ промахи въ распоряженіяхъ Наполеона подъ Бородинымъ, но приписываетъ его апатію въ сраженіи нездоровью. Другая причина неуспѣха— варварская тактика маршей на Москву, погубившая кавалерію и истомившая пѣхоту до изнеможенія. Пожаръ Москвы также много содѣйствовалъ неудачѣ Наполеона: главный виновникъ его, по мнѣнію Шамбрэ, Ростопчинъ. Принужденный отступать изъ Москвы, Наполеонъ сдѣлалъ большую ошибку, не объединивши дѣйствій на флангахъ и въ тылу своей арміи (на югѣ). Кутузовъ въ свою очередь совершилъ очень рискованный фланговый обходъ Москвы, который могъ повлечь за собой разгромъ войска, а затѣмъ не проявилъ никакой активности въ преслѣдованіи отступавшей арміи. Въ свою очередь Наполеонъ черезчуръ самонадѣянно выбиралъ маршрутъ для отступленія: ему слѣдовало бы отступать на Витебскъ, но гордость, не позволявшая бѣжать отъ непріятеля, заставила его отказаться отъ этого единственно цѣлесообразнаго плана. Послѣ сраженія при Малоярославцѣ Наполеонъ снова совершилъ ошибку—допуская армію итти всей массой по одной дорогѣ, не установивъ фланговыхъ движеній по боковымъ дорогамъ. Подъ Краснымъ Наполеонъ спасся лишь благодаря безпечности и непонятной нерѣшительности Кутузова.

Ген. Дедемъ.

Вообще ошибки Кутузова Шамбрэ считаетъ безпримѣрными въ исторіи древнихъ и современныхъ войнъ. Единственно, что смягчаетъ его вину, по мнѣнію Шамбрэ, это забота о сохраненіи войска. Окончательнымъ спасеніемъ своимъ Наполеонъ обязанъ ошибкамъ Чичагова и Витгенштейна на Березинѣ. Имя Наполеона и его слава импонировали русскимъ генераламъ и заставляли ихъ считать его сильнѣе, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ Лишь своему счастью обязанъ былъ Наполеонъ спасеніемъ: онъ самъ видѣлъ свою неминуемую гибель. Но онъ тоже совершилъ при Березинѣ рядъ крупныхъ ошибокъ: не приказалъ Виктору отступать съ большей частью войска чрезъ Бараны на Студянку для прикрытія переправы, отдалъ неправильныя предписанія Удино, не поѣхалъ лично въ Борисовъ руководить постройкой сожженнаго моста, потерялъ время въ безполезныхъ контръ-маршахъ 28-го и этимъ способствовалъ ослабленію корпусовъ Нея, Виктора и Удино. Послѣ перехода Березины Наполеонъ не приказалъ уничтожить въ Вильно и Сморгони магазины, которые и достались потомъ русскимъ. Въ концѣ своего труда авторъ даетъ краткую характеристику Наполеона, подводя итоги его роли въ русскомъ походѣ: онъ пользовался все время несокрушимымъ здоровьемъ, все время сохранялъ въ своихъ рукахъ руководящую роль, спасся лишь благодаря быстротѣ отступленія; несчастья же его слѣдуетъ приписать воображенію, испорченному гордостью и презрѣніемъ къ противникамъ.

Дѣйствіямъ русскихъ войскъ авторъ въ общемъ отводитъ мало мѣста. Съ восторгомъ онъ отзывается о гуманномъ отношеніи императора Александра къ плѣннымъ, очевидно по личнымъ воспоминаніямъ. Остатки арміи спаслись лишь благодаря тому, что Кутузовъ не далъ послѣ Березины отдохнуть своимъ войскамъ въ Минскѣ.

Послѣ этого перваго критическаго труда о походѣ 1812 г. возникла любопытная полемика между Ростопчинымъ и Шамбрэ. Первый выпустилъ въ 1823 г.

брошюру «Правда о пожарѣ Москвы», въ которой энергично защищался противъ возводимаго на него обвиненія, но ученый маркизъ отвѣчалъ противнику тоже брошюрой, въ которой основательно и остроумно опрокидывалъ доводы Ростопчина.

Критическая исторія похода была написана—оставалась лишь психологическая разработка, и ее далъ графъ Филиппъ де-Сегюръ въ «Исторіи Наполеона и великой арміи въ 1812 г.» (2 т. 1824 г.). Авторъ состоялъ въ штабѣ императора во время похода, но несъ лишь свитскія обязанности, много видѣлъ и слышалъ и отчасти по документамъ, отчасти по собственнымъ наблюденіямъ создалъ знаменитое произведеніе, выдержавшее болѣе 30 изданій на французскомъ, 12 на нѣмецкомъ, 10 на англійскомъ и нѣсколько на другихъ языкахъ, даже на русскомъ. Въ высшей степени красочно, кованымъ слогомъ изображаетъ авторъ перипетіи похода, отдаетъ должное русскимъ, ихъ храбрости и стойкости, ихъ военному искусству. Походъ подъ его живымъ перомъ превращается въ эпопею, въ которой русскіе и французы борятся подобно героямъ Гомера. Лишь одинъ Наполеонъ изображенъ въ видѣ нервнаго, нерѣшительнаго человѣка, — это не то Рене (изъ романа Шатобріана), не то Адольфъ (изъ моднаго тогда романа Бенжамена Констана), одѣтый въ античную тогу Гектора, увлекаемаго рокомъ. Стремленіе классически стилизовать разсказъ доходитъ у Сегюра часто до приторности, до искусственнаго перетолкованія самыхъ обычныхъ фактовъ, иногда даже онъ подтасовываетъ событія для большей драматичности: напр., заставляетъ разразиться грозу въ моментъ перехода чрезъ Нѣманъ. Произведеніе Сегюра нашло тотчасъ же рѣзкую критику вѣрнаго слуги Наполеона, стараго его адъютанта и спутника на островѣ св. Елены Гурго. Въ своемъ «Критическомъ разборѣ» труда Сегюра (1825 г.) старый солдатъ подвергъ грубой и рѣзкой критикѣ красивую академическую риторику Сегюра [1]).

Шамбрэ (Морэнъ).

Наконецъ въ 1827 году явился двухтомный трудъ барона Агаѳона Фэна, личнаго секретаря императора, тоже участника похода въ Россію, «Рукопись 1812 года, содержащая очеркъ событій этого года, какъ пособіе для исторіи императора Наполеона». Эта работа тоже выдержала много изданій въ подлинникѣ и переводахъ. Фэнъ прекрасно знакомъ со всѣми документами императорскаго кабинета, съ русской исторіей похода Бутурлина, съ нѣмецкими документами, съ записями рѣчей Наполеона Монтолона, Лаказа, съ мемуарами Раппа, Ларрея, Фавье, Сегюра, равнымъ образомъ и съ предшествующими литературными обработками похода.

Онъ толково излагаетъ событія похода, выдвигаетъ воинственность Наполеона, въ то же время указываетъ на его готовность всегда заключить миръ съ Россіей. Кое-гдѣ, напримѣръ, въ описаніи Бородинской битвы видно желаніе драматизировать событія: Багратіонъ «зоветъ громкимъ крикомъ на помощь». Кутузовъ «теряетъ голову»...

Всюду замѣтно преклоненіе предъ неутомимостью, прозорливостью Наполеона, котораго Фэнъ находитъ возможнымъ упрекнуть лишь въ родственномъ пристрастіи. Онъ недоумѣваетъ, какъ могъ Александръ противостоять миролюбивымъ предложеніямъ Наполеона, и приписываетъ это англофильству русскихъ министровъ, интри-

---

[1]) По мнѣнію Гурго, придворный Сегюръ, увлекшись своимъ необузданнымъ воображеніемъ и спекулируя на потребность современнаго ему общества въ сильныхъ ощущеніяхъ, написалъ эффектную мелодраму, пересыпанную сентенціозными разсужденіями, изукрашенную романтическими картинками, доходящими до ученой претенціозности—ради кресла въ академіи безсмертныхъ. Самъ Гурго, опровергая и поправляя Сегюра, далъ массу интересныхъ фактовъ на основаніи богатаго личнаго опыта.

гамъ Англіи, m-me Сталь и Бернадота. Наполеонъ безупреченъ: ошибки дѣлаютъ лишь его генералы (Шварценбергъ, Викторъ, раньше Жеромъ, Жюно) и русскіе. Окончательный ударъ французамъ, по мнѣнію Фэна, наноситъ морозъ.

Послѣ этой добросовѣстно, но съ пристрастіемъ къ особѣ Наполеона, написанной исторіи окончательно устанавливается литературная версія событій похода на долгое время, и заканчивается второй критическій періодъ французской исторіографіи войны 1812 г. Еще съ 1814 года начинается эпоха мемуаровъ, которые, какъ видно изъ Шамбрэ и Фэна, являются весьма важнымъ источникомъ для изученія походовъ [1]).

Новый періодъ критической обработки похода 1812 года начинается съ 50 годовъ XIX в., со времени второй имперіи. Воинственная внѣшняя политика, авторитарно-деспотическій режимъ внутри, заведенный «Наполеономъ малымъ» культъ преклоненія предъ «Великимъ дядей» вызвалъ интересные труды либеральной и радикальной оппозиціи. Извѣстный либеральный политическій дѣятель А. Тьеръ, продолжая свой пользовавшійся громкой извѣстностью въ Европѣ трудъ «Исторія консульствъ и имперіи», посвящаетъ начало (25, 26, 27 книги) XV тома походу 1812 года.

На основаніи документовъ, мемуаровъ и литературныхъ трудовъ авторъ даетъ полную, яркую картину похода, иногда прерываемую риторическими разсужденіями о тайныхъ путяхъ Провидѣнія. Причиной войны онъ считаетъ честолюбивые замыслы Наполеона, оставлявшаго за собой истощенную Францію, въ которой благочестіе оскорблено было религіозной его тираніей, а независимые люди—политической тираніей, и не замѣчавшаго готовности Европы возстать противъ его ига. Разсуждая о причинахъ неудачи похода, Тьеръ находитъ, что предпріятіе было ошибочно по существу: политическое преобладаніе въ Европѣ доставило бы Наполеону одно завоеваніе Испаніи; походъ въ глубь Россіи—нелѣпость: русскіе у себя неприступны для завоевателя—и поэтому слѣдовало укрѣпиться противъ нихъ на Вислѣ и ждать нападенія. Кромѣ того, опытныхъ солдатъ было мало,—они большей частью погибли въ предшествовавшихъ войнахъ; честолюбіе Наполеона въ конецъ истощило французскій народъ. Наконецъ Наполеонъ совершилъ рядъ тактическихъ ошибокъ: промедлилъ въ Вильно, Витебскѣ, увлекся походомъ на Москву, не пустилъ въ дѣло гвардіи при Бородинѣ; отступая изъ Москвы подчинился мнѣнію своихъ генераловъ и не выбралъ болѣе выгоднаго пути, проигралъ по оплошности сраженіе при Красномъ, упустилъ случай собрать остатки арміи послѣ Березины. Но въ то же время онъ совершилъ рядъ изумительныхъ комбинацій, и самыя ошибки его вытекали изъ огромности его предпріятія. Трагическія событія похода являются слѣдствіемъ великаго покушенія противъ права, народнаго чувства, пренебреженія къ чувствамъ и крови тѣхъ, кого онъ намѣренъ былъ побѣдить. Словомъ, это было заблужденіе генія, ослѣпленнаго деспотизмомъ.

Нѣсколько позже явилась маленькая, но ядовитая книга радикальнаго публициста и романиста Альфреда Ассолана «Походъ въ Россію 1812 года, по подлиннымъ документамъ съ 40 иллюстраціями». Въ началѣ своей книжки онъ объясняетъ цѣль работы: нѣтъ нужды скрывать раны отечества. Исторія народовъ—не для народной гордости, а для примѣра и урока. Солдатская храбрость не померкнетъ, если указать честолюбіе и безуміе ихъ начальника.

Изъ этого предисловія видна идея автора. Тонъ и стиль книги сильный, красивый, энергичный. Умѣнье использовать интересныя записки (напримѣръ, Жозефа де-Местра, Уильсона)—замѣчательное. Ярко характеризованы маршалы, честолюбіе Наполеона, преклоненіе предъ нимъ правящей Европы, безсердечіе начальниковъ и грубость солдатъ, толпа изгнанниковъ, окружающая императора Александра. Авторъ отдаетъ должное русскимъ—немногими, но мѣткими словами характеризуетъ русскихъ генераловъ и солдатъ, особенно красочна и съ явной симпатіей исполнена

[1]) Изъ нихъ особенное вниманіе въ спеціальной литературѣ встрѣтили, пользующіеся извѣстностью среди широкаго круга публики, мемуары генерала Марбо. Еще Наполеонъ придавалъ большую цѣну тому таланту военнаго писателя, который Марбо обнаружилъ въ полемикѣ со спеціалистами. Въ настоящее время замѣчанія Марбо о походѣ 1812 г., подвергнутыя сперва было жестокой критикѣ Лештовъ-Форбекъ, снова блестяще реабилитированы генераломъ Венъ Влименомъ.

характеристика Багратіона. И всюду авторъ выдвигаетъ безграничное себялюбіе Наполеона, которое вовлекло Францію въ страшную и кровавую экспедицію.

Причиной гибели великой арміи онъ считаетъ не холодъ, а голодъ, усталость и нищету. Генералъ «Зима» только докончилъ пораженіе. Придирчиво критикуя дѣйствія Наполеона, авторъ, въ концѣ-концовъ, восклицаетъ: «Когда подумаешь, что Наполеонъ хотѣлъ быть повелителемъ Европы, дивишься безумію народовъ, убивающихъ другъ друга изъ-за такой причины»!

Вторая имперія пала среди ужасовъ кровавой войны, и лишь въ концѣ вѣка, въ началѣ девяностыхъ годовъ опять начинается разработка исторіи 1812 года. Но теперь разработка ея связана тѣсно съ идеей реванша и франко-русскаго алльянса.

Альберъ Вандаль посвящаетъ большой трудъ исторіи русскаго союза при первой имперіи (3 тома) «Наполеонъ и Александръ I». XIII глава послѣдняго третьяго тома посвящена началу похода въ Россію. Авторъ живо и образно по многочисленнымъ мемуарамъ рисуетъ картину перехода чрезъ Нѣманъ и первыхъ дѣйствій и переговоровъ до Вильно включительно, остроумно и интересно по мемуарамъ Эделингъ рисуется настроеніе русскаго общества. Общій выводъ автора—союзъ не удержался вслѣдствіе честолюбивыхъ замысловъ обоихъ союзниковъ, теперь же, основанный на раціональной политикѣ, онъ является опорой мира и гуманности.

Гр. де-Сегюръ.

Другой знаменитый французскій историкъ А. Сорель тоже посвящаетъ войнѣ 1812 г. послѣднія главы своего VII тома «Европа и французская революція». Съ обычной тонкостью и глубиной эрудиціи описавши внѣшнія отношенія, онъ на 25 послѣднихъ страничкахъ VII тома даетъ блестящій, ослѣпительный по красотѣ очеркъ войны. Практичный романецъ и хитрый грекъ-мечтатель борются изъ-за гегемоніи. Съѣзду порабощенныхъ монарховъ въ Дрезденѣ противопоставляется конгрессъ порабощенныхъ націй въ Вильно. Наполеонъ не принялъ въ соображеніе крайностей климата Россіи и національнаго русскаго характера. Россія спасена русскимъ народомъ путемъ героическаго саморазрушенія. Реальная сила Наполеона — армія, распалась, а власть Александра укрѣпилась народной любовью. Завоеваніе, доведенное до чрезмѣрности, рушилось. Вмѣстѣ съ великой арміей отступаетъ и французская революція и изъ національной дѣлается достояніемъ Европы... «Обратилися воды и поглотили колесницы и всадниковъ»...

Рядомъ съ этими крупными трудами продолжаетъ процвѣтать лубокъ, идущій еще отъ времени Наполеона III. Въ 1907 г. появляется «Народная и анекдотическая исторія Наполеона и великой арміи» Э. Марко Сентъ-Илера. Авторъ преклоняется предъ Наполеономъ, котораго рекомендуетъ изучать съ религіознымъ чувствомъ, какъ посланника Провидѣнія, исключительное существо. Вся книга переполнена анекдотами, исторіи 1812 г. посвящено 4 страницы. Русскихъ не видно и не слышно;

французы идутъ и все время побѣждаютъ невидимаго врага. Сожженіе Москвы заставляетъ французовъ уйти съ кладбища, тѣмъ болѣе, что идетъ зима. И вотъ «пораженіе—равное побѣдѣ»(!!)..

Между тѣмъ походъ 1812 года дѣлается съ конца XIX вѣка предметомъ серьезнаго изученія и военныхъ спеціалистовъ. Военный сборникъ—Carnet de Sabretache публикуетъ массу документовъ и спеціальныхъ статей. Появляются громадныя, добросовѣстныя коллекціи документовъ, извлеченіе изъ военныхъ архивовъ. Commandant Маргеронъ съ 1897 г. издаетъ документы въ 4 томахъ, обнимающіе подготовительный періодъ войны и ея начальную фазу—съ 1810 г. до 31 марта 1812 г.

Въ 1900 г. молодой лейтенантъ 101 полка, скромно скрывшійся подъ иниціалами L. G. F. (Фабри), начинаетъ многотомный трудъ «Русская кампанія (1812)». До 1903 года вышло 4 громадныхъ тома и V дополнительный. Задачей молодого военнаго писателя является собрать первоисточники, снабдивъ ихъ предисловіями и примѣчаніями. Въ составленіи предисловій авторъ обнаруживаетъ большую эрудицію и трудолюбіе: ему извѣстны лучшіе русскіе, нѣмецкіе и англійскіе труды, равно какъ и мемуары. Съ III тома изданіе этихъ документовъ ставится подъ покровительство исторической секціи военнаго штаба французской арміи. Начальнику этой секціи подполковнику Кутансо принадлежитъ серьезный вступительный этюдъ о дѣйствіяхъ Наполеона подъ Смоленскомъ. Теперь Фабри не только выступаетъ подъ собственнымъ именемъ, но во время командировки собираетъ документы какъ во французскихъ военныхъ архивахъ, такъ и за границей въ военныхъ архивахъ С.-Петербурга, Вѣны, Штуттгарта, Дрездена. Планъ все болѣе расширяется: авторъ прослѣживаетъ дѣйствія каждаго корпуса изо дня въ день, донесенія, допросы плѣнниковъ: открываетъ захваченные русскими въ 1812 г. документы штаба Даву.

Изученіе важныхъ первоисточниковъ прежде всего привело къ спеціальнымъ трудамъ по стратегіи и тактикѣ Наполеона. Изъ этихъ трудовъ особенно слѣдуетъ отмѣтить книгу генерала Бонналя, изучающаго операціи Наполеона подъ Вильно, направленныя къ уничтоженію военныхъ силъ Россіи («L'esprit de la guerre moderne. La manoeuvre de Vilna»). Прослѣдивъ внимательно переработку Наполеономъ оборонительнаго плана въ наступательный, авторъ уясняетъ принципы наполеоновской стратегіи сравненіемъ его плановъ съ планами Мольтке, выработанными для кампаній 1866 и 1870 гг., и съ практикой сраженій при Шпихернѣ, Борни и... при Мукденѣ.

Такимъ образомъ, предъ глазами военныхъ писателей, въ концѣ-концовъ, становится образъ пруссака, извлекшаго реальную выгоду изъ принциповъ наполеоновской стратегіи и обучившаго японцевъ.

Подобно Бонналю, голландскій депутатъ-клерикалъ генералъ Ванъ-Влійменъ (Van Vlijmen) пишетъ на французскомъ языкѣ этюдъ, разбирая переходъ чрезъ Березину съ точки зрѣнія военной тактики. («Къ Березинѣ!» 1905).

Для этого онъ, помимо изученія литературныхъ обработокъ исторіи похода, изучаетъ важнѣйшіе и надежнѣйшіе мемуары французскіе и, само собой разумѣется, голландскіе, изъ послѣднихъ многіе еще неизданные.

Живо и непринужденно онъ излагаетъ событія похода до роковой переправы. Наполеонъ, по его мнѣнію, все разсчиталъ, все предвидѣлъ. Но уничтожить армію Багратіона ему не удалось благодаря неспособности Жерома, а затѣмъ благодаря бездѣйствію Жюно (подъ Валутиной). Энергическая защита Невѣровскаго и храбрая оборона Смоленска даютъ возможность русской арміи отступить къ Москвѣ. Оправдываетъ авторъ поведеніе Наполеона и въ Бородинской битвѣ: безъ гвардіи отступленіе было бы немыслимо. Но двѣ иллюзіи обманываютъ Наполеона: онъ думаетъ, что русскіе прекратятъ фланговыя дѣйствія и сосредоточатъ войну въ центрѣ, и вѣритъ упрямо въ миролюбіе императора Александра—въ возможность заключить миръ. Отступая изъ Москвы, онъ ошибочно принимаетъ мнѣніе своихъ генераловъ и, несмотря на всю свою предусмотрительность, идетъ къ гибели. Бездѣйствіе Шварценберга, упустившаго Чичагова, мѣстничество Сенъ-Сира и Удино, Удино и Виктора готовило роковой конецъ кампаніи. Но Наполеонъ, присоединивъ къ себѣ корпуса Удино и Виктора, оказывается во главѣ 50.000 человѣкъ съ сильной артиллеріей, съ удивительнымъ хладнокровіемъ отбивается и переходитъ чрезъ Березину,

даетъ возможность перейти и Партуно, и несчастнымъ отсталымъ, но первый по ошибкѣ, а вторые по безпечности теряютъ переправу. Лишь послѣ этой переправы, когда армія отступаетъ, слабо преслѣдуемая непріятелемъ, ея самымъ страшнымъ врагомъ является морозъ. Переправа чрезъ Березину поэтому, по словамъ автора, является «шедевромъ тактики, безпримѣрнымъ подвигомъ въ военныхъ лѣтописяхъ».

Не скрывая своего восхищенія предъ удивительной геніальностью наполеоновской кампаніи, авторъ видитъ единственную причину неудачи Наполеона въ «немилости неба», «въ гнѣвѣ Всемогущаго».

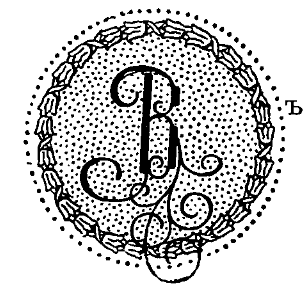
Только сверхъестественныя причины, по его мнѣнію, объясняютъ неудачу похода: «Богъ не только выбилъ оружіе изъ рукъ солдатъ, Онъ повалилъ самихъ воиновъ, застывшихъ отъ стужи»... Такъ въ трудѣ благочестиваго голландскаго генерала мы видимъ возвращеніе назадъ къ литературнымъ обработкамъ еще Фэна и Бутурлина.

Серьезная, критическая, основанная на внимательномъ изученіи не литературы предмета, а первоисточниковъ, исторія войны 1812 года—во Франціи, очевидно, еще дѣло будущаго...

Алексѣй Васютинскій.

III. Отечественная война и Наполеонъ въ нѣмецкой исторической литературѣ.

В. Н. Перцева.



Въ нѣмецкой литературѣ, такъ же какъ и во французской, нашло себѣ отраженіе страстное и часто чуждое всякой научной объективности отношеніе къ Наполеону и къ его времени. Историки, писавшіе о великомъ корсиканцѣ, обыкновенно разсматривали событія, связанныя съ его именемъ, черезъ призму своихъ политическихъ взглядовъ или подъ вліяніемъ тѣхъ движеній, которыя опредѣляли собой міровоззрѣніе цѣлыхъ поколѣній, въ родѣ революціи 48 г. или національнаго объединенія Германіи 1871 году. Только очень немногія работы представляютъ собою рѣдкія исключенія въ этомъ отношеніи.

Среди общихъ нѣмецкихъ работъ, если не прямо посвященныхъ Наполеону, то удѣляющихъ ему, во всякомъ случаѣ, много мѣста, надо отмѣтить книгу знаменитаго своими изслѣдованіями въ области классической древности B. G. Niebuhr'a: Geschichte des Zeitalters der Revolution. Эта старая книга стараго автора составилась изъ лекцій, читанныхъ Нибуромъ лѣтомъ 1829 г. въ Боннскомъ университетѣ; она охватываетъ время отъ стараго порядка до конституціонной хартіи Людовика XVIII. Отношеніе великаго историка къ революціи и къ Наполеону опредѣлилось его принадлежностью къ исторической школѣ: всѣ конституціи времени революціи онъ считаетъ искусственными, выросшими не на исторической почвѣ; къ завоеваніямъ Наполеона онъ относится также несочувственно, видя въ нихъ ломку освященныхъ исторіей международныхъ отношеній. Терроры и кровавыя потрясенія революціоннаго и наполеоновскаго времени ужаснули умѣренный либерализмъ Нибура, и онъ отвернулся и отъ революціи, и отъ Наполеона довольно рѣшительно.

Другимъ настроеніемъ проникнута книга извѣстнаго историка эллинистической эпохи Droysen'a (Vorlesungen über die Freiheitskriege; доведено до организаціи Священнаго союза); книга писалась незадолго до революціи 48 г. (въ 1846 г.); въ годы упадка Германіи автору было пріятно вспомнить о времени ея славы, когда народы въ союзѣ съ государями свергли иноземное иго Наполеона. Поэтому

книга проникнута пріятнымъ чувствомъ нѣмецкаго патріотизма «любовь къ отечеству и вѣра въ него»—вотъ чувства, которыя, по словамъ автора, одушевляли его во время работы. Онъ съ возмущеніемъ относится къ мнѣнію, что Германію спасли русскіе, что генералъ Іоркъ былъ измѣнникомъ французскому императору. При такомъ настроеніи автора отъ него трудно ожидать безпристрастія къ Наполеону. Къ тому же и въ научномъ отношеніи книга даетъ мало. Автору не были знакомы многіе важнѣйшіе документы, напр., Denkwürdigkeiten Гарденберга, Randnoten Гнейзенау, Entwürfe Шарнгорста и др.

Еще большимъ субъективизмомъ проникнута современная Дройзену книга Wachsmuth'a: Das Zeitalter der Revolution Geschichte der Fürsten und Völker Europos (1846—48). Книга посвящена времени отъ конца XVIII вѣка до второго возстановленія на престолѣ Людовика XVIII послѣ 100 дней. Авторъ—горячій радикалъ и противникъ того консервативнаго духа, этическаго спокойствія, которымъ была проникнута историческая школа. «Безсмысленно писать для потомства, не думая о современности», говоритъ онъ и требуетъ, чтобы книги оцѣнивались «по масштабу вѣры въ добро» ихъ авторовъ; добро же стоитъ на сторонѣ «прогресса и революціи», разрушившей старые «идеалы спокойствія и реакціи и провозгласившей принципы свободы изслѣдованія и терпимости». Въ началѣ IV тома своей книги авторъ съ восторгомъ привѣтствуетъ новую революцію 48 г., вторично опрокинувшую «абсолютизмъ и іезуитизмъ» новаго времени.

Закладка Кульмскаго памятника русскимъ воинамъ.

Годамъ наполеоновскаго могущества посвящены и два послѣдніе тома восьмитомной «Исторіи XVIII столѣтія» Шлоссера. Авторъ кончалъ свою исторію уже 80-лѣтнимъ старикомъ (въ 1860 г.). Его книга проникнута также полнымъ сочувствіемъ къ революціи. Въ наше время эта книга безусловно устарѣла, но въ 60-хъ годахъ она сыграла для нѣмецкаго общества ту же роль, что книга Тьера—для французскаго (Ваксмута читали мало). Франція погибала, революція спасла ее и «даровала ей равенство и другія благодѣянія, за которыя потомство вѣчно благословляло бы ее», если бы даже она, кромѣ того, и не сдѣлала ничего хорошаго—вотъ общій взглядъ Шлоссера. Въ 60—70-хъ годахъ «Исторія» Шлоссера была популярна и у насъ въ Россіи; ее перевелъ Чернышевскій. Ранніе годы дѣятельности Наполеона (до эпохи консульства) трактуетъ и большая, изданная въ 20 книгахъ, работа Sybel'я Geschichte der Revolutions zeit. Авторъ началъ ее еще въ 1853 г., а кончалъ и перерабатывалъ въ 70-хъ годахъ подъ впечатлѣніемъ недавняго объединенія Германіи. Отношеніе къ Наполеону и къ его завоеваніямъ въ этой книгѣ рѣзко несочувственное. Въ Наполеонѣ авторъ видитъ продолжателя космополитическихъ захватовъ великой революціи, съ пренебреженіемъ относившейся къ національному принципу; между тѣмъ, по мнѣнію Зибеля, только уваженіе къ принципу націи можетъ принести плодотворные плоды въ исторіи. На этомъ основаніи онъ противополагаетъ Францію въ эпоху революціи Германіи въ эпоху объединенія.

Франція начала со стремленій къ всеобщему захвату—въ этомъ отношеніи авторъ не видитъ разницы между жирондистами и Наполеономъ—и уничтожила принципъ человѣческой свободы, разрушила культурныя сокровища другихъ націй;

Германія въ основу своей новой исторіи положила принципъ уваженія къ человѣческому индивиду, соединивъ его съ понятіемъ національной мощи. Несмотря на этотъ германскій шовинизмъ книги Зибеля, она представляла для 70-хъ годовъ большой интересъ по разработкѣ еще неиспользованныхъ до того времени матеріаловъ. Зибелю удалось познакомиться съ неиспользованными до того времени архивами иностранныхъ дѣлъ Берлина, Лондона, Вѣны; онъ добился отъ Наполеона III въ 1867 г. разрѣшенія осмотрѣть архивъ иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ. Благодаря этому, ему удалось познакомить публику съ неизвѣстнымъ до того времени матеріаломъ.

Изъ общихъ книгъ болѣе поздняго времени слѣдуетъ еще отмѣтить книгу Treitschke: Deutsche Geschichte in XIX Jahrh. Прусскій шовинизмъ, поклоненіе Бисмарку, культъ единой Германіи въ этой книгѣ борется съ умѣреннымъ либерализмомъ автора. Книга писалась между 1879 и 94 гг. и доведена до 1848 г. Несмотря на свой шовинистическій характеръ, она интересна по обилію фактическаго матеріала, которымъ воспользовался авторъ.

Шапка Наполеона. (Совр. карик.)

Изъ нѣмецкой литературы, спеціально посвященной Наполеону, слѣдуетъ выдѣлить два труда, относящихся къ сравнительно недавнему времени. Во-первыхъ, книга Auguste Fournier: Napoleon I, eine Biographie (1886—89, 3 тома). Книга Fournier'а цѣнна тѣмъ, что авторъ стоитъ въ курсѣ всего того, что было сдѣлано относительно Наполеона въ исторической литературѣ до его времени. Онъ даетъ подробный указатель всѣхъ печатныхъ источниковъ, относящихся къ Наполеону, но признаетъ въ то же время, что на основаніи имѣющагося пока матеріала еще невозможно дать исчерпывающую исторію наполеоновскаго времени. Простотой изложенія и отсутствіемъ какихъ-либо предвзятыхъ точекъ зрѣнія книга Fournier'а выгодно отличается отъ другихъ нѣмецкихъ сочиненій о Наполеонѣ, проникнутыхъ по большей части духомъ прусскаго шовинизма.

Еще больше заставляетъ ждать отъ себя обширное изслѣдованіе, начатое еще совсѣмъ недавно (въ 1911 г.) Kircheisen'омъ: Napoleon I, sein Leben und seine Zeit. Авторъ, извѣстный составитель исчерпывающей библіографіи по наполеоновскому времени, предполагаетъ выпустить весь свой трудъ въ 8—10 томахъ (пока вышелъ только одинъ первый томъ). Онъ задался цѣлью написать исторію Наполеона съ полнымъ безпристрастіемъ, съ «интернаціональной» точки зрѣнія, безъ всякой предвзятости противъ какой-либо націи, какого-либо лица или событія, на основаніи всѣхъ имѣющихся источниковъ. Огромная эрудиція Kircheisen'а, обнаруженная имъ въ его объемистой библіографической книгѣ о наполеоновскомъ времени, позволяетъ надѣяться, что авторъ исполнитъ свое обѣщаніе и дастъ много новаго о Наполеонѣ. Первый томъ доведенъ до 1799 г. и кончается главой о Жозефинѣ. Уже здѣсь обрисовывается въ общихъ чертахъ духовный обликъ будущаго императора. Это — не герой, но человѣкъ «желѣзной силы воли въ проведеніи своихъ плановъ и необыкновенной фантазіи». Книга снабжена многими впервые появляющимися иллюстраціями. Изъ болѣе спе-

ціальныхъ книгъ о Наполеонѣ отмѣтимъ книгу M. Lenz'a: Napoleon und Preussen и Bolthlinckr'a: Napoléon Bonaparte, seine Jugend und sein Emporkommen bis zum 13 Vendemiaire 1877 г. (2-ое изд 1883).

Перейдемъ теперь къ болѣе частнымъ нѣмецкимъ трудамъ, прямо посвященнымъ войнѣ 1812 года. Здѣсь надо отмѣтить прежде всего книгу графа Toll'я: Denkwürdigkeiten, изд. Бернгарди, 1856, 4 тома. Издатель Бернгарди прибавилъ къ запискамъ Толя въ своемъ изданіи еще и записки нѣкоторыхъ изъ участниковъ войны и даже воспользовался отчасти устными разсказами. Въ этой книгѣ замѣтно враждебное отношеніе автора къ Кутузову, но она интересна обиліемъ подробностей и въ общемъ безпристрастнымъ отношеніемъ автора къ описываемымъ событіямъ. Также интересна обиліемъ сообщаемаго матеріала и своимъ спокойнымъ, чуждымъ пристрастія къ кому-либо тономъ и книга генерала Clausewitz'a: Der russische Feldzug von 1812 (въ VII томѣ сочиненій генер. Клаузевица). Несмотря на то, что авторы были современниками описываемыхъ событій, ихъ книги нельзя подвести подъ типъ мемуарной литературы, ибо помимо собственныхъ воспоминаній авторы пользовались и литературнымъ матеріаломъ.

Памятникъ ген. Моро близъ Дрездена. (4 ноября 1814 г.).

Изъ другихъ трудовъ, написанныхъ по преимуществу только на основаніи литературныхъ источниковъ и носящихъ нѣсколько компилятивный характеръ, назовемъ книги: Liebenstein'a. Der Krieg Napoleons gegen Russland in den Jahren 1812—13; Beitzke. Geschichte der russischen Krieges im Jahre 1812 (1862 г.; черезъ эту книгу просвѣчиваетъ духъ нѣмецкаго шовинизма); Kosegarten. Darstellung der französische-russischen Vernichtungs-Krieges im Jahre 1812 oder Napoleon in Russland. Zelle. Völkerdrsama in Russland; Cellner. Geschichte d. Feldruges in Russland (1839); Von Welden. Der Feldzug der Oesterreicher gegen Russland im Jahre 1812, aus officiellen Quellen (1870); Grube. Kriegszug nach Moskau im Jahre 1812 (1874) и др. По безпристрастію изложенія и интересу освѣщенія событій изъ этихъ книгъ слѣдуетъ выдѣлить труды Liebenstein'a и Grube.

В. Перцевъ.

IV. 1812 годъ въ англійской литературѣ.

(Наполеонъ, Англія и Россія).

К. А. Военскаго.

(Историко-библіографическій очеркъ).

Въ концѣ іюня 1812 г. въ Константинополь прибылъ извѣстный англійскій агентъ генералъ сэръ Робертъ Вильсонъ. Пробывъ тамъ около мѣсяца, онъ отправился въ молдавскую армію, командованіе которою только что отъ Кутузова принялъ адмиралъ Чичаговъ. Одаренный большою фантазіею, Чичаговъ строилъ планы вторженія въ Оттоманскую имперію. Но такой проектъ былъ не по вкусу англичанамъ. Въ помыслахъ морской гегемоніи они вовсе не желали утвержденія Россіи на берегахъ Адріатики.

Изъ Молдавіи сэръ Робертъ Вильсонъ отправился въ нашу главную квартиру, находясь въ званіи великобританскаго комиссара при главнокомандующемъ. Среди русскихъ генераловъ онъ имѣлъ много друзей, такъ что онъ вскорѣ ознакомился съ настроеніемъ войска. Армія негодовала противъ Барклая, отступавшаго и откладывавшаго сраженіе. Особенною рѣзкостью языка отличался генералъ Платовъ. Изъ арміи сэръ Робертъ Вильсонъ отправился въ Петербургъ, былъ милостиво принятъ императоромъ Александромъ и подробно доложилъ государю о настроеніи умовъ въ арміи. «Правда ли,—вопросилъ его императоръ,—гетманъ Платовъ, послѣ оставленія Смоленска, сказалъ Барклаю въ подлинныхъ выраженіяхъ: «Вы видите, на мнѣ только бурка. я не надѣну болѣе русскаго мундира, такъ какъ онъ безчеститъ тѣхъ, кто его носитъ»». Сэръ Робертъ Вильсонъ, присутствовавшій при этой сценѣ, не могъ отрицать этихъ словъ. Въ дальнѣйшей бесѣдѣ государь, продолжая оставаться чрезвычайно благосклоннымъ, шутя называлъ Вильсона «l'ambassadeur des rebelles».

Послѣдній получилъ здѣсь отъ императора Александра разрѣшеніе писать ему непосредственно обо всемъ заслуживающемъ вниманія, каковымъ разрѣшеніемъ воспользовался весьма широко, написавъ государю цѣлый рядъ донесеній, представляющихъ чрезвычайную цѣнность, такъ какъ въ нихъ онъ даетъ крайне интересную картину событій, происходившихъ въ арміи съ сентября до конца 1812 года [1]). Воспоминанія свои о войнѣ 1812 года сэръ Робертъ Вильсонъ напечаталъ въ Лондонѣ въ 1860 году подъ заглавіемъ: «Narrative of events during the invasion of Russia by Napoleon Bonaparte and the retreat ot the French army 1812, by general Sir Robert Wilson». Въ 1861 году появился новый его трудъ: «Private diary of travels, personal services and public events during mission and employment with the European armies in the campaigns of 1812, 1813, 1814, from the invasion of Russia to the capture of Paris. Оба эти сочиненія вызвали вниманіе русской военной литературы и въ «Военномъ Сборникѣ» (1860 г.), «Инженерномъ Журналѣ» (1862 г.) и «Русскомъ Вѣстникѣ» (1862 г.) появились о нихъ подробные отзывы.

Въ армію сэръ Робертъ Вильсонъ возвратился уже послѣ того, какъ Москва была сдана непріятелю. Онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ Ростопчинъ, подъ впечатлѣніемъ пожара Москвы, желая подражать римлянамъ, зажегъ въ усадьбѣ Вороново собственный домъ. Затѣмъ Вильсонъ повѣствуетъ о томъ, какъ онъ узналъ о намѣреніи Кутузова принять Лористона и заключить миръ. 22 сент. (4 окт.) къ нему прискакалъ казакъ съ запискою отъ Беннигсена: «Фельдмаршалъ,—писалъ Беннигсенъ,—изъявилъ письменное согласіе на совѣщаніе съ Лористономъ. Оно назначено впереди аванпостовъ».

Русскіе генералы увѣряли, будто бы самъ Наполеонъ приметъ участіе въ переговорахъ, такъ какъ Лористонъ предупредилъ, что его будетъ сопровождать «другъ». Они заявили, что послѣ подобнаго свиданія они не потерпятъ, чтобы Кутузовъ вернулся въ армію, и силою отнимутъ у него командованіе. Вторично пришлось быть сэру Роберту «ambassadeur des rebelles» передъ главнокомандующимъ. Выслушавъ предупрежденія Вильсона, Кутузовъ объявилъ ему, что свиданіе должно остаться втайнѣ, во избѣжаніе ложныхъ толкованій. Онъ приметъ Лористона, выслушаетъ его предложенія и соотвѣтственно ихъ содержанію дастъ отвѣтъ.

Сэръ Робертъ Вильсонъ напомнилъ Кутузову выраженную императоромъ Александромъ волю не вступать съ непріятелями въ переговоры. Онъ указалъ фельдмаршалу, насколько свиданіе ночью, впереди аванпостовъ, является необычнымъ и незаконнымъ. Такого рода образъ дѣйствій дастъ начальникамъ частей справедливый поводъ отказать ему въ повиновеніи. Въ заключеніе Вильсонъ нарисовалъ картину безвыходнаго положенія, въ которомъ очутилась наполеоновская армія.

Кутузову пришлось подчиниться необходимости. Онъ извѣстилъ Лористона, что не можетъ прибыть къ назначенному мѣсту, и предложилъ ему пріѣхать въ главную квартиру. Лористонъ попробовалъ было настаивать, Кутузовъ возобновилъ свой отказъ. Дѣлать было нечего. Лористонъ прибылъ въ главную квартиру и съ

[1]) Всѣ эти донесенія, а также рядъ писемъ Вильсона къ лорду Кэтгэрту, Тэрконелю, къ женѣ его въ Лондонъ и др. лицамъ напечатаны въ трудѣ покойнаго академика Н. Ѳ. Дубровина: «Отечественная война въ письмахъ современниковъ, СПБ. 1882».

завязанными глазами его ввели въ комнату, гдѣ ожидалъ Кутузовъ и его генералы. Между ними находился и сэръ Робертъ Вильсонъ. Замѣтивъ его, Лористонъ тотчасъ понялъ, откуда послѣдовала перемѣна.

Въ продолженіе всего времени отступленія великой арміи Вильсонъ не переставалъ укорять Кутузова за его медленность и требовать отъ него болѣе рѣшительнаго образа дѣйствій. Чтобы отдѣлаться отъ его назойливыхъ приставаній, старый фельдмаршалъ высказалъ ему основную мысль, которая имъ руководствовала: «До вашихъ возраженій мнѣ нѣтъ дѣла. Дѣйствительно, я предпочитаю, какъ вы говорите, непріятелю построить золотой мостъ, нежели получить отъ него ударъ. Кромѣ того, я вовсе не убѣжденъ, чтобы гибель Наполеона и его арміи явилась бы такимъ благодѣяніемъ для всего міра. Выгоды отъ сего достанутся не Россіи или другой континентальной державѣ, а той націи, которой уже и безъ того принадлежитъ скипетръ морей, и господство ея съ той минуты сдѣлается невыносимымъ».

Военно-дипломатическая дѣятельность въ 1812 году сэра Роберта Вильсона изложена имъ самимъ въ сочиненіи: «The French Invasion in Russia, by Sir Robert Wilson. Edited by his nephew, the Revt Rondolph, M. A. London, 1860. 2 vls».

Офиціальнымъ представителемъ Англіи въ Петербургѣ былъ лордъ Кэтгэртъ. Онъ сопровождалъ императора Александра I въ его поѣздкѣ въ Або на свиданіе съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ Бернадотомъ. О своей дипломатической дѣятельности въ эту эпоху лордъ Кэтгэртъ оставилъ записки: «Commentaries on the war in Russia in 1812 and 1813, by Colonel the Honourable George Cathart. London, 1850, 8°».

Съ цѣлью погубить Наполеона, враги его старались уронить его въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Но европейскій континентъ находился либо въ прямомъ подчиненіи Наполеона, либо въ косвенной отъ него зависимости. На примѣрѣ книгопродавца Пальма [1]) Наполеонъ показалъ, какое онъ придаетъ значеніе печатному слову и какъ онъ караетъ попытку его дискредитировать. Другой нѣмецкій публицистъ Меркель [2]) долженъ былъ временно прекратить свою дѣятельность и укрыться въ Россію. Единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было безнаказанно говорить про Наполеона, его обличать—былъ Лондонъ. Тутъ, подъ покровительствомъ англійскихъ властей, то и дѣло выпускались всевозможные памфлеты и карикатуры. Особенное усердіе въ этомъ направленіи проявилъ нѣкій Льюисъ Гольдсмитъ, который издавалъ спеціально посвященный развѣнчиванію Наполеона журналъ «Antigallican Monitor and Anticorsican Chronicle».

Въ этомъ листкѣ помѣщались всевозможные грязные навѣты и клеветы на личность Наполеона, его матери, сестеръ, братьевъ и пр. Все это было въ духѣ эпохи, а потому не шокировало англійскую публику, обыкновенно столь чопорную.

Большую популярность пріобрѣлъ въ Англіи донской атаманъ Платовъ. Извѣстно, что Платовъ не считалъ нужнымъ скрывать глубокой ненависти къ французамъ. Журналъ «Anticorsican Chronicle» сообщаетъ, будто бы Платовъ объявилъ Наполеона внѣ закона, назначилъ 200 тыс. руб. награды тому казаку, который убьетъ или приведетъ плѣннымъ французскаго императора и, вдобавокъ, если казакъ пожелаетъ, обѣщалъ ему руку своей дочери.

Извѣстна англійская гравюра, изображающая дочь гр. Матвѣя Ивановича съ надписью: «Miss Platoff. Daughter of the Hetman Platoff. The Lady of 50.000 Crowns to her fortune, offered as a reward for bringing in Bonaparte, dead or alive» [3]).

Допустить, какъ мы теперь дѣлаемъ, что Наполеонъ стремился избавить Европу отъ морского засилія Англіи и что всѣ его войны были логическими послѣд-

---

[1]) Іоганъ-Филиппъ Пальмъ, нюренбергскій книгопродавецъ-издатель, въ 1806 году казненъ Наполеономъ въ Браунау за изданную имъ книгу подъ загл.: «Deutschland in seiner tiefen Erniederung».

[2]) Гартлибъ Меркель—сынъ лифляндскаго пастора. Писатель-публицистъ Въ 1812 году издавалъ въ Дерптѣ журналъ «Зритель», направленный противъ Наполеона.

[3]) Прекрасный экземпляръ этой гравюры въ краскахъ (изъ собранія И. Д. Орлова) находится на выставкѣ, устроенной Петербургскимъ кружкомъ любителей изящныхъ изданій весною 1812 г.

ствіями этого основного положенія, англичане, разумѣется, не могли. Вѣдь это съ ихъ стороны было бы равносильно признанію, что захваченная ими морская монополія является тяжелымъ бременемъ для экономическаго развитія народовъ Европы, а, слѣдовательно, желая сбросить это бремя, Наполеонъ отстаивалъ интересы европейской самобытности. Наоборотъ, въ литературѣ предмета англичане стараются выставить Наполеона тираномъ и честолюбцемъ, а себя—благородными и безкорыстными ратоборцами за независимость угнетенной Европы. Именно эту точку зрѣнія развиваетъ сэръ Вальтеръ-Скоттъ въ сочиненіи своемъ: «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французовъ» [1]. Личности Наполеона сэръ Вальтеръ-Скоттъ даетъ слѣдующую характеристику:

«...Эгоизмъ, управлявшій всѣми его поступками,—хотя и подчиненный отличному его уму и старанію сохранить вліяніе на духъ общественный, — способствуя успѣху большей части его предпріятій, подъ конецъ причинилъ ему, однакоже, болѣе зла, чѣмъ добра, ибо онъ внушилъ ему самые отчаянные замыслы и былъ источникомъ самыхъ непростительныхъ его поступковъ...

Вальтеръ-Скоттъ.

«...Черезъ его безпрерывныя посягательства народъ потерялъ и свободу, которую представляло ему прежнее правительство, и всѣ преимущества, пріобрѣтенныя имъ революціею. Политическія права, частныя выгоды, церковная собственность, успѣхи воспитанія, наукъ и искусствъ,—все было захвачено его правительствомъ. Франція сдѣлалась огромною арміею, подъ неограниченнымъ начальствомъ военнаго предводителя, неподчиненнаго никакой власти и отвѣтственности.

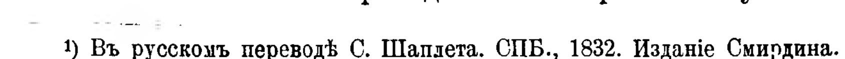
«...Слѣдствіемъ непростительныхъ посягательствъ французскаго императора были убійства, пожары и всякаго рода бѣдствія, порождаемыя честолюбіемъ одного человѣка, который, нимало не раскаиваясь въ безчисленныхъ невзгодахъ, имъ причиненныхъ, напротивъ того, оправдывалъ оныя и ими гордился. Это честолюбіе столь же ненасытное сколь и неисцѣлимое, оправдывало дѣйствія Европы, которая предала его заточенію, какъ бѣшенаго, коего слѣпая ярость устремилась не противъ одного человѣка, но противъ всего цивилизованнаго міра.

«...Система его правленія была до чрезвычайности лжива. Она заключала въ себѣ рабство Франціи и клонилась къ покоренію цѣлаго свѣта». (Томъ 14, стр. 151, 152, 153, 166, 179.)

Хотя болѣе объективно, но въ томъ же духѣ узкаго торизма, написано другое капитальное произведеніе объ эпохѣ Наполеона: Alison. History of Europe from the commencement of the French Revolution to the Restoration of the Bourbons. London, 1841, 10 vls.

Про книгу Алисона было сдѣлано остроумное замѣчаніе: «Торійское усердіе автора заходитъ такъ далеко, что онъ даже божественный Промыслъ причисляетъ къ торійской партіи».

Итакъ, англичане были заинтересованы въ томъ, чтобы затушевать дѣйствительный смыслъ наполеоновской эпохи. Заслуга всесторонняго выясненія значенія дѣятельности Наполеона принадлежитъ американскому писателю капитану Мэхэну.



[1] Въ русскомъ переводѣ С. Шаплета. СПБ., 1832. Изданіе Смирдина.

Въ классическомъ своемъ трудѣ «The influence of sea Power upon French Revolution and Empire. London, 1893»[1]) Мэхэнъ указалъ, что главною основою предпріятія Наполеона I было стремленіе лишить Англію морской ея гегемоніи.

Какъ выяснилось на опытѣ, цѣль эта сама по себѣ была недостижима. Но задачу эту Наполеонъ себѣ не создалъ, а получилъ ее уже готовою отъ директоріи, которая, въ свою очередь, унаслѣдовала ее отъ монархіи. Наполеонъ былъ бы не прочь избавиться отъ выполненія задачи, т.-е. войти съ Англіею въ компромиссъ. Но Англія компромисса не желала и, вслѣдствіе этого, ему ничего не оставалось, какъ «итти на va banque», т.-е. вести борьбу до конца.

Говорятъ, что Наполеона погубило честолюбіе, что оно ослѣпило его и не дало остановиться во-время. Но гдѣ же, именно, спросимъ мы, былъ подходящій моментъ остановки? Передъ Аустерлицемъ, Бородинымъ или Лейпцигомъ? Когда бы онъ ни остановился, это было бы равносильно для Наполеона признанію себя побѣжденнымъ, а тогда враждебные ему элементы, руководимые Англіею, почувствовали бы за собою силу и не только не ослабили, но еще усилили бы противъ него напоръ.

Тутъ слѣдуетъ не смѣшивать двухъ понятій. Послѣ неудачной кампаніи 1812 г. Наполеонъ прожилъ 9 лѣтъ. Предположимъ еще, что, послѣдовавъ благоразумнымъ совѣтамъ Коленкура, онъ отказался бы отъ несчастной мысли похода противъ Россіи. Въ такомъ случаѣ континентальной системѣ наступилъ бы конецъ. Движеніе товаровъ изъ Англіи направилось бы въ Германію обходомъ черезъ Россію и Польшу. Надежда смирить Англію путемъ торговаго запрета исчезла бы окончательно. Но въ силу послѣдовательныхъ побѣдъ и завоеванія у Наполеона былъ въ запасѣ огромный капиталъ могущества, на которомъ, откупаясь и дѣлая уступки, Наполеонъ въ состояніи былъ свободно продержаться на тронѣ и, такимъ образомъ, благополучно миновать оба этапа паденія: Эльбу и св. Елену.

Но если бы, подчиняясь голосу житейскаго благоразумія, отъ наступленія Наполеонъ перешелъ къ пассивной оборонѣ, въ видѣ балласта, выбрасывая за бортъ то или другое завоеваніе, онъ былъ бы обыкновеннымъ смертнымъ, а не величайшимъ полководцемъ современной исторіи. Каждый день онъ бы видѣлъ, какъ таяло его могущество. Поступать такъ значило бы отречься отъ основной задачи. Между тѣмъ Наполеонъ стремился на прочныхъ основаніяхъ положить начало своей династіи. «Я бы могъ остановиться, только если бы я родился на тронѣ», объяснялъ Наполеонъ свой образъ дѣйствій приближеннымъ, совѣтовавшимъ ему благоразуміе. Ему, сыну рока, предстоялъ одинъ исходъ: побѣдить или пасть.

Военно-государственная дѣятельность Наполеона отъ начала и до конца есть логическое развитіе одной мысли, одна схема, въ которую ничего нельзя вставить и откуда ничего нельзя выбросить.

«Вѣчная слава Питта,—такъ заканчиваетъ капитальный трудъ свой Мэхэнъ—заключается въ томъ, что, опредѣливъ цѣль—«безопасность» (Великобрит.), онъ указалъ и на средства—«истощеніе», посредствомъ коего долженъ былъ быть положенъ предѣлъ французской агрессивности. Онъ ясно передъ собою различалъ путь дѣйствій Великобританіи, онъ предвидѣлъ направленіе событій, онъ предсказалъ ихъ конецъ. Но какъ дологъ будетъ этотъ путь, какія послѣдуютъ замедленія и насколько будетъ отсроченъ исходъ — этого предсказать онъ былъ не въ силахъ, ибо онъ человѣкъ, который не могъ бы обнять величіе генія Наполеона Бонапарта».

Книга Мэхэна имѣла въ Англіи огромный успѣхъ. Крупнѣйшее литературное событіе, epoch making work, таковъ былъ о ней всеобщій отзывъ. Когда авторъ прибылъ въ Лондонъ, онъ былъ предметомъ общественнаго вниманія и оваціи. Правда, онъ польстилъ національному самолюбію повелителей морей, англичанъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ въ глазахъ прочихъ народовъ подчеркнулъ значеніе морской гегемоніи Англіи и обнаружилъ, что борьба съ нею Наполеона была отнюдь не проявленіемъ индивидуальнаго честолюбія, но таила въ себѣ глубокую, хотя, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, непосильную, а, слѣдовательно, недостижимую цѣль.

---

[1]) „Вліяніе морской силы на французскую революцію и Имперію“ — въ русскомъ переводѣ Азбелева. Спб. 1898 г.

Вслѣдъ Мэхэну появились на англійскомъ языкѣ сочиненія, въ которыхъ Наполеону производится болѣе справедливая оцѣнка. Упомянемъ про весьма обстоятельное и талантливое сочиненіе: O'Connor Morris. Napoleon Warrior and Ruler and the military suprevotyof Revolutionary France. London, 1893.

Авторъ указываетъ, что, хотя въ то время, какъ писалъ свое сочиненіе, книга Мэхэна еще не появилась, тѣмъ не менѣе, онъ счастливъ былъ удостовѣриться, что выводы его и Мэхэна совершенно тожественны.

Затѣмъ, The Cambridge modern history, planued by Lord Acton, Professor of modern history Napoleon, 1907.

Изложеніе означенной книги объективное и научное. Обстоятельство, что Наполеонъ былъ врагомъ этой страны, заявляютъ ея составители, не должно затмевать намъ, англичанамъ, дѣйствительнаго его величія [1]).

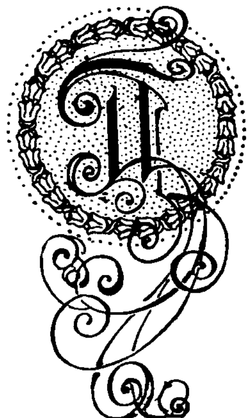
Большое гражданское мужество проявилъ бывшій премьеръ и лидеръ, либералъ партіи, лордъ Розберри, который въ сочиненіи, посвященномъ пребыванію Наполеона на островѣ св. Елены («Napoleon the last Phase», 1900), рѣшился высказать тюремщикамъ Наполеона сэру Гудзонъ Лоу и лорду Бэтгерсу полное осужденіе. Всѣ мѣры, которыя англійское правительство принимало, чтобы помѣшать «побѣгу» Наполеона, были безцѣльны. Наполеону бѣжать было некуда. Вездѣ бы онъ былъ либо схваченъ полицейскимъ флотомъ коалиціи, либо убитъ подосланными агентами Бурбоновъ. Онъ это понималъ и упорно отвергалъ всякія искушенія побѣга. Кромѣ того. онъ разсчитывалъ—событія доказали, что онъ былъ правъ,—что самое его мученичество послужитъ интересамъ его династіи.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ страсти успокаиваются, историческое изслѣдованіе вершитъ безпристрастное свое дѣло. Въ его нелицепріятномъ освѣщеніи Наполеонъ уже не тотъ отчаянный авантюристъ и честолюбецъ, коимъ его изображали враждебные ему современники, а несчастный полководецъ, Ганнибалъ нашихъ дней, который, напрягая всѣ силы величайшаго генія въ борьбѣ съ невозможнымъ, потерпѣлъ крушеніе. Его судьба столь же возвышенна и трагична, какъ и роковая доля знаменитаго карѳагенскаго героя.

К. Военскій.

V. Отечественная война въ русской исторической литературѣ.

В. П. Алексѣева.



Полная и строго научная исторія Отечественной войны, несмотря на истекшее столѣтіе ея, еще впереди. Въ настоящее время для такой работы нѣтъ на-лицо ни исчерпывающей полноты матеріала, ни предварительной критической обработки его. Это не значитъ, что русская историческая наука до сихъ поръ мало удѣляла вниманія Отечественной войнѣ, или что до нашихъ дней не появилось сколько-нибудь крупныхъ работъ, посвященныхъ интересующей насъ эпохѣ. Наоборотъ, перечень сочиненій по исторіи Отечественной войны по подсчету, сдѣланному извѣстнымъ участникомъ и исторіографомъ ея Липранди, уже въ 1874 году достигалъ 400 и среди нихъ, на ряду съ литературнымъ хламомъ, найдутся, несомнѣнно, заслуживающіе вниманіе труды. А послѣ «каталога» Липранди появились новыя работы. Но за столѣтіе, отдѣляющее насъ отъ событій 12-го года, исторіографія Отечественной войны не осво-

[1]) Тѣмъ же объективизмомъ проникнуты и послѣднія общія крупныя работы о Наполеонѣ, вышедшія въ Англіи: Слоана («Napoleon a history», 4 т. 1899—97), конфузливо опрадывающая Англію въ ея поведеніи съ врагомъ, и Дж. Голландца Роза (Phe lite uf Napoleon, 2 т., 3 изд. 1905). *Ред.*

бодилась еще окончательно отъ ложныхъ взглядовъ на эту эпоху, отъ своего рода предразсудковъ и не стала вполнѣ на научную почву.

Война 1812 года въ исторіи Россіи занимаетъ совершенно исключительное мѣсто. Русскому государству грозило тогда подчиненіе иноземному владычеству, и русскій народъ долженъ былъ отстаивать свою политическую независимость. Неудача въ данномъ случаѣ могла повергнуть его въ отчаяніе. Изгнаніе французовъ и торжество Россіи надъ Наполеономъ и произвело эффектъ удачи. Затронувъ національныя и патріотическія чувства въ современникахъ, событія Отечественной войны оставили въ душѣ ихъ сознаніе подвига, совершоннаго русскимъ народомъ въ эту годину, и, такъ сказать, торжества русскаго генія надъ геніемъ мірового полководца. Ожидать отъ современниковъ, которые принимали непосредственное участіе въ войнѣ, отстаивали собственной грудью отечество или, во всякомъ случаѣ, раздѣляли сопряженныя съ войной жертвы и лишенія, критическаго отношенія къ эпохѣ было бы, конечно, невозможно. И вполнѣ естественно, что война 1812 г. въ представленіи современниковъ окружалась ореоломъ, мыслилась ими и представлялась не иначе, какъ въ лучезарномъ свѣтѣ, была для нихъ героическимъ моментомъ русской исторіи, событіемъ въ родѣ, напримѣръ, троянской или греко-персидской войны. Жуковскій въ «Пѣвцѣ въ станѣ русскихъ воиновъ» лучше всего передалъ это приподнятое настроеніе современниковъ войны 12-го года и героическое представленіе о тогдашнихъ событіяхъ. Не даромъ это стихотвореніе пользовалось въ свое время огромнымъ успѣхомъ.

А. И. Михайловскій-Данилевскій.

Но такое представленіе о войнѣ 12-го г. и отношеніе къ событіямъ этой эпохи перешло отъ современниковъ и къ ближайшему поколѣнію, уже имѣвшему время и возможность разобраться въ событіяхъ и отнестись къ нимъ критически. Въ концѣ-концовъ, событія 12-го года обволоклись какимъ-то туманомъ національно-патріотическихъ чувствъ, который не могли разсѣять даже начавшія появляться записки и мемуары русскихъ и иностранныхъ участниковъ войны, и отношеніе къ этой войнѣ въ духѣ національзма и специфическаго патріотизма сдѣлалось традиціоннымъ. Иное отношеніе могло навлечь подозрѣніе въ преданности отечеству и, какъ всегда, правительству. Если даже Бѣлинскій, сложившій дифирамбъ Отечественной войнѣ и ея участникамъ и слившій русскій народъ съ русскимъ монархомъ, отдалъ дань требованіямъ времени, то, стало быть, эти требованія были сильны.

Эта національно-патріотическая традиція и составляетъ главное препятствіе для научной исторіи Отечественной войны. Первыя работы по исторіи Отечественной войны народятся всецѣло во власти названной традиціи. Липранди, Бутурлинъ, Михайловскій-Данилевскій, Богдановичъ и др. — кто въ большей, кто въ меньшей степени, но одинаково историки-националисты, историки-патріоты.

Для характеристики и оцѣнки этого направленія въ исторіографіи Отечественной войны нѣтъ надобности останавливаться на всѣхъ его представителяхъ. Можно ограничиться наиболѣе крупными изъ нихъ — Михайловскимъ-Данилевскимъ, которому принадлежитъ «Описаніе Отечественной войны», и Богдановичемъ, авторомъ «Исторіи Отечественной войны 1812 года».

О работахъ Михайловскаго-Данилевскаго и Богдановича надо прежде всего сказать, что онѣ написаны «по Высочайшему повелѣнію». Правительство нашло, что Отечественная война должна быть занесена на скрижали русской исторіи, какъ выдающееся событіе и притомъ въ цѣляхъ назиданія потомству и прославленія руководителей войны и главнаго руководителя Россіи того времени. Значитъ, предъ авторами стояло опредѣленное заданіе—написать исторію войны 12-го года ad maiorem gloriam ея участниковъ и Александра I. Другими словами, къ тяготѣвшей надъ ними національно-патріотической традиціи присоединилось еще опредѣленное офиціальное порученіе въ такомъ же духѣ. Правительство при этомъ не ограничилось пассивной ролью, не предоставило авторамъ свободы дѣйствій. Императоръ Николай I захотѣлъ быть редакторомъ книги Михайловскаго-Данилевскаго. По мѣрѣ написанія она представлялась царю и тотъ читалъ ее и дѣлалъ соотвѣтствующія замѣчанія и поправки. Соображенія, которыми при этомъ руководился Николай I, не лишены интереса. Напримѣръ, онъ замѣтилъ, что «не надо помѣщать приказа, отданнаго при переходѣ арміи на правый берегъ Двины, потому, что хотя приказъ и сдѣланныя мною (авторомъ) замѣчанія на него справедливы, но неприлично помѣщать приказа потому, что тогда при арміи находился императоръ Александръ» («Русск. Ст.», 1900 г., іюнь, 587). Кромѣ собственныхъ исправленій, Николай I высказалъ Михайловскому-Данилевскому свои пожеланія про описанія Отечественной войны, которыя въ точности были выполнены авторомъ. «Вообще, по его собственнымъ словамъ, въ книгѣ уничтожено все, что могло бы подать поводъ къ пересудамъ иностранцевъ, было бы слишкомъ невыгодно для памяти нѣкоторыхъ генераловъ или слишкомъ хвалебно для другихъ» (ibidem). Въ результатѣ совмѣстныхъ трудовъ военнаго генерала и императора получилась работа, удовлетворительно разрѣшившая свою задачу. По крайней мѣрѣ, высочайшій рескриптъ на имя Михайловскаго-Данилевскаго свидѣтельствуетъ объ этомъ.

Ген.-лейт. М. И. Богдановичъ.

«Въ твореніи вашемъ, — писалъ царь,—я, къ душевному удовольствію моему, нашелъ столь же вѣрное и точное изложеніе незабвенныхъ событій того времени, сколь живое, пламенное, въ непреложныхъ чувствахъ русскаго сердца почерпнутое описаніе безсмертныхъ подвиговъ императора Александра, непоколебимой его твердости въ дѣлѣ спасенія отечества и высокихъ царственныхъ его добродѣтелей, осѣнявшихъ Россію въ эту годину бѣдствія и славы. Въ чертахъ не менѣе вѣрныхъ переданы вами знаменитые подвиги войска и доблесть народа, безпредѣльная его преданность Престолу, живая любовь къ отечеству» (ibidem, 588).

О составленіи «Исторіи» Богдановича намъ неизвѣстны такія подробности. Но, во всякомъ случаѣ, его миссія была одинакова съ миссіей Михайловскаго-Данилевскаго.

Обоимъ авторамъ были открыты до тѣхъ поръ недоступныя хранилища матеріаловъ, предписано офиціальное содѣйствіе, и оба они дали обѣщаніе написать безпристрастную исторію. По признанію одного, для него «единственнымъ руководствомъ долженствовала быть истина, безъ всякихъ прикрасъ» (Мих.-Дан., 11), по словамъ же другого, его перомъ «водило безпристрастіе и къ своимъ, и къ непріятелямъ» (Богдан., VII). Но рядомъ съ этой декларацiей стала спеціально поставленная авторамъ задача, и истина оказалась принесенной ей въ жертву. Богдановичъ, послѣ обѣщанія написать правдивую исторію войны, сознательно ставилъ

себѣ задачей прежде всего «начертать высокій образъ Монарха... одержавшаго верхъ надъ геніальнымъ противникомъ», и только потомъ уже борьбу народа съ французами (VI). А для Михайловскаго-Данилевскаго: «Вся Отечественная война есть безсмертный памятникъ Благословенному, гимнъ во славу Его...», а самое сочиненіе его «есть не что иное, какъ развитіе великой мысли Александра» о борьбѣ съ Наполеономъ за независимость государствъ. (Полное собраніе сочиненій, т. IV, 10, 12). Посмотримъ теперь, какой же видъ приняла работа офиціальныхъ историковъ при такихъ условіяхъ?

Что касается Михайловскаго-Данилевскаго, то онъ въ высшей степени добросовѣстно выполнилъ возложенное на него порученіе. Употребилъ всѣ силы своего несомнѣннаго литературнаго таланта, чтобы описать войну 12-го года ad maiorem gloriam престола и отечества.

Для автора дѣло представляется чрезвычайно просто. Съ одной стороны, императоръ французовъ Наполеонъ, зарвавшійся въ своихъ властолюбивыхъ и завоевательныхъ стремленіяхъ, заносчиво бросающій вызовъ Россіи и идущій на нее во главѣ разноплеменныхъ полчищъ, съ другой — русскій императоръ Александръ I, великодушный монархъ, мужественно принимающій этотъ вызовъ и смѣло идущій навстрѣчу въ челѣ своего народа. Съ одной стороны, гордыня, презрѣніе къ правамъ людей и народовъ, съ другой стороны, покорность волѣ Бога, истинно христіанское смиреніе и отплата добромъ за зло — освобожденіе Парижа за сожженіе Москвы.

Самая война есть естественный результатъ этой антитезы, этой противоположности. Авторъ знаетъ о континентальной системѣ, о тріанонскомъ тарифѣ. Но полагаетъ, что не въ нихъ сила. «Стоило ли двигать Западъ Европы противъ Россіи только за то, что императоръ Александръ ввелъ новый тарифъ, не прекращалъ торговли съ нейтральными государствами и вступался за права своего родственника, попранныя вопреки смыслу Тильзитскаго договора? То были одни предлоги къ войнѣ—настоящія побужденія заключались въ свойствахъ Наполеона» (т. IV, 32). А свойства эти заключались въ «алчности его къ завоеваніямъ», «ненасытномъ властолюбіи». Испытавъ всѣ миролюбивыя средства, Александръ I не могъ оставить безъ отпора агрессивныя стремленія Наполеона, подчиниться ему. И далъ ему отпоръ.

Такимъ образомъ, въ объясненіи Михайловскаго-Данилевскаго война 1812 года пріобрѣтаетъ характеръ столкновенія двухъ характеровъ, двухъ монарховъ, своего рода единоборства, и личность Александра I выступаетъ на первый планъ. Война, которая, по признанію самого же автора, въ другомъ мѣстѣ была народной, въ которой народъ принималъ большое дѣятельное и сознательное участіе, оказывается личнымъ дѣломъ русскаго императора. Всѣ сопряженныя съ войной несчастія, тяжести, неудачи — личныя испытанія Александра I. Эти испытанія прежде всего волнуютъ автора, и ихъ онъ прежде всего старается выставить на показъ. Однимъ словомъ, война 12-го года — личный подвигъ Александра. Онъ сталъ во главѣ народа, повелъ его противъ Наполеона, и онъ же спасъ отечество отъ иноземнаго владычества. Совершилъ такой подвигъ, «ничего выше» котораго, по словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, «исторія не представляетъ». Отсюда — русскій императоръ въ изображеніи историка является окруженный ореоломъ величія, героизма. Ему приписываются даже несвойственныя ему черты, въ родѣ твердости характера или желѣзной воли, непоколебимости. Онъ—геній добра, орудіе Промысла.

Послѣ этого на долю народа оставалось только выполненіе долга передъ отечествомъ — итти покорно за своимъ монархомъ и отдать все свое достояніе, самую жизнь ради спасенія имъ Россіи. И русскій народъ въ изображеніи Михайловскаго-Данилевскаго выполняетъ это самымъ добросовѣстнымъ образомъ.

Отведя императору Александру I дѣятельную роль въ Отечественной войнѣ и воскуривъ ему ѳиміамъ, онъ обращается къ выполненію второй части своей задачи — ad maiorem gloriam отечества.

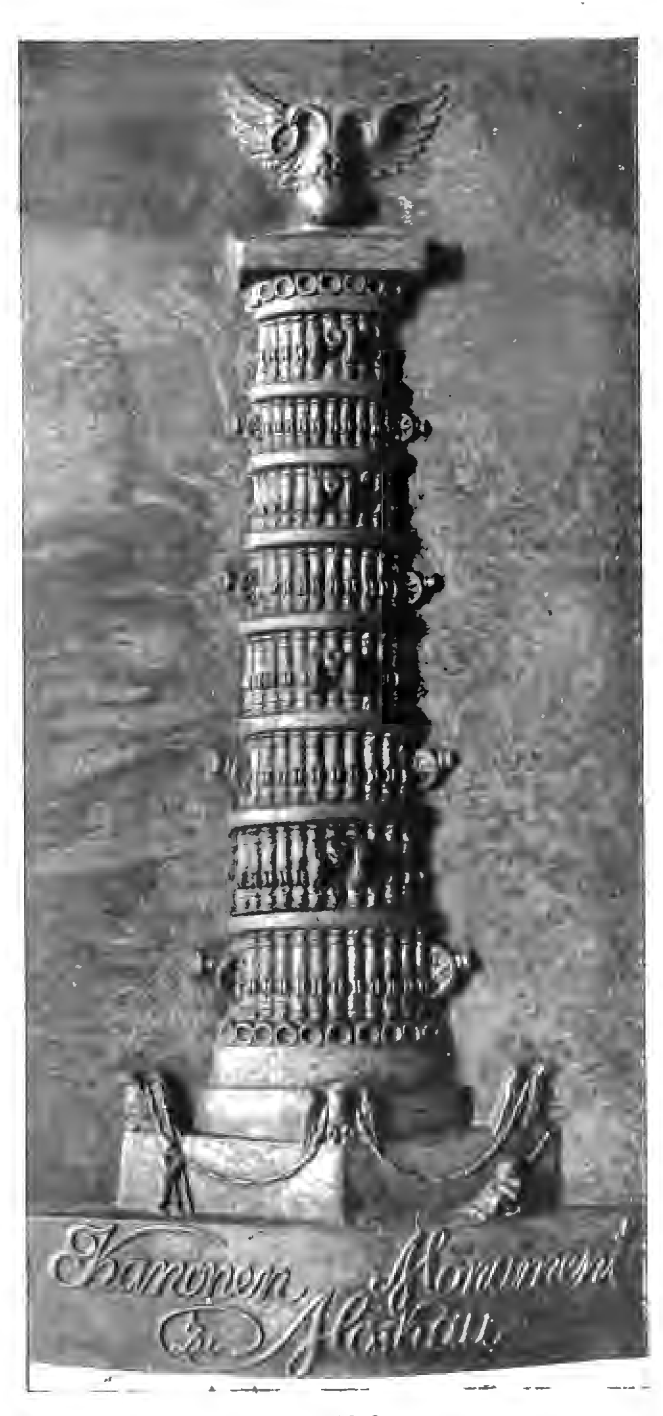
«Вся Россія должна была, — говоритъ авторъ, — ополчиться. Покорная царю, она возстала по его мановенію» (т. IV, 167).

Манифестъ о войнѣ и вооруженіи «обращалъ всѣ умы и сердца къ одному предмету. Каждый, забывъ о собственныхъ дѣлахъ, помышлялъ только о средствахъ

отвратить опасность, угрожавшую отечеству» (309). «При чтеніи нарочно сочиненной молитвы о дарованіи побѣды и священники и міряне заливались слезами» (309). «Не осталось города и селенія, гдѣ не вскипали бы любовью къ отечеству. Ждали только повелѣнія итти поголовно. Всѣ племена неизмѣримой Россійской имперіи слились въ одну душу и, не взирая на различіе нравовъ, обычаевъ, климата, нарѣчія, вѣры, доказали, что всѣ они, по чувствамъ, родные между собою» (321). «Мысли всѣхъ соединялись въ общемъ порывѣ—отстоять цѣлость государства. Но главнымъ двигателемъ было дворянство...» (321). Война была всеобщимъ желаніемъ, «рекрутскіе наборы производились съ неимовѣрнымъ успѣхомъ» (104—105). Эта картина «возстанія русскаго народа», представляющая сама по себѣ величественное зрѣлище, была «тѣмъ еще достославнѣе», что «нигдѣ не были нарушены законы», нигдѣ «не колебалась безусловная покорность властямъ«, «вездѣ царствовалъ какой-то самодѣльный порядокъ» (т. V, 80—81). Въ частности крестьяне обнаружили «самую возвышенную преданность, самое слѣпое повиновеніе и трогательные примѣры привязанности къ помѣщикамъ» (т. IV, 372). Какихъ-либо иныхъ чувствъ въ народной средѣ или въ образованномъ обществѣ въ родѣ чувства самосохраненія, эгоизма, корысти, тѣмъ болѣе недовольства или возмущенія, не наблюдалось. Даже отдача Москвы вызвала лишь жажду мщенія Наполеону (V, 80).

Нарисовавъ такими широкими мазками картину народнаго возстанія, раскрасивъ ее яркими, бьющими въ глаза красками, авторъ переходитъ къ описанію военныхъ дѣйствій. Они собственно и составляютъ центръ тяжести работы Михайловскаго-Данилевскаго. Хотя авторъ въ началѣ своего труда и говоритъ, что онъ будетъ состоять изъ «дипломатической, военной и внутренней», однако вторая часть преобладаетъ надъ первой и третьей. Общественная стихія совершенно не участвуетъ у автора въ событіяхъ 12-го года.

И опять, вѣрный своей миссіи, авторъ заранѣе обезпечиваетъ себѣ свободу дѣйствій — устраняетъ изъ своего труда критическій элементъ. «Критическая военная исторія,—говоритъ онъ,—не была моею цѣлью» (т. IV, 11). Его цѣль—слава русскаго



Проектъ памятника 1812 г изъ пушекъ.

оружія. Отъ критики же слава легко можетъ померкнуть. Зачѣмъ же подвергать себя такой непріятности!

И вотъ подъ перомъ официальнаго историка война 1812 года обращается въ эпопею, можно сказать, сплошныхъ подвиговъ русскихъ генераловъ и русской арміи, побѣдъ въ томъ или другомъ видѣ. Все идетъ съ русской стороны необыкновенно гладко и даже успѣшно. Самыя неудачи русскихъ обращаются какъ-то противъ французовъ и на пользу русскихъ, становятся удачами. «Дороховъ, напримѣръ, отступилъ, но такъ искусно, что, отходя назадъ, разбилъ наголову посланные за нимъ для преслѣдованія 2 эскадрона гвардейскихъ корпусовъ» (V, 11).

Оказывается, Барклай не далъ Наполеону «нигдѣ ни малѣйшей надъ собою поверхности» (V, 20). А Кутузовъ, имя котораго было «судебъ исполнено», «въ четыре мѣсяца одержалъ совершеннѣйшее торжество, о какомъ лѣтописи когда-либо упоминали, промчалъ славу россійскаго оружія въ отдаленнѣйшіе предѣлы свѣта и пріуготовилъ избавленіе Европы» (IV, 394). Оказывается, недостатокъ «въ единоначаліи» былъ не у насъ, а въ станѣ враговъ (370). «Отъ Лубина до Царева-Займища не удалось французамъ ни разу оттѣснить русскій арьергардъ прежде времени, назначеннаго къ нашему отступленію; мы не потеряли ни одного орудія, не бросили ни одной повозки» (388). Смоленскъ «не побѣда предала во временное обладаніе Наполеона». Мы отступили. Но «русскіе отходили назадъ не по принужденію къ отступленію силою, но въ исполненіе воли главнокомандующаго, полководца, что еще не пробилъ часъ общей битвы» (368). «Ни въ одномъ сраженіи Наполеонъ не могъ сдвинуть съ мѣста нашей главной арміи» (V, 479). Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла исчезаетъ · сдача Москвы — вычеркивается изъ русской исторіи крупный фактъ «Итакъ, — заявляетъ авторъ, — сдачи Москвы не было. По праву народному сдача происходитъ на положительныхъ, опредѣленныхъ условіяхъ и соглашеніяхъ. Милорадовичъ просто сказалъ Мюрату: «Истреблю Москву и погибну сражаясь, если вы будете препятствовать моему отступленію». Это не условіе, не соглашеніе, но угроза; слѣдовательно, Москва не была сдана» (т. IV, 502).

Дальше этого въ проявленіи специфическаго патріотизма итти некуда.

Наоборотъ, непріятель пораженъ какимъ-то маразмомъ безсилія. Величайшій изъ полководцевъ Наполеонъ съ самаго начала испытываетъ неудачи, выбивается изъ силъ, падаетъ духомъ, сомнѣвается въ успѣхѣ своего предпріятія. Онъ готовъ заключить миръ, но «презрительное молчаніе» Александра I является отвѣтомъ на предложенія императора французовъ. Онъ кипитъ злобой, пылаетъ мщеніемъ, но всѣ его дѣйствія разбиваются о непоколебимость и спокойствіе русскаго императора.

Промыселъ Божій явно на сторонѣ русскихъ; поднявшаго первымъ оружіе неизбѣжно ждетъ кара неба, и объясненіе всѣхъ неудачъ Наполеона, крушеніе его предпріятія и торжество Александра I надо искать именно въ этомъ. Армію Наполеона постигло полное истребленіе. «Оно было страшно, какъ гнѣвъ Божій, наказующій злодѣянія и святотатство» (V, 431).

Великъ и силенъ Богъ русскихъ и царь ихъ «Благословенный», — такимъ заключительнымъ аккордомъ можно закончить отчетъ о работѣ Михайловскаго-Данилевскаго.

Другой официальный историкъ, Богдановичъ, не пошелъ такъ далеко въ своемъ національно-патріотическомъ усердіи. Онъ даже съ первыхъ строкъ заявляетъ, что хочетъ быть «жрецомъ истины» и критическимъ отношеніемъ къ событіямъ выдѣлить свою работу изъ другихъ. И желаніе это въ данномъ случаѣ не осталось на словахъ. Въ «Исторіи» Богдановича мы, дѣйствительно, имѣемъ въ извѣстной мѣрѣ критическое изслѣдованіе.

Дѣлая подсчетъ и оцѣнку силъ, готовившихся вступить въ бой, онъ, не смущаясь официальностью своего порученія, указываетъ въ противоположность Михайловскому-Данилевскому, опровергающему это, на извѣстную неподготовленность русскихъ. Переходъ Наполеона черезъ Нѣманъ былъ для насъ неожиданностью, и отсюда наши дѣйствія «были нерѣшительны и несвоевременны» (I, 133). Богдановичъ анализируетъ каждое движеніе воюющихъ сторонъ, подробно останавливается на каждой битвѣ и выясняетъ преимущества и недостатки позиціи каждой стороны,

наконецъ обѣимъ воздаетъ по заслугамъ. Отмѣчая подъемъ духа народнаго въ Россіи, щедрость пожертвованій, выставленіе ополченій, мужество и героизмъ русскихъ войскъ, онъ въ то же время не замалчиваетъ жалкаго обмундированія ополченцевъ. Онъ посягнулъ даже на національное «святая святыхъ» двѣнадцатаго года — Бородино. Дерзнулъ уличить Кутузова во лжи — въ утвержденіи, что непріятелю не было уступлено ни пяди земли, тогда какъ русскіе на самомъ дѣлѣ оставили всѣ свои позиціи.

Такое, т.-е. критическое, отношеніе Богдановича къ военнымъ дѣйствіямъ составляетъ несомнѣнное преимущество его работы передъ книгой Михайловскаго-Данилевскаго.

Но, что мы считаемъ достоинствомъ, то раньше считалось крупнымъ недостаткомъ. Современные Богдановичу критики усмотрѣли въ его книгѣ нарушеніе установленнаго традиціей отношенія къ Отечественной войнѣ. По мнѣнію Липранди и А., разбиравшихъ «Исторію» Богдановича, задача исторіи вообще, а Отечественной войны въ особенности,—прославленіе дѣяній предковъ въ назиданіе потомкамъ. Историкъ Отечественной войны долженъ тщательно собрать всѣ подвиги участниковъ войны и повѣдать о нихъ читателю и отнюдь не выставлять на показъ промаховъ, тѣмъ болѣе осуждать ихъ.

Тарутино.

Своей критикой и пропусками подвиговъ Богдановичъ измѣнилъ традиціи по мнѣнію критиковъ, и за это они дѣлаютъ ему строгій выговоръ. Они входятъ въ положеніе живыхъ еще участниковъ войны, которые, прочитавъ книгу Богдановича, не найдутъ въ ней описанія своихъ подвиговъ. Но самое сильное негодованіе въ критикахъ вызываетъ освѣщеніе Богдановичемъ московскаго пожара.

По словамъ А., Москву сознательно сожгли жители ея и тѣмъ самымъ «принесли великую искупительную жертву своего народнаго величія и славы» («Чтенія», 1866 г., III, 199). Такого же взгляда и Липранди. И вдругъ оказывается, что, по словамъ Богдановича, городъ сожгли бездомные бродяги и грабители и на мѣстѣ подвига — преступленіе, поджогъ. «Этимъ авторъ, — говоритъ А., отнимаетъ у россіянъ не только честь пожертвованія, но даже и любовь къ отечеству» (201). Липранди не находитъ словъ для осужденія такого посягательства на доброе имя россіянъ. Недопустимо «называть бродягами и преступниками тѣхъ изъ русскихъ, которые жгли Москву, находясь среди французовъ, и совершенно голословно уничтожать патріотизмъ москвичей въ дѣлѣ сожженія своей столицы. Слава этого подвига переживетъ всѣ естественныя измѣненія во взглядахъ и убѣжденіяхъ; она во всѣ вѣка будетъ питать героевъ и вѣрныхъ гражданъ любовью къ славѣ и самопожертвованіямъ на пользу отечеству. Ни одинъ изъ историческихъ пожаровъ не отражается такимъ величественнымъ заревомъ въ сумракѣ вѣковъ, какъ пожаръ Москвы въ 1812 году». («Чтенія общества исторіи и древностей россійскихъ», 1869, I). Липранди приписываетъ такое отношеніе автора къ событіямъ Отечественной войны пристрастію къ иностраннымъ историкамъ и скорбитъ душой по этому поводу. «Больно видѣть, — говоритъ онъ, — какъ «Исторія Отечественной войны 1812 года» ищетъ разочаровывать полувѣковое утвердившееся мнѣніе о лицахъ, которыхъ, въ

особенности мы, свидѣтели ихъ подвиговъ, привыкли чтить: Кутузова, Барклая, Багратіона, Беннигсена, Ростопчина, Милорадовича и т. п.» (171).

Если несогласное съ традиціей освѣщеніе московскаго пожара дало поводъ критикѣ заподозрить Богдановича въ отсутствіи патріотизма, то вопросъ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ и объ избіеніи французами плѣнныхъ едва ли не бросаетъ на него тѣнь въ недостаткѣ національзма, въ сочувствіи французамъ. Липранди не понимаетъ, какъ Богдановичъ могъ лишь вскользь коснуться этихъ двухъ важныхъ эпизодовъ. А попытка опроверженія ихъ приводитъ его въ негодованіе. «Зачѣмъ искать смывать два грязныя пятна съ врага нашего и, взамѣнъ этого молчанія, безъ ссылокъ (ибо таковыхъ и нѣтъ), а собственнымъ авторитетомъ, густо набрасывать черную краску на многіе дивные подвиги патріотизма, а о другихъ, включенныхъ уже въ исторію, вовсе умалчивать» (190).

Малоярославецъ.

Эта суровая отповѣдь Богдановичу со стороны современной критики чрезвычайно характерна для разсматриваемаго нами направленія. Потому мы ее и привели.

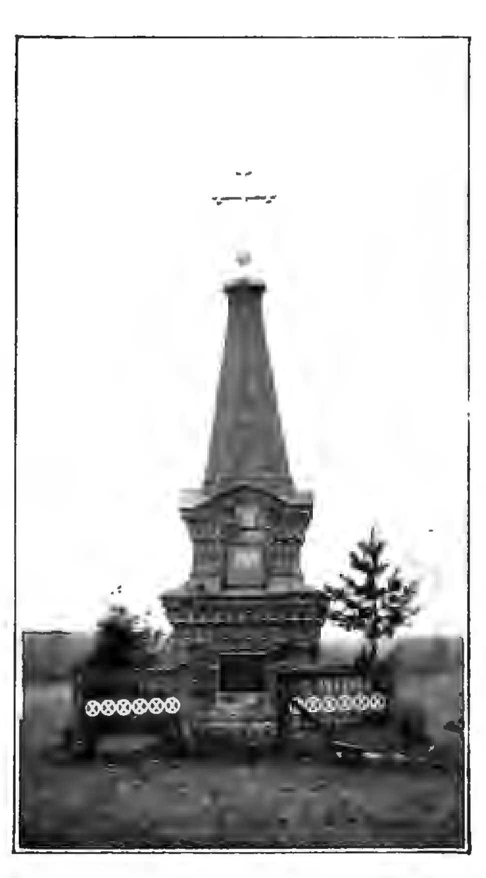
Въ объясненіи причинъ войны 1812 года Богдановичъ тоже сравнительно съ Михайловскимъ-Данилевскимъ подошелъ ближе къ наукѣ. Онъ подчеркиваетъ экономическія осложненія предъ войной. Но дальше подчеркиванія, однако, не идетъ. У него, какъ у автора «описанія», равноправное мѣсто рядомъ съ «континентальной системой» занимаетъ «ольденбургскій вопросъ». А главное, Богдановичъ, подобно своему предшественнику, увлекается личною ролью Александра въ войнѣ, и отсюда война 1812 года пріобрѣтаетъ у него тоже личный характеръ. Мы опять видимъ Александра, «въ челѣ своего народа» принимающаго вызовъ Наполеона, покорно подвергающаго себя «испытанію, ниспосланному Промысломъ», совершающаго личный «подвигъ» вступленіемъ въ войну съ Наполеономъ. И снова безсмертная заслуга его передъ современниками и вѣчная слава въ потомствѣ за спасеніе Россіи (I, 87, II, 329).

Неудачу предпріятія Наполеона Богдановичъ объясняетъ особыми условіями войны. Наполеонъ привелъ съ собою разноплеменную армію, которая «могла одерживать побѣды подъ начальствомъ великаго полководца, но не была въ состояніи переносить труды и невзгоды тяжелаго похода» (III, 393—394). Наполеонъ и хотѣлъ насъ вызвать на генеральное сраженіе, чтобы однимъ ударомъ кончить кампанію. И только осмотрительность Барклая разстроила эти расчеты и затянула къ выгодѣ русскихъ войну. А потомъ, когда Наполеонъ вошелъ въ Москву, обстоятельства измѣнились, рѣшающая роль перешла къ русскимъ и конецъ могъ бы наступить очень скоро. Но «несвоевременная осторожность» обоихъ полководцевъ опять затянула дѣло. Ни тотъ, ни другой не хотѣли рисковать своими арміями.

Въ этихъ обстоятельствахъ извѣстное объясненіе провала Наполеона. Но центръ тяжести, ключъ къ объясненію провала не въ нихъ, а въ другомъ. «Предпріятіе

Наполеона рушилось не столько отъ вліянія его ошибокъ въ военномъ отношеніи, сколько отъ невѣрной оцѣнки относительнаго положенія обѣихъ воевавшихъ сторонъ» (407). Наполеонъ не оцѣнилъ характера Александра I, его твердость и непоколебимость. И за это поплатился. Ошибся въ своихъ расчетахъ Наполеонъ и относительно русскаго народа, ошибся въ его монархическихъ чувствахъ. По мнѣнію Богдановича, при большей дальновидности французскаго императора дѣла приняли бы иной оборотъ.

«Если бы Наполеонъ оцѣнилъ вполнѣ и силу воли императора Александра I, и превосходныя свойства народа, неизмѣннаго въ вѣрѣ къ Богу, преданности къ царямъ своимъ и якобы къ родинѣ, то не нарушилъ бы мира съ Россіей» Если тѣмъ не менѣе это произошло, то такъ судилъ Богъ. «Но Всевышній Промыслъ судилъ, чтобы наше отечество принесло несмѣтныя жертвы въ защиту собственной независимости и озарилось послѣ тяжкаго испытанія новою славою, содѣйствуя освобожденію угнетенныхъ народовъ» (III, 407—408).


Медынь.

Выходитъ, что, сдѣлавъ шагъ въ сторону науки, Богдановичъ тотчасъ же дѣлаетъ нѣсколько шаговъ въ противоположную сторону. Естественныя причины и результаты войны 1812 г. отступаютъ на задній планъ, и доминирующее положеніе занимаетъ Провидѣніе.

Общественная сторона войны не нашла себѣ мѣста у Богдановича. Она мало его интересовала, не входила въ его планы и пониманіе своей задачи, и онъ оставилъ ее въ тѣни. Его цѣль—изображеніе войны, и потому его исторія, такъ же какъ и Михайловскаго-Данилевскаго, военная, съ тою лишь разницею, что первый устранилъ элементъ критики, а второй ввелъ его.

Эта военная исторія двѣнадцатаго года съ небольшой долей критическаго элемента и есть тотъ не особенно цѣнный вкладъ, который сдѣлало національно-патріотическое направленіе въ исторіографію Отечественной войны.

Благодаря работамъ военныхъ историковъ-патріотовъ, отчетъ о военныхъ дѣйствіяхъ, реляція была дана и притомъ пріятная для русскаго сердца. Историческій же смыслъ войны 1812 года остался нераскрытымъ. За раскрытіе его взялись неофиціальные представители уже другого направленія въ исторіографіи Отечественной войны—научнаго. Къ этому направленію намъ и слѣдовало бы теперь обратиться. Но, такъ сказать на перепутьи между обоими направленіями стоитъ работа (вышедшая въ 80-хъ годахъ), проф. Надлера «Императоръ Александръ I и идея Священнаго союза». Она занимаетъ именно промежуточное положеніе между національно-патріотическимъ и научнымъ направленіемъ. Съ первымъ ее сближаетъ замѣченное нами и у офиціальныхъ историковъ теологическое объясненіе событій. При этомъ то, что Михайловскимъ-Данилевскимъ и Богдановичемъ брошено вскользь, у Надлера превращается въ цѣлую теорію, міросозерцаніе автора. Точкой соприкосновенія со вторымъ направленіемъ служитъ научный анализъ и оцѣнка событій 1812 года.

Въ своей книгѣ Надлеръ какъ бы реализуетъ свое политическое credo, провѣряетъ свою историческую концепцію.

Общественная жизнь народовъ, по мнѣнію автора, движется не грубыми только матеріальными силами. На ходъ ея можетъ оказывать вліяніе и моральная сила.

«И въ исторіи человѣчества даже извѣстна практическая попытка организовать международныя отношенія на чистыхъ началахъ христіанской нравственности». Эта попытка принадлежитъ Александру I и заключается въ устройствѣ по его иниціативѣ «Священнаго союза» европейскихъ державъ, который и составляетъ цѣль изслѣдованія Надлера. Но создать подобную организацію могъ не тотъ Александръ, котораго мы знаемъ въ началѣ его царствованія, а тотъ, какимъ онъ сталъ послѣ Отечественной войны и заграничныхъ походовъ. Другими словами, для Священнаго союза необходимъ былъ предварительно переворотъ въ душѣ Александра, нравственнаго перерожденія или, какъ выражается Надлеръ, «преображеніе» его изъ прежняго человѣка въ новаго. Такое «преображеніе» произошло съ Александромъ подъ вліяніемъ событій войны 1812 года. Слѣдовательно, между послѣдними и Священнымъ союзомъ существуетъ тѣсная зависимость. Поэтому изслѣдованію Священнаго союза неизбѣжно должно предшествовать изученіе Отечественной войны. Два тома книги Надлера и посвящены войнѣ 1812 года. Война описывается здѣсь подробно и обстоятельно. Но центральный интересъ автора тяготѣетъ не къ войнѣ, а къ душевной драмѣ Александра. Война ему нужна для того, чтобы раскрыть предъ читателемъ преображеніе императора.

Наполеонъ и Александръ—по существу антиподы. Первый—представитель революціоннаго начала въ политикѣ съ его равенствомъ, нивеллировкой всѣхъ національностей и всѣхъ слоевъ, человѣкъ, не признававшій ничего святого, возведшій ложь, обманъ и насиліе въ систему, деспотъ, поработитель. Второй — поборникъ національной самобытности, свободы, обезсмертившій свое имя дѣлами мира и любви, религіозная натура. Но поначалу и Александръ—сынъ своего вѣка, зараженный теоріями энциклопедистовъ и дѣятелей французской революціи, такой же космополитъ и матеріалистъ, какъ Наполеонъ, деистъ. Отсюда его увлеченіе либеральными преобразованіями въ Россіи и дружба съ французскимъ императоромъ. И только послѣ онъ превращается въ прямую противоположность Наполеону. Это происходитъ съ Александромъ не сразу, а постепенно.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій Александръ находился всецѣло во власти чисто матеріалистическихъ соображеній и расчетовъ, остается воспитанникомъ Лагарпа и другомъ Польши, потворщикомъ іезуитовъ, царемъ, далекимъ отъ народа и чуждымъ ему. Но крушеніе этихъ расчетовъ, военныя неудачи и успѣхи непріятеля производятъ перемѣну въ настроеніи императора. Онъ разочаровывается въ своихъ прежнихъ планахъ и видахъ и начинаетъ искать новыхъ рессурсовъ, иныхъ точекъ опоры. Съ ходомъ военныхъ дѣйствій этотъ душевный переломъ нарастаетъ все болѣе и послѣ взятія и сожженія Москвы достигаетъ своего апогея и разрѣшается перерожденіемъ Александра.

Съ разрѣшеніемъ душевнаго кризиса Александра начинается переломъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Война, удачная до сихъ поръ для Наполеона, обрашается противъ него. Военное счастье переходитъ на сторону русскихъ. Предпріятіе Наполеона рушится, и Россія не только избавляется отъ иноземнаго владычества, но избавляетъ отъ него всю Европу. И произошло это именно въ связи съ преображеніемъ Александра.

Поворотъ въ военныхъ дѣйствіяхъ наступилъ послѣ занятія русскими Тарутина. «Два момента пріобрѣтаютъ въ это время рѣшающее вліяніе на исходъ борьбы: это фланговое положеніе, занятое русскою арміею по отношенію къ Москвѣ и непріятелю, и непонятная, на первый взглядъ, хотя и достаточно мотивированная бездѣятельность, въ которую впадаетъ Наполеонъ послѣ взятія и пожара Москвы» (65).

Однако было бы заблужденіемъ приписывать благопріятную для русскихъ развязку искусству русскихъ полководцевъ и оплошности Наполеона.

«Народъ и царь русскіе лишь потому устояли въ безпримѣрной борьбѣ съ непобѣдимымъ, лишь потому могли ниспровергнуть съ его высоты величія, что въ рѣшительный моментъ они оказались сильнѣе его духомъ. Они ополчились противъ всесильнаго завоевателя во имя религіи и народности; они вступили въ борьбу съ твердымъ упованіемъ на помощь Всевышняго. И это упованіе не обмануло. Помощь Всемогущаго спасла ихъ вопреки всѣмъ громаднымъ преимуществамъ противника,

вопреки ихъ собственной розни, ихъ временному ослѣпленію и малодушію» (II, 374—384). Ясно, что катастрофа, постигшая Наполеона, была дѣломъ не рукъ человѣческихъ, а «небесныхъ силъ». Такой смыслъ событій 1812 года для Надлера.

Начало научному направленію въ исторіографіи Отечественной войны положено работами А. Н. Попова. Ему принадлежитъ рядъ статей, посвященныхъ эпохѣ 12 года. «Сношенія Россіи съ европейскими державами передъ войной 1812 года», «Москва въ 1812 году», «Французы въ Москвѣ въ 1812 году», «Отъ Малоярославца до Березины», «Движеніе русскихъ войскъ отъ Москвы до Красной Пахры», «Отъ Смоленска до пріѣзда Кутузова въ армію». Хотя это все отдѣльныя статьи по тому или другому частному вопросу, тѣмъ не менѣе въ своей совокупности статьи Попова даютъ цѣлое изслѣдованіе объ Отечественной войнѣ, весьма цѣнное въ научномъ отношеніи. По справедливому выраженію К. Н. Бестужева-Рюмина, «какое-либо сравненіе (не съ военной точки) между книгою А. Н. Попова и предшествующими ей сочиненіями было бы несправедливостью—такъ высоко стоитъ она, оставляя только мѣсто высоко художественной эпопеѣ гр. Толстого». («Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общества», т. 21, предисловіе, V)

Какъ уже показываютъ приведенныя названія статей, Поповъ понималъ свою задачу несравненно шире своихъ предшественниковъ. Онъ не ограничился изложеніемъ хода военныхъ дѣйствій, но захватилъ и дипломатическія отношенія и явленія общественной жизни. То, къ чему его предшественники, военные, оффиціальные историки, по словамъ Липранди, «едва ли и прикоснулись» — документы внѣшнихъ сношеній — и чему отвели по одной, по двѣ страницы въ своихъ работахъ, Поповъ подробно разсмотрѣлъ и обратилъ въ цѣлое изслѣдованіе. Передъ глазами читателя поэтому развертывается длинная исторія международныхъ отношеній до начала Отечественной войны, и разрывъ съ Наполеономъ оказывается не результатомъ столкновеній двухъ характеровъ, не «внезапной катастрофой», а логическимъ послѣдствіемъ всего предшествующаго status quo ante bellum.

Двѣнадцатый годъ для Попова болѣе, чѣмъ война. Онъ не хроникеръ или регистраторъ битвъ, диспозицій и т. п., какъ Михайловскій-Данилевскій или Богдановичъ. Онъ — скорѣе бытописатель, который слѣдитъ за развитіемъ драмы, разыгрывающейся на равнинахъ Россіи, за войной въ ея цѣломъ, а не отдѣльными

эпизодами ея. Для Михайловскаго-Данилевскаго и Богдановича война 1812 года— серія диспозицій, битвъ, побѣдъ и пораженій. Для Попова—эпоха, полоса въ жизни русскаго народа Тамъ на первомъ планѣ — батальный интересъ, здѣсь—общественный и политическій.

Русское общество 12 года у Попова не пассивный исполнитель долга, а непосредственный участникъ событій, факторъ въ войнѣ—такой же, какъ и правительство и армія.

Общество все время реагируетъ на военныя событія. «Общественное вниманіе,— какъ выражается Поповъ,—было напряжено ожиданіемъ извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ» («Русск. Арх». 1875 г., 5—8 т., 283). «Переходъ непріятеля черезъ Нѣманъ, занятіе Вильны, отступленіе нашихъ войскъ, — все было предметомъ толковъ и разсказовъ» (ibidem, 289). Кофейни и рестораны въ Москвѣ служили мѣстомъ для обсужденія событій. «Въ обществѣ и народѣ съ жадностью ловили каждое извѣстіе» (379). Выражали недовольство Барклаемъ и требовали назначенія Кутузова. И когда послѣдній былъ, назначенъ, въ обществѣ напряженно слѣдили за его первыми шагами, «каждый пріѣхавшій изъ арміи, каждый курьеръ, привезшій письма, возбуждалъ всеобщее вниманіе и служилъ поводомъ къ различнымъ слухамъ»... (Ibidem, 9—10, 29). «Извѣстія о началѣ военныхъ дѣйствій подъ руководствомъ новаго главнокомандующаго арміями взволновали Москву» (170). Бородинская битва дала новый толчокъ общественному возбужденію. «Мгновенно по всей Москвѣ разнеслась вѣсть о побѣдѣ; спѣшили къ Иверской служить молебны; возникла надежда, что непріятель не проникнетъ въ столицу» (174). И такъ, на протяженіи всей кампаніи, вплоть до развязки — переправы Наполеона черезъ Березину. Здѣсь общественное мнѣніе зорко слѣдило за дѣйствіями Чичагова и на каждый его ложный шагъ реагировало негодованіемъ. Самохвальство адмирала, даже послѣ ухода Наполеона, въ особенности раздражало общество.

На кубкѣ надпись: „Ты чудо изъ чудесъ надъ солнцемъ совершилъ, Ты міру цѣлому свободу возвратилъ".

Военныя событія у Попова вращаются около двухъ центровъ—Наполеона и Кутузова. Имъ онъ, въ особенности второму, удѣляетъ много вниманія, на ихъ дѣйствіяхъ раскрываетъ ходъ войны и исходъ ея.

Наполеонъ—величайшій полководецъ. Но въ Россіи его геній потерпѣлъ крушеніе. Предпринимая сюда походъ, онъ основалъ его успѣхъ не какъ всегда на непосредственномъ участіи въ военныхъ дѣйствіяхъ, а, главнымъ образомъ, на массѣ войскъ. Онъ самъ велъ свои войска. «Но онъ думалъ замѣнять себя въ этихъ случаяхъ огромнымъ числомъ войскъ и количествомъ артиллеріи, подавляющею матеріальною силою». «Но дѣйствіе огромными силами несовмѣстимо съ быстротою движеній, составляющей отличительное свойство тактики Наполеона: такихъ огромныхъ массъ не въ состояніи продовольствовать никакая, хотя бы и богатая, страна своими мѣстными средствами». Отсюда необходимость большого обоза при арміи, чѣмъ затруднялось движеніе войскъ и все-таки не покрывалась полностью нужда въ провіантѣ. А въ результатѣ — убыль людей. «Уже въ Витебскѣ она (армія Наполеона) умалилась на цѣлую треть, и подъ Бородино Наполеонъ привелъ съ небольшимъ 130 тысячъ». Кромѣ того, количество войскъ не могло замѣнить той быстроты и

вѣрности боевого взгляда, которыми отличался Наполеонъ, какъ полководецъ». Тутъ уже передъ нами не полководецъ, бросающійся самъ въ бой во главѣ войскъ, а императоръ, щадящій себя въ династическихъ интересахъ. Бородинская битва показала лучше всего слабую сторону новой тактики Наполеона, численное превосходство при пассивности Наполеона не дало французамъ верха надъ русскими. Миръ послѣ Бородинскаго боя представился императору французовъ наиболѣе подходящимъ исходомъ, завершеніемъ кампаніи—настолько силы его арміи были подорваны и ненадежны для продолженія похода. «Мысль о заключеніи мира (послѣ Бородина) составляла цѣль Наполеона, и занятіемъ Москвы онъ надѣялся достигнуть этой именно цѣли, какъ постоянно достигалъ ея, занимая столицы другихъ европейскихъ государствъ». Отступленіе не мирилось съ необычайной гордостью этого человѣка. Но молчаніе Александра на мирныя предложенія и вооруженіе русскаго народа отрѣзали Наполеону всякую возможность мира и спутали его планы и расчеты. Онъ не зналъ даже въ первый моментъ, что еще предпринять, и бездѣйствовалъ, пока тарутинское дѣло не вывело его изъ состоянія оцѣпенѣнія. Тогда онъ быстро переходитъ отъ бездѣятельности къ лихорадочной дѣятельности. («Русскій Архивъ», 1876 г., кн. I, стр. 225—226, II, стр. 57). Но дѣятельность великаго полководца утрачиваетъ свою обычную рѣшительность и прямолинейность, геній его какъ бы меркнетъ, звѣзда склоняется къ зениту. «Тревожны и суетливы были дѣйствія императора Наполеона въ роковое для него время». («Русск. Ст.», 1877 г., I, 276). Онъ не выдерживаетъ сравненія со своимъ противникомъ, вождемъ русскихъ войскъ, не геніальнымъ, но крѣпко стоящимъ за интересы своей родины, дѣйствія котораго отличались прямо противоположнымъ характеромъ. «Спокойны и величавы были дѣйствія кн. Кутузова» (ibidem, 277). Такъ говоритъ о русскомъ главнокомандующемъ Поповъ. Кутузовъ стоитъ необыкновенно высоко въ глазахъ автора. Ему, а никому другому, Россія обязана своимъ спасеніемъ. Онъ—центральная фигура въ событіяхъ 12 года.

С. П. Жихаревъ.

Руководительство военными дѣйствіями шло изъ главной квартиры. Но здѣсь свила себѣ прочное гнѣздо интрига, и генералы руководились въ своихъ планахъ и дѣйствіяхъ соображеніями, ничего общаго не имѣющими съ патріотизмомъ и требованіями служебнаго долга. Сначала жертвой интриги былъ Барклай, а затѣмъ въ сѣти той же интриги попадаетъ Кутузовъ. Барклай же изъ объекта интриги превращается въ субъекта ея. Онъ «послѣ назначенія князя Кутузова принялъ, кажется, за правило совѣтовать наступательныя дѣйствія». И все время порицалъ отступленіе и настаивалъ на переходѣ въ наступленіе. («Русск. Ст., 1897, кн. III, 121). Поповъ мягко называетъ эти интриги «разладомъ» между лицами, которыя должны были или «могли принимать участіе» въ военныхъ соображеніяхъ. «Этотъ разладъ выразился въ томъ, что каждое удачное соображеніе, каждое удачное дѣйствіе многіе желали приписать себѣ» (ibidem, 120). Такъ было съ фланговымъ движеніемъ на Калужскую дорогу, за которое ожесточенно спорили между собою Барклай и Беннигсенъ. Они хотѣли «лишить князя Кутузова дальновидности полководца и славы, несомнѣнно соединенныхъ съ этимъ искуснымъ движеніемъ, оказавшимъ такое рѣшительное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ войны» («Русск. Ст.», 1897, н. II, 523). Между тѣмъ «почему же эта мысль могла миновать самую умную и опытную въ военныхъ соображеніяхъ голову—стараго вождя русскихъ войскъ? (527) Съ развитіемъ военныхъ дѣйствій интриги росли, втягивали въ себя все большій кругъ и, въ концѣ-концовъ, захватили въ свои сѣти всю главную квартиру. И цѣль у нея оставалась та же. «Эта цѣль заключалась въ томъ, чтобы показать, что князь Кутузовъ не способенъ предводительствовать русскими войсками». («Русск. Ст.»,

1897, IV, 192). «Старость, слабость и дряхлость князя Кутузова,—вотъ благовидный и правдоподобный предлогъ, за который хватались всѣ его недоброжелатели, худо имъ прикрывая иные свои виды» (193). А виды эти состояли въ занятіи мѣста Кутузова. Это можно съ увѣренностью сказать о Барклаѣ и Беннигсенѣ. Англичанинъ Вильсонъ хлопоталъ объ интересахъ Англіи, требовалъ отъ Кутузова рѣшительныхъ дѣйствій и обвинялъ его въ симпатіяхъ къ Франціи. При общей ненависти къ Кутузову въ главной квартирѣ и личные виды каждаго поселяли между ними глубокую рознь, и въ руководящихъ войной сферахъ создавалось такимъ образомъ невозможное положеніе. И только спокойствіе, тактъ и трезвый умъ Кутузова выводитъ Россію изъ этой сѣти интригъ и розни. Интриги какъ бы проходятъ мимо его, не задѣвая его. Игнорируя ихъ ради интересовъ Россіи, онъ, вопреки всѣмъ подкопамъ и давленіямъ, твердо и неуклонно идетъ своей дорогой, осуществляетъ заранѣе составленный планъ. И дѣйствительность оправдала передъ исторіей Кутузова, не интригановъ главной квартиры.

Быстрое преслѣдованіе непріятеля и разбитіе его однимъ ударомъ, что требовали генералы отъ Кутузова, «могло бы скоро прекратиться или сопровождаться такими же бѣдствіями, какъ бѣгство непріятельскихъ войскъ, если бы подъ простою отвагою и заносчивою храбростью, хотя бы возбуждаемыми высокими чувствами любви къ отечеству, не бодрствовали предусмотрительныя соображенія военачальника» («Русск. Ст.», 1877, I, 270). Кутузовъ именно хотѣлъ уничтожить непріятеля съ наименьшей затратой собственныхъ силъ. И расчеты его оправдались. Очерки «Отъ Малоярославца до Березины»—картина «умиранія великой арміи»—представляютъ собой оправданіе тактики Кутузова и его побѣды надъ своими противниками.

Если березинская переправа и не закончилась уничтоженіемъ Наполеона со всѣми остатками арміи, то вина въ этомъ не Кутузова. Вина въ томъ же разладѣ—на этотъ разъ между Витгенштейномъ и Чичаговымъ, сухопутнымъ адмираломъ, непризнававшимъ никакой власти, въ томъ числѣ и главнокомандующаго.

«Побѣды собственно не было ни для одной изъ боровшихся сторонъ, но цѣль сраженій одинаково была достигнута для обоихъ противниковъ. Наполеонъ совершилъ переправу; русскіе довершили разрушеніе великой арміи, уже сильно разгромленной подъ Краснымъ» («Русск. Ст.», 1877, III, 199).

Такъ формулируетъ Поповъ результатъ березинскаго дѣла.

Такимъ образомъ, Поповъ, какъ видимъ, понялъ свою задачу въ качествѣ историка Отечественной войны значительно шире предшествующихъ офиціальныхъ историковъ. Но все же онъ при изученіи двѣнадцатаго года не вышелъ изъ предѣловъ русской дѣйствительности. Въ войнѣ 1812 года онъ, хотя и вывелъ ее изъ международныхъ отношеній, видитъ русское явленіе. Связи ея съ обще-европейскими соціальными и политическими явленіями онъ не устанавливаетъ. Для Попова, въ концѣ-концовъ, выражаясь нѣсколько прямолинейно, война 12-го года—торжество тактики Кутузова надъ геніемъ Наполеона.

Работы Н. А. Попова оказали свое благотворное вліяніе, между прочимъ, и на послѣдующую чисто военную исторіографію Отечественной войны.

Въ 1894 году вышло военно-историческое изслѣдованіе Харкевича: «1812 годъ. Березина», въ которомъ несомнѣнно чувствуется такое вліяніе. Эта книга выгодно отличается отъ предшествующихъ ей «изслѣдованій» Михайловскаго-Данилевскаго и Богдановича. Она совершенно свободна отъ извѣстныхъ уже намъ предвзятыхъ идей и тенденцій названныхъ историковъ Отечественной войны. Событія разсматриваются здѣсь съ возможной объективностью и доступной автору научностью.

Харкевичъ заключилъ свои изслѣдованія въ тѣсныя рамки. Его заинтересовалъ послѣдній, заключительный моментъ эпопеи 12 года — Березинская переправа. Ему, анализу хода событій, приведшихъ къ развязкѣ на берегахъ Березины, и объясненію такого, а не иного исхода этихъ событій и посвящена цѣликомъ его книга.

Въ теоріи у русскихъ все было хорошо разсчитано и предусмотрѣно, а на дѣлѣ вышло изъ рукъ вонъ плохо. Въ такой схемѣ Харкевичъ разсматриваетъ Березинскую переправу.

У насъ былъ выработанъ планъ, принадлежащій императору Александу I, «ставившій цѣлью преградженіе пути отступленія и плѣненія французской арміи». При этомъ «по смѣлости и правильности идеи, вложенной въ основаніе плана, по силамъ, назначеннымъ для выполненія и, наконецъ, по выбору стратегической позиціи для армій, направленныхъ въ тылъ Наполеону, планъ императора Александра вполнѣ соотвѣтствовалъ обстановкѣ и обѣщалъ самые рѣшительные результаты» (16 стр.). Но на ряду съ крупными достоинствами планъ имѣлъ и большіе недостатки. Онъ былъ слишкомъ сложенъ, отличался необыкновенной детализаціей, регламентаціей дѣйствій военачальниковъ и категоричностью, предъявляемыхъ къ нимъ требованій. Наконецъ «планъ принадлежалъ не главнокомандующему Кутузову, а былъ препровожденъ свыше». И Александръ, какъ авторъ плана, вручивъ его Кутузову, продолжалъ тѣмъ не менѣе давать свои указанія помимо главнокомандующаго, чѣмъ подрывалъ авторитетъ послѣдняго и развивалъ самостоятельную дѣятельность отдѣльныхъ генераловъ (Чичаговъ) въ ущербъ единству дѣйствій (16—17). А промахи выполнителей плана на практикѣ привели уже къ полному крушенію его.

Самъ Кутузовъ плохо вѣрилъ въ осуществленіе плана Александра. Онъ лично «ставитъ себѣ болѣе скромную цѣль и неуклонно стремится къ ней до самаго конца войны — избѣгая рѣшительнаго боя и сохранивъ по возможности собственныя войска отъ потерь, постепенно ослабить французскую армію и довести ее до полнаго разрушенія.

Д. Н. Свербеевъ.

«Онъ остается вѣренъ этой основной идеѣ и послѣ сраженія подъ Краснымъ, когда сильное разстройство французской арміи стало для него уже совершившимся фактомъ» (203).

Отсюда медлительность его и вялость, и опозданіе къ Березинской переправѣ. Ни главныхъ силъ арміи, ни ея главнокомандующаго въ рѣшительный моментъ мы не видимъ на мѣстѣ. Кутузовъ, такъ сказать, «добровольно лишилъ себя возможности руководить дѣйствіями въ моментъ кризиса и является простымъ свидѣтелемъ совершающихся событій» (205). Благодаря этому, руководительство военными дѣйствіями въ моментъ переправы французской арміи переходитъ изъ однѣхъ рукъ въ двое рукъ и приводитъ къ нежелательнымъ результатамъ.

Между тѣмъ какъ направлялись французскія войска въ этотъ моментъ и какъ направлялись русскія, была огромная разница. «Дѣйствія французской арміи направлялись однимъ умомъ и одной волей къ достиженію поставленной цѣли, и распредѣленіе ея на правомъ и лѣвомъ берегу Березины совершенно отвѣчало относительному значенію обоихъ полей сраженія».

Совершенно въ другомъ положеніи было дѣло въ русской арміи. «Чичаговъ и Витгенштейнъ не были подчинены другъ другу и дѣйствовали какъ два равноправныхъ и независимыхъ лица» (193—194). И вмѣсто того, чтобы охватить непріятеля съ обоихъ береговъ и ринуться на него разомъ, вступили въ бой каждый порознь. Въ частности дѣйствія Чичагова отличались «безпорядочностью и отсутствіемъ общаго руководства». Самого Чичагова не было на полѣ сраженія, а Сабанѣевъ дѣйствовалъ такъ, «какъ будто передъ нимъ былъ непріятель, а не собственныя войска, на подкрѣпленіе которымъ онъ былъ направленъ. Наконецъ въ дѣло была введена только половина арміи. Адмиралъ не считалъ возможнымъ собственными силами уничтожить остатки арміи Наполеона и, изъ опасенія неудачной битвой открыть ему дорогу на Минскъ, дѣйствовалъ нерѣшительно» (194—195).

«Ошибки на правомъ берегу—съ точностью повторилъ Витгенштейнъ на лѣвомъ» (195). «Избѣгая встрѣчи съ Наполеономъ, онъ остается въ Борисовѣ (т.-е.

не руководить лично боемъ) и, посылая войска по частямъ, вводитъ въ бой также только половину своихъ силъ» (207). Страхъ передъ Наполеономъ какъ бы сковалъ духъ обоихъ русскихъ вождей.

Въ результатѣ же—французская армія оказалась спасенной. Нужды нѣтъ, что она давно утратила свою боевую силу и въ огромномъ своемъ большинствѣ полегла на берегахъ Березины. Уцѣлѣло ея ядро, изъ котораго послѣ выросла новая армія. Такимъ образомъ, для Харкевича неудачный исходъ кампаніи всецѣло объясняется тактическими ошибками русскихъ генераловъ.

Общественное мнѣніе признало главнымъ виновникомъ неудачи на Березинѣ Чичагова. Это объясняется тѣмъ, что Кутузовъ стоялъ слишкомъ высоко въ глазахъ общества въ виду своихъ прежнихъ заслугъ. Витгенштейнъ составилъ себѣ хорошую репутацію одержанными ранѣе побѣдами. Чичаговъ же не имѣлъ за собой ни того, ни другого. И «голосъ всего русскаго народа вину за Березину сложилъ на одного человѣка—Чичагова» (208).

Между тѣмъ въ дѣйствительности онъ одинъ изъ виновниковъ, изъ числа которыхъ нельзя исключить и самого главнокомандующаго, а не единственный виновникъ. Не въ примѣръ прочимъ Чичаговъ даже раньше всѣхъ явился къ мѣсту переправы, что надо поставить ему въ заслугу.

Только въ наше время Отечественная война перестаетъ быть исключительно русскимъ явленіемъ и, такъ сказать, возводится въ рангъ всемірно-историческаго событія. Это дѣло послѣднихъ изслѣдователей двѣнадцатаго года — Покровскаго и Военскаго.

М. Н. Покровскій, какъ всегда, во главу угла кладетъ экономическія явленія. Но въ настоящемъ случаѣ такую постановку вопроса нельзя признать увлеченіемъ.

Война 1812 года, по мнѣнію Покровскаго, вытекла изъ требованій капитализма.

«Континентальная система» стала поперекъ той дороги, которою шли всѣ страны Европы, не исключая Россіи, въ хозяйственномъ отношеніи, т.-е. капитализма, и крушеніе ея черезъ посредство разрыва Россіи съ Франціей и войны 12-го года было только выполненіемъ требованія капиталистической системы хозяйства. Произошло это такимъ образомъ.

При помощи «континентальной системы» Наполеонъ хотѣлъ наказать экономическую соперницу Франціи—Англію, поразить ее въ самое чувствительное мѣсто и въ то же время оказать услугу французской промышленности. И достигъ этой двойной цѣли. Послѣ введенія «континентальной системы» Наполеонъ то и дѣло получалъ извѣстія о банкротствахъ въ Сити, французская же промышленность быстро поднялась и оживилась. Вмѣстѣ съ Франціей отъ «континентальной системы» выиграли и другія страны съ отсталой промышленностью.

Въ этомъ смыслѣ «континентальная система» имѣла подъ собой совершенно реальную почву и находилась въ согласіи съ законами развитія капитализма. Буржуазія извлекала изъ нея выгоды и всячески поддерживала Наполеона въ борьбѣ съ Англіей. Но производство немыслимо безъ сырья. Между тѣмъ послѣднее шло изъ колоній, находившихся въ рукахъ Англіи, и изъ такихъ странъ, какъ Россія, Швеція, Польша, присоединенныхъ Наполеономъ къ «континентальной системѣ». Такимъ образомъ система Наполеона какъ бы подрывала сама себя. За недостаткомъ сырья ростъ промышленности на континентѣ сталъ пріостанавливаться. Къ тому же при закрытіи колоній и производимые предметы стало некуда сбывать. Въ результатѣ произошло сокращеніе производства, безработица и упадокъ промышленности. Это уже обратная сторона «континентальной системы», которая и погубила ее.

Въ силу вещей сырье, а въ обмѣнъ на него фабрикаты, стали развозиться на тѣхъ же англійскихъ корабляхъ, но лишь подъ другими флагами, т.-е. капитализмъ нашелъ себѣ выходъ въ обходѣ закона, въ контрабандѣ. Тогда Наполеонъ, видя крушеніе своей системы, рѣшилъ ради сохраненія ея пойти на уступку. Онъ разрѣшилъ ввозъ колоніальныхъ товаровъ, но при условіи обложенія ихъ высокой пошлиной. Тріанонскій тарифъ 5 августа 1810 года и являлся такого рода уступкой Наполеона. Буржуазія промышленныхъ странъ была довольна этимъ тарифомъ. Для странъ же отсталыхъ въ промышленномъ отношеніи, поставщицъ именно сырья,

тріанонскій тарифъ быль медвѣжьей услугой, точнѣе—новой жертвой «континентальной системѣ», на которую онѣ не могли уже итти.

Въ частности для Россіи тріанонскій тарифъ оказался той каплей, которая переполняетъ чашу. Такой жертвы она принести не могла и отказалась отъ введенія у себя новаго тарифа. Солидарными съ Россіей были и другія страны одинаковаго съ ней экономическаго уровня. Такимъ образомъ, предстояло полное крушеніе «континентальной системы». Допустить этого Наполеонъ не могъ. Въ виду угрожающаго положенія Англіи «континентальная система» являлась для него якоремъ спасенія. Съ крушеніемъ ея могла рухнуть его имперія. Въ такомъ случаѣ оставалось одно — ради самосохраненія заставить Россію, разъ она не хочетъ итти добровольно, силой остаться вѣрной «континентальной системѣ», т.-е. объявить ей войну.

Въ войнѣ былъ единственный выходъ для Наполеона. Но и для Россіи не было другого выхода.

«Для Россіи отказъ принять тріанонскій тарифъ былъ тѣмъ Рубикономъ, за которымъ начался двѣнадцатый годъ: все остальное отъ мелкихъ недоразумѣній личнаго свойства, въ родѣ неудачнаго сватовства Наполеона за русскую великую княжну или обиды, нанесенной тѣмъ же Наполеономъ владѣтельнымъ правамъ голштинской династіи въ Ольденбургѣ,—до самаго крупнаго по внѣшности конфликта изъ-за вопроса о возстановленіи Польши, все это такъ или иначе тянетъ къ основной причинѣ—экономическому разрыву на почвѣ тріанонскаго декрета 1810 года» («Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ», в. VII, 535).

Ф. Ф Вигель.

«Отказъ Россіи отъ блокады, прямой или хотя бы косвенный, долженъ былъ заставить Наполеона воевать, хотѣлъ онъ этого или нѣтъ: вотъ почему споръ о томъ, кто былъ виновникомъ войны 1812 года является совершенно празднымъ. Виноваты были тѣ самыя объективныя условія, которыя въ 1809 году предупредили войну» (536).

Соотношеніе силъ воюющихъ сторонъ Покровскому представляется въ такомъ видѣ. Списочный составъ арміи Наполеона равнялся 400.000. Но боевыми качествами отличалось только ядро арміи—французы, да и то среди нихъ было много рекрутъ, еще не нюхавшихъ порохового дыма. Иностранцы же солдаты были никуда негодны: давали большой процентъ дезертировъ, мародеровъ. Кромѣ того, армія была обременена обозами. Все это вмѣстѣ съ плохимъ продовольствіемъ и распутицей привело «большую армію» въ разстройство и къ рѣшительнымъ моментамъ—Смоленску и Бородину значительно сократило силы Наполеона.

Силы русскихъ были меньше въ началѣ войны. Но качественный составъ войскъ былъ лучше, чѣмъ въ предшествующія войны съ Наполеономъ: здѣсь были солдаты, уже бывавшіе въ бояхъ—въ Европѣ и въ Турціи. А послѣ они достигли даже численнаго превосходства надъ «большой арміей», и, наконецъ, на помощь имъ явилось время, пространство и климатъ.

Тѣмъ не менѣе русскіе не использовали своихъ преимуществъ. Въ главномъ штабѣ царилъ хаосъ, полная неосвѣдомленность о непріятелѣ, между генералами грызня, наконецъ среди войскъ—мародерство. Планъ Фуля, который Покровскій беретъ подъ свою защиту, не былъ осуществленъ надлежащимъ образомъ. Войска раздѣлили неравномѣрно между двумя арміями, и одной грозило въ особенности уничтоженіе. Наполеонъ и хотѣлъ: 1) предупредить соединеніе обѣихъ армій и

2) отрѣзать ихъ отъ юга на сѣверъ, а самому пройти на югъ. Только ошибки маршаловъ провалили расчеты императора. Арміи соединились, и когда враги сошлись, на Бородинскомъ полѣ неравенство силъ было невелико. На 25% французы превышали русскихъ, зато у послѣднихъ было больше орудій. Можно было ожидать результатовъ боя для русскихъ болѣе удачныхъ. На дѣлѣ русскіе уступили французамъ всѣ свои позиціи, и потери ихъ были такъ велики, что послѣ Бородина Наполеонъ оказался вдвое сильнѣе Кутузова. Виной былъ неудачный выборъ позиціи.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи русскіе имѣли на своей сторонѣ уже всѣ преимущества и перевѣсъ силъ и, несмотря на это, не смогли уничтожить своего врага. Кутузовъ все еще видѣлъ въ Наполеонѣ побѣдителя подъ Аустерлицемъ и не рѣшался на генеральную битву съ нимъ и, будучи противникомъ продолженія кампаніи, на дѣлѣ оказался виновникомъ заграничнаго похода русскихъ войскъ.

Неудача кампаніи для Наполеона лежитъ, главнымъ образомъ, въ объемѣ и качествѣ его войскъ.

Съ такой же точки зрѣнія смотритъ на Отечественную войну и извѣстный библіографъ ея и редакторъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ 128 и 129 томахъ Сборника Русскаго Историческаго Общества, К. Военскій.

Къ предшествующей исторіографіи Отечественной войны, въ лицѣ Бутурлина, Михайловскаго-Данилевскаго и Богдановича, онъ относится совершенно отрицательно Эти авторы своими трудами создали лишь «героическую легенду 1812 года» и выдвинули на первый планъ при объясненіи событій личный элементъ. Между тѣмъ историческая наука нашего времени смотритъ на дѣло иначе.

«Современная наука руководящимъ началомъ считаетъ не волю отдѣльныхъ лицъ, а тѣ могущественные факторы, которые создаютъ событія и направляютъ дѣятельность людей власти часто вопреки ихъ личнымъ желаніямъ. Такимъ факторомъ является по преимуществу факторъ экономическій, отъ котораго въ значительной степени зависитъ основной ходъ событій и человѣческихъ дѣлъ» («Сборникъ Русскаго Ист. Общества», 128, II).

Приложеніе этого вывода исторической науки къ войнѣ 12 года «совершенно измѣняетъ смыслъ исторіи 1812 г. и даетъ возможность къ наиболѣе безпристрастному сужденію о фактахъ, а также о лицахъ, участвовавшихъ въ великой эпопеѣ» (ibidem, II). Тогда взглядъ «на дѣятельность Наполеона лишь съ точки зрѣнія его честолюбивыхъ стремленій» отпадаетъ самъ собой. Въ войнѣ 1810 года Наполеонъ руководился иными соображеніями. «Этотъ глубокій государственный умъ предвидѣлъ послѣдствія усиленія Англіи, ея дальнѣйшую политику міровыхъ захватовъ и грубое насиліе въ международныхъ отношеніяхъ». Подчинить себѣ Англію силой оружія Наполеонъ считалъ невозможнымъ и потому рѣшилъ нанести ей ударъ на экономической почвѣ, употребить противъ нея бойкотъ. Осуществленіемъ этого плана и явилась «континентальная система». Но для успѣха плана Наполеона необходимо было участіе въ континентальной системѣ всей Европы, между тѣмъ европейскія государства, заинтересованныя въ вывозѣ сырья и ввозѣ англійскихъ фабрикатовъ, не хотѣли подчиниться волѣ французскаго императора. Заставить ихъ примкнуть къ континентальной системѣ могла только сила. Къ ней Наполеонъ и обратился. «Въ желаніи подчинить Европу своей волѣ и добиться единодушія въ борьбѣ съ Англіей и лежитъ главный поводъ всѣхъ европейскихъ войнъ 1806—1812 гг.» (III).

Таково происхожденіе Отечественной войны. «Такимъ образомъ, разрывъ съ Наполеономъ и послѣдовавшая война съ нимъ не являются послѣдствіемъ перемѣны во взглядахъ Александра, но произошли подъ давленіемъ внѣшнихъ причинъ, главнымъ образомъ, экономическаго свойства. Уколы самолюбія, которые терпѣлъ Александръ при послѣднихъ сношеніяхъ съ Наполеономъ, только обострили положеніе и ускорили развязку». И хотя съ Наполеономъ воевала въ 1812 году Россія, борьба съ нимъ «велась не Россіей, а Англіей». Послѣдняя, по своему обыкновенію, загребала жаръ чужими руками. «Ареной этой борьбы (Англіи съ Наполеономъ) служили самые противоположные пункты: Италія, Швейцарія, Рейнскія провинціи, Голландія, Египетъ, Испанія, Австрія, Пруссія и, наконецъ, Россія. Такимъ образомъ, двѣнадцатый годъ только фазисъ этой великой борьбы, въ которой Россія непосред-

ственнаго интереса не имѣла, а была втянута силой обстоятельствъ, главнымъ образомъ, по причинѣ экономической своей отсталости и зависимости отъ англійскаго рынка. Поворотнымъ пунктомъ наполеоновскаго счастья было не Бородино, а Трафальгаръ; послѣ того Наполеонъ былъ вынужденъ, за невозможностью продолжать борьбу на морѣ, обратиться на Европу, дабы силою объединить ее во имя коммерческой борьбы съ Англіей. Идя на Россію, Наполеонъ прекрасно отдавалъ себѣ отчетъ въ трудности этой кампаніи и, конечно, не хуже своихъ маршаловъ, отговаривавшихъ его отъ похода, сознавалъ, чѣмъ рискуетъ. Но онъ не могъ поступить иначе, не отказавшись отъ основной идеи экономической борьбы съ Англіей, и поэтому долженъ былъ заставить во что бы то ни стало императора Александра примкнуть къ великой экономической борьбѣ объединенной Европы противъ Англіи» (VI—VII).

А извлекъ выгоды изъ войны съ Наполеономъ въ 1812 году не тотъ, кто проливалъ свою кровь, а тотъ, противъ кого она велась, т.-е. Англія. Война 1812 года и слѣдующихъ привела «къ торжеству міроваго владычества Англіи». Россія же, заинтересованная въ заграничныхъ походахъ еще менѣе, чѣмъ въ войнѣ 12-го года, только проиграла. 1812 годъ—«это несомнѣнно блестящая страница русской исторіи, свидѣтельствующая о высокомъ патріотизмѣ, охватившемъ всѣ сословія и народъ въ общемъ дѣлѣ спасенія родины,—отозвался, однако, крайне тяжело на внутренней жизни Россіи, утвердивъ крѣпостное право, повернувъ правительственную политику въ сторону реакціи и на полстолѣтіе отсрочивъ освобожденіе крестьянъ и преобразованія, осуществленныя только Александромъ II» (VI)[1]).

Взгляды Покровскаго и Военскаго на событія 12-го года являются послѣдними выводами, на которыхъ пока остановилась русская историческая наука при изученіи матеріаловъ Отечественной войны.

В. Алексѣевъ.

СПБ. 1831 г.

[1]) Въ 1911 году появилась книга Военскаго въ сотрудничествѣ съ Ю. Карцевымъ „Причины войны 1812 года“, гдѣ находимъ тѣ же мысли.

Перечень рисунковъ, помѣщенныхъ въ изданіи.

Портреты русскія[1]).

[1]) Подчеркнутые жирнымъ шрифтомъ помѣщены на отдѣльныхъ страницахъ

Портреты иностранные.

События[1]).

I. Французская революція.

II. Наполеоновская эпоха.

1) Въ хронологическомъ порядкѣ.

III. Изъ жизни Наполеона.

IV. Россія до 1812 г.

V. 1812 годъ.

а) Отъ Нѣмана до Москвы.

b) Москва.

c) Отступленіе.

VI. 1813—1815 гг.

VII. Россія послѣ 1815 г.

VIII. Зап. Европа послѣ 1815 г.

Аллегорія.

а) Франція.

в) Россія.

Карикатуры.

а) Иностранныя [1]) до 1812 г.

1) По авторамъ

На 1812 — 1814 гг.

а) иностранныя [1]).

в) Русскія [1]).

[1]) По авторамъ

Армія французская.

а) Типы, вооруженія.

в) военно-бытовыя.

Армія русская.

Типъ, вооруженіе, бытъ.

Типы и бытъ.

1. Запад. Европа.

2) Россія.

а) Типы.

в) Бытъ.

Зданія и мѣстности.

1) Зап. Европа.

в) Россія.

Медали.

Памятники.

Реликвіи, знаки и пр.

Факсимиле.

a) Французскіе.

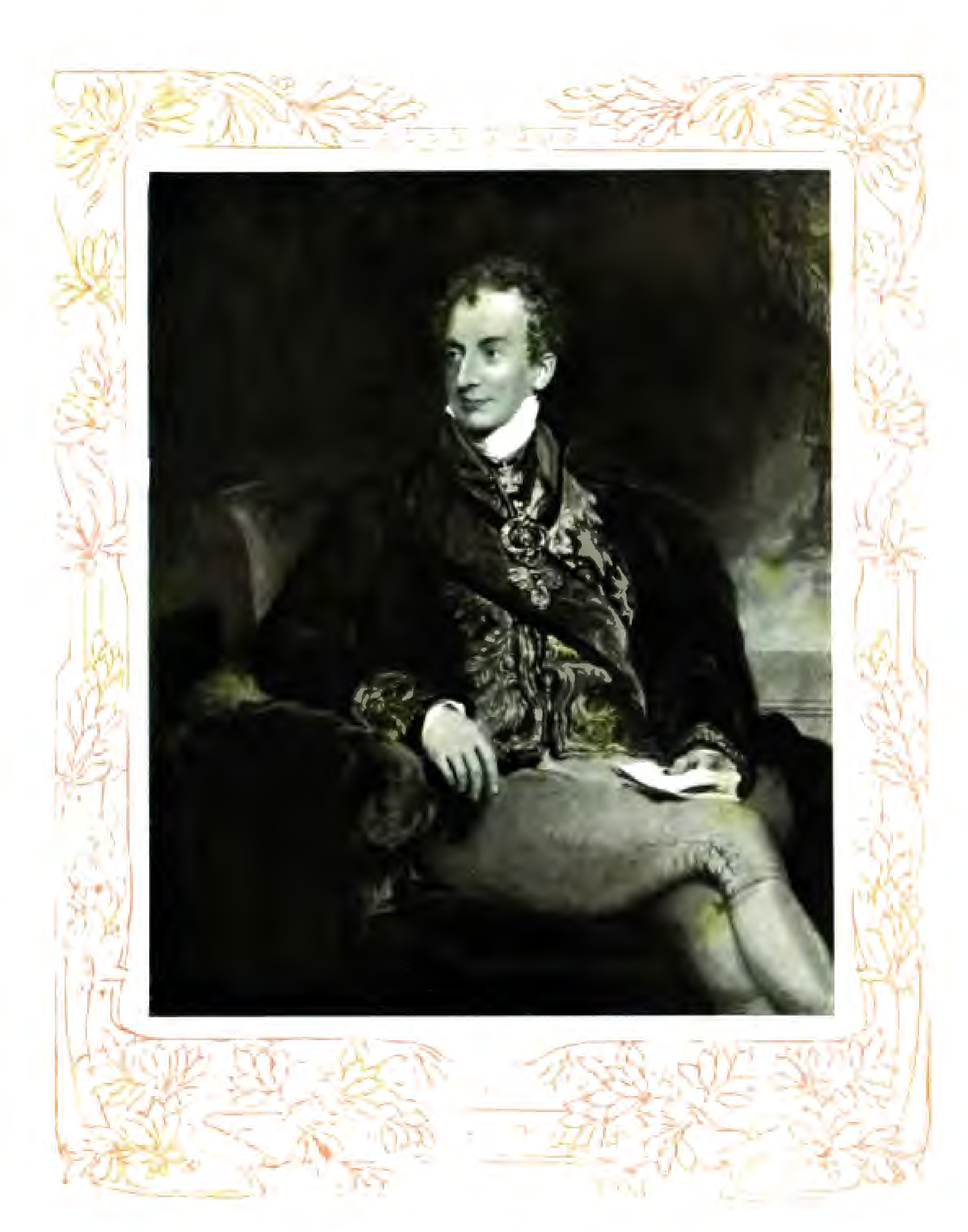
b) Русскіе.

Карты и планы.

ОПЕЧАТКА. На страницѣ 37, въ подписи подъ рисункомъ, напечатано: К. Л. Заидъ.
Нужно читать· К. Л Зандъ

Александръ I.

(Волкова.)



Кн. Меттернихъ.

(Лауренсъ.)

Убійство Коцебу.

Въ тюрьмѣ.

Объявленіе приговора (17 мая 1820 г.).

Отправленіе на казнь.

Передъ казнью.

Казнь (20 мая 1820 г.).

Процессъ Занда.

(Рисунокъ 1835 г.; Пушкин. выставка Акад. Наукъ.)

Собранія франкъ-масоновъ.

(Гравюра XVIII в.)

Александръ I при Монтмартрѣ.

(Ивановъ.)

Гусаръ Александровскаго времени.

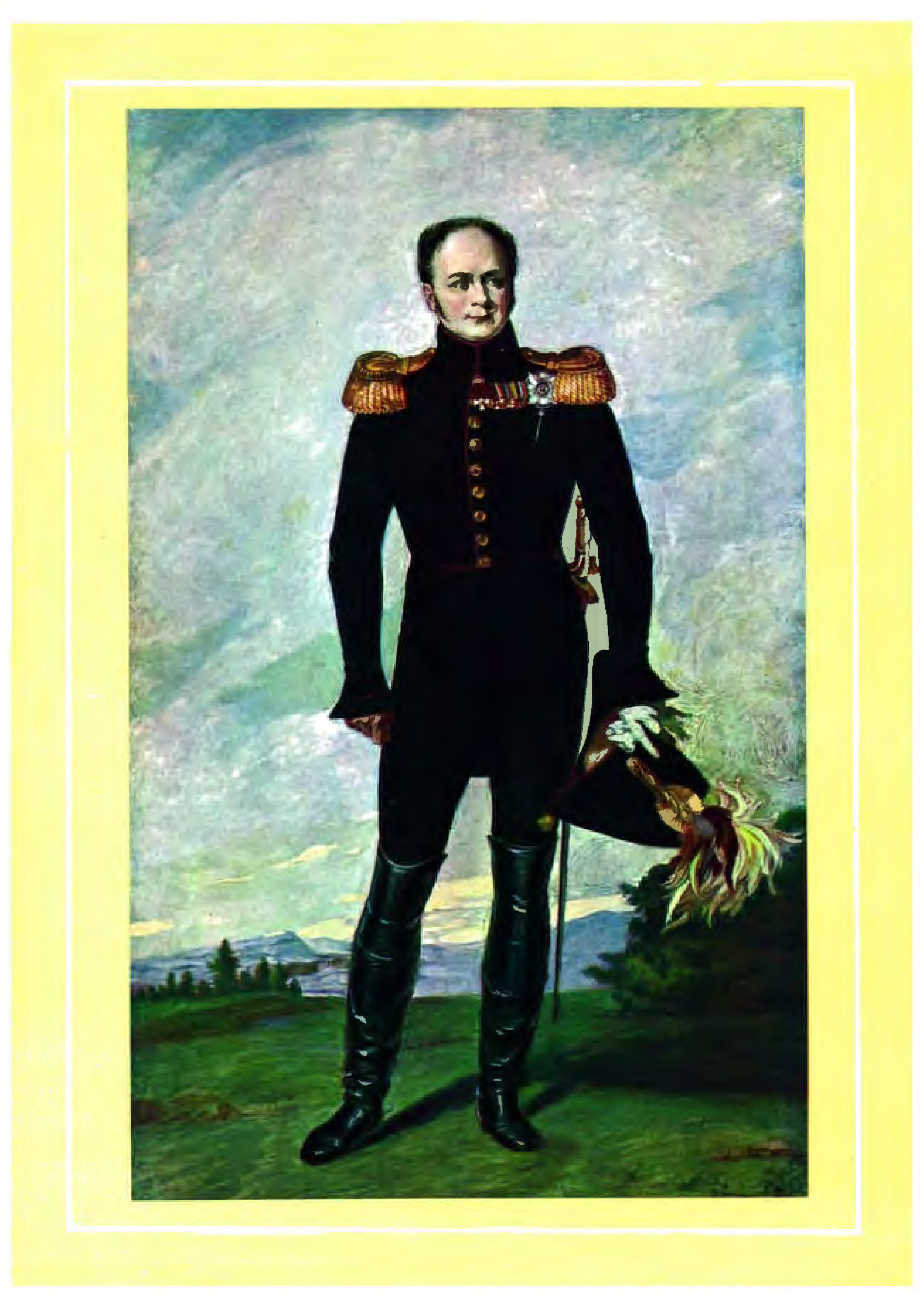
(Музей 1812 г.)

Типы военныхъ начала XIX в.

(Музей 1812 г.)

Кн. Адамъ Чарторыйскій.

(*Изъ коллекціи В. М. Соболевскаго.*)



Александръ I.

(Доу.)

Спасскія ворота.

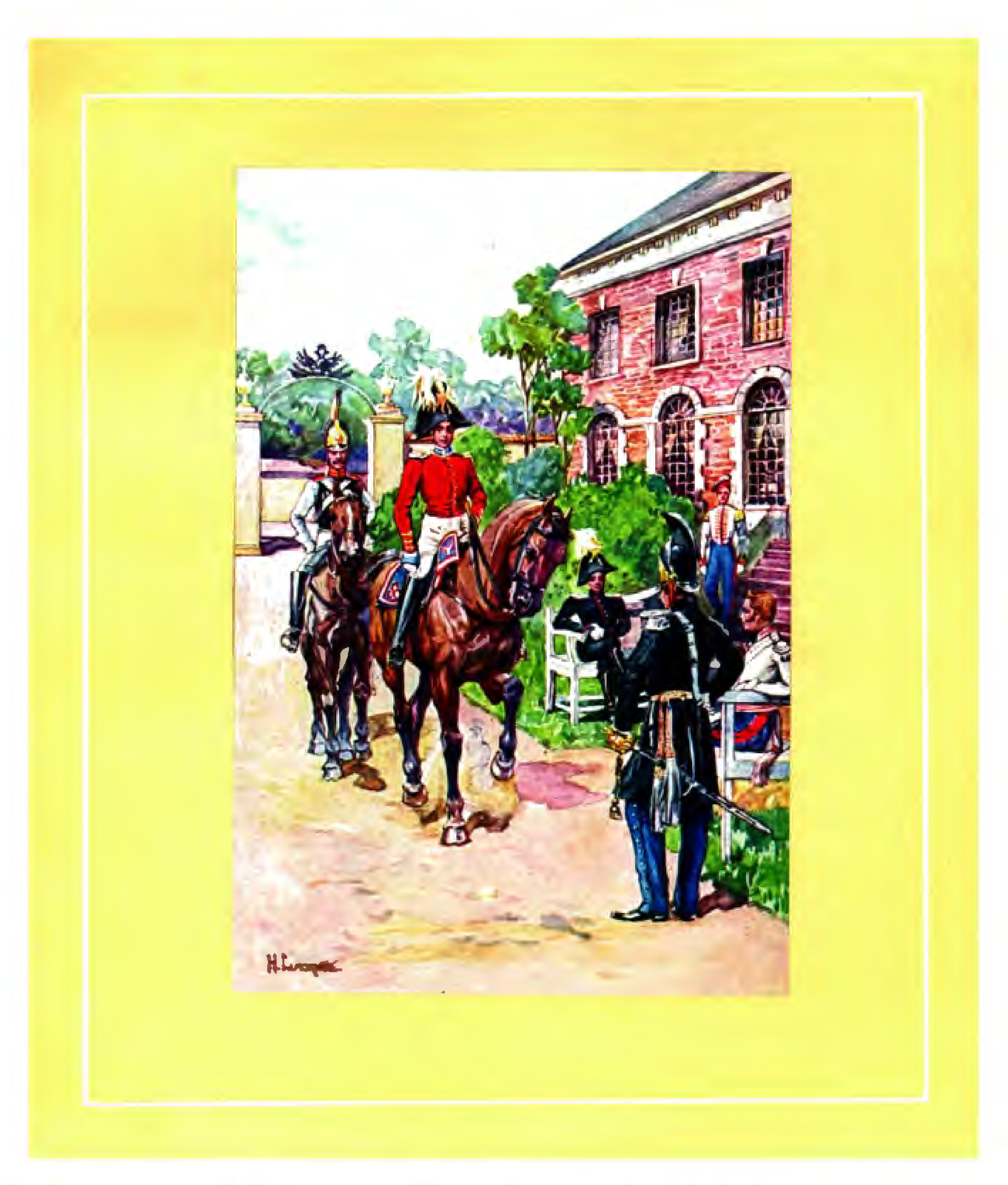
(Альбомъ 1821 г.)

Возстановленная Москва.

(Рис. съ натуры Ch. Zetter'а въ 1821 г.)

На бивакѣ.

(Типы военныхъ начала XIX в., изъ Музея 1812 г.)



Кавалергардъ Александровскаго времени.

(Рис. *Самокиша.*)

Дамскія моды.

(Изъ журнала „Дамскій Меркурій“ 1822 г.)

Императоръ Александръ возстановляетъ Францію въ 1814 г.

(Современная гравюра.)

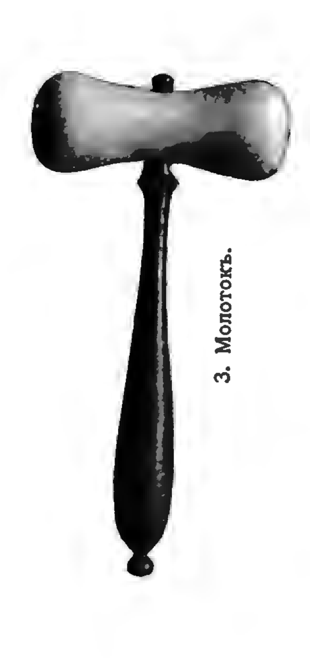
Засѣданіе масонской ложи Александровскаго времени. Посвященіе въ званіе ученика.

(Картина *А. В. Моравова*, написанная спеціально для изданія.)

МАССОНСКІЕ ЗНАКИ.

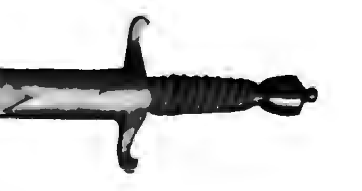
1. Знаки мастера стула: лопаточка, ключъ, символъ ложи.

2. Фартукъ.



3. Молотокъ.

4. Повязка для глазъ новопосвящаемаго.



5. Мечъ мастера стула.

1. Коверъ.

2. Пламенѣющая звѣзда.

3. Разные символы.

4. Молотокъ.

5. Кубокъ.

ПОРТРЕТЫ ДЕКАБРИСТОВЪ.

М. С. Лунинъ.

Ю. К. Люблинскій.

А. И. Мазалевскій.

П. Д. Мозганъ.

М. И. Муравьевъ-Апостолъ.

А. З. Муравьевъ.

А. М. Муравьевъ.

А. Н. Муравьевъ.

П. А. Мухановъ.

М. А. Назимовъ.

М. М. Нарышкинъ.

Кн. Е. П. Оболенскій.

Кн. А. И. Одоевскій.

Н. А. Пановъ.

И. С. Повало-Швейковскій.

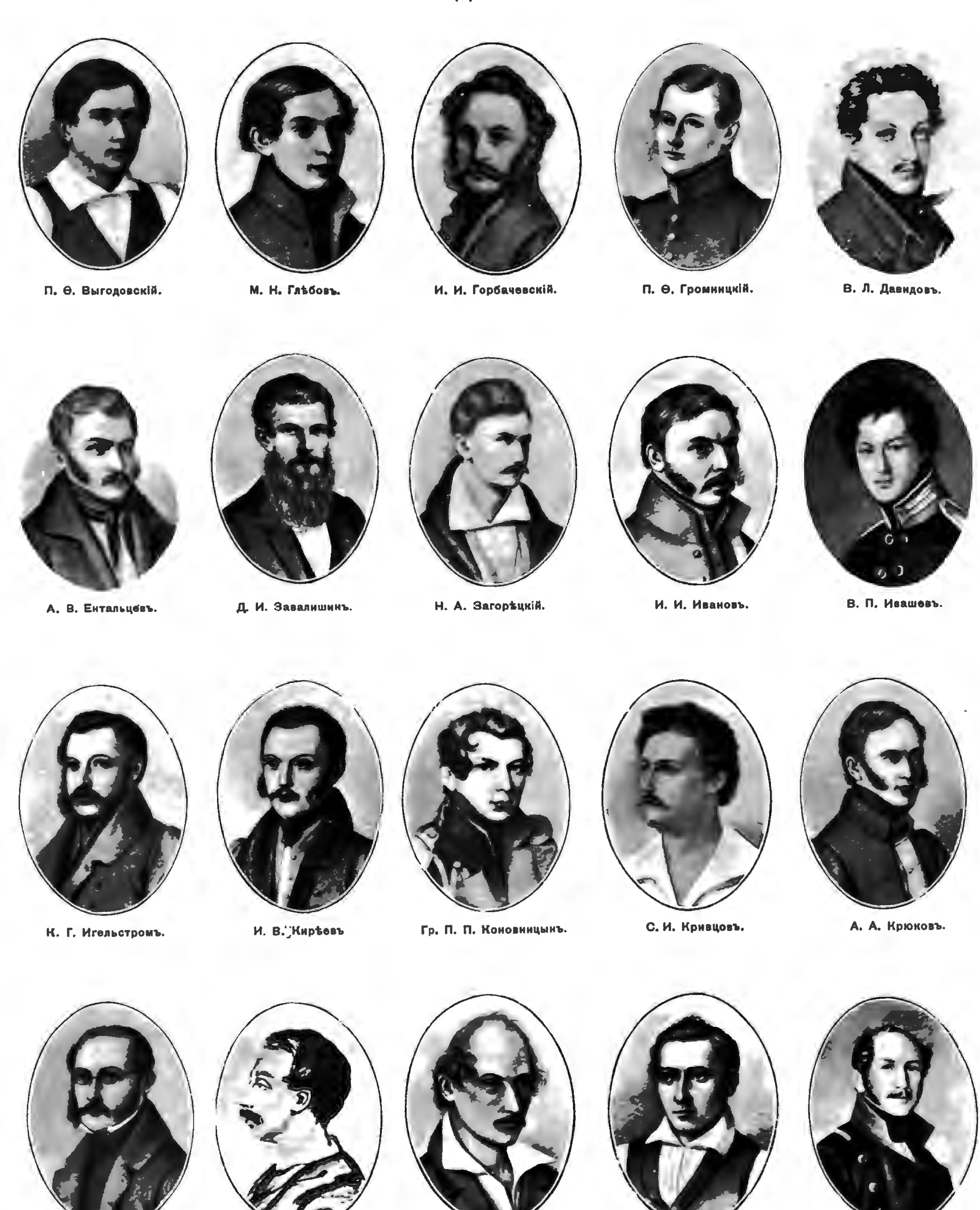
А. В. Поджіо.

И. И. Пущинъ.

Баронъ А. Е. Розенъ.

Н. П. Рѣпинъ.

ПОРТРЕТЫ ДЕКАБРИСТОВЪ.



П. Ѳ. Выгодовскій. М. Н. Глѣбовъ. И. И. Горбачевскій. П. Ѳ. Громницкій. В. Л. Давидовъ.

А. В. Ентальцевъ. Д. И. Завалишинъ. Н. А. Загорѣцкій. И. И. Ивановъ. В. П. Ивашевъ.

К. Г. Игельстромъ. И. В. Кирѣевъ. Гр. П. П. Коновницынъ. С. И. Кривцовъ. А. А. Крюковъ.

Н. А. Крюковъ. В. К. Кюхельбекеръ. М. К. Кюхельбекеръ. В. Н. Лихаревъ. Н. И. Лореръ.

ПОРТРЕТЫ ДЕКАБРИСТОВЪ.

И. Б. Аврамовъ.

П. В. Аврамовъ.

И. А. Анненковъ.

Кн. А. И. Барятинскій.

Н. В. Басаргинъ.

Г. С Батеньковъ

М. А. Бестужевъ.

В. А. Бечасновъ.

П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ.

А. И. Борисовъ.

П. И. Борисовъ.

А. Ѳ. Фонъ-деръ-Бричченъ.

А. М. Булатовъ.

А. А. Быстрицкій.

А. П. Бѣляевъ.

П. П. Бѣляевъ.

Ф. Ф. Вадковскій.

А. И. Вегелинъ.

М А. Фонъ-Визинъ.

Кн С. Г. Волконскій.

ПОРТРЕТЫ ДЕКАБРИСТОВЪ.

П. Н. Свистуновъ. С. М. Семеновъ. Баронъ В. Н. Соловьевъ. А. Н. Сутгофъ. В. К. Тизенгаузенъ.

Кн. С. Н Трубецкой. А. И. Тютчевъ. П. И. Фаленбергъ. А. Ф. Фроловъ. Н. Р. Цебриковъ.

Баронъ А. И. Черкасовъ. Гр. З. Г. Чернышевъ. Кн. Ѳ. П. Шаховскій. И. Ѳ. Шимковъ. В. И. Штейнгель.

Кн. Д. А. Щепинъ-Ростовскій.

А. П. Юшневскій.

А. И. Якубовичъ.

И. Д. Якушкинъ.

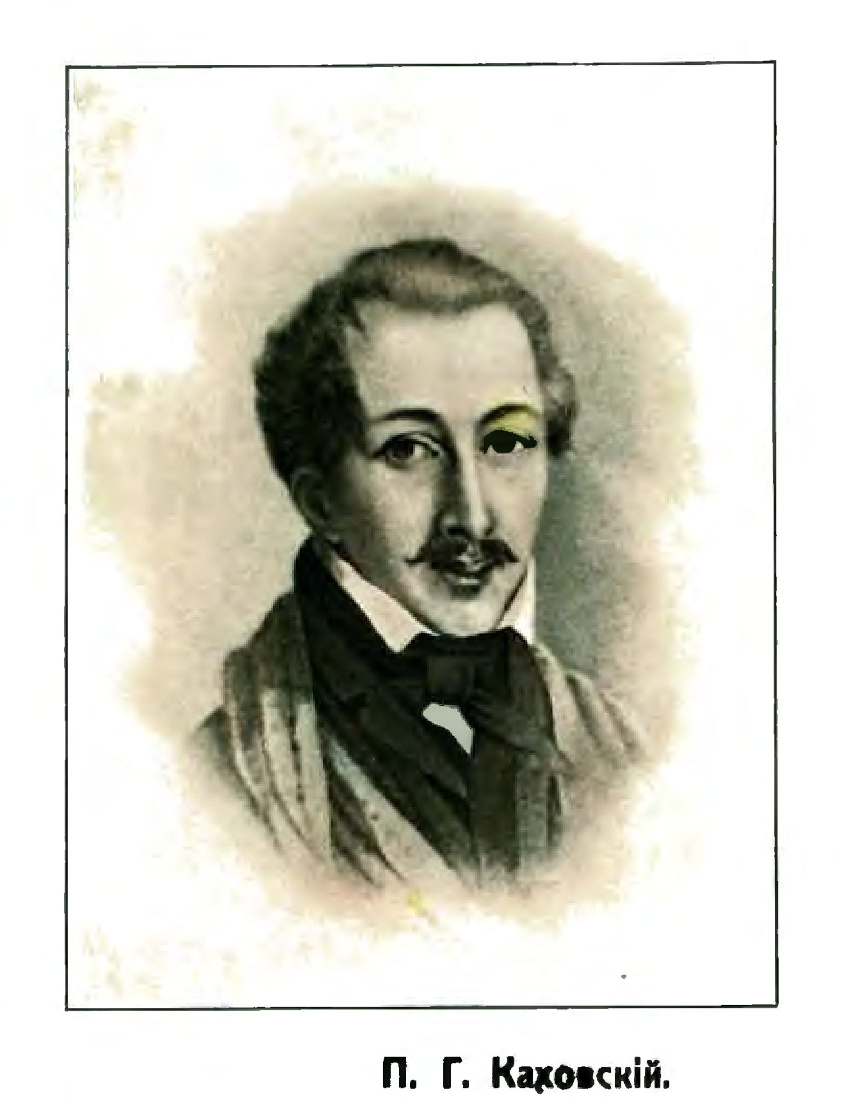
Гр. Аракчеевъ.

(Дау.)

Военныя поселенія.

(Картина *А. В. Моравова*, написанная спеціально для изданія.)

К. Ѳ. Рылѣевъ.



П. Г. Каховскій.

(Изъ коллекціи *Зензинова.*)

П. И. Пестель.

С. И. Муравьевъ-Апостолъ.

(*Изъ коллекціи Зензинова*).

Никита Михайловичъ Муравьевъ.

Н. И. Тургеневъ.

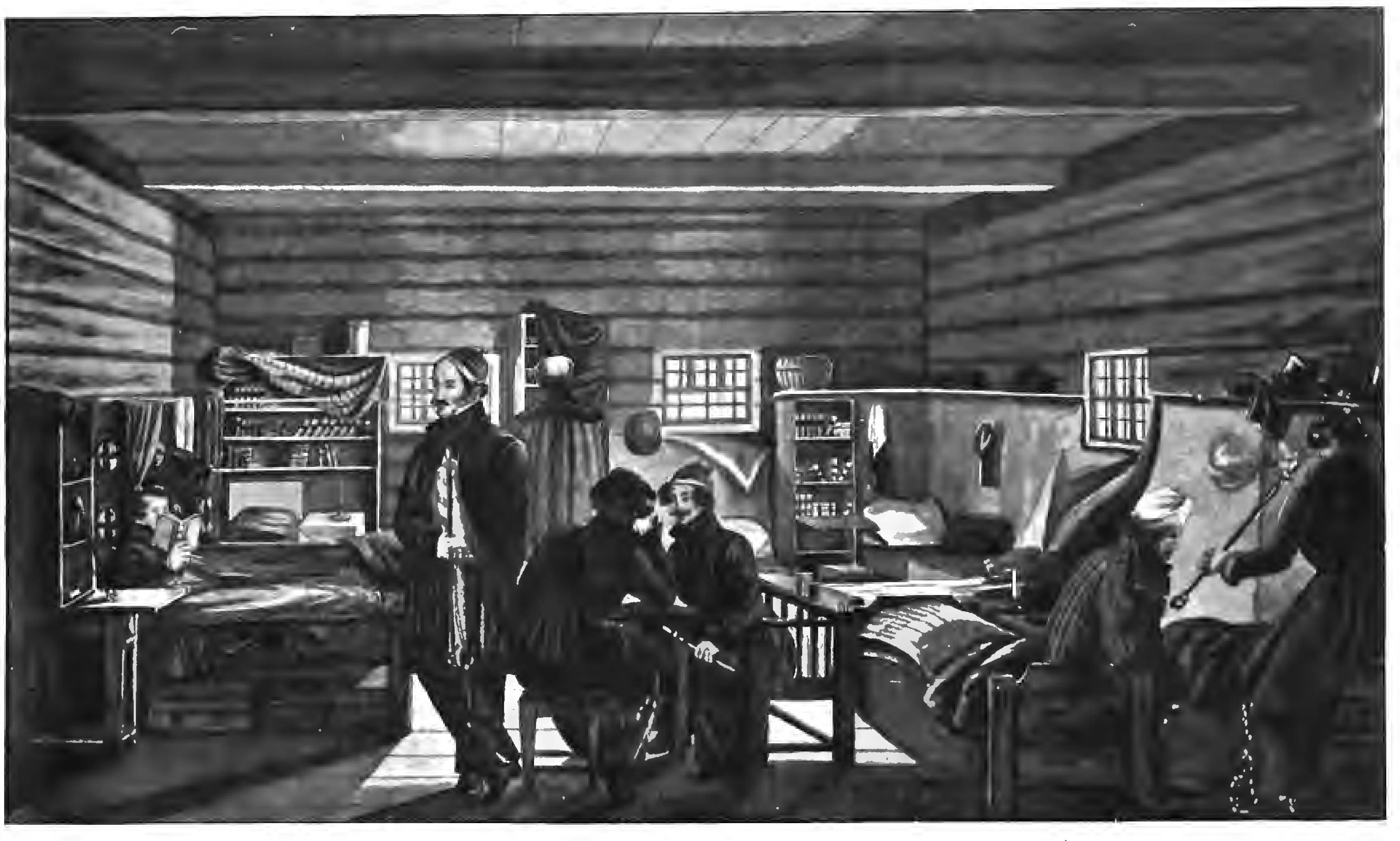
На Сенатской площади 14 декабря 1825 г.

(Имп. Публич. Библ.)

Декабристы на работѣ въ Читѣ: впереди стоитъ Трубецкой, роетъ Кюхельбекеръ, читаетъ Розенъ.

(Картина *А. В. Моравова*, написанная спеціально для изданія.)

Петровскій заводъ.



И. А. Анненковъ. А. А. Крюковъ Кн. А. И. Барятинскій Бар. А. Е. Розенъ.

Декабристы въ Читинскомъ острогѣ.

(Рис. декабр. *Рѣпина*)

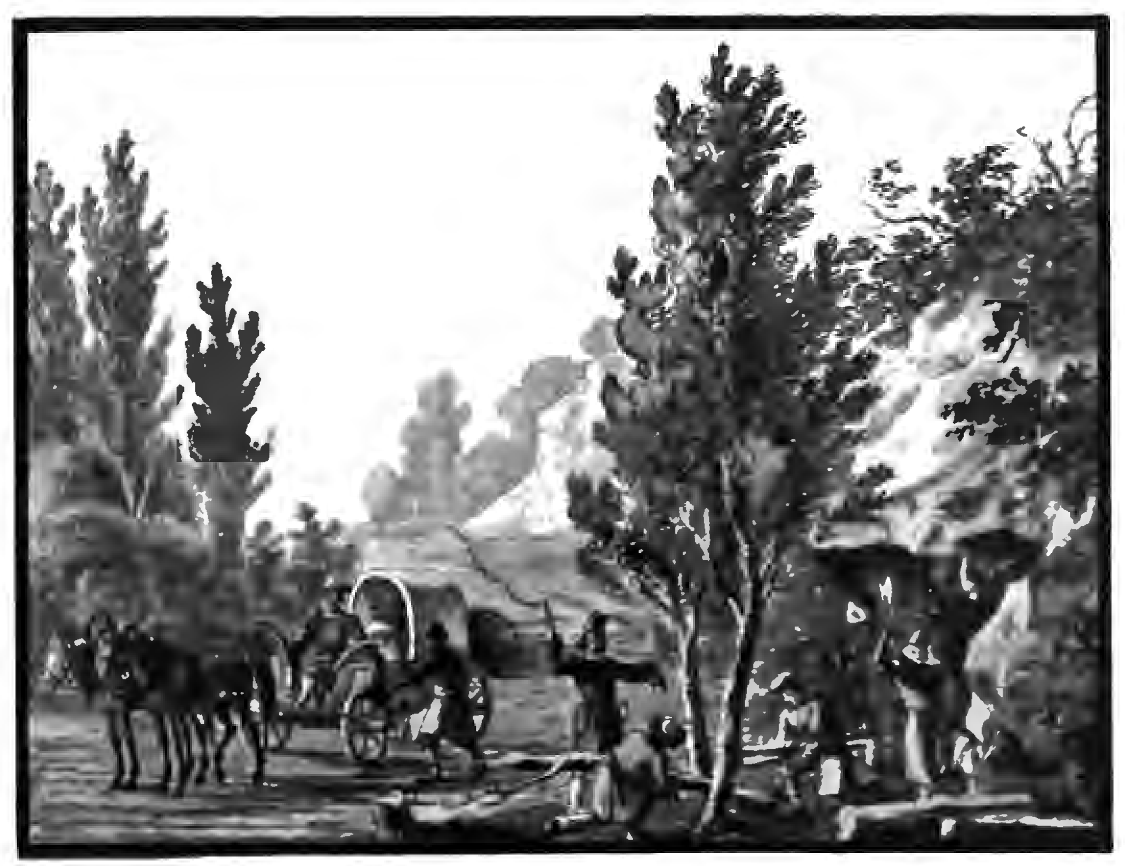
Домъ кн. Сергѣя Волконскаго въ г. Читѣ.

Нижній Ушинскъ.

(Съ современной акварели изъ собр. *В. Е. Якушкина.*)

Конвоированіе „несчастныхъ преступниковъ“, осужденныхъ въ ссылку.

(Съ акварели изъ собранія *В. Е. Якушкина.*)



„Несчастные преступники“, работающіе надъ дорогами въ Сибири на разстояніи 5430 верстъ отъ Петербурга.

Сонъ кн. С. Г. Волконскаго на каторгѣ.
(Акварель К. П. Брюллова)

Статуя Наполеона I.

Знаменосецъ.

(Шартье.)

„О т е ч е с т в о“.

(Г. Бертранъ)